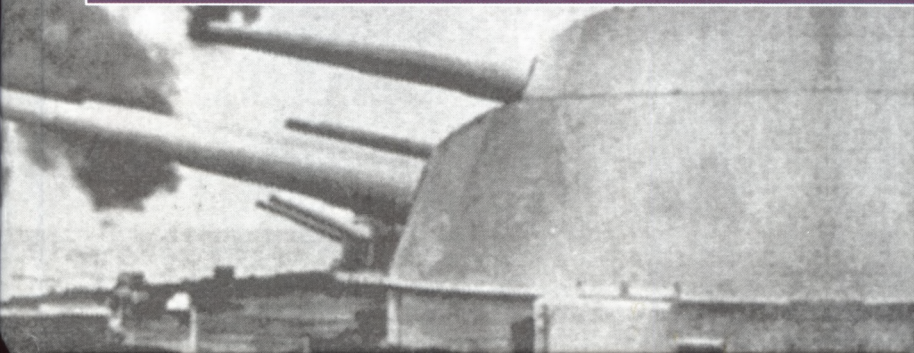

Том 1

Архив полковника Хауза

«Полковник Хауз, может быть, и не представляет собой силу, стоящую за президентским креслом, но он сила рядом с ним. Это фигура, какой не знала американская политическая история».

Историческая библиотека

Историческая библиотека

Архив полковника Хауза

Избранное в двух томах

Том 1

Астрель
Москва
2004

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Сое)
А83

Серия основана в 2001 году
Текст подготовлен по изданию: Архив полковника Хауза. Том I. — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937; Архив полковника Хауза. Том II. — Государственное социально-экономическое издательство, 1937;

Перевод с английского
Н. К. Котова

Комментарии профессора истории
Йельского университета Чарлза Сеймура.

Оформление обложки — дизайн-студия «Дикобраз»

Архив полковника Хауза. Избранное. В 2 т. Т. 1 / Коммент.
А83 Ч. Сеймура; Пер. с англ. Н. К. Котова; Предисловие А. И. Уткина. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2004. — 602 [6] с.: ил. — (Историческая библиотека).

ISBN 5-17-025224-2 (кн. 1)

ISBN 5-17-013524-6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-09062-0 (кн. 1)

ISBN 5-271-09592-4 (ООО «Издательство Астрель»)

В первом томе архива бывшего советника президента США Вильсона — полковника Хауза — собраны дневники и переписка последнего с президентом Вильсоном и другими политическими деятелями за период с 1914 по 1917 год.

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Сое)

Общероссийский классификатор продукции
ОК - 005 -93, том 2;

953004 — литература научная и производственная
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004

Подписано в печать 15.07.2004.
Формат 84x108 1/32. Усл. печ. л. 31,92.
Тираж 5000 экз. Заказ № 2073.

ISBN 5-17-025224-2 (кн. 1)

ISBN 5-17-013524-6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-09062-0 (кн. 1)

ISBN 5-271-09592-4 (ООО «Издательство Астрель»)

© ООО «Издательство Астрель», 2004

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

Читатель, тебе предстоит интеллектуальное пиршество. Интересное и полезное. Несомненно полезное — иначе наша страна, истекающая кровью, не стала бы печатать этот четырехтомник в годы полного военного обнищания, в 1940-е годы. И тогда весьма отчетливо понимали, что заставшей на грани гибели стране нужен не только щит и меч, но и такая группа людей, которая сможет бросить вызов заморским интеллектуальным гигантам. Прояви вкус, внемли огромному опыту тех, кто верой и правдой служил своей стране, кто сумел превозмочь противника не только на поле брани, но и за столом переговоров. Кто широко видел свои интересы, кто не был зашорен, кто видел сквозь хаос. Не скроем, Россия нуждается в людях мирового калибра, способных прельститься не дележом достояния, накопленного прежними поколениями, но увидеть в короткий человеческий век более высокое призвание. Какая низость — видеть и относительное и абсолютное падение веса своего государства и находить утешение в жалком обогащении, в дешевом релятивизме, в ничтожном эгоизме. Обратимся к бурному второму десятилетию XX века, познакомимся с более возвышенными чувствами, посмотрим, как бьются за интересы своих стран Ллойд Джордж, Вудро Вильсон, Жорж Клемансо. Да и Россия знала Витте, Столыпина, Сазонова, Дурново, Милюкова, Алексеева, Брусилова. Не чета тем, кто наследовал их посты столетием позже.

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

Есть два типа политиков. Одних прельщает свет государственной рампы, других манит скрытое гравитационное воздействие на людей, которое никто еще не сумел идентифицировать приемлемо и убедительно для всех, - власть. Первые расцвели под лучами софитов и телевизионных камер, вторые тешат себя тем, что их имя ничего не говорит малосведущему большинству. Нельзя представить себе президента Кеннеди или Клинтона без легкого грима, они начинали подлинно жить, лишь увидев направленный на себя объектив. Совсем другого типа был человек, чьи увлекательные записки ты взял в руки, читатель. Французы таких называют *эминанс гри* — прячущаяся от глаз сила. Но там, вдали от публики, они зачастую в самых демократических обществах вершат судьбы миллионов.

Именно таким был полковник Хауз. Все призрачно в этом человеке. Начнем с того, что он *не полковник*, он никогда не служил в вооруженных силах. Так его привычно для Техаса называли четыре губернатора «штата одинокой звезды» (таково национальное прозвище Техаса в США). Заметим, что Хауз чурался этого столь американского *публицити*. Небольшого роста, седой уже в пятьдесят лет, болезненный, никудышный оратор, органически не переносивший шествий, митингов, словесного громовержья, беснования толпы, ложной патетики, он владел только одним свойством, которое сделало его столь необходимым для великих мира сего, — он был поразительно умен.

И еще. Он имел идею. Он руководствовался этой идеей, видя возможности ее реализации там, где другие слышали лишь какофонию и видели лишь хаос. Полковник Хауз жил среди плеяды национальных политиков и стратегов США, которые увидели возможность для своей страны подняться на высшую ступень мирового могущества, возможность изменить мир «европейского концерта», мир, в котором на межконтинентальных просторах правила Британия, и в ко-

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

нечном счете добиться гегемонии звездно-полосатой республики в мире, только начавшем освобождаться от феодальных монархий.

В этом была его страсть. Им не владела алчность, его не влекло всеобщее признание, славу и деньги он считал инструментами для достижения реальной власти в стране, в непосредственном окружении, в мире в целом. Его интересовало ни много ни мало делание истории. Такие люди не добиваются своего в стране публичной политики, которой являются Соединенные Штаты. Для них есть единственный способ - стать рыбой-пилотом для политической акулы национальных масштабов. Такой акулой для Хауза стал художавый герой академического мира, ректор Принстонского университета, стремительно переместившийся в 1910 году в кресло губернатора штата Нью-Джерси, а в 1912-м воспользовавшийся грандиозным расколом республиканцев и на их костях переместившийся в Белый дом — Вудро Вильсон, один из великих американских президентов.

И еще одно понял полковник Хауз: можно быть провинциалом, живя в мегаполисе, и можно быть гражданином мира, придя из пыльной провинции. Жорж Клемансо постоянно удивлялся «наиболее цивилизованному политику, вышедшему из самой нецивилизованной окраины мира». Парижанин в 1918 году мог такое сказать о выходе из Техаса. Но полковник Хауз в отличие от многих, в частности, российских политиков, не потратил свой талант на бездарное доказательство того, что тоже «с усами», а сумел нащупать нервный узел национальной умственной жизни. Не тешась самонадеянностью, он создал так называемую «Исследовательскую группу» из примерно ста пятидесяти человек, подлинную элиту американского общества, которая работала на обеспечение идейным багажом связки Хауз — Вильсон, бросившейся на овладение мировыми очагами. Такие интеллектуалы, как люди из этой группы, станут подлинными идейными лидерами страны на многие десятилетия вперед. Без них не было бы Франклина Рузвельта, несостоятельным был бы

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

Гарри Трумэн, просто вежливым военачальником остался бы Дуайт Эйзенхауэр. (Только Кеннеди создаст новый Камелот.)

Разумеется, шанс для резкого возвышения Америки был бы отдален, не впади Европа в страшный грех и безумие гордыни, заставившие могучие и цивилизованные державы обратиться к самой грубой и жестокой силе, попирая все основы цивилизованного бытия, ослаблять друг друга и содействовать колоссальному усилению нового Вавилона, великих североамериканских штатов.

В Берлине с надеждой и страхом ждали 1 февраля - дату перехода к тотальной войне под водой, таившего неведомое. Недавно назначенный министр иностранных дел доктор Альфред фон Циммерман частично разделял многолетние опасения канцлера Бетман-Гольвега о возможной реакции Америки. На худой конец следовало обезопасить себя обострением мексиканского фактора в американской политике. 19 января 1917 года он подготовил строго секретную телеграмму германскому послу в Мексике, где говорилось, что «с щедрой германской финансовой помощью» Мексика сможет возратить себе территории, потерянные ею 70 лет назад - Техас, Аризону, Нью-Мексико. Германия и Мексика «будут вести войну вместе и вместе заключат мир». Через несколько дней посол Германии в Вашингтоне граф Бернсторф запросил 50 тысяч долларов для подкупа отдельных членов конгресса.

* * *

В 1916 году на мировую арену благодаря энергичной политике президента Вильсона, опиравшегося на мировидение полковника Хауза, выходит Америка. В немалой степени этому способствовала сама Германия. В январе начальник военно-морского штаба Германии адмирал Хольцендорф выразил уверенность в том, что его субмарины могут вывести из войны Британию еще до окончания текущего года. Германские адмиралы утверждали, что препят-

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

ствием краха Британии является неофициальная поддержка Америки. В день рождения кайзера, 27 января 1916 года, на статую Фридриха Второго водрузили американский флаг с черным крепом.

Отныне Запад, как противостоящие Германии страны Европы и Америки, органически включает в себя Соединенные Штаты, которые не только постепенно входят в коалицию Россия — Запад, но и начинают прилагать усилия, чтобы возглавить эту коалицию. После полуторавекового изоляционизма Америка при президенте Вильсоне устремилась в мировую политику. Война приближалась к своему апогею, усталость и ослабление обеих коалиций стали ощутимыми. На этом фоне новая мощь и энергия Америки выглядели более чем эффектно. Вильсон в беседах с Хаузом ставил задачу не упустить исторического шанса для создания нового мирового порядка.

Отвечая на вопросы американского посла в Берлине относительно возросших масштабов неконтролируемых атак германских подводных лодок, Циммерман благодушно изрек: «Все будет в порядке. Америка ничего не собирается предпринимать, ибо президент Вильсон стоит за мир и ни за что более. Все будет продолжаться как прежде». Более сотни германских субмарин вышли на битву в океан, и еще сорок ждали своего часа в доках (51 германская подводная лодка была потоплена за два с половиной года войны). Полученная командирами немецких лодок свобода топить все корабли без разбора сказалась довольно быстро. Но так же быстро росла решимость американцев противостоять морскому разбою. 5 марта президент Вильсон объявил о вооруженном нейтралитете своей страны.

Немцы не смогли предусмотреть искусства британских дешифровальщиков. Те сумели прочесть вольные суждения Циммермана о судьбе американских Южных штатов, о фактическом предложении Мексике военного союза и передали текст в Вашингтон, и Вильсон воспользовался шансом. 13 февраля он объявил конгрессу, что прерывает диплома-

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

тические отношения с Германией. Пока он не просил об объявлении войны, но он подошел к последней черте. 1 марта телеграмма Циммермана была опубликована в американской прессе, и немедленно возникло подозрение в грубой подделке. Но через два дня Циммерман признал свое авторство, и шок американцев подорвал основы их нейтралитета.

Для немцев начало февраля было роковым не только ввиду подводного наступления. 3 февраля германская армия на Западном фронте отступила на искусно подготовленную новую оборонительную позицию — так называемую «линию Гинденбурга», экономя (за счет выпрямления линии фронта) тринадцать дивизий. И немцев радовали сообщения о значительном военном ослаблении России, о настоящей антивоенной кампании, развернутой в тылу у русской армии. Генерал Гофман записал в дневнике 16 февраля: «Из глубины России приходят очень ободряющие новости. Кажется, она не сможет продержаться дольше, чем до осени».

4 апреля 1917 года сенат Соединенных Штатов проголосовал за вступление в войну, а двумя днями позже его примеру последовала палата представителей. Америка вступила в войну. Уже тогда речь шла о миллионной армии в Европе, а оптимисты называли цифру три миллиона — именно столько призывников готовились на американских плацах.

* * *

Одним из элементов этой грандиозной стратегии было формирование новых, гораздо более тесных отношений с Россией. Следовало укрепить потрясенную годами войны Россию, удержать ее, подвергающуюся давлению извне и изнутри, от коллапса. Следовало на внутренней российской арене потеснить лидеров Антанты, уже не способных (с американской точки зрения) вследствие опустошений войны к овладению контрольными экономическими позициями.

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

ми в России. Новый американский посол Френсис своему политическому наставнику, ближайшему советнику президента полковнику Хаузу, пишет, что ко времени его прибытия Россия жила только войной. Население огромной империи от министра двора до последнего чиновника находилось под страшным прессом сложившихся обстоятельств — комбинации изоляции и мобилизации.

Трудно избавиться от впечатления, что Френсиса не столько волновала судьба России, сколько искренне беспокоило будущее многомиллиардного рынка, уплывающего из американских рук. Говоря об исключительной важности текущего периода, Френсис предлагает президенту Вильсону мобилизовать все доступные американцам рычаги. Безудержный оптимизм первых посланий Френсиса продиктован непоколебимой верой в то, что логика конфликта ведет Америку к главенствующим позициям и на Западе, и на Востоке России. Д. Френсис был исключительно высокого мнения о потенциале России. «Ресурсы страны, владеющей одной шестой поверхности земной суши и населенной почти двумястами миллионами людей, имеющими здравый смысл и добрые инстинкты, фактически неиссякаемы».

Посол США Френсис был, пожалуй, самым безоговорочным сторонником февральской революции. Френсис спешно телеграфировал в Вашингтон президенту Вильсону ровно через неделю после начала февральской революции — 18 марта 1917 года: «Я прошу, чтобы вы, не теряя времени, поручили мне признать Временное правительство. Признание первыми представляется целесообразным с нескольких точек зрения. Эта революция является практической реализацией выдвинутого нами принципа правления — посредством согласия управляемых. Наше признание, если оно окажется первым, возымеет огромное моральное воздействие».

Патрон Френсиса полковник Хауз был согласен с полезностью перехвата американцами инициативы. Он убеждал президента: «Вы выйдете из этой войны центральной фигурой в качестве величайшего либерала современности... У

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

меня мало сомнений в том, что нынешние события в России произошли во многом благодаря Вашему влиянию». США стали первой страной, признавшей Временное правительство.

Полковник Хауз, указывая на популярные призывы и разоблачения большевиков, настаивал, что молчать далее нельзя, настаивал на выдвижении американским «апостолом свободы» привлекательной идейной доктрины, которая консолидировала бы расшатанные элементы в России, укрепила бы престиж Америки, а, главное, отвела бы мину, заложенную под восточный фронт. Нужно было показать, что цели кайзеровской Германии угрожают России. Полковник Хауз подсказывал президенту Вильсону: «Следует сделать заявление, которое не только обличало бы автократическую Германию, но укрепило бы позиции русских либералов в их стремлении превратить свою страну в могучую республику». Идеологический вызов всегда был по сердцу президенту Вильсону, искусному в мире слов и идей. 14 июня 1917 года он произнес речь, важную в плане оценки борьбы, разворачивающейся в континентальной Европе. Вильсон прямо и без экивоков обвинил Германию в развязывании мировой бойни. «Война началась военными властями Германии, которые доминировали и над Австро-Венгрией». Он обвинил военную клику Германии в продолжении войны, когда стало ясно, что относительно быстрое военное решение невозможно. Стабильный мир с германской автократией невозможен. Германский империализм нацелен на Америку, на Россию, на весь мир.

Полковник Хауз подчеркивал: «Более важно в настоящее время превратить Россию в жизнеспособную республику, чем поставить Германию на колени. Если внутренний раздор достигнет в России точки, когда Германия сможет вмешаться, тогда Германия окажется в состоянии доминировать в России и политически, и экономически». Это привело бы к положению, когда монолитный блок Евразии,

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

возглавляемый Германией, оказался бы не только вне пределов влияния Соединенных Штатов, но и превратился бы в непобедимую мировую силу. Если же Россия выйдет из своего кризиса окрепшей республикой, Германии не миновать своей скорбной участи, сколько бы ни длилась война.

Президент и Хауз твердо решили «не играть» с идеями расчленения Германии, не грозить Германии тяжелыми экономическими репрессиями. Американской дипломатии следует двигаться к достижению собственных целей в Европе, а не в русле антантовской ненависти к Германии, она должна была думать о своем месте в послевоенной Европе, а не увлекаться изобличением врага. Исходя именно из этих предпосылок, была написана дипломатическая нота Вильсона от 27 августа 1917 года, в которой он более отчетливо чем прежде применил прием «отделения» правящих классов Германии, виновных в войне, от населения страны, ставшего их жертвой. Это был еще один шаг в ключе создания у многих немцев представления, что Вашингтон относится к ним более благожелательно, чем столицы Антанты.

Президент Вильсон решил послать в Европу своего ближайшего внешнеполитического советника Хауза и дал ясно понять, что следует думать не о попытках нахождения мира, а об интенсификации союзнических военных усилий. Они вдвоем вычисляли сроки готовности американских войск к боевым действиям. Наиболее оптимистический подход давал 525 тысяч человек к маю 1918 года. Британский премьер Ллойд Джордж пишет Хаузу: «Существует опасность того, что начнете подготовку своей армии не спеша и вам будет все равно, подготовите вы свои войска к 1918 или 1919 году. Я хочу чтобы вы ощутили жизненно важную разницу между этими датами».

В Вашингтоне Хауз предложил попытаться возвратить Советскую республику в лагерь антигерманской коалиции. Следует изменить, «либерализовать» свои военные цели, сделать их более приемлемыми для новой России. Хауз вообще считал, что одной из главных задач американской по-

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

литики (да и идеологии) является привлечение на свою сторону укрепляющих свое влияние европейских левых. Такое виделось возможным лишь на основе даваемого Вашингтоном твердого обещания, что после поражения Германии и либерализации германской политической системы будут созданы необходимые предпосылки для общемировой демократизации международных отношений. Вильсон и Хауз на этом этапе верили, что таким образом можно будет идейно подорвать Германию изнутри и одновременно консолидировать союзников. На данном этапе Вильсон выступил за подход Хауза, тем самым превращая свою дипломатическую службу в своего рода оппозицию. Вильсон дал Хаузу четкую задачу не затеряться в западноевропейском строю. Америка призвана модернизировать политику Запада, и ее представители должны отстоять от дрызг старой дипломатии, должны подняться выше узкого кругозора Лондона, Парижа и Рима.

Документы, довольно быстро опубликованные большевиками (в течение шести недель были обнародованы семь подборок документов), вызвали на Западе шок. Наиболее сенсационным был проект русско-германского договора в Бьорке (1905), англо-русское соглашение 1907 года о Персии, соглашение Сайкс-Пико о разделе Турции (1915). Полковник Хауз первым среди ближайшего окружения Вильсона осознал степень воздействия на общественное мнение петроградских публикаций. Хауз указал президенту, что публикация подчеркнула неспособность старой империалистической Европы выдвинуть привлекательные цели войны, которые необходимы для мобилизации сил в момент решающей схватки. Эту задачу должна взять на себя Америка — лишь она способна очертить привлекательные горизонты, обозначить в качестве цели предотвращение войн в будущем. Хватит пустого бряцания оружием. Сверхусилия народов можно вызвать лишь победой в войне идей.

Все это произвело на Вильсона большое впечатление. Он принял решение дать новое направление психологической войне, закрепляя за США положение не только военного,

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

но идейного лидера, объясняющего миру высокие цели антитерманской коалиции. Президент постарался, во-первых, хотя бы частично нейтрализовать эффект советских публикаций. Во-вторых, показать Англии и Франции, что теперь именно США определяют характер войны. В-третьих, заручиться поддержкой малых стран. В-четвертых, создать новую идейную среду, способствующую интенсификации массовых военных усилий. В-пятых, осуществить создание предпосылок по стимулированию возврата России в ее прежнюю коалицию. Разумеется, сказались и личные амбиции Вильсона, ведь теперь перед ним стояла задача определить, *за что* идет громадная мировая схватка.

Этот вызов президент Вильсон принимал. Он отвечал его историческому видению да и эмоциональным потребностям. История, столкнув между собой две европейские группировки, давала ему положение арбитра и лидера, а он старался соответствовать исторической задаче. И если Ллойд Джордж и Клемансо замкнулись в глухих проклятиях советскому режиму (объявившему в свою очередь смертельную войну политико-экономической системе Запада), то Вудро Вильсон старался смотреть на происходящее в стане русского союзника с более широких позиций, оценивая русскую революцию с позиции философа и историка. Он демонстративно утверждал, что «ни в коей мере не потерял веры в результат происходящих в России процессов». Американский президент находился на пути создания полномасштабной идейной программы Америки в текущем мировом кризисе — знаменитых «Четырнадцать пунктов», которыми начнется следующий год войны.

Президент поручил Хаузу мобилизовать свой «мозговой центр» — следовало проанализировать проблемы, которые определенно выйдут на первый план будущей мирной конференции. Вильсон хотел, чтобы западные союзники ощутили особенность политики Америки. Не Соединенные Штаты присоединяются к прежним договорам Антанты, а союзники ищут общую с новым мощным членом коалиции платформу.

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

В возникающем идейном споре Вашингтон не последовал за планами участия в русском расколе. С другой стороны, американское правительство стало убеждать Петроград, что тот, отказываясь понять позицию Запада, действует во вред себе. В пику утверждениям советского правительства о том, что между двумя лагерями, ведущими мировую войну, нет особой разницы, Вильсон выдвинул тезис, что нет разницы между мирными предложениями правительства Ленина и предложениями кайзеровской Германии. Оба они примерно фиксируют статус-кво, а это, в условиях борьбы немцев на чужих территориях, объективно санкционирует аннексии.

На этом пути «двойного подхода» президент Вильсон отмежевывался от прежней антантовской дипломатии, он выразил несогласие с тайными договорами, опубликованными большевиками. Цели Америки в этой войне гораздо больше соответствуют стандартам справедливости. Главная ее цель — не территориальные изменения, не сокрушение соперника, не укрепление союзников, не обретение мировых контрольных позиций, а гарантирование условий для реализации в мире демократической формы правления. Именно это американское отличие от союзников, именно эту американскую приверженность идеалам демократии президент Вильсон хотел донести, в частности, до бушующего моря русской революции.

2 января 1918 года Хауз записал в дневнике, что Соединенным Штатам следует искать сближения с большевиками и постараться «распространять нашу финансовую, промышленную и моральную поддержку по всем мыслимым направлениям». Возглавляемый им мозговой центр «Инквэри» создает документ, который вошел в историю. Это один из двух пиков воздействия полковника Хауза на мировую историю (вторым будет отстаивание Хаузом своих позиций на Версальской мирной конференции).

В «Четырнадцати пунктах» — американской «хартии мира» — президент Вильсон с подачи Хауза выступил умелым идейным вождем своей страны. В *первом* из этих пунктов

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

содержалось осуждение тайной дипломатии. Это был удар как по коварным планам Центральных держав, так и по тайным договоренностям союзников. Вильсон не только не стал хулить петроградские публикации, но напротив, похвалил высокие стандарты в международных отношениях, методы открытой дипломатии, продемонстрированные Советской Россией. Желание России вести открытые переговоры отражает, мол, «подлинный дух современной демократии». Американская демократия постарается соответствовать моральным принципам, исповедуемым Россией. Вильсон осудил тайную дипломатию, скрытые от народов договоры, манипулирование судьбами народов.

При этом он назвал подлинными мастерами тайной дипломатии не смиренных овечек из лагеря Антанты, а злых волков в Берлине и Вене. «В среде противостоящих Центральным державам стран нет смятения, — утверждал президент. — Здесь нет неясности принципов, туманности деталей. Секретность обсуждений, отсутствие бесстрашной прямоты, неспособность определенно объявить о целях войны присуща Германии и ее союзникам... Но слышен голос, призывающий к определению принципов и целей, и этот голос, как мне кажется, является самым волнующим и убедительным среди голосов, которыми наполнен охваченный беспокойством мир. Это голос русского народа. Этот народ находится в страсти и почти беззащитен перед мрачной мощью Германии, от которой до сих пор никто не видел сочувствия или жалости. Мощь русского народа, по-видимому, сокрушена. Но дух его не покорен. Русские не подчиняются ни в принципах, ни в реальных действиях. Их понимание того, что справедливо, того, что гуманно, и того, что затрагивает их честь, выражено откровенно, с широким взглядом на мир, щедростью души и всемирной человеческой симпатией, которая вызывает восхищение всех друзей человечества».

Отныне при выработке новых соглашений и противникам, и союзникам Америки придется учитывать привнесенные ею в мировую политику новые моральные критерии, а

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

кому они покажутся малоубедительными, придется учесть то обстоятельство, что половина промышленного производства мира приходится на США.

Второй пункт был направлен против морской гегемонии Британии, он требовал свободы морей. Для США, строивших военный флот равный британскому, это (прежде немыслимое) требование равенства покоилось на уже реализованных предпосылках. В океанские просторы уже вышли сверхдредноуты под звездно-полосатым флагом - материальная опора этого пункта программы Вильсона. Предвоенный мир в этом отношении ушел в прошлое.

В *третьем* пункте Вильсон призывал к «снятию экономических барьеров и установлению свободы торговых отношений между всеми нациями». Монополия всегда очень нравилась тому, кто ею обладал. Для самой мощной экономики мира не страшно было открывать свой рынок более слабым конкурентам, в то же время открывая для себя рынки конкурентов. Полагаясь на свою развитую экономику, США могли рассчитывать на мировое экономическое лидерство.

Четвертый пункт провозглашал необходимость разоружения. Окруженным океанами Штатам нечего было бояться Канады и Мексики. Кроме того, привлекательно звучавший лозунг требовал разоружения прежде всего тех, кто мог соперничать, если не в экономике, то в военной силе с США — главных европейских государств, начиная с Германии, Франции и Англии. *Пятый* пункт призывал к «свободному, открытому и абсолютно беспристрастному урегулированию всех колониальных притязаний». Нужно помнить о мире 1917 года, которым владели европейские метрополии, а страны Антанты стремились к дележу германских и турецких владений. США не желали служить гарантом этого передела. Они желали получить доступ к ресурсам колоний, наводнить колониальные рынки своими конкурентоспособными товарами.

К *шестому* пункту у нас особое внимание. Речь шла о России. Американский президент должен был проявить особую

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

деликатность в этом вопросе. Ведь от состояния дел на Восточном фронте, от позиции России зависела судьба Запада. Президент так определил свою позицию: «Эвакуации иностранных войск со всей русской территории, такое решение всех вопросов, касающихся России, которое обеспечит получение ею возможности независимого определения своего собственного политического развития, проведения национальной политики; обеспечение приглашения ее в сообщество свободных наций на условиях гарантии независимого выбора своих политических институтов». Как видим, Вильсон обещал России освобождение всех ее земель и приглашение в будущую всемирную организацию. «Обращение, которому Россия подвергнется со стороны своих сестер-наций в грядущие месяцы, будет убедительным испытанием их доброй воли, их понимания ее нужд». Можно предположить, что у Вильсона, когда он писал свои «четырнадцать пунктов», было представление, что русские могут не возвратиться в Брест-Литовск, где их ожидают устрашающие условия мира. Весь язык шестого пункта говорит, собственно, об этой надежде. Президент призывал — сейчас речь не о том, реалистично это было или нет — к выводу германских войск из оккупационных территорий единой и неделимой России. Но тысячи копий документа, написанного президентом — профессиональным историком, — не произвели ни малейшего впечатления на германских солдат, оккупировавших западную часть России.

В остальных пунктах Вильсон пообещал народам Австро-Венгрии «самые свободные возможности автономного развития». Менее щедр был президент, рассматривая вопрос об Эльзасе и Лотарингии. Он выразился вовсе не так, как того хотели в Париже, где считали обе провинции частью французской родины: «Несправедливость, содеянная в отношении Франции Пруссией в 1871 году, должна быть исправлена». Такой лаконизм едва ли обрадовал французского премьер-министра Клемансо. А ведь главным образом именно французы сдерживали Западный фронт.

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

Вильсон, в отличие от большинства американцев, любил число тринадцать и именно тринадцатым пунктом хотел завершить свой проект фактического пересмотра системы международных отношений. Но ради этого пересмотра он добавил *четырнадцатый* пункт, который, в определенном смысле, стал самым главным — предложение о создании всемирной организации государств: «Должна быть создана ассоциация наций с целью обеспечения гарантий политической независимости и территориальной целостности как для великих, так и малых стран». Вильсон надеялся превратить такую организацию в механизм распространения американских идей, влияния (и даже американской конституции как прототипа) на огромные регионы мира.

Вильсон при помощи документа Хауза замахивался на мировое переустройство, но в мире существовали огромные самостоятельные державы, не нуждавшиеся в поучениях и отвергавшие их. Лондон и Париж полагали, что Вильсон выходит за пределы своих полномочий и берется за чужие проблемы.

«Четырнадцать пунктов» были важной вехой в отношениях Запада и России на этапе крутого русского поворота в сторону от буржуазной европейской цивилизации. На данном этапе американская сторона менее прочих западных государств приняла идею взаимного отчуждения, что в Петрограде оценили. В меняющемся европейском раскладе сил Соединенные Штаты сделали шаг навстречу Красной России, пообещав восстановление всех русских земель и доброжелательное принятие России в семью наций. Это было важное событие в системе отношений Россия — Запад. Полковник Хауз считал, что часть, посвященная России, — самая удачная. Америка, не отступая от своих принципов, дает России шанс избежать отчуждения.

Америка, осознавая уязвимость России, преградит путь любому вмешательству в русские дела, говорится в подготовленном Хаузом в марте 1918 года документе, обращенном к России. В нем подчеркивалось, что американский президент

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

заверил народ России в желании «используя любую возможность обеспечить России снова полный суверенитет и независимость в ее собственных делах, полное восстановление ее великой роли в жизни Европы и современного мира... Сердце народов Соединенных Штатов бьется вместе с сердцем народа России в его стремлении навечно освободиться от авторитарного правительства и стать хозяином своей собственной жизни». По мнению полковника Хауза, это был «один из наиболее тщательно и умно написанных» документов. Это Послание президента Вильсона было передано Съезду советов рабочих и солдатских депутатов.

Полковник Хауз отверг предлагаемые послом Френсисом схемы захвата Транссибирской магистрали. Их презумпцией был союз с Японией, а полковник вовсе не хотел такого союза. Продвижение японских контингентов в глубины Сибири сделает Америку младшим партнером в сомнительном предприятии. В то же время жажда контроля над необитаемыми просторами Сибири подвергнет риску дискредитации репутацию Вильсона, создаст серьезную угрозу положению президента Вильсона как лидера Запада. Разменять лидерскую позицию таким недостойным образом было бы просто глупостью. Хауз писал Вильсону по поводу схем мелких чиновников: «Вся структура, которую Вы так осмотнительно создавали, может быть разрушена в течение одной ночи. И наше положение будет не лучше, чем у немцев».

Вильсон старался использовать то обстоятельство, что экономическая машина европейского Запада была целиком ориентирована на войну. Совместить помощь, альтруизм и распространение влияния могла лишь экономика Америки. Вильсон призвал энергичного бизнесмена Г. Гувера и поручил ему оказать пострадавшим от экономической разрухи районам России американскую материальную помощь. Главная задача: способствовать возникновению «структурно оформленного правительства, не зависимо от Германии». Побочная задача — следить за нетерпеливыми союз-

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

никами, чтобы не позволить им воспользоваться возникшим в России политическим и экономическим вакуумом.

Полковник Хауз предлагал Америке вторгнуться в самый центр русских событий; желательно приглашение комиссии большевистским правительством, но если такового не последует, то миссия двинется вперед под охраной американских войск. А когда американцы внедрятся в Россию, президент вынужден будет предоставить запрашиваемую ею военную помощь. То был один из поворотных моментов во взаимоотношениях России и Запада. Теперь Россию «открывали» миру, даже если она того не желала. Если Россия не идет на Запад, то Запад приходит к России.

21 июня 1918 года полковнику Хаузу показали английский прогноз развития ситуации в Европе: «Будучи даже вытесненными из Франции, Бельгии и Италии, Центральные Державы не будут разбиты. Если Россия не восстановит свой потенциал как военная сила на Востоке, ничто не сможет предотвратить полное поглощение ее ресурсов Центральными Державами в качестве основания мирового доминирования Германии». Хауз назвал этот документ «паническим». Хауз сопроводил его важным умозаключением: «Я полагаю, что-то должно быть сделано с Россией, в противном случае она станет жертвой Германии. Сейчас это вопрос скорее дней, чем месяцев». Хауз еще верил, что успех экономической помощи США «поставит русскую ситуацию под их контроль».

24 июня 1918 года Буллит (через 16 лет он станет первым послом США в СССР) написал своему патрону Хаузу: «Я испытываю дурные предчувствия, потому что мы готовы совершить одну из самых трагических ошибок в истории человечества. В пользу интервенции выступают русские «идеалисты-либералы», лично заинтересованные инвесторы, которые желали выхода американской экономики из Западного полушария. Единственными, кто в России наживется на этой аванюре, будут земельные собственники, банкиры и торговцы». Эти люди «в Россию пойдут ради защиты сво-

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

их интересов. А при этом возникает вопрос, сколько понадобится лет и американских жизней, чтобы восстановить демократию в России?»

Вашингтон должен был маневрировать и иногда отступать. На Дальнем Востоке американцы постарались по мере возможности отложить ссору с Японией. Полковник Хауз встретился с послом графом Исии и обещал ему в ходе общей операции «оказать содействие в расширении японской сферы влияния». Даже этот, продиктованный тактическими соображениями, намек буквально воспламенил обычно хладнокровного японца. Хауз выразил понимание японской проблемы в России.

Американское руководство в сентябре 1918 года встало перед вопросом отношения к публикации переписки между генеральным штабом Германии и большевиками, известной в историографии как «документы Сиссона». Полковник Хауз не одобрял публикации сомнительных документов. Вильсон в частной беседе согласился с Хаузом; он сожалел, что публикация указанных материалов явилась фактическим объявлением войны Советскому правительству. Но Хауз постарался облегчить совесть президента: России так или иначе придется быть разделенной. Очень важен дальнейший ход рассуждений Хауза: остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России в мире будут *четыре* России. Одна — Сибирь, а остальные - поделенная Европейская часть страны (запись полковника Хауза в дневнике от 19 сентября 1918 года). Задолго до 36. Бжезинского второй по влиянию человек в американской правительственной системе желал расчленения России.

Вильсон долго думал над такими планами. Дело для него было, собственно, уже не в России. Как уже говорилось выше, осевой идеей его мировой политики было создание мирового сообщества государств — Лиги Наций, в рамках которой суверенные страны воздерживались бы от сепаратных группирований. Только в свободном от тарифных барьеров, либеральном мире огромная мощь Америки (в то время на

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

нее приходилось едва ли не сорок процентов мирового промышленного производства) могла обеспечить ей безусловное лидерство. Если же устроить из России новую Африку и поделить ее между всеми желающими, эта модель поведения немедленно будет перенесена в Лигу Наций, где вместо взаимной открытости возникнет система блоков и зон влияния. Стоило ли менять возможность возглавить мировое сообщество на жалкий территориальный дележ совместно с японцами и англичанами пустынных территорий в забытых богом концах Земли?

Френсис обсуждал русскую проблему с госсекретарем Лансингом, полковником Хаузом, генералами Першингом и Блиссом, Генри Уайтом — членами американской делегации на Версальской мирной конференции. Все они в той или иной степени оставляли последнее слово за президентом. 27 декабря 1918 года, отвечая на вопрос английского короля Георга V, «что следует делать с Россией», Френсис ответил, что следует свергнуть большевистское правительство. Король заметил, что президент Вильсон, по его мнению, думает несколько иначе.

Полковника Хауза заботили взаимоотношения России и Германии. Хауз особо настаивал на том, чтобы отход немецких войск из оккупированных западных областей России не был излишне поспешным. Германия, с его точки зрения, уже потерпела поражение, и с подведением итогов этого поражения можно было подождать. Но вот заполнение большевиками политического вакуума, оставляемого уходящими немцами, могло резко укрепить их позиции в Европе. Возврат Украины и Белоруссии к прародине означал восстановление России как великой державы. Помимо этого Хауз и его окружение боялись распространения коммунизма на Центральную и Западную Европу - тогда Россия становилась первым европейским гигантом.

Парижская мирная конференция открылась 18 января 1919 года. Все главные проблемы решала четверка Вильсон — Ллойд Джордж — Клемансо — Орландо. Запад не баловал вто-

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

ростепенных союзников и уж тем менее новообразования. При этом Вильсон согласился с Клемансо, что в Париже с большевиками встречаться не стоит, но в отдаленном месте — почему бы и не попробовать замирить этот угрожающий Западу социальный тайфун? Почему бы не на островах Принкипо в Мраморном море? Но Париж был категорически против, он уже сделал ставку на расширенную Польшу. Американский представитель Херрон писал полковнику Хаузу, что на всех встречах с представителями восточноевропейских стран и сил «французские официальные лица подстрекали все партии и национальности отказываться от участия на встрече в Принкипо».

Мы склонны присоединиться к мнению американского историка А. Мейера: «Если бы Вильсон прибыл в Европу убежденным в необходимости фронтальной атаки против большевистской России, оба — Клемансо и Ллойд Джордж (не говоря уже о Соннино) - почти наверняка последовали бы за ним. Даже не призывая свои войска в крестовый подход против большевиков, Вильсон мог бы вызвать этот поход своей воодушевляющей идеологией, которая нейтрализовала бы оппозиции европейских левых, в то время как его страна предоставила бы необходимые материальные резервы для крестоносцев. Но произошло противоположное. С поражением Германии, фактическим распадом германского государства нерешительность президента в отношении интервенции лишь возросла. Эта нерешительность, появлению которой было много причин, вела Вильсона к охране скорее существующего положения, чем к немедленному употреблению силы и решительному наступлению».

Два великих человека разошлись постепенно. Победа сближает, поражение обычно разъединяет. Разногласия между президентом Вильсоном и полковником Хаузом стали очевидны для окружающих после возвращения Вильсона

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

на Версальскую мирную конференцию в марте 1919 года. Согласно воспоминаниям супруги президента, Вильсон жаловался на то, что «Хауз сдает все, что я приобрел до отбытия из Парижа»¹. Хауза буквально удушала страсть президента к созданию Лиги Наций — цель, ради достижения которой он был готов буквально на все. К моменту прибытия в Версаль германской делегации два политика уже почти не разговаривали между собой. И когда 29 июня президент взойшел на ступеньки вагона, уносящего его во французский Брест, он коротко посмотрел на стоящего на перроне друга и соратника и едва промолвил: «Прощай, Хауз».

Шла великая битва за создание работоспособной Лиги Наций. Хауз сумел договориться, что первая сессия Лиги состоится в Вашингтоне сразу же после ратификации Версальского договора американским сенатом. И Вильсон будет ее председателем. Хауз всегда был тем человеком, который умел договариваться с нынешними и потенциальными противниками президента. Он сумел в Париже повести дело так, что Соединенные Штаты выглядели более надежным партнером, нежели Британия. Но Хауз не мог быть одновременно и в Вашингтоне, где в комитете по международным делам сгущались тучи над их с Вильсоном детищем — Лигой Наций.

Оба они ослабли в решающий момент. 3 сентября 1919 года президент Вильсон, чувствуя беду, отправился в турне по американским городам, он хотел через голову конгресса обратиться к американскому народу. Его доктор Грейсон был категорически против. Сорок речей за три недели. После Пуэбло (Колорадо) 25 сентября тур был прерван. Вскоре он был парализован. Возможно, Хауз мог бы помочь, но его самого по прибытии из Франции 12 октября 1919 года снесли на берег. И все же, лежа в своей нью-йоркской квартире, Хауз шлет помощников в Вашингтон для убеждения ведущих сенаторов.

¹ Bolling Wilson E. Memoirs of Mrs Woodrow Wilson; London, 1939, p. 245-246.

ПОЛКОВНИК ХАУЗ

Прерывается связь Хауза с Парижем, где обсуждается тема военных долгов. Супруга Вильсона перестала ему сообщать о состоянии мужа. 19 ноября 1919 года дело жизни Вильсона и Хауза было провалено в сенате США. Как и предсказывал на этот случай Вильсон, ровно через двадцать лет в мире началась Вторая мировая война. Реализуемая полковником Хаузом первая попытка Америки выйти на вершину мирового сообщества закончилась неудачей. Как это было, вы узнаете из книги, которую держите в руках.

Анатолий Уткин,
профессор, доктор исторических наук,
директор Центра международных исследований
Института США и Канады
Российской Академии наук

ГЛАВА I

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Если бы кто-нибудь из старых дипломатов услышал нас, он бы упал в обморок.

*(Из письма сэра Уильяма Тиррела Хаузу,
13 ноября 1913 г.)*

1

Нет ничего более странного, чем та цепь обстоятельств, которая в конечном счете привела к тому, что президент Вильсон стал играть исключительно важную роль в мировых вопросах и сосредоточил всю свою деятельность на международной политике. В начале его политической карьеры и даже в течение первых двух лет его президентства дипломатические вопросы занимали его гораздо меньше, чем законодательные планы. Очень медленно развивал он то, что можно было назвать его собственной политической линией, и предоставлял своим послам самостоятельно разрешать возникавшие перед ними проблемы. Полковник Хауз рассказывает, что вскоре после назначения Пэйджа послом в Англию он спросил Вильсона, дал ли тот Пэйджу какие-либо специальные инструкции. Оказалось, что никаких; но Вильсон считал само собой разумеющимся, что Пэйдж будет вести себя дипломатично и миролюбиво.

Это может показаться случайностью, но надо помнить, что ни традиции демократической партии США, ни вся предыдущая работа Вильсона не давали основания ожидать с его стороны глубокого интереса к иным делам, кроме внутрен-

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

них. Платформа демократической партии в вопросах внешней политики касалась только краткой ссылки на Филиппины, а сам Вильсон в своей вступительной президентской декларации ограничился только вопросами социальных и промышленных реформ.

Для Хауза, наоборот, проблемы внешней политики всегда были наиболее интересными и важными. Когда он говорит, что начал в молодости строить свою карьеру так, чтобы получить подготовку и иметь возможность удовлетворять свое влечение к политике, то термин «политика» он понимает в самом широком смысле слова, включая и международные отношения. За время работы в Тексасе он не переставал изучать текущие дипломатические вопросы, и во всей его деятельности в 1913 г., в качестве советника президента, видно стремление освободиться от мелочей внутренней политики и найти время для того, чтобы способствовать выработке определенной линии внешней политики. После проведения законодательной программы 1913 г. Хауз решил, что для Вильсона наступил момент заложить основы иностранной политики. Спустя полтора года, 24 июня 1915 г., он записывает: «По-моему, президент никогда не признавал важности нашей иностранной политики и поэтому излишне подчеркивает важность внутренних дел. Я целиком поддерживал это до окончания чрезвычайной сессии конгресса, на которой разбирались вопросы тарифов, банковские и другие мероприятия...»

С какой бы медлительностью ни формулировал президент Вильсон свою собственную иностранную политику, он всегда остро чувствовал опасность, угрожающую американским интересам при сменах правительств в других странах, и, к чести его, он также неустанно боролся со вторжением в область дипломатической службы США системы раздачи должностей в награду за партийные заслуги (spoil system). Еще до официального вступления в должность президента¹ он вы-

¹ Выборы президента в США происходят каждые 4 года в первых числах ноября; его официальное вступление в должность совершается лишь 1 марта следующего года.

ГЛАВА I

сказал Хаузу свое желание «поднять дипломатическую службу США назначениями людей, подобных д-ру Элиоту, если только ему удастся найти подходящий материал». Прежде всего им были выбраны для наиболее важных дипломатических постов: президент Элиот¹, Ричард Одни, профессор Файн — из Принстаунского университета. Задача была не из легких; трудно было найти выдающихся американцев, в которых сочетались бы интеллектуальные качества с материальной обеспеченностью. Кроме того, преобладал узкопартийный взгляд на дипломатическую службу, которую считали в первую очередь созданной для того, чтобы дать работу политическим единомышленникам. Из-за своего непреодолимого благодушия Брайан² с трудом решался отказывать в просьбе о дипломатическом или консульском назначении, особенно когда это касалось какого-нибудь лояльного соратника по битве 16 января 1896 г. По его мнению такой человек заслуживал награды³.

Хауз целиком разделял мнение президента. Он настаивал на том, чтобы даже высшие консульские должности замещались согласно «правилам гражданской службы», и по его настоянию такие дипломаты-специалисты, как Уильям Филиппе и Х.П. Флетчер, проявившие свои достоинства при правительстве республиканской партии, были возвращены на дипломатическую службу и даже получили повышение. Он также предостерегал президента от назначения лиц, явно связанных с торгово-промышленными интересами.

¹ В США звание «президент» присваивается председателям учебных советов высших учебных заведений.

² В то время министр иностранных дел США.

³ Вот что писал государственный секретарь (министр иностранных дел США) таможенному сборщику в Сан-Доминго, назначенному благодаря влиянию Мак-Комса: «Теперь, когда вы уже прибыли на место и ознакомились с положением, можете ли мне сообщить, какие в вашем распоряжении должности, которыми можно будет вознаградить достойных демократов?... Вы достаточно опытни в политике и знаете, как ценны работники во время избирательной кампании и как трудно дать награду всем, кто ее заслужил... Сообщите мне, какие работники требуются, укажите оклады и когда можно было бы произвести назначения» (письмо от 20 августа 1913 г., напечатано в нью-йоркской газете «Сан» 15 января 1915 г.).

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

«18 апреля 1913 г. Я рассказал м-ру Брайану, — записывает Хауз, — о своем разговоре с президентом о назначении консулов в соответствии с «правилами гражданской службы»... Президент заметил, что в вопросе назначения консулов он будет придерживаться рузвельтского приказа. М-р Брайан — сторонник дележа «общественного пирога» и стоит за удаление республиканцев и замену их демократами. Он настойчиво и красноречиво защищал свою точку зрения. Я молчал, так как сочувствовал политике президента, хотя она и не совпадает с желаниями кое-кого из наших весьма близких друзей...»

«16 января 1914 г. Мы обсуждали, — писал Хауз о более позднем разговоре с министром иностранных дел, — точку зрения президента о гражданской службе, которая, конечно, не совпадает со взглядами м-ра Брайана. Я предвижу между ними разногласия... в вопросе о протектировании. М-р Брайан не может примириться с применением «правил гражданской службы». Он заявил, что президент говорил ему о моей рекомендации N¹, и президент желает его назначить. М-р Брайан заметил: «Конечно, он может поступить, как ему угодно, но я уверен, что N один из тех надменных людей, которые всегда будут смотреть на меня сверху вниз».

2

Благодаря своему интересу к внешней политике и к дипломатическим назначениям Хауз установил тесный контакт с послами. Создавшиеся в результате этого хорошие отношения очень помогли ему в выполнении специальных поручений в Европе во время войны. После своего назначения Томас Нелсон Пэйдж писал Хаузу:

«Ни в письме, ни в телеграмме я не смогу выразить, какую признательность я питаю к вам за вашу любезность ко

¹ Хауз опустил в записи имя рекомендованного им человека.

ГЛАВА I

мне с начала нашего знакомства. Пусть долг будет за мной, я буду считать нас старыми друзьями, общность чувств и симпатий которых переживет время».

Брэнд Уитлок писал из Брюсселя:

«Мой дорогой друг! Надеюсь, что мы расстались с вами на короткое время. Ваше последнее письмо принесло мне радость. Оно усилило, если это только возможно, мое желание видеть вас и снова вести с вами долгие беседы... Я чувствую потребность в таком душевном обмене мнений...»

Уиллард из Мадрида, Пенфилд из Вены, Моррис из Стокгольма часто писали ему, и Хауз, по-видимому, не жалел ни времени, ни энергии на то, чтобы информировать их о политическом положении на родине.

Переписка Хауза с Джерардом из Берлина и Уолтером Пэйджем из Лондона была очень обширна.

«Я сказал Джерарду, — записывает Хауз, — что из министерства иностранных дел он будет получать только скудную информацию о том, что делается в правительственных кругах, и обещал до известной степени держать его в курсе событий, так что он сможет беседовать с кайзером или с министром иностранных дел, не попадая в неловкое положение. В свою очередь он обещал писать мне каждые десять дней».

Общение Хауза с Джерардом приобрело большое политическое значение в наступившие впоследствии бурные времена, ибо Джерард сдержал свое обещание. Его письма во время войны были проницательными и пророческими, через них президент Вильсон был точно осведомлен о тех сложных силах, которые управляли Германией. Ничто не далеко так от истины, как легенда о том, будто у президента не было достоверных сведений о закулисном политическом мире на европейском континенте. Никто не мог превзойти Джерарда в том достоинстве и умении, с какими он поддерживал интересы и проводил политику правительства в военной зоне в наиболее трудном дипломатическом положении.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Он знал, как устанавливать хорошие отношения с берлинским правительством, и вдумывался во все мелочи, которые способствовали укреплению дружественных отношений. Но он не забывал афоризма Бисмарка: «Хороший посланник не должен быть слишком популярен в стране, где он аккредитован».

Письмо посла Джерарда Хаузу

Берлин, 4 ноября 1913 г.

«Мой дорогой полковник!

Теперь, после вручения моих грамот кайзеру, я могу кое-что сообщить.

По вашему совету я заехал в Лондон повидать Пэйджа. Пришлось дожидаться его почти неделю, так как он был в Шотландии с Карнеджи. Я нашел в нем весьма приятного и привлекательного человека, и, судя по тому, что я слышал в Лондоне, он добился большого успеха.

Остаток времени я провел в Париже, главным образом — в мебельных магазинах, и прибыл сюда 6 октября. Кайзер был в отсутствии, и я был принят только в среду на прошлой неделе.

Кайзер разрешил мне быть в обычном костюме, так что проклятый вопрос о форме отпадает. В этом отношении мне лучше, чем Пэйджу, который для придворных церемоний должен надевать короткие панталоны.

Перед представлением кайзеру я заехал к имперскому канцлеру фон Бетман-Гольвегу; он высокого роста, приятный человек типа Линкольна. Он один из немногих высших чиновников, не говорящих по-английски, но мы хорошо объяснялись по-французски и немного по-немецки. Министр иностранных дел в отсутствии; но с его заместителем Циммерманом, рослым и веселым немцем, который был раньше судьей, мы сразу стали друзьями. Остальное время я отдавал работе в посольстве, визитам к различным посланникам и приему их у себя. Я полагаю, что вопрос о помещении закончен, и мы займем старое респектабельное

ГЛАВА I

здание, ранее принадлежавшее князю Хацфельду, затем — фон Швабаху, и только недавно купленное соседним банком. Ремонт здания обойдется в большую сумму, но оно достаточно велико для размещения всего посольства, так что, если я буду получать те же ассигнования, что и прежде, я буду платить за аренду меньше, чем платят в Париже, или Пэйдж — в Лондоне, который, кстати сказать, занял очень подходящий и «фешенебельный» дом на Гросвенор-сквере.

Я взялся за ряд дел, которыми не занимались мои предшественники. Я принимаю активное участие в американском благотворительном обществе, в американской церкви (где мы с Ланьером каждое воскресенье сидим на передней скамье), в американском институте, в американском объединенном клубе, в американской ассоциации коммерции и торговли и т. д. Жена моя будет президентом американского женского клуба, очень почтенного благотворительного учреждения, заботящегося о многочисленных студентках в Берлине.

Мы, наверно, являли собой живописную картину при представлении кайзеру. За нами были посланы придворные кареты с лакеями в напудренных париках, с форейторами и т. п., — хотя мы выглядели, пожалуй, непрезентабельно в наших фрачных костюмах. В этих стеклянных каретах мы походили, наверно, на похоронную процессию. Кайзер оказался гораздо более величественного вида, чем я ожидал... Мы, главным образом, говорили о делах и о спорте. Он спросил, почему мы не построим в Берлине здания для нашего посольства, и поздравил меня с тем, что мы, наконец, заняли приличное здание. При представлении ему персонала он спросил: почему мы не катаемся верхом в Тиргартене; я ответил, что мы готовы состязаться с любым посольством в Берлине в любом виде спорта.

В пятницу я поехал в Потсдам поездом, в королевском военном вагоне, и был привезен в новый дворец, где был один представлен императрице. Она высокая, красивая женщина; ни о чем особенном мы с ней не говорили, разговор был «салонный».

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Я произнес речь на банкете в честь германского искусства и много делаю для Панамской выставки. Есть договоренность между Англией и Германией, что одна без другой не будет участвовать в выставке...

Всегда ваш *Джэймс У. Джерард*».

С Уолтером Хайнсом Пэйджем, как и с Джерардом, Хауз поддерживал постоянные и тесные отношения. Новый посол в Великобритании был рад корреспонденту, которому он мог писать откровенно и через которого он мог влиять на президента. Когда Хауз в 1913 г. приехал в Лондон, Пэйдж тепло встретил его и делился с ним своими надеждами и опасениями.

«Вчера я обедал с Пэйджем, — записал Хауз 19 июня, — мы просидели с ним до половины первого ночи... Он проводил меня до нашего отеля. Рассказал много интересного и курьезного и был очень расстроен по поводу некоторых своих ошибок. Что его больше всего расстроило — это случай, происшедший с ним недавно на вечере у герцога Норфолкского. Пэйдж вошел в обеденную залу в паре с принцессой..., а потом в гостиной оставил ее, не испросив ее разрешения. Поступил он так потому, что его предупредили, что он должен уйти первым. Но он совсем забыл, что в присутствии члена королевской фамилии следует поступить наоборот.

Пэйдж считает, что занимать за обедом герцогиню или члена королевской фамилии — очень нелегкая задача. Они совсем не хотят затруднять себя поддержанием разговора, и он утверждает, что это самое трудное дело, с которым встретился при исполнении своих обязанностей посла. В особенности это относилось к герцогине... Насколько он мог судить, она умная женщина, но была сдержана в разговоре с ним. Он сблизился с герцогом Коннаутским и делает все возможное, чтобы завоевать симпатии всех важных персон в Англии.

Пэйдж просил меня сформулировать для него какую-ни-

ГЛАВА I

будь конструктивную политику, которая оставила бы в анналах посольства след правления президента и деятельности посла. Он сказал, что в этом отношении я могу для него сделать больше, чем кто-либо другой. Он все время щедро расточал мне похвалы. Я попробую наметить какой-нибудь план до отъезда, так как у меня есть кое-что на уме, что может принести выгоду обоим странам».

Пэйдж имел большой успех и завоевал уважение и внимание англичан и правительства, при котором он был аккредитован. Его приятные манеры, очевидная честность его намерений и методов, видимое его желание найти пути к укреплению англо-американской дружбы скоро поставили отношения между обоими правительствами на базу сердечных персональных связей, которые Пэйдж, как и Хауз, считали единственным твердым фундаментом отношений между странами. Посол и его жена завоевали сердца англичан еще до начала войны, во время которой ненависть Пэйджа к германскому милитаризму еще более усилила любовь англичан к нему. 12 июля 1914 г. Хауз отмечает свой разговор с английским журналистом Сиднеем Бруксом: «Говоря о Пэйджах, Брукс заметил, что м-сс Пэйдж пользовалась большим успехом, чем жена какого-либо другого посланника на его памяти... Это было очень приятно слышать».

Пэйдж, однако, как он сам в этом признавался, был подвержен переменам настроения. «Временами я думаю, — писал он Хаузу, — что в моей жизни господствует настроение нежелания какого бы то ни было официального положения вообще... Я так долго был совершенно свободен и независим, что официальные стеснения до сих пор еще кажутся мне неестественными». Он находил трудным поступаться своими личными убеждениями при выполнении инструкций из Вашингтона. Ему нравилась его работа, но постоянно связанные с жизнью американского посланника за границей затруднения раздражали его, и он страдал от таких неприятностей, которые другие посланники вряд ли заме-

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

чали. Хаузу он изливал свою душу. Письмо от 12 декабря 1914 г. он заканчивает так: «Я не хотел вообще писать вам обо всех этих вещах..., но время от времени мне нужно перед кем-нибудь высказаться. Вы имеете несчастье быть единственным человеком, перед которым я могу это сделать». Посол вполне определенно давал понять Хаузу, что он считает поведение министерства иностранных дел, под управлением Брайана, более чем неудачным. И все-таки почти каждое письмо заканчивалось уверением в том, что в общем и целом он доволен своей работой и что все беспокойства являются мелкими и побочными. «Что касается посольства, — писал он 27 апреля 1914 г., — то мы работаем лучше. Мы получаем теперь ответы на запросы, и если я когда-то был расположен жаловаться, то в настоящее время у меня нет для этого оснований».

Все затруднения, с какими приходилось сталкиваться министерству иностранных дел, как объяснял Хауз, заключались в следующем: время, необходимое для приобретения опыта, влияние политических факторов и недостаток ассигнований. «Пожалуйста, имейте в виду также, — писал он Пэйджу, — что как раз теперь министерство иностранных дел работает днем и ночью и ему не хватает людей. Оно надеется в ближайшее время получить от конгресса добавочные средства, тогда и у вас будет больше секретарей и министерство увеличит свой персонал».

В ответ на отрицательные суждения Пэйджа об отдельных лицах в Вашингтоне, он со змеиной мудростью передавал Пэйджу хвалебные замечания о нем, услышанные от этих самых лиц. Так, 29 октября 1914 г. он замечает в письме к Пэйджу: «Ваши жалобы на Х. получились как раз в тот день, когда Уоллэс рассказывал мне о своем разговоре с Х-ом, во время которого тот заметил: Y и Z — вместе взятые — не сделали столько, сколько сделал Уолтер Пэйдж, между тем они так умело рекламируют себя, что американская публика думает, будто кроме них никто вообще ничего не делает. Это — между нами...»

ГЛАВА I

Отношения Хауза с американскими послами за границей можно сравнить только с отношениями, которые он установил с иностранными дипломатами в Вашингтоне. До начала войны он был в дружеских, почти конфиденциальных, отношениях со Спринг-Райсом, Бернсторфом, Жюссера-ном и Думбой. Он, таким образом, был исключительно хорошо осведомлен для изучения планов развития конструктивной внешней политики, которой, как он надеялся, президент Вильсон вскоре займется.

3

Представление Хауза об этой политике имело глубокие корни. Он считал, что прошло уже время, когда Соединенные Штаты могли с каким-нибудь успехом выступать в качестве покровителя всех американских государств, поэтому он хотел добиться установления определенных дружественных соглашений с крупными южноамериканскими государствами на базе равноправного сотрудничества. Он ясно понимал враждебные Соединенным Штатам чувства Южной Америки, вытекавшие из сознания, что доктрина Монроэ (как ее понимали в Южной Америке) была сугубо односторонней и поэтому оскорбительной для чувства латиноамериканцев. Если бы эту доктрину можно было претворить в формы объединенной политики и общей ответственности с участием всех американских государств, то, настаивал Хауз, это послужило бы на пользу Соединенным Штатам столько же в материальном смысле, сколько и в моральном. Такое соглашение, надеялся он, могло бы быть началом лиги сохранения мира и спокойствия обоих американских континентов и могло бы сослужить большую службу в урегулировании таких ситуаций, какая, например, создалась в Мексике.

Из этого, преисполненного великих намерений, плана, напоминавшего панамериканские предложения Блэйна, неизбежно вытекал другой, еще более значительный. Общий панамериканский пакт должен был заинтересовать и евро-

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

пейские державы, часть которых, например Великобритания, имеет владения на американском континенте. Хауз был в числе тех немногих людей в Соединенных Штатах, которые еще до войны сознавали, насколько истекшие тридцать лет глубоко изменили наши отношения с Европой и сделали Соединенные Штаты и духовно и экономически членом семьи мировых держав. Он был убежден, что вслед за этим должно народиться политическое содружество. Не страдая отсутствием смелости, он был готов принять все последствия точно так же, как — он это чувствовал — и то, что мифический протекторат доктрины Монроэ должен быть перестроен в содружество американских стран. Он также считал, что политическая изоляция от Европы — это пережиток минувших времен.

Хауз стремился к установлению взаимопонимания, основанного на сотрудничестве с великими европейскими державами, которое помогло бы сохранению мира во всем мире, жизненно важного для Соединенных Штатов. Это убеждение не было ослаблено сознанием того, что положение в Европе критическое и может в любой момент перерастить во всеобщую европейскую войну.

Такая политика предполагала откровенное признание того, что факторы, на которых покоились американские традиции, теперь исчезли. Для успешного развития этой политики нужно было оперативное соглашение с Великобританией, потому что было бы неразумно игнорировать присутствие англичан в Латинской Америке, а также потому, что участие Великобритании необходимо во всяком реальном плане международного сотрудничества.

К началу президентства Вильсона англо-американские отношения были достаточно дружественными, но сердечное и более тесное понимание могло быть достигнуто только после устранения двух затруднений, из которых наиболее важным, по крайней мере в глазах общественного мнения, было — недоразумение по вопросу взимания сборов при прохождении судов через Панамский канал. В течение последнего года президентства Тафта конгресс провел закон,

ГЛАВА I

освобождавший от сборов, при проходе через Панамский канал, каботажных судов Соединенных Штатов, несмотря на то, что еще в договоре Хэя-Понсефота от 1901 г. имелся параграф, предусматривавший, что канал должен быть открыт для судов всех стран, на «условиях полного равенства».

В Соединенных Штатах, в особенности в ирландских кругах, было много сторонников сохранения этой, установленной конгрессом (при Тафте), привилегии; они считали, что она вполне «целесообразна» и обеспечивает «свободу канала». В избирательной платформе демократической партии также был пункт, одобрявший этот закон. В Великобритании же с неменьшим пылом настаивали на том, что независимо от целесообразности или нецелесообразности такой меры, она непосредственно нарушает обязательства, принятые в 1901 г. и что дело не в логике, а в том, будут ли Соединенные Штаты держать свое слово.

Еще до вступления Вильсона на пост президента он и Хауз считали, что, несмотря на то, что подавляющее большинство в конгрессе стояло за освобождение американских судов от сборов, в этом вопросе не следует настаивать¹. Крайне необходимо было отстоять международную политику доводом о святости договоров.

24 января 1915 г. Хауз обсуждал этот вопрос с Вильсоном:

«Я спросил его мнения относительно разногласия с Англией по этому вопросу. И был очень обрадован тем, что он придерживается того же взгляда, что и я, т. е. что этот закон должен быть отменен».

Президент не мог начать действовать во время чрезвычайной сессии конгресса. Ему нужно было прежде всего укрепить свое руководство, для чего требовалось не более и не менее, как полностью повернуть партию в вопросе, к

¹ Отмена закона об освобождении судов США от сборов оспаривалась почти всеми демократическими лидерами конгресса. Для того, чтобы провести эту отмену через палату представителей и сенат, Вильсон должен был прибегнуть к помощи членов кабинета, в особенности Бэрлсона и Мак-Аду (*примечание Хауза*).

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

которому были примешаны сильные антибританские настроения, характерные для многих опорных организаций демократической партии. Поэтому во время чрезвычайной сессии вопрос не поднимался. Но посол Пэйдж непрестанно привлекал внимание к важности этого вопроса, распространяясь в обещаниях выгод, которые последуют за отменой закона о сборах. Эти выгоды можно считать весьма преувеличенными.

Письмо У. Х. Пэйджа Хаузу

Лондон, 28 августа 1913 г.

«Мой дорогой Хауз!

...Если Соединенные Штаты... отменят различие в сборах на Панамском канале, мы сможем распоряжаться английским флотом, английскими фабрикантами — чем мы только пожелаем. А пока мы этого не сделаем, они будут считать нас дурными, мелочными, порою — нечестными скрягами, а потому — смешными и подверженными странным капризам. Они любят нас, но удивляются нашему правительству. К нему они не питают ни доверия, ни восторга...

Сердечно ваш *Уолтер Х. Пэйдж*».

Если англичане имели основание жаловаться на американское правительство по поводу панамских сборов, то американское правительство, с другой стороны, считало, что англичане мешают вильсоновской политике в Мексике. Английский посол в Мексике., сэр Лайонел Карден, был известен как сторонник Хуэрты¹.

Кроме того, его считали представителем английской нефтяной фирмы лорда Каудрэй. Предполагали, что Хуэрта дал обещание предоставить концессии исключительно этим кругам в случае, если он прочно укрепит свою власть в Мек-

¹ Хуэрта — президент Мексики с 19 февраля 1913 г. по 15 июля 1914г., ставленник английского империализма. Осуществлял свирепый террор против мощно развивавшегося в стране революционного движения. Прославился как реакционнейший военно-феодальный диктатор Мексики. — (прим. ред.).

ГЛАВА I

сике. Американское правительство считало, что за английскими нефтяными кругами стоит английское министерство иностранных дел и что временное признание Хуэрты Великобританией означает ее решимость бороться против вильсоновской политики непризнания.

Очевидно было, что затруднения с Великобританией проистекали от недоразумений и неправильной информации с обеих сторон. Был необходим откровенный обмен мнениями, и Хауз был рад представившемуся ему летом 1913 г. случаю войти в контакт с английским министром иностранных дел сэром Эдуардом Грэм.

В первый раз они встретились 3 июля 1913 г. на немногочисленной завтрак у сэра Эдуарда, в его доме на Экклэтон-сквере. При этом присутствовали только посол Пейдж и лорд Крю, тогдашний министр по делам Индии. Хауз несомненно считает этот завтрак важным моментом своей карьеры, ибо он потом возымел к Грэю уважение и симпатию, каких он не проявлял в отношениях с прочими иностранными государственными деятелями. Это чувство явилось в большой степени результатом исключительной общности личных вкусов и идей, которые с момента их знакомства произвели глубокое впечатление на Хауза. Он нашел в сэре Эдуарде философа, как и он сам, пренебрегавшего условными почестями, человека без самомнения, отдававшего, быть может, слишком много тому, что он считал своим долгом, и не ожидавшего за это никакой награды. Более того, как государственный деятель английский министр иностранных дел приближался к идеалу Хауза, особенно отличаясь честностью своих целей и методов, как дипломат, который считал дипломатию не искусством таинственной интриги, а, прежде всего, средством, с помощью которого представители разных стран могут откровенно обсуждать совпадения или столкновения их интересов и достигать соглашения мирным путем. Хауз тогда, как и всегда, считал, что внешнюю политику надо вести так же, как ведут личные дела, от которых она

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

отличается только степенью своей важности, и он хотел ввести в дипломатию методы личных отношений, с их законами личной честности и друженственности. В Грзе он нашел человека, с которым мог вести дела таким образом. И мы видим, что они обсуждали наиболее деликатные вопросы национальной политики с такой же откровенностью, какая допустима для чиновников одного и того же министерства какой-либо страны.

Первый их разговор имел важное значение, так как осенью он привел к соглашению по обоим спорным вопросам. Хауз объяснил мексиканскую политику Вильсона и его отношение к вопросу об освобождении от сборов по каналу. Грэй дал понять, что поддержка Хуэрты Великобританией — не принципиальная и не окончательная.

«3 июля 1913 г. Пока лорд Крю и Пэйдж говорили о борьбе с глистами в Индии и других странах, — записывает Хауз, — мы с сэром Эдуардом перешли к разговору о положении в Мексике. Я сказал ему, что президент не желает вмешиваться в дела последней и предоставляет различным фракциям все возможности сговориться между собой. Он спросил, не является ли президент противником какой-либо определенной фракции. Я сказал, что поскольку дело касается нашего правительства, для нас безразлично — какая фракция будет у власти, лишь бы был установлен порядок. По моему мнению, наше правительство признало бы временное правительство Хуэрты, если бы он сдержал свое письменное обещание назначить в ближайшее время выборы и считаться с результатом этих выборов.

Сэр Эдуард заявил, что его правительство признало правительство Хуэрты только временно и что если Хуэрта выставит свою кандидатуру в президенты, несмотря на обещание не делать этого, признание его Великобританией станет опять совершенно новым вопросом. И он дал понять, что в последнем случае Хуэрта не будет признан.

Он пожелал выяснить, что случилось бы, если бы мы

ГЛАВА I

вмешались, и высказал предположение, что произойдет то же самое, что и на Кубе. Я ответил, что это — вопрос будущего, но лично я считаю, что интервенция будет не такой серьезной, как многие думают.

Мы потом перешли к вопросу о панамских сборах. Он сказал, что его правительство намерено прямо обратиться к нашему правительству с двумя запросами: желаем ли мы обсудить текст договора, или мы предпочитаем передать его на арбитраж. Его правительство согласилось бы с бесплатным пропуском через канал каботажных судов США, если бы это не мешало интересам английского судоходства и не было бы неблагоприятно для него; но сейчас он не знает, какой следует избрать путь для осуществления этого шага. Если же освобождение от сборов не будет отменено законом, который в настоящее время будет предложен сенату, он, Грэй, все же готов начать переговоры с нашим правительством.

Я предложил, чтобы Грэй в настоящий момент на этом вопросе не настаивал и отложил его до декабрьской сессии конгресса. Я объяснил, что президент на ближайшей чрезвычайной сессии особенно озабочен проведением своей законодательной программы, что снижение пошлин и реформа денежной системы абсолютно необходимы для успеха нашего правительства и что в сенате в настоящее время по вопросу о пошлинах можно рассчитывать только на очень незначительное большинство. Поэтому, пока не будут разрешены основные вопросы, президент не пожелает ставить перед сенатом каких-либо иных.

Сэр Эдуард сказал, что он хорошо понимает положение президента и вполне сочувствует ему и что его правительство согласно оставить вопрос пока открытым».

Письмо посла У. Х. Пэйджа Хаузу

Лондон, 8 июля 1913 г.

«Дорогой м-р Хауз!

Сегодня я говорил с сэром Эдуардом Грэем по одному государственному делу. Когда я собрался уходить, он про-

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

водил меня до дверей и, остановив, сказал, что очень обязан мне за удовольствие, которое я ему доставил, познакомив его с вами. Он просит меня передать вам, что надеется увидеться с вами по вашему приезду. «Слова Хауза вызвали у меня глубокий интерес; вот человек, знакомству с которым я очень рад», — сказал Грэй.

Передаю вам эти слова, которые еще свежи в моей памяти...

Сердечно ваш У. Х. П.»

Таким образом, в момент, когда англо-американские отношения грозили испортиться из-за настроений общества по вопросу о панамских сборах, личное вмешательство Пэйджа и Хауза очень много дало для обеспечения полной сердечности при официальных переговорах. Грэй, очевидно, убедился в дружественности президента, высказанной через его личного советника. С другой стороны, проявленное англичанами отсутствие настойчивости в вопросе о сборах убедило Вильсона в том, что подчеркивали Хауз и Пэйдж, а именно, что Грэй хочет работать в согласии с Соединенными Штатами и сердечное соглашение вполне возможно после откровенного обсуждения всех неразрешенных вопросов.

О том, какое впечатление произвели эти разговоры с Хаузом на сэра Эдуарда, можно судить по его решению послать своего секретаря, сэра Уильяма Тиррела, в Соединенные Штаты для обсуждения с президентом и его советником всех вопросов, касающихся англо-американских отношений. Это было тем более важно, что новый английский посол Сесиль Спринг-Райс заболел и не мог активно приняться за свою работу. Тиррел идеально оправдал свое назначение. Он располагал полным доверием Грэя и был хорошо осведомлен о его взглядах на международные отношения, так что он мог не только верно передать Вильсону мысли Грэя, но мог рассчитывать на такую же откровенность со стороны президента. Никто так хорошо не разбирался во всех тонкостях политики

ГЛАВА I

на европейском континенте, так остро не чувствовал, насколько важно для Великобритании расположение Америки в случае каких-нибудь затруднений в Европе. Тиррел, кроме того, был полон почти юношеского энтузиазма к порученному ему делу, что совершенно обеспечило ему симпатии полковника и доверие президента. Поехал он (в США) с сомнениями по поводу желания американцев идти навстречу Грэю. Вернулся же он убежденным в том, что эти сомнения не обоснованы. «Тиррел вернулся другим человеком, — писал Пэйдж Хаузу в декабре. — Он говорит, что это сделали вы, президент и Хустон. Все к лучшему».

Хауз поспешил связаться с сэром Уильямом Тиррелом тотчас по его приезде и объяснил Вильсону важность его миссии.

«11 ноября 1913 г. Президент принял меня немедленно, хотя мы не условились о встрече. Я выразил беспокойство по поводу Мексики и, кроме того, подробно объяснил ему цели миссии сэра Уильяма Тиррела. Разговаривая с сэром Уильямом, мы, в сущности, вели переговоры с сэром Эдуардом Грэем, и я считал, что было бы неразумно не использовать этого случая для достижения соглашения с Англией о Мексике. Я сообщил ему, что приглашен на завтрак в английское посольство в среду, и считаю, что если он предоставит мне свободу действий, я смогу кой-чего там достигнуть. Он предоставил мне право говорить с сэром Уильямом, ограничив себя настолько, насколько я сам сочту это необходимым...»

«12 ноября 1913 г. Я снова говорил, что в предстоящем разговоре с сэром Уильямом желательно внушить ему, чтобы Англия добилась от других держав давления на Хуэрту с целью отстранения его от дел.

Президент пригласил меня в Белый Дом с тем, чтобы я заночевал там. Я сказал, что рассчитываю вернуться рано, но это будет зависеть от успешности моей встречи с сэром Уильямом, и обещал при первой возможности связаться с президентом, если окажется что-нибудь достойное внима-

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

ния. Президент сказал, что хотел повидать меня еще вчера и добавил, что очень устал...»

Хауз встретился с сэром Уильямом в Нью-Йорке, но решающие переговоры велись в Вашингтоне, в английском посольстве и в Белом Доме.

«12 ноября 1913 г., в час дня, — записывает Хауз, — я завтракал у леди Спринг-Райс в английском посольстве...»

Сэр Сесиль Спринг-Райс был нездоров и просил извинить его отсутствие. После завтрака мы с сэром Уильямом перешли в другую комнату и обсуждали наиболее интересовавшие нас вопросы. Он начал с того, что показал мне ряд запросов своего правительства и свои ответы. Он заявил, что лорд Каудрэй не получил никаких концессий от Хуэрты и, если даже в будущем он их получит, английское правительство не признает их. Он полагает, что с чьей-то стороны делается сознательная попытка связать Каудрэя с этим делом для того, чтобы создать настроение в пользу интервенции. Тиррел указал, что сэр Лайонел Карден — не противник Америки: он вполне беспристрастен и будет выполнять не за страх, а за совесть все указания своего правительства. Он согласился, что Карден в первую очередь отстаивает интересы Великобритании, но это все, что можно поставить ему в вину.

Я ответил, что и президент и Брайан были совершенно иного мнения о лорде Каудрэе и о сэре Лайонеле Кардене, и что очень рад выслушать другую сторону. Уильям заговорил о стремлении сэра Эдуарда Грэя добиться прекращения вооружений, так как иначе современная цивилизация разобьется об эту скалу. Он также считает, что пушечные короли не только заставляют все правительства платить им чрезмерные цены, но к тому же, как единственные люди, заинтересованные в том, чтобы правительства расходовали больше средств на военные цели, сами создают военную панику.

Мы заговорили о панамских сборах. Сэр Уильям сказал, что по мнению сэра Эдуарда Грэя ничего хорошего не мо-

ГЛАВА I

жет выйти для народов, если будут нарушаться дух или буква договоров. Английский народ, по его словам, испытывает искренний интерес к этому вопросу, и больше всех — сам сэр Эдуард, и единственная цель пребывания его на своем посту состоит в желании способствовать миру среди народов.

Ответив, что президент так же, как и сэр Эдуард, горячо заинтересован в ненарушимости договоров и что, мне думается, во время предстоящей беседы президент разъяснит свою позицию, я выразил готовность немедленно устроить сэру Уильяму встречу с президентом; Уильям проявил живейшее удовольствие от такой возможности».

Президент Вильсон вообще не очень был расположен вести переговоры с людьми, с которыми он впервые знакомился, и Хауз был несколько удивлен и весьма обрадован сердечностью, отличавшей эту встречу.

«13 ноября 1913г. Президент принял Уильяма Тиррела в Голубом зале. Он был в серой пиджачной паре, а сэр Уильям — в визитке. Вначале оба они казались несколько стесненными. Президент начал разговор с того, что осведомился о нашей вчерашней беседе с Тиррелом, а затем изложил намерения нашего правительства по отношению к Мексике почти в том же духе, как я излагал это накануне. Сэр Уильям ответил почти то же, что и мне. Президент говорил откровенно и хорошо, сэр Уильям — тоже. Беседа была исключительно интересная.

Затем президент, по собственному почину, поднял вопрос об арбитражном договоре и о панамских сборах и, к крайнему моему удивлению, изложил сэру Уильяму свои сокровенные мысли: не только свои намерения, но и как он думает проводить их в жизнь. Он просил передать сэру Эдуарду Грэю, что сочувствует его мысли, что наш договор с Англией должен остаться ненарушимым, но следовало несколько выждать, пока не наступит возможность успешно разрешить вопрос. Президент заявил, что подавляющее большинство нашего народа разделяет его взгляды, но име-

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

ется и оппозиция, состоящая, главным образом, из ирландских патриотов — как в сенате, так и вне его, — которые всегда готовы уколоть Англию.

Мы говорили о необходимости сокращения вооружений и о влиянии финансовых кругов на нашу политику в настоящее время. Сэр Уильям, так же как президент и я, очень серьезно смотрел на выдвигаемую проблему... Президент заявил: «Это самая острая борьба, какую всем нам приходится теперь вести, и каждый честный гражданин должен вступать в наши ряды».

Время истекло, и президенту пришлось покинуть нас для других дел. После ухода президента я еще некоторое время разговаривал с сэром Уильямом. Он был очень доволен свиданием и сердечно меня благодарил. Сэр Уильям заявил, что никогда до этого он не вел такого откровенного разговора по столь важным вопросам. Все мы говорили с полной откровенностью, не облекая слова в дипломатическую шелуху. Тиррел заявил: «Если бы кто-нибудь из старых дипломатов услышал нас, он бы упал в обморок». Перед уходом мы уговорились поддерживать контакт. Он обещал позвонить мне, как только получит интересное для меня сообщение с тем, чтобы, в случае необходимости, доставить их в Вашингтон».

4

Основой дипломатии Хауза всегда была его полная откровенность во всех тех случаях, когда он встречался с людьми, готовыми выложить карты на стол. Отношения, сложившиеся у него с англичанами, при посредстве сэра Уильяма Тиррела, стали очень тесными. Тиррел с готовностью отвечал тем же. «Вы извините за откровенность моего заявления, — писал он Хаузу 20 января 1914 г., — но не это ли является основой наших отношений?» В результате такой близости, довольно неофициальное, но тем не менее весьма знаменательное, соглашение было достигнуто.

ГЛАВА II

ГЛАВА II

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

Положение — исключительное... Это милитаризм, дошедший до полного безумия. В один прекрасный день произойдет ужасный катаклизм...

*(Из берлинского письма Хауза Вильсону,
29 мая 1914 г.)*

1

В начале правления Вильсона в Соединенных Штатах было немного таких людей, которые проявляли бы осведомленность или заинтересованность в европейской политике. Общественным мнением продолжали владеть традиции XIX века, — традиции, устанавливавшие, как главный принцип американской политики, полное обособление от европейских дел. Зарождение этих традиций покоилось на очень разумном суждении. В ранние дни республики опутывание ее иностранными союзами, как это хорошо понимали и Вашингтон и Джефферсон, сделало бы из довольно слабых в то время Соединенных Штатов только игрушку в руках чужой страны. С другой стороны, природа предоставляла колонистам богатейшие возможности. Им стоило только повернуться спиной к Атлантическому океану и заняться развитием ресурсов своей собственной страны.

Таким образом, в начале XIX века молодая страна направляла свою энергию на разрешение внутренних задач: агрессивное расширение границ, упорная борьба с «хинтерландом», борьба за политическое объединение, строительство коммуникаций, создание индустриальной системы. Народ мало знал и мало интересовался тем, что делалось по ту сторону Атлантического океана.

Но к началу XX века условия переменились. Было не только достигнуто побережье Тихого океана, не только за-

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

воевана вся лежащая между океанами территория, но, благодаря посредству купца и миссионера, американские интересы устремились к Востоку, а военные удаchi подчинили американскому флагу также Филиппины. Наше правительство стало претендовать на равное с европейскими странами положение на Дальнем Востоке и под руководством Хэя вошло там с ними в тесный контакт. Занятие Порто-Рико, контроль над Кубой, прорывтие Панамского канала — обеспечили главенство на Карибском море. Почти незаметно страна стала мировой державой, и несомненно было, что политический контакт с Европой будет проявляться все более часто и становиться все теснее, ибо крупные европейские государства также были мировыми державами и их интересы во многих пунктах соприкасались с нашими. Установился тесный и постоянный экономический и духовный контакт, поэтому политические связи стали неизбежны.

Этот факт сознавал уже президент Рузвельт, который твердил, что усиление мощи должно сопровождаться усилением ответственности. В нем самом чувство ответственности было настолько развито, что в 1905—1906 гг. он принимал активное, хотя и не всем известное, участие в переговорах, которые привели к Алжесираасской конференции, предотвратившей угрозу европейской войны. Этот кризис не был связан с прямыми интересами Соединенных Штатов, он касался одних европейских государств. Рузвельт принимал участие в переговорах только из убеждения, что в деле мира Соединенные Штаты должны исполнить свой долг по отношению ко всему остальному миру. Ради такой цели он готов был отказаться от традиции политической изоляции.

Однако в 1906 г. военные тучи продолжали нависать над Европой. Достигнутое соглашением 1904 г. примирение между Францией и Великобританией обеспокоило Германию, которая усмотрела в этом поощрение политическому возрождению Франции и активной иностранной политике ее министра иностранных дел Делькассе. Германия надеялась взорвать этот союз танжерским выступлением кайзера,

ГЛАВА II

но напрасно. В 1907 г. она еще более встревожилась из-за англо-русского примирения. Германии казалось, что вокруг нее начинает стягиваться железное кольцо. Она в особенности боялась расширения агрессивной политики России на Балканах, которая погубила бы ее союзницу Австрию и отрезала дорогу на юго-восток. В 1911 г. Германия опять пробовала взорвать этот союз, к тому времени — тройственный союз, и опять безуспешно.

По-видимому, в Германии не было единодушия. Были такие люди, как канцлер фон Бетман-Гольвег, — добродушное, но безличное существо, — которые надеялись решить вопрос миролюбивым соглашением, в особенности с англичанами, без помощи которых русские планы на Ближнем Востоке не могли иметь успеха. Но были и другие, настаивавшие на том, что Германия должна вызвать войну при первом удобном случае, — до того, как подготовится Россия. Новое поколение в Германии было воспитано своими наставниками-профессорами в духе агрессии; этот дух был крайне развит в армии и захватил офицеров флота.

Настроение этих групп, в действительности не представлявших общественного мнения большинства, не было бы таким серьезным фактором, если бы оно не подкреплялось широко распространенным убеждением, что Антанта готовится к нападению на Германию. В этом случае, как это часто бывает, страх порождал безрассудство. Если бы направление германской политики, хотя бы на короткое время, зависело от этих горячих голов да еще панически настроенного общественного мнения, то стала бы весьма реальной опасность внезапного нападения, т. е. игры ва-банк. А при сложности дипломатических группировок такое нападение означало бы общеевропейскую войну.

В Англии остро сознавали эту опасность, но правительство стояло перед неприятной дилеммой. Быстрое развитие германского морского могущества нельзя было не рассмат-

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

ривать как угрозу британской безопасности, что естественно приводило к острейшей гонке морских вооружений Англии. Всякое ослабление английских морских приготовлений было бы прямым вызовом случайностям. А в связи с принятыми перед Францией обязательствами, — хотя и неофициальными, но тем не менее морально связывающими, — необходима была и сухопутная военная подготовка. С другой стороны, такая подготовка неизбежно усиливала дипломатический кризис, питая страхи Германии и давая козырь в руки германских милитаристов.

Военная подготовка стояла в порядке дня в России и во Франции. Многие считали всеобщую войну неизбежной, и потому двусторонний союз должен был быть готов и не упустить ни одного средства для усиления своего дипломатического и военного веса. Всякая иная политика вызвала бы против ответственных за эту политику людей обвинение в преступном бездействии. Но каждый новый шаг превращал двусторонний союз из оборонительного в наступательный и неминуемо усиливал и страхи и воинственность Германии.

Европа была готова к войне; как говорил Уильям Грэм Самнер: «К чему готовишься, то и получишь». Правда, в 1913 г., когда стараниями сэра Эдуарда Грэя было достигнуто мирное разрешение балканского кризиса, непосредственная опасность войны, казалось, миновала. В течение нескольких месяцев облегчение в англо-германских отношениях, подкрепленное предложением английского сотрудничества в выполнении германского проекта Берлин-Багдадской железной дороги, казалось, давало возможность положить конец распрям между группами стран. Но, как позднее писал английский премьер-министр¹, «дипломаты чувствовали, что они скользят по тончайшему льду и что мир в Европе зависит от ряда непредвиденных и не могущих быть предвиденными случайностей».

¹ Асквит. Происхождение войны, с. 166.

ГЛАВА II

2

Так же, как и Рузвельт, Хауз был убежден, что европейская война обязательно примет такие размеры, что коснется всякого уголка земного шара, следовательно, долг и интересы Соединенных Штатов требуют приложения всех сил для предотвращения войны. Прошли дни изоляции Соединенных Штатов от Восточного полушария. Соединенные Штаты имели много оснований бояться европейского конфликта, и они многое могли сделать для его улаживания.

Еще до официального вступления Вильсона в должность президента Хауз замыслил политику сотрудничества, которая включала бы Соединенные Штаты, Великобританию и Германию. Он видел, что главная опасность лежит во вражде немцев и англичан, и надеялся, что эта вражда могла быть ослаблена, если бы устроить так, чтобы обе страны двигались к общей цели. Он считал, что экспансионистская энергия Германии может быть направлена в более полезное русло, чем крупковские заводы и дредноуты.

«22 января 1913 г. У нас завтракал Мартин¹, — записывает Хауз. — Я высказал ему свое желание, чтобы Вильсон дал мне возможность установить взаимопонимание между нашей страной, Великобританией и Германией в отношении доктрины Монроэ...

Я также сказал ему, что буду добиваться лучшего взаимопонимания между Англией и Германией, и если бы Англия была менее нетерпима к экспансионистским стремлениям Германии, можно было бы добиться установления между ними хороших отношений. Я считаю, что следовало бы поощрить Германию к правомерной эксплуатации Южной Америки, т. е. к разработке ее богатств и к переселению туда своего избыточного населения; такой шаг был бы полезен и Южной Америке и вообще дал бы благотворные результаты».

¹ Э. С. Мартин — редактор журнала «Лайф».

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

В течение первого года президентства Вильсона заботы о внутренних делах позволили Хаузу продумать этот план только наполовину, но он постоянно к нему возвращался и при всяком удобном случае поднимал вопрос перед лицами, осведомленность или влияние которых могли быть ему в этом полезны.

«23 апреля 1913г. Прибыло письмо от Джэймса Спейера, — записывает Хауз, — с приглашением встретиться за завтраком в Нижнем городе с германским послом графом фон Бернсторфом, который выразил желание познакомиться со мной. Я не бываю в Нижнем городе и предложение отклонил...»

«25 апреля 1913г. Джэймс Спейер звонил снова и предложил позавтракать с германским послом уже не в Нижнем городе, а в Верхнем, и я согласился».

«9 мая 1913 г. Завтракал у Дельмоникр с германским послом графом фон Бернсторфом и со Спейером.

Граф говорил, пожалуй, более свободно, чем я ожидал от дипломата с его опытом. Он говорил довольно откровенно о Брайане и о разных чиновниках министерства иностранных дел. Он критиковал также бывшего министра Нокса и его первого помощника Хантингтона Уилсона.

Наиболее интересным разговор с ним стал после завтрака, когда Спейер ушел и мы с Бернсторфом одни прошли по проспекту. Я высказал мнение, что было бы великим достижением, если бы установилось дружественное соглашение между Англией, Германией, Японией и Соединенными штатами. Все вместе они могли бы оказывать благотворное влияние на весь мир. Они могли бы обеспечить мир и должное развитие неразработанных территорий, помимо обеспечения открытых дверей и равных возможностей повсеместно и для всех.

К моему немалому удивлению он согласился со мной. Он сказал, что в последнее время установилось большее взаимное понимание между Англией и Германией, и, будь у них какое-нибудь общее поле деятельности, то, по его мнению,

ГЛАВА II

можно было бы, в конце концов, достигнуть доброго согласия между ними. Он заметил, что Китай, возможно, явился бы в настоящее время наиболее обещающим полем совместной деятельности, так как Соединенные Штаты смогли бы работать там вместе с Германией и Англией...»

Два месяца спустя, в Лондоне, Хауз более широко обсуждал свой план с американским послом. Пэйдж целиком сочувствовал идее Хауза об использовании энергии народов на иные цели, чем военные или военно-морские. «Наступило время, — писал он Хаузу, — для какой-нибудь конструктивной, передовой идеи, идеи действия. Если бы можно было по счастливому стечению обстоятельств и счастливой комбинацией объединить великие силы мира и повести их на расчистку тропиков, большие армии могли бы постепенно стать, как на Панаме, санитарной полицией, понемногу забыли бы о воинственных помыслах и, в конце концов, были бы распущены...»

Но Пэйдж понимал, что европейцы слишком привержены традиции, чтобы приняться за такой план, который заключал бы в себе нечто, напоминающее созданный впоследствии секретариат Лиги наций. «На европейском континенте, — писал он, — кайзер, пожалуй, наиболее выдающийся человек. Тем не менее его идеи идут не на много дальше провинциальных взглядов немцев. В Англии наиболее широких взглядов человек — это сэр Эдуард Грэй, но и он не представляется человеком, обладающим определенно конструктивным умом».

В этот период Хауз не старался навязать свои идеи англичанам, но он убедился, что в лице сэра Эдуарда Грэя он имеет дело с человеком без достаточной силы воображения, хотя искренно желающим найти план, который поможет сохранить мир. 3 июля 1913 г. Хауз завтракал с Грэм, лордом Крю и Пэйджем.

«Мы говорили об отношениях между Германией и Англией. Сэр Эдуард заметил, что главной причиной антагонизма этих двух наций является взаимное недоверие. Преж-

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

де чем покончить с этой темой, я рассказал ему о встрече с германским послом в Вашингтоне, графом фон Бернсторфом; о том, как удивила меня его вера в то, что в недалеком будущем отношения между Англией и Германией улучшатся. Передавая эти слова лорду Грэю, я стремился посеять семена мира».

По возвращении в Соединенные Штаты Хауз был поглощен всевозможными назначениями, проведением закона о Федеральном резервном банке. Но при всякой возможности он возвращался к изучению европейских проблем.

«1 сентября 1913 г. У меня был интересный разговор с Думбой (посол Австро-Венгрии), в частности, о некоторых сторонах политического положения в юго-восточной Европе. Одно время он был посланником в Бухаресте и, конечно, достоверно знает положение на Балканах».

В ноябре приехал секретарь Грэя, сэр Уильям Тиррел, с которым Хауз мог с полной откровенностью обсудить разные международные вопросы. После того как с Уильямом Тиррелом был улажен вопрос о политике Вильсона в Мексике и о панамских сборах, Хауз перешел к изложению своего нового плана, сформулированного довольно определенно. Наступивший кризис он надеялся смягчить соглашением, которое приведет к сокращению вооружений. Если бы дело удалось, за ним последовала бы программа, о которой он уже говорил с Бернсторфом, — объединенная политика разработки незанятых частей мира.

«2 декабря 1913 г. Я сказал Тиррелу, что следующее мое желание — это добиться взаимопонимания Франции, Германии, Англии и Соединенных Штатов в вопросе о сокращении сухопутных и морских вооружений. Я сказал, что это сложная затея, но настолько благодарная, что намерен попытаться ее осуществить. Ему этот план тоже представлялся одним из наиболее дальновидных и благотворных; он считал, что если будет продолжаться то, что происходит сейчас, то неминуемо последует катастрофа, а в настоящее время это, помимо всего, мешает разрешению стоящих перед все-

ГЛАВА II

ми нами мучительных проблем экономики. Он считал, что у меня есть «спортивные шансы на успех».

Я просил его посоветовать мне какой избрать порядок действия. Он считал, что мне следует побывать в Германии и раньше всего повидаться с кайзером, а потом — с министрами иностранных дел и финансов. Он сказал, что эти два министра будут наиболее отзывчивы к такой идее, но что морской министр фон Тирпиц — реакционер и во многом ответствен за нынешнюю политику Германии.

Тиррел не считал необходимым, чтобы я заручился какими-нибудь полномочиями. Но посоветовал, чтобы наш посол в Германии шепнул кайзеру, что я в Соединенных Штатах — «власть позади трона», а после этого мне следует сказать нашему послу, чтобы он предупредил официальный Берлин о моей нелюбви к помпе, иначе к моему приезду весь Берлин устелют коврами.

Он полагает, что действовать я должен бесшумно, но добиться аудиенции у кайзера и в числе прочих вещей указать ему, что Англия и Америка «воткнули мечи в землю», и существует стремление к тому, чтобы и Германия присоединилась к этому настроению и проявила свои добрые намерения соглашением на приостановку строительства чрезмерно большого флота и вообще ограничила свой милитаристский размах.

Сэр Уильям уверил меня, что Англия будет сотрудничать с Германией со всей сердечностью и уже давно к этому готова. Он не видит повода для разногласий между ними. Оба мы считали, что если удастся достигнуть согласия между Англией, Соединенными Штатами, Францией и Германией, то остальной мир последует за нами, и таким образом наступит великая перемена. Он сказал, что кайзер — яркая личность, ему больше свойственны черты француза, чем немца. Он сравнивал его с Рузвельтом.

Сэр Уильям обещал ознакомить меня со всей перепиской между Великобританией и Германией по вопросу о разоружении с тем, чтобы я мог убедиться, насколько права Великобритания в своей позиции».

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

Десять дней спустя Хауз обсудил этот план с Вильсоном и получил его одобрение. «Можно сказать, что он был в восторге», — писал Хауз Пэйджу. Было решено, что в начале лета Хауз поедет прямо в Берлин и представит свой план кайзеру. Если тот окажется на этот счет сговорчивым, Хауз оттуда направится в Англию.

В течение зимы и весны Хауз готовился к поездке. Он просил Джерарда о распорядке дел кайзера. Тот выяснил, что в конце весны Вильгельм II будет на Корфу, возвратится в Потсдам, оттуда поедет в Киль на парусные гонки, затем будет путешествовать в норвежских водах¹, а потом направится в свои поместья на Рейне. При первой же возможности Хауз телеграфировал Джерарду, чтобы тот устроил встречу в июне, по возвращении кайзера с Корфу.

Хауз считал себя к этому моменту настолько осведомленным о положении в Великобритании, что главной своей задачей полагал непосредственное изучение психологии немцев и, в особенности, характера Вильгельма II. В январе мы видим его за завтраком с Бенджаменом Айд Уилером, от которого он исподволь набирался сведений.

«1 января 1914 г. Мы прекрасно провели время. Он только что вернулся из Германии, где много раз виделся с кайзером не только в последнее время, но и в предыдущие свои наезды в Германию. Кайзера он посещает запросто и проводит много времени с ним и его семьей. Он дал мне почти все нужные сведения о кайзере и его окружении. Уилер также близкий друг Рузвельта, и я с интересом слушал, как он сравнивал эти две личности. Он считает их очень похожими, особенно в отношении памяти и импульсивности, но различаются они тем, что у кайзера религиозное направление мыслей и держится он более воспитанно.

¹ См. письмо Хауза к Джерарду от 1 января 1914 г. и ответные письма Джерарда от 11 февраля и от 15 марта 1914 г. Этот момент имеет исторический интерес, поскольку утверждали, что кайзер направился в Норвегию, чтобы отвлечь внимание от немецких приготовлений к войне. Ясно, что это календарное расписание было составлено задолго до сараевского убийства.

ГЛАВА II

Для получения всех нужных мне сведений я должен был объяснить ему цель моих расспросов; он стал уверять, что есть шансы на успех, что я смогу уговорить кайзера заключить соглашение о разоружении. Так же как и сэр Уильям Тиррел, он считал, что помехой будет морской министр. Кайзер говорил Уилеру, что военно-морское строительство он осуществляет не для того, чтобы угрожать Англии, а для усиления престижа германской морской торговли. Кайзер часто говорил о том, насколько невозможна война между Англией и Германией и какой предельной глупостью была бы общеевропейская война. Он считает, что противоречия надвигаются между азиатскими и западно-европейскими народами и в ближайшие двадцать лет западные народы это осознают и станут более или менее солидарны.

Уилер рассказал, как в марте прошлого года еле удалось предотвратить общеевропейскую войну из-за балканской кутерьмы; император считает, что он спас положение своим предложением об образовании албанского государства¹. Кайзер говорил Уилеру, что он предупредил Россию: если она нападёт на Австрию, он немедленно ударит по ней. При этом он также сказал, что очень расположен к Англии и что был любимым внуком королевы Виктории.

Императрица очень редко вмешивалась в беседу кайзера с Уилером, она молча сидела за вязанием и высказывала свое мнение, только когда заходила речь о внутренних делах.

Другое различие между кайзером и Рузвельтом состоит в том, что, когда нужно, кайзер умеет слушать и умеет делать это учтиво».

Хауз провел большую часть зимы в Тексасе. Но, вернувшись в марте на восток, он, несмотря на то, что много вре-

¹ После поражения, нанесенного турецкой армии Балканским союзом осенью 1912 г., Австрия заявила протест против занятия Сербией какой-либо части Адриатического побережья. В Лондоне была созвана конференция великих держав, на которой Великобритания и Германия старались добиться компромисса и где было создано независимое Албанское государство. Сербия заняла Македонию, ускорив этим конфликт с Болгарией.

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

мени и энергии отнимали назначения по Федеральному резервному банку, продолжал приготовления к поездке в Европу. В апреле он подолгу совещался с Эрвином Лафлином, советником американского посольства при Сент-Джеймском дворе.

«9 апреля 1914 г. Мы стали обсуждать мой план сокращения вооружений. В течение трех лет Лафлин был первым секретарем американского посольства в Берлине. Он не раз беседовал с германским канцлером о разоружении и считает, что у меня нет ни единого шанса на то, чтобы уговорить Германию приостановить ее военно-морское строительство.

Лафлин удивился, когда я сказал ему, что получил из первых рук сведения о самом кайзере, — сведения неблагоприятные для моего плана, скорее приближающиеся к его, Лафлина, мнению. Но особенное впечатление произвел на него метод, которым я намерен был добиваться своего. Я объяснил ему, что не собираюсь отстаивать свой план доводами от чувства или этики, а попытаюсь доказать, какую чисто материальную выгоду это дало бы Германии.

Я рассказал о подробностях, касавшихся предоставления Германии зоны влияния в Малой Азии и в Персии, а также выразил надежду, что ей можно было бы предоставить большую свободу торговли в Центральной и Южной Америке. Я заставил его переменить мнение о целесообразности моей попытки; он просил дать ему время поразмыслить и обещал сообщить мне свое заключение несколько позже. Лафлин хорошо знает немцев и заявил, что очень трудно добраться к императору в благоприятный момент».

«10 апреля 1914 г. Эрвин Лафлин с женой завтракали с нами. Мы с ним долго говорили о моем плане разоружения. Я попробовал излагать перед ним свои соображения так, как если бы я говорил с кайзером, зная, что он остановит меня при каждом моем промахе. Я подробнейшим образом разъяснил свои намерения.

ГЛАВА II

Обдумав мой план и выслушав его во всех деталях, Лафлин сказал, что стоит попытаться...»

«16 апреля 1914 г. В половине десятого я направился к Борден-Гарриманам, чтобы показаться их гостям: м-сс Гарриман обещала им, что я буду. Там были принц Мюнстер, князь Павел Трубецкой с женой, посол Думба, генерал Вуд и другие. Я поговорил недолго с принцем Мюнстером о германском императоре для того, чтобы получить добавочные сведения о нем...»

«28 апреля 1914 г. Я рассказал президенту о том, что я делаю в отношении Германии и кайзера, на это он заметил: «Вы собираетесь вспахивать под пар...» Я спросил, уверен ли он, что мне следует ехать именно теперь. Он ответил: «Ваш план так важен, что пренебрегать им нельзя...»

«7 мая 1914г. Хью Уоллэс виделся с графом Бернсторфом и сообщил ему, что я еду в Германию 16 мая. Фон Бернсторф ответил, что германское министерство иностранных дел уже уведомило его об этом и запросило у него сведения обо мне; он их дал. Он сказал, что собирается писать обо мне дополнительно; впрочем, это, по-видимому, было подсказано Уоллэсом...»

Таким образом, Хауз направился со своей чрезвычайной миссией в качестве частного гражданина Соединенных Штатов, единственное звание которого было — «личный друг президента», как некий индивидуум, собиравшийся сам повернуть рычаг благоразумия так, чтобы Старый Мир свернул с пути войны на путь мира.

Чтобы проникнуть в глубину европейского водоворота, нужны были в равной мере мужество и дипломатическое умение. Эти качества у него были, так же как и чувство меры, благодаря которому он часто мог с юмором относиться к встававшим перед ним препятствиям. Но и поставленная им ставка была исключительная! Это был мир во всем мире. При неуспехе беды не будет. А в случае успеха!..

Он назвал эту свою миссию «Великая затея».

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

3

Письмо Хауза президенту

Берлин, Американское посольство, 29 мая 1914 г.

«Дорогой начальник!

К приезду в Германию я был уже довольно хорошо осведомлен о здешнем положении. Со мной вместе ехали князь Мюнстер и граф фон Мольтке¹, с которым я близко познакомился.

Мюнстер — то, что мы называли бы реакционер; я предложил ему говорить больше всех. Фон Мольтке, напротив, из германской знати, пожалуй, единственный человек умеренных взглядов и воспринимает положение так же, как и мы. Он сообщил мне ценные сведения, которые только подтверждают мое мнение о почти полном отсутствии шансов на улучшение положения.

Кайзера я еще не видел, но приглашен в Потсдам на завтрак в понедельник. Будет ли там возможность поговорить с ним, для меня еще неясно...

Я вел продолжительные беседы с министром иностранных дел фон Яговым и с адмиралом фон Тирпицем. Ягов — ловкий дипломат, но без особо выраженной индивидуальности. Фон Тирпиц — отец идеи большого флота, человек сильный и агрессивный. Оба они не блещут особенно большими талантами.

Меня предупреждали, чтобы я не разговаривал с фон Тирпицем из-за его хорошо известной оппозиции нашим взглядам. Но я решил обратиться к нему, поскольку после кайзера он самый сильный человек в Германии. Наша часовая беседа была исключительно интересна; полагаю, что я сделал «зарубку» не очень глубокую, но достаточную, во

¹ Племянник великого фельдмаршала и двоюродный брат начальника германского штаба периода оккупации Бельгии и Франции, который после неудачи германского наступления был заменен Фалькенхайном.

ГЛАВА II

всяком случае, для того, чтобы можно было начать переговоры в Лондоне.

Я все время остерегаюсь вмешивать вас. Излагаемые мною суждения и планы я выдаю за свои. Вы фигурируете лишь постольку, поскольку позволяет существующее общее представление о наших отношениях.

Положение — исключительное. Это милитаризм, дошедший до полного безумия. Если только кто-нибудь с полномочиями от вас не добьется установления иных отношений, то в один прекрасный день произойдет ужасный катаклизм. Никто в Европе этого сделать не может. Тут слишком много ненависти, слишком много подозрительности. Стоит Англии дать согласие, как Франция и Россия тотчас же набросятся на Германию и Австрию. Англия не хотела бы совсем раздавить Германию, так как тогда она столкнулась бы один на один со своим старинным врагом, с Россией; но если Германия будет беспредельно увеличивать свой флот, у Англии не останется выбора.

Наибольшие шансы для мира — это достижение соглашения между Англией и Германией о морских вооружениях, с другой стороны, для нас было бы несколько хуже, если бы эти державы слишком сблизились.

Это — всепоглощающая задача, могущая иметь исключительные последствия. Хотелось бы, чтобы она была разрешена к неувядаемой славе вашего управления и нашей американской цивилизации.

Верный и преданный вам Хауз».

Хауз скоро распознал, что в Германии, наряду с чувством агрессивности, жило и чувство страха, — страх человека, мучимого неуверенностью и готового вцепиться в горло первому встречному, если ему только покажется, что тот собирается сделать движение. Сознывая, что она вызвала враждебность к себе, Германия держала курок взведенным и готова была спустить его при малейшем шорохе.

«27 мая 1914г. Перед приездом сюда, — записывает Хауз, — я настоял, чтобы нам не устраивали приемов. Хотелось

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

встретиться с очень немногими людьми. Однако Джерарды не выполнили в точности наших пожеланий, и мы ежедневно видели по несколько человек. Во вторник они дали обед на двадцать четыре персоны, среди которых были: морской министр адмирал фон Тирпиц, министр иностранных дел фон Ягов, английский посол сэр Эдуард Гошен и граф и графиня фон Мольтке; двое последних были приглашены по нашей просьбе.

Из столовой я шел с фон Тирпицем; в одной из гостиных мы простояли, разговаривая около часа. Он проявил определенную нелюбовь к англичанам, нелюбовь, граничащую с ненавистью. Меня очень позабавило его утверждение о том, что англичане смотрят на немцев свысока и считают их ниже себя.

Фон Тирпиц говорил об антигерманских настроениях в Соединенных Штатах, доказывая это ссылками на наши газеты. Он также говорил о статьях адмирала Мэхэна с их англофильской тенденцией. Я заверил его, что наши газеты не отображают действительных настроений у нас и, в свою очередь, спросил его, отображает ли немецкая пресса настроения немцев по отношению к нам. Он ответил: «Нисколько». Он указал, что правительство не имеет никакого влияния на германские газеты, но, как он заметил, англичане, когда это нужно, заставляют газеты становиться на точку зрения правительства.

Я заговорил о мужестве и о твердости президента, иллюстрировал это разными примерами; первый — его настойчивое желание, чтобы мы участвовали в похоронах матросов из Вера-Крус; другой — в том, что он не поддавался запугиваниям и отказался признать Хуэрту. Я провел четкое различие между президентом и Брайаном и хотел, чтобы официальная Германия знала, что если бы между нашими двумя странами появились какие-нибудь осложнения, она будет иметь дело с человеком железного мужества и несгибаемой воли.

Мы много говорили с фон Тирпицем о вооружениях; я отстаивал принцип ограничения их в интересах междуна-

ГЛАВА II

родного мира, а он усиленно защищал необходимость для Германии обладать наилучшими военным и военно-морским аппаратами. Он отрицал всякие завоевательные стремления и настаивал на том, что Германия желает мира, но для его поддержания надо вселять страх в сердца ее врагов.

Я указал на опасность, заключенную в такой программе, ибо поскольку Великобритания не хочет видеть Германию раздавленной, так как это поставило бы ее лицом к лицу с ее старым врагом Россией, постольку же она не может спокойно наблюдать, как неуклонно увеличивается морская мощь Германии с ее, вдобавок, большой и хорошей постоянной армией. Если бы возник вопрос, раздавить ли Германию или дать ей возможность построить такой флот, который сможет свергнуть господство Великобритании на море, то ее политика естественно была бы направлена к тому, чтобы Германия пошла ко дну.

Я выразил надежду, что между Германией и Англией может установиться взаимопонимание. Он также полагает, что это возможно, но не доверяет Англии, считая англичан «ненадежными». Фон Тирпиц оказался наибольшим англофобом из всех государственных деятелей Германии, с которыми я встречался. Я привожу свой разговор с ним полностью, ибо это дает представление об общем направлении бесед с другими людьми.

Как-то мы посетили аэродром и видели, что у них делается в этом направлении. Трудно было получить представление о воздушных силах Германии. Но вот начальник аэродрома, майор, вызвал одного летчика и представил его нам. Затем летчик поднялся в воздух и стал демонстрировать высший пилотаж: прошел бреющим полетом над нашими головами и проделал несколько мертвых петель, проделал целый ряд опасных и любопытных маневров. Я рад был, когда он, наконец, спустился, так как боялся, что желание сделать нам приятное может окончиться его гибелью. Майор сообщил мне, что на этом аэродроме погибло уже тридцать шесть летчиков.

Фамилия летчика — Фоккер. Он сообщил мне, что он голландец и недавно прибыл из Голландии по приглашению германского правительства».

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

Таким образом, Хауз еще до войны повидал летчика, имя которого приобрело такую ужасную известность.

4

Не без затруднений и дипломатической ловкости удалось Джерарду устроить для Хауза разговор с кайзером с глазу на глаз. Официальный Берлин был против этого. Министерство иностранных дел соглашалось на то, чтобы Хаузу была дана аудиенция, но настаивало, чтобы при этом присутствовал кто-нибудь из членов кабинета. Хауз с такой же твердостью настаивал на том, чтобы беседа состоялась с глазу на глаз или чтобы ее вовсе не было. «Если это невозможно, — писал он Джерарду, — то, пожалуйста, не беспокойтесь совсем». Он хотел быть уверенным, что откровенности беседы не смогут помешать официальные условности. Впоследствии он писал: «С моей стороны это был блеф, но я заявил, что отказываюсь от встречи с кайзером, если нельзя устроить, чтобы мы беседовали наедине».

Какова бы ни была чудодейственная сила (а Хауз приписывал ее дипломатии Джерарда)¹, но блеф достиг своей цели, и Джерарду, в конце концов, сообщили, что, если он с Хаузом приедет в Потсдам 1 июня, то последнему будет предоставлена возможность говорить с кайзером наедине. В этот день происходила церемония «Schrippenfest»², столь

¹ Впоследствии Хауз писал: «Не могу достаточно сильно выразить свое восхищение той ролью, которую сыграл наш посол в своей тонкой игре на Вильгельмштрассе для того, чтобы добиться желательного результата».

² «Schrippenfest», буквально «праздник белой булки» (от Schrippe — белая булка), устраивался ежегодно в «день святого духа» для образцового батальона в Потсдаме. По традиции это был единственный день в году, когда рядовые получали к обеду белый хлеб вместо черного и такие деликатесы, как мясные блюда, компот из чернослива и вино. На праздник, устраиваемый кайзером, приглашались иностранные военные и морские атташе, послы и знатные иностранцы. На празднестве присутствовала императрица и младшие члены императорской семьи. Гвоздем церемонии было присутствие за столом самого кайзера, который сидел среди своих солдат, ел их белые булочки и попивал вино из стакана, из которого перед тем пил кто-нибудь из солдат.

ГЛАВА II

любимый кайзером пышный спектакль военщины в прусском стиле. В своих фраках Хауз с Джерардом выделялись траурным пятном, совсем не подходившим ко всему антуражу. «Как две черные вороны», определил их не столь вежливо, сколь едко, сам кайзер.

«1 июня 1914 г. Мы с Джерардом, — записывает Хауз, — направились в Потсдам в половине десятого. Приехали мы слишком рано и бродили вокруг почти до одиннадцати часов. Потом направились во дворец. Мы оказались единственными приглашенными на празднества гостями.

Прекрасной анфиладой комнат, выходявших в парк, нас провели до бокового входа. Здесь мы несколько минут ждали, затем было объявлено о выходе кайзера. Он вошел, пожал нам руки и вышел со свитой в парк. Мы прошли вместе с группой, состоявшей из императора, императрицы, принцев и их жен. Нас поместили рядом с королевской семьей.

После религиозной церемонии состоялся парад, потом раздача орденов, а затем мы прошли парком в другой дворец, где солдатам был дан завтрак. Большую часть времени я пробыл с товарищем министра иностранных дел Циммерманом, замещавшим отсутствовавшего по случаю свадебной поездки фон Ягова. Он очень отзывчиво говорил о моем плане дружественного соглашения между Великобританией, Германией и Соединенными Штатами. Мы всесторонне обсуждали положение в Европе.

Завтракали мы в знаменитом ракушечном зале¹ («пожалуй, самая безобразная в мире комната», заметил о ней Джерард). Стол имел форму полумесяца и был прекрасно сервирован. Мы с Джерардом сидели как раз напротив императорской семьи. По правую руку от меня был военный министр фон Фалькенхайн², слева сидел какой-то саксонский генерал, фамилию которого я не разобрал. Кайзер об-

¹ Стены зала были выложены морскими ракушками.

² Фалькенхайн был впоследствии начальником штаба и в 1916 г. руководил немецким наступлением на Верден. После неудачи он был замещен Гинденбургом.

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

ращался через стол к нашей группе, главным образом к фон Фалькенхайну... Стол был превосходный, завтрак тянулся недолго, около пятидесяти минут.

Еще до приезда в Берлин я предостерегал Джерарда от того, чтобы употреблять звание «полковник» при разговоре обо мне или при представлении меня. Это, однако, не помогло, так как Бернсторф телеграфировал о моем приезде заранее, так что «полковником» я стал тотчас же по приезде. Большая часть времени за завтраком ушла на то, чтобы объяснить моим соседям, какой я «полковник» — не настоящий, в европейском смысле слова, а как у нас в Америке сказали бы — полковник в географическом смысле. Мои объяснения дошли, наконец, до сознания Фалькенхайна, но моему соседу слева это безнадежно затуманило голову, и он до конца все говорил об армейской технике...

Потом мы перешли в большую гостиную, где я был представлен императрице. Мы поговорили о Корфу, о том, как красива Германия весной, и о других вещах в том же духе. Когда эта формальность была исполнена, адъютант кайзера подошел и сказал, что его величество готов принять меня на террасе...

Кайзеру свойственна такая же многосторонность, как и Рузвельту, но несколько больший шарм и несколько меньшая сила. У него есть неприятная привычка слишком близко наклоняться к лицу собеседника, когда он говорит особенно серьезным тоном. Его английский язык чист и изыскан, и, хотя он говорит с темпераментом, но, однако, слишком воспитан, чтобы монополизировать беседу. Мы все время уступали друг другу очередь в разговоре. Он знал, что хотел сказать, я — тоже, и поскольку мы оба говорили быстро, то получаса было достаточно.

Джерард и Циммерман стояли, разговаривая, в стороне, футах в десяти-пятнадцати, вне пределов слышимости. Вначале казалось, что мне не уйти от темы о любимых занятиях кайзера, но, наконец, мне удалось перейти к предмету, для обсуждения которого я явился... Оказалось, что он го-

ГЛАВА II

раздо менее предубежден и воинственно настроен, чем фон Тирпиц. Он заявил, что стремится к миру, поскольку это служит интересам Германии. Германия была бедной страной, теперь она богатеет и еще несколько лет мира сделают ее совсем богатой. «Ей угрожают со всех сторон, штыки Европы направлены на нее», — и так далее, в том же духе. Об Англии он говорил благожелательно и с восхищением. Англия, Америка и Германия — родственные народы и должны сойтись теснее. О других странах он не очень задумывается.

Он говорил об ошибке Англии, вступившей в союзы с латинскими народами и со славянами, не сочувствующими нашим идеям и целям; они колеблющиеся и ненадежные союзники. Он говорил о них как о полуварварах, а об Англии, Германии и Соединенных Штатах — как о единственной надежде победоносной христианской цивилизации...

Я высказал мысль, что Россия представляет наибольшую угрозу для Англии, что для Англии выгодно, чтобы Германия могла сдерживать Россию, Германия является барьером между Европой и славянами. Его нетрудно было заставить согласиться с этим.

Кайзер говорил о том, что Великобритания не сможет поддерживать постоянный и удовлетворительный союз с Россией или Францией. Я указал ему, что англичане весьма озабочены его все растущим флотом, который вместе с его громадной армией является угрозой, и что может наступить время, когда им придется решать, что для них более опасно: успешное нападение кайзера и его народа, нападение со стороны России или, наконец, угроза потери азиатских колоний. Я полагал, что когда дело дойдет до выбора, решение будет не в пользу Германии.

Я говорил об общности интересов Англии, Германии и Соединенных Штатов и указал, что если они будут держаться вместе, то мир во всем мире может быть обеспечен. С этим он охотно согласился. Но, продолжал я, до тех пор, пока он будет продолжать увеличивать свой флот, о соглашении не может быть и речи. Кайзер ответил, что ему нужен

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

большой флот для соответствующей защиты германской торговли и при этом — флот соразмерный с растущей мощностью и значением Германии. Он также указал, что необходимо иметь флот, достаточный для защиты от соединенных сил России и Франции»¹.

«Я спросил, когда он подойдет к завершению своей морской программы. Он ответил, что это хорошо известно, так как о программе строительства было заявлено публично, и когда она будет выполнена целиком, тогда и настанет конец строительству. К этому он добавил, что Великобритании нечего опасаться Германии, он лично друг Англии и оказывает ей неоценимую услугу, обеспечивая перевес сил против России.

Я сказал, что мы с президентом считали, что американцу возможно было бы легче уладить здешние затруднения и добиться общего понимания в отношении мира, чем кому-нибудь из европейцев вследствие их недоверия и нелюбви друг к другу. С этим он согласился. Я сказал, что взялся за это дело, и это является причиной моего приезда в Германию, так как раньше всего я хотел повидаться с ним. Из Германии я намереваюсь отправиться прямо в Англию, где поставлю вопрос перед правительством так же, как я делаю это здесь перед ним.

Я пояснил, что намерен действовать осторожно и выяснить, чего можно достигнуть, а если кайзер того желает, я могу держать его в курсе дела. Он просил меня так и сделать, сказав, что мои письма будут доходить до него «через нашего друга Циммермана из министерства иностранных дел...».

¹ В более поздней записи Хауз отмечает: «Я забыл упомянуть, что спросил кайзера, почему Германия отказалась подписать «пакт Брайана», предусматривающий арбитраж и годичный «период для остывания» до того, как могут быть начаты военные действия». Он ответил: «Германия никогда не подпишет такого договора. Наша сила в том, что мы готовы вступить в войну без предупреждения. Мы не откажемся от этого преимущества и не дадим нашим врагам времени подготовиться».

Если бы Германия подписала этот пакт, то Соединенные Штаты могли бы вступить в войну до истечения двенадцатимесячного срока разве только на том основании, что нападения подводных лодок были со стороны Германии актом войны против Соединенных Штатов.

ГЛАВА II

Мой разговор с кайзером на террасе занял полчаса и происходил действительно наедине. Джерард и Циммерман стояли поодаль, футах в десяти. В три часа из Потсдама отходил специальный поезд, времени оставалось очень мало, и все начинали беспокоиться. Императрица сама выходила на террасу с намерением прервать наш разговор, а еще до этого она посылала с той же целью одного из своих сыновей. Но никто из них не подходил к нам, видя, как оживленно и дружелюбно мы беседуем. Она, наконец, послала главного камергера, который подошел к нам с нерешительным и смущенным видом и сказал кайзеру, какое может возникнуть затруднение. Тот, однако, едва обратил на него внимание и, резким тоном отослав его, продолжал разговаривать еще минут десять.

К этому времени я высказал все, что хотел, и сам был готов уйти. Поэтому я замолчал, желая показать, что по крайней мере я свое дело кончил. Это возымело свое действие, и мы попрощались. Джерард потом сказал мне, что все проявляют громадный интерес к моему разговору с кайзером и что весь Берлин только и говорит об этом, и все недоумевают, о чем мы так долго и оживленно могли говорить».

5

Вечером того же дня, когда состоялась памятная встреча с кайзером, Хауз уехал в Париж. Он был, очевидно, очень доволен тем, как был встречен его план, ибо хотя кайзер и не обещал ничего, однако он вселил достаточно бодрости в Хауза, чтобы тот мог начать переговоры с англичанами. «Рад сообщить вам, — писал он Вильсону из Парижа, — что я добился такого успеха, какого только мог ожидать... Я очень доволен достигнутым и спешу в Лондон, чтобы убедиться, что можно сделать там. Предчувствие говорит мне, что «поднимать целину» там будет гораздо труднее».

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

Особенно большое впечатление на Хауза в Германии произвело то, что там царило не какое-нибудь желание войны, основанное на определенном плане, а безрассудная нервозность, которая в любую минуту могла вылиться в безрассудное нападение, и полная неспособность подойти к вопросу с разумной выдержкой и готовностью к компромиссу.

«Я нахожу, — писал он президенту, — что и Англия и Германия имеют одно общее чувство, и это чувство есть страх одного перед другим. Никто не хочет первым начать переговоры, хотя обе стороны признают, что сделать это необходимо, и никто не хочет уступить».

В это время президент Вильсон, который сначала почти с безразличием относился к положению в Европе, начал сознавать все возможности «великой затеи». Он писал Хаузу о том, какой радостный подъем он испытал при получении его ответа, и о своей уверенности, что Хауз начал великое дело и проводит его правильно, с присущим ему тактом и спокойствием.

В Париже переговоры оказались невозможными. Франция была охвачена министерским кризисом, и Париж думал только о выстреле мадам Кайо в Кальметта и о политических последствиях этого дела. По своей привычке Хауз, когда увидал, что условия неблагоприятные, замкнулся в своей раковине и в течение нескольких дней только наблюдал со-бытия.

«8 июня 1914 г. Неделю в Париже я провел в тишине; самой трудной моей заботой было избегать американцев и всех прочих людей, желавших меня видеть. Мы получили массу приглашений на завтраки и обеды, которые все были отклонены, хотя одно из приглашений было от нашего посланника.

Был я у Херрика (американский посланник), так как обещал, что зайду к нему, когда у меня назреет необходимость с ним поговорить. Накануне у него был Рузвельт, и Херрик рассказал мне кое-что о спортивной и умствен-

ГЛАВА II

ной деятельности Т. Р. (Рузвельта). Херрик предсказывает, что Т. Р. собирается вернуться домой и как следует досадить демократам. Я возразил, что все, что он сделает, навредит не столько нам, сколько его друзьям-республиканцам.

Херрик зачитал мне выдержки из готовящейся им книги о сельскохозяйственном кредите и сказал мне, что вскоре она будет готова к печати, после чего он хотел бы вернуться в Америку...»

«12 июня 1914г. Лондон. Приехал из Парижа 9-го. Завтракал у Пэйджа 10-го, вчера он завтракал у меня, так что мы смогли обменяться мнениями. Он очень любезно назвал проделанную мною в Германии работу наиболее важным делом нашего поколения. Я возразил, что для окончательной оценки следует подождать результатов моей деятельности здесь. Он ответил, что я встречу полное сочувствие английского правительства. Пэйдж считает, что начало как бы уже положено. Мы решили раньше всего повидать сэра Эдуарда Грэя и предоставить ему решить, следует ли привлечь к делу Асквита и короля...»

Хауз приехал в Лондон в самый разгар сезона, и невозможно было в короткий срок добиться каких-либо политических результатов. На первом плане были приемы, и только через неделю после приезда Хауза Пэйдж мог найти свободный день для завтрака с сэром Эдуардом. Пока же Хауз, по своему обыкновению, старался встречаться с интересными и могущими дать нужные сведения людьми. Так, он разговаривал с сэром Хорэсом Планкеттом и лордом Брайсом; завтракал в посольстве с Рузвельтом и другими знатными людьми; встречался с такими людьми, как лорд Керзон, Генри Джэймс — лондонский епископ — и Джон Сарджент; обедал у Бэрдетт-Кутс в его дворце на Пикадилли, знакомился с его сокровищницей предметов искусства и рукописей и подсчитывал богатства разных наций с сэром Джорджем Пэйшем из журнала «Стэйтист».

17 июня 1914 г. Хауз, сэр Эдуард Грэй, сэр Уильям Тиррел

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

и Пэйдж встретились за завтраком. Хауз рассказал о своем визите в Германию и о предложении, сделанном кайзеру.

«На сэра Эдуарда это, видимо, произвело впечатление, — записывает Хауз, — и мы всесторонне обсудили положение в Европе, в особенности в отношении Германии и Англии. Он согласился со мной, что французские государственные деятели оставили мысль о реванше и о том, чтобы получить обратно Эльзас-Лотарингию: они удовлетворены существующим положением Франции.

Мы говорили о том, как трудно начать переговоры. Я предложил устроить каким-нибудь путем встречу кайзера с ним (Грэм) и со мной в Киле, но подробно мы об этом пока не говорили.

Отношения между Россией и Британской империей обсуждались нами свободно и с полной откровенностью. Сэр Эдуард объяснил, что Великобритания и Россия соприкасаются в столь многих пунктах мира, что им необходимо достигнуть какого-нибудь удовлетворительного взаимопонимания.

Я высказал мнение, что Англия должна разрешить Германии участвовать в развитии экономики Персии. На это Грэй заметил, что здесь можно было бы сделать удачный ход, попеременно натравливая их одну на другую, однако немцы настолько агрессивны, что это может оказаться опасной игрой. Сэр Эдуард очень объективно сознает необходимость для Германии содержать флот, соразмерный с ее торговлей и достаточный для защиты от России и Франции. Я рассказал о воинственном настроении Германии и о напряженном настроении населения и высказал опасение, что какой-нибудь искры будет достаточно, чтобы раздуть огонь. Я считал, что когда Германия двинется, она ударит сразу, без переговоров и обсуждений, и если ей покажется, что недоразумение не может быть преодолено мирными переговорами, она не будет рассуждать, а ударит. Я считал, что сам кайзер и большинство его советни-

ГЛАВА II

ков не хотят войны, ибо они стремятся к тому, чтобы Германия развивала свою торговлю и богатели, но армия построена милитаристично и агрессивно и в любой момент готова воевать.

Я сказал ему, что в Германии сложилось мнение, которое я разделяю, что пришло время, когда Англия не может больше полагаться в своей защите только на свое изолированное положение: новейшие изобретения настолько изменили условия, что немцы убеждены в том, что вскоре Англия станет такой же досягаемой для удара, как и ее континентальные соседи. Сэр Эдуард заметил: «Следовательно, мысль состоит в том, что Англия окажется в таком же положении, как и континентальные державы?» Я ответил: «Вот именно».

Я изложил свое мнение о воздушной мощи Германии и о том, что они могут сделать уже сейчас. Я объяснил, что мы хотим играть роль примирителя, и почему считаем, что можем сделать это лучше, чем они сами. Я предостерег их, что теперешний германский канцлер может в любой момент уйти и быть замещен фон Тирпицем и тогда решение вопроса будет намного затруднено.

Я чувствую, что мой визит оправдался, если даже и не удастся сделать больше того, что уже сделано. Трудно представить себе, что моя прошлогодняя мечта начинает осуществляться. Я беседовал с кайзером, а теперь и английское правительство, видимо, заинтересовано в ведении переговоров. Трудно также поверить, что в той или иной мере эти наши начинания могут влиять на всякие существующие в мире правительства, а решения, которые мы изо дня в день вырабатываем, могут касаться каждого человеческого существа.

Я рассказал сэру Эдуарду, что когда при кайзере упомянули его имя, он сказал, что Грэй никогда не был на континенте и поэтому не может понять Германию. Сэр Эдуард заметил, что если буквально это и не так, то почти верно: давным-давно, при поездке в Индию, он почти без остановок

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

пересек континент, а недавно несколько дней пробыл с королем в Париже».

Письма Хауза президенту

Лондон, 17 июня 1914 г.

«Дорогой начальник!

В сэре Эдуарде я нашел внимательного слушателя, к тому же очень откровенного и сочувствующего. Конец этой недели я провожу у Тиррела, а в ближайшую среду завтракаю у сэра Эдуарда. За это время он несомненно обменяется мнениями по нашему вопросу со своими коллегами.

Здесь все перегружено приемами, и ничего нельзя сделать быстро. Все они поглощены мыслями об Аскоте (скачки), о балах и т. д. и т. п. В Германии люди поглощены одной мыслью — промышленным развитием и прославлением войны. Во Франции я не наблюдал того, чтобы доминировал военный дух. Ее государственные деятели не мечтают больше о реванше и о возврате Эльзас-Лотарингии. Народ об этом мечтает, но те, кто управляют и знают дело, думают лишь о том, чтобы Франция могла идти своим путем. Численностью населения Германия уже превосходит ее наполовину, и разница увеличивается с каждым годом. Именно этот новый дух во Франции наполняет меня надеждой, чем сегодня я в некоторой степени и воспользовался. Франция, я уверен, будет приветствовать наши усилия на пользу мира.

Верный вам и преданный Э. М. Хауз».

Лондон, 26 июня 1914 г.

«Дорогой друг!

В среду у меня была очень интересная встреча на завтраке с сэром Эдуардом Грэм. Кроме меня были: лорд канцлер (лорд Холдэйн), граф Крю и сэр Уильям Тиррел. Пэйджу пришлось отправиться в Оксфорд за получением ученой степени, и потому он не мог быть с нами.

ГЛАВА II

Я не стал повторять подробности своего визита в Германию, полагая, что сэр Эдуард передал об этом Холдэйну и Крю. И только высказал, как свое мнение, что международные дела могли бы с большей выгодой разрешаться во многом теми же приемами, какими люди разрешают свои личные дела; я сказал, что, по-моему, большая часть недоразумений вызывается ложными донесениями и смутьянами, и если бы ответственные лица были знакомы с фактическим положением, то кажущиеся затруднительными ситуации разрешались бы легко.

Я привел в пример работу, которую проделал осенью в Америке сэр Уильям Тиррел, в результате чего между нашими странами установились сердечные отношения.

Беседа продолжалась часа два, мы решили возобновить ее в ближайшее время. Пока же главная мысль была принята, а именно: заинтересованные стороны должны вести открытую и откровенную политику.

Они заявили мне, что между Англией, Францией и Россией нет писаного соглашения, их договоренность выражает попросту взаимную симпатию и решимость оберегать интересы друг друга.

Сэр Эдуард был в исключительно хорошем настроении и особенно горячо говорил о вас. При нашем последнем свидании он сказал мне, что при первом удобном случае намерен публично высказать в палате общин свое мнение о том, что было сделано вами для улучшения международных отношений.

Вчера я завтракал у Ллойд-Джорджа, вел с ним интереснейший разговор и убедился, что он удивительно плохо осведомлен об Америке и ее установлениях. Подробнее расскажу вам об этом при личном свидании.

В четверг на следующей неделе я завтракаю у премьер-министра и, если последует что-нибудь важное, снова напишу вам...

Преданный и верный вам Э. М. Хауз».

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

Хауз не только подчеркивал негативную сторону задачи — необходимость устранения факторов, угрожавших европейской войной, но настаивал также на положительной программе международного сотрудничества с конструктивной целью. Это был тот же план, который он обсуждал с Пэйджем и Бернсторфом, — план, намечавший соглашение между великими мировыми державами по вопросу о разработке и защите отсталых частей мира и заключавший также зародыш идеи мандатов, в дальнейшем разработанной Лигой наций. Как-то в холодный вечер, сидя перед камином в поместье Тиррела, он изложил свой план сэру Сесилию Спринг-Райсу и сэру Уильяму Тиррелу. Спринг-Райс и Тиррел одобрили эту мысль, затем Хауз изложил ее Грэю.

Письмо Хауза президенту

Лондон, 26 июня 1914г.

«Дорогой начальник!

Я взялся еще за одно дело, которое, надеюсь, вы одобрите. Я выдвинул такой план: пусть Америка, Англия, Франция, Германия и другие кредитуемые и цивилизаторские нации заключат своего рода пробное соглашение. Цель соглашения — разработка плана, по которому, с одной стороны, инвеститоры поощрялись бы вкладывать свои средства на условиях разумного дохода и разработки при благоприятных условиях пустующих частей мира, а с другой стороны — устанавливались бы условия, гарантирующие сохранность этих капиталовложений.

Я предложил, чтобы в каждом государстве было указано населению, что ростовщические проценты и концессии, ведущие к порабощению слабых и отягощенных долгами стран, больше не будут допускаться; что в будущем к этим капиталовложениям должны применяться те же законы, которые установлены для частных займов в цивилизованных странах.

Вопрос этот я поднял в среду за завтраком; Грай, Холдэйн и Крю с одинаковой сердечностью приняли участие в

ГЛАВА II

его обсуждении. Я сказал им, что хотел бы знать их мнение с тем, чтобы я мог изложить его вам по моему возвращении.

Если бы этот план можно было осуществить, он не только положил бы конец бесчисленным международным трениям, порождаемым такими вещами, но он был бы шагом вперед в создании устойчивых и здоровых условий в тех несчастных странах, которые теперь дурно управляются и эксплуатируются, — в метрополиях и в колониях.

Верный и преданный вам Хауз».

Представляя президенту какой-нибудь план, Хауз не ждал утвердительного отзыва. Очевидно, молчание президента он принимал за знак согласия, ибо однажды он выразился: «Если президент не спорит, я знаю, что можно уверенно продвигать дело, так как он редко выражает свое согласие словами, но когда он не согласен, он это всегда скажет». С Хаузом было обратное: мы часто находим в его заметках фразу: «Своим молчанием я показал, что не согласен».

В данном случае, не получив от президента телеграммы о несогласии, Хауз продолжал разрабатывать свой план. 3 июля он собрал у себя американских послов в Великобритании и Италии, английского посла в Соединенных Штатах и сэра Уильяма Тиррела. Спринг-Райс составил для сэра Эдуарда Грея меморандум, где были изложены основы плана Хауза с тем, чтобы министерство иностранных дел было вполне осведомлено о его содержании.

Письмо Хауза президенту

Лондон, 4 июля 1914 г.

«Дорогой друг!

...Сэр Сесиль Спринг-Райс, сэр Уильям Тиррел, Уолтер Пэйдж и Томас Нелсон Пэйдж, который сейчас здесь, были приглашены мною вчера на завтрак для более детального обсуждения...

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

Тиррел сказал мне, что сэр Эдуард Грэй глубоко заинтересован предложением, целиком одобрил его общую цель и можно рассчитывать на содействие его правительства.

Все согласились на том, что если бы подобное соглашение было достигнуто, то в будущем можно было бы избежать массу трений и что оно в не меньшей мере, чем любое иное мероприятие, поможет установлению международной дружбы.

План, конечно, целиком основывается на вашей речи в Мобиле, и мы попросту пытаемся создать нечто конкретное из того, что вы уже в общем объявили линией своей политики. Я предложил сохранить дело в полной тайне, пока я не поговорю с вами и вы решите, как лучше всего добиться, — если это вообще возможно, — согласия всех других правительств. Мне кажется неразумным, чтобы стало известно, что Англия первая приняла это предложение.

Тиррел предложил, чтобы после того, как мы здесь разработаем приемлемый для его правительства план, я представил его вам на одобрение и для исправлений. Тогда вы могли бы, если найдете нужным, предложить его другим правительствам через Жюссерана, как старшину дипломатического корпуса в Вашингтоне, надежде же потому, что центральные и южноамериканские республики будут более расположены к проекту, исходящему от латинского государства.

Тиррел и Спринг-Райс встретятся со мной еще раз в среду, для окончательного согласования проекта. Пэйджа, возможно, не будет. Я считаю, что ему лучше не быть, так как его присутствие придавало бы делу несколько официальный характер, чего мы хотели бы избежать.

Я слегка коснулся этого плана в разговоре с кайзером и уверен, что он его тоже одобрит. Это было удачно, поскольку можно будет сказать, что план был предложен ему первому.

Верный и преданный вам Э. М. Хауз.

P.S. Как говорит Пэйдж, это конкретный пример того, чего можно было бы достигнуть, если бы возможно было установить лучшие международные взаимоотношения».

ГЛАВА II

Лично сэр Эдуард Грэй очень сочувствовал предложению Хауза, ибо он тоже хотел сделать все, что было в его силах, чтобы убедить Германию в миролюбивых намерениях англичан, а также для того, чтобы заложить фундамент для постоянной системы международного сотрудничества. Сознал ли он, что туг необходимо действовать быстро, но что, к несчастью, быстро действовать было невозможно. Приходилось считаться с опасениями Франции и России, и Тиррел сообщил Хаузу, что Грэй продумывает способы установления контакта с Германией без того, чтобы другие члены Антанты почувствовали себя задетыми. Зло системы довоенных союзов делало прямодушные переговоры невозможными. Грэй, видимо, не хотелось ехать в Киль, как это предлагал Хауз. Более того, главное внимание английского кабинета в то время было обращено на ирландский кризис, и очень трудно было убедить членов кабинета в том, что международное положение для предупреждения взрыва требует немедленного вмешательства.

Хауз томился этими проволочками, но философски продолжал поддерживать светские знакомства, из которых потом можно было бы извлечь дипломатическую выгоду. Сотрудник «Таймс» Сидни Брукс как-то спросил его, предпочитает ли он встречаться с «политиками или джентльменами?» Между тем именно с ним Хауз завтракал у Ллойд-Джорджа...

«25 июня 1914 г. В девять утра за мной зашел Сидни Брукс, — записывает Хауз, — и мы отправились на завтрак к канцлеру казначейства. Мы несколько опоздали, и Ллойд-Джордж уже дожидался меня. На завтраке были также: губернатор Золотого Берега Клиффорд и дочь Ллойд-Джорджа. Завтрак был организован запросто, как это принято у англичан: каждый сам подходил к стоявшему в стороне столу и выбирал, что хотел. Меню состояло из жареной рыбы, колбасы, ветчины, яиц, фруктов, чая и кофе. Джордж (Ллойд-Джордж) ел с аппетитом...»

Неделю спустя Хауз был на завтраке у премьер-министра.

« 2 июля 1914 г. После того как дамы удалились, Асквит попросил меня подсесть к нему поближе для разговора, который

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

длился минут пятнадцать-двадцать. Говорил почти я один. Вначале мы беседовали о том, какое удобство представляется, когда члены кабинета одновременно являются и членами парламента или конгресса. Я заметил, что чувствую себя здесь почти как дома, хотя бы потому, что нападки на английское правительство аналогичны тем, которым подвергается правительство Вильсона, и исходят от одних и тех же людей. Это показалось ему забавным. Я продолжал: цели правительства либеральной партии и демократической партии весьма схожи; если бы консерваторам обеих стран была дана воля, то в конце концов, вероятно, многие из них лишились бы своих богатств и висели бы на фонарных столбах. Асквит с этим согласился...

По обычаю, Асквит прошелся насчет Брайана. Я разъяснил, почему президенту пришлось ввести его в кабинет. Он согласился, что президент поступил разумно, но считает достойным сожаления, что это оказалось необходимым. Такие замечания я слышу повсюду: в Германии, во Франции и здесь. Все несправедливы к Брайану, но бороться с этим отношением совершенно невозможно, можно только повредить той цели, к которой стремишься».

6

Пока Хауз дожидался какого-нибудь определенного ответа от Грэя для передачи кайзеру, была брошена та искра, которая зажгла нагромождавшуюся в течение десятилетий дипломатических конфликтов гору легко воспламенимого материала. 28 июня наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд был убит сербским националистом в главном городе Боснии — Сараево. Можно уверенно сказать, что очень немногие англичане когда-либо слышали об эрцгерцогe; еще сомнительнее, чтобы они могли найти на карте ту захолустную столицу, и все же таковы были дипломатические тенета, в которые попала Европа, что не прошло и шести недель, как английские солдаты пошли на смерть по бельгийской границе.

ГЛАВА II

Весть об убийстве эрцгерцога застигла Лондон в апогее ирландского кризиса и суфражистской агитации и произвела не большее впечатление, чем голос тенора в котельном цехе. Спустя несколько дней английский министр иностранных дел высказал опасение по поводу положения в юго-восточной Европе, но кабинет министров был все еще во власти вопросов внутренней политики. В Берлине пресса открыто говорила об опасности политического кризиса, а германское правительство, в секретном порядке, дало Австрии санкцию на любые ответные репрессалии, какие та сочтет нужным принять в отношении Сербии. Но, по-видимому, никто не подозревал, что выданная так опрометчиво карт-бланш приведет к мировой войне и к разрушению Германской империи. Высшее командование армии и флота не было вызвано в Берлин, министр иностранных дел продолжал свою свадебную поездку, планы кайзера о морской прогулке остались неизменными. Джерард с воодушевлением писал Хаузу о своем возвращении в августе в Соединенные Штаты.

Письмо Джерарда Хаузу

Берлин 7 июля 1914г.

«Дорогой полковник!

Я был в Киле на яхте г-на А., жена еще и сейчас там. Приехал только на празднование нашей колонией 4 июля¹.

Был на обеде у кайзера и на завтраке у фон Тирпица до того, как пришли известия об убийстве Франца-Фердинанда. Оба они очень восторженно отзывались о вас. Фон Тирпиц благодарил меня за предоставленную возможность познакомиться с вами. Мы почти окончательно решили уехать в Соединенные Штаты 12 августа, на пароходе «Фатерланд». Еще до моего возвращения я, конечно, снесусь с вами, где бы вы ни оказались.

¹ Национальный праздник в Соединенных Штатах — день провозглашения независимости.

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

Кайзер предлагал мне быть с ним на его гоночной яхте во время гонок в Киле, но убийство в Боснии помешало мне провести с ним этот день.

Из-за тенниса мой почерк совершенно неразборчив.

Когда вы отплываете?..

В Берлине тихо, как в могиле...

Всегда ваш *Джэйс У. Джерард*».

Как мрачно звучит в свете последующих событий эта заключительная фраза: «В Берлине тихо, как в могиле». Это был канун «светопреставления».

По иронии судьбы, как раз в тот момент, когда Австрия, заручившись смелым одобрением Германии, замышляла свое нападение на Сербию, когда машина войны была уже готова придти в движение, английское министерство иностранных дел дало определенный, хотя и запоздалый ответ на предложение Хауза. 3 июля он был извещен Тиррелом, что Грэй просит его передать кайзеру о миролюбивых настроениях Великобритании для того, чтобы начать дальнейшие переговоры. Хауз тотчас написал кайзеру большое письмо.

Письмо Хауза президенту

Лондон, 3 июля 1914г.

«Дорогой друг!

...Тиррел сообщил сегодня, что сэр Эдуард Грэй просит меня передать кайзеру о впечатлениях, вынесенных из переговоров с английским правительством относительно установления лучшего взаимопонимания между европейскими державами, и постараться получить ответ еще до моего отъезда. Сэр Эдуард указал, что он не считает возможным передавать что-либо в официальном порядке или в письменной форме, опасаясь задеть самолюбие Франции и России, если об этом станет известно. Он считает, что это как раз такая вещь, которую лучше всего делать неофициально и неформально.

ГЛАВА II

Он также сказал Пэйджу, что по этому вопросу у него была долгая беседа с германским послом в Великобритании и через него он передал кое-что непосредственно кайзеру.

Так что, как видите, дело идет в нужном направлении с той быстротой, на которую можно было надеяться.

Преданный и верный вам Хауз».

Письмо Хауза кайзеру

Лондон, Американское посольство,

7 июля 1914 г.

*Его императорскому величеству императору
Германии королю Пруссии. Берлин, Германия.*

«Сэр!

Ваше императорское величество несомненно вспомнит нашу беседу в Потсдаме и то, что с согласия и одобрения президента я приехал в Европу с целью выяснения возможности соглашения между великими державами о продолжительном мире, а в дальнейшем — о благотворной экономической перегруппировке, которая стала бы возможной вследствие уменьшения вооружений. По причине руководящего положения, занимаемого вашим величеством, и благодаря хорошо известному вашему стремлению к сохранению мира, я направился, как вашему величеству это известно, прямо в Берлин.

Я никогда не забуду милостивого приема, оказанного общей цели моей миссии, вашего мастерского изложения современного мирового политического положения и пророческих указаний о будущем, сделанных вашим величеством.

Я тогда получил от вашего величества всяческие заверения в сердечном одобрении вашим величеством целей президента и уехал из Германии в радостной уверенности, что

¹ Титул кайзера был «Германский император», а не «император Германии», хотя он всегда добивался этого последнего титула. Но ревнивость германских князьков препятствовала ему в этом. Была ли эта лезть со стороны Хауза намеренной или случайной? На копии письма есть надпись рукой Хауза: «Написав это письмо, я показал его советнику посольства Эрвину Лафлину, который настоял на этом ходульном стиле, который я так не люблю».

ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ

исключительное влияние вашего величества будет употреблено на дело мира и на расширение мировой торговли.

Во Франции я старался постичь мнение ее народа о Германии и узнать, каковы ее чаяния. К отъезду у меня сложилось мнение, что государственные деятели Франции оставили все мысли о реванше и об обратном получении потерянных двух провинций. Народ вообще еще питает надежды в этих двух направлениях, но ее более осведомленные правители были бы вполне удовлетворены, если бы была обеспечена самостоятельность Франции в ее теперешнем виде.

После всего этого, сэр, еще с большими надеждами я приехал в Англию, и в этих надеждах я не был разочарован.

Сперва я обратился к сэру Эдуарду Грэю, со стороны которого я встретил в высшей степени сочувственное отношение. После обсуждения вопроса в продолжение двух часов мы условились встретиться еще раз через несколько дней. Из этого я вывел заключение, что он хочет посоветоваться с премьером и со своими коллегами.

При следующем обсуждении, снова продолжавшемся два часа, присутствовали лорд-канцлер граф Крю и сэр Уильям Тиррел. А с тех пор я виделся с премьер-министром и почти со всеми наиболее влиятельными членами английского правительства и убежден, что они стремятся к такому взаимопониманию, которое положило бы основание постоянному миру и безопасности.

Англия по необходимости должна действовать осторожно, чтобы не задеть чувств Франции и России, но при изменении настроения во Франции нужно ожидать постепенного улучшения отношений между Германией и ею, — улучшения, которому Англия теперь будет рада способствовать.

Хотя достигнуто уже многое, но остается еще желать кое-чего для создания средств более легкого и откровенного обмена мнениями и целями. Никто лучше вашего величества не знает о необычном брожении, происходящем в настоящий момент во всем мире, и нет никого, кто был бы в лучшем положении для достижения здорового и разумного понимания

ГЛАВА II

между государственными деятелями западных народов, с целью способствовать нерушимости нашей цивилизации.

Хотя, как вашему величеству известно, это мое сообщение является совершенно неофициальным, оно составлено в духе хорошо известных взглядов президента, и, насколько мне дали понять, со стороны правительства Великобритании существует надежда, что мое сообщение вызовет у вашего величества отклик, который даст возможность предпринять следующий шаг.

Разрешите мне, сэр, закончить цитатой из только что полученного мною письма президента:

«Ваше парижское письмо, написанное сейчас же по приезде из Берлина, вселило в меня чувство глубокой радости. Я верю и надеюсь, что вы положили начало великому делу, и радуюсь этому всем сердцем».

Имею честь быть с глубочайшим уважением вашего величества преданнейший слуга *Эдуард М. Хауз*».

Так кайзеру была предоставлена последняя возможность: он получил заверение от незаинтересованного лица, что если Германия действительно захочет мира, ей будет оказана в этом активная поддержка со стороны Соединенных Штатов и содействие Великобритании. Это был ясный ответ на обвинение в том, что политика Грэя направлена к окружению и изоляции Германии. Увы, к тому времени, когда письмо Хауза дошло до Германии, Вильгельм II был уже в норвежских водах, чтобы оттуда быть вызванным в связи с предъявлением Австрией ультиматума Сербии и сразу сгустившимися военными тучами.

«Великая затея» окончилась неудачей. Но попытка Хауза предотвратить войну, вероятно, была не так безрезультатна, как может показаться поверхностному наблюдению. Опыт, накопленный за эти месяцы жизни в Европе, закончившийся внезапным наступлением тех ужасов, которых он опасался, убедил его в необходимости международной организации и укрепил его уверенность в том, что для такой органи-

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

зации нужна какая-нибудь положительная цель. В сущности он уже тогда был носителем идеи Лиги наций, и в этом отношении его влияние на Вильсона явилось историческим фактором большой важности. Среди документов Хауза есть многозначительная заметка о беседе с президентом, происходившей сразу же после начала войны.

«30августа 1914г. Я изложил свой план, относящийся к отсталым народам, и рассказал, с каким воодушевлением он был принят английским правительством, насколько эффективным оно считало его для достижения лучшего взаимопонимания между великими державами. Если бы мы смогли осуществить этот план, то, по всей вероятности, эта война не разразилась бы, потому что регулярный обмен мнений держав и конкретные примеры всех тех добрых дел, каких можно достигнуть соединенными усилиями, сделали бы невозможным пожар, подобный тому, что происходит сейчас».

Примечание: «Приезд Хауза в Берлин и Лондон весной 1914 г., — заметил при мне император Вильгельм в Дорне, — едва не предотвратил мировую войну».

Георг Сильвестр Вирек.

ГЛАВА III

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

Он (Вильсон) идет еще дальше моего в осуждении роли Германии в этой войне...

(Из дневника Хауза, 30 августа 1914 г.)

1

Хауз отплыл из Европы 21 июля и спустя восемь дней прибыл в Бостон. Перед самым отплытием он получил известие, что английское министерство иностранных дел

ГЛАВА III

начинает понимать серьезность международного положения.

«20 июля 1914 г. Тиррел сообщил мне от имени сэра Эдуарда Грэя, что тот хотел бы до моего отъезда уведомить меня о своем серьезном беспокойстве по поводу австро-сербских отношений».

Итак, опасения, которые появились у Хауза в Берлине, стали принимать реальные очертания. 23 июля Австрия предъявила Сербии ультиматум, составленный так, чтобы вызвать войну, а через пять дней, отшвырнув сербский ответ как неудовлетворительный, она начала бомбардировку Белграда. Гражданские власти Германии внезапно осознали опасность пути, на который они были увлечены своим австрийским союзником и собственной милитаристской кликой. Как это ни глупо, но они отказались от предложенной Грэем конференции, которая могла бы послужить для охлаждения страстей, а после того как объявленная Россией мобилизация на поддержку Сербии обострила кризис в Берлине, верх взяли руководители армии. Как и предсказывал Хауз, они не стали терять времени, а ударили сразу. Дипломатические и военные хитросплетения породили парадоксальное явление: русско-германская война, вызванная конфликтом между Австрией и Сербией, началась нападением на Францию с предварительным циничным и жестоким ударом по Бельгии. Великобритания, обязанная стать на защиту Бельгии по юридическим и на защиту Франции по моральным побуждениям и понуждаемая собственными государственными интересами, не могла остаться в стороне. Началась всеобщая война.

Хауз прибыл в Бостон, а оттуда — в Норт-Шор, до того как определился исход кризиса. Он все еще надеялся, что переданные им Вильгельму II заверения Великобритании в добрых чувствах укрепят миролюбивые настроения кайзера и Англия с Германией смогут добиться мирного исхода, как они сделали это в 1913 г. Если бы англичане не так долго раздумывали над его предложением, соглашение могло бы быть достигнуто еще до убийства Франца-Фердинанда.

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

Письма Хауза президенту

*Прайде Кроссинг, штат Массачусетс,
31 июля 1914 г.*

«Дорогой начальник!

Во время моего пребывания в Германии для меня было ясно, что с точки зрения сохранения мира положение было очень затруднительное. Вспомните мое первое письмо к вам, когда я писал, в каком напряженном состоянии были Германия и Южная Европа.

Это впечатление я старался внушить сэру Эдуарду Грэю и другим членам английского правительства. Они, казалось, были поражены моим пессимистическим настроением и считали, что условия там стали лучше, чем они были в течение долгого времени. Хотя я и поколебал их уверенность, но мне это удалось не настолько, чтобы они поняли, что действовать необходимо быстро. Они предоставили события собственному течению, так что кайзер успел отплыть в норвежские воды до того, как мои собеседники дали мне определенный ответ для сообщения ему...

Я намеревался еще раз съездить в Германию и повидать кайзера, но консерватизм и медлительность сэра Эдуарда и его коллег сделали это невозможным.

Накануне своего отъезда сэр Эдуард известил меня о том, что он обеспокоен положением, но тогда он еще не предвидел того, что произойдет. У меня осталось впечатление, что если всеобщая война будет в конце концов предотвращена, это будет следствием создания лучших отношений между Англией и Германией. Англия оказывает сдерживающее влияние на Францию и, насколько возможно, на Россию, хотя в последнем случае — незначительное.

Если бы удалось подвинуть дело несколько дальше, Германия нажала бы на Австрию и можно было бы сохранить мир до тех пор, пока не удалось бы достигнуть лучшего взаимопонимания.

ГЛАВА III

В Англии мне говорили, что Россия считает, будто Германия стремится усилить влияние Австрии и Германии в балканских странах, дабы уничтожить ее влияние. Очевидно, Россия готовилась к каким-то решительным действиям с тех пор, как кайзер два года тому назад перебросил на восточную границу несколько сот тысяч войск и заставил Россию тем самым отказаться от своих притязаний в отношении балканских дел...

Преданный и верный вам Э. М. Хауз».

*Прайде Кроссинг, Массачусетс,
1 августа 1914 г.*

«Дорогой начальник!

Для вас теперь, наверно, представят некоторый интерес кое-какие факты, которые сообщаю вам сейчас, не дожидаясь нашего свидания.

Сэр Эдуард Грэй заявил мне, что у них нет письменного договора или формального союза с Россией или с Францией; нынешнее положение создалось просто из взаимного стремления к защите; они обсуждали международные дела так же откровенно, как если бы между ними существовало письменное соглашение...

Крайняя опасность кроется в том, что какое-нибудь открытое выступление может создать совершенно бесконтрольную ситуацию. Германия в исключительно нервном и напряженном состоянии, и она знает, что наилучшее для нее условие успеха — это ударить сразу и крепко, поэтому один страх может заставить ее прибегнуть к предупреждению событий, как к средству обеспечения ее безопасности.

Разрешите мне посоветовать вам не позволять Брайану делать какие-либо предложения замешанным в войну государствам. Его считают сугубым мечтателем, и его выступление только ослабило бы в будущем ваше влияние, если бы вы пожелали его использовать сами...

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

Если бы я был уверен, что перенесу жару, я приехал бы в Вашингтон, повидаться с вами, но боюсь, что по приезде туда, я окажусь в беспомощном состоянии. Хотелось бы, чтобы вы выбрали время проехаться на «Мэйфлауэр», в наши воды, на несколько дней, так, чтобы я мог присоединиться к вам.

Верный и преданный вам Э. Хауз».

В то самое время как Хауз писал эти письма, свершилось то, чего он боялся. Под давлением технических доводов, которым он не в силах был противостоять, канцлер поддался влиянию военщины и опустил руки. Германия направила России ультиматум, сделавший войну неизбежной, и бросила на Бельгию авангард своей армии, предназначенной для завоевания Франции.

Письмо Циммермана Хаузу

Берлин, 1 августа 1914г.

«Дорогой полковник!

Считаю долгом сообщить вам, что я передал его величеству письмо, которое вы направили его величеству из Лондона. Мне приказано передать вам его искреннюю благодарность.

Император с величайшим интересом ознакомился с содержанием письма. Увы, его напряженные искренние усилия сохранить мир не увенчались успехом. Я опасаюсь, что поведение России вовлечет старый мир, и в особенности нашу страну, в ужаснейшую войну. В настоящий момент нет возможности вести переговоры о столь желанном соглашении, которое могло бы положить основание постоянному миру и безопасности.

С уверениями в глубочайшем уважении я остаюсь,
дорогой полковник, искренно ваш *Циммерман*».

От Пэйджа из Лондона также пришло хотя и завуалированное, но очень выразительное указание на то, какие уси-

ГЛАВА III

лия употребил Хауз для предотвращения войны. Пэйдж передал прессе следующее заявление:

«Я хотел бы разъяснить одно обстоятельство, о котором мне много говорили. Многие считают, что Соединенные Штаты не использовали величайшей возможности. Я должен заявить, что Соединенные Штаты сделали все возможное для предотвращения войны. И если когда-нибудь какое-нибудь дело делалось исчерпывающе, то именно это».

С другой стороны, английский посол в Вашингтоне, сэр Сесиль Спринг-Райс, пошел еще дальше, заявив, что хотя привезенные Хаузом из Берлина сведения и открыли Грэю глаза на положение вещей, но возможно, что действия Хауза невольно послужили одной из причин, ускоривших начало войны. «Вы так близко подошли к тому, чтобы сделать невозможной всеобщую войну, — заявил он Хаузу, — что военные партии в Берлине и Вене забеспокоились. Они, возможно, знали, зачем вы приезжали в Берлин и о чем говорили с кайзером. Они, очевидно, также знали, зачем вы отправились в Англию, и несомненно были знакомы с содержанием вашего письма к кайзеру. Эти факты, а также переговоры сэра Эдуарда Грэя с германским послом в Лондоне испугали военные партии, и они воспользовались убийством наследного принца и отъездом кайзера для того, чтобы развязать события, считая, что они дошли до распути: теперь или никогда!».

Такое предположение интересно, хотя и не совсем убедительно. Восемь месяцев спустя Хауз сделал для себя запись, смысл которой в общем совпадает с мнением позднейших историков, имевших возможность изучать германские официальные документы.

«15 апреля 1915г. Меня часто спрашивали, какого я мнения о причинах войны, — записывает он, — и хотя я никогда его не высказываю, не мешает, однако, записать его здесь.

Для меня ясно, что кайзер не хотел войны и на самом деле не ожидал ее. Он сделал глупость, позволив Австрии

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

довести дело до острого конфликта с Сербией, и считал, что если он будет твердо стоять за свою союзницу, то Россия ограничится решительным протестом, вроде того, что было при аннексии Австрией Боснии и Герцеговины. Тогда оказалось достаточным бряцанье оружием: кайзер думал, что так случится и теперь, он не ожидал, что Великобритания вступит в войну из-за того, что произошло на юго-востоке. Уже дважды до того попробовал он сцепиться с Англией на западе и убедился, что уступать приходится ему; поэтому можно было не опасаться того, что он еще раз вмешается в дела там, где были задеты интересы Англии. А на этот раз он считал, что отношения Германии с Англией настолько улучшились, что та не пойдет на защиту России и Франции настолько далеко, чтобы начать войну с Германией.

И он так далеко зашел в том, что может быть названо «блефом», что в последний момент оказалось невозможным отступить, ибо события вышли из-под повиновения. У него не хватило дальновидности, чтобы предупредить результаты, как не хватило у него проницательности, чтобы понять, что создание громадной военной машины неминуемо должно привести к войне. Германия очутилась в руках группы милитаристов и финансистов, и ради их интересов стало возможным это ужасное положение».

2

Вильсон оказался лицом к лицу с политическим кризисом в тот момент, когда он был поглощен личным несчастьем: жена его в это время была при смерти. «Его бремя тяжелее, чем у любого президента со времен Линкольна, — писал Хауз Пэйджу 6 августа, — популярность его крайне возросла за эти десять дней, и едва ли во всей стране услышишь нотку недовольства. Я думаю, что в истории о нем останется память, как об одном из самых великих, если не о самом великом из президентов страны».

ГЛАВА III

Эти дифирамбы порождались скорее общим восхищением Хауза перед президентом, чем деяниями последнего в момент наступления кризиса, так как он мало что мог сделать. Под давлением резолюции сената и в разрез с мнением Хауза Вильсон формально обратился к воюющим сторонам, предлагая свои услуги в качестве посредника. Но как и можно было ожидать, это не оказало никакого влияния.

Письмо Хауза президенту

*Прайде Кроссинг, Массачусетс,
5 августа 1914 г.*

«Дорогой начальник!

...Если обращение будет выпущено, то разрешите посоветовать, чтобы было указано, что это делается по вашему собственному почину. Если публика у нас или в Европе подумает, что это делается по инициативе Брайана, то сразу же решит, что дело ставится непрактично и обречено на провал с самого начала.

Мне не хотелось бы постоянно возвращаться к Брайану, но вы не можете знать в такой степени как я, что о нем думают в этом отношении. Мы с вами лучше понимаем положение и знаем, что по отношению к нему допускается грубейшая несправедливость. Но тем не менее в настоящий момент невозможно заставить людей думать иначе.

Вам, возможно, будет интересно услышать, что Олни высказал сожаление о том, что не принял вашего предложения посольского поста в Лондоне. По его словам, он не представлял себе того, что на этом посту придется заниматься чем-нибудь иным, кроме светской деятельности.

Сердце мое все еще полно глубокого признания за ваше письмо от 3 августа. Не получая от вас писем, я никогда не беспокоюсь. Никакая человеческая сила не может заставить меня усомниться в вашей дружбе и привязанности. Что моя жизнь целиком посвящена вашим интересам, вы,

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

я думаю, знаете, и я никогда не перестаю стараться вам служить.

Ваш верный и преданный *М. Хауз*».

Посредническое предложение президента было простым выражением готовности выступить. Посланное монархам воюющих стран, оно гласило:

«Сэр!

Как глава одной из держав, подписавших Гаагскую конвенцию, я считаю своим правом и своим долгом, согласно 3 пункту конвенции, заявить вашему величеству в духе самой искренней дружбы, что я буду приветствовать возможность оказать содействие делу европейского мира в настоящий момент или в любое время, которое может оказаться подходящим, рассматривая это как возможность служить вашему величеству и всем заинтересованным тем путем, который доставит мне незабываемое чувство радости и благодарности.

Вудро Вильсон».

Две недели спустя президент Вильсон выпустил обращение к гражданам республики, требуя их поддержки в сохранении нейтралитета. Впоследствии это обращение вызвало острые нападки на президента со стороны антантофильских элементов, особенно на атлантическом побережье; но в тот момент, как указывает на это Хауз, общественное мнение, очевидно, сердечно его одобряло. В своем обращении Вильсон исходил не из безразличного отношения к войне, а из предвидения опасности для Соединенных Штатов в случае, если начнут формироваться фракции, поддерживающие ту или иную группу воюющих держав.

«Легко возбудить страсти, — заявлял президент, — но трудно их успокоить. Те, Кто будут повинны в возбуждении их, возьмут на себя тяжелую ответственность, — от-

ГЛАВА III

ветственность за то, что народ Соединенных Штатов, чья любовь к родине и лояльность к своему правительству должны объединить его воедино, как американцев, обязанных из чувства чести помышлять прежде всего о родине и ее интересах, — будет делиться на враждующие лагеря, горячо восстановленные друг против друга, вовлеченные в подлинную войну, если и не действий, то войну настроений и помыслов... Каждый гражданин, действительно любящий Америку, должен действовать и выступать в истинном духе нейтральности, который является духом беспристрастия и справедливости и дружественности ко всем».

Письмо Хауза президенту

*Прайде Кроссинг, Массачусетс,
22 августа 1914г.*

«Дорогой начальник!

Надежда на скорое свидание побуждала меня надеяться, что я смогу лично выразить вам свое мнение о том, как блестяще вы справляетесь с трудностями, возникающими перед вами изо дня в день.

Ваше обращение о нейтралитете — одно из прекраснейших ваших деяний; оно встречено всеобщим одобрением. Ежедневно республиканские газеты в своих передовых говорят о вас так, как если бы вы принадлежали к их партии, а не были предметом поклонения нашей партии.

Обследование пищевой промышленности, закон о торговом мореплавании, закон о страховании от военного риска и все, что вами делается, дает всему народу основание поздравлять себя с тем, что у кормила правления стоите вы и что вы служите народу так, как не мог бы никто другой.

Война, конечно, продолжает быть элементом, порождающим беспорядок и неопределенность. Досадно, что Япония вмешалась в общую драку, ибо это возлагает на нас до-

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

полнительную заботу о том, чтобы не оказаться также вовлеченными.

Самое печальное во всем этом положении для меня то, что ничего хорошего от него нельзя ожидать. Если победят союзники, то это, главным образом, будет означать господство России на европейском континенте. Если же победит Германия, это означало бы пришествие на целые поколения несказанной тирании милитаризма.

В основном немцы выполняют роль, не свойственную их природным инстинктам и наклонностям, и это только показывает, какими извращенными могут стать люди под действием привычки и окружающей среды.

Успех Германии, в конечном счете, означал бы большие заботы для нас. Нам пришлось бы сойти с того пути, который вы осветили для будущих поколений, с постоянным миром как конечная цель и новым международным кодексом морали, как путеводной звездой, и вместо этого создавать военную машину грандиозных размеров.

Верный и преданный вам Э. М. Хауз».

В последующие годы президента Вильсона резко критиковали за то, что в этот период он не проводил более решительной политики. Как участник Гаагской конвенции, заявляли критики, Соединенные Штаты должны были протестовать против оккупации немцами Бельгии, и президент должен был определенно дать понять, что симпатии Соединенных Штатов на стороне стран Антанты. В этом случае упускается из виду, что к тому времени мнение страны в целом еще не выкристаллизовалось, и протесты, равно как и изъятия симпатий, более чем бесполезны, если правительство не намерено сойти с позиции нейтралитета.

В то время очень мало кто имел смелость предложить, чтобы Соединенные Штаты вступили в войну. Теодор Рузвельт, впоследствии ставший одним из наиболее решительных сторонников участия в войне, в то время, в статье, в журнале «Аутлук», поздравлял страну с тем, что, бу-

ГЛАВА III

дучи отделенной от Европы, она может соблюдать нейтралитет¹.

Пэйдж, который несколько месяцев спустя настаивал на том, чтобы Соединенные Штаты разорвали дипломатические отношения с Германией, писал Хаузу 28 августа 1914 г.: «... Какую величавую картину представляет наша страна! Мы избежали кровопролития, мы избежали огрубения, улаживать все это придется нам, и в любом случае мы выиграем». А английский посол сэр Сесиль Спринг-Райс писал Хаузу 12 сентября: «Я надеюсь и верю, что по крайней мере одна часть мира будет от этого свободна».

Одним из редких американцев, который в тот момент имел мужество заявить, что Соединенные Штаты должны занять более определенную позицию с целью обеспечить поражение Германии, был Чарлз У. Элиот. Это заявление интересно еще тем, что д-р Элиот проявил тогда, как и всегда, то душевное равновесие, которое дало ему возможность выдержаться от критики Вильсона, когда тот отказался сделать решительные шаги. Элиот признавал, что ни он, ни кто-нибудь другой в Америке, не могут знать все факты настолько, чтобы настаивать на том пути, который он на первых порах рекомендовал; он признавал также, что Вильсон не мог быть уверенным, будет ли общественное мнение Соединенных Штатов поддерживать более решительные действия. Более того, оказывается, что после тщательного размышления Элиот пришел к тем же заключениям, что и президент.

Историк может с основанием спросить: не сократила ли бы на много месяцев войну предложенная д-ром Элиотом

¹ «Наша страна одна среди великих цивилизованных держав не потрясена настоящей мировой войной. За это мы должны быть преисполнены покорной и глубокой благодарности. Все мы, жители этой части света, должны понять, какое счастье для нас в том, что мы, люди Западного полушария, свободны от действия причин, породивших жгучую и мстительную ненависть среди великих военных держав Старого Мира... Несомненно желательно, чтобы мы оставались совершенно нейтральными, и только абсолютная необходимость оправдала бы нарушение нами нейтралитета и переход на ту или иную сторону». «Аутлук», 23 сентября 1914 г.

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

политика и не избавила ли бы она от необходимости посылки американской армии в Европу? Не было ли бы это также прямым шагом к Лиге наций? Доводы Элиота произвели на Вильсона такое впечатление, что он зачитал письмо на заседании кабинета и внимательно обсуждал его предложение с Хаузом. Однако он написал ему, что считает его предложение неосуществимым.

Письма д-ра Элиота президенту

*Астику, штат Мэн,
8 августа 1914 г.*

«Дорогой президент!

В течение трех дней я задерживал отправку прилагаемого письма к вам и еще дольше воздерживался бы от его посылки в эти горестные для вас дни, если бы я не подумал, что при таких обстоятельствах страждущий может найти некоторое облегчение и успокоение в том, что решит в дальнейшем делать все от него зависящее для помощи другим страждущим и обездоленным.

В настоящий момент миллионы людей стоят перед лицом смерти или страданий для себя и нищеты и разорения для своих семей, и миллионы женщин страшатся потери возлюбленных, кормильцев и друзей, и, возможно, вы в силах сделать что-нибудь для того, чтобы приостановить их страдания и предупредить их возникновение.

В такой попытке вы нашли бы истинное утешение.

С полнейшей симпатией в постигшем вас горе

остаюсь искренно ваш *Чарлз У. Элиот».*

*Астику, штат Мэн,
6 августа 1914 г.*

«Дорогой президент!

Не представляется ли в настоящее время для Соединенных Штатов случай предложить Британской империи,

ГЛАВА III

Франции, Японии, Италии и России объединиться с Соединенными Штатами в наступательный и оборонительный союз для острастки и наказания Австро-Венгрии и Германии за те ужасы, которые они творят, путем установления бойкота этих двух стран всем остальным миром — на суше и на море? Обе эти державы проявили себя теперь совершенно ненадежными соседями и военными насильниками худшего сорта; и Германия — худшая из двух, ибо она уже напала на нейтральную страну.

Если позволить им добиться успеха в их теперешних начинаниях, то над всеми европейскими народами будет постоянно висеть угроза внезапного нападения, тогда бремя расходов по гонке вооружений придется нести еще сорок лет, и доли участия в этих потерях и страданиях не избежать и нам. Стоимость содержания громаднейших вооружений не оставляет великим державам средств на улучшение положения населения и на развитие мирового прогресса в отношении народного здоровья, свободы и производительности промышленности.

Неужели ради такой цели и ввиду изменившихся условий народ Соединенных Штатов не одобрил бы отказ от заветов Вашингтона о том, что Соединенные Штаты должны стоять в стороне от европейских осложнений?

Блокаду Германии и Австро-Венгрии нельзя провести полностью, но она может быть установлена на суше и на море в таком объеме, чтобы промышленность обоих народов из-за приостановки импорта и экспорта была сильно искалечена в самое короткое время. Блокирующие страны смогут временно воспользоваться кое-какими коммерческими преимуществами, а часть этих преимуществ можно будет сохранить, пожалуй, навсегда.

Это предложение предполагает участие в блокаде нашего флота и может поэтому повлечь потери людьми и достоянием. Но дело это достойно тяжелых потерь, и я склонен верить, что народ наш поддержит правительство в его активном участии в такой попытке наказать международных пре-

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

ступников и способствовать международному миру в будущем.

Нельзя ли начать по телеграфу переговоры по этому вопросу? Соединенные Штаты несомненно лучше других стран подходят для того, чтобы выдвинуть подобное предложение. Таким образом мы поможем общему делу мира, свободы и доброй воли среди человечества.

Мысль эта для меня не совсем нова. Недавние ужасающие деяния Австро-Венгрии и Германии воскресили в моей памяти отрывки из глав моей книги-отчета «Некоторые пути к миру», написанной год тому назад для «Фонда международного мира» Карнеджи, — это главы: «Боязнь нападения» и «Неприкосновенность частной собственности от захвата на море». Возмутительные происшествия последних двух недель подкрепили выводы, к которым я пришел в своей книге, и как бы создают возможность нового и более серьезного применения выдвинутых в ней принципов.

Я передаю свое предложение целиком на ваше усмотрение в отношении его выполнимости и успеха в настоящий момент. Оно представляется мне действенной мерой международно-полицейского характера, соответствующей совершающимся преступлениям и могущим возникнуть в будущем конфликтам, и тем более напрашивающейся мерой, что европейский концерт держав и тройственный союз явно провалились. Оно, конечно, предполагает отказ всех европейских участников от всяких стремлений к насильственному расширению своей территории в Европе. Соединенные Штаты недавно отказались от подобной политики в Америке. Оно предполагает также использование международных войск для наиболее скорой и основательной победы над Австро-Венгрией и Германией. Но в настоящее время это применение силы неминует в интересах защиты цивилизации от варварства и для установления и поддержания в будущем федеративных отношений и мира среди европейских народов.

С глубочайшим уважением искренне ваш

Чарлз У. Элиот».

ГЛАВА III

*Астику, штат Мен,
20 августа, 1914 г.*

«Дорогой президент!

Перечитывая свое письмо к вам от 17 августа, уточняющее предложение, изложенное в моем письме от 6 августа, я прихожу к заключению, что в настоящий момент было бы нежелательно «начать по телеграфу переговоры по этому вопросу», если бы оно и было выполнимо. К этому выводу я прихожу из двух соображений. Во-первых, мы, по видимому, не располагаем всеми сведениями о действительных намерениях и целях России и Германии, — во всяком случае мыслящая американская публика этих сведений не имеет и не может поэтому с полным основанием возложить главную вину за нынешнюю катастрофу на Германию. Чрезвычайная поспешность действий Германии не может не указывать на то, что ей были известны какие-то элементы положения, неведомые остальному миру. Я теперь не чувствую в себе той уверенности, какую чувствовал при составлении моего письма от 6 августа, основанного на доступных тогда сведениях. Во-вторых, переговоры нашего правительства с правительствами Франции и Великобритании, по необходимости тайные, нежелательны на данном этапе военного конфликта. Тайная дипломатия вообще нежелательное явление, применяет ли ее свободное правительство или деспотическое. Таковы существенные возражения против предложенных мною переговоров.

Я склонен придавать больший вес некоторым аргументам за продолжение нашей традиционной политики нейтралитета при конфликтах между другими народами. Во-первых, представляется вероятным, что Россия, Великобритания и Франция вместе смогут нанести решительное поражение Германии, — единственный приемлемый исход этой жестокой войны; во-вторых, возможно, что воюющие в настоящий момент семь государств покажут всему миру

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

весьма нужный пример того, что созданная во второй половине XIX века по всей Европе военная машина не может быть в какой-либо серьезной степени пущена в ход без того, чтобы не приостановить в опасных размерах всего производственного процесса и не причинить невообразимых страданий и бедствий. Нарушение производства и обмена, начавшееся 31 июля, не имеет равного в истории, и тем не менее гибель человеческих жизней и имуществ только еще началась. Если семь народов все это уже продемонстрировали, то остальным лучше держаться в стороне от конфликта.

По зрелом размышлении я прихожу также к мысли, что понадобится еще широкое публичное обсуждение заинтересованности свободных государств в реформе военных монархий в Европе, прежде чем американское общественное мнение санкционирует насильственное противодействие насилиям, совершенным милитаристскими монархиями Европы над своими слабейшими и более свободными соседями.

Я остаюсь при своем мнении, что в интересах цивилизации и мира нельзя допустить, чтобы Германия и Австро-Венгрия добились успеха в своих теперешних начинаниях.

Ваше обращение к народу об условиях действительного нейтралитета превосходно по форме и по содержанию.

Искренне ваш *Чарлз У. Элиот*».

*Астику, штат Мэн,
22 августа 1914 г.*

«Дорогой президент!

Мое письмо к вам от 20 августа разошлось с вашим письмом ко мне от 19-го. Ваше письмо получено мною вчера, 21-го. Я уже сам успел придти к заключениям, высказываемым вами...

С глубочайшим уважением и доверием искренно ваш
Чарлз У. Элиот».

ГЛАВА III

3

Очень часто выдвигалось утверждение, что Вильсон придерживался политики нейтралитета вследствие своей приверженности к Германии и недооценки им проблем морали, поднятых войной и нападением Германии на Бельгию. Но такое утверждение основывается не на доказательствах, а на предположении или на предубеждении. Это ясно вытекает из записи Хауза о посещении президента в его летней резиденции в Корниш, в конце августа 1914 г.

«30 августа 1914 г. Я рад был найти президента, — записывает он, — в такой прекрасной обстановке. Дом напоминает английские усадьбы. Вид — чудесный, а обстановка и меблировка сделаны комфортабельно и со вкусом. Президент сам проводил меня в отведенную комнату. Это та комната, которую занимала его жена, она соединена с его спальней общей ванной комнатой. Мы находимся в одном крыле дома и совсем одни. Лесенка из нескольких ступенек ведет вниз, в его кабинет, и там мы просидели с ним, обсуждая всякие дела, до часу дня, когда был сервирован завтрак.

Я рассказал о своем пребывании в Европе и подробно остановился на моей миссии. Он интересовался отдельными стоящими во главе правительств личностями и сказал потом, что мои сведения об этих лицах и о положении в Европе будут для него очень ценны.

Президент с большим чувством говорил о войне. Он сказал, что его сердце наполняется скорбью при мысли о том, как близко мы было подошли к предотвращению этой громадной катастрофы. Он считает, что если бы взрыв войны был отсрочен еще немного, он не произошел бы вовсе, ибо народы объединились бы намеченным мной путем.

Я подробно изложил ему то, что говорил сэру Эдуарду Грэю и другим членам кабинета: наилучшей гарантией мира были бы регулярные собрания ответственных государственных деятелей, где они обсуждали бы вопросы с той откровенностью и свободой, с какой это делают Великобритания

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

и Соединенные Штаты. Президент согласился, что это было бы наиболее действенной мерой, и снова выразил глубокое сожаление о том, что война наступила слишком скоро и таким образом помешала установлению такой политики. Он спрашивал себя, не пошло ли бы дело иначе, если бы я отправился в Европу раньше. Я сказал, что это не изменило бы положения, ибо кайзер был тогда на Корфу и я все равно не мог бы попасть к нему раньше.

С большим интересом услышал я, как выражение его мнения, то, что я писал ему некоторое время тому назад в одном из своих писем, а именно, что если победит Германия, то это изменит ход нашей цивилизации и сделает Соединенные Штаты милитаристским государством. Он, кроме того, высказал глубокое сожаление, так же как это сделал я в том же своем письме, о том, что это мешает его политике установления лучшего международного кодекса морали.

На него произвело большое впечатление разрушение Лувена; как и вся Америка, он настроен против Германии. Он идет даже дальше меня в осуждении роли Германии в этой войне и почти позволяет своему чувству распространяться не только на руководителей Германии, но и на весь ее народ. Он заявил, что немецкая философия по существу эгоистична и лишена духовности. Когда я заговорил о том, что кайзер создавал свою военную машину как средство сохранения мира, он заявил: «Что за глупая мысль построить пороховой погреб, рискуя, что кто-нибудь бросит туда искру».

Он считает, что война отбросит мир на три-четыре столетия назад. Я с ним не согласился. Он особенно порицал пренебрежение Германии ее договорными обязательствами и был очень возмущен тем, что германский канцлер назвал договор с Бельгией «простым клочком бумаги».

Я воспользовался случаем рассказать ему, как горячо сэр Эдуард Грэй принимает к сердцу вопрос о договорных обязательствах и считает, что он, президент, своим поведением в вопросе о панамских сборах поднял международную этику на большую высоту».

ГЛАВА III

Но, несмотря на то, что личные симпатии президента были на стороне союзников, он тогда, как и много месяцев спустя, настаивал на том, что это не должно влиять на его политическую позицию, которую он намеревался выдерживать в духе строгого нейтралитета. Он полагал, что должен поступить так в интересах всего мира для того, чтобы задержать распространение пожара, и в интересах своей страны — для предохранения ее от ужасов войны. Была доля истины в очень распространенном мнении о том, что он считал войну событием отдаленным, ужасным и трагическим, но политически нас близко не затрагивавшем. Он еще не осознал тех больших возможностей, какие крылись для него в области внешней политики.

Хауз усматривал великую возможность произвести революцию в международных отношениях путем внушения народам необходимости установления новых норм международной морали. Нормы поведения народов должны стать такими же высокими, как нормы поведения индивидуумов, и Хауз надеялся, что если удастся внушить эту идею общественному мнению, то международные отношения станут проникаться новым духом. Он старался доказать президенту, как много тот может сделать, отстаивая эти принципы, — принципы, которые в дальнейшем стали душой международной политики Вильсона. «Он не питает больших надежд, — записывает Хауз 30 августа. — Я пытался доказать ему, что теперь реформы приходят быстрее, чем раньше, что больше всего человек стремится внушить своему ближнему доброе о себе мнение, а при стремлении общества к более высоким целям люди в отдельности естественно будут стремиться к тому, чтобы заслужить доброе мнение в глазах общества».

Несколько недель спустя Хауз изложил свои взгляды другу своему Эдуарду С. Мартину, в котором он встретил внимательного слушателя. Эти взгляды стали в дальнейшем лейтмотивом всех его дипломатических выступлений.

«Сегодня я завтракал с Мартином в Сенчери-клубе, — записывает Хауз. — Он только что написал одну из своих

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

поучительных передовых для журнала «Лайф». Мы стали философствовать на тему о международной этике и о государственных делах. Больше всего говорил я, стараясь выявить основные отступления от правил международной морали, поскольку эта мораль лежит в иной плоскости, чем мораль индивидуумов. Как индивидуум, ни один порядочный человек и не подумает сделать того, что он делает как представитель государства. Считается совершенно недопустимым лгать, обманывать, быть жестоким во имя патриотизма. Я стремился показать, что мы немногого достигнем в отношении международного взаимопонимания до тех пор, пока народы не начнут относиться один к другому так, как относятся друг к другу индивидуумы. Мы видим, как индивидуумы губят себя, целиком предаваясь эгоистическим интересам, и хотя они, может быть, и добиваются того, что кажется им ценным, но теряют уважение ближних и делаются несчастными».

Хауз полагал, что Соединенные Штаты должны стать во главе крестового похода за такую революцию в международных отношениях. Но расшевелить президента оказалось трудно. Он целиком был погружен во внутренние дела и все еще медлил с установлением активной внешней политики... Казалось, он считал, что вся полагающаяся на его долю значительная работа им уже проделана.

«28 сентября 1914 г. Президент, — записывает Хауз, — заявил, что если бы он был уверен, что через два года ему не придется выставлять снова свою кандидатуру, с него свалилась бы громадная тяжесть. Я полагал, что нет необходимости принимать против своего желания предложение о новом сроке президентства, даже если демократическая партия потребовала бы этого, хотя я и понимал, что он счел бы это своим долгом, если бы позволило здоровье. Однако я не представляю себе, есть ли в жизни что-нибудь другое, в равной мере для него интересное. Он ответил, что его пугает мысль о том, что в будущем он не сможет проявить столько энергии, сколько проявлял до сих пор, и вообще невозможно будет

ГЛАВА III

сделать что-нибудь подобное тому, что он осуществил в сфере законодательства. Он опасается, что страна будет ожидать от него в дальнейшем продолжения того, что он делал до сих пор, а это невозможно. Я возразил, что страна не станет ни ожидать от него этого, ни требовать. Есть другие дела, которые он может совершить, — дела, куда более интересные и которые еще больше возвеличат его славу. В особенности я имел в виду его иностранную политику, которая, будучи правильно проведена, принесла бы ему всемирное признание.

Я убедился в том, что президент проявляет исключительно малый интерес к европейскому кризису. Он, кажется, больше заинтересован во внутренних делах, и мне трудно сосредоточить его внимание на главном вопросе.

Через несколько дней заканчивается сессия конгресса, и, пока конгресс, таким образом, не будет мешать, я собираюсь насесть на президента и попытаться поглотить его внимание величайшей задачей мирового интереса, какая когда-либо стояла перед президентом Соединенных Штатов».

Месяц спустя Хауз снова записывает:

«22 октября 1914 г. К сожалению, у президента, как я отмечал это уже раньше, как будто нет чувства должной пропорции между делами внутренними и внешними. Полагаю, что его захватывает вашингтонская атмосфера, как она захватывает каждого, проживающего там, когда вопросы текущего дня заслоняют для него стоящие теперь перед нами громаднейшие мировые вопросы».

Недооценка Вильсоном возможности активной внешней политики до некоторой степени объясняет то, что он не учел необходимости скорейшего развития военной и морской мощи страны. Хауз, наоборот, еще до того как разразилась великая война, проявил большой интерес к тому, что впоследствии стало известно под именем «военной готовности». Он, по-видимому, был в близких отношениях с выдающимся глашатаем этого движения — Леонардом Вудом.

«16 апреля 1914 г. У меня была длительная беседа с генералом Вудом о готовности армии. Мы говорили о междуна-

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

родном положении, в особенности, в связи с Японией, о возможности каких-нибудь затруднений там и о том, что следовало бы предпринять. Он сказал, что Манила теперь настолько укреплена, что может продержаться минимум год, и что в течение, короткого времени Гавайи будут в подобном же неприступном положении. Он считал, что окончание Панамского канала настолько близко, что в случае экстренной нужды его можно открыть в течение двадцати дней. Мы уговорились отныне поддерживать тесный контакт».

Если, как надеялся Хауз, Соединенные Штаты должны будут возглавить международное движение для предотвращения будущих войн или для того, чтобы в максимальной степени затруднить их возникновение, то было бы весьма важно, чтобы влияние Америки базировалось на соответствующей материальной мощи, в особенности на сильной армии и флоте. Если бы страну можно было очень быстро перевести на военное положение, Соединенные Штаты могли бы настоять на немедленном прекращении военных действий воюющими державами, угрожая вступить в войну против стороны, отказывающейся принять разумные условия. А истощение Европы, объединенная экономическая и военная мощь Америки позволили бы ей решать, каковы должны быть эти разумные условия.

Опасность также крылась в том, что при победе Германии Соединенные Штаты, будучи невооруженными, стали бы лицом к лицу с агрессивной державой, способной силой проводить политику экспансии в Южной и Центральной Америке, что могло очень неблагоприятно затронуть наши наиболее жизненные интересы. Во всяком случае представлялось наиболее разумным подготовить силу для подкрепления тех дипломатических требований, которые мы, возможно, будем вынуждены предъявить воюющим сторонам, если бы любая из них нарушила наши нейтральные права.

Вследствие этих факторов Хауз оказался в полном согласии с походом за «подготовку» и настаивал на принятии не-

ГЛАВА III

медленных мер к укреплению армии и флота. Но президент был к этому холоден. Вильсон не представлял себе эвентуальную роль Америки в том свете, в каком ее видел Хауз. Вильсон считал, что Соединенные Штаты должны подавать пример пацифистского идеализма, как полной противоположности военной готовности, и чувствовал, что его поддерживает общественное мнение, которое до того как оно было разбужено опасностью положения, противилось жертвам, требуемым «готовностью».

«3 ноября 1914г. Мы с Лули, генерал и м-сс Леонард Вуд, — записывает Хауз, — завтракали на Говернорз-Айлэнд¹. Я хотел повидаться с Вудом до отъезда в Вашингтон. Я очень склоняюсь к тому, что правительству пора принять какую-нибудь систему — возможно, швейцарскую — для обеспечения военного резерва на случай войны. Генерал Вуд согласен с этим. Он обещал прислать мне в Белый Дом данные для передачи президенту.

Вуд хочет побывать на театре военных действий, и я обещал ему постараться устроить это, поскольку среди наших военных нет ни одного, который имел бы какой-нибудь опыт в передвижении больших армейских масс».

«4 ноября 1914 г. (Беседа с президентом.) Мы перешли к вопросу о резервной армии. Вначале он немного упирался, заявляя, что представители рабочих будут протестовать, так как они полагают, что большая армия не отвечает их интересам. Он не считает необходимым принять срочные меры, опасаясь, что это взбудоражит страну, и указал, что как бы великая война ни окончилась, обе стороны окажутся совершенно истощенными, и если даже победит Германия, она много лет не будет в состоянии серьезно угрожать нашей стране. Я стал оспаривать его мнение, указывая, что Германия будет располагать большой армией, готовой действовать в направлении тех целей, которые, по всей очевидности, занимают умы ее военной партии. Он возразил, что у нее

¹ Укрепленный островок у Нью-Йорка.

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

просто не хватит людского материала. Я ответил, что Германия не сможет победить, если у нее к концу войны не будет под ружьем по меньшей мере двух или трех миллионов людей. Очевидно, он полагает, что все, способные носить оружие, будут полностью истреблены.

Я настаивал на том, что настало время сделать для армии что-нибудь серьезное, нечто такое, что сделало бы страну настолько мощной, чтобы никто и помышлять не смел о нападении на нас. Он сообщил мне, что есть основания подозревать, что немцы построили по всей нашей стране бетонные площадки для тяжелых орудий, подобно тому, как они это сделали во Франции и Бельгии. Он даже боится говорить об этом во всеуслышание, ибо слухи об этом могут так возбудить население, что он опасается за последствия. Генерал Вуд выясняет этот вопрос, но президент просил меня предупредить Вуда, чтобы тот не распространялся об этом¹.

Я заговорил о желании Вуда быть откомандированным на театр военных действий. Президент высказал мысль, что его туда не пропустят. Я ответил, что Вуд иного мнения и что устроить поездку — это его дело.

Говоря о создании нашей армии, я высказал мысль о том, что если победят союзники, то особенной спешки не понадобится, но если победит Германия и мы только тогда начнем свои приготовления, то это будет почти равносильно объявлению войны, так как они поймут, что мы направляем эти приготовления против них. Я поэтому настаивал, чтобы мы приступили к делу немедленно с тем, чтобы мы были подготовлены и вместе с тем избежали бы неудобного положения...»

«8 ноября 1914 г. Президент пригласил меня пойти с ним в церковь, но мы сошлись на компромиссе: вместо меня пошла Лули. Брайан только что вернулся с запада, я считал нужным повидать его. Хотелось выяснить его взгляды на ар-

¹ Вероятно, ни Вильсон, ни Хауз не принимали этого подозрения всерьез; расследование показало, что подозрения были неосновательны.

ГЛАВА III

мию. Оказалось, что он резко настроен против какого бы то ни было ее увеличения путем образования резервов. Он считает, что нет никакой опасности иноземного нападения даже в случае победы Германии, что и после объявления войны будет достаточно времени для всей необходимой подготовки. Он простодушен, как моя внучка Джэйн Токер. Он говорил с большим чувством. Боюсь, что с ним будет много хлопот...»

«25 ноября 1914 г. (Беседа с президентом.) Мы говорили на неизменную злобу дня — о войне. Я располагаю сведениями из авторитетных источников, что если бы Италия была достаточно подготовлена, она теперь же стала бы на сторону союзников. Пока еще снаряжение ее недостаточно для того, чтобы она могла действовать эффективно, она приводит себя в должное состояние с тем, чтобы, как только будет готова и армия ее приобретет должный вес, вступить в войну. Я считаю, что Румыния также станет на сторону союзников. Президент выразил по этому поводу удовольствие и пожелал, чтобы они не мешкали.

Я снова стал говорить о том, что Германия не простит нам нашей позиции в этой войне и в случае победы призвет нас к ответу...

Я заговорил о нашей неподготовленности и о том, насколько непрактичен Брайан. Я настаивал на необходимости располагать большими резервными силами, и он ответил:

«Да, но не большой армией», — поправка, с которой я согласился. Я особенно подчеркнул нужду в крупных артиллерийских заводах и новой артиллерии».

Доводы Хауза не оказали немедленного действия на президента; в своем очередном годовичном обращении к конгрессу он отказался принять план больших военных резервов или принципа обязательного военного обучения. Вильсон настаивал на том, что всякое радикальное изменение нашей установленной военной политики (если ее можно назвать политикой) показало бы, что мы «были выведены из

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

равновесия войной, с которой у нас нет ничего общего и причины которой, нас не касаются». Лишенное таким образом всякого руководящего указания, кроме чисто негативного, общественное мнение очень медленно распознавало необходимость военной подготовки, а в некоторых кругах, как это показывает нижеследующее письмо, позиция Вильсона получила восторженную поддержку.

Письмо Джорджа Фостера Пибоди Хаузу

Нью-Йорк, 16 декабря 1914 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Поскольку я пишу вам это письмо по адресу Белого Дома, я беру на себя смелость сказать, что выступления генерала Вуда перед Торговой ассоциацией и другими организациями о неподготовленности нашей армии представляются мне совершенно неприемлемыми и противоречащими превосходному изложению президентом в его обращении к конгрессу всего положения.

Я надеюсь, что Вуда немедленно остановят.

Не могу выразить вам, как глубоко тронут я был обращением президента и тем сильным и широко распространенным впечатлением, какое оно произвело. Я хотел бы для удовлетворения своего восторга написать ему, но опасаясь, что при наличии жизненно важных государственных вопросов у него не было времени ознакомиться с последними письмами, которые я ему послал... Я не хотел бы утруждать его, тем более — надоедать...

С уважением Джордж Фостер Пибоди».

Сам Хауз тоже не заблуждался насчет высокой цены военной подготовки, как в духовном, так и в материальном отношении; он также не был слеп к тому, какое зло принесло Европе чрезмерное увлечение военной подготовкой. Лорд Грэй пишет в своих мемуарах: «Все страны [Европы] нагромождали амуницию и совершенствовались в приготовлении

ГЛАВА III

ях к войне. И в каждом отдельном случае целью этого была безопасность. Но результат был как раз обратный тому, к которому стремились и которого желали. Вместо чувства безопасности воцарилось увеличивавшееся с каждым годом чувство страха... Таково было общее состояние Европы; подготовка к войне порождала страх, а страх предрасполагает к насилию и к катастрофе»¹. Все это Хауз сознавал и разделял опасения Вильсона, что военные приготовления Соединенных Штатов могут уничтожить тот дух спокойствия, который был необходим для спасения мира от припадка помешательства.

Но несмотря на то, что из-за крайнего ужаса перед мыслью о массовом истреблении человечества Хауз считал себя пацифистом, он не мог игнорировать тот факт, что международный пацифизм становится простым проявлением ху досочия, если только он не организован так, что подчиняет своему влиянию все великие державы. В момент величайшего в истории кризиса Соединенные Штаты были бессильны играть иную роль, кроме пассивной. Для того чтобы должным образом защитить наши права и помочь миру освободиться от кошмара, необходимо было преобразовать нашу потенциальную мощь в активную организацию. Как мы увидим, Хауз не переставал настойчиво твердить об этом президенту.

Двенадцать месяцев спустя, осенью 1915 г., Вильсон подчинился логике событий, и у него хватило мужества признать, что он переменял свой взгляд: в ряде великолепных речей он требовал энергичной военной подготовки и провел через конгресс самые крупные в нашей истории кредиты на морское строительство. Но драгоценный год был потерян, и президенту пришлось столкнуться с пацифистской оппозицией, которую первоначально он до некоторой степени сам создавал. Он заплатил очень дорого, так как не располагал в подкрепление своей дипломатии нужной во-

¹ Грэй. Двадцать пять лет, т. II, с. 279.

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

енной мощью. Вильсону суждено было упустить возможность повлиять, если и не на прекращение войны, то хотя бы на сокращение ее срока.

4

Вильсоновское чувство обособления от Европы и войны было быстро уничтожено ходом событий. Он очень скоро понял, что война может коснуться нас очень близко. По иронии судьбы, в свете дальнейших событий разногласия с Великобританией о ее контроле над мировой торговлей породили всеобщее сознание близости нашей страны к боевому фронту. Во время войны Великобритания очень строго следила за торговлей нейтралов, а термин «военная контрабанда» она толковала очень широко. С точки зрения англичан поступиться возможностью, которую давало им их владычество на море, значило бы искушать провидение. Союзники, естественно, были заинтересованы в прекращении поставок в Германию, через посредников или прямым путем, всех припасов, могущих помочь продолжению войны, ибо в современной войне почти каждый обычный товар — хлопок, нефть, медь или продовольствие, может иметь такое же значение для ведения войны, как и то, что обычно объявлялось «военной контрабандой». Неминуемо было, что союзники, и в первую очередь Великобритания, благодаря мощи ее флота, начнут задерживать и обыскивать нейтральные суда, которые могут везти контрабанду; было также естественно, что они будут расширенно толковать понятие «контрабанда».

С другой стороны, Соединенные Штаты в качестве самой крупной нейтральной державы были кровно заинтересованы в оставлении открытыми дорог к нейтральным странам в Европе и в сохранении рынка Европы для неконтрабандных товаров.

В воздухе пахло порохом; не особенно приятно было сознание, что по существующим международным нормам Со-

ГЛАВА III

единенные Штаты столкнутся с этим положением всякий раз, когда Великобритания будет воевать с какой-нибудь континентальной державой.

«30 сентября 1914г. (Хауз записывает обмен мнениями с президентом.) Когда мы перешли к вопросу задержки Великобританией пароходов, президент прочел мне место из своей «Истории американского народа», где указывается, что война 1812 г. при президенте Мэдисоне была начата точно при таких же обстоятельствах, какие присущи теперешнему конфликту. В книге указывалось, что Мэдисон был вынужден начать войну, несмотря на свое миролюбие и несмотря на то, что он хотел принять все меры для предотвращения ее, но настроение народа сделало это невозможным.

Президент заметил: «Мэдисон и я — единственные президенты, воспитанники Принстаунского университета. Обстоятельства войны 1812 г. и этой — пока складываются параллельно; я искренно надеюсь, что дальше это сходство не пойдет.

Я рассказал английскому послу об этом разговоре. Это произвело на него большое впечатление, и он сказал, что в своей телеграмме к сэру Эдуарду Грэю он обратит его внимание не только на указанное место в книге президента, но и на его устное замечание в разговоре со мной».

Ввиду сильных симпатий к союзникам в Соединенных Штатах опасность действительного разрыва была весьма далека. И Вильсон и Грэй были убеждены, что мировое благоденствие в будущем зависит от англо-американской дружбы, и каждый старался уступить другому столько, сколько это необходимо было для обеспечения этой дружбы. Но при недостаточной осторожности: можно было дойти до границы, дальше которой ни одна сторона уже не могла бы уступать.

Американский посол в Лондоне Пэйдж, к счастью, завоевал уважение и расположение англичан, и переговоры всегда облегчались его дружественными отношениями с анг-

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

лийским министерством иностранных дел. Но, с другой стороны, он так высоко ценил англо-американскую дружбу, что не был расположен представлять протесты американского правительства с той энергией, какой требовал Вашингтон. И Вильсон и государственный департамент (министерство иностранных дел) были убеждены, что избежать недоразумений в будущем можно будет лишь в том случае, если с самого начала дать понять англичанам, что мы считаем английскую политику нарушением наших нейтральных прав и материальных интересов.

Пэйдж видел проблему в ином свете. Он готов был мириться с английскими ограничениями торговли и, по-видимому, считал, что по сравнению с поражением Германии и сохранением добрых отношений с Великобританией потери и неудобства нейтральных стран не в счет. «Здесь все идет хорошо, — пишет он Хаузу 15 сентября 1914 г., — английское правительство очень внимательно к нам в крупных вопросах. Более мелкие вопросы судов, призов и т. п. в действительности в руках адмиралтейства, — если не формально, то на деле, и эти вопросы разрешаются в военном порядке».

С некоторым раздражением узнал посол, что в Соединенных Штатах захваты англичанами судов и призов не рассматривались как «мелкие вопросы», и он не скрывал своего несочувствия доводам юристов министерства иностранных дел в защиту американских прав на море.

Хауз разделял убеждение Пэйджа, что слишком многое зависит от дружбы Великобритании с Соединенными Штатами, чтобы можно было допустить ссору из-за второстепенных вопросов, но в отличие от Пэйджа он учитывал, какое раздражение вызывали в Соединенных Штатах английские методы захвата американских грузов. Он также сознавал, что если Соединенные Штаты не станут в вопросе захвата грузов решительно отстаивать свои права нейтральной державы, они не смогут успешно протестовать и в более серьезных случаях.

ГЛАВА III

С другой же стороны, он был уверен, что при достаточной осторожности в составлении протестов и при сохранении личного контакта с английским послом в Соединенных Штатах, можно было бы избежать лишних трений.

«27 сентября 1914 г. Я отправился двенадцатичасовым поездом в Вашингтон и был встречен на вокзале Мак-Аду и Элеонорой. Вместе со мной они направились в Белый Дом и обедали с нами. После обеда мы поговорили недолго: из министерства иностранных дел поступил большой пакет с пометкой «срочное». Это послужило сигналом для семьи; нас покинули, и мы с президентом тотчас засели за работу.

Х. заготовил большое письмо к Пэйджу касательно Лондонской декларации и ее значения для нейтрального судоходства. Это инструктивное письмо к Пэйджу было исключительно недипломатично, и я настоял перед президентом, чтобы он не разрешил его отправлять...

Затем я предложил, чтобы мне было разрешено повидать сэра Сесилия Спринг-Райса и попробовать добраться до сути разногласий. Президент горячо одобрил этот план. После этого он пошел спать, очень усталый и несколько озабоченный».

«28 сентября 1914 г. Я попросил Гувера¹ договориться с Билли Филиппсом² об использовании его квартиры и по телефону попросил сэра Сесилия Спринг-Райса встретиться со мной там в десять часов. Беседа была исключительно интересная.

Я показал послу письмо, заготовленное для отправки Пэйджу. Он был весьма встревожен некоторыми дипломатическими выражениями письма. В частности, одно место в письме, по его мнению, было почти равносильно объявле-

¹ Главный дворецкий в Белом Доме.

² Уильям Филиппе был в то время третьим помощником министра иностранных дел. Его способности и дипломатический опыт давали ему возможность выполнять обязанности столь же важные, сколь незаметные. Он был в тесных дружественных отношениях с сэром Сеси́лем, и в его доме Хауз обычно встречался с английским послом. Филиппе стал первым помощником министра в 1915 г., а затем был посланником в Голландии и послом в Бельгии.

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

нию войны. Он сказал, что если этот документ попадет в руки прессы, то газетные заголовки объявят, что война с Великобританией неизбежна, и в стране произойдет невиданная паника, ибо это так же плохо или даже хуже, чем венесуэльский инцидент. Он сказал, что хотя и не знает всего, что я свершил за свою жизнь, но уверен, что никогда еще не сделал я такого важного дела, как в настоящий момент...

Мы обсудили, как лучше всего преодолеть затруднения, которые, как он сказал, никогда и не создались бы, если бы министерство иностранных дел предварительно поговорило бы с ним откровенно. Позиция его правительства известна министерству иностранных дел уже с месяц, и до сих пор не последовало еще ни слова возражения. Если бы он знал, что таково настроение страны, он поднял бы вопрос перед своим правительством, и отношение было бы изменено. Но сейчас, когда они уже оповестили о своем намерении делать то, против чего возражает наше правительство, трудно будет выправить положение таким путем, чтобы оградить достоинство его правительства.

Мы набросали проект инструкции нашего правительства для отправки Пэйджу, а затем наметили проект письма, которое он должен был направить сэру Эдуарду Грэю. Мы условились быть друг с другом совершенно откровенными, сообщая обо всем, что делается, с тем, чтобы не оставалось недомолвок или недоразумений».

Трудно найти в истории другой случай дипломатии столь необычной и столь действенной. Полковник Хауз, частный гражданин, выкладывает все карты на стол и согласовывает с послом иностранной державы инструкции, которые должны быть посланы американскому послу и министру иностранных дел этой державы. Если бы кто-нибудь и стал возражать против такого способа действий, то возражение должно было отпасть ввиду успехов этих действий.

В результате этого вмешательства угрожавший кризис был избегнут, и в течение ближайших пяти недель удалось подойти к вопросу нейтрального судоходства с большим

ГЛАВА III

спокойствием, хотя кардинального решения вопроса так и не удалось найти. Сам Хауз никому не говорил о том, что им было сделано.

Письмо Хауза послу Пэйджу

Нью-Йорк, 29 октября 1914 г.

«Дорогой Пэйдж!

По получении вашей телеграммы я снесся с президентом, но узнал, что дело уже на пути к урегулированию. Не могу себе представить, каким образом при существующих отношениях могут появиться серьезные затруднения между Англией и Америкой; но мы, конечно, должны быть особенно осторожны в наших методах, так как американский народ, как вы знаете, в некоторых вопросах исключительно чувствителен, и президенту, при всей его силе и популярности, следует противодействовать этому чувству...

Преданный вам Э. Хауз».

Письмо Пэйджа Хаузу

Лондон, 9 ноября 1914 г.

«Дорогой Хауз!

...Должен поблагодарить вас за все то, что вы, как я полагаю, сделали по моей телеграмме, посланной вам через Артура. Этого адресата я избрал для того, чтобы в телеграмме не стояли рядом имена и не было бы поводов к каким-либо подозрениям. Положение сейчас спокойное, но может в любой момент стать критическим из-за какой-нибудь каверзы. Я не думал и не думаю критиковать Лансинга или кого-либо другого, я только хотел, чтобы на вещи смотрели с правильной точки зрения.

Сэр Эдуард больше всего ценит американскую дружбу и не собирается подвергать ее опасности. До нынешнего дня

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

они не конфисковали ни одного американского груза, хотя много было таких, которые по праву можно было конфисковать. Продолжающиеся между нами добрые отношения — единственное, что объединяет мир. Это факт великого значения. Груз меди, я готов согласиться, может быть важным, но он не может быть так важен, как наша дружба. В настоящее время значение имеют великие и вечные понятия. Я думаю о будущих поколениях человечества, для которых тесная дружба Великобритании и нашей республики явится наиболее важным в мире политическим фактом. Острые разногласия? К ним я вполне готов, если на то есть причины. Но таких причин сейчас нет, а если бы они и были, то теперь как раз время для того, чтобы быть терпеливым. На то, чтобы ссориться, времени хватит с избытком, когда острый период пройдет...

Теперь не время ссориться или раздражаться из-за груза нефти, или меди, или вообще относиться к теперешним правительствам так, как если бы все шло нормально. Слава богу, что вы находитесь на расстоянии трех тысяч миль. Как хотел бы я быть на расстоянии тридцати тысяч...

Сердечно ваш У. Х. П.»

К несчастью, экспортеры меди и нефти в Соединенных Штатах были другого мнения, и в министерство иностранных дел стали сыпаться протесты. Для Пэйджа, который целиком сочувствовал делу союзников, положение было весьма тяжелое; он стал нервничать, как это всегда бывает, мелочи раздражали его больше всего. Опасность была в том, что при своем непонимании и раздражении против министерства иностранных дел он мог потерять из виду точку зрения Вашингтона, представлять которую он был послан в Лондон. Еще труднее было предупреждать Пэйджа о том, чтобы он остерегался высказывать свои союзнические симпатии, так как он считал, что и так слишком далеко заходит в своей нейтральности, и не был настроен принимать критику философски.

ГЛАВА III

Письмо Хауза Пэйджу

4 декабря 1914 г.

«Дорогой Пэйдж!

Я только что вернулся из Вашингтона...

Президент просил меня передать вам его просьбу, чтобы вы остерегались выражать какие-либо не нейтральные настроения устно или письменно, даже в своих обращениях к нашему министерству иностранных дел. Он заявил, что и Брайан и Лансинг, оба указывали ему на ваши отступления в этом отношении, и он опасается, что это значительно ослабит ваше влияние.

На этом он очень настаивает, и то же указание я делаю Джерарду.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Нижеследующая выписка из дневника Хауза говорит о сложности положения и об исключительной активности полковника, ибо это было время, когда он вел переговоры с южноамериканскими послами о первом наброске панаме-риканского пакта.

«29 декабря 1914 г. От Наона я направился на квартиру Билли Филиппса для встречи с английским послом. Он нервничал и был возбужден вследствие преждевременного опубликования и неправильной передачи протеста президента перед английским правительством против задержки нейтральных судов. Он возбужден не против самой ноты, так как обо всем этом мы с ним уже говорили и все уладили до того, как она была послана. Он даже уже имеет ответ от сэра Эдуарда Грэя с указанием, что требование президента будет удовлетворено. Нота была простой формальностью после того, как самый вопрос был разрешен, он недоволен порядком ее опубликования и тем, что из нее сделала наша пресса...

Я попытался объяснить Спринг-Райсу, что президент сам очень этим недоволен. Он принял это объяснение, но очень невожатеранно стал обвинять министерство иност-

ВИЛЬСОН И ВОЙНА

ранных дел и заявил, что нельзя вести дипломатические переговоры деликатного характера через газеты. Он заявляет, что это делается не в первый раз и что в дальнейшем он с трудом сможет ставить перед ними такие вопросы; он просто не станет больше ходить в министерство. Он не сомневается, что не пройдет и шести месяцев, как все мы будем на стороне немцев, что влияние немцев здесь очень велико, у них тут хорошая организация, и, в конце концов, они сломают остатки антигерманских настроений...

В его словах, часто в одной фразе, было столько противоречий, что, видя, как он расстроен, я решил, что наш разговор будет бесполезен, и потому поспешил откланяться.

Как впоследствии выяснилось, министерство иностранных дел было неповинно в нескромности, оно просто стало козлом отпущения за чужие грехи...»

«30 декабря 1914 г. Я вызвал Филиппса из министерства иностранных дел, — записывает Хауз, — и сказал ему, что очень сожалею, что Брайана нет в городе, так как я хотел посоветовать ему постараться успокоить расстроенные чувства английского посла. Я попросил Филиппса взяться за эту благодарную задачу, сказал ему, что моя поездка в Вашингтон оказалась почти бесполезной из-за преждевременного опубликования протеста президента перед английским правительством и надеюсь, что им удастся привести посла (Великобритании) в нормальное настроение до моего отъезда, так как он винит во всем министерство иностранных дел. Филиппе сказал мне, что они уже точно узнали, каким образом просочились сведения, и что шло это не из министерства иностранных дел; насколько он мог сказать мне это по телефону, он дал понять, что сделал это NN; об этом я уже сам догадывался...»

В течение осени Хауз часто беседовал с германским и английским послами о возможности посредничества Америки. Вопрос, который ставил себе президент, состоял в том, удастся ли эту возможность претворить в вероятность; он не видел других путей к решению этого вопроса, кроме поездки Хауза в Европу, на что тот согласился.

ГЛАВА IV

ГЛАВА IV

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Наибольшая трудность... в глубоко укоренившемся недоверии англичан к германской дипломатии и к ее обещаниям. Нечто в этом же роде испытывают немцы по отношению к Англии...

(Из письма Хауза Вильсону, 22 декабря 1914 г.)

1

Хауз не принадлежал к той многочисленной категории людей, которые в продолжение всей войны верили, что уничтожение Германии, как великой экономической и политической державы, является основным элементом будущего мира. Наоборот, он был убежден, что сильная, хотя и демилитаризованная, Германия необходима для экономической устойчивости Европы и для мирового благосостояния. Он постоянно противился политическому расчленению Германии, которое открыто или тайно проповедовалось ее врагами на континенте. Уже в первые недели войны Хауз предвидел поражение Германии и опасался, что последствия этого поражения могут быть страшные. Величайшей опасностью для цивилизации он считал возможность господства над Европой царской России.

«6 августа 1914 г. По-моему, Германия стремительно идет к гибели, — записывает он, — и если это случится, то Франция и Россия захотят разорвать ее на куски. Между тем, в интересах самой Англии, Америки и всей цивилизации сохранить ее целостность, лишив ее военной и морской мощи.

Я надеюсь повидать английского посла и изложить эту точку зрения.

Через десять дней в письме к послу Джерарду Хауз говорит о возможности прекращения войны до того, как стра-

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

сти разгорятся настолько, что ни одна страна не согласится сложить оружие. Это было не более, чем предположением, и сам Хауз не ожидал, что оно сможет дать практические результаты. Но это предположение знаменательно, ибо оно намечало то, что через четыре года стало американским планом обеспечения продолжительного мира, и в нем, как и в панамериканском пакте, был заложен принцип устава Лиги наций, — организации для обеспечения территориальной целостности и для проведения разоружения.

Письмо Хауза Джерарду

Прайде Кроссинг, Массачусетс,

17 августа 1914 г.

«Дорогой Джерард!

...Все эти годы кайзер стоял за мир, и никакого противоречия с его прошлой жизнью и деятельностью не было бы в том, если бы теперь он захотел прислушаться к таким обращениям. Если бы мир возможен был в настоящий момент, это следовало бы сделать на основе общего принципа, который гарантировал бы каждому воюющему государству целостность его территории в настоящем ее виде. Затем следовало бы предложить общий план разоружения, так как при такой договоренности не станет нужды в больших армиях сверх размеров, необходимых для полицейской службы.

Разумеется, проделать это надо очень искусно, чтобы никого не задеть.

Что касается меня, то я с беспокойством и искренним сожалением воспринял бы какое-нибудь серьезное несчастье немецкого народа. Все, что в Америке говорилось против Германии, было направлено против нее не как нации, а как воплощения милитаризма. Наш народ никогда не считал, что усиленные вооружения являются гарантией мира; наоборот, он считал, что в конечном счете вооружения создают как раз те условия, какие существуют сегодня. Когда

ГЛАВА IV

соседние страны с расовыми различиями и предубеждениями соперничают друг с другом в усилении вооружения, то это приводит к чувству недоверия, в свою очередь порождающему намерение ударить первым и ударить крепко.

При разоруженной Европе и при наличии договоров, гарантирующих каждой стране ее территориальную целостность, она сможет идти вперед с полной уверенностью в возможность индустриального развития и постоянного мира.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Трудность заключалась в том, что победоносное шествие немецких армий через Бельгию и Северную Францию в течение августа исключало какую бы то ни было возможность появления мысли о мире в Берлине. С другой стороны, поведение немцев в захваченных районах возмущало французов, бельгийцев и англичан и укрепляло в них решимость не прекращать войны до тех пор, пока не будут возмещены все убытки и тевтонские методы ведения войны не будут наказаны. На восточном фронте было то же положение, но с обратными ролями. Русские триумфально шествовали вперед, причем их разрушения в Восточной Пруссии наполняли немцев решимостью покончить раз навсегда с угрозой варвара-славянина.

Но в сентябре русские, хотя и могли еще продолжать свое нашествие на Галицию, были изгнаны Гинденбургом из Восточной Пруссии, причем тотчас же возникла угроза его нападения на русскую Польшу. На западе немцы потерпели поражение на Марне, и, хотя они удержались на линии реки Эн, становилось очевидным, что обещанное их военными лидерами немедленное и сокрушительное поражение Франции останется несбывшейся мечтой. По мере приближения осени все очевидней становилось, что война заходит в тупик.

Немецкие военные планы базировались на предположении о короткой кампании, а перспектива того, чтобы очутиться лицом к лицу с громаднейшей коалицией, при дол-

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

гой истощающей борьбе, устрасала их военных лидеров. Некоторые из них потом признавались, что после битвы на Марне и с началом затяжной борьбы на западном фронте они считали войну потерянной. Хауз был того же мнения и доказывал, что, будь немцы более благоразумны, им следовало принять любые условия, пока окончательные результаты этого поражения не станут ясны всем. В самый момент решительного боя не Марне он обратился с письмом к Циммерману, указывая, что наступает момент, когда посредническое предложение президента Вильсона надо принимать не только академически.

Письмо Хауза президенту

*Прайде Кроссинг, Массачусетс,
5 сентября 1914г.*

«Дорогой начальник!

Прилагаю текст моего письма к Циммерману. Если вы его одобрите, то не сможете ли распорядиться, чтобы его соответствующим образом запечатали и направили в германское посольство для дальнейшей отправки.

Пожалуйста, критикуйте его без стеснения и верните его для исправлений, какие вы сочтете нужными.

Я полагаю, что Германия скоро будет рада прислушаться к предложению о посредничестве, и именно с этой стороны можно питать больше всего надежд.

Преданный вам *М. Хауз*».

Письмо Хауза Циммерману¹

Вашингтон, 5 сентября 1914 г.

«Дорогой герр Циммерман!

Благодарю вас за ваше письмо от 1 августа. Я показывал его президенту, и он снова выразил глубокое сожаление

¹ Письмо было одобрено Вильсоном.

ГЛАВА IV

ние о том, что попытки добиться лучших отношений между великими державами кончились такой крупной неудачей.

Со все большей скорбью наблюдает он теперешнюю войну; его предложение посредничества не было пустым звуком, он считал бы великой честью положить начало движению за мир.

Теперь, когда его величество так блестяще показал мощь своей армии, не будет ли соответствовать стремлению всей его жизни к сохранению мира его согласие на то, чтобы были сделаны первые шаги в этом направлении.

Если бы я мог в какой-нибудь степени быть полезен как посредник, то это было бы для меня источником большого счастья, и я готов немедленно начать действовать, исходя из любого предложения, какое ваше превосходительство конфиденциально передаст мне.

Примите уверения в глубочайшем уважении к вам, мой дорогой Циммерман.

Искренне ваш *Эдуард М. Хауз*».

В то же время Хауз возобновил личный контакт с австро-венгерским послом, с которым он предыдущим летом часто встречался в Норт-Шоре.

«5 сентября 1914 г. Сегодня я обедаю вне дома с послом Думбой, — записывает он, — я собираюсь стать персоне фата для всех государств — участников европейской войны, так чтобы в случае необходимости мои услуги могли пригодиться и не встречали бы препятствий. Я настойчиво работаю в этом направлении с тех пор, как разразилась война. Я считаю неправильным предоставлять дело собственному течению, а потом объяснять неуспех неудачей или случайностью. Я стараюсь наперед подумать, какие задачи породит война, и какие обязательства лягут на нашу страну, — обязательства, которые, я надеюсь, президент с честью выполнит».

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Письмо Хауза президенту

*Прайде Кроссинг, Массачусетс,
6 сентября 1914г.*

«Дорогой начальник!

Вчера вечером я беседовал с австрийским послом. Он проявил очень мало сдержанности, надо было только запастись терпением, чтобы дать ему выговориться. У меня терпения хватило.

Я узнал, что немцы делают могучие усилия, чтобы добиться решающей победы на французском фронте, и, когда они этого достигнут, то готовы обсуждать мирные предложения.

Узнал я также, что больше всего они боятся голодовки. Австрия может продержаться довольно долго; благодаря своей близости к Румынии она особенно страдать не будет, но Германия будет голодать, если война затянется.

Как выясняется, Англия не пропускает в нейтральные порты ни одного судна без проверки того, нет ли на нем продовольствия, и при обнаружении такого груза, она пользуется правом закупки его.

Думба особенно хочет, чтобы американские суда бросили вызов Англии и кормили бы Германию...

Он говорил о чрезвычайном могуществе Англии и сказал, что военную мощь Германии даже сравнивать нельзя с мощью, которой Англия располагает во всем мире благодаря своему флоту. Он забыл прибавить, что Англия не пользуется своей мощью для предосудительных целей, поскольку она управляется демократией.

Войну он осуждал в очень сильных выражениях и заявил, что если бы австрийским министром иностранных дел был он, война бы никогда не началась. Он дал понять, что Германия и Австрия считали, что в 1915 г. Россия была бы уже совсем подготовлена, и поэтому надо было ее предупредить.

Применение бомб он порицал.

Преданный вам Э. М. Хауз».

ГЛАВА IV

2

Хауз нисколько не заблуждался насчет затруднений с началом переговоров. Он наблюдал жалкий неуспех попытки Оскара Штрауса, занявшегося переговорами о мире с графом Бернсторфом и надеявшегося получить через Вильсона предложение от Германии для передачи союзникам: кто-то проболтался, и все надежды на успех мгновенно испарились. Это фиаско не усилило уважения Хауза к скромности германского посла, и вообще оно не способствовало облегчению новых начинаний. Больше того, хотя Хауз и утверждал, что на месте вождей Германии он пошел бы на все уступки для достижения мира, он, однако, не очень надеялся на их политическое благоразумие.

10 сентября он записывает: «Англия не согласится на мир, если это не будет постоянным миром, а в этом, я полагаю, Германия еще не готова уступить».

Тем не менее, когда Бернсторф попросил у него свидания, Хауз согласился обсуждать вопрос, так как не хотел оставить неиспользованным малейший шанс. Если германское правительство действительно уполномочит Бернсторфа сделать дельные предложения, то союзники поступили бы очень благоразумно, если бы они внимательно обсудили такие предложения. По мысли Хауза, разумное предложение в то время значило — эвакуировать захваченные территории и полностью компенсировать Бельгию.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 18 сентября 1914г.

«Дорогой начальник!

Сегодня ко мне пришел Бернсторф. Я предложил ему встретиться с сэром Сесилем Спринг-Райсом на обеде. Он дал согласие.

Я пишу сэру Сесилию, спрашивая его, сможет ли он приехать в Нью-Йорк в ближайшие дни, но не упоминаю о мо-

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

ей беседе с Бернсторфом. Если бы удалось свести этих двух, мы могли бы, по крайней мере, положить начало.

В настоящий момент Англия главенствует над своими союзниками. Впоследствии этого может и не быть. Пожалуй, в настоящее время Англия согласилась бы на договор о всеобщем разоружении и о компенсации Бельгии. Германия, я считаю, будет рада такому предложению. Продолжать ли мне или придумать для сэра Сесилия какой-нибудь благовидный предлог для этого приглашения?

Поскольку теперь я поддерживаю связь с Бернсторфом, я надеюсь уговорить его на время держать язык за зубами. Он обещает, что ни одно человеческое существо не узнает об этих переговорах.

Мир ожидает, что вы сыграете главную роль в этой трагедии, и так оно и будет, ибо господь дал вам силу видеть вещи в верном свете.

Верный и преданный вам Э. М. Хауз».

«Бернсторф оказался совсем в другом настроении, чем во время нашей последней встречи весной, — делает Хауз отдельную запись. - Тогда это был непринужденный, самоуверенный как в отношении себя, так и в отношении своей страны человек. После того как я ему рассказал кое-что о моей поездке в Германию и о цели этой поездки и описал, какой любезный прием оказал мне кайзер в Потсдаме, я перешел к вопросу о мирных переговорах. Я спросил его, встречался ли он с сэром Сесилем Спринг-Райсом со времени начала военных действий. Он ответил отрицательно, так как это противоречило бы дипломатическому этикету. Я сказал, что, по-моему, им следует встретиться, и спросил его, согласится ли он на свидание, если я его устрою. Он подумал немного, а затем сказал, что согласен, если только это останется между нами тремя. Я поставил условием, что об этом будет знать также президент. Если бы из этой встречи что-нибудь вышло, я обещал ему получить разрешение нашего правительства на пользование шиф-

ГЛАВА IV

ром для непосредственного сношения с его правительством, чего сейчас он, конечно, не имеет возможности делать. Он сказал, что если из этого ничего не выйдет, он не упомянет о свидании ни своему правительству, ни кому бы то ни было».

Уже в то время Хауз был в наиболее близких отношениях с английским послом. Они уже вместе прорабатывали инструкции для Пэйджа и ответ Грэю, исключая оттуда все недипломатические места. Спринг-Райс переписывался с Хаузом своим частным шифром, а Хауз считал возможным заходить к нему в любое время, если этого требовало дело. Хауз уже знал от него, что союзники не согласятся на обсуждение какого-нибудь наскоро состряпанного предложения о мире. «Вы понимаете, что мир не будет представлять собой ничего хорошего, если он будет вооруженным перемирием с перспективой новой войны в будущем, — писал Спринг-Райс Хаузу 12 сентября. — Мы хотим не только конца этой войны, но и конца всех войн. К сожалению, теперь договоры не имеют никакого значения. Мы слишком сильно потерпели, полагаясь на договоры, и если бы мы допустили, чтобы Бельгия после всех ее страданий была оставлена без надлежащей компенсации, то мы показали бы себя жалкими трусами. Такова страшная перспектива для всего мира, но сейчас ничего другого я себе не представляю».

Тем не менее Хауз решил, что стоит попытаться устроить встречу Бернсторфа и Спринг-Райса. Это противоречило принятому порядку, но Хауз мало считался с условностями; и когда Спринг-Райс сообщил ему по телефону, что в настоящий момент он не может уехать из Вашингтона, Хауз настоял на своем. «Выезжаю ночным поездом», — ответил посол. Трудно удержать улыбку при мысли о дипломатах, принимающих распоряжения от спокойного, убедительного Хауза.

«20 сентября 1914 г. Я встретил сэра Сесилия в 7.30 на Пенсильванском вокзале, — записывает Хауз. — Из автомо-

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

бия я не выходил, чтобы меня кто-нибудь не увидел¹. Мы немедленно заговорили о деле. Оказалось, что он не желает говорить с Бернсторфом, так как считает его совершенно ненадежным. У Бернсторфа, по его словам, дурная репутация не только в Англии, но и в Германии, и в Америку его послали, рассчитывая, что тут он не сможет навредить...

Я объяснил сэру Сесилию положение, каким оно рисуется мне. Во-первых, если в настоящее время Англия главенствует над союзниками, то этого, возможно, не будет в дальнейшем. Во-вторых, Англия могла бы добиться для союзников договора с Германией о разоружении и компенсации для Бельгии. Ведь именно этого Англия хочет, а не расчленения Германии, что наверное произойдет, даже против ее желания, в случае решительной победы союзников.

Со всем этим он согласился, но заявил, что немцы настолько ненадежны, их политическая философия до того эгоистична и аморальна, что он в затруднении, как начинать с ними переговоры. Он вообще опасается, что время для мирных переговоров еще не настало.

По его мнению, необходимо было бы обратиться одновременно ко всем союзникам, ибо Англии, если бы она того и хотела, неудобно начинать переговоры тайно, так как Германия, наверное, поступит недобросовестно и впоследствии будет изображать Великобританию как изменницу перед ее союзниками. Кроме того, предстоят затруднения с представителями Франции и России. Жюссеран, сказал он, в настоящее время в особенно нервном состоянии, а русский посол является реакционером худшего типа и почти что сумасшедший.

Сесиль сообщил мне содержание депеш, которыми он обменялся с сэром Эдуардом, и мы довольно подробно го-

¹ Спринг-Райс страшился шпионов. Он, очевидно, предпочитал, чтобы это его свидание с Хаузом осталось в тайне. Так, Хауз записывает: «Около 11 часов Сесиль направился в отель «Маджестик» повидаться с английским генеральным консулом сэром Куртене Бенетом. Сделал он это для того, чтобы иметь предлог для объяснения своей поездки в Нью-Йорк, на случай если бы об этом стало известно».

ГЛАВА IV

ворили о том, как лучше всего поступить при данных обстоятельствах и что сказать Бернсторфу... Он откровенен и прям, это образованный человек широких взглядов.

Он полагает, что в настоящее время президенту следует постоянно быть в курсе дел и постоянно внушать разным правительствам, что он готов действовать по первому их требованию. Он полагает, что президенту не следует делать каких-либо предложений относительно самих условий мира и держаться абсолютно нейтральной позиции...

Мне удалось внушить сэру Сесилию, что для Великобритании было бы неразумно гоняться за большими ставками в этом конфликте. Лучше всего ей было бы добиться разоружения и компенсации для Бельгии и не рисковать ужасными результатами поражения. Мне также удалось доказать ему, что если победят союзники и Германия будет целиком раздавлена, то некому будет сдерживать Россию, и положение в будущем окажется едва ли лучше прошлого».

Письма Хауза президенту

Нью-Йорк, 22 сентября 1914г.

«Дорогой начальник!

Вчера ко мне зашел Бернсторф узнать результаты визита Спринг-Райса.

Я сказал ему, что сэр Сесиль не решался вступать в переговоры без разрешения своего правительства и без ведома союзников. Бернсторф считает это разумным. Он утверждает, что инструкции его правительства дают ему полномочия на ведение такого рода переговоров...

Бернсторф считает, что сейчас не слишком рано начинать переговоры, поскольку они едва ли смогут привести к каким-нибудь результатам ранее, чем через несколько месяцев.

Мы с сэром Сесилем оба согласны в том, что кайзер наверняка согласится принять те условия, которые Англия охотно ему предложит, если только немецкая военная пар-

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

тия кайзеру позволит. Наибольшая трудность, с какой придется встретиться во время переговоров, будет глубоко укоренившееся недоверие англичан к германской дипломатии и к ее обещаниям. Нечто в этом роде испытывают немцы по отношению к Англии.

Бернсторф указал и на другое затруднение, состоящее в том, что ни одна страна не захочет первой выступить с предложениями. Этого, однако, можно избежать тем, что мы будем поступать так, как поступаем сейчас; тогда, сами того не сознавая, они начнут говорить об этом и не будут, следовательно, так щепетильны...

Верный и преданный вам Э. М. Хауз».

Нью-Йорк, 6 октября 1914г.

«Дорогой начальник!

Думба заходил ко мне и вручил прилагаемую статью, написанную им для ноябрьского номера журнала «World Work». Он хотел бы, чтобы вы предварительно ее просмотрели.

Он почти не старался скрыть своего нетерпения по поводу начала мирных переговоров. Я сказал ему, что, по-моему, союзники не захотят начинать таких переговоров, пока германская армия остается на их территории. Он ответил: «Следовательно, германское поражение в настоящее время, пожалуй, не было бы таким большим злом?»

Я рассказал ему, как вы стремитесь помочь воюющим державам, но считаете, что вы уже и так зашли дальше, чем позволяет благоразумие, не получая никакой поддержки от заинтересованных сторон.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Несмотря на приватные заверения Бернсторфа и Думбы, публичные заявления немецкого и австрийского правительств были совершенно противоположного характера и не способствовали началу мирных переговоров. Общественное мнение в Центральной Европе приучалось к ожиданию ре-

ГЛАВА IV

шительной победы, и его официальные представители продолжали давать обещания. Лидеры союзников выражали в свою очередь такие же настроения с еще большей силой. Англичане считали, и не без основания, что трудно согласовать разговоры Бернсторфа о мире с той кампанией ненависти против Англии, какую все время разжигал Берлин.

«29 сентября 1914 г. (Беседа Спринг-Райса с Хаузом.)
Спринг-Райс заявил, что совместно составленная нами для сэра Эдуарда Грэя 20 сентября телеграмма обсуждается его правительством, и о ней ведутся переговоры с союзниками. После моих настойчивых расспросов, он указал, что, вероятно, пройдет некоторое время до того, как мы об этом что-нибудь узнаем. Я заключил, что они намерены ничего не делать до благоприятного, по их мнению, момента, и тогда они воспользуются телеграммой как средством для начала мирных переговоров. По-видимому, сэр Сесиль целиком того мнения, что Германию следует основательно наказать до заключения мира. В его настроении чувствуется негодование и почти что мстительность. Он говорит, что простить Германию теперь и заключить мир равносильно прощению насильника и примирению с ним, после того как он вас свалил с ног и топтал ногами к полному своему удовольствию».

3

Американские послы в Лондоне и Берлине подтвердили Хаузу, что обе стороны намерены довести конфликт до конца. Пэйдж целиком поддерживал распространенный в Англии взгляд, что нет иного пути к пресечению германского милитаризма, кроме политического уничтожения Германии. Хауз с этим не соглашался уже тогда, а впоследствии он считал, что германский милитаризм потерпел поражение в битве на Марне, и единственный и притом верный путь оживить его — это угрожать германскому народу политическим уничтожением, толкая его на то, чтобы принять военную диктатуру.

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Письма Пэйджа того времени обнаруживают и дар предвидения, и поразительное непонимание будущего.

Письмо Пэйджа Хаузу

Лондон, 15 сентября 1914 г.

«Дорогой Хауз!

...Не обманывайте себя; они вышибут Германию из седла, и никто не сможет им в этом помешать. И если только германский флот не выйдет из стоянки и не будет в ближайшее время разбит, то война будет гораздо более затяжной, чем многие думают. Это будет борьба до конца. Ради бога, пусть миролюбивые старые бабы не думают, что мы можем или должны остановить войну до того, как с кайзером окончательно не расправятся. Это значило бы играть на руку Бернсторфу. Цивилизация должна быть спасена. А это невозможно, пока жив германский милитаризм.

Сердечно ваш У. Х. П.».

Хауз хорошо понимал, что не следует слишком нажимать на союзников, добиваясь категорического ответа на предложение о переговорах, направленное Грэю через Спринг-Райса. Такое давление легко можно было истолковать как шаг для спасения Германии от поражения, которое, как многие оптимисты считали, будет нанесено ей весной. Сам Хауз хотел, чтобы Германия была основательно разбита, так чтобы с милитаризмом там было покончено раз и навсегда.

Но он также сознавал, что если в начале зимы не будет сделано какого-нибудь шага в пользу мира, то самый благоприятный момент будет упущен. На время военные действия достигли мертвой точки. К весне каждая сторона будет надеяться на победу и будет отказываться от переговоров, пока не испробует своих новых армий. Конец осени был лучшим психологическим моментом для начала переговоров.

Но был по крайней мере один немец, который, будучи уверен, что его страна идет к гибели и может быть спасена только скорым миром, неустанно старался начать перегово-

ГЛАВА IV

ры. Это был граф фон Бернсторф. Недоверие, которое возбуждала у Великобритании его прежняя деятельность, было, возможно, не совсем незаслуженно, последующие месяцы однако доказали полную искренность его стремлений к миру и к сохранению дружественных отношений между Германией и Соединенными Штатами. Хауз был несколько предубежден против него и не мог вести с ним переговоры с той откровенностью, с какой он вел переговоры с англичанами. Но, в конце концов, он должен был признать способности и честные намерения германского посла.

4

Возможно, это была дипломатическая хитрость; возможно — самообман, но, во всяком случае, Бернсторф постоянно твердил о готовности Берлина согласиться на условия, которые удовлетворили бы Англию. Возможно, его правительство не прочь было, чтобы Бернсторф давал обещания, от которых оно в случае необходимости могло бы отказаться. Во всяком случае, полученное Хаузом в декабре от Циммермана письмо не давало ясного указания на какую-нибудь перемену в настроении официальной Германии, хотя в нем был намек на то, что если бы другая сторона предприняла какие-нибудь шаги, Германия, возможно, не стала бы проявлять неблагоразумия.

Письмо Циммермана Хаузу

Берлин, 3 декабря 1914 г.

«Дорогой Хауз!

Простите, пожалуйста, за то, что я задержался так с ответом на ваше письмо от 5 сентября, которое, между прочим, было получено с большим запозданием. С большим интересом прочитал я написанное вами, но мне кажется, что, принимая во внимание оборот, какой пока что приняли дела, и очевидно неослабевающий пыл наших оппонентов, вопрос о посредничестве еще не достиг стадии действия.

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Когда я говорю о «неослабевающем пыле наших оппонентов», я имею в виду высказывания, какие, например, появились в лондонских корреспонденциях нью-йоркской газеты «Сан» от 9 октября и в «Трибюн» от 16 октября, где говорится, что ни Англия, ни Франция, ни Россия не станут прислушиваться к таким голосам, т. е. к посредничеству.

С другой стороны, вы хорошо знаете, что мы высоко ценим вашу и президента попытку. Вы можете быть вполне уверены, что предложение президента о посредничестве было принято именно в том духе, в каком оно было задумано, и ни на одну минуту его не считали бессодержательным.

Германия всегда желала мира, что подтверждает ее история за последние сорок лет. Война была навязана нам нашими врагами, они ведут ее, сосредоточив в своем распоряжении все силы, включая японцев и другие цветные расы. Поэтому мы не можем сделать первый шаг к заключению мира. Положение могло бы быть иным, если бы такой шаг исходил от другой стороны.

Я не знаю, направляли ли вы свои усилия в эту сторону и нашли ли они отзвук. Но поскольку вы так любезно и альтруистично предлагаете свои услуги, соглашаясь действовать по любому моему предложению, то стоит, мне кажется, попытаться выяснить, каковы настроения в другом лагере.

Само собой разумеется, я всегда рад вашим сообщениям, которые будут рассмотрены с соблюдением полной тайны.

Искренне ваш *Циммерман*.

Бернсторф утверждал, что если бы Хауз поехал в Германию, то убедился бы, что берлинское правительство очень благоразумно. В середине декабря они завтракали вместе в Вашингтоне.

«17 декабря 1914 г. Мы занялись вопросом о европейском мире, — записывает Хауз. — Я сообщил ему, что президент решил предоставить на мое усмотрение вопрос о благоприятном моменте и о порядке действия. Он заявил, что против этого

ГЛАВА IV

его правительство не будет возражать, и нет необходимости посещать раньше всего Германию. Если бы я мог уговорить союзников согласиться на переговоры, его правительство тоже согласится. Я ответил ему, что нет смысла поднимать вопроса перед союзниками, кроме как на условиях эвакуации и компенсации Бельгии и решительного разоружения, могущего обеспечить постоянный мир. Он заявил, что, как он полагает, в этом направлении не будет затруднений.

Я поздравил его с таким отношением к вопросу и сказал, что это произведет хорошее впечатление и покажет, что не Германия будет виновата, если мирные переговоры не будут начаты. Я попросил его подтвердить это соответствующей телеграммой своему правительству. Он сказал, что не имеет возможности сноситься со своим правительством помимо нашего министерства иностранных дел, но я возразил: «Я ведь знаю, что при желании вы можете сноситься со своим правительством. Всякий мыслящий человек легко увидит, что при настоящих условиях никто не может вам в этом помешать». Тогда он признал, что действительно может снестись со своим правительством.

Я удовлетворен исходом моих разговоров с Бернсторфом, хотя если бы начались фактические переговоры, мне, возможно, трудно было бы использовать их словесные обещания. Однако я оставил это опасение про себя».

Три дня спустя Хауз получил долгожданное сообщение от англичан. Оно было несколько двусмысленным, но, по крайней мере, давало некоторую надежду на то, что англичане рассмотрят германское предложение.

«20 декабря 1914 г. В 9 ч. 45 м. вечера Филиппе из министерства иностранных дел позвонил, что английский посол хочет встретиться со мною утром по важному вопросу. Я ответил, что ночью уезжаю в Нью-Йорк, и предложил пригласить посла немедленно, сам же я приеду через пять минут. Я извинился перед президентом и пошел к Филиппсу, где застал Спринг-Райса. Он получил от сэра Эдуарда Грэй сообщение о наших мирных предложениях. Грэй считает, что со-

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

юзникам не следует выступать против предложения о компенсации для Бельгии и удовлетворительном плане разоружения. Сэр Эдуард просит передать мне, что это его личное мнение.

Я вернулся в Белый Дом. Президент... был очень обрадован и спросил, смог бы я выехать в Европу уже в субботу. Я заявил, что могу ехать в любую минуту. Он считает, что до моего отъезда мы должны закончить наши южноамериканские дела, так чтобы совершенно освободить меня...»

«23 декабря 1914 г. Когда я встретился с Спринг-Райсом, он сказал, что получил другую телеграмму от сэра Эдуарда Грэя, и хотя тот лично согласен со сделанным предложением, но еще не ставил этот вопрос на обсуждение кабинета, не говоря уже о союзниках. Он предчувствует затруднения со стороны Франции и России, особенно в выработке проекта постоянного соглашения. Сэр Сесиль хотел, чтобы мы поделились мыслями о таком проекте соглашения. Я считал, что в настоящее время дискуссия будет беспочвенной потому, что займет недели, если не месяцы, даже после того, как державы приступят к переговорам. Я сказал ему, что я не предлагаю приостановить военные действия, даже когда переговоры начнутся, и что нет необходимости заключать перемирие до тех пор, пока не вырисуется, по крайней мере, предварительное взаимопонимание сущности постоянного соглашения.

Он полагает, что Франция, возможно, потребует французскую часть Лотарингии, а Россия захочет получить Константинополь. Он не знает, согласится ли Германия на первое требование. Я заявил, что это надо будет выяснить впоследствии и что переговоры необходимо начать, исходя из общего принципа эвакуации и компенсации Бельгии и договора о постоянной ликвидации европейских недоразумений со включением сокращения вооружений.

К моему удивлению он сказал, что о компенсации для Бельгии можно будет договориться, так как вероятно, все державы согласятся принять участие в покрытии убытков, понесенных этой храброй маленькой державой. Я был так

ГЛАВА IV

удивлен его заявлением, что он видит признаки «всеобщего испуга среди европейских народов», ибо, как кажется ему, «большинство из них боится революции...»

Он не может понять, зачем Германии соглашаться на мирные переговоры в настоящий момент, когда она имеет такие видимые успехи; он не верит, чтобы немецкая военная партия или немецкий народ в целом позволили довести эти переговоры до благополучного конца. Поскольку дело касается этих двух элементов, я с ним согласен, но считаю, что кайзер, канцлер, министр иностранных дел и их окружение знают, что они уже потерпели военную неудачу и не станут рисковать, если сейчас они смогут выйти из этого положения целыми...

Сэр Сесиль сказал, что сегодня же вечером он по телеграфу передаст наш разговор сэру Эдуарду Грэю и попросит его позондировать почву у союзников и дать нам знать по возможности скорее, стоит ли мне ехать в Лондон.

Я попросил передать, что мы не намерены форсировать события, но было бы неразумно дать немцам то преимущество, что они выразят готовность начать переговоры на этих условиях, а союзники потом им в этом откажут.

По возвращении в Белый Дом я застал ожидавшего меня президента. После пересказа моей беседы мы стали обсуждать, что лучше всего сказать Бернсторфу, и пришли к заключению, что его следует оставить в покое до того, пока мы непосредственно получим какое-нибудь сообщение от союзников; после чего мы смогли бы прямо поставить вопрос перед Бернсторфом, сказав ему, что я готов ехать в Лондон, но в его интересах не допускать, чтобы я поехал, а Германия при этом отказалась бы подтвердить его заявления».

5

До декабря Вильсон возлагал больше надежд на намеченную поездку Хауза, чем сам Хауз. Хауз понимал, откуда происходит недоверие англичан к искренности Германии, и частично сам его разделял. Он глубже президента пони-

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

мал, насколько трудно уговорить ослепленных войной противников, что компромисс лучше риска быть уничтоженным. К тому же он настолько разделял точку зрения союзников, чтобы не желать половинчатого мира, если это означало дальнейшее существование немецкого милитаризма.

Но угроза кризиса в наших отношениях с англичанами из-за спора об ограничениях нейтральной торговли осложнила положение. Если бы дружественные отношения с Великобританией были нарушены, то возможность американского посредничества была бы исключена. Более того, немецкое общественное мнение, дружественное нам в первые недели войны, становилось все более враждебным из-за экспорта американской амуниции в союзные страны. Становилось очевидным, что через вашингтонских послов больше ничего не удастся сделать для успеха посреднической миссии. Более положительных результатов можно было добиться от глав правительств непосредственно, если отправиться в Европу. Хауз мог бы, по крайней мере, положить конец тем антиамериканским настроениям, какие появились у всех воюющих стран. В этом мнении его укрепляли письма от Джерарда и сэра Эдуарда Грея.

Письмо Джерарда Хаузу

Берлин, 29 декабря 1914 г.

«Дорогой Хауз!

...Благодарю за «намек» о немецких дамах (урожденных американках), которые пишут о нашем посольстве¹. Одна из них, наверное, фрау фон N. N., которая угрожала мне (в письменной форме), что будет жаловаться президенту на то, что мы не принимаем ее приглашений к обеду и не пригла-

¹ Хауз предупредил Джерарда, а также Пэйджа быть очень осторожными и не выражать иных настроений, кроме нейтральных. В Вашингтон стали поступать жалобы, что американское посольство в Берлине проявляет себя как антинемецкое.

ГЛАВА IV

шаем ее к себе. В действительности же мы отклонили ее приглашение потому, что чувствовали себя усталыми, и своевременно послали бы ей приглашение, если бы не ее необычная выходка; а теперь мы не можем допустить, чтобы нас насилием, угрозами или шантажом заставляли приглашать кого бы то ни было. И, во всяком случае, своя рука — владыка...

Виды на мир очень смутные, но месяца через три простой народ во всех странах устанет от всего этого дела, и тогда, если только какая-нибудь сторона не добьется какого-нибудь разительного успеха (на который все надеются весной), мир придет — медленно, нехотя. И мы надеемся встретить вас здесь в роли ангела такого мира.

В настоящее время немцы немного раздражены нашей торговлей амуницией с союзниками, а также из-за необычного приказа нашего министерства иностранных дел о том, чтобы «американский посол не осматривал и не посещал тюрем, лагерей военнопленных и т. д.». Они, естественно, считают, что мы не можем защищать их интересы во Франции, Англии и России без таких осмотров. Они также очень в обиде за то, что Чендлеру Андерсену, из нашего лондонского посольства, было разрешено приехать сюда и осматривать места заключения военнопленных англичан, а когда мы (и это было тем условием, на котором было дано разрешение Андерсену) захотели послать кого-нибудь отсюда для ознакомления с лагерями военнопленных в Англии, нас встретили упомянутым выше приказом (об этом я сообщил министерству длинной телеграммой). Я очень много поработал над ввозом хлопка и вывозом красок.

Кайзер был несколько дней болен, и ни я, ни кто-либо другой не видели его. Говорят, что он очень сердит на американцев за торговлю амуницией, но не думаю, чтобы он остановил заводы Круппа, если бы мы воевали с Японией. Во время испанской войны из Германии посылалось много амуниции в Испанию. Нет, конечно, никакого сомнения, что настоящий нейтралитет предполагает прекращение та-

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

кой торговли, но согласятся ли наши граждане на такое стеснение американской промышленности?..

Искренне ваш *Дж. У. Дж.*».

Немецкий антагонизм к Соединенным Штатам вместе с уверенностью в военной победе не способствовали плану американского посредничества. Еще более обескураживающим было сообщение сэра Эдуарда Грэя, полученное Хаузом через английского посла в Вашингтоне. Грэй откровенно заявлял, что англичане разочарованы отношением правительства Соединенных Штатов и склонны отнестись с подозрением к мотивам президента Вильсона.

Письмо Эдуарда Грэя Спринг-Райсу

22 января 1915 г.

«Ваше сообщение получено.

Мне будет очень приятно увидеть его [Хауза] и поговорить с ним откровенно. Он, конечно, понимает, что мы здесь можем обещать только одно: если Германия искренно и серьезно хочет мира, то я посоветуюсь с нашими друзьями относительно приемлемых условий мира.

Однако до его отъезда следовало бы предупредить его о состоянии общественного мнения у нас. Боюсь, что оно неблагоприятно и глубоко задето образом действий правительства Соединенных Штатов и его отношением к Великобритании. Здесь считают, что в то время как Германия сознательно замышляла войну для чистой агрессии, заняла и разорила большие районы в России, Бельгии и Франции, причиняя безвинному населению великие страдания и несправедливости, — в это время единственным актом со стороны Соединенных Штатов был протест, отметивший Великобританию, как единственную державу, поведение которой достойно порицания...

В начале войны, несомненно, существовало определенное, чисто американское настроение, порожденное неспра-

ГЛАВА IV

ведливостью в отношении Бельгии и одобрявшее наше вступление в войну. Это чувство, несомненно, было искренне и широко распространено; оно основывалось скорее на идеалах поведения, чем на расовых, исторических или языковых признаках. Но теперь мы видим, что немцы чувствуют себя как бы партизанами: в Америке, как и везде, они всеми доступными средствами работают в интересах германского оружия, в Европе они стараются тем или иным путем оказать влияние на прессу, на деловые круги и на правительство. На их активности и на успехе, которым они пользовались до сих пор, Германия основывает свои надежды на то, что отношение правительства Соединенных Штатов к союзникам, а в особенности, можно прибавить, к Великобритании, будет все ухудшаться...

С трудом верится, что в Соединенных Штатах этой политики сознательно придерживается кто-либо, кроме германо-американцев. В Европе, однако, считают возможным, что правительство Соединенных Штатов незаметно для себя втянется в такую политику. Если эти опасения реализуются, то не может быть надежды на скорое окончание войны. Германия не выпустит Бельгию из рук, что же касается Великобритании, не говоря уже о ее союзниках, она не может отказаться от требования восстановления Бельгии до тех пор, пока она не истощит все свои ресурсы, разве только она сама не разделит судьбу Бельгии.

Вот каковы настроения нашего народа, и хотелось бы, чтобы он [Хауз] это знал. Чувство это еще не получило широкого выражения, но оно существует и растет. В борьбе за существование, которая решает судьбу нашей страны, мы очень надеемся на расположение Соединенных Штатов, и мы не можем поверить, чтобы Соединенные Штаты захотели уменьшить преимущество, которым мы располагаем вследствие нашей морской мощи, оставляя нетронутыми в распоряжении Германии ее военные и научные преимущества.

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

Я считаю необходимым предупредить его, что если английский народ придет к убеждению, что в политике Соединенных Штатов доминирует германское влияние, это будет способствовать созданию нежелательного настроения общественного мнения, о котором всем нам придется весьма сожалеть.

Все сказанное выше представляет чисто личное мнение и таким его следует рассматривать, но при данных обстоятельствах я считаю своим долгом сделать это личное и дружественное предупреждение о возможном направлении общественного настроения.

Э. Грэй».

Выраженное Грэем общественное мнение англичан об официальном отношении Соединенных Штатов было в большой степени несправедливо и основывалось больше на чувствах, чем на фактах. Если единственный протест, заявленный Соединенными Штатами, был направлен против Великобритании, то лишь потому, что до той поры единственное бросавшееся в глаза нарушение прав Америки как нейтральной державы проявилось в примененных англичанами военных мерах. Английские опасения насчет того, что немецкие интриги могут оказать влияние на политику Соединенных Штатов, были неосновательны. Если и верно было, что германо-американцы агитировали за наложение эмбарго на вывоз военного снаряжения, то в одинаковой мере верно и то, что правительство неизменно отказывалось наложить эмбарго. Таким образом, Соединенные Штаты не только настаивали на своем нейтральном праве на экспорт вразрез с требованиями Германии и германо-американцев, попутно ухудшая свои отношения с Германией, но в то же время удовлетворяли то, что сам Грэй называл «нуждами союзников».

Эти факты, очевидно, были недостаточно оценены английским правительством и английским народом. Тем больше смысла имело послать в Англию кого-нибудь, кто сумел бы убедительно разъяснить американскую точку зрения.

В начале января Хауз решил рискнуть.

ГЛАВА IV

6

«12 января 1915 г. 12-часовым поездом я выехал в Вашингтон. В поезде я встретил Сэмюэля Хостона Томсона из министерства юстиции и Х. С. Уоллеса. В Балтиморе меня встретили Дэйвис и директор департамента статистики Харрис, так что в общем я не успел отдохнуть.

На вокзале меня встретили Мак-Аду и Грэйсон. Переодевшись для обеда, я прошел в кабинет президента; спустя несколько минут вошел и он. Перед обедом мы успели поговорить ровно двенадцать минут, и за эти двенадцать минут было решено, что я выезжаю в Европу 30 января. Еще до приезда в Вашингтон я почти решил, что это необходимо, и был уверен, что, после того как изложу свои мотивы президенту, он согласится, что лучше всего сделать так.

Я полагал, что с послами в Вашингтоне мы сделали все, что только можно было, и теперь топчемся на месте. Настало время вести переговоры непосредственно с хозяевами. У меня начинает появляться такое чувство, будто мы теряем почву и теперь мы не так близки с союзниками, как раньше; необходимо поставить вопрос непосредственно перед Лондоном, а затем перед Берлином.

За обедом гостей не было. После обеда, до половины девятого, президент читал нам отрывки из очерков А. Г. Гардинера о великих людях, потом пришел сенатор Лафоллет. После его ухода президент возобновил чтение. Меня удивило, что вместо обсуждения интересовавших нас важных вопросов он предпочитает читать. Очевидно, он был уверен, что я смогу сделать без его помощи то, ради чего я приехал в Вашингтон»¹.

«13 января 1915 г. После завтрака мы с президентом прошли от лифта до его кабинета, и я успел изложить ему

¹ Непосредственной причиной этой поездки Хауза в Вашингтон была необходимость переговорить с Наоном, Да Гама и Суарезом о панамериканском пакте; эти переговоры можно сравнить с цирковым номером, исполняемым на трех аренах одновременно.

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

свой план действий: я повидаю южноамериканских послов, английского посла и Брайана. Я считал необходимым договориться о том, какое объяснение я должен дать Спринг-Райсу относительно моей поездки в Европу. Я полагал, что лучше всего сказать ему, что я хочу выяснить положение у немцев. На это президент ответил: «Конечно, если вы перед тем остановитесь в Лондоне и поговорите с английским правительством, это никого не удивит и не затронет самолюбия английского посла».

Со Спринг-Райсом я встретился у Филиппса в 10 ч. 45 м. утра. Он был в несколько хмуром настроении. Он завел разговор о нашем отношении к союзникам и дал понять, что союзники не примут посредничества президента с особой сердечностью. Я скоро привел его в доброе расположение, сказав, каким великим делом было бы, если бы Соединенные Штаты бросили всю свою моральную мощь на дело организации постоянного мира, и что моей целью являются не столько переговоры с Германией об условиях мира, сколько обсуждение плана установления постоянного мира.

Он сказал, что это замечательно, что я бью в самую точку. Я рассказал ему, как велико желание президента добиться постоянного мира, но что он не намеревается предлагать приостановку военных действий до тех пор, пока на это условие постоянного мира не согласятся все воюющие державы. Сэр Сесиль одобрил эту программу и заявил, что если я это объясню в Лондоне сэру Эдуарду Грэю, тот даст свое сердечное согласие. Он порекомендовал мне поговорить с русским и французским послами и рассказать им о моих намерениях, так как они могут почувствовать себя задетыми тем, что с ними не посоветовались. Я считал, что этого делать не следовало, но уступил его совету, и мы условились всем вместе встретиться у Филиппса в 4 часа...

Я приехал первым, затем прибыл Спринг-Райс и последними — Жюссеран и Бахметьев (французский и русский послы). Я просил сэра Сесилия передать им обоим наш утренний разговор и подготовить их. Очевидно, он этого не сде-

ГЛАВА IV

лал и не проявил особенного желания помочь мне. Вначале положение было несколько трудным. И Жюссеран и Бахметьев оба резко нападали на немцев и выразили полное неведение в их искренность. Они считали мою миссию совершенно бесплодной.

Но мне удалось убедить их, что стоит, по крайней мере, попытаться установить, путем разоблачения перед всем миром, как фальшивы их заявления о мире, как в действительности ненадежны и какие предатели немцы. Это понравилось им больше. Прошло немного времени, и мы перешли к более веселым разговорам, они стали предлагать мне свои услуги в устройстве встреч с главами их правительств. Они были несколько задеты тем, что я направляюсь в Лондон и Берлин. Каждый, соответственно, считал, что следовало бы посетить Петроград и Париж. Я выразил согласие, но про себя подумал, что до России я смог бы добраться не ранее весны...

Я рассказал Брайану об итогах моей дневной работы с европейскими послами и чего ждет от меня президент. Он был определенно разочарован, когда услышал, что я еду в Европу в качестве посланца мира. Он сказал, что сам собирался это сделать...

Я ответил, что по мнению президента было бы неблагоприятно кому бы то ни было выступать официально и что его поездка привлекла бы всеобщее внимание, все стали бы гадать, с какой целью он приехал.

Он очень благородно ответил, что если ему нельзя ехать в официальном порядке, то для неофициального выступления я являюсь наиболее подходящим лицом.

Мы с президентом засели за работу. Договорились о шифре для нашей телеграфной переписки, пока я буду в Европе. Я попросил его написать мне инструкцию или нечто в этом роде, чтобы я мог, не выпуская документа из рук, показать его в случае, если мне придется отправиться в страну, где меня мало знают.

Мы условились о содержании такого письма, и он обещал мне в течение одного-двух дней прислать набросок

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

письма для просмотра и для указания нужных изменений. Он сказал, что напишет этот проект сам на своей машинке, так что даже его личная стенографистка не будет об этом знать...»

«14 января 1915 г. В 2 ч. 30 м. зашел граф Бернсторф. Была интересная и полезная беседа. Он выразил удовольствие по поводу того, что я так скоро еду в Европу, и сказал, что немедленно известит свое правительство. Я откровенно рассказал ему о моей вчерашней встрече с послами союзников и о том, что никто из них не верит в искренность стремления немцев к миру...

Я предложил ему посоветовать своему правительству прекратить бесполезные и сенсационные налеты цеппелинов на Англию, так как в военном отношении они ничего серьезного сделать не могут и только губят мирных жителей. А такие налеты очень повредят успеху моих попыток...»

«20 января 1915 г. Я попросил германского посла зайти ко мне сегодня в 12 ч. утра.

Я снова просил его, бога ради, заставить свой народ прекратить убийства мирных жителей Англии воздушной бомбардировкой. Если бы только вчерашний налет на Сэндрингхэм был успешным, это сделало бы невозможным всякие разговоры о мире. Он обещал сообщить это мнение своему правительству, хотя не может дать никаких определенных обещаний, ибо главную роль в этом играют не гражданские власти, а военные. Он сообщит своему правительству, что я рассчитываю быть в Берлине во второй половине следующего месяца».

7

Хауз вернулся в Нью-Йорк для окончательных приготовлений. Ему предстояло закончить ряд дел, потому что, помимо переговоров с европейскими дипломатами о посредничестве и переговоров с южноамериканцами о панамериканском пакте, у него на очереди была масса мелких

ГЛАВА IV

вопросов местной политики, которые вследствие постоянного его проживания в Нью-Йорке незаметно стекались к нему. Он не рассчитывал пробыть в Европе долго. На деле же вышло, что он провел там почти шесть месяцев.

Лучшей характеристикой целей президента в командировании Хауза может служить письмо, которое он написал по просьбе Хауза. В этом письме Вильсон подчеркивал тот факт, что Хауз осуществляет не официальную попытку посредничества, а только желание президента стать посредствующим звеном для конфиденциальных сношений воюющих держав, которые, таким образом, могли бы обменяться мнениями об условиях, на которых можно было бы прекратить нынешний конфликт и предотвратить их на будущее. Сам он отказывался от всякого намерения ставить условия или брать на себя роль судьи; он оставался лишь беспристрастным другом, не имеющим других интересов, кроме интересов всеобщего мира.

Сообщения из Европы, которые президент передал Хаузу в последний момент, давали повод и к надежде и к опасениям. Настроение немцев не было успокоительным. Англичане казались более благоразумными, но они постоянно должны были считаться с территориальными притязаниями Франции и России, которые «могли бы стать камнем преткновения для мира, основанного на *status quo ante*.

8

Перед отъездом в Европу Хауз провел еще сутки в Вашингтоне, частью для окончательного устройства дел, а главным образом для того, чтобы попрощаться с президентом, который еще никогда до того не выказывал столько внимания к действиям Хауза.

«24 января 1915 г. Сегодня с 12-часовым поездом выехал в Вашингтон. В поезде знакомых не было, и я хорошо отдохнул. Доктор Грэйсон встретил меня в президентском автомобиле. Президент ждал меня, и мы тотчас приступили к работе, за

ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА

которой провели больше часа, даже задержав минут на десять-пятнадцать обед для президента. Случай необычный...

Он настоял на том, чтобы мои расходы по поездке и расходы моего секретаря мисс Дентон были оплачены казной. Я сказал ему, что мисс Дентон настолько надежна, что он может нисколько не считать неудобным ее участие в самой важной и доверительной переписке. Он просил меня полностью изложить его мнение сэру Эдуарду, так чтобы тот знал о намерениях президента в отношении всех проблем... Он прибавил: «Скажите ему, что, пока вы в Европе, я буду действовать через вас безо всяких посредников».

Он одобрил все, что я собирался сказать сэру Эдуарду и немцам. Он сказал: «Нам нечего много говорить, потому что оба мы одного мнения и нет нужды вдаваться с вами в подробности».

Я спросил его, сможет ли он приехать в Европу в том случае, если удастся созвать мирную конференцию и если его пригласят председательствовать на этой конференции; он ответил, что это было бы хорошо и этого американский народ наверное пожелает...»¹

«25 января 1915 г. В 10 ч. я направился к Филиппсу для встречи с английским послом. Он казался довольным, что я не отступаю от намерения выехать в субботу. Я снова просил его по телеграфу условиться о моей встрече с сэром Эдуардом Грэм тотчас по приезде. Он сказал, что обычно сэр Эдуард уезжает из Лондона в субботу, после полудня, и не возвращается до утра понедельника, но если я настаиваю, он уверен, что сэр Эдуард останется в городе. Я не счел это необходимым, так как мой пароход, наверное, только в субботу войдет в порт, и я буду в Лондоне не ранее воскресенья; следовательно, в понедельник мы как раз и встретимся. Он пошлет сэру Эдуарду телеграмму, чтобы тот пригласил меня в понедельник на завтрак.

¹При дальнейшем развитии событий, когда осенью 1918 г. этот вопрос стал актуальным, Хауз не одобрял поездки Вильсона в Европу.

ГЛАВА IV

Спринг-Райс говорил попеременно то в оптимистическом, то в пессимистическом тоне, совершенно противореча себе... Он предупреждал меня, что в Англии я, может быть, встречу враждебное моей миссии настроение, основанное на уверенности, что моя поездка подсказывается желанием помочь Германии. Далее он сказал, что в Англии есть партия, которая готова использовать любой предлог для того, чтобы требовать скорого мира, и что они напоминают наших северных «медноголовых»¹ во время гражданской войны в США. Я ответил, что ему незачем опасаться того, что я буду помогать этой партии...

Филиппе объяснил, как устроено с моими расходами. Я бы не хотел брать у них денег. Я никогда ничего не получал за свою работу — ни от администрации штата, ни от федерального правительства и до сих пор сам покрывал свои расходы, но я не имею возможности нести расходы по такой поездке, и готовность правительства финансировать эту поездку снимает у меня гору с плеч. Было решено, что 4 тысячи долларов выдаются мне сразу. Я считаю, что этого хватит на шесть месяцев...

Настало время прощания. Глаза президента увлажнились, когда он говорил последние прощальные слова. Он сказал: «Ваша самоотверженная мудрая дружба так много значит для меня», — и он снова и снова выражал свою благодарность, называя меня своим «самым доверенным другом». Он заявил, что я единственный во всем мире человек, перед которым он может высказываться абсолютно откровенно.

Я спросил его, помнит ли он первый день нашей встречи около трех с половиною лет тому назад. Он ответил: «Да, но мы еще до того знали друг друга всегда, а тогда только встретились, ибо наши цели и наши мысли едины». Я говорил о том, как много значит он для меня, как я стремился всю

¹ «Медноголовый» («Copperhead») — от одноименного названия американской змеи-медянки; так северяне называли во время гражданской войны 1864 г. людей, сочувствовавших южанам.

В ПОИСКАХ МИРА

жизнь встретить кого-нибудь, с кем я мог бы осуществить все то, что глубоко запало мне в душу, и как я стал было отчаиваться, что жизнь моя окажется неудачной, но появился он и дал мне те возможности, о которых я так долго мечтал.

Он настоял на том, чтобы проводить меня на вокзал. Он вышел из автомобиля и прошел через вокзал к кассе, а потом к самому поезду, отказываясь уходить, пока я не войду в вагон. Как радостно работать для друга, так умеющего вас ценить!»

ГЛАВА V В ПОИСКАХ МИРА

Если бы во главе каждой воюющей страны стоял свой сэр Эдуард Грэй, то войны не было бы вовсе...

(Из дневника Хауза, 7 февраля 1915г.)

1

30 января 1915 г. Хауз отплыл из Нью-Йорка на пароходе «Лузитания». Это был один из ее последних рейсов. Для Хауза это была одна из первых его попыток, полных приключений, перевести на язык фактов свой принцип установления новых норм международной морали; принцип этот заключался в том, чтобы от правительств требовать таких же норм поведения, какие требуются от отдельных индивидуумов. Этот принцип был основой его прошлогодней миссии, когда он пробовал договориться о соглашении между европейскими государствами, которое предотвратило бы предвиденную им войну. Приближаясь к зоне военных действий, он не оставлял этой мысли, пытаясь найти средства, с помощью которых можно было бы осветить путь и заложить основания для постоянного мира.

Он был не слишком уверен в успехе. Европу обуяли настолько сильные страсти, что ни один знающий человек не

ГЛАВА V

мог надеяться на то, что найдется лазейка для мирных переговоров, а Хауз был исключительно знающим человеком. Положение было настолько сложным, что малейший промах создал бы «инцидент», который мог не только подорвать всякое влияние Соединенных Штатов, но даже поставить под угрозу ее дружественные отношения с какой-нибудь из воюющих держав. По одной этой причине миссия Хауза должна была быть неофициальной. Брайан сказал Хаузу, что он лучше всех подходит для такого дела. «Надеюсь, он окажется прав, — записывает Хауз, — так как в путь я отправляюсь с очень большими опасениями. Начинание столь серьезно, а затруднения так многочисленны, что проделать все это одному и почти без чьих бы то ни было советов и помощи представляет собой такую большую работу, какую только могу пожелать я при моей готовности принимать на себя ответственность».

Но какой бы трудной и сложной она ни была, Хауз считал попытку необходимой. Как бы малы ни были шансы на мир, эти шансы надо было использовать при всяком удобном случае. Европу охватил кошмар, от которого сама она освободиться не могла; если можно было помочь со стороны, долг повелевал это сделать. Более того, с развитием войны в воюющих странах росла вражда к нейтральным странам и, особенно к самой крупной из них — Соединенным Штатам. «Кто не с нами, тот против нас». Никто лучше Хауза не подходил для объяснения позиции правительства Соединенных Штатов, ибо он был самым близким другом президента.

«6 февраля 1915 г. Я узнал от ехавшего вместе с нами м-ра Бересфорда, брата лорда Десиза, что прошлой ночью капитан Доу был очень встревожен и просил Бересфорда оставаться с ним на мостике до утра. Он опасался торпедной атаки и поэтому поднял американский флаг. Мне кажется, что этот случай может подать повод к некоторым затруднениям. Все лондонские газеты спрашивали меня об

В ПОИСКАХ МИР

этом, но, к счастью, я лично ничего не видел и мог поэтому сказать, что знаю об этом только понаслышке.

Опасения капитана за сохранность парохода заставили его разработать целую программу спасения пассажиров, спуска спасательных лодок и т. д. и т. п. Он говорил Бересфорду, что если только котлы не будут повреждены, пароход сможет продержаться на воде, по крайней мере, час, а за это время он постарался бы спасти пассажиров.

По приезде нас встретил Пэйдж, а также представители почти всех нью-йоркских газет. Все они спрашивали, когда можно будет со мною поговорить. Я ответил, что хоть сейчас, так как скажу я им ровно столько же, сколько и потом, т. е. ничего».

Преимущество Хауза было в том, что он уже был в близких отношениях с английскими государственными деятелями, так что не надо было тратить время на предварительные шаги. Но, с характерной для него манерой, он не стал поднимать вопроса о возможности мирных переговоров до тех пор, пока не ознакомился с тем, как представляют себе положение в Европе англичане. Как и всегда, он производил впечатление человека, пришедшего в поисках новых путей, а не путаника, приехавшего надоедать своей *idée fixe*.

Письмо Хауза президенту

Лондон, 9 февраля 1915 г.

«Дорогой начальник!

Приехали мы сюда в субботу, после полудня, и я сразу же договорился о личной встрече с Грэем в воскресенье, в 11 час. утра. Мы беседовали два часа; он настоял на том, чтобы я остался к завтраку, так что ушел я только в половине третьего.

О положении мы говорили так же откровенно, как если бы толковали мы с вами в Вашингтоне, и, насколько я могу судить, недосказанным он ничего не оставил. Несколько раз он повторил: «Я размышляю вслух. То, что я говорю, не

ГЛАВА V

считайте чем-то окончательным, а просто способом совместного выяснения предмета беседы».

Я передал ему вашу книгу, это доставило ему удовольствие, он только пожелал, чтобы в обмен он мог бы дать вам только что написанную им книгу о рыболовстве.

Мы всесторонне обсудили положение; он откровенно рассказал мне о положении союзников, об их затруднениях, ресурсах и об их расчетах. Эта сторона не так благоприятна, как я ожидал, в особенности в отношении Италии и Румынии. Не приходится опасаться, что они пойдут за Германией, но можно сильно сомневаться, пойдут ли они за союзниками. Успех Германии сделал их робкими; затруднения есть и в отношении Болгарии. До сих пор не удалось уладить разногласия между Болгарией и Сербией. В настоящее время Германия прилагает огромные усилия, чтобы побудить Италию и Румынию воздержаться от участия в войне. Если бы удалось урегулировать разногласия между Болгарией и Сербией, так немедленно вступит Румыния и, пожалуй, Греция. Но они боятся это сделать, пока Болгария остается неудовлетворенной.

Трудности России не в людской силе, а в транспорте. Она себя в этом отношении не обеспечила, в то время как Германия предусмотрела все до последней мелочи. Это мешает России выставить на фронт более полутора-двух миллионов людей.

Самой интересной частью нашей беседы был вопрос о возможных окончательных условиях мира и как урегулировать трудный вопрос о вооружениях.

Он заговорил о том, чего могут потребовать Россия и Франция; я сказал ему, что если Франция будет настаивать на Эльзас-Лотарингии, я рекомендовал бы внести контрпредложение: нейтрализовать эти области так же, как это сделано в отношении Люксембурга. Это исключило бы прямое соприкосновение Франции и Германии, и впредь они могли бы нападать одна на другую только с моря¹. Он счи-

¹ Ср. с окончательно установленной в 1925 г. Рейнской демилитаризованной зоной.

В ПОИСКАХ МИРА

тает, что Россия удовольствовалась бы Константинополем; об этом мы говорили довольно подробно.

Я сказал ему, что вы заинтересованы только в том, чтобы свести их всех вместе, желания предлагать условия мира у вас нет, а все то, что говорю я, — это моя личная точка зрения, высказанная ему по секрету как другу.

В одном вопросе Грэй был довольно настойчив, а именно, что мы должны участвовать в какой-то гарантии всеобщего мира. Я обошел этот вопрос, выдвинув предложение созвать специальную конференцию с участием нейтральных и воюющих держав, которая установила бы принципы цивилизованного ведения войны в будущем. Другими словами, это означало бы новую конференцию в Гааге и установление правил игры. Он не считал, что в этом именно состоит наш долг, но мы пока перешли к другим вещам...

Я поставил себе целью повлиять на здешнее общественное мнение в вашу пользу и в пользу Америки. Здесь нас основательно критикуют, и мне рассказывали, что недавно на одном публичном собрании при упоминании Соединенных Штатов раздались свистки. Однако я убедился, что интеллигентная публика здесь вполне одобряет взятый вами курс. Вчера я был приглашен на чай к одному из передовиков газеты «Таймс» и обедал с ее главным редактором. Сегодня я обедаю с нашим другом А. Г. Гардинером. Напишу вам об этом позже.

Преданный вам Э. М. Хауз».

В отдельной записи Хауз отмечает:

«К концу беседы сэр Эдуард с улыбкой заметил: «Вот я участвую в руководстве делами воюющей державы, а в продолжение трех с половиной часов говорил совсем как нейтрал...»

Я быстро ставил ему вопросы один за другим так, чтобы выяснить, какие придется преодолевать затруднения. Он отвечал с полной откровенностью, как если бы я был членом его кабинета. Это была исключительная беседа, и мне

ГЛАВА V

бесконечно лестно, что он так доверяет моей честности и такту.

Я не раз выражал уважение к личности сэра Эдуарда Грэй, но здесь я хочу повторить это снова: «Если бы во главе каждой воюющей страны стоял свой сэр Эдуард Грэй, то войны не было бы вовсе. А если бы она и случилась, то была бы скоро закончена на принципах достаточно широких, чтобы удовлетворить всех, кроме предубежденных и эгоистичных».

Эта беседа знаменательна не только потому, что в ней были отмечены затруднения Великобритании, связанные с территориальными притязаниями Франции и России, но и потому, что в беседе Грэй требовал, чтобы Соединенные Штаты сотрудничали в создании общей организации для обеспечения мира по окончании войны. Еще более знаменательно было повторное изложение Хаузом его давнего плана ограничения вооружений и гарантирования территориальной целостности.

Двум людям, за завтраком обсуждавшим эти вопросы, предстояло сыграть большую роль в создании Лиги наций. С самого начала войны Грэй утверждал, что если бы Германия приняла его предложение о конференции, это предотвратило бы войну. Ни разу не колебался он в своем убеждении, что до тех пор, пока не будет создан какой-то механизм для постоянного международного совещания, мир не будет гарантирован от угроз войны.

Через Хауза это убеждение передалось президенту Вильсону и, в конце концов, нашло свое выражение в уставе Лиги наций. В составлении этого устава идеи и дипломатия Хауза имели крупное значение.

2

Хауз прибыл в Англию в момент, когда Германия вступила на новый путь, который еще более отравил отношения между воюющими странами и еще более затруднил миссию

В ПОИСКАХ МИРА

Хауза. Осенние военные события расстроили германские планы, так как неожиданно быстрая мобилизация в России, успешный захват русскими Австрийской Галиции и нашествие на Восточную Пруссию заставили Германию произвести контрнаступление на Восток, тогда как Германия рассчитывала сосредоточить свои главные силы на поражении Франции. Гинденбург с триумфом выгнал русских из Восточной Пруссии, но его поход на русскую Польшу не удался. Для того чтобы лишить русских возможности дальнейшего нападения, казалось необходимым завоевать Польшу и освободить Галицию. Этот удар по русской армии был важен еще потому, что переговоры об австро-итальянском соглашении не шли гладко, и нависла серьезная опасность того, что Италия может присоединиться к союзникам. Для того чтобы она могла встретить этого нового врага, необходимо было избавить Австрию от угрозы русских атак.

Если бы Германия сосредоточила свои главные силы на Востоке, она не смогла бы поддерживать крепкий фронт против французов и англичан на Западе. Но здесь она имела большое преимущество — превосходство вооружения, на это она и рассчитывала. Для нее поэтому было крайне необходимо, чтобы Великобритания, очень медленно развивавшая производство собственного вооружения, не могла ввозить его из Америки, которая неизменно отказывалась наложить эмбарго на вывоз вооружения. Отсюда решение Германии об использовании подводных лодок.

Воспользовавшись в качестве предлога тем, что Великобритания не пропускала в Германию продовольствия, Германия нашла достойный, по ее мнению, ответ, установив с 18 февраля 1915 г. вокруг британских островов «военную зону». После этой даты, — грозила Германия, — ее подводные лодки будут топить в этой зоне любые торговые суда противника независимо от возможности спасения для пассажиров или экипажа этих судов. Она предупредила нейтральных судовладельцев об опасности, которая грозит им при вхождении в военную зону, так как возможны и ошиб-

ГЛАВА V

ки, в особенности, если суда воюющих держав будут продолжать пользоваться флагами нейтральных держав.

Американское правительство ответило на это сразу и определенно. Оно предупредило Великобританию об опасности самовольного пользования американским флагом. В еще более серьезных выражениях оно предупредило Германию, что если подводные лодки начнут «уничтожать в открытом море американские суда или губить жизнь американских граждан, то правительству Соединенных Штатов трудно будет расценивать такие действия иначе, как ничем не оправданное нарушение прав нейтральных стран... Правительство Соединенных Штатов будет вынуждено призвать имперское правительство Германии к строгому ответу за такие действия его морских властей и будет вынуждено принять все необходимые меры для защиты жизни и имущества американских граждан и для обеспечения американским гражданам неограниченного пользования их правами в открытых морях».

Эти новые обстоятельства усложнили задачу Хауза, но не поколебали его намерения, после переговоров с англичанами, отправиться в Берлин, если только он получит оттуда прямое извещение, что там его примут. Без приглашения он отказывался ехать в Германию. В Вашингтоне Бернсторф по-прежнему утверждал, что его правительство ждет Хауза, чтобы выразить через него свое стремление к «разумному» миру. 13 февраля Вильсон телеграфировал Хаузу, что через Бернсторфа он поднимает интерес Германии к миру и Бернсторф уверен, что приглашение Хаузу уже отправлено.

Почти ежедневно Хауз проводил помногу часов в переговорах с чиновниками министерства иностранных дел, ибо он понимал, что нужна полная договоренность и о недоразумениях, вытекающих из вопросов торговли, и о возможности мирных переговоров. Намеченный им визит в Германию был бы бесплодным, если бы англичане его не одобрили. Он старался также договориться о том, на каких основах может быть создан всеобщий постоянный мир, т. е. нечто

В ПОИСКАХ МИРА

большее, чем простое окончание войны и удовлетворение территориальных притязаний воюющих государств.

«10 февраля 1915 г. Я завтракал у нашего посла, — записывает Хауз, — ради встречи с сэром Эдуардом Грэем и с сэром Уильямом Тиррелом. Я хотел бы иметь возможность записать каждое слово наших разговоров, настолько они были преисполнены значения. Мы очень много говорили о том, насколько серьезно хочет Германия начать мирные переговоры. Я держался положительного мнения об этом, но считал, что Германия добивается преимущественного положения: она хочет, чтобы я приехал по одному приглашению Бернсторфа, официально не подтвержденному правительством, так что в случае неудачи переговоров, они смогут заявить, что никогда в них и не участвовали.

Сэр Эдуард полагал, что немцы еще не готовы вести переговоры и делают все лишь для того, чтобы поставить союзников в невыгодное положение, заявив Фердинанду болгарскому и другим, что союзники ищут мира. Я считал, что хотя и сомнительно, готова ли начать переговоры о мире военная партия, но кайзер и его окружение этого хотят.

Сэр Эдуард сказал, что он уведомил французского министра иностранных дел Делькассе о моем визите и о нашей беседе в воскресенье. Делькассе полагает, что союзники еще не добились достаточных военных успехов, чтобы начинать переговоры, и соглашается с сэром Эдуардом в том, что Германия неискренна.

Между прочим, Грэй рассказал, что английский посол в Париже сэр Френсис Берти сообщил ему о моем пребывании в Лондоне и советовал встретиться со мною. Это очень позабавило нас всех.

Говорили почти только мы с Грэем. Пэйдж и Тиррел только изредка вставляли слово. Частично мы возвращались к темам первой беседы, например, о постоянном мире. Сэр Эдуард заявил еще раз, что наше правительство тоже должно принять участие в заключении мира. К моему немалому удивлению, Пэйдж сказал, что это возможно и жела-

ГЛАВА V

тельно. Я заявил сэру Эдуарду с еще большей определенностью, чем в воскресенье, что этого мы сделать не можем; что не только неписанный закон нашей страны, но и наша твердо установившаяся политика не позволяют, нам вмешиваться в европейские дела¹.

Тиррел указал, что мы не всегда следовали этой политике, приведя в пример Алжесирасский инцидент. Пэйдж указал на дело Перри и марокканских пиратов. Я тем не менее настаивал на том, что это невозможно и что все, что мы можем сделать, — это присоединиться к нейтральным и воюющим державам на отдельной конференции после того, как мирный договор будет заключен и подписан воюющими державами. Я заявил Грэю, что наше правительство не сможет принять участия в решении вопроса о том, что должно быть сделано с Эльзас-Лотарингией и Константинополем, что мы вообще не можем принимать участия в выработке условий мира, чем должна будет заняться первая конференция. Но я, однако, уверен, что наше правительство охотно присоединится ко всем государствам в установлении ясного понимания прав воюющих держав в будущем и законов ведения войны, которые лишили бы войну очень многих ее ужасов.

Я сказал, что такой договор должен запрещать убийство мирных жителей с аэропланов и нашествие на нейтральную территорию, должен установить определенные безопасные морские пути для судоходства с тем, чтобы, следуя по этим путям, суда всех стран, воюющих и нейтральных, не подвергались нападениям.

К моему последнему предложению сэр Эдуард внес поправку, указав, что, по его мнению, Великобритания согласится, чтобы все торговые суда, независимо от того, при-

¹ Очевидно, Хауз не был уверен в желании Вильсона вмешиваться в европейскую политику и учитывал наше предубеждение против такого вмешательства. Договор, который он предлагал, не должен был вмешивать Соединенные Штаты в какие-нибудь чисто европейские дела. Наше вступление в войну, естественно, изменило его точку зрения на участие в мирной конференции.

В ПОИСКАХ МИРА

надлежат ли они воюющей или нейтральной державе, пользовались неприкосновенностью. Я принял эту поправку, подчеркнув, насколько я рад, что Великобритания готова идти так далеко».

«11 февраля 1915 г. Сегодня я завтракал с сэром Уильямом Тиррелом. Беседа наша была очень интересна, он говорил с полнейшей откровенностью...

Он считает, что если бы на конференции, о которой я вчера говорил, можно было заключить договор между всеми странами, нейтральными и воюющими, о законах ведения войны в будущем, то Великобритания согласилась бы на полную свободу торгового мореплавания во время войны. Этот пункт обсуждался нами и вчера, но сегодня Тиррел сказал, что Великобритания сознает, что применение подводных лодок изменило состояние морской войны и что в будущем Великобритания будет лучше защищена такой политикой, чем она до сих пор была защищена своим громадным флотом»¹.

Эти переговоры знаменательны, ибо тогда родилась идея, которая вскоре была развита Хаузом и которую он в дальнейшем определил как «свободу морей». Грэй и Тиррел понимали, что практическое применение этой идеи представляло бы огромную ценность для Англии — острова, зависящего в своем существовании от непрерывности морской торговли. Но Хауз понимал, что и Германия, переживавшая блокаду и тоже в значительной степени зависевшая от морской торговли, будет заинтересована в этой идее. Она могла бы послужить началом переговоров.

Будущему историку, однако, покажется странным, что «свобода морей», против которой так горячо потом восставала Великобритания, и которую вообще расценивали как немецкую уловку, была раньше всего предложена английским министерством иностранных дел в интересах самой Великобритании.

¹ Грэй уже формулировал эту точку зрения в своих инструкциях английской делегации на второй Гаагской конференции в 1907 г.

ГЛАВА V

3

12 февраля Хауз получил ожидаемое приглашение от немцев. Оно было не вполне удовлетворительно составлено, так как Циммерман возражал против предложения о компенсации для Бельгии, но все же это было лазейкой, которой полковник мог воспользоваться.

«13 февраля 1915г. Мы завтракали одни с сэром Эдуардом Грэм, — записывает Хауз, — в доме № 33 на Экклзтон-сквере, который он, кстати сказать, арендовал у Уинстона Черчилля. Завтрак был очень скромный, и за столом я старался не касаться дел. Мы говорили о природе, об одиночестве, о Вордсворте... Он рассказал о визите Рузвельта к нему в Нью-Форесте, и как это произошло. Рузвельт сказал, что ему очень хотелось бы послушать английских певчих птиц. Сэр Эдуард вызвался удовлетворить это желание. Он говорит, что они насчитали до сорока одного голоса, из которых Рузвельту было знакомо только пение златогрудого крапивника, который, мне помнится, есть и в Америке.

Когда заговорили о Вордсворте, я спросил его, бывает ли он на английских озерах. Он ответил, что не был никогда, ибо его усадьба в деревне притягивает его больше всего на свете и потому, когда время позволяет, он всегда отправляется туда. Из всех известных мне выдающихся людей он путешествовал меньше всех.

Когда мы прошли в библиотеку, я показал ему письмо Циммермана; мы долго его обсуждали. Я считал, что мы с ним должны решить, когда следует начать переговоры о мире. Поскольку дело касается меня, я не хотел бы начинать их хотя бы на минуту раньше, чем это нужно для достижения такого мира, который оправдал бы жертвы всех храбрецов, уже сложивших свои головы, ибо лучше уж пожертвовать другими жизнями, если нет иного пути для достижения прочного мира.

В ПОИСКАХ МИРА

В этом духе мы полностью обсудили весь вопрос. Я считал, что с поездкой следует торопиться, так как наши отношения с Германией все ухудшаются, и скоро я могу оказаться нежеланным гостем. Я опасался какого-нибудь глупого или безрассудного нападения на море или в воздухе, которое может настолько возбудить общественное мнение против Германии, что английское правительство будет лишено возможности начать какие-либо переговоры.

Мы сидели друг против друга у камина в его библиотеке, всесторонне обсуждая положение, с одной мыслью и одной целью. Он располагал сведениями, что Германия начинает обходное движение на русском фронте с целью произвести впечатление на Балканские страны, и если она в этом успеет, то возможно, что Болгария вступит в войну, — если не против Англии или России, то против Сербии, что в сущности было бы одно и то же.

Он рассказал мне о плане отправки английских войск в Салоники и ввода их этим путем в Сербию. Он полагал, что если бы можно было высадить там 200 000 английских солдат, то Греция охотно вступит в войну на стороне союзников. Он считал, что несправедливо было бы вовлечь Грецию в войну без соответствующей защиты. Трудность, объяснил он, в том, чтобы снабжать такую армию, так как в Сербию ведет только одна одноколейная дорога.

Он сказал, что они не стали уговаривать Голландию вступать в войну, так как у них не хватило бы войск, чтобы послать их туда для защиты от германского нашествия. Он полагает, что если Германия добьется успеха в своем нынешнем обходном движении на востоке, она тогда повернет на запад и снова попытается прорваться к Парижу.

В заключение он сказал, что мне не следует отправляться в Германию прежде, чем ее обходное движение так или иначе закончится. Он считает, что гражданские власти Германии ничего не смогут сделать для мира до тех пор, пока фон Гинденбург и другие военные лидеры не попытаются провести все задуманные ими кампании.

ГЛАВА V

В конце концов мы решили оставить вопрос открытым до среды, когда я буду на завтраке у премьер-министра. Пока он еще не рассказывал никому из членов кабинета о наших переговорах, но сделал заметки, о которых он намерен переговорить только с премьер-министром...»

«14 февраля 1915г. Вчера сэр Эдуард Грэй сказал мне, что когда война закончится, он намерен на год уйти на отдых. Я советовал ему совсем уйти от дел, так как его роль в настоящем европейском конфликте так велика, что впоследствии всякое его дело будет подобно роли великого художника, занявшегося покраской забора на черном дворе своего дома. Он ответил задумчивым взглядом широко раскрытых глаз».

Письмо Хауза президенту

Лондон, 15 февраля 1915 г.

«Дорогой начальник!

...До сих пор еще я не решил, что делать в отношении Берлина. Затруднения в следующем: этому [английскому] правительству приходится быть особенно осторожным в каком-либо обнадеживании нас. Они не смеют высказать свои сокровенные мысли не только потому, что позиция Англии будет неверно понята в Германии, но и потому, что это вызвало бы бурю недовольства здесь, так как никто не верит, что условия, даже отдаленно соответствующие тому, что потребует Англия, будут в настоящий момент приняты.

Фактически, за исключением очень узкого круга, все считают, что исход войны должен обязательно выразиться в договоре о постоянном мире и в эвакуации и компенсации Бельгии; но никто не верит, что Германия готова принять такие условия.

Германия, с другой стороны, в настоящее время почти всецело управляется милитаристами. Там, как и здесь, есть группа сторонников мира, но, странно сказать, так же, как и здесь, эти группы руководят только гражданским управ-

В ПОИСКАХ МИРА

лением. Здешняя группа гораздо сильнее, чем в Германии, где, думается мне, она пользуется очень малым влиянием. Пока военные силы Германии продолжают пользоваться успехом, милитаристы не потерпят никаких предложений о мире.

Я теперь продумываю и рассказываю Грэю и другим свой план общей конференции всех нейтральных и воюющих стран мира, на которую вы должны быть приглашены председателем и которую следовало бы создать по вашему приглашению.

Она может заседать одновременно с мирной конференцией или, если мир еще не будет достигнут к августу, ее (эту конференцию) можно было бы созвать к этому сроку; она тоже послужила бы достижению мира среди воюющих держав. Эта вторая конференция, конечно, не станет разбирать разногласия воюющих держав, а должна будет заняться установлением правил ведения войны в будущем и прав нейтральных стран.

Такая конференция имела бы исключительно важные последствия, — фактически гораздо более важные, чем сама мирная конференция...

Преданный вам Э. М. Хауз».

В результате переговоров с Грэем и Асквитом Хауз решил отложить свою поездку в Германию, по крайней мере, на несколько недель. Ему предстояло написать Циммерману такое письмо, что если бы Берлин действительно хотел его приезда, то и дверь для Хауза оставалась бы открытой. Письмо Джерарда, настаивавшего на немедленном приезде, не изменило его решения.

Было ясно, что немцы рассчитывали на выигрыш войны, с чем Джерард, по его заявлению, не мог не согласиться. И пока они были в таком настроении, переговоры были бы бесполезны, так как Германия просто использовала бы переговоры в дипломатических целях, без всякого намерения действительно заключить мир.

ГЛАВА V

Письмо Хауза Циммерману

Лондон, 17 февраля 1915 г.

«Дорогой герр Циммерман!

Благодарю вас за ваше любезное письмо от 4 февраля.

Я полагал, что смогу выехать в Берлин в начале будущей недели. Но теперь мне кажется, что лучше оставаться здесь, пока я не получу от вас некоторых дополнительных сведений.

Все мои переговоры с послами воюющих держав в Вашингтоне базировались на предположении, что Германия согласится эвакуировать и компенсировать Бельгию, а также будет согласна договориться о постоянном мире.

Я понимаю затруднительное положение вашего правительства в отношении компенсации. И поэтому, если данный вопрос оставить на время открытым, могу ли я предположить, что ваше правительство согласно сделать остальные два пункта исходными для переговоров?

Если бы обстоятельства сложились для нас так счастливо, я убежден, что наконец можно было бы начать переговоры. Нет нужды указывать вам, милостивый государь, какие большие моральные преимущества такое положение дало бы Германии и с каким ожиданием взоры нейтральных держав обратились бы к союзникам, чтобы те пошли навстречу такому великодушному предложению.

Надеюсь, что ваш благоприятный ответ на это письмо отметит начало конца нынешнего горестного конфликта.

Остаюсь, мой дорогой герр Циммерман,
искренне ваш Э. М. Хауз».

Письмо Хауза Джерарду

Лондон, 1 марта 1915 г.

«Дорогой Джерард!

Народ здесь медлительный, и когда я сообщил им ваше мнение о необходимости действовать быстро, что это во-

В ПОИСКАХ МИРА

прос не дней, а часов, то убедился, что дело безнадежно. Хотя, конечно, иначе и быть не могло, ибо, как бы быстро они ни захотели действовать, они не могут выступить сепаратно, а для того, чтобы снестись с союзниками, в особенности с Россией, требуется невероятно много времени.

Я не вижу непреодолимых препятствий к миру и полагаю, что если воюющие державы только начнут переговоры, то они быстро смогут договориться.

Здесь военная-морская махина ныне пришла в стремительное движение, и ваше предсказание о конечном исходе здесь, сверху донизу, по-видимому, никем не разделяется. Если война протянется еще шесть месяцев, то у Англии будет флот, превосходящий все остальные флоты мира, вместе взятые. Нам, американцам, следует над этим призадуматься; призадуматься над этим нужно всем.

Преданный Э. М. Хауз».

Письмо Хауза президенту

Лондон, 18 февраля 1915 г.

«Дорогой начальник!

С сэром Эдуардом Грэем я говорил во вторник вечером и еще раз вчера — в присутствии премьер-министра и Пэйджа.

Асквит и Грэй считают, что до выяснения результата теперешнего обходного движения немцев на востоке мне нет смысла ехать в Германию. Дела России в настоящий момент выглядят плохо, и они не хотели бы, чтобы я попал в Берлин в такое время. Если же это движение немцев окажется неудачным и дела опять зайдут в тупик, тогда, по их мнению, я должен буду поехать туда...

Я прямо поставил вопрос перед Асквитом и Грэем, спрашивая у них совета. Я сказал им, что все мы одинаково заинтересованы в благоприятном исходе и вопрос только в том, как это лучше сделать. Они с этим согласились, и сэр Эдуард предложил, чтобы я написал Циммерману в том духе, как я это и сделал.

ГЛАВА V

Цель была та, что если немцы не примут эти два пункта¹, то с делом надо считать поконченным до тех пор, пока они сами проявят добрые намерения.

Сэр Эдуард заявил, что если эти два главных пункта не будут приняты, Англия будет продолжать войну до бесконечности.

На вчерашнем совещании я сказал им, что не следует совсем захлопывать дверь, нужно держать ее немного открытой с тем, чтобы Германия могла распахнуть ее, если действительно захочет мира. Асквит улыбнулся и сказал: «Вы показали бы себя очень искусным человеком, если бы это вам удалось».

С каждым часом положение ухудшается из-за германской декларации о торговых судах² и из-за минирования немцами морских путей. Я усиленно добивался от сэра Эдуарда, а затем от Асквита, чтобы они разрешили вопрос до сегодня, но с обычной английской медлительностью они отложили его до четверга или даже до вторника следующей недели.

Психологический момент для окончания войны наступил, примерно, в конце ноября или начале декабря, когда казалось, что война окончательно зашла в тупик. Вы припомните, как мы старались убедить в этом сэра Сесилия и пытались вызвать их на какие-нибудь быстрые шаги, но безуспешно...

Преданный вам Э. М. Хауз».

«18 февраля 1915 г. В 7.30 я заходил в д. 33 на Экклзтонсквере повидать сэра Эдуарда Грэя, пробыл у него с полчаса. Я передал ему письмо от Джерарда и Пенфилда.

По обыкновению, сэр Эдуард был откровенен. Он заявил, что Англия может принять предложенные Джерардом

¹ Эвакуация занятых территорий и гарантии постоянного мира.

² В день составления этого письма входило в силу заявление Германии от 14 февраля о том, что всякое неприятельское торговое судно, застигнутое в военной зоне, будет потоплено, не считаясь с тем, будет ли при этом возможность избежать гибели экипажа и пассажиров.

В ПОИСКАХ МИРА

условия только в том случае, если произойдет действительно все то, о чем говорит Джерард, т. е. Россия и Франция будут полностью биты, а Египет и другие британские территории будут оккупированы врагом.

Я снова настаивал на лучшем согласовании действий на восточном и западном фронтах. Он считает это невыполнимым из-за российской правительственной системы. Мне кажется совершенной глупостью не действовать более согласованно, а именно: когда немцы наступают на востоке, их нужно начать сильнее теснить на западе, и наоборот...»

«20 февраля 1915г. В 7 ч. 15 м. я заходил к сэру Эдуарду Грэю в д. 33 на Экклзтон-сквере. Застал у него лорда Китченера, но тот через несколько минут ушел.

Сэр Эдуард сказал мне, что союзники собираются захватить Дарданеллы, понадобится им на это три или четыре недели¹. Это не просто демонстрация, так как в случае успеха операция окажет значительное влияние на положение на востоке, не говоря уже о том, что она откроет вход и выход для России. Он также рассказал мне, со слов Китченера, что, по данным из России, немцы захватили там не больше одной дивизии и положение на востоке совсем не так плохо, как его изображают. При этом сэр Эдуард внес, однако, поправку, сказав, что сведения из России не всегда надежны. Он полагает, что когда положение на восточном фронте несколько утихнет, и военные действия снова зайдут в тупик, а Дарданеллы будут взяты, тогда как раз наступит момент для моей поездки в Германию».

Письмо Хауза президенту

Лондон, 23 февраля 1915 г.

«Дорогой начальник!»

В ответ на вашу телеграмму от 20-го с указанием, что вы опасаетесь с моей стороны излишней уступчивости жела-

¹ Интересно отметить, каким далеким от действительности оказалось это предсказание (примечание Хауза).

ГЛАВА V

нию здешнего правительства отложить мою поездку в Берлин, я во вчерашнем моем ответе постарался дать кое-какие объяснения.

Все, что мы до сих пор имеем, это — отказ Германии от возмещения убытков Бельгии и отказ сделать какие-либо мирные предложения по своей инициативе. Возможно, она согласится (а, может быть, и нет) эвакуировать Бельгию и обсудить предложения, имеющие целью установление постоянного мира. Но если бы она и согласилась на эти два главных пункта, надо помнить, что Россия и Франция не соглашаются заключить мир на подобных условиях.

Когда здесь были русский министр финансов и французский министр иностранных дел, сэр Эдуард говорил им о вашем письме и о моем пребывании здесь. Он также указал им, чего, по-моему, можно достигнуть в настоящее время, и спросил их, не хотят ли они повидаться со мной. Оба они предпочли от этого отказаться, заявив, что не подошло время для мирных предложений, ибо можно быть уверенным, что пользующаяся до сих пор успехом Германия не согласится на те условия, которые поставили бы их правительства.

Английский народ и большинство кабинета отнеслись бы не более благосклонно, чем Франция и Россия, к тем условиям, какие только и согласилась бы Германия принять теперь.

Поскольку война началась и поскольку они считают Германию агрессором и воплощением милитаризма, они твердо решили не прекращать борьбы до тех пор, пока либо не останется никакой надежды на победу, либо Германия согласится принять то, что они считают справедливым и постоянным соглашением.

Для нас почти так же важно, чтобы мирное соглашение было основано на правильных принципах, как и для европейских народов. Если эта война не покончит с милитаризмом, то будущее для нас полно забот.

Если бы было основание думать, что Германия готова предложить приемлемые для союзников условия мира, от-

В ПОИСКАХ МИРА

правляться в Берлин следовало бы сейчас; но все данные говорят обратное, и результатом моей поездки туда в настоящий момент была бы потеря симпатий к вашим стараниям со стороны Англии, а, следовательно, и союзников, без какой бы то ни было пользы для Германии.

Вы можете быть уверены, что Германия захочет использовать нас только тогда, когда это будет продиктовано ее интересами, и ничто не мешает ей ухватиться за ваше посредническое предложение, когда это будет выгодно ей.

Вчера Асквит заявил Пэйджу, что надеется, что я не совершу этой ошибки и в настоящее время в Германию не поеду. Это попросту означает, что если бы я в самом деле поехал, они, возможно, перестали бы считать вас посредником.

Если Циммерман ответит на мое письмо, я в Берлин поеду и побеседую с ним, но сейчас этим ничего не достигнешь, так как теперь он едва ли пойдет дальше, а на таких условиях союзники не согласятся начать переговоры.

Сэр Эдуард заботится о том, чтобы Англия заняла наиболее благородную позицию: не требовала бы ничего, кроме эвакуации и компенсации для Бельгии, и договора, обеспечивающего постоянный мир.

Но в этом он сталкивается с мнениями колоний. Южно-африканские колонии вовсе не собираются возвращать Германии, захваченные ими, ее территории в Африке, так как, говорят они, такой сильный и воинственный сосед представлял бы для них постоянную угрозу.

То же относится к Каролинским островам, к Самоа и т. д., захваченным австралийцами.

Сэр Эдуард усиленно старается привить общественному мнению более широкие взгляды. Возможно, это ему удастся, возможно, и нет, во всяком случае сейчас он еще не может быть уверен, что возобладают его идеи...

Успех может оказаться на стороне Германии. Если Франция или Россия сдадутся, она скоро будет господство-

ГЛАВА V

вать на континенте; а ведь нигде не написано, что та или другая действительно не сдадутся. Даже если союзники и будут держаться вместе, война может протянуться еще один год...

Я стараюсь думать об этом не меньше, чем я думал в Америке, а говорить об этом я стараюсь, возможно меньше, чтобы мой ум был свободен от предубеждения и я мог беспристрастно оценивать положение.

Единственная здравомыслящая и крупная личность здесь — это сэр Эдуард Грэй; все говорит в пользу того, что он будет играть доминирующую роль, когда дойдет до окончательного урегулирования дел, и я считаю наиболее разумным по-прежнему поддерживать с ним ту же тесную и дружественную связь...

Я с интересом замечаю, что иногда сэр Эдуард говорит о «второй конференции, которую, может быть, созовет президент». Он привыкает смотреть на эту конференцию как на одну из надежд на будущее, и если бы нам удалось сделать хотя бы только это, то и тогда вы свершили бы самое значительное дело нашего времени для всего мира.

Я имею основание рассчитывать, что на такой конференции здешнее правительство готово будет идти на большие уступки в отношении пароходства, торговли и т. п. в военное время¹.

Тем временем я собираюсь держать этот козырь «в рукаве», а когда я буду в Германии, то постараюсь использовать его для создания благорасположения к вам, разъяснив им, что при окончательном урегулировании вопроса о мире вы будете настаивать на этом плане. Иными словами, что по вашей инициативе и при поддержке Германии можно уговорить Англию принять такие условия. Это, я думаю, у немцев будет иметь успех и может сильно способствовать улучшению их отношений к нам...

Преданный вам Э. М. Хауз.

¹ Это — еще одна ссылка на программу «свободы морей».

Как и следовало ожидать, Хауз постарался установить контакт со всеми, кто мог оказать ему содействие или помочь информацией в выполнении его миссии: с деятелями разных партий и оттенков, с людьми делового мира и журналистами.

«14 февраля 1915г. Я завтракал у леди Пэйджет. За чаем у меня был Сидни Брукс; он рассказал мне, что в Лондоне очень интересуются целью моего приезда, и он говорит всем, что в этом году мои брюки поизносились несколько раньше обычного и я приехал для того, чтобы отдать их в починку Пулю. Затем, уже в серьезном тоне, он спросил меня, хочу ли я, чтобы о моем приезде что-нибудь было в газетах и чтобы «Таймс» писал что-нибудь об англо-американских отношениях. Я настойчиво просил его, чтобы в настоящий момент ничего не появлялось. Он сказал, что «Таймс» к моим услугам, когда только я захочу использовать его для целей моей миссии, в чем бы эта миссия ни состояла...»

«20 февраля 1915 г. Был в посольстве и застал Гувера и Пэйджа за беседой о затруднениях, которые первый ежедневно испытывает в организации помощи бельгийцам. Он очень предприимчивый человек, а иным и быть невозможно при сложности его работы, когда приходится сталкиваться с противоположными интересами германского, бельгийского и английского правительств».

«25 февраля 1915 г. Сегодня я был на завтраке у лорда Брайса в его квартире, в д. № 3 по Букингем-Гэйт. Мы превосходно провели время. Он устроил так, что мы были совершенно одни, не было даже леди Брайс.

Он спрашивал меня о президенте, я рассказал ему, как президент вслух читал мне очерк о нем в книге Гардинера «Столпы общества».

Вступительная фраза осталась у меня в памяти: «Если бы спросили, кто сейчас самый великий англичанин, я думаю,

ГЛАВА V

пришлось бы с сожалением признать, что это — некий шотландец, родившийся в Ирландии».

Брайс улыбнулся и сказал, что не читал этой книги, а теперь будет опасаться ее прочесть, чтобы она не вскружила ему голову; это не помешало ему переспросить о заглавии книги.

Постепенно мы перешли к разговору о войне и вытекающих из нее проблемах. Мне казалось, что представился удачный случай проверить на таком ясном и тонком политическом уме правильность моих взглядов, и я рассказал ему под строжайшим секретом многое из моих планов. Это касалось, конечно, предложения о прекращении на ряд лет производств амуниции, а также созыва президентом второй конференции и ее объема и характера.

Брайс был, видимо, заинтересован. Я рассказал ему, что пытался сделать для предотвращения войны, хотя бы между западными державами. Это тоже заинтересовало его, и он признал, что это дело удалось бы, если бы несколько задержалось объявление войны. Он тоже слышал, что Великобритания и Германия были накануне заключения соглашения о Багдадской железной дороге и о разделе сфер влияния в Африке. Это соглашение оставалось только подписать, как разразилась война...»

«4 марта 1915 г. [Запись о беседе Хауза с Бальфуrom].

Мы великолепно понимали друг друга. Больше всего говорил я, хотя временами он воодушевлялся, вставал, становился у камина и говорил так же горячо, как и я. Он с самого начала мне понравился, и я искренно хотел, чтобы это чувство было взаимное. Мне нравится направление его ума. Когда ведешь с ним серьезный разговор, то мысли твои все время начеку. В этом отношении он немного напоминает мне президента. В интеллектуальном отношении я склонен ставить его наравне с президентом и с Асквитом, а, по-моему, это значит быть на вершине».

В ПОИСКАХ МИРА

Письмо Хауза Гордону Очинклоссу

Лондон, 5 марта 1915 г.

«Дорогой Гордон!

... Я виделся почти со всеми выдающимися либералами королевства, а истекшую неделю посвятил консерваторам, так как это будет очень полезно не только для правительства, но и для меня лично при окончательных переговорах.

Бальфур очень одобрительно отозвался о моих предложениях и сказал, что они оригинальны и, насколько он может в данный момент судить, исполнимы.

В течение долгого времени я видел, что ограничение вооружений является непреодолимым препятствием для соглашения о постоянном мире, и я не мог придумать какого-нибудь удовлетворительного выхода, пока я не очутился на борту «Лузитании», где на свободе мог поразмыслить об этом вопросе. Тогда мне пришла в голову идея, что если бы все основные государства, как воюющие, так и нейтральные, согласились приостановить производство вооружения на период в десять или больше лет, то вопроса о том, как велика должна быть армия у Германии, какая должна остаться у Франции, каков должен быть размер германского или английского флота, — не пришлось бы и обсуждать¹.

Армия и флоты остались бы в тех размерах, в каких их станет конец войны; но без производства новых вооружений или постройки новых военных судов в течение нескольких лет все автоматически устареет. Нам нужно выиграть время. С течением времени Германия станет демократией, и с этой стороны будет не больше опасности, чем со стороны Соединенных Штатов, Англии или Франции. Россия составляет отдельную проблему, которую так или иначе придется решать в будущем.

¹ Эта идея, очевидно, базировалась на предположении, что война окончится вничью; в то время Хаузу это казалось вероятным.

ГЛАВА V

Этот план предполагает закрытие заводов Круппа, Армстронга и других фабрикантов оружия, а к концу десятилетия обеспечил бы всеобщий мир. Денег, которые ежегодно экономило бы каждое государство, хватило бы на уплату процентов по громадным, все увеличивающимся военным долгам.

Всего этого, конечно, не надо говорить никому, кроме Сидни и Мартина¹, от которых я ничего не скрываю...

С отеческим приветом. Э. Хауз».

«5 марта 1915г. После полудня заходил Сидни Брукс. Он направлялся в министерство иностранных дел предложить свои услуги в качестве представителя английской стороны в решении вопросов, возникающих между Соединенными Штатами и Великобританией. С этой работой он надеется справиться лучше, чем было до сих пор. Он говорит, что министерство иностранных дел делало это так плохо, как только могла бы придумать человеческая изобретательность. Он спрашивал меня: можно ли было справляться с этим хуже; я ответил отрицательно; Брукс остался доволен такой оценкой их действий...

Вместе с Чалмерсом Робертсом мы ужинали у Скотта. После этого я зашел в посольство, так как Пэйдж хотел показать мне дневник полковника Джорджа О. Скуайра, который он просил держать в строжайшем секрете. Неловко было, но пришлось сказать ему, что копию этого дневника я получил уже более двух недель назад.

Мы говорили о родине, о президенте, о Мак-Аду, об общем положении и в общем очень хорошо провели время. Мне Пэйдж нравится. Он прямолинеен и бесхитростен».

«8 марта 1915г. Обедал с лордом Лорберном. Единственным гостем, кроме меня, был Джон Бернс. Оба они здравомыслящие, благоразумные и способные люди. Мы говорили о войне, о джингоистах и о трудностях на пути к миру. Я

¹ Д-р Сидни Мизес и редактор журнала «Лайф» Э. С. Мартин.

В ПОИСКАХ МИРА

рассказал им, какие требования предъявляют Франция и Южная Африка относительно германских колоний в Африке. Бернс заметил, что притязания Южной Африки могли бы быть удовлетворены, но требования Франции более серьезные...»

«9 марта 1915 г. Обедал у леди Пэйджет. Было выдающееся собрание. Среди гостей были лорд Керзон, А. Дж. Бальфур, сэр Джон Коуэн, Кост [будущий лорд Браунли], лорд и леди Десборо [фрейлина королевы], герцогиня Мальборо, м-сс Джон Астор и м-с Джордж Кеппел.

Когда подали кофе, мы разговорились с Керзоном. Он оказался худшим джингоистом из всех, кого я встречал. Мир он хочет заключить только в Берлине, сколько бы времени на это ни потребовалось. Он очень способный человек, говорит хорошо и с большой силой. Беседа наша развивалась вполне лояльно: по-видимому, он старался быть возможно любезней. С людьми такого типа я мало или вовсе не спорю, так как наши взгляды слишком расходятся, чтобы их можно было согласовать.

Бальфур гораздо более привлекателен. Я говорил также с Костом; мне удалось заставить его переменить свое мнение о Соединенных Штатах...»

Письмо Хауза президенту

Лондон, 8 августа 1915 г.

«Дорогой начальник!

...Со времени моего последнего письма к вам я повидал кое-кого из миролюбивых кругов во главе с такими людьми, как бывший лорд-канцлер, лорд Лорберн, Хэрст из журнала «Экономист» и другие.

Нортклиф представляет противоположную крайность. Он заявил некоторым моим друзьям, что если вы (президент) послали меня сюда для ведения переговоров о мире, то меня следует выслать из Англии... Я упоминаю об этом,

ГЛАВА V

чтобы показать крайнюю трудность положения. Сидни Брукс сказал мне, однако, что ни один из тех людей, с которыми я разговаривал, теперь не настроен враждебно к нашим планам.

Я полагаю, что это антипацифистское настроение еще сильнее в Германии, в милитаристских кругах. Но если мне удастся попасть непосредственно к кайзеру, я надеюсь произвести некоторое впечатление. Главный вопрос в том, кто на самом деле управляет Германией? Боюсь, что это мне придется выяснять самому...

Преданный вам Э. М. Хауз».

5

К этому времени Грэй и Хауз решили, что настал момент для поездки Хауза в Берлин. От фон Ягова через Вашингтон поступило сообщение, что немцы его ждут. И хотя письма Циммермана и Джерарда не содержали указания на готовность Германии пойти на уступки, все же казалось, что стоит выяснить действительное положение в Берлине.

«7 марта 1915г. [Запись беседы с Грэем]. Оба мы считаем, что настало время отправляться мне в Германию. Я решил поехать через Францию и спросил его мнения, следует ли мне повидаться с Делькассе. Сперва он сказал, что не следует. Он напомнил, что когда Делькассе был здесь, то твердо считал, что теперь не время для мирных переговоров; едва ли он изменил свое мнение. Но я опасаясь, что если не нанесу ему визита, он сочтет это неучтывым. Грэй согласился, что с этой стороны я прав и лучше с ним повидаться. Он только предостерег меня, чтобы в разговоре с ним я был осторожен. Я уверил его, что нескромности с моей стороны можно не опасаться.

Грэй полагает, что Франция будет настаивать на получении Эльзас-Лотарингии. Французы уверены, что союзники победят и смогут диктовать Германии условия мира. Может

В ПОИСКАХ МИРА

быть, впоследствии они убедятся, что для того, чтобы диктовать условия мира Германии, необходимо продолжать войну ряд лет, а когда они это поймут, то, пожалуй, согласятся пойти на уступки.

Грэй не знает настроения России, но считает, что если отдать ей Константинополь и Проливы, она согласится на любые другие условия мира...

Затруднение, которого я опасюсь в заключительной стадии переговоров, состоит в том, что нет человека, который был бы хозяином положения... Боюсь, что ситуация в Германии еще более неопределенная. Все пошло бы легче, если бы здесь был Пальмерстон или Чэтэм, а в Германии — Бисмарк».

Таким образом в поисках мира выяснилось только то, что ни одна из воюющих держав не хочет ни на йоту отступить от своих требований. Однако миссия не была потерей времени. Хауз установил с англичанами такие отношения, которые не только помогали преодолевать существующие трудности, но должны были служить неоценимым средством предупреждения каких-либо недоразумений в будущем.

Мемуары английского министра иностранных дел показывают, какого исключительного успеха добился Хауз в установлении благожелательного взаимопонимания. «Понадобилось немного времени, — пишет Грэй, — чтобы объяснить ему нашу позицию. У него была привычка говорить «я это знаю» таким тоном, который убеждал и в его симпатиях и в понимании им того, о чем ему говорили». И далее: «Наши беседы почти сразу стали не только дружественными, но и интимными. Я нашел в нем редкую комбинацию мудрости и привлекательности. В напряженной атмосфере военного времени откровенная беседа с ним доставляла одновременно облегчение и удовольствие. Его указания и критика были ценны, его предложения были плодотворны, и все это излагалось с такой симпатией, что приятно было его слушать. После рабочего дня, начинав-

ГЛАВА VI

шегося в семь часов утра, в семь часов вечера я бросал работу и час до обеда отдыхал дома. Мы условились, чтобы в это время Хауз заходил, когда ему захочется побеседовать».

Миссия Хауза была бы оправдана уже одним тем, что было достигнуто это личное взаимопонимание с министром иностранных дел, и это было одним из тех неуловимых факторов, которые имели такой серьезный вес в дипломатической истории последующих годов.

Глубоко ценя честность и умеренность Грзя, полный опасений относительно требований Франции, подозревая искренность Германии, но вместе с тем решившийся найти, если возможно, нить, чтобы перебросить ее через пропасть, — с этими настроениями Хауз 11 марта отправился из Англии в Париж и Берлин.

ГЛАВА VI СВОБОДА МОРЕЙ

Если бы теперь начать переговоры о мире на мало-мальски реальных условиях, это означало бы свержение нашего правительства и кайзера.

*(письма Циммермана Хаузу,
25 марта 1915 г.)*

1

Письмо Хауза президенту

Париж, 14 марта 1915 г.

«Дорогой начальник!

Мы приехали сюда в четверг ночью. Значительную часть пути наш пароход шел в сопровождении истребителя; мы прошли мимо плавучей мины на расстоянии около ста ярдов. В остальном переезд обошелся без приключений...

СВОБОДА МОРЕЙ

Только что я вернулся от Делькассе¹. Переводил помощник министра иностранных дел². Я дал ему прочесть ваше письмо и заявил, что приехал засвидетельствовать ему ваше почтение, но что вы не желаете быть навязчивым или задеть их чувства каким-нибудь незрелым предложением о мире.

Это я проговорил прежде, чем он успел что-нибудь сказать вообще, так как я хорошо знал, что у него на уме. Он, очевидно, был доволен таким заявлением, и это сразу создало благоприятную почву.

Затем я сказал ему, что еще за год или за два вы предвидели, что, если не будет принято никаких предупредительных мер, любая искра может зажечь нынешний пожар; в мае прошлого года вы посылали меня в Европу для выяснения того, что могло быть сделано для достижения лучшего взаимопонимания, что тогда же я был в Германии, затем приехал во Францию, но в то время во Франции происходила смена кабинета и вести переговоры нельзя было.

Я хотел, чтобы он знал, что все нити у вас в руках с самого начала и вы полностью понимаете положение...

Он ответил, что Франция очень ценит проявленные вами интерес и благородное желание добиться мира, он рад, что я приехал в Париж, и с интересом будет ожидать встречи со мною по моем возвращении из Германии. Тогда он мне самым откровенным образом скажет, каковы помыслы Франции и к чему она готова. Я не стал настаивать, чтобы он высказался сейчас, так как и без того знал, каковы их помыслы, и не хотел вдаваться в беспочвенную и обескураживающую дискуссию.

¹ Министр иностранных дел Теофиль Делькассе был главной движущей силой соглашения с Великобританией и был в значительной степени ответствен за активную внешнюю политику Франции, начиная с 1904 г. Он был *bête noire* для Германии, которая считала его соучастником Эдуарда VII и Грэя в их попытке «окружить» Германию.

² Жакэн де Маржери — в то время директор политического отдела министерства иностранных дел; в период после войны был назначен французским послом в Германию.

ГЛАВА VI

Я успел больше, чем ожидал, так как не был уверен, что встретят меня доброжелательно. Даже сэр Эдуард несколько беспокоился об этом. Главное достигнуто: Франция, по крайней мере условно, согласилась на ваше посредничество, а это, мне кажется, уже много...

Джерард сообщил мне через Уинслоу, что Германия без малейших колебаний пойдет на войну с нами. С другой стороны, Уинслоу рассказал мне, что когда вы послали Германии ноту, являвшуюся почти ультиматумом¹, то на другой же день он, Уинслоу, заметил явную перемену к лучшему со стороны германского министерства иностранных дел. До того они вели себя высокомерно, а после все пошло на лад.

Похоже на то, что все считают, будто немцы буквально сошли с ума. Сам я в этом не уверен. Во многих их поступках я вижу проблески здравого смысла.

Я буду весьма осторожен во всех моих телеграфных и письменных донесениях к вам из Берлина, ибо это в высшей степени опасно. Уинслоу говорит, что у них невероятная система шпионажа, и нисколько нельзя быть уверенным, что письма и документы не просматриваются.

Я считаю, что правящий класс Франции не хочет мира, но большая часть народа и солдаты в окопах встретили бы его с радостью. Это, я думаю, верно и в отношении Германии...

Преданный вам Э. Хауз.

Р. С. Джерард также сообщает, что, по его мнению, в случае неудачного для Германии исхода состязания, кайзер будет низложен».

«14 марта 1915 г. Сегодня утром заходил Уиллард Стрэйт. Он очень дружен с Казенавом², а также с Маржери, а Маржери друг Казенава и Делькассе, так что круг замыкается

¹ Речь идет о ноте Вильсона 10 февраля, предупреждавшей германское правительство, что в случае потопления какого-нибудь американского парохода или потери жизни американцев, оно будет призвано к «строгому ответу».

² Руководитель бюро печати министерства иностранных дел.

СВОБОДА МОРЕЙ

вполне. Стрэйту я рассказал кое о чем, что я хотел бы сделать известным Делькассе через Казенава и Маржери. Стрэйт обещал это сделать. Я хотел, чтобы Делькассе знал, что, по-моему, Франция берет на себя большой риск, выставляя такие условия мира, какие Германия ни за что не примет, разве только союзники дойдут до Берлина. Жаль, что с Делькассе я не в таких отношениях, чтобы непосредственно сказать это ему, не люблю я пользоваться услугами третьих лиц.

Стрэйт должен подать им мысль, что союзникам было бы выгодно привлечь симпатии президента, а сделать это лучше всего через меня. Другая мысль, которую мне хотелось им внушить, такова: самое важное и великое дело — это добиваться постоянного мира, а не какого-нибудь мелкого территориального преимущества, что само по себе оставляет раны, могущие в будущем повести к новым осложнениям».

Письмо Хауза президенту

Париж, 15 марта 1915 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня ко мне заходил де Казенав. Он возглавляет бюро печати и его главная обязанность состоит в том, чтобы об Англии, Америке и других странах французские газеты печатали то, что нужно...

Я просил его быть откровенным и сказать мне, как настроено французское общественное мнение. Он сказал, что в массе французский народ считает, что у Америки на уме одни доллары. Он говорит, что некоторые французы, побывав в Америке несколько недель, не зная языка и посмотрев только такие места, как чикагские бойни, стали по возвращении писать книги о жадности нашего народа. Он говорит, что эта манера развилась настолько, что во Франции укрепилось мнение, будто мы руководимся исключительно меркантильными интересами.

ГЛАВА VI

Он говорит, что когда он дает редакторам французских газет указания о том, что писать об Америке, они только улыбаются и пожимают плечами...

Я пытаюсь подружиться с де Маржери из министерства иностранных дел. Он жил в Америке, хорошо говорит по-английски, и, утверждают, что в министерстве иностранных дел он имеет почти такой же вес, как Делькассе, и, кроме того, он пользуется полным доверием последнего. Для этого я завязал кое-какие связи и на обратном пути я постараюсь пробыть здесь подольше, чтобы их закрепить.

То же самое я постараюсь проделать в Германии, по всей вероятности, с помощью Циммермана. Если бы мне удалось установить такие отношения, то дело едва ли уйдет из наших рук.

Преданный вам Э. М. Хауз».

2

Все его разговоры в Париже только подкрепили предположения, появившиеся у Хауза в Лондоне. Притязания Франции на территориальные аннексии совершенно не оставляли места той основе для мирных переговоров, о которой они говорили с Грэем. Джерард сообщал, что немцы тоже претендуют на большие аннексии. «Он уверен, — записывает Хауз после получения этого известия, — что они не расположены обсуждать те мирные предложения, которые намерены сделать союзники... Французы не только хотят Эльзас-Лотарингию, но также многого, кроме этого, так что обе эти страны исключительно далеки от мира. Если мир удастся заключить, то произойдет это только благодаря здравому смыслу и справедливости сэра Эдуарда Грэя и английского общественного мнения».

Тут Хауз мог бы в сущности отказаться от поездки в Германию. Но ему казалось, что в личных переговорах заложен шанс на улучшение германо-американских отношений, кроме того не хотелось упустить возможности обрисовать

СВОБОДА МОРЕЙ

перед немцами основу будущего соглашения с англичанами. Он, однако, решил, что поднимать в Берлине вопрос о немедленных мирных переговорах будет более чем бесполезно.

Письма Хауза президенту

Берлин, 20 марта 1915 г.

«Дорогой начальник!

...В Берлин мы приехали сегодня утром, и Джерард немедленно устроил мне частную беседу с Циммерманом. Я зачитал ему ваше письмо, которое, как и везде, произвело на него очень хорошее впечатление. Я откровенно рассказал ему, что мною было сделано в Англии, с кем я там встречался, при каких обстоятельствах и к каким выводам я пришел.

Он удивился, когда я рассказал ему о том, что в Англии нет чувства озлобления против Германии, точно так же удивился он, когда я ему сказал, что главные затруднения — с Францией. По-видимому, они пытались наладить добрые отношения с Францией и Россией с тем, чтобы заключить с ними сепаратный мир. Я думаю, что убедил его в том, что у Англии нет желания совершенно раздавить Германию и что в конечном счете договариваться придется этим двум государствам. Это настолько очевидно, что я не понимаю, как они этого сами не поняли. Это и к лучшему, поскольку разногласия между ними не так велики; они могли бы сговориться и теперь, если бы не то обстоятельство, что народы и в Германии и в Англии приучены ожидать большего, чем может быть осуществлено. Ни то, ни другое правительство не может выполнить этих чаяний. Если бы они попытались заключить мир на других основаниях, чем те, к которым приучили свои народы, то весьма вероятно, что сами правительства были бы низвергнуты. В настоящее время это составляет главную трудность, и весь вопрос в том, как ее устранить.

ГЛАВА VI

Я стараюсь смягчить общее настроение. Циммерман говорит мне, что главное, чего хотела бы Германия, это — договоренности, которая обеспечила бы постоянный мир. Тот же призыв слышен во всех воюющих странах.

Я указал Циммерману ряд точек совпадения наших интересов и предложил, чтобы мы сообща взялись за достижение наших целей. В связи с этим я поднял вопрос о второй конференции (для организации постоянного мира), к этому он отнесся очень сочувственно. В частности, я сказал ему, что мы, как и Германия, желаем, чтобы в будущем наша торговля была защищена и не нарушалась, независимо от того, участвуем ли мы в войне или соблюдаем нейтралитет. Я сказал ему, что мы полностью признаем за Англией право держать флот, достаточный для ее защиты от нашествия, но больше этого она не должна требовать.

Он особенно сочувствует этой мысли, и я думаю, что это поможет созданию здесь благоприятных для нас условий.

Канцлер на несколько дней уехал, но Циммерман устроит нам встречу, как только тот вернется. Он также предполагает, что кайзер может захотеть повидать меня. Джерард говорит, что это невозможно, что он сам не видел кайзера в течение нескольких месяцев из-за резкого недовольства кайзера нами, вследствие наших поставок оружия союзникам. Сейчас неважно, увижу я его или нет, это я оставляю на усмотрение Циммермана...

Я несколько неуверен в том, как поступать дальше, так как сейчас очевидно, что только после какого-нибудь сильного поражения одной из сторон правительство этой страны осмелится предложить переговоры о мире. Я предвижу трудные времена, и будет чудом из чудес, если правительства выйдут из этого невредимыми.

Мир напряжен, — как никогда, и в недалеком будущем где-то что-то треснет.

Кажется, для нас теперь лучше всего ждать появления трещины.

Преданный вам Э. М. Хауз».

СВОБОДА МОРЕЙ

Берлин, 21 марта 1915 г.

«Дорогой начальник!

Постепенно я добираюсь здесь до сути вещей и, хотя не могу писать вам вполне вольно, все же постараюсь дать вам достаточное представление о положении.

Так же как в Англии, я встречаюсь со многими и надеюсь скоро иметь полную картину всего происходящего.

Вчера вечером я познакомился с дельным и благоразумным человеком, д-ром Ратенау¹. Говорят, что он большая сила в германском деловом мире. У него такое ясное представление о положении и такое пророческое предвидение будущего, что хотелось бы знать, есть ли в Германии еще люди, мыслящие как он. Было грустно услышать от него, что, насколько он знает, он одинок. Он говорит, что начинает размышлять, действительно ли все крутом сошли с ума или сумасшедший он сам...

Было почти трогательно слышать, как он упрашивал, чтобы мы не прекращали наших стараний добиться мира. Он говорит, что это самая благородная задача, какая когда-либо выпадала на долю человека, и что он будет молиться за то, чтобы мы не были обескуражены. Этот мотив я слышу во всех странах. Матери и жены, отцы и братья говорят в этом же духе, и кажется, будто все свои надежды они возлагают на нас.

Преданный вам Э. М. Хауз».

«Грустно подумать, — добавляет Хауз, — что правительство каждой из воюющих стран вероятно приветствовало бы начало мирных переговоров и вместе с тем ни одно из них не чувствует безопасным для себя начать их». Чтобы обеспечить нужное для войны воинственное настроение, каждое из них создало своего Франкенштейна², который

¹ Доминирующая фигура первых дней послевоенной Германской республики. С 31 января по 24 июня 1922 г. был министром иностранных дел; представлял Германию на Генуэзской конференции в 1922 г.; 24 июня 1922 г. был убит реакционерами.

² Герой романа Шелли (жены поэта), создавший и одушевивший злобное и всеразрушающее чудовище (*прим. пер.*).

ГЛАВА VI

строжайше запрещает даже шептаться о мире. Циммерман заявил (записывает Хауз 24 марта), что «если бы теперь начать переговоры о мире на мало-мальски реальных условиях, это означало бы свержение правительства и кайзера».

Письмо Хауза президенту

Берлин, 26 марта 1915 г.

«Дорогой начальник!

Хотя я знаю, что сделал здесь много полезного, я уезжаю разочарованным тем, что мы были введены в заблуждение, полагая, что мирные переговоры могут быть начаты на базе эвакуации Франции и Бельгии.

Меня приняли очень благосклонно, к прежним я прибавил много новых знакомств. Я нахожу, что здешние гражданские власти также благоразумны и толерантны, как и в Англии, но в настоящее время они бессильны.

Опасное дело — зажечь народ и внушить ему преувеличенное представление об успехах. Это именно то, что происходило и происходит почти в каждой из воюющих стран...

Если те, кто в настоящее время возглавляют аппарат гражданского управления, останутся у власти ко времени мира, можно не сомневаться в их помощи и содействии при условии, конечно, что наши отношения более не ухудшатся, а, кроме случая прямой войны, они хуже быть не могли.

Это ухудшение целиком происходит из-за наших поставок оружия союзникам. Почти не верится, как остро ненавидят нас немцы. Получается, что каждый убитый или раненый немец был убит или ранен из американской винтовки, американской пулей или снарядом. Я никогда не думал, что наши пушки и снаряды так совершенны. Только они одни разрываются и во всяком случае изготовлены так, что несут смерть.

Я здесь обращаю внимание на опасность такой агитации против нас и пытаюсь показать, насколько это уменьшит для нас возможность придти на помощь Германии, когда та-

СВОБОДА МОРЕЙ

кая помощь понадобится. Я указывал, где наши интересы совпадают и как ценно было бы для обеих стран работать в одном направлении, а не в противоположных...

Как и везде, все здесь настаивают, что когда будет заключен мир, это должен быть настоящий мир, но представления о том, как этого достигнуть, диаметрально расходятся...

Джерард мне очень помогает. Он несколько мне не мешал и настаивал, чтобы я один беседовал с разными членами кабинета и влиятельными немцами. Он обладает большим мужеством и отличается от некоторых наших представителей тем, что его точка зрения целиком американская.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Как и в Лондоне, Хауз поставил себе задачей встречаться с людьми разных типов, но больше всего он выискивал людей умеренных взглядов. У него были долгие беседы с Ратенау и фон Гвиннером¹, с министром колоний Зольфом, впоследствии игравшим большую роль в переговорах о перемирии, с Гельферихом («молодой человек, — отмечает Хауз, — которого считают одной из восходящих в Германии сил»), с министром иностранных дел фон Яговом и канцлером.

3

Кроме собирания сведений и создания дружественной Соединенным Штатам атмосферы, Хауз хотел проверить в Германии возможность проведения плана, который он считал пригодной основой будущего соглашения Германии и Великобритании. Это и было то, что впоследствии было названо принципом «свободы морей».

Полковнику Хаузу эта задача представлялась в следующем виде. Существующие морские законы допускали захват частной собственности нейтральных стран в открытом мо-

¹ Банкир, инициатор постройки Багдадской железной дороги.

ГЛАВА VI

ре, если она подходила под категорию «военной контрабанды», а при нынешних способах ведения войны было неминусом, что понятие военной контрабанды будет постепенно расширяться вплоть до того, что на деле оно будет включать всю промышленную продукцию. В случае войны Великобритании с любой державой на континенте, первой мыслью англичан, естественно, будет использовать свое морское могущество для прекращения прямого и косвенного снабжения врага. Неизбежно последует конфликт между Великобританией и Соединенными Штатами, наиболее крупной экспортирующей нейтральной державой, ибо ограничения, устанавливаемые англичанами, означали бы разрушение американской торговли. События 1914 и 1915 гг., как и события, вызвавшие войну 1812 г., являлись наглядным примером этого всякий раз проявляющегося фактора разногласий, — единственного фактора, серьезно угрожавшего дружественным отношениям этих двух стран.

Помимо опасности осложнений с Америкой, были и другие обстоятельства, неблагоприятные для Великобритании. Англичане — островные жители, существование которых зависит от торговли с внешним миром, и в особенности со своими колониями — в большой опасности, которая еще не вполне осознана. Они могли быть уверены в своей полной безопасности, пока их флот господствует. Но появление подводной лодки поставило вопрос о том, не может ли случиться так, что английская морская торговля будет уничтожена и нация будет лишена обычных поставок продовольствия и сырья, между тем как ее боевой надводный флот оставался бы невредим. Такая угроза жизни страны стала весьма актуальной в 1917 г.

Германия тоже зависела, хотя не в такой степени, от морской торговли. В борьбе с Англией немцы рассчитывали на нейтральные порты Голландии, Дании, Швеции и Норвегии. Но, господствуя на море, англичане могли бы конфисковывать грузы или очень сильно мешать торговле с немецкими портами и таким образом угрожать Германии голодом.

СВОБОДА МОРЕЙ

Это признавали даже сами немцы в своих протестах против английской продовольственной блокады.

Хауз предлагал, чтобы список военной контрабанды состоял только из действительных средств ведения войны, все остальное должно свободно пропускаться. Торговым судам как воюющих, так и нейтральных держав должно быть разрешено свободное плавание вне территориальных вод при условии, что они не везут военной контрабанды. Им должен быть разрешен вход и в порты воюющей державы, если только эти порты фактически не блокированы неприятельским флотом. Такая блокада в отношении Англии была бы фактически невозможна благодаря многочисленности ее портов и мощности ее флота. Точно так же была бы невозможна и полная блокада Германии, как это показала настоящая война.

Зачем же тогда нужен флот, можно было спросить. Для обороны, отвечал на это Хауз, — для обороны от неприятельского десанта и для того, чтобы держать открытыми наиболее важные порты.

Это предложение было менее революционным, чем казалось многим, и за ним стояла сила английских и американских традиций. Английская делегация на второй Гаагской конференции в 1907 г. получила от сэра Эдуарда Грэй инструкции добиваться ограничения списка военной контрабанды; по его внушению делегация довела эту идею до логического конца и выразила желание совсем ликвидировать понятие военной контрабанды¹. В своих беседах с Хаузом в феврале Грэй и Тиррел одобрили также идею неприкосновенности торгового судоходства воюющих держав во время войны. В сущности одобрение ими этого принципа и легло в основу теперешнего предложения Хауза.

¹ Со стороны Великобритании было сделано следующее заявление: «В целях уменьшения затруднений для нейтральной торговли во время войны, правительство его величества готово ликвидировать понятие контрабанды в случаях войны между державами, которые подпишут соответствующую конвенцию. Право осмотра может быть использовано только для установления нейтральной принадлежности самого судна».

ГЛАВА VI

Не менее удивительно, что в 1907 г. министр иностранных дел Соединенных Штатов Элайю Рут в директивах делегатам на Гаагскую конференцию говорил почти о том же, что предлагал теперь Хауз: отказ от захвата частной собственности граждан воюющей державы. Но Рут ничего не говорил об ограничении понятия военной контрабанды.

«Частная собственность всех граждан или подданных договаривающихся держав (так гласила инструкция), за исключением военной контрабанды, должна быть в открытом море и повсюду свободна от захвата или конфискации со стороны военных судов или военных сил названных договаривающихся держав, но сказанное здесь не освобождает от захвата или конфискации судов или грузов, пытающихся войти в порт, блокируемый морскими силами любой из названных держав».

Это было в полном соответствии с «Окончательным актом» первой Гаагской конференции, который устанавливал «неприкосновенность частной собственности в морской войне».

Новым в этом предложении было только применение термина «свобода морей», которое, как видно, было придумано Хаузом. Гроциус в 1609 г. употреблял термин «*mare liberum*», а в XVIII и XIX веках привыкли употреблять такие лозунги как «свободное море или война»¹, «свободные суда», «свободные грузы», «свободный флаг». Термин «свобода морей» употреблялся в 1798 г. французским революционным деятелем Барером, в его известном изложении французской иностранной политики: «свобода морей, мир всему миру, равные права всем нациям». Но только Хаузу пришлось применить это выражение к понятию, которое Чоут в 1907 г. назвал «неприкосновенностью частной собственности на море», и включить в него предложение о строгом ограничении понятия «военной контрабанды».

¹ В Англии — накануне войны с Испанией в 1739 г. («Война из-за уха Дженкинса»).

СВОБОДА МОРЕЙ

Письмо Хауза президенту

Берлин, 27марта 1915 г.

«Дорогой начальник!

Необходимо найти какой-нибудь способ, чтобы правительства могли понемногу образумить свои народы. Это почти что самая трудная задача.

Сегодня мне пришло в голову сказать канцлеру, что при посредничестве Соединенных Штатов можно было бы уговорить Англию согласиться на окончательное установление «свободы морей» в той степени, в какой я вам это излагал. Я сказал ему, что Соединенные Штаты сочтут себя вправе произвести в этом отношении давление на Англию, так как в этом вопросе у нас с Германией общие интересы.

Он, как и все другие люди, с которыми я об этом говорил, удивился, когда я заявил ему, что мой план метит гораздо дальше Парижской декларации или намечавшейся Лондонской декларации. Для того, чтобы начать постройку моста, кто-то должен перебросить первую нить через пропасть, и я не вижу другого предложения, более пригодного для этой цели; если Англия даст согласие, то германское правительство могло бы показать своему народу, что, поскольку Англию удалось заставить пойти на уступки, Бельгия больше не нужна как база для германского флота.

С момента приезда сюда я широко сею эти мысли о «свободе морей», и результаты уже видны... Я думаю, что смогу показать Англии, что в конечном счете, если смотреть на вещи более широко, она в этом вопросе так же заинтересована, как и другие страны мира.

Канцлер, а также Циммерман, видимо считают, что своим предложением я подал наилучшую мысль для начала мирных переговоров...

Я откровенно и определенно сказал им, чтобы они не рассчитывали на то, что мы наложим эмбарго на вывоз военных припасов, и в этом отношении они должны смягчить

ГЛАВА VI

тон прессы и настроение народа. Они обещали это сделать. Я указал им, что впоследствии я приду им на помощь в больших вопросах, а в настоящее время они должны быть довольны тем, что мы делаем.

Я уезжаю отсюда, вполне удовлетворенный положением, так как теперь у нас есть кое-что определенное для начала действий, поскольку воюющие державы условно приняли ваше посредничество...

Преданный вам Э. М. Хауз».

К несчастью, у немцев не хватило осмотрительности и такта, необходимых для развития идеи «свободы морей» Хауза. Он надеялся на одобрение Великобритании, так как знал, что Грэй сочувствует этому плану. Единственное, чего он хотел в этот момент от Германии, — благожелательное молчание. Но немцы тотчас же стали афишировать эту идею, выдавая ее за свою собственную, чем сразу погубили всякие шансы на успех. Руководитель германского агитационного бюро в Соединенных Штатах Деренбург заявил, что если Англия согласится на «свободу морей», то Германия уйдет из Бельгии, в противном же случае Германия создаст постоянную укрепленную базу на Ламанше. Англичане не знали, что значит «свобода морей», выгодно ли отказаться от нее или невыгодно. Но поскольку это дошло до них в форме угрозы, они немедленно решили, что это — немецкое изделие и всякий истый англичанин предпочтет драться до последней капли крови, чем разговаривать об этом плане. Так родилось необдуманное предубеждение против этой идеи, в конце концов, ставшее непреодолимым.

К тому времени Хауз уехал из Германии в Париж через Ниццу и Биарриц, где он виделся с американскими посланниками в Италии и Испании.

«2 апреля 1915 г. [Ницца]. Мы с Пэйджем¹ продолжали разговор. Он подробно рассказал о положении в Италии,

¹ Томас Нелсон Пэйдж.

СВОБОДА МОРЕЙ

описав все хитросплетения итальянской политики, в особенности соперничество между нынешним премьером Саландрой и прежним премьером Джиолитти. Пэйдж считает, что Италия ведет исключительно эгоистическую политику; ей безразлично, поддержать ли союзников или страны Двойственного Союза, лишь бы остаться в выигрыше. Аристократия сочувствует Германии, а народные массы — Антанте. Нет такого уголка в Италии, где бы ненависть к Германии была так сильна, как к вековечному врагу — Австрии.

Пэйдж считает, что Италия не долго продержится в войне; если бы она вступила в войну с самого начала, она уже была бы побеждена и разоружена. Он считает, что она вступит в войну на стороне союзников, когда убедится, что конец войны наступает через несколько месяцев.

Он считает, что Англия сделала ошибку в том, что не пошла хоть сколько-нибудь навстречу ее притязаниям на новую территорию, или, вернее, на ее старую территорию, которую она желает вернуть. Сюда входит часть Австрии вокруг залива, называемого итальянцами Венецианским, двенадцать островов, которых она давно добивается, и сфера влияния в Малой Азии...¹

«8 апреля 1915г. (Биарриц). Сегодня из Мадрида приехал посланник Уиллард... Он рассказывает, что к королю в Испании прислушиваются и что в душе он передовой либерал. Он знающий человек и вообще просвещенный правитель в современном смысле слова. Министры его далеко не так прогрессивны и во многом мешают ему.

Король хочет участвовать в переговорах о мире, но готов на то, чтобы возглавил дело президент, а он будет ему помогать на вторых ролях. Я сказал Уилларду, что не представляю себе, как король мыслит сотрудничество в этом деле, поскольку оно должно делаться кем-нибудь одним, и что если только положение не изменится, то это несомненно будет

¹ В этот период велись переговоры, закончившиеся Лондонским договором, по которому Антанта гарантировала Италии получение требуемых ею территорий.

ГЛАВА VI

президент. Положение, понятно, может измениться не в пользу президента, если воюющие державы будут настолько предубеждены и раздражены нашей нейтральной политикой, что захотят посредником кого угодно, только не президента. Я объяснил Уилларду, что апеллирую к желанию выгоды у обеих сторон, а одно это вероятно заставит их принять посредничество Вильсона.

Уиллард говорит, что король скорее франкофил, чем англофил, он настроен против Германии, но за Австрию. Он потому не особенно стоит за англичан, хотя его жена и англичанка, что его недостаточно хорошо приняли в Англии во время его визита. Кроме того вечным укором испанской гордости остается Гибралтар...»

Письмо Хауза президенту

Париж, 11 апреля 1915 г.

«Дорогой начальник!

Впервые со времени моего выезда отсюда я имею возможность писать вам свободно. Мой визит в Берлин был исключительно тяжел и неприятен во многих отношениях. Все, кого я ни встречал — снизу доверху, — немедленно приставали ко мне с разговорами о наших поставках амуниции союзникам, и временами их тон был почти оскорбительным.

На улицах надо было остерегаться говорить по-английски, чтобы не нарваться на оскорбление...

Я, однако, считаю, что с правительством, а также с теми влиятельными людьми, с которыми я говорил, удалось добиться лучшего понимания наших намерений, и я надеюсь, что рано или поздно к этому придет и весь народ...

С Германией беда в том, что в некоторых отношениях она очень отстала. Она пошла по пути управления силой, в то время как наиболее передовые нации шли уже в другом направлении.

Я старался показать германскому правительству, что для него лучше действовать в согласии с нами. Если бы нам уда-

СВОБОДА МОРЕЙ

лось внушить им эту мысль, они, вероятно, пожелали бы иметь вас посредником, так как стремления их узко эгоистичны, широких взглядов на общее благо всего человечества у них нет.

В правительственных кругах я заметил отсутствие единства, что предвещает недоброе. Гражданские власти тоже перессорились... военные и гражданские власти действуют несогласованно.

Кайзер до сих пор является абсолютным владыкой, хотя гражданская и военная части правительственного аппарата критикуют почти все его действия. Наибольшее влияние на него имеют, по-видимому, Фалькенхайн и фон Тирпиц, но Фалькенхайн непопулярен в армии.

Наследный принц, по-видимому, не привлекается к решению важных дел, его вообще игнорируют и гражданские и военные власти, хотя он, по-видимому, более популярен в народе, чем его отец, так как говорят, что он не эгоистичен и более демократичен в обращении.

Гинденбург — народный герой; он единственный человек, который осмелился противостоять кайзеру. Я считаю, что для кайзера впереди очень беспокойные времена, одним из результатов войны может быть более демократичная Германия...

Преданный вам Э. М. Хауз».

В Париже Хауз не стал поднимать вопроса о мире: тогда шансов на это было меньше всего. На востоке немцы гнали русских из Польши. На западе французы готовились к большому наступлению в районе Шампани. Англичане развивали наступление на Дарданеллы. Италия готовилась вот-вот присоединиться к союзникам. Оба лагеря старались привлечь на свою сторону Болгарию. Каждый надеялся на победу. Хауз ограничился собиранием сведений и укреплением личных связей, в особенности с Делькассе и Пуанкаре. Хауз тогда впервые познакомился с Пуанкаре. Один американский дипломат предупредил его, чтобы он не был обес-

ГЛАВА VI

куражен обычным для французского президента холодным приемом. «Я ответил, — записывает Хауз, — что его холодность и молчаливость меня несколько не стесняют, лишь бы они не стесняли его, а я могу быть молчаливым как угодно долго».

Письмо Хауза президенту

Париж, 17 апреля 1915 г.

«Дорогой начальник!

Только что я телеграфировал вам о своем визите к Пуанкаре. Мне говорили, что он очень суров в обращении, и я вовсе не был подготовлен к тому теплому приему, какой он мне оказал.

Очевидно он понимает мои отношения к вам и выразил удовлетворение по поводу того, что вы направили меня во Францию.

Когда в четверг я составлял свою телеграмму, я было написал, чтобы вы приписали что-нибудь для передачи ему и Делькассе. Потом я это вычеркнул, не желая излишне затруднять вас. Когда вчера я получил вашу телеграмму с обращением к ним обоим, это показалось мне случаем передачи мысли на расстоянии...

Пуанкаре был, видимо, польщен. С тех пор я еще не виделся с Делькассе, но постараюсь увидеться через день-два для того, чтобы поговорить с ним о второй конференции. Ничто так не помогло бы улучшению отношений, как получение от вас время от времени нескольких слов, которые я мог бы повторить правителям тех стран, где мне приходится бывать. Все мы очень падки на такие небольшие знаки внимания...

Я убедился в том, что ваши намерения очень плохо поняты во Франции. Они считают, что американский народ в целом симпатизирует союзникам, но вместе с тем думают — и, к сожалению, я должен сказать, что это распространено по всей Франции — что лично вы стоите за немцев. Это самый

СВОБОДА МОРЕЙ

нелогичный вывод, какой только можно себе представить, и я едва удерживаюсь в границах вежливости, когда с кем-нибудь об этом спорю...

Преданный вам Э. М. Хауз».

«16 апреля 1915 г. Из бесед, — записывает Хауз, — не только с Делькассе и Пуанкаре, но и с другими я убеждаюсь, что было бы ошибкой пытаться заговаривать сейчас о мире. Вся Франция считает, что президент не совсем сочувствует союзникам, что он расположен к немцам и, желая сохранить достоинство Германии, занимается миротворчеством. Очень обескураживает, когда в разговоре с умными людьми приходится спорить с ними о таком вопросе, но именно этим мне и приходится заниматься.

Здесь также думают, что президент гонится за голосами части населения, стоящей за Германию. Мне приходится им объяснять, что человек такого ума, как президент, едва ли будет гоняться за 15 процентами голосов, рискуя потерять 85 процентов. Об этом они не подумали. Мне кажется, что думают они вообще немного.

Незнание в Европе того, что касается их самих, не говоря уже об Америке, удивительное.

Франция в настоящее время не понимает Англии, ее намерений, сколько сил вложила она в эту войну. Им кажется, что все делают они, а Англия бездельничает. Только некоторые из бывших в Англии французов имеют представление о могуществе собираемых там сил и о той несокрушимой энергии и стойкости, которые, вероятно, потянут в конце концов весы в сторону союзников».

«19 апреля 1915 г. Вчера у посла Шарпа был обед. Кроме нас в числе гостей были: испанская инфанта Евлалия, испанский посол с супругой, посол Уиллард, Роберт Блисс, миссис Кросби, чета Ток. Я сидел с инфантой и сразу же завоевал ее внимание, похвалив ее недавнюю статью о кайзе-

ГЛАВА VI

ре в американском журнале. Я сказал, что она замечательно его обрисовала и всякий, кто его знает, признает, как верно он описан. Она ответила, что ей он очень нравится и она старается внушить французскому народу, что кайзер вовсе не такое чудовище, каким его представляют. У нас зашел оживленный разговор о войне и ее исходе. Она хорошо знает о положении в Италии и об опасной позиции итальянского короля. Она знает, что король и аристократия стоят за немцев, а народ — за союзников.

Она говорила о мелких распрях и разногласиях среди членов императорских семей и со смехом рассказала, что когда приходится делить фамильное серебро, то начинается спор, кому какую ложку получить. Говоря о кайзере, я сказал, что он окружил себя недостаточно способным кабинетом. Она ответила, что это — один из его недостатков, так как он хочет делать все сам и не хочет иметь вокруг себя сильных людей, поэтому ему плохо служат...»

Письмо Хауза президенту

Париж, 20 апреля 1915 г.

«Дорогой начальник!

...Испанский посол сообщил мне, что меня хочет видеть испанский король и просит приехать в Мадрид. Он подтвердил слова Уилларда о том, что король хотел бы принять участие в переговорах о мире и готов в этом отношении следовать вашему руководству.

Я ответил послу, что вы не хотели бы, чтобы в настоящее время я посещал нейтральные страны, поэтому я ограничиваюсь поездками в воюющие страны, и что мы не делаем никаких предложений о мире, а только знакомимся с положением.

Однако я прибавил, что после того, как я побываю в России, я, может быть, поеду в Сан-Себастьян для встречи с королем. Это обещание неопределенное, и еще многое может помешать моей поездке...

СВОБОДА МОРЕЙ

Ежедневно все больше выясняется непонимание нашей позиции французским народом вообще. Они очень боятся, что мир будет подписан слишком быстро и немцы не получат должного возмездия за все свои преступления.

Еще через два-три месяца им станет ясно, что все те чудеса, которые они ожидают от армии, не осуществились, и тогда они займут более благоразумную позицию.

Я вижу, что Деренбург подхватил намек из Берлина и всюду повторяет, что если «свобода морей» не будет установлена, они оставят за собой Бельгию. Вчера я слышал это от одного видного гамбуржца. Видно, германское правительство ухватилося за мою мысль о том, что это лучший способ сохранить свое достоинство в глазах народа.

Сегодня я завтракал с Жозефом Рейнаком. Это германо-французский еврей, семья которого проживает во Франции 60 лет. Говорят, он патриот и человек с влиянием.

Он пишет для «Фигаро». Я наметил несколько пунктов, которые, по-моему, ему следовало бы включить в его ближайшую статью. Я обратил его внимание на тот факт, что для Франции важнее, чем для нас, чтобы Соединенные Штаты были привлечены к участию в окончательных переговорах и смогли оказать свое моральное влияние.

Я также говорил ему то, что я говорю другим: о вас и о ваших целях...

Рейнак получает через Швейцарию немецкие газеты и говорит, что за последние две недели он заметил большую перемену в их отношении к Англии. Хотелось бы знать, не стали ли приносить плоды мои разговоры в Берлине и не поняли ли немцы, насколько было бы благоразумно сбавить тон кампании англо-ненавистничества.

Преданный вам Э. М. Хауз».

28 апреля Хауз выехал из Парижа в Лондон. Его визит во Францию был безрезультатен в отношении ускорения дела мира, но он укрепил те личные связи, которые в дальнейшем имели огромное дипломатическое значение. В Англии

ГЛАВА VI

он сразу возобновил свои знакомства с английскими друзьями и установил новые интересные и важные связи.

«5 мая 1915 г. Я завтракал с лордом Нортклифом. Был также Л. Дж. Мэкс из журнала «Нэйшенэл ревью».

Нортклиф очень откровенно говорил о войне и без стеснения критиковал правительство. Он считает, что Китченер слишком стар, и не понимает, в какого рода войне он сейчас участвует. Нортклиф считает, что англичане не сознают величия стоящих перед ними задач и не проявляют той решимости и умения, каких требует существующее положение. Нортклиф и Мэкс оба считают, что в армии и правительстве нет действительно крупных людей. Нортклиф указал, сколько войска у них сейчас во Франции, называя численность каждого отдельного соединения. Говорить об этом, если это действительно верно, было в высшей степени неосторожно. Не приходится удивляться тому, что к немцам попадает так много сведений, ибо я часто слышу, как самые секретные сведения об армии и флоте повторяются так открыто, что меня охватывает дрожь...»¹

«6 мая 1915 г. Я обедал у генерала сэра Артура и леди Пэджет. Кроме меня были: г-жа Мак-Гуайр, дочь покойного лорда Пиля, леди Фингол, Артур Бальфур и сэр Хорэс Планкетт.

За обедом разговор зашел о том, выполняет ли Великобритания свой долг и играет ли она в войне ту важную роль, какая определяется ее ресурсами и положением. В течение нескольких минут я не вмешивался в разговор, а затем вставил замечание, что из всех воюющих стран Великобритания лучше всех выполняет свои обязанности. Германию считали самой сильной военной державой в мире, а Великобританию — доминирующей морской державой. Германия не смогла удержать своего главенства на суше в то время, как Великобритания установила свое превосходство и стала неоспоримой владычицей морей уже через неделю после начала войны. Кроме

¹ В вышеуказанных словах не было никакого намерения чернить честь или патриотизм м-ра Л. Дж. Мэкса.

СВОБОДА МОРЕЙ

того, она выставила громадную армию, чего, думали, от нее и не потребуется; из воюющих держав она единственная обладает широким взглядом на задачи войны и ее последствия, отличаясь в этом отношении от Франции, Германии и даже России, которые смотрят на все с узко местной точки зрения и с точки зрения того, как это повлияет на них самих.

Когда Великобритания вступила в войну, все нейтральные страны решили, что Германия обречена на поражение, и я считаю, что сама Германия в глубине души полна страха. Меня часто прерывали английским «слушайте, слушайте», а когда я закончил, Бальфур сказал: «Это самая красноречивая речь, какую я когда-либо слышал».

Конечно, это была простая любезность...

Когда дамы удалились, сэр Артур рассказал нам о своем недавнем путешествии в Россию, Болгарию, Румынию, Сербию и Грецию, откуда он только что вернулся. Десять дней он провел с великим князем, и он дал мне гораздо лучшее представление о его способностях и характере, чем я имел до сих пор. Он с восторгом говорил о русской армии, но с огорчением — о русском взяточничестве, которое мешает великому князю надлежащим образом экипировать свою армию. Он говорил, что великий князь был недоволен настояниями Жоффра о том, чтобы он переменял свой план кампании и повел наступление на Пруссию, между тем как великий князь считал, что против пруссаков ему следует только укрепиться, а всю свою энергию направить против Австрии. Он считает, что эта перемена стоила России бесчисленных жертв людьми и средствами».

«7 мая 1915 г. В 10 часов я зашел к сэру Эдуарду Грэю. Я показал ему приглашение от короля на 11 ч. 30 м. Пока мы решили проехаться в Кью¹. Перед тем я показал ему несколько телеграмм и писем: одно от Уилларда о положении в Испании, другое от Томаса Нелсона Пэйджа об Италии и, самое важное, телеграмму президента относительно задержки американских грузов...

¹ Ботанический сад и парк.

ГЛАВА VI

Когда мы приехали, вход в Кью был закрыт, но мы прошли через помещение привратника. Никогда еще не видел я такого прекрасного парка. По-моему, это один из прекраснейших уголков Англии. Указывая на различные деревья, Грэй давал мне объяснения о каждом. Пели дрозды. Мы говорили о том, чем они отличаются от дроздов нашего далекого Тексаса.

Зрение Грэя все ухудшается, и доктора предупредили его, что если он не перестанет заниматься чтением, он настолько испортит глаза, что вовсе не сможет читать. Он говорит, что, по-видимому, это и есть та жертва, которую он должен принести для своей страны, и потому он не слушает докторов, зная хорошо, что ждет его впереди.

5

Письмо Хауза президенту

Лондон, 30 апреля 1915 г.

«Дорогой начальник!

...Я приехал сюда в среду вечером. Уже два раза беседовал я с сэром Эдуардом Грэм, а сегодня у нас будет первая официальная беседа, назначенная через Пэйджа.

Разумеется, никто, кроме вас, не должен знать о первых двух беседах.

Я подробно изложил ему идею «свободы морей»: как лучше всего представить ее Берлину, какие уступки он должен будет сделать со своей стороны. Я не буду сообщать Германии, насколько охотно Грэй воспринимает эту идею, но, наоборот, попытаюсь им внушить, каких трудов стоит этого добиться; время от времени я буду им подавать крупички надежды. Таким образом, дело будет все время в наших руках.

Сэр Эдуард говорил мне, что придется приучать к этому здешнее общественное мнение, в особенности — консерваторов. Я постараюсь это сделать...

Нам придется держать этот план действий в полной тайне, о которой знаем только мы с вами и сэр Эдуард; и даже

СВОБОДА МОРЕЙ

те люди, с которыми я буду говорить об этом плане, не должны знать всех наших намерений...

Я сказал сэру Эдуарду, что уверен в том, что берлинское правительство хочет мира, но удерживает его, главным образом, германское общественное мнение, которое надо будет приучить к мысли об уступках...

Преданный вам Э. М. Хауз».

Историк обратит внимание, что уже в то время Хауз начал разрабатывать план мирной конференции, так как он всегда считал необходимой тщательную подготовку. Запись, сделанная им после этого разговора с Грэм, бросает свет на то, чего он хотел достигнуть на парижских конференциях 1918 и 1919 гг.

«30 апреля 1915 г. Я сказал Грэю... что организовать эту конференцию я хочу заранее, подготовив и переварив весь материал, который должен быть представлен ей так, чтобы ничто не было предоставлено случаю. Я постараюсь, чтобы делегаты всех нейтральных государств — и сколько можно от воюющих стран — заранее договорились в нужном нам направлении, до того как они соберутся на конференцию.

Я объяснил ему свои методы организации политических конференций в прошлом; если по внешнему виду на них все идет как будто само собою, то в действительности там ничего не предоставлено случаю. Предложения вносятся разными организациями, а к концу оказывается, что они так пригнаны одно к другому, что получается нужный узор мозаики¹. Грэй заинтересовал такой план действий. Я доказал ему, что

¹ Болезнь, уложившая Хауза как раз перед созывом парижской мирной конференции, помешала ему провести в жизнь намеченный им порядок. Редактор иностранного отдела газеты «Таймс», Генри Уикхэм Стид, пишет по этому поводу: «Конференцию поразило несчастье, даже катастрофа, вследствие болезни Хауза. Тяжелое заболевание гриппом не позволило ему работать в течение этого критического подготовительного периода. Вследствие этого его руководящее влияние отсутствовало тогда, когда оно острее всего было нужно; и еще до того как он смог приступить к работе, дело зашло так далеко, что исправить его было нельзя» («Сквозь тридцать лет», т. II, с. 266).

ГЛАВА VI

никакая оппозиция не может противостоять такой организации... Нами движут не эгоистичные мотивы, и мы не будем предлагать ничего такого, что давало бы преимущество одной только Великобритании или Соединенным Штатам. Мы будем предлагать только то, что ведет к благу для всего мира. Придерживаясь этого принципа и при нашей подготовке к организации, мы сможем делать великое и вечно доброе дело, — дело, предел которому может положить только наша способность его осознать и провести в жизнь.

Для того чтобы собрать нужные материалы и подготовиться к правильному обсуждению вопросов, могущих стать перед мирной конференцией, я считал необходимым договориться по соответствующим вопросам с выдающимися умами Англии. Я упомянул лорда Лорберна как знатока, к которому можно обращаться по вопросам адмиралтейства. Грэй одобрил этот выбор, но указал также на лорда Мерси и сказал, что в этом отношении также может быть полезен Бальфур.

Грэй определенно заявляет, что какой бы гарантии добросовестности союзники ни потребовали от Германии, такую же гарантию она получит от союзников. Направление мыслей у нас с ним одинаковое, и мы редко расходимся во мнениях. Я знаю наперед, так же как и в отношении президента, каковы будут его взгляды почти на каждый вопрос. Я часто вхожу в контакт с очень знающими людьми, течение мыслей которых прямо противоположно моему, и с ними мне трудно сговориться по любому вопросу. Большим счастьем для меня поэтому является, что судьба дала мне таких двух друзей, как Вудро Вильсон и Эдуард Грэй.

Грэй прибыл к Пэйджу в пять часов. Я постарался быть к этому времени у входа так, чтобы встретиться с ним, как только он войдет, и чтобы мы вместе могли подняться в гостиную. Таким образом, нам не пришлось бы притвориться, что мы еще не виделись.

Он пробыл около получаса, и разговор не представлял большого интереса, так как мы уже обо всем переговорили раньше. Я просто заполнил некоторые пробелы в рассказах

СВОБОДА МОРЕЙ

о моем путешествии. Я рассказал Пэйджу, как кто-то в генеральном штабе в Берлине говорил, что сэр Эдуард хочет быть Джорджем Вашингтоном, Линкольном, Бисмарком и Наполеоном. Пэйджа это очень рассмешило, но сэр Эдуард... воспринял это серьезно и стал рассуждать о странном направлении немецкого ума, который может сравнивать Вашингтона и Линкольна с Бисмарком и Наполеоном».

Письмо Хауза президенту

Лондон, 3 мая 1915 г.

«Дорогой начальник!

...Сегодня утром я виделся с лордом Лорберном. Он не только человек, на которого можно вполне полагаться, но я думаю, что он ко мне дружественно расположен. Он сказал, что если бы мы могли осуществить идею «свободы морей», мы совершили бы величайшее государственное деяние за много веков. Он считает, что это имело бы стопроцентную ценность для других стран и стодвадцатипроцентную ценность для Англии, хотя очень трудно будет убедить в этом англичан.

Он отзывался о Бальфуре, как о человеке больших способностей, но считает, что у него слишком женский ум, чтобы он мог постичь значение этого плана. Он предложил, — то же говорил и сэр Эдуард — чтобы я повидался с Бонар-Лоу, который обладает хотя и менее глубоким умом, но он практичен, и поэтому его, вероятно, легче будет убедить.

Он говорит, что если бы мы могли включить эту формулу в мирный договор, то это явилось бы не только великим государственным деянием, но, пожалуй, самой удачной в истории шуткой, какую удавалось сыграть с ничего не подозревающей страной, т. е. с Германией.

Я рассказал ему, что, излагая этот план в Берлине канцлеру и в министерстве иностранных дел, я дрожал при мысли, что они догадаются, что в нем содержится больше преимуществ для Англии, чем для них, и поэтому они не захотят делать уступок...

ГЛАВА VI

Лорд Лорберн является одним из наиболее горячих ваших почитателей в Англии, что естественно укрепляет узы нашей взаимной симпатии.

Преданный вам Э. Хауз».

6

Главное затруднение, мешавшее продвижению плана Хауза, состояло в очевидной неспособности англичан постигнуть, какие преимущества они извлекли бы из «свободы морей». Этот недостаток понимания основывался частью на ложном чувстве безопасности и на недооценке угрозы от немецких подводных лодок. Он также вытекал из того естественного, вызванного войной, чувства, которое среднего человека заставляло думать, что все, что годится для Германии, уже по одному этому не годится для Великобритании. Малейшее усиление враждебных чувств между этими двумя странами неминуемо означало бы провал плана Хауза.

Как раз в это время германский флот совершил преступление против человечества — преступление, о котором современный Талейран наверное сказал бы: «хуже чем преступление — ошибка». Оно сразу же сделало совершенно безнадежной какую-либо попытку примирить воюющие страны.

Это не было совсем непредвиденным для Хауза. 5 мая он получил от Вильсона телеграмму с просьбой дать совет в связи с нападением на американское нефтеналивное судно¹. Хауз ответил, что угроза Германии начать неограниченную подводную войну должна быть принята за чистую монету.

Телеграмма Хауза президенту

Лондон, 5 мая 1915 г.

«Я считаю, что в настоящем случае достаточно будет рез-

¹ Речь идет о пароходе «Голфлайт», который 1 мая был поврежден торпедой с немецкой подводной лодки, но не затонул. Капитан умер на другой день от сердечного приступа, а два матроса утонули.

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

кой ноты с указанием, что вы намерены потребовать полной компенсации.

Я опасаюсь, что в любой момент может произойти более значительное нападение, так как они совершенно не считаются с последствиями.

Эдуард Хауз».

Утром 7 мая Хауз и Грэй поехали в Кью. «Мы говорили о возможности потопления океанского парохода, — записывает Хауз, — и я сказал ему, что если это произойдет, то по всей Америке пронесется волна возмущения, которая сама по себе, вероятно, втянет нас в войну». Через час Хауз был у короля Георга в Букингэмском дворце. «Странно сказать, — записывает в этот вечер Хауз, — мы заговорили о том, что немцы могут потопить какой-нибудь океанский пароход... Король заметил: «А вдруг они потопят «Лузитанию» с американскими пассажирами на борту...»

Вечером Хауз обедал в американском посольстве. Пришло известие, что в два часа дня, вблизи южного берега Ирландии, немецкая подводная лодка потопила «Лузитанию». Погибло множество людей.

Так Германия истолковала «свободу морей».

ГЛАВА VII

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

Я считаю, что постепенно мы окажемся втянутыми в войну с Германией.

(Из письма Хауза Вильсону, 16 июня 1915 г.)

1

Потопление «Лузитании» разрушило все надежды на переговоры между Германией и Великобританией. Теперь скорее возникал вопрос, смогут ли сами Соединенные Штаты остаться в стороне от войны. Пэйдж считал немедленное

ГЛАВА VII

вмешательство неизбежным и в таком духе телеграфировал Вильсону. «Пэйдж настойчиво убеждает президента, — записывает Хауз, — чтобы мы приняли участие в борьбе на стороне союзников, утверждая, что в противном случае мы не сможем сохранить свой престиж».

Хауз сам считал, что безрассудное поведение Германии не позволяет Соединенным Штатам оставаться в стороне. «Мне представляется ясным, — записывает он 9 мая, — что потопление «Лузитании» — только первый случай в этом роде, за которым последуют и другие; Германия не согласится дать никаких заверений в том, что она прекратит свою политику уничтожения пароходов с пассажирами-американцами и подданными других нейтральных стран». Для него было совершенно ясно, что Соединенные Штаты должны получить такие заверения, даже если для этого им придется вступить в войну. 9 мая он послал президенту тщательно продуманную телеграмму. Она является исторической, поскольку Вильсон читал ее своему кабинету одновременно со своей нотой протеста, адресованной Германии.

Телеграмма Хауза президенту

Лондон, 9 мая 1915 г.

«Теперь несомненно известно, что при потоплении «Лузитании» погибло множество американцев. Я полагаю, что необходимо потребовать от Германии обещания, что этого больше не случится. Если она этого обещания не даст, я поставил бы ее в известность, что наше правительство предпримет все меры, необходимые для обеспечения безопасности американских граждан.

Если последует война, это будет не новая война, а попытка поскорее закончить старую. Наше вмешательство не увеличит, а скорее уменьшит потери людских жизней.

Америка подошла к распутью, когда она должна определить, стоит ли она за цивилизованные или нецивилизованные методы войны. Мы больше не можем оставаться нейт-

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

ральными наблюдателями. От наших действий при настоящем кризисе будет зависеть, какую роль мы будем играть при заключении мира и насколько мы сможем повлиять на то, чтобы благо человечества было обеспечено на долгие времена. Мы — в центре внимания. Сейчас человечество определяет наше место в среде народов.

Эдуард Хауз».

Письмо Хауза президенту

Лондон, 11 мая 1915 г.

«Дорогой начальник!

...Я не вижу другого выхода, если только Германия не обещает прекратить ведения войны против мирных жителей. Если вы не привлечете ее к ответу за гибель американцев при потоплении «Лузитании», то следующим ее актом, возможно, будет потопление уже американского судна с оговоркой, что на нем были военные грузы и что она предупредила не посылать судов в опасную зону.

Рано или поздно вопрос должен быть решен, и мне кажется, что, откладывая его решение, вы потеряете престиж.

У Германии на уме одно из двух: либо она считает, что мы не пойдём воевать, несмотря ни на какие провокации, либо если мы и вступим в войну, то окажемся бессильными и потому она и хочет нашего вступления. Первое более понятно, чем второе, хотя она возможно думает, что если мы начнем воевать, то перестанем посылать снаряжение в Европу, оставляя его для собственных нужд.

Она, может быть, также полагает, что на мирной конференции мы используем наше влияние для достижения менее жестких и более легких условий для Германии.

Возможно, она считает, что потопление наших пароходов усилит изоляцию Англии.

Если, к несчастью, мы вынуждены будем вступить в войну, то я надеюсь, что вы покажете миру образец американской умелости, который послужит хорошим уроком на це-

ГЛАВА VII

лое столетие. По всей Европе думают, что мы настолько неподготовлены и потребуется так много времени для приведения в действие Ваших ресурсов, что наше вступление в войну очень мало изменит дело. В случае войны мы должны будем настолько усилить производство амуниции, чтобы обеспечить не только нас самих, но и союзников, и с такою быстротою, которая удивила бы мир.

Вы не знаете, как глубоко я сожалею о том, что дела приняли такой оборот, но, в конце концов, оно может быть и к лучшему. Душа моя рвется теперь к вам, как никогда. Я думаю о вас ежечасно и желал бы быть возле вас. Моим утешением является сознание, что я могу принести большую пользу здесь.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Лондонские беседы полковника Хауза ясно показывают, что как он, так и его английские друзья, считали, что Германия стала на путь, который неминуемо вызовет вступление Соединенных Штатов в войну. Хауз говорил с Китченером о том, какое значение для союзников может иметь вмешательство Соединенных Штатов.

«12 мая 1915 г. Лорд Китченер предложил встретиться и пригласил меня зайти в военное министерство или к нему на дом в Йорк-хауз. Я редко хожу в учреждения, поэтому мы встретились с ним в Йорк-хаузе в 6 часов...

Принял он меня очень приветливо. Когда я поставил вопрос, будет ли союзникам выгодно вступление Соединенных Штатов в войну, он ответил: «только дурак может подумать, что это не будет выгодно для нас, и я удивляюсь, как может сомневаться в этом англичанин». Это относилось к передовой в «Сент-Джеймс газетт», которую я ему показал, а также к моим разговорам с некоторыми из его соотечественников.

Далее он сказал: «Сохрани бог любую страну от вступления в такую войну» и попросил меня передать президенту, чтобы тот не думал, будто Великобритания требует или желает, чтобы мы вступили в войну, но если мы сочтем нуж-

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

ным это сделать, то, по его мнению, это намного сократит срок войны и сохранит неисчислимые жизни не только у союзников, но и у немцев.

Он говорит, что это — война на выносливость, и в тот момент, когда мы вступим в нее, немцы, если только они не совсем сошли с ума, поймут, что конец близок, и постараются предложить более приемлемые условия мира. Положение сходно с таким, когда на свободе бегает бешеная собака и каждый старается помочь ее поимке. Если мы готовы вступить в войну и я извещу об этом, он немедленно займется этим вопросом и поможет нам не только в отношении организации, но во всем, что мы пожелаем. Он дал блестящий отзыв об американской храбрости и сказал: «Если американские войска присоединятся к английским, на западном фронте не нужны будут французские войска, и мы сможем держать их в резерве».

У него под ружьем 2 200 000 человек, из этого числа 500 000 уже находятся во Франции, а 650 000 готовы отправиться туда по первому требованию. Кроме того, 120 000 человек у них на Дарданеллах. Он говорит о войне и об армии, как будто бы это его армия и его война, и вообще тоном, которым говорил бы монарх.

Мы беседовали около часу, хотя я все время порывался уйти, зная, как он должен быть занят и насколько драгоценно для страны его время. Когда я поднялся уходить, он тоже встал, но стал ходить по комнате и продолжал говорить. Он снова и снова повторял, что вступление в войну Соединенных Штатов значительно сократит срок войны и принесет такую большую пользу, какую только человек его опыта может оценить. Он заявил, что вступление в войну Италии ничто по сравнению с нашим вступлением, хотя та и имела большую обученную армию...

Его очень заинтересовало мое замечание о том, что у Германии в официальных кругах нет «первоклассных» людей. Он также интересовался фон Тирпицем и Фалькенхайном. Я сказал о последнем, что он гораздо способнее фон Тирпи-

ГЛАВА VII

ца и способнее фон Мольтке, которого он заменил. Китченер несколько раз заговаривал об их военных методах и заявил, что никогда не ожидал, чтобы народ, претендующий на цивилизованность, до такой степени себя унизил. Он особенно обозлен применением удушливых газов и заявил, что единственное, что ему остается — это отвечать тем же.

Это была моя первая встреча с Китченером и он показался мне способным и сильным человеком, хотя, возможно, без искорки гения, — если не считать гениальностью его крупные организаторские способности¹. На меня произвело большое впечатление его добросовестное и беспристрастное обсуждение возможности нашего вступления в войну.

Хотя это и был наиболее выгодный способ ведения разговора об этом со мною, это не делалось, однако, именно с такой целью, ибо как мог он знать, что повлияет на меня и что нет. Так же как король он несомненно понимает, что мои советы президенту могут при настоящем кризисе иметь большое значение, но все же в его замечаниях не было никакой поспешности или настойчивости. Он не скрывал своего мнения, что наше вступление в войну сыграет решающую роль, но не сказал ни слова для ускорения этого решения. Китченер не является самым крупным умом среди всех, с кем я встречался, но в его манере есть что-то свидетельствующее о большой скрытой силе, и если бы я отправлялся на охоту на тигров, я рад был бы иметь его компаньоном».

«13 мая 1915г. Я завтракал с Артуром Бальфуrom. Мы вели очень интересный разговор. Я рассказал ему о свидании

¹ Организаторские способности Китченера лучше, однако, отвечали трудностям его ранней деятельности, чем тем, с которыми он встретился в качестве военного министра в 1915 г. Значение имени Китченера было неоценимо, он создал большую армию; но он более привык к положениям, когда действовал один, как диктатор, и не понимал необходимости хорошего генерального штаба при военном министерстве. «Его представление о работе, — писал Грэй, — было как о единоличном деле. Он брал на себя всю ответственность и работал как титан, но не понимал, что общую ответственность надо делить с кабинетом, военную ответственность — с наиболее независимыми и знающими военными умами, организованными в генеральный штаб и работающими рядом с ним». (Грэй. Двадцать пять лет, т. II, с. 246).

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

с Китченером и о моем совете президенту в связи с потоплением «Лузитании»; он горячо одобрил текст моей телеграммы. В разговорах с Бальфуром я чувствую себя свободнее, чем с остальными людьми в Англии, за исключением Грэя, так как последнему я доверяю целиком. Грэй и Бальфур оба истые джентльмены, в их такте я уверен.

Бальфур критиковал правительство за то, что оно так сильно зависит от Америки в отношении амуниции. Он считает, что с самого начала надо было форсировать производство амуниции в такой степени, чтобы к настоящему моменту уже не нуждаться в посторонней помощи...»

В течение шести дней после потопления «Лузитании» Хауз не получал никаких сообщений о намерениях президента Вильсона. Он совсем не подозревал, что тот постарается уклониться от вопроса, поднятого в связи с поступком Германии, но проявлял некоторую озабоченность в связи с произнесенной Вильсоном речью, которую все истолковали как признак непоколебимого пацифизма Вильсона.

11 мая Хауз записывает: «Пэйдж и все мы очень расстроены речью президента в Филадельфии, где, как сообщают, он заявил: «Есть такая вещь, как гордость, не позволяющая вступать в драку». Пэйдж послал ему длинную телеграмму, которую показал мне, желая знать мое мнение.

У Вильсона был выбор: либо немедленно порвать дипломатические отношения, считая, что потопление «Лузитании» с тысячью ее пассажиров является преступлением против цивилизации, либо потребовать официального дезавуирования и заявления, что такого рода бесчеловечные акты больше не повторятся. Порвать отношения, не давая Германии шанса изменить ее методы ведения подводной войны, противоречило натуре президента, и сомнительно, чтобы страна поддержала его с тем единодушием, какого потребовал бы такой шаг.

Он выбрал второй путь и 13 мая послал Германии ноту, которая по мысли и по выражениям была очень решительная, но вместе с тем по форме и по тону не являлась ультима-

ГЛАВА VII

тумом. Перечисляя все прежние нападения подводных лодок, явившиеся причиной потери жизней американцев, «ряд фактов, которые правительство Соединенных Штатов наблюдало с возрастающей озабоченностью», он требовал, чтобы Германия «дезавуировала действия, относительно которых заявляет претензию правительство Соединенных Штатов, чтобы она компенсировала, поскольку компенсация вообще возможна, эти безмерные потери и чтобы она приняла немедленные шаги к предотвращению повторения всего, что так очевидно противоречит принципам ведения войны... Выражения сожаления или обещания компенсации в случае потопления нейтральных судов по ошибке хотя и могут удовлетворить международным обязательствам в тех случаях, когда это не сопровождалось потерей человеческих жизней, не могут, однако, оправдать или извинить деяния, естественным и неизбежным последствием которых является новый и безмерный риск для нейтральных стран и нейтральных лиц».

Эта нота не удовлетворила воинственных требований Рузвельта о немедленном разрыве с Германией. Но другой экс-президент — Уильям Хауард Тафт, отзываясь о ней, как о «превосходной по тону... достойной того уровня, который занимает автор в отношении международных обязательств... она (эта нота) целиком заслуживает нашей поддержки и подтверждения». Даже Пэйдж выразил свое удовлетворение и телеграфировал президенту: «Разрешите выразить мое личное поздравление по поводу ноты» и прибавил, что большинство членов английского правительства, а также представители оппозиции Лэнсдаун, Бальфур и Бонар-Лоу «частным образом выразили похвалу»¹.

За редкими исключениями общественное мнение внутри страны и за границей одобрило ноту; только потом, после многих месяцев дипломатической проволочки со стороны Германии, ряд крепких задним умом критиков заявил, что

¹ Жизнь и переписка Уолтера Х. Пэйджа, т. III, с. 245.

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

Вильсон должен был предъявить ультиматум и дать Германии срок, — курс, который, может быть, заставил бы Германию, а может быть, и нет — немедленно прекратить подводную войну. Сидни Брукс в журнале «Инглиш ревью» писал, что «эта нота стоит в ряду величайших дипломатических документов. Кажется, что видишь президента борющимся с Вильгельмштрассе за душу Германии». «Таймс» заявляла, что «сама совесть человеческая поднимает свой голос в его, Вильсона, размеренных и проницательных словах». Правда, из Франции Уитни Уоррен писал Хаузу, что там растет убеждение, что «президент и в прошлом и в настоящем находится под влиянием немецких традиций и духа». А американские эмигранты в Париже, всегда враждебно настроенные к Вильсону, резко нападали на него за раболепствование перед Германией. Но официальные круги во Франции и в Англии считали, что президент поступил не только мудро, но и соответственно данному положению.

Письмо Дж. Сент-Лоу Стройни¹ Хаузу

Лондон, 1 июня 1915 г.

«Дорогой Хауз!

Идя домой, я все думал: «Мы не хотим, чтобы Америка вступила в войну». Мысль о втягивании наших ближних в эту ужасную борьбу мне ненавистна, но я хотел бы, чтобы американцы сказали немцам: «Если вы посмеете разрушить Вестминстерское аббатство, Америка никогда вам не простит. Оно так же принадлежит *нам*, как и *им*».

И все-таки с этими маньяками такой способ может оказаться худшим для охранения аббатства. Может быть, это по-детски, но я предпочел бы увидеть разрушенным пол-Лондона, чем аббатство в Вестминстер-Холл. Если бы не это, цеппелины меня бы не беспокоили.

Искренне ваш *Дж. Сент-Лоу*

¹ Редактор журнала «Спектэйтор».

ГЛАВА VII

Хауз не верил, что Германия изменит свои методы морской войны, если не станет действовать более сильный фактор, чем одни протесты Соединенных Штатов. 18 мая он писал министру Мак-Аду: «Немецкий ум, очевидно, не способен понимать чего-нибудь кроме здоровых тумачков, они заражены странной идеей, что в войну мы не вступим ни при каких обстоятельствах. В сущности говоря, эта идея господствует во всей Европе и рано или поздно это вовлечет нас в войну». Две недели спустя после нового нападения подводной лодки, он записывает: «Я пришел к заключению, что война неизбежна».

Хауз и Пэйдж были согласны в том, что если Германия не удовлетворит требований, изложенных в ноте Вильсона, и не прекратит нападений на суда без предупреждения, Соединенные Штаты не смогут избежать вмешательства в войну.

Но в противоположность Пэйджу Хауз разделял мнение президента, что война с Германией не может быть оправдана, если не будут испробованы все пути для достижения мирного соглашения. И он усиленно старался найти путь к тому, чтобы побудить Германию отказаться от жестокой и незаконной подводной войны. В этом ему содействовал сэр Эдуард Грэй, который с исключительной широтой взгляда, столь редкой для страстей военного времени, готов был обсудить любой разумный компромисс.

Письмо Хауза президенту

Лондон, 14 мая 1915 г.

«Дорогой начальник!

Вчера я завтракал с сэром Эдуардом Грэм. Главной темой нашего разговора была катастрофа с «Лузитанией» и вопрос о том, что предпримете вы.

Грэй сказал мне, что, по его мнению, вы не могли поступить иначе, чем поступили, при этом он дал понять, что если бы мы сделали меньшее, то поставили бы себя в такое же

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

положение, в каком была бы Англия, если бы не выступила на защиту нейтралитета Бельгии. Иными словами, он полагает, что в концерте наций мы, сейчас или после, остались бы без друзей и без влияния. Я уверен, что это так.

Если бы мы не предприняли решительных шагов, это значило бы потерять дружбу союзников, с одной стороны, а с другой стороны, ничуть не уменьшило бы той ненависти, какую питает к нам Германия. Если только Германия не будет окончательно раздавлена, то рано или поздно нам придется считаться с нею, и тогда мы не имели бы среди великих наций ни одного сочувствующего друга.

Грэй спросил меня, какой, по моему мнению, ответ даст Германия. Я ответил, что если бы этот ответ составлял я, то заявил бы, что если Англия снимет эмбарго на продовольствие, Германия согласится прекратить потопление торговых судов. Грэй ответил, что если бы, кроме прекращения этого способа ведения войны, Германия согласилась также прекратить применение удушливых газов и бессердечное избивание мирных жителей, Англия согласилась бы снять эмбарго на продовольствие.

Я поспешил послать вам телеграмму об этом. Меня угнетает, что я не могу одновременно вести непосредственные переговоры с вами, с Грэем и с Берлином. Если бы это было возможно, многое из того, что сейчас невыполнимо, стало бы выполнимым.

Это письмо я составляю в спешке, чтобы поспеть к вечерней почте. Вам, наверно, будет интересно узнать, что Италия подписала договор с союзниками о вступлении в войну не позднее 26-го¹. Этот договор будет проведен в жизнь, если только итальянский парламент не откажется

¹ Подписанный 26 апреля 1915 г. Лондонский договор — один из «тайных договоров». В нем не была установлена дата вступления Италии в войну, а было лишь указано, что она обязуется использовать все свои ресурсы для войны на стороне союзников, против их врагов. 23 мая Италия объявила войну Австрии, но не объявляла войны Германии до 27 августа 1916 г. 30 апреля 1917 г. Бальфур ознакомил президента Вильсона с подробностями этого договора.

ГЛАВА VII

его ратифицировать. Об этом я узнал уже более десяти дней назад, но не писал вам об этом договоре, поскольку на пути к его окончательному заключению было очень много препятствий...

Преданный вам Э. Хауз.

Разговор с Грэм наметил возможность нового соглашения, которое очень помогло бы устранению разногласий с Англией по поводу задержаний морских грузов, а также предотвратило бы более реальную опасность открытого разрыва с Германией из-за подводных лодок. Европейская война, поскольку это касалось Соединенных Штатов, превратилась к тому моменту в борьбу между германскими подводными лодками и английской блокадой. Оба вида войны нарушали нейтральные права американцев. Если бы можно было уговорить воюющие державы отказаться от применения этого оружия, отпали бы многие наши затруднения.

Многим этот компромисс представлялся справедливым, ибо если английская блокада угрожала Германии голодом, то германские подводные лодки грозили уничтожить английскую торговлю.

Предложение о соглашении не было новым. В феврале президент Вильсон, следуя намеку посла Бернсторфа, сделал подобное предложение Великобритании. Поскольку Германия утверждала, что подводная война была лишь ответом на попытку Великобритании обречь на голод мирное население Германии, Вильсон заявил, что если Великобритания станет пропускать продовольствие в Германию, последняя должна будет отказаться от незаконной подводной войны. Грэй одобрил это предложение. В разговоре с Хаузом 27 февраля он указал, что при таком соглашении Великобритания могла бы вести войну до бесконечности. Но английское общественное мнение не ушло, каким опасным оружием может стать подводная лодка, и считало, что, отказываясь от эмбарго на продовольствие, Великобритания поступалась бы слишком многим.

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

Посол Пэйдж держался того же мнения и отнесся к предложению президента как к чему-то, исходящему от Германии, не стараясь проводить его с нужной энергией.

«Я отправился в посольство повидаться с послом, — пишет Хауз. — Он вернулся после визита в летнюю резиденцию премьер-министра только в 12 часов... Пэйдж рассказал, что он провел за городом два неприятных дня. Одной из привилегий премьер-министра является пользование старым замком близ Дувра; там Пэйджу пришлось провести две холодные, сырые ночи. Каминные горелки не во всех комнатах, и, хотя Пэйдж вегетарианец, ему не давали ничего, кроме разных мясных блюд...

Пэйдж не склонен обращаться лично к Грэю относительно предлагаемого президентом компромисса с Германией в вопросе об эмбарго. Я обратил его внимание на телеграмму президента ко мне с предложением передать Пэйджу, что он желает, чтобы предложение было представлено со всей возможной определенностью. Тогда он сказал, что повидает Грэя и постарается это исполнить, хотя и видно было, что дело ему не по душе. Он не верит в разумность такого предложения и не считает его выгодным для английского правительства. Я стал доказывать противное, убеждая его, что то хорошее впечатление, какое он произведет на нейтральные страны, послужит достаточной компенсацией за уступки, необходимые от здешнего правительства, а сами эти уступки ничуть не больше тех, которые должна сделать Германия.

Говорили мы об этом очень подробно. При этом я настаивал на том, что Великобритания очень рискует быть изолированной в результате германской подводной войны, между тем, если бы ее морская торговля была свободна от этой угрозы, Англия могла бы неограниченно продолжать войну, не опасаясь поражения».

Президент Вильсон немедленно телеграфировал Хаузу о своем глубоком интересе к этому предложению. Он рассматривал его не только как средство ликвидации германо-американской войны.

ГЛАВА VII

риканских затруднений, но также как возможность устранения разногласий с Англией из-за блокады. С точки зрения дипломатической последовательности, заявлял он, ему вскоре придется направить Великобритании ноту в отношении чинимых ею препятствий американской торговле с нейтральными портами. Со стороны Англии было бы очень ловким ходом, указывал президент, если бы она по собственному почину облегчила положение, поставив этим Германию в невыгодное положение неправого, а это было бы очень малой ценой в уплату за прекращение нападений подводных лодок.

Письмо Хауза президенту

Лондон, 20 мая 1915 г.

«Дорогой начальник!

Когда пришла ваша телеграмма от 16-го, я попросил Пэйджа договориться о свидании с Грэем для того, чтобы мы могли заявить протест против задержки грузов и точно установить, согласна ли Англия снять эмбарго на продовольствие при условии прекращения Германией подводной войны. Пэйдж обещал устроить свидание, но не устроил, и в конце концов заявил, что считает это бесполезным, потому что, по его мнению, английское правительство в настоящий момент не станет обсуждать предложения о снятии эмбарго.

Именно тогда я и послал вам обескураживающую телеграмму. Но когда поступила ваша вторая телеграмма, я пошел к сэру Эдуарду, не советуясь больше с Пэйджем.

Я увидел, что Грэй куда охотнее, чем во время нашего последнего свидания, готов выслушать наше предложение; он обещал употребить все свое влияние в этом направлении при условии, что предложение будет исходить от Германии. Он прибавил, однако, что в договоре непременно должно быть условие о прекращении применения удушливых и отравляющих газов.

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

Он объяснил, что кабинет сейчас расформирован, поэтому он может выражать лишь свое личное мнение и просит не считать, будто он говорит от имени правительства. Я выразил готовность удовольствоваться его личным заверением касательно намечаемых им шагов, считая, что он принимает только личные обязательства. Он сказал, что если бы кабинет отказался стать на его точку зрения в обычное время, он ушел бы в отставку, но не считает себя вправе делать это во время войны. Я воспользовался случаем рассказать ему о вашем высоком мнении о нем и уверить его, что мы сочли бы его отставку бедствием.

Он продиктовал мне пункты соглашения между нами, текстуально следующее:

1. Безоговорочный пропуск основных видов продовольствия в нейтральные порты.
2. Все задержанные в настоящее время продовольственные грузы должны быть возможно скорее представлены призовому суду.
3. Все претензии относительно задержанных грузов хлопка должны быть представлены, как только отправитель каждого груза удостоверит, что он является действительным его собственником, с которым следует производить расчет.

Если Англия согласится принять первый пункт, Германия должна прекратить нападения подводных лодок на торговые суда и прекратить применение удушливых и отравляющих газов.

Второй и третий пункты касаются нас и Великобритании и не имеют отношений к Германии. Они будут проведены немедленно.

Я сказал Грэю, что я немедленно телеграфирую Джерарду, чтобы Германия задержала свой ответ на вашу ноту до получения дальнейших сообщений от меня. Я также сказал ему, что предложу через Джерарда германскому правительству, чтобы в ответ на вашу ноту оно сделало вышеуказанное предложение...

Я принял на себя всю ответственность с тем, что если де-

ГЛАВА VII

ла пойдут не так, как намечено, вы и сэр Эдуард сможете отказаться от всякого причастия к ним.

Если Германия откажется обсудить это предложение, то всем видно будет, что вы сделали все возможное для предотвращения войны между Соединенными Штатами и Германией.

Сэр Эдуард взял себе копию записки, так чтобы между нами не могли возникнуть недоразумения. Конечно, недоразумений все равно быть не может, поскольку он хорошо помнит, что говорит, и никогда не отступает от своего слова...

Очень жаль, что кабинет реорганизуется. Я уверен, что при теперешнем его составе, если только Германия сделает предложение, план будет принят. Входящий в кабинет новый элемент менее расположен к принятию предложения, чем нынешний его состав.

Преданный вам Э. М. Хауз».

«19 мая 1915 г. Пэйдж считает, что вся моя затея ошибочна, — записывает Хауз, — результатом этого будет ухудшение отношений между Англией и Соединенными Штатами, если Германия предложение примет, а сэру Эдуарду Грэю не удастся склонить свое правительство к принятию его. Я ответил, что это не в моей власти; моя цель — поставить Соединенные Штаты и президента в правильное положение, так что, если бы возникли неприятности между нами и Германией, для всех было бы очевидно, что президент сделал все возможное для предотвращения войны, и тогда с чистой совестью и в полной уверенности в одобрении со стороны американского народа он сможет занять позицию, вытекающую из его ноты.

Я обедал с лордом Холдэйном. По обоюдному согласию мы были одни, так чтобы можно было говорить откровенно... Он показал мне дневник, который вел во время своего памятного визита в Берлин 9 и 10 февраля 1912 г. Как всем известно, он был послан в качестве представителя короля и английского правительства, чтобы попытаться добиться лучшего взаимоотношения с Германией и выработать для этого проект соглашения...

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

Я воспринял это как намек на то, что, давая мне это читать, он оказывает мне доверие. При этом он пояснил, что мне следует знать обо всем, что происходило между германским и английским правительствами в отношении Малой Азии, африканских колоний и более важных проблем Тройственного Соглашения на случай, если Германия или Англия будут втянуты в войну с третьими державами.

Грэй рассказывал Холдэйну о моем предложении касательно снятия эмбарго на продовольствие и прекращения подводной войны. Он заявил, что постарается добиться принятия этого предложения, но не знает, каково будет решение нового министерства.

Он заговорил о себе, о своем долгом служении родине; в его голосе зазвучала печаль, когда он заговорил о том, как на него клеветали, как он был непонят в начале войны с Германией¹. Он дал мне две свои книги; мы много говорили о Германии, о ее будущем и о германском народе. Я упомянул о своей идее «свободы морей». Он считает ее превосходной; я понял, что могу рассчитывать на его влияние в пользу этого предложения, когда для этого настанет время...»

«21 мая 1915г. Я завтракал с Грэем и зачитал ему сообщение президента... Он виделся почти со всеми нынешними министрами и со многими представителями оппозиции, вероятными участниками кабинета, на основании чего он мог сообщить мне, что, по его мнению, если Германия сделает намеченное мною предложение, оно будет обсуждено правительством.

¹ Холдэйн был военным министром в кабинете Асквита. Он создал территориальную армию и сделал возможной быструю отправку хорошо снаряженного экспедиционного корпуса. «Если бы не его работа, — писал Грэй Асквиту, — армия не была бы готова в такой короткий срок... Если из всех людей именно Холдэйна обвиняют в недостатке патриотизма, то это нетерпимый случай грубого невежества, злостной преднамеренности или сумасшествия» (Грэй. Двадцать пять лет, т. II, с. 244). Однако консерваторы поставили условием своего участия в правительстве исключение Холдэйна из нового коалиционного кабинета.

ГЛАВА VII

Он всегда очень осторожен в своих заявлениях, отсюда я делаю вывод, что его слова означают, что английское правительство примет это предложение. Если его удастся провести, это будет большим дипломатическим триумфом для президента и устранил наши разногласия с обоими правительствами...»

Каково бы ни оказалось окончательное решение английского кабинета, германское правительство своим резким отказом обсуждать предложения Хауза положило конец всякой возможности компромисса. Из Германии по-прежнему раздавались протесты против жестокости Англии, обрекшей на голод женщин и детей, но втайне германские лидеры очевидно не хотели заплатить необходимую цену за снятие блокады. Они решили до конца использовать подводные лодки и тем менее были склонны прислушиваться к предупреждениям Америки, что сами не были убеждены, что Соединенные Штаты станут подкреплять свои предостережения иными способами, кроме словесных. Из двух сообщений Джерарда Хаузу стали известны провал предложения и объяснение причин.

Джерард странным образом узнал о телеграмме Думбы. Циммерман был у него на завтраке и после своих обычных двух бутылок мозельского стал довольно откровенно говорить с одной американской дамой, женой немца. Он уверял ее, что с Соединенными Штатами из-за «Лузитании» разрыва не будет, так как протест Вильсона был несерьезен. Как только Джерард узнал об этом разговоре, он явился к Циммерману и потребовал назвать ему источник таких сведений. Циммерман показал ему телеграмму Думбы. Джерард стал перед трудной задачей. Необходимо было дать знать Вильсону, но сделать это через министерство иностранных дел было невозможно, поскольку его телеграмма первым делом попала бы к Брайану. Тогда он сообщил об этом Хаузу, зная, что тот немедленно известит президента. Телеграмма Думбы имела катастрофическое влияние, так как

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

она убедила немцев, что они могут безнаказанно продолжать нападения подводных лодок. Отсюда их отказ принять предложенный Хаузом компромисс.

Телеграмма Хауза президенту

Лондон, 25 мая 1915 г.

«Я получил следующую телеграмму от Джерарда: «Ваше предложение передано сегодня утром фон Ягову. Подобное предложение о пропуске продовольствия взамен прекращения нападения подводных лодок однажды уже было сделано и не было принято.

Если бы был прибавлен пункт о сырье, то вопрос, может быть, был бы решен. В продовольствии Германия нужды не ощущает».

Разумеется, их условия неприемлемы. Это аннулирует их заявления о том, что обречение Германии на голод оправдывает подводную войну. Я считаю, что это усиливает вашу и без того сильную позицию.

Эдуард Хауз».

«26 мая 1915 г. Я снова завтракал с сэром Эдуардом Грэм. Я показал ему телеграммы, которыми обменялся с президентом и Джерардом со времени нашей последней встречи. Сперва мы обсудили телеграмму Джерарда об отказе Берлина принять мое предложение. Грэй считает, что это, по крайней мере, ставит Великобританию в более выгодное положение, и заявил, что это кладет конец жалобам немцев на то, что они вынуждены вести свою подводную войну против Великобритании ввиду ее намерения уморить голодом шестьдесят пять миллионов немецких мирных жителей.

Он рассказал, что в разговорах с ним остальные члены правительства заявляли, что если бы Германия предложение приняла, это означало бы, что она в самом деле начинает испытывать нужду в продовольствии и именно поэтому Англии не следует ослаблять своего натиска. Но Грэй настаивает

ГЛАВА VII

вал на том, что этому соображению противостоит столько других, что с одним этим считаться не следует. Кроме того, он хочет, чтобы Соединенные Штаты знали, что Англия делает все возможное для того, чтобы не втягивать нас в войну с Германией. Мое восхищение и уважение к нему все возрастает».

Так закончилась самая благоприятная возможность урегулировать разногласия, которые в дальнейшем имели такое большое влияние на ход войны и на судьбу Германии. Если бы Германия согласилась на этот компромисс, она не только имела бы возможность получать продовольствие, которого, как она заявляла, ее мирное население было лишено вследствие незаконной блокады, но избежала бы разрыва с Соединенными Штатами, разрыва, втянувшего Америку в войну.

«Кого боги хотят наказать...»

3

Отказ Германии воспользоваться предоставленной ей возможностью убедил полковника Хауза в том, что дальнейшее его пребывание в Европе бесполезно. Возможность начала мирных переговоров между воюющими державами, если она когда-нибудь и существовала, теперь совершенно исчезла. Настроение обеих сторон было настолько отравлено, что всякое предложение мирных переговоров считали преступным. Хауз также убедился, что политика Германии повлечет за собой прямое вмешательство Америки, и пожелал быть возле президента для того, чтобы настоять перед ним на более энергичном ведении войны.

«Я пришел к заключению, что война с Германией неминуема, — записывает он 30 мая — и сегодня я решил уехать в субботу на пароходе «Сент-Пол». Президента я известил об этом телеграммой.

Я обсудил вопрос с Уоллэсом, который тоже едет с нами, и говорил об этом также с Пэйджем, который советовал

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

уехать, если мы вообще хотим в этом году попасть домой. Пэйдж всегда дает очень откровенные советы...»

«1 июня 1915 г. Я сказал Планкетту, что уезжаю в Америку, и объяснил причину. Я сказал, что намерен убедить президента повести не «кисло-сладкую» войну, а напрячь все усилия, всю энергию нашего народа так, чтобы Европа целый век помнила, что значит спровоцировать миролюбивую страну на войну.

Я намерен посоветовать образовать комиссию, возможно во главе с членом кабинета, для лучшей организации производства амуниции и военных припасов. Планкетт посоветовал мне повидаться перед отъездом кое с кем из членов английского кабинета. На 6 часов он устроил мне встречу с Ллойд-Джорджем...»

Если бы даже против всех ожиданий Германия согласилась отказаться от своей подводной войны или смягчить ее, или если бы кризис был кое-как улажен, Хауз все равно хотел теперь быть в Соединенных Штатах возле президента, так как в этом случае спор с Великобританией из-за задержания американских грузов наверное обострился бы. Эти разногласия были серьезными даже при наилучшем положении вещей, а взаимные недоразумения ухудшали их еще больше. Полковник Хауз хотел, чтобы президент понимал, какие затруднения стоят перед сэром Эдуардом Грэм, чтобы он знал, как сильно нажимают на него английское общественное мнение и адмиралтейство, и насколько важно, чтобы Соединенные Штаты оставались в дружественных отношениях с союзниками. Как бы велико ни было раздражение, вызванное ограничением американской торговли, Хауз не колебался в своем убеждении, что наше благосостояние связано с поражением Германии. Все это Пэйдж отставлял в ряде длинных писем. Но сама многочисленность и размеры этих писем, да еще с привкусом союзнических настроений, уменьшали влияние Пэйджа, который в глазах Вашингтона был больше защитником интересов союзни-

ГЛАВА VII

ков, чем представителем американского правительства. Хауз хорошо понимал, что чисто объективное изложение ситуации, с упором на интересы Америки, будет иметь большое значение.

«4 марта 1915 г. Вчера, — записывает Хауз, — когда Пэйдж составлял свое письмо президенту с просьбой ничего пока не предпринимать в отношении предполагавшейся блокады Германии, там было много такого, что я предложил вычеркнуть. Это представляло собой сильнейшую в своем роде просоюзническую аргументацию, и я знал, что она уменьшит влияние Пэйджа как в глазах министерства иностранных дел, так и президента. Он нехотя урезал письмо до размеров очень короткого сообщения...»

Письмо Хауза президенту

Лондон, 25 мая 1915 г.

«Дорогой начальник!

...Нового для сообщения ничего нет. Кажется, что дело идет к затяжной войне... Я очень хотел бы видеть вас и лично обрисовать положение. Есть столько вещей, о которых не напишешь, что мне стоит, кажется, поехать, даже если бы пришлось вскоре вернуться обратно.

Нет сомнения, что занятая вами позиция, как в отношении Германии, так и Великобритании, правильна; но я считаю, что наше отношение к союзникам несколько иное, поскольку мы более или менее связаны с их победой, и я думаю, что по возможности нам не следует делать чего-либо такого, что могло бы ухудшить их нынешнее расположение к нам. Если мы лишимся этого благорасположения, то не сможем играть никакой роли при мирных переговорах, пожертвовав слишком многим во имя защиты всех наших торговых прав.

Я знаю, что мы переживаем очень трудное испытание и что вы действуете с исключительным терпением и рассудительностью.

Преданный вам Э. М. Хауз».

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

Хауз постоянно внушал своим английским друзьям, насколько важно учитывать недовольство и потери Соединенных Штатов из-за задержания американских грузов и почты. С момента своего приезда в феврале 1915 г. он подчеркивал, что хотя это единственная серьезная причина трений между двумя государствами, тем не менее она столь существенна, что может привести к очень серьезным результатам, если только их не затмит какое-нибудь затруднение с Германией. Германия нарушала права человечества, между тем как разногласия с Великобританией были гораздо менее значительны. Но они задевали карман и самолюбие многих американцев.

Более того, президенту нельзя было достаточно энергично протестовать против нарушения международных законов Германией, пока Германия имела некоторое основание жаловаться на то, что англичанам он позволяет менять морские законы по-своему усмотрению. Письма президента и министров рисовали Хаузу ясную картину тех затруднений, перед которыми стоял Вильсон. В дружественном тоне президент старался дать ответ на указание, что бестактность американских протестов излишне ухудшает англо-американские отношения.

Он повторил свое настойчивое указание на перемену настроения в Америке из-за помех, чинимых англичанами нейтральной торговле, и выразил опасение, что нельзя будет помещать конгрессу вынести решение о запрещении вывоза оружия. Вильсон сообщал, что он постарается это предотвратить, но хочет, чтобы Грэй понял опасность положения. Он направил это предупреждение не через Пэйджа, а через Хауза, ибо хотел, чтобы оно было сделано совершенно неофициально и в чисто дружеском тоне. Министр Лэйн выразил те же мысли.

Письмо Лэйна Хаузу

Вашингтон, 5 мая 1915г.

«Дорогой Хауз!

Рад был получить ваше письмо. О положении здесь мало что можно сказать. Президент несет свое бремя безропотно.

ГЛАВА VII

Несмотря на все оскорбления со стороны Германии, он решил выдержать до конца: подставить левую щеку, а затем спину, если это окажется необходимым. Но, разумеется, он не может терпеть оскорбление за оскорблением безгранично, ибо в таком случае восстала бы страна. Мы народ с самолюбием, как в том убедились сто лет тому назад наши английские друзья.

А англичане ведут себя не очень хорошо. Они задерживают наши суда, они установили новые международные законы. Мы очень мягко и покорно отнеслись к их хозяйничанью на океане, словно это их собственная дорога. Конечно, симпатии большей части нашего народа на стороне Англии, но они далеко не были бы так велики, если бы не упорная близорукость наших немецких друзей. Я не могу понять, что хочет сказать Англия своей политикой задержания, помех и затруднений. Ее победа явно зависит от строжайшего нашего нейтралитета, и вместе с тем она нам не дает пользоваться своими правами нейтральной державы.

Вам интересно было бы, я думаю, послушать наши разговоры, когда собирается кабинет. Среди нас, я считаю, нет ни одного человека, в жилах которого текла бы хоть капля немецкой крови. Двое из нас родились под английским флагом. У меня два родственника в английской армии, у моей жены — трое. Большинство из нас по происхождению шотландцы, и, тем не менее, как только мы собираемся, начинаются волнения по поводу каких-нибудь глупых действий англичан. Может ли быть, чтобы они хотели воспользоваться войной для сокращения нашей торговли?..

Если бы теперь шла сессия конгресса, мы бы уже сегодня оживленно обсуждали резолюцию о наложении эмбарго...

В конце концов наш единственный актив — это доверие народа к президенту. Народ не любит его, поскольку он кажется ему кабинетным человеком, но уважает его как мудрого, благоразумного руководителя, который избавит его от забот. Поэтому, какая бы глупость ни совершалась, все склонны валить вину на Брайана, что очень несправедливо.

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

Мое уважение к Брайану растет с каждым днем. Он слишком хороший христианин, для того чтобы управлять нашим грешным миром, и недостаточно сильно ненавидит, но это несомненно благородный и широких взглядов человек, до последнего вздоха преданный президенту...

Остаюсь всегда ваш *Ф. К. Л.*».

В самой Англии было немало людей с умом, понимавших, что задержание нейтральных грузов, следующих в Нейтральные порты, даже если эти грузы, в конце концов, предназначаются для Германии, не оправдывает вызываемых этим затруднений. Этого мнения хотя и придерживалось меньшинство, но не одни только пацифистские круги.

«3 марта 1915 г. Брукс и Поллен¹, — записывает Хауз, — согласились со мной, что Великобритания начинает опасную фазу ведения войны, пытаясь установить газетную блокаду Германии, ибо подлинная блокада, по-видимому, не осуществима. Я говорил об этом со всей серьезностью, так как хотел заручиться поддержкой их газет на случай тех неприятностей, которые, как я вижу, назревают между нашими двумя странами».

«4 марта 1915г. Сегодня ко мне во второй раз зашел редактор «Экономиста» Фрэнсис У. Хэрст. Он заходил вчера, но не застал меня. Это, по-моему, совершенно новый тип англичанина... Он противник правительства, хотя и либерал. Он резко критиковал Грэя и Асквита, хотя Асквит его близкий родственник... Он против войны и заявляет, что далеко не одинок, так как убежден, что в Англии война непопулярна, и это стало бы явным, если бы общественное мнение нашло свое подлинное выражение. Он предложил познакомить меня с лордом Морли и с бывшим лорд-канцлером лордом Лорберном. Он говорит, что оба они противники войны и считают, что мира надо добиться сейчас».

¹ Журналист и знаток морского дела.

ГЛАВА VII

Хэрст считает, что президент должен активно противодействовать предполагаемой блокаде; если бы президент полностью запретил экспорт во все воюющие страны, он мог бы заставить здешнее правительство фактически исполнять его волю. Он хочет, чтобы президент установил новое международное право и заставил все государства его соблюдать. Я пытался объяснить ему, сколько препятствий стояло бы на пути к такому порядку.

Он сказал, что его предшественник по журналу «Экономист» Ричард Бэйджхот, которым так восхищается президент, заявлял, что еще в 1870 г. Англия должна была осуществить этот порядок».

«9 марта 1915 г. У меня на чае был Роберт Доналд, редактор газеты «Дэйли кроникл». Это очень толковый и умный шотландец. Мы говорили об эмбарго, о войне и обо всем, с этим связанном. Он очень дружен с Ллойд-Джорджем и считает его величайшим человеком в Англии. Он считает ошибкой объявление Великобританией блокады против Германии и полагает, что если она будет проводиться, наше правительство будет вправе наложить эмбарго на вывоз амуниции. Он обещал в осторожной форме затронуть этот вопрос в своей газете и постараться повлиять на правительство в нужном нам направлении...»

4

Письма Хауза президенту

Лондон, 7 мая 1915 г.

«Дорогой начальник!

Ваша телеграмма о задержании грузов получена мною вчера. Так как у меня уже было условлено повидать сэра Эдуарда Грэя сегодня с утра, я не стал добиваться свидания вчера.

Я прочел ему ваше сообщение и сказал, что, по-моему, положение очень критическое и с этим вопросом тянуть не

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

следует; немцы делают все возможное, чтобы поставить вас в затруднительное положение и вынудить вас установить эмбарго на вывоз оружия.

Он ответил, что прекрасно понимает положение. Он составил меморандум для рассылки всем членам кабинета, который он мне зачитал. В нем он изложил все в очень решительных и настойчивых выражениях и сказал мне, что делает все от него зависящее.

Он сказал, что ему приходится считаться со здешним общественным мнением, которое требует полной блокады Германии. Кроме того, я полагаю, в кабинете в оппозиции к нему находятся Китченер и Уинстон Черчилль...

Сэр Эдуард хочет сделать все, что только возможно, и просил передать вам, что ему приходится преодолевать большие затруднения...

Со времени моего последнего письма к вам я виделся со множеством людей, в том числе с русским послом. Он очень дельный человек, но так же не понимает ваших целей, как французская публика...

Когда я приехал сюда, почти все во Франции, в Англии и, как я теперь убедился, в России считали, что хотя американский народ в целом за союзников, вы сами, — за немцев. Я считаю, что это мнение было создано сэром Сесилем¹, потому что все, что я слышу здесь, очень похоже на то, что он не раз говорил мне. Он заявил Норману Хэпгуду, что наше правительство за немцев, то же самое он говорил другим.

Я воспользовался случаем, чтобы сказать сэру Эдуарду, что сэр Сесиль очень нервный человек и ему постоянно чуждаются страсти; мне он заявил, что еще до окончания войны все мы станем германофилами. Рассказал я это потому, что уверен, что то же самое он писал и сэру Эдуарду...

Преданный вам Э. М. Хауз».

¹ Сэр Сесиль Спринг-Райс, английский посол в Вашингтоне.

ГЛАВА VII

Лондон, 27 мая 1915 г.

«Дорогой начальник!

Вчера я виделся с сэром Эдуардом Грэем и говорил с ним о задержании грузов.

В отношении хлопка он заявил, что, основываясь на прецеденте, его правительство вправе считать хлопок военной контрабандой точно так же, как это считало наше правительство во время гражданской войны у нас. Но, исходя из ваших желаний, они до сих пор этого не делали и поэтому надеются, что мы будем снисходительны.

Он сказал также, что теперь они делают все возможное, чтобы избежать трений с нами: дано распоряжение быстро принимать решения в каждом случае, чтобы их нельзя было больше обвинять в волоките.

Он рассказал мне кое-что интересное о балканских государствах. Первое — Румыния согласилась вступить в войну при условии, что союзники передадут ей часть венгерской территории¹. Сэр Эдуард отказался обсуждать такие условия, так как это было бы несправедливо по отношению к Сербии. Он заявил, что поскольку Великобритания вступила в войну для защиты прав одного малого государства, она не пойдет на нарушение прав другого государства, несмотря на все преимущества, какие получили бы от этого союзники.

Если бы не Фердинанд, Болгария, вероятно, тоже вступила бы в войну на стороне союзников, а вслед за нею вступила бы и Греция. Они все боятся, чтобы одно какое-нибудь балканское государство не осталось в стороне, а потом воспользовалось ослаблением других...

Я рад, что Бальфур вошел в новый кабинет. Это человек типа Грэя; я уверен, что теперь у нас будет меньше неприят-

¹ Темешварский Банат и переднюю Трансильванию. Сербия настоятельно требовала передачи ей юго-западной части Баната. Мирная конференция 1919 г. согласилась со значительной частью требований Сербии и разделила Банат между нею и Румынией.

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

ностей с задержкой грузов, чем когда во главе адмиралтейства стоял Черчилль¹.

В понедельник сэр Эдуард уезжает на целый месяц, замещать его будет, вероятно, лорд Крю. Он обещал договориться с лордом Крю, чтобы тот принимал меня по первому моему желанию и у себя на дому. Живет он очень близко. Я никогда не хожу в министерство иностранных дел или в какое-нибудь другое правительственное учреждение, дабы не привлекать внимания. Все они хорошо понимают мои соображения...

Преданный вам Э. М. Хауз».

Перед отъездом в Соединенные Штаты у Хауза был ряд продолжительных бесед с членами нового кабинета и с другими влиятельными людьми с целью оградить англо-американские отношения от каких-либо недоразумений. Почти во всех этих беседах он особо выделял вопрос о блокаде, так как считал весьма важным, чтобы англичане правильно поняли американскую точку зрения.

«2 июня 1915 г. В 10 часов я встретился с Ллойд-Джорджем. Меня удивило, как он, не стесняясь, критиковал военное министерство. Он заявил, что Великобритания к настоящему моменту должна была иметь все потребное количество снарядов, поскольку после Соединенных Штатов она является наиболее оснащенной в техническом отношении страной, и у нее сколько угодно заводов, могущих вырабатывать взрывчатые вещества. Он показал мне данные о количестве шрапнельных и разрывных снарядов, которые англичане выпустили в последних сражениях. В одном сражении было выпущено 50 000 шрапнельных снарядов и только 1600 разрывных, а на деле нужно обратное.

Он находит, что солдаты слишком самоуверенны и не удовлетворяют требованиям. Но заявил, что намерен настолько усилить производство вооружений, что это револю-

¹ Это предсказание не оправдалось, несмотря на благоразумие Бальфура и на его расположение к Соединенным Штатам.

ГЛАВА VII

ционирует все положение. Он показал мне список американских фирм, которые поставляют для них оружие. Фирмы очень солидные, но число их не так велико, как я ожидал...

Он заявил, что если бы мы теперь приостановили отправку союзникам амуниции, это создало бы для них серьезную угрозу.

Кажется, это был его первый день в министерстве вооружений. В кабинете совсем не было иной мебели, кроме стола и одного стула. Он все предлагал мне занять этот стул, но я отказался, заявив, что мне больше чем министру приличествует сидеть на столе.

Он снова и снова говорил о «военной волоките», которую он обещал уничтожить в кратчайший срок. Он полон энергии. Я уверен, что очень скоро его министерство себя покажет. Он больше напоминает мне живой агрессивный тип американского политика, чем английского министра... В нем есть что-то динамическое, чего нет у его коллег и что так нужно в этот великий час...

После завтрака я, как было условлено, зашел к новому канцлеру казначейства Реджиналду Мак-Кенна... Я воспользовался случаем указать ему, что благодаря Германии Англия избавлена от крупных нареканий из-за совершенно незаконного задержания грузов, которое мы терпим только потому, что Германия позволяет себе еще большие нарушения. Я убеждал его использовать свое влияние в кабинете министров для того, чтобы эти действия Великобритании были изменены. Если это не сделать, а мы к тому времени уладим наши недоразумения с Германией, то, заверил я, мы потребуем более серьезного ответа от его правительства. Дело не во мнении президента о противоречиях между воюющими державами, а в том, что он должен сделать для ограждения прав значительной части американского народа, которая настаивает на том, что задержание грузов нарушает ее права.

Он целиком согласился с этим и надеется, что эти шероховатости смогут быть благополучно сглажены. Мы сошлись также на том, что если мы вступим в войну на стороне союз-

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

ников, он будет поддерживать со мною неофициальную связь с тем, чтобы я мог помочь разрешению финансовых вопросов, могущих встать между нашими правительствами...

В 5.30 я отправился в Лэнсдаун-хауз к маркизу Лэнсдауну... Я очень энергично говорил с ним о политике его правительства в связи с задержанием грузов нейтральных стран и указал ему, что, если бы Германия не вела себя еще хуже, мы призвали бы Великобританию к ответу. Я уверен, что при подобных обстоятельствах Великобритания и минуты не потерпела бы такого задержания, между тем в своем желании избежать неприятных разногласий с ними президент дошел до критической точки.

Я описал ему президента как человека, обладающего всем упорством шотландца, и просил его иметь в виду, что если в глубине души президент и сочувствует союзникам и их целям, он все же президент Соединенных Штатов, а наш народ не делает различия между нарушителями международного права, и президенту по необходимости приходится держаться одинаковой политики по отношению ко всем».

«4 июня 1915 г. Я прочитал королю две-три телеграммы, посланных мною президенту, главным образом в связи с задержкой наших пароходов. Я хотел, чтобы вся официальная Англия понимала, каково отношение нашего правительства к этой проблеме, так чтобы не было недоразумений, если в будущем нам придется выступить более решительно.

Его величество говорил о недавних налетах цеппелинов; он считает, что в ближайшем времени надо ожидать гораздо более серьезного налета, причем они попытаются спалить Лондон. Я показал ему карикатуру в последнем номере журнала «Лайф», которую Мартин прислал мне до напечатания ее в журнале, где его (короля) почтенный кузен Вильгельм изображен повешенным на мачте. Я не совсем был уверен, удобно ли показывать ему карикатуру, но он как будто бы остался очень доволен. Чем больше я вижу короля, тем больше он мне нравится. Он хороший парень и заслуживает лучшей участи, чем быть королем...

ГЛАВА VII

Я завтракал с Бальфуром. Кроме нас был сэр Хорэс Планкетт, которому мы вполне доверяем. Бальфур заявил, что он обеспечит особо тщательное конвоирование парохода «Сент-Пол»...

В Англии в настоящее время царит определенное чувство подавленности, главным образом из-за недостатка амуниции, а также из-за того, что Россия все время терпит поражения — тоже из-за недостатка амуниции.

Он заявил, что флот в настоящее время больше всего нуждается в истребителях против подводных лодок, и он заключает договоры на постройку большого числа малых быстроходных судов этого типа. Броненосцев у них достаточно. Он рассказал, что с транспортами у них благополучно: до сих пор они не потеряли ни одного транспортного судна. Он вытянул руку и постучал по дереву¹, как добрый американец.

С ним, как и с другими членами кабинета, я заговорил о недоразумениях с задержанием грузов; кажется, он понял, в каких трудных условиях приходится работать нашему правительству».

5

5 июня Хауз отплыл на пароходе «Сент-Пол». Через неделю по прибытии в Соединенные Штаты он сообщил президенту, свои впечатления о европейских делах и подчеркнул серьезность кризиса, который встал перед американским правительством.

Письмо Хауза президенту

Рослин, Логн-Айлэнд 16 июня 1915г.

«Дорогой начальник!

Поскольку дело касается союзников, положение не внушает бодрости. К большому своему разочарованию и к

¹ Обыкновение у американцев — «чтобы не сглазить» (прим. пер.).

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ

удивлению немцев, они не смогли достигнуть тех успехов, на которые рассчитывали с наступлением весенней и летней погоды. Они допустили две кардинальные ошибки. Первая — это попытка взять Дарданеллы только со стороны моря. Это оказалось невозможным, и прежде чем они успели послать большую армию для десантных действий в помощь флоту, турки под руководством немецких офицеров успели настолько укрепить проливы, что они стали почти неприступными. В конце концов они возьмут их, но страшной ценой¹.

Вторая ошибка состояла в том, что они в течение зимних месяцев не усилили производство снарядов. Когда началась весенняя кампания и они попытались штурмом взять немецкие окопы, оказалось, что у них не только не было достаточно амуниции, но и имевшаяся амуниция была не того рода, что нужно. Эта ошибка была допущена главным образом не французами, а англичанами.

Германия, очевидно, через своих шпионов знает об этом слабом месте союзников; отсюда — их величайшая забота о поставках амуниции из Америки. Когда в марте я был в Берлине, мне казались бессмысленными их заявления о том, что война окончилась бы очень быстро, если бы мы приостановили отправку амуниции.

Англичане едва удерживают свои позиции, а русские совершенно не в состоянии противостоять напору немцев по той причине, что не хватает ни винтовок, ни снарядов. Война больше превратилась в войну амуниции, чем в войну людей.

Осенью Германия была гораздо более склонна к миру, чем сейчас. Я прилагаю письмо от Джерарда, освещающее этот вопрос.

В Англии к моменту моего отъезда царила исключительная озабоченность, хотя все уверены в конечной победе, ес-

¹ Это предсказание не оправдалось, ибо хотя цена и была заплачена, но союзники вынуждены были в наступившую зиму отозвать экспедицию из Галлиполи.

ГЛАВА VII

ли союзники будут держаться вместе, но эта победа откладывается на более отдаленный срок, чем предполагалось, и, возможно, она совсем не придет, если снабжение амуницией из Америки будет по какой-либо причине прекращено.

Нет нужды говорить вам, что если союзники не победят, это повлечет необходимость поворота во всей нашей политике.

Потопление «Лузитании», применение отравляющих газов и другие нарушения международного права сделали для меня невозможным продолжение переговоров в Англии о «свободе морей» или о предварительном формулировании мирного договора. Если бы не это, я мог бы продолжать свое дело, и к середине лета воюющие страны обсуждали бы через ваше посредство условия мира.

Трудность с Германией заключается не в гражданских властях, а в военных и морских, представленных кайзером, фон Тирпицем и Фалькенхайном. Плохие отношения установились между министерством иностранных дел и фон Тирпицем, их разногласия непримиримы. По-моему, фон Тирпиц будет продолжать подводную войну, предоставляя министерству иностранных дел объяснять все это «несчастными случаями».

Я считаю, что постепенно мы окажемся втянутыми в войну с Германией, так как среди немецких морских и военных кругов есть значительные группы, считающие, что для Германии это будет скорее лучше, чем хуже.

Как это ни печально, но это будет иметь свои преимущества. Война будет быстрее закончена, и усилятся наши позиции для оказания помощи другим демократиям в том, чтобы повернуть мир на правильный путь. Мы должны встретить эти факты стойко, утешая себя мыслью, что какие бы жертвы нам ни пришлось нести, они будут оправданы достигнутой целью.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Хауз не свершил чуда: он не добился торжества мира, что в 1915 году оказалось практически невозможным. Но он до-

ТЕРПЕНИЕ ВУДРО ВИЛЬСОНА

стиг того, о чем знали только немногие: полного взаимопонимания с теми, кто управлял судьбами союзников. В дальнейшем, при всех недоразумениях между министерствами иностранных дел, установленные им личные отношения всегда способствовали сохранению духа сердечности. У него был частный шифр, которым он мог сноситься быстро и неофициально с сэром Эдуардом Грэм, который обещал ему писать откровенно и часто. Хауз, по-видимому, завоевал доверие английского правительства в такой момент, когда общественное мнение в Англии оборачивалось против Америки. Он приобрел за границей массу друзей, которые стали снабжать его регулярной и надежной информацией. И президент Вильсон, которого считали мало осведомленным и чуждающимся этих дел, мог через Хауза быть в полном курсе всех течений европейской политики.

ГЛАВА VIII

ТЕРПЕНИЕ ВУДРО ВИЛЬСОНА

Если произойдет война с Германией, то только из-за нашей неготовности и уверенности Германии в том, что мы более или менее бессильны причинить ей вред.

*(письма Хауза Вильсону,
19 июля 1915 г.)*

1

Президент Вильсон не допустил, чтобы США были вовлечены в европейскую войну в результате потопления «Лузитании». В свете последовавших событий историк может одобрить или осудить действия президента, но мотивы Вильсона были ясны. Им руководил не страх, ибо для того, чтобы успокоить взрыв народного негодования в восточных штатах, нужно было гораздо больше мужества, чем для того,

ГЛАВА VIII

чтобы уступить этому взрыву. Вильсон иногда был осторожным, но всегда был мужественным, и его готовность вести переговоры явилась результатом непоколебимой уверенности в том, что он обязан был перед всем миром и Америкой оставаться в стороне от войны до тех пор, пока Германия окончательно не навязала ее нам.

Вильсону было бы нетрудно зажечь воинственный дух в стране, если бы он пожелал использовать как предлог какое-нибудь нападение подводной лодки на судно с американскими гражданами. Легче всего ему было бы окружить себя ореолом славы, витающей вокруг главы воюющей державы. Вместо этого он избрал более тяжелый путь — путь, заставивший его пережить много месяцев тревоги и личного унижения. Но он не переставал надеяться, что сумеет избавить США от ужасов войны и как глава самого крупного нейтрального государства положит конец агонии Европы. Вильсон превратился в объект оскорблений со стороны тех, кто в Америке симпатизировал Антанте, и плохо скрываемых насмешек со стороны французов и англичан. Но труднее всего было иметь дело с уклончивой тактикой немцев, которые в течение более трех месяцев затягивали переговоры о подводной войне до тех пор, пока даже терпение президента не подверглось серьезнейшему испытанию.

В ответ на ноту Вильсона от 15 мая с требованием, чтобы германское правительство принесло извинения за действия командира подводной лодки, потопившей «Лузитанию», и дало заверения в том, что подобные действия больше не повторятся, немцы две недели спустя, 28 мая, ответили, что «Лузитания» была вооружена, как крейсер, служила транспортным судном и являлась, таким образом, военным судном. Президент в своем ответе от 9 июня показал, что он не намерен позволить кому бы то ни было запутать дело. Он отверг германские утверждения и объявил их неприемлемыми. Он обосновал свой протест высшими побуждениями, не связанными с техническими подробностями дела.

ТЕРПЕНИЕ ВУДРО ВИЛЬСОНА

«Потопление пассажирских судов, — писал он, — затрагивает основы человечности, отодвигающей на задний план какие бы то ни было особые обстоятельства, которые могли бы оправдать подобные случаи. Императорское германское правительство несомненно не замедлит признать и согласиться с этими принципами, обсуждение которых выходит за пределы обычных объектов дипломатических переговоров и международных споров...

Правительство США стремится к гораздо большему, чем соблюдение прав собственности или торговых привилегий. Оно стремится к соблюдению высоких и священных прав человечества, которые всякое правительство уважает и от которых ни одно правительство не вправе отказаться в отношении тех, кто находится под его защитой и властью...

Правительство США не может допустить, чтобы провозглашение военной зоны, в стороне от которой предложено держаться нейтральным судам, смогло бы в какой-либо степени ущемить права американских судовладельцев или американских граждан, совершающих законные поездки в качестве пассажиров на торговых судах воюющих стран. Оно полагает, что императорское германское правительство не намерено оспаривать эти права. Правительство также считает установленным фактом тот принцип, что жизни мирных людей не могут быть подвергнуты опасности пленением или истреблением несопротивляющегося торгового судна, и настаивает на принятии необходимых мер предосторожности при установлении принадлежности заподозренного торгового судна воюющей стороне или того, везет ли это судно военную контрабанду под нейтральным флагом. Следовательно, правительство США вправе полагать, что императорское германское правительство примет все необходимые меры для того, чтобы эти принципы были применены на практике в отношении охраны жизни американских граждан и американских судов и требует заверений в принятии всех этих мер в будущем».

Эта нота, посланная 9 июня, привела к отставке Брайана. Он коренным образом расходился с Вильсоном в этом во-

ГЛАВА VIII

просе, хотел передать спор с Германией на рассмотрение третьей стороны и ограничить права американских граждан, предупредив их о том, чтобы они не совершали поездки на торговых судах воюющих держав или на тех, которые перевозят военное снаряжение. Вильсон, соглашавшийся на то, чтобы дать Германии возможность изменить провозглашенную ею тактику, твердо решил не жертвовать никакими американскими правами и даже не входить ни в какое обсуждение этого вопроса. Во всех своих нотах он просто провозглашал эти права.

2

В тот момент, когда Вильсон отправил свою вторую ноту Германии, полковник Хауз пересекал Атлантический океан. Переезд прошел без всяких инцидентов, если не считать военного эскорта, о котором позаботился Бальфур, что до некоторой степени показывало, каково международное значение миссии полковника Хауза. Американская печать много писала об этом.

«Тайна, — писала газета «Нью-Йорк Америкен» в номере от 14 июня, — окружает содержание важных депеш, которые привез с собой вчера полковник Хауз в Америку. Впервые за время войны иностранные военные суда эскортировали американский пароход через военную зону. Этот из ряда вон выходящий шаг приобретает еще большее значение потому, что английский пароход «Ордуна», отплывший из Ливерпуля на три часа раньше «Сент-Пола», не был эскортируем, точно так же, как «Адриатик», почти одновременно прибывший в Ливерпуль с грузом военного снаряжения... «Два миноносца были посланы английским адмиралтейством для сопровождения нашего парохода через военную зону, — заявил капитан Ф. М. Пэссоу. — Несомненно, миноносцы были посланы для охраны документов, которые вез полковник Э. М. Хауз».

«6 июня 1915 г. Как бы признателен я ни был за это вни-

ТЕРПЕНИЕ ВУДРО ВИЛЬСОНА

мание, — писал Хауз на борту судна, — но если бы я знал заранее, что оно будет выражено таким заметным образом, я должен был бы отклонить его. Я думал, что миноносцы будут следовать на известном расстоянии и не будут замечены и что мы будем обеспечены охраной без того, чтобы это вызвало такую шумиху. Я очень опасаясь того, как будет писать об этом американская пресса, и что мое влияние уполномоченного президента может ослабеть...»

«13 июня 1915 г. Переезд был тихим и приятным. Дадли Мэлоун встретил меня на таможенном катере у Эмброс Лайт... Катер пристал к борту «Сент-Пола», и я спустился на катер. Дадли знал все новости... Еще находясь в море, я получил от сэра Хорэса Планкетта радиограмму с извещением об уходе Брайана в отставку. Дадли заявил мне, что, по общему мнению, я мог бы, если бы пожелал, занять этот пост. Я тут же отверг эту идею, заявив, что ни при каких обстоятельствах не приму этого поста, даже если бы этого хотел президент. Дадли просил меня не принимать окончательного решения, так как считает, что президент имеет право настаивать на моей кандидатуре. Я ответил, что президент едва ли захочет засадить меня за канцелярскую работу в такой момент, когда я могу принести ему и стране гораздо большую пользу работой, которую делал до сих пор...»

«20 июня 1915 г. Сегодня утром 10-часовым поездом приехал генеральный прокурор Грегори. Он рассказал мне почти обо всем, что произошло в кабинете с тех пор, как я уехал, главным образом, о двух нотах, посланных Германии, и об уходе Брайана.

Он рассказал, что во вторник 11 мая президент зачитал на заседании кабинета мою телеграмму от 9 мая. Начал президент с того, что предложил ознакомиться с моими соображениями касательно ответа, который должен быть препровожден Германии, а члены кабинета знали, насколько он доверял моим суждениям и моей способности ясно видеть положение вещей; затем была прочитана телеграмма, встретившая одобрение.

ГЛАВА VIII

Впоследствии Брайан сообщил Грегори, что он возражал только против того, что телеграмма была зачитана перед кабинетом прежде, чем он, Брайан, видел ее. Он считал, что сначала президент должен был его ознакомить с телеграммой и обсудить ее с ним до заседания кабинета.

По окончании чтения моей телеграммы президент прочел составленный им меморандум, заключавший текст ноты в том виде, в каком она была в конце концов послана Германии. В ходе прений Брайан проявил горячность, заявив, что некоторые члены кабинета не сохраняли позиции нейтралитета. Президент повернулся к нему и со стальным блеском в глазах заявил: «Мистер Брайан, никто вас не уполномочивал делать такие утверждения. Все мы, несомненно, имеем свои мнения по этому вопросу, но среди нас нет никого, кто мог бы быть обвинен в пристрастности». Брайан извинился, и этим инцидент был исчерпан.

Грегори сказал, что с тех пор, как он входит в состав кабинета, он только во второй раз видит, чтобы президент так крепко сжал челюсти. В первый раз это произошло, когда Х. чем-то нарушил правила приличия.

В тот день, когда Брайан подал в отставку, он не собирался участвовать в заседании кабинета, но президент предложил пригласить его, и весь кабинет поддержал это приглашение. После того как он подал в отставку, Брайан сообщил Грегори, что в ноту была вставлена фраза, написанная им, Брайаном, и затем выпущенная. После своей отставки и до опубликования ноты Брайан заявил, что указанная фраза была снова вставлена в ноту. Но, по словам Грегори, Брайан ошибся: фраза была обсуждена на заседании кабинета, когда он вручил свою отставку, и на котором Брайан присутствовал. Нота обсуждалась в течение нескольких минут до прихода Брайана, и тот факт, что упомянутая фраза была выпущена до или после его прихода, не имеет значения по той причине, что текст ноты лежал на столе и был вручен Брайану для прочтения. Об этом случае помнит также президент. Очевидно, Брайан пытается изоб-

ТЕРПЕНИЕ ВУДРО ВИЛЬСОНА

разить дело так, что подал в отставку потому, что президент отказался включить одну фразу, которая изменяла содержание ноты, и что после того, как он подал в отставку, эта фраза была использована.

«21 июня 1915 г. (Беседа с английским послом.) Мы провели вместе два часа. Подробно обсудили все вопросы, причем я рассказывал ему о положении в Европе, а он сообщил мне обо всех происшедших здесь в мое отсутствие событиях. Я обратил его внимание на тот факт, что ему приписывают слова о том, что президент — сторонник немцев. Он это подтвердил, говоря, что сделал подобное заявление ради защиты президента. Я ответил, что слова его привели к тому, что в Англии и Франции создалось впечатление, будто президент германофил, и мне пришлось употребить большое усилие для того, чтобы рассеять это впечатление, созданное словами его и Жюссера. Я посоветовал ему в будущем либо вовсе воздержаться от заявлений на эту тему, либо говорить, что президент соблюдает строгий нейтралитет».

«22 июня 1915 г. Сегодня, в пять, меня посетил германский посол, с которым я имел весьма удовлетворительную беседу. Я рассказал ему о приеме, оказанном мне в Германии, и выразил признательность за сердечный характер этого приема. Мы обсуждали перспективы мира. Я обрисовал обстановку в Германии насколько возможно точнее, чем о ней было известно послу до настоящего момента. Он получает информацию непосредственно из министерства иностранных дел, а мне случайно известно, что он находится не в ладах с военными властями. Бернсторф знает об этом кое-что, но далеко не все.

Он все еще цепляется за мысль, что Германия согласится заключить мир на условиях эвакуации ею Бельгии и Франции. Я сообщил ему, что гражданские власти согласны с этим, а мнение военных властей разделилось, но народ не удовлетворится подобными условиями главным образом потому, что он был введен в заблуждение преувеличенными реляциями о победах... Он рассуждал благоразумно, скорее

ГЛАВА VIII

как представитель нейтральной страны, чем воюющей. Мне рассказывали, что говорит он подобным образом для того, чтобы выпытать мнение своего собеседника. Я лучшего мнения о Бернсторфе, чем многие знающие его люди, и если он неискренен, то он самый законченный актер, какого я когда-либо встречал».

Уход Брайана устранил, по крайней мере, один фактор, задерживавший твердое стремление Вильсона заставить Германию ослабить подводную войну, и, начиная с этого момента, президент мог быть уверен, что кабинет единодушно поддержит любые меры, какие понадобятся для осуществления этой политики. Министра иностранных дел любили те, кто тесно с ним соприкасался, но общее чувство, вызванное его уходом, по крайней мере в дипломатических кругах, было чувством облегчения.

Лансинг, бывший до тех пор советником министерства иностранных дел, был в конце концов назначен министром; возник вопрос о его преемнике. Хауз придавал первостепенное значение этому посту, ибо от такта, твердости и юридических способностей советника министерства в значительной мере зависел характер официальных отношений с воюющими странами в эти дни всеобщего возбуждения.

Письмо Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 7 июля 1915г.

«Дорогой начальник!

В воскресенье здесь был Филиппе, сказавший, что Лансинг усиленно подыскивает советника для министерства иностранных дел, ибо у них ощущается большой недостаток в людях...

Я назвал генерального стряпчего Дэйвиса, как желательную кандидатуру для должности советника. Посоветовавшись с Лансингом, Филиппе прислал мне шифрованную депешу: «Дэйвис — идеальный человек. Надеемся, это удастся».

ТЕРПЕНИЕ ВУДРО ВИЛЬСОНА

В воскресенье здесь был Мак-Рейнолдз, который сообщил мне, что Дэйвис считается одним из самых выдающихся генеральных стряпчих в истории министерства юстиции. По-видимому, это общее мнение, так как его разделяет Грегори и почти все члены верховного суда.

Дэйвис, вероятно, не решится сменить министерство юстиции на министерство иностранных дел, но в случае вашего одобрения, я думаю, все можно будет устроить. Министерство иностранных дел нуждается в таких людях, и найти хорошего генерального стряпчего легче, чем хорошего советника. Меня привлекает также то, что назначение Дэйвиса было бы тепло встречено членами конгресса и демократами в целом. Министерство нуждается в некотором укреплении в этом направлении, и назначение Дэйвиса разрешило бы этот вопрос.

Если вы считаете мое предложение разумным, пожалуйста, дайте мне знать, чтобы я мог сговориться с Лансингом, как лучше все это оформить. К вопросу надо подойти с известным тактом, иначе Дэйвис может не согласиться. Кроме того, надо предварительно посоветоваться с Грегори.

Надеюсь, что когда вы поедете в Вашингтон, то заедете на машине в Манчестер и переночуете у нас. Вы потеряете немного времени. Если ваш автомобиль будет прислан в Манчестер, вы сможете выехать отсюда в пять часов и приехать в Вашингтон в то же время, как если бы вы выехали утром из Корниша. А поездка, я знаю, доставит вам удовольствие.

Преданный вам Э. М. Хауз».

На предложение Хауза относительно Дейвиса президент Вильсон ответил, что хотя тот был бы прекрасным работником всюду, куда бы его ни назначили, он все же лучший генеральный стряпчий за последние двадцать лет. Было бы неблагоприятно переводить его из министерства юстиции.

Назначение советника задержалось на месяц, в течение которого тщательно проверялись все кандидатуры. В то же время оказывалось решительное сопротивление попыткам

ГЛАВА VIII

использовать пост советника, как способ награды за оказанные услуги чисто политического характера. В конце концов, при полной поддержке Хауза, выбор пал на Фрэнка Л. Полка, юрисконсульта нью-йоркского муниципалитета. Он был одним из немногих людей, обладавших теми тремя качествами, которые Хауз считал необходимыми: твердостью, тактом и юридическими способностями.

«15 августа 1915 г. Фрэнк Полк приехал из Бар-Харбора, чтобы повидаться со мной прежде, чем отправиться в Вашингтон. Он польщен назначением на пост советника министерства иностранных дел. Я ему сказал, что при подборе кандидата мы считали, что в этот критический период истории страны любой человек в Америке принял бы этот пост, и поэтому он должен чувствовать себя удовлетворенным вдвойне...

Я обрисовал перед ним некоторые его обязанности, какие, по моему мнению, возложит на него Лансинг, и рассеял его сомнения насчет того, достаточно ли он подготовлен, чтобы справиться с работой на новом месте».

3

Все трудности пути, избранного президентом Вильсоном в отношениях с Германией, были абсолютно ясны полковнику Хаузу, тем не менее он был готов по мере сил помочь ему осуществить именно этот курс. Хауз чувствовал, что если Германия не изменит своей политики, войны не избежать. Изменение германской политики зависело от исхода борьбы в Берлине между канцлером и фон Тирпицем.

Победа в борьбе между канцлером и морскими кругами склонилась, по крайней мере, временно, на сторону последних; это было видно из полученного 8 июля германского ответа на ноту Вильсона. Начало ноты формально подтверждало права человечества, но при сложившихся обстоятельствах оно показалось многим американцам неуместной иронией. Основная часть ноты состояла из жалоб на приня-

ТЕРПЕНИЕ ВУДРО ВИЛЬСОНА

тые англичанами меры ограничения торговли и борьбы с подводными лодками. Нота исходила из того принципа, что граждане нейтральных стран, путешествующие в пределах «запретной зоны» на море, совершали это на свой риск. Нота кончалась предложением, которое предсказывал Джерард: американцы могут пересекать океан на нейтральных судах, которым, если они поднимут американский флаг, будет оказана особая охрана, или на «четыре пассажирских пароходах, выделенных воюющими странами для перевозки пассажиров», за «свободный и безопасный проход которых германское правительство будет ручаться». Нота ни единым словом не отозвалась на требование Вильсона, чтобы такие действия, как потопление «Лузитании», больше не повторялись.

Таким образом Германия обошла главный вопрос и предложила, чтобы США держались в стороне от неприятностей, поступившись своими законными правами. «Министерство иностранных дел, я уверен, — писал посол Джерард, — хотело как-нибудь уладить вопрос, но морские круги оказались сильнее».

Полковник Хауз нисколько не сомневался, каким должен быть ответ Вильсона. Он тоже указал на искажение фактов, служившее оправданием аргументу, что подводная война явилась лишь ответом на английскую продовольственную блокаду.

Письма Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 10 июля 1915 г.

«Дорогой начальник!

При размышлениях о вашем ответе на германскую ноту мне пришло на ум следующее.

Правительство США не желает соглашаться ни на какое предложение, ограничивающее права американских граждан на море. Если бы наше правительство выразило готовность вести переговоры с германским правительством об

ГЛАВА VIII

ограничении наших неотъемлемых прав, тогда любая воюющая держава смогла бы нарушить права наших граждан в других направлениях и уверенно рассчитывать на нашу готовность пойти на уступки.

Эта война уже причинила неисчислимые потери нейтральным государствам всего мира, и наше правительство не может давать свое согласие ни на какое ограничение тех прав, которые были признаны цивилизованными странами в течение более чем столетия¹.

Человечество вопиет против уничтожения жизни мирных людей, независимо оттого, к какой стране они принадлежат, и правительство США никогда не сможет согласиться стать участником соглашения, которое санкционирует подобную безжалостную войну.

С момента отправки вашей первой ноты германское правительство не совершило никакого действия, которое противоречило бы букве или духу ноты, и хотя оно в своем протесте и заявляет, что не может выполнить ваши требования, тем не менее оно, возможно, будет их соблюдать.

Преданный вам Э. Хауз.

Р. С. В связи с утверждением немцев, что Великобритания пытается уморить голодом их народ, следует припомнить, что Германия отказалась изменить свои методы ведения подводной войны, несмотря на то, что Великобритания готова была разрешить беспрепятственный ввоз продовольствия в нейтральные порты».

Манчестер, Массачусетс, 12 июля 1915 г.

«Дорогой, начальник!

Прилагаю копию полученного сегодня утром письма от Бернсторфа.

¹ Стоит сравнить эту фразу с письмом, отправленным Вильсоном сенатору Стоуну весной 1916 г. В этом письме Вильсон отказался утвердить принятую конгрессом, по предложению депутатов Гора и Мак-Лемора, резолюцию, в которой американцев предостерегали от поездок на борту вооруженных торговых судов.

ТЕРПЕНИЕ ВУДРО ВИЛЬСОНА

Я сказал ему, что какой-нибудь выход найдется, и, если понадобятся его услуги, я его извещу. Полагаете ли вы, что свидание с ним принесет какую-нибудь пользу? Может быть, сказать ему кое-что о том громадном напряжении, какое проявит наша страна в случае войны для того, чтобы убедить весь мир, что мы не так бессильны, как думают, и для того, чтобы удержать другие страны в будущем от попытки вызвать нас на войну?..

Преданный вам Э. М. Хауз».

Президент выразил полное согласие с предложением Хауза твердо воздержаться от компромисса с Германией и противостоять всякому ограничению американских прав свободного передвижения по морям. Он указал, что задача США заключалась не в организации перевозки пассажиров, а в определении прав нейтралов и всего человечества. Он согласился, чтобы Хауз повидался с Бернсторфом и указал ему, что какой-нибудь выход должен быть найден, и если немцы не хотят умышленно доказать свою враждебность и желание воевать, они должны по-прежнему воздерживаться от подводных нападений без предупреждения.

Основная слабость позиции Вильсона, как предвидел Хауз, была в том, что всякие его протесты по адресу Германии покоились только на моральном влиянии, ибо страна никоим образом не была готова поддержать свои дипломатические аргументы силой. Создалось положение, о котором Хауз говорил за девять месяцев до того, когда он тщетно пытался настоять перед президентом на необходимости немедленной реорганизации армии и флота. Будучи уверен, что увертки Германии будут продолжаться до тех пор, пока она сможет рассчитывать на американскую неготовность, он снова стал доказывать необходимость военных приготовлений. При теперешнем кризисе, настаивал Хауз, это было бы лучшей гарантией против войны с Германией и единственным способом добиться ослабления подводной войны. Уверенность Хауза в своей правоте не была поколеб-

ГЛАВА VIII

лена известием о том, что Брайан собирался в качестве апостола мира совершить поездку в Европу, где, как боялся Хауз, его речи усугубят представление об американской невоинственности.

«10 июля 1915 г. Я чувствую, что суть дела в том, — писал Хауз, — что президент никогда не сознавал всей опасности нашей неготовности. С самого начала я настаивал перед ним на необходимости подготовить нашу страну ко всяким случайностям. Ранней осенью я настаивал на принятии какой-нибудь программы в этом направлении. К выполнению этой программы, по-моему, следовало приступить в тот день, когда в Европе была объявлена война. Если при помощи всех наших ресурсов мы деятельно взялись бы за создание военного аппарата, соответствующего тому положению, какое мы занимаем среди держав, то сегодня мы могли бы настоять на мире.

Если из-за этого спора о подводной войне вспыхнет война с Германией, то причиной тому будет наша абсолютная неготовность, а Германия чувствует, что мы бессильны. Все несчастье заключается в том, что президент иногда действует с недостаточной быстротой¹. Взять к примеру тот пакт с Южной Америкой, к которому мы стремимся. С тех пор, как в январе я его выработал, ничего нового не сделано. Он возлагает вину на Брайана, что, конечно, справедливо постольку, поскольку дело касается Брайана. Тем не менее он должен был продвинуть дело сам или поручить его какому-нибудь компетентному лицу. Я не смог заставить его действовать даже после моего возвращения, в результате чего было потеряно больше месяца. Боюсь, что дело будет тянуться до того момента, когда будет слишком поздно. Ту же

¹ Замечание полковника Хауза, записанное 29 октября 1925 г.: «Я не хотел сказать, что президент долго раздумывал или боялся действовать; иногда он принимал молниеносные решения и проводил решительную политику. Но в вопросе о Мексике и военной готовности раздавалось столько доводов за и против, что он все откладывал решение, сопоставляя аргументы, выжидая того, чтобы родилось ясное для него решение вопроса».

ТЕРПЕНИЕ ВУДРО ВИЛЬСОНА

склонность к медлительности я наблюдаю в мексиканском вопросе. Дело требует энергичных действий, а между тем оно затягивается со дня на день. Сейчас, как никогда, видно, что не было никаких оснований откладывать решение дела в январе, на чем я тогда настаивал».

Письмо Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 14 июля 1915 г.

«Дорогой начальник!

...С тех пор как в прошлом году я был в Германии и видел ее приготовления к войне, я не переставал удивляться спокойствию ее соседей. Я чувствую, что мы идем на ужасный риск, ставя свою безопасность почти в полную зависимость от победы союзников, и я задаю себе вопрос: не настало ли для нас время позаботиться о безопасности нашей страны.

Я также спрашиваю себя, не совершили ли мы ошибку тем, что не стали достаточно активно готовиться, когда вспыхнула эта война. Если бы мы подготовились, то сейчас были бы в состоянии почти принудить к миру воюющие страны.

Если произойдет война с Германией, то только из-за нашей неготовности и уверенности Германии в том, что мы, более или менее, бессильны причинить ей вред.

Преданный вам Э. М. Хауз»

Но в это время президент был больше занят мыслью о том, каким образом сохранить для страны мир, чем о необходимости готовиться к войне. Он внимательно обдумывал свой ответ на нечеткие заявления немцев и предложения, чтобы американские граждане воздерживались от переездов на судах воюющих стран, за исключением тех, на которые указали немцы. Временами его бомбардировали пацифистскими аргументами те, кто были готовы пожертвовать любыми правами ради сохранения мира. Ког-

ГЛАВА VIII

да он сообщал об этих доводах Хаузу, они на него не оказывали никакого действия. Возможно, он был самым искренним пацифистом в Америке, но был также убежден, что любая уступка Германии лишь укрепит положение фон Тирпица и даст Берлину повод быть еще более несговорчивым. Если послать Германии энергичный ответ, она может отступить; всякий признак слабости побудит ее следовать избранному ею курсу. Хауз точно так же нисколько не верил в мирные заявления Берлина, так как он слишком близко познакомился с Германией во время своей недавней поездки.

Письма Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 15 июля 1915 г.

«Дорогой начальник!

...Я разговаривал с множеством людей, и все они без исключения выразили желание, чтобы был послан ответ, составленный в твердом тоне. При дальнейших расспросах они заявляли мне, что, по их мнению, страна готова ко всем последствиям.

Я постараюсь встретиться с Бернсторфом через несколько дней.

Мне думается, что Германия не совершит того, что мы называем прямым действием, если только такие разговоры, в какие пускается Брайан, не толкнут их на это...

Преданный вам Э. М. Хауз».

Манчестер, Массачусетс, 17 июля 1915 г.

«Дорогой начальник!

...В понедельник приезжает Джэйн Аддамс. Хэпгуд и Крэйн полагают, что мне следовало бы повидать ее, так как она видела фон Ягова, Грэя и многих других, которые по тем или иным причинам не были с ней вполне искренни, и у нее создались совершенно неправильные впечатления.

ТЕРПЕНИЕ ВУДРО ВИЛЬСОНА

Говорят, что Германия готова теперь заключить мир на основе эвакуации Бельгии, Франции и Русской Польши. Эти слухи питаются соответствующими постоянными заверениями Бернсторфа. Кроме того, он говорит, что если Англия согласится пропускать продовольственные грузы в Германию, то немцы откажутся от подводной войны. Цель подобной тактики заставить людей думать, что нам следовало бы обращаться с Германией в том же духе компромиссов, на которые она будто бы готова пойти сама. Кроме того, этой тактикой хотят создать впечатление, будто мы выражаем благожелательность к Англии за счет Германии.

Люди упускают из виду тот факт, что как только Германия ответит на гораздо более серьезное обвинение в убийстве американцев и других мирных граждан, Англия будет призвана к ответу за всякое нарушение наших имущественных прав на море.

Иногда мне кажется, что вам следовало бы выступить с заявлением, которое внесет ясность в эти вопросы. Если Германия готова эвакуировать Бельгию, Францию и Русскую Польшу, а также прекратить подводную войну, в случае снятия эмбарго на продовольственные товары, то она должна была найти возможность заявить об этом официально. Как только она придет к этому решению, можно будет начинать переговоры о мире.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Судя по донесениям Джерарда, немцы менее всего помышляли об эвакуации завоеванной территории. Их победы над Россией вселили в них глубокую самоуверенность, а отказ Вильсона наложить эмбарго на военное снаряжение и его протест против подводной войны усилили их враждебность к США.

Исполненный решимости дать Германии полную возможность изменить ее методы морской войны, президент Вильсон тем не менее ни на минуту не был обманут казуис-

ГЛАВА VIII

такой немецких аргументов, оправдывавших подводную войну. Его ответ был составлен умело. Избегая хитроумных построений, он отказался обсуждать выдвинутые немцами доводы в оправдание подводных нападений, как ответных мер на английское ограничение торговли и нападения на подводные лодки.

«Незаконные и бесчеловечные поступки, независимо от того, какими бы допустимыми их ни считали перед лицом врага, который, как полагают, действовал против закона и гуманности, являются явно неоправданными в тех случаях, когда они лишают граждан нейтральных стран их признанных прав, и особенно тогда, когда они нарушают право на самую жизнь...»

Далее президент указывал, что опыт последних двух месяцев, иллюстрированный случаем с пароходом «Армий», когда с подводной лодки предупреждение было дано, показал, что нападения подводных лодок можно сделать недостижимыми для обвинений в бесчеловечности и незаконии. В тоне некоей дружеской иронии он отказался от обсуждения каких-либо посягательств на американские права, повторил свое требование об официальном осуждении потопления «Лузитании» и в более серьезном тоне подчеркнуто предостерег от повторения «поступков, противоречащих этим правам, которые правительство США будет рассматривать как намеренно недружественные в тех случаях, когда эти поступки будут относиться к американским гражданам». Заключительная фраза, если не по форме, то по тону, была ультиматумом.

Дела приближались к критической точке. «Прямое действие», которого опасался полковник Хауз, все еще не было совершено, но, очевидно, это объяснялось скорее объективными обстоятельствами, а не сознательным намерением. В Берлине господствовали экстремисты, и поскольку дело касалось их позиции по отношению к США, было ясно, что предостережение Вильсона, говорившего

ТЕРПЕНИЕ ВУДРО ВИЛЬСОНА

от имени невооруженной страны, производило максимум раздражения и минимум положительного действия. Вильсон не без основания отказался доверять искренности Бернсторфа. 29 июля в письме к Хаузу он сообщал, что считает неискренним поведение германского посла по отношению к нам, и предложил полковнику снова попытаться указать Берлину, насколько опасен избранный им путь. Бернсторф жаловался, что президент несправедливо сосредоточил свои протесты против Германии, в то же время закрывая глаза на нарушения международного права англичанами. Посол Джерард, по-видимому, считал, что разрыв между США и Германией вопрос только времени.

Письмо фон Бернсторфа Хаузу

Вашингтон, округ Колумбия, 24 июля 1915 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...Создавшееся положение — не из приятных. В последней американской ноте содержалось столько сильных выражений, что, боюсь, я не сумею чем-либо помочь в этом вопросе. Тем не менее я делаю все, что могу; но все мои усилия окажутся наверняка неудачными, если в ожидаемой американской ноте по адресу Англии не будет таких же сильных выражений, как по нашему адресу.

В настоящий момент в Германии никто не верит в беспристрастность американского правительства, и в этом заключается вся трудность положения. По обе стороны океана накопилось сильное чувство вражды, и всякий не только «намеренно недружественный», а даже непреднамеренный несчастный случай может в любой момент привести к войне...

Во всяком случае мы должны прекратить публикацию резких и неудовлетворительных нот. Не думаю, чтобы общественное мнение обеих стран могло бы долго мириться с таким положением. Если мне не удастся убедить мою стра-

ГЛАВА VIII

ну дать ответ, нам останется положиться на счастливый случай в надежде, что не случится никакого инцидента, который привел бы к войне.

Искренне ваш *И. Бернсторф*»

ГЛАВА IX

ПОТОПЛЕНИЕ ПАРОХОДА «АРАБИК»

Пароходы не будут потоплены нашими подводными лодками без предупреждения и без обеспечения безопасности мирных пассажиров при условии, что пароходы не будут пытаться скрыться или оказывать сопротивление.

*(Из письма Бернсторфа Лансингу,
1 сентября 1915г.)*

1

Предсказания Джерарда о «неминуемом несчастье» трагически оправдались 19 августа, когда английский пароход «Арабик» был пущен ко дну подводной лодкой у Фастнета. Пароход следовал в Нью-Йорк, в нейтральный порт, и поэтому не мог везти контрабанды. Нападение было совершено без предупреждения. Погибли два американца.

Интересно отметить, что даже перед лицом провокации президент Вильсон нисколько не дал воли своим личным переживаниям, которые должно было вызвать подобное вопиющее пренебрежение к его предостережениям, а он далеко не был кротким человеком; действовал он исключительно под влиянием того чувства ответственности, которая была возложена на него. Он обратился за помощью к Хаузу.

21 августа он написал ему, спрашивая совета. Два пункта ему были ясны. Во-первых, американский народ рассчитывал на него в том, чтобы войны избежать; во-вторых, для всего мира было бы катастрофой, если бы мы были активно

ПОТОПЛЕНИЕ ПАРОХОДА «АРАБИК»

вовлечены в конфликт и лишены, таким образом, всякого беспристрастного влияния на разрешение конфликта. В заключение он писал, что чувствует себя хорошо, но страшно одинок; письма Хауза, писал он, напоминали посещение друзей.

Ответ полковника Хауза поставил перед Вильсоном три альтернативы и исключал возможность посылки новой дипломатической ноты протеста — ноты, которая, по мнению полковника, была бы равносильна признанию нашей политической беспомощности. Вильсон может немедленно порвать дипломатические отношения, отослав посла Бернсторфа; он может созвать конгресс и возложить на него ответственность за мир или войну; он может частным порядком дать знать Бернсторфу о том, что предотвратить разрыв может только полное отступление Германии в вопросе о подводной войне. Хауз предпочитал первый путь, хотя и был уверен, что он означает войну. Но перед президентом настаивать на этом пути он не хотел. «Он прекрасно знает мое мнение, — заявил полковник. — Решение, которое может вовлечь в войну страну со 100-миллионным населением, должно быть принято теми, на ком лежит официальная ответственность».

Письмо Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 26 августа 1915 г.

«Дорогой начальник!

С момента несчастья с «Арабиком» я не могу отделаться от тяжелого чувства. Мысленно я постоянно с вами.

Я не переставал надеяться, что подобное безумие Германии не охватит. Если война случится, то совершенно очевидно будет, что она вызвана ими, а не вами. Вы были хладнокровны, терпеливы и справедливы. С самого начала они заняли немыслимую позицию, что привело их на грань войны со всеми народами.

Наш народ войны не хочет, но еще меньше хочет он сдать

ГЛАВА IX

занятые вами позиции. Точно так же он не хочет уклониться от ответственности. Ваша первая нота Германии после потопления «Лузитании» превратила вас не только в первого гражданина Америки, но и в первого гражданина мира. Если вы каким-либо словом или действием заденете нашу национальную гордость, то в один день лишитесь вашей командной позиции.

Дальнейшие ноты только разочаруют наш народ, а за границей вызовут насмешки...

Отослать Бернсторфа и отозвать Джерарда было бы первым актом войны, ибо обе страны были бы лишены возможности сообщаться; немного времени пройдет, пока будет совершен какой-либо поступок, который заставит форсировать решение вопроса.

Если вы не отошлете Бернсторфа и не отзовете Джерарда, необходимо будет созвать конгресс, который возьмет на себя ответственность. Это было бы опасным шагом, ибо нельзя предугадать, что предпримет конгресс при данных обстоятельствах...

Впервые в мировой истории великая держава сошла с ума, и мы должны себя спросить, не обязаны ли мы протянуть удерживающую руку. Если Германия не принесет извинения за свой поступок и не заверит, что подобные поступки не повторятся, то принятие с нашей стороны каких-либо решительных действий неминуемо; в противном случае мы лишимся всякого влияния при заключении мира и впоследствии...

Остаюсь глубоко преданный вам Э. М. Хауз».

«Будь я на его месте, — писал полковник 21 августа, — я отправил бы Бернсторфа домой и отозвал бы Джерарда. На этом я бы остановился, предупредив, что в случае еще одного оскорбления мы активно выступим на стороне союзников. Тем временем я начал бы готовиться к обороне и к войне так же энергично, как если бы война уже была объявлена. Я поручил бы все дело обороны и производства военно-

ПОТОПЛЕНИЕ ПАРОХОДА «АРАБИК»

го снаряжения комиссии, составленной из людей, стоящих вне партий, главным образом из представителей делового мира, таких людей как Джон Хэйз Хэммонд, Гай Трипп и др. Я обратился бы с воззванием к американскому народу. Я оправдал бы германский народ в целом, но заклеил бы милитаристскую партию в Германии, которая ответственна за эту мировую трагедию. Я обратился бы к американским немцам за помощью в деле освобождения их родины от кровавых чудовищ».

На следующий день, касаясь чувства ответственности Вильсона перед всем миром за сохранение мира в США, Хауз писал:

«Его позиция меня удивляет. Очевидно, он зайдет очень далеко, чтобы избежать войны. Ему следовало бы определить свою политику тогда, когда он писал свои ноты: в феврале, мае, июне и июле. В США никто лучше моего не понимает всех ужасов этой войны, и никто не пойдет дальше моего, чтобы ее избежать. Но всему есть предел. Я чувствую, что в конечном итоге страна больше пострадает, оставаясь на нынешних позициях, чем приняв решительные меры. Если бы мы были вполне подготовлены, то Германия, я уверен, прекратила бы свои вызывающие действия по отношению к нам».

Из сообщений Джерарда у Хауза создалось впечатление, что общественное мнение в Берлине стояло за то, чтобы не отвечать на последнюю ноту президента о «Лузитании»; что же касается потопления «Арабика», то пусть правительство просто подождет очередной ноты протеста от Вильсона и подошьет ее к делу как справочный материал. Германский оптимизм достиг своей высшей точки.

Не успел еще Вильсон остановить свой выбор на одной из альтернатив, — он твердо решил не тратить чернил и бумаги на новую ноту, — как посол фон Бернсторф внезапно осознал всю серьезность кризиса. Он обещал, что если ему дадут срок, он добьется от Берлина достаточных уступок, чтобы предот-

ГЛАВА IX

вратить надвигавшуюся угрозу разрыва. Для этого надо было, чтобы Германия обязалась прекратить нападения подводных лодок на торговые суда без предупреждения, лишая пассажиров возможности спастись; также необходимо было принести формальное извинение за нападение на «Арабик». Это был минимум требований, выполнение которого могло бы нас удовлетворить, но, казалось, было мало шансов добиться и этого минимума. Он попросил, чтобы США не предпринимали немедленных действий, и ему была дана возможность оказать давление на Берлин. Наконец, появились признаки того, что терпение президента Вильсона приходит к концу.

25 августа он написал полковнику Хаузу, спрашивая его мнения о просьбе Бернсторфа отложить приговор, и высказал подозрение, что немцы только пытаются выиграть время для того, чтобы возможные наши мероприятия не оказали влияния на неустойчивое положение на Балканах. Считал ли Хауз это подозрение преувеличенным? Сколько можно ждать? Правительство США потребовало от Германии объяснений в связи с потоплением «Ордуны», а та положила запрос под сукно и по сей день не дала никакого ответа.

Вильсон писал также, что он озабочен возможностью беспорядков среди американских немцев в США, но где и какие меры предосторожности следует принять правительству? Были проверены даже самые туманные донесения, но никакого повода к подозрению не было обнаружено. Что думает об этом Хауз, в каком направлении следует сосредоточить силы или принять меры предосторожности?

Письмо Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 26 августа 1915 г.

«Дорогой начальник!

...К германской дипломатии я всегда отношусь с подозрением. На их слова надеяться нельзя и узнать их истинные намерения можно только при помощи замаскированных

ПОТОПЛЕНИЕ ПАРОХОДА «АРАБИК»

методов. Я не думаю, что ваши подозрения необоснованны; вполне возможно, что они ведут игру лишь для того, чтобы выиграть время. Но у меня предчувствие, что они могут уступить и пойти вам навстречу.

Что касается мер на случай беспорядков, то полагаю следующее: вероятно будут произведены попытки взорвать водопроводные и электрические станции и газовые заводы, подземные дороги и мосты в таких городах как Нью-Йорк. Это можно предотвратить мерами предосторожности со стороны властей, руководимых правительством.

Начальник полиции Вудз, например, сообщил мне, что он обнаружил в Нью-Йорке место, в котором немцы сложили две партии оружия. Оно было отправлено из Филадельфии. Он постарается узнать место отправления и другие подробности. Никому, кроме меня, он об этом не сообщал...

Мне передавали, что на Говернорз-Айлэнд находится всего двести солдат. Мне кажется, туда следовало бы отправить по меньшей мере полк. Все неприятности произойдут в больших городах, где и следует принять меры предосторожности. Я не ожидаю организованного бунта или выступления, а лишь попыток устрасить страну...

Преданный вам Э. М. Хауз».

Одно из преимуществ очевидной близости войны заключалось в том, что наконец правительство поняло необходимость приступить к подготовке вооруженных сил США. Наступивший кризис показал на практике бесполезность политики *laissez faire*, которая со всей очевидностью не предотвратила возникновения дипломатических споров и только дала немцам повод игнорировать американские протесты. Сделав первые шаги к увеличению флота, Вильсон и Даниэлз тем самым признались в несостоятельности этой политики. Полковник Хауз с любопытством и восторгом следил за изменением политического курса, на чем он всегда так настаивал. Он тоже принимал участие в приготовлениях на случай местных беспорядков, которые могли бы по-

ГЛАВА IX

следовать, если бы разрыва с Германией избежать не удалось.

«26 августа 1915 г. В 10 ч. 30 м. приехал начальник полиции Артур Вудз, чтобы посоветоваться со мной относительно координирования действий тайной полиции при министерствах юстиции и финансов и тайной полиции города Нью-Йорка. Он рассказал мне, какие меры принимаются в отношении немцев... Я обещал связать его с Мак-Аду и Грегори и устроил это в тот же день при встрече с Грегори в Бостоне.

По возвращении в Манчестер я узнал, что мне звонил министр Даниэлз; он в Глостере, на борту «Дельфина», и хочет меня повидать. Мы с ним встретились и совещались в течение часа. Он сообщил мне, что он предпринял во флоте, и о своих беседах с президентом об ассигнованиях на флот. Даниэлз пытался узнать заранее, какую цифру президент предложит на утверждение конгресса; Даниэлз хочет распределить эту сумму так, чтобы она отвечала всем нуждам флота.

Президент, в свою очередь, запрашивает Даниэлза, сколько, по его мнению, нужно флоту. Я одобрительно отозвался о таком подходе президента и настоятельно просил Даниэлза потребовать столько, сколько необходимо для того, чтобы превратить флот в самый сильный в мире после английского и легко превосходящий по силам флот любой другой державы.

Даниэлз заявил, что потребовалось бы более 200 млн долл. на одно только строительство. Я ответил ему, что ни цифра в 200, ни в 400 миллионов никого не удивит, ибо страна требует флота и дело должно быть сделано. Он обещал действовать в этом духе...»

2

Президент старался защитить принцип путем принуждения Германии к тому, чтобы она письменно подтвердила признание этого принципа, заключавшегося в том, что если

ПОТОПЛЕНИЕ ПАРОХОДА «АРАБИК»

действия подводных лодок будут продолжаться, они должны придерживаться существующих правил о предупреждении, посещении и обыске, а также позаботиться о безопасности мирных пассажиров. В будущем такие нападения, как на «Лузитанию» и на «Арабик», означали бы нарушение обещания, данного немцами. Этого президент добился, не прибегая к силе.

Но победа не была решающей. Формального извинения за потопление «Лузитании» или «Арабика» не было принесено. Кроме того, германское обещание носило скорее условный, чем определенный характер. Немцы отдали приказ командирам подводных лодок придерживаться требований Вильсона, но, очевидно, командиры оставили за собой право изменять этому приказу в тех случаях, когда им будут благоприятствовать условия¹. Через три дня после того как Бернсторф дал свое обещание, подводная лодка пустила ко дну пароход «Хеспериен». В то же время от Джерарда прибыло письмо, в котором он указывал, что независимо от заверений германского правительства флот будет действовать, как ему заблагорассудится.

3

Хотя обещание Германии не топить пароходы без предупреждения было достаточно для того, чтобы предотвратить немедленный разрыв отношений, немногие верили в окончательное разрешение вопроса. Ни американское правительство, ни общественное мнение не могли быть полностью удовлетворены, пока не было принесено формальное извинение за потопление «Арабика». Ни Джерард, ни германский посол не верили в то, что Берлин на это пойдет.

Но старания Бернсторфа были подкреплены решительным шагом президента Вильсона в первых числах сентября, что показало Германии, что даже терпению Вильсона есть

¹ Так, по крайней мере, немцы заявили весной 1916 г.

ГЛАВА IX

предел. Австрийский посол доктор Думба оказался настолько неосторожным, что доверил одному американскому корреспонденту, Джэймсу Ф. Дж. Арчиболду, важные депеши, предназначенные для венского правительства. Корреспондент был арестован англичанами, депеши опубликованы. Они доказали намерение австрийского посольства участвовать в разрушении военных заводов и участие германского военного атташе фон Паппена в попытке дезорганизовать те отрасли американской промышленности, которые поставляли свою продукцию союзникам. Также было опубликовано письмо фон Паппена к жене. В этом письме он писал: «Я всегда говорю этим идиотам янки, чтобы они держали язык за зубами».

Опубликование этого письма едва ли могло способствовать успокоению американского общественного мнения.

Вильсон немедленно потребовал отозвания посла Думбы. Бернсторф встревожился. Он удвоил свои усилия, чтобы добиться от Берлина уступок.

Письмо Хауза президенту

Рослин, Лонг-Айлэнд, 17 сентября 1915 г.

«Дорогой начальник!

Вчера здесь был Бернсторф. Он сказал, что главное его затруднение в том, чтобы убедить свою публику в серьезности намерений нашего правительства. Он сообщил мне конфиденциально, что, по его мнению, отзывание Думбы более чем что-либо другое заставило Берлин осознать серьезность положения.

Они считают его (Бернсторфа) сторонником Америки и склонны не считаться с его предложениями, полагая, что он делает их с целью добиться новых уступок.

Бернсторф думает, что нежелательные поступки больше не будут повторяться, и если бы уладить вопрос о принесении извинений за гибель «Арабика», — дальше все пойдет гладко. Он не знает, насколько далеко Берлин готов пойти в

ПОТОПЛЕНИЕ ПАРОХОДА «АРАБИК»

извинениях за «Арабик», но полагает, что сможет добиться от немцев заявления на основе полученных ими показаний об ошибке командира подводной лодки, якобы предполагавшего, что «Арабик» пытался протаранить лодку.

Я посоветовал ему уговорить свое правительство сделать все возможное и обещал неофициально узнать затем ваше мнение о приемлемости германских условий. Если они будут приемлемы, он сможет официально представить их министерству иностранных дел.

Кроме того, мы говорили о настроениях в нашей стране. Я сообщил ему, что хотя народ к западу от Атлантического побережья настроен против войны, он, тем не менее, готов довериться вашему решению и поддержать вас во всех мерах, какие вы сочтете необходимыми. Я сказал ему, что к этому заключению я пришел после исчерпывающих наблюдений. Он согласился, что это соответствует действительности...

Преданный вам Э. М. Хауз».

20 сентября президент ответил, выражая недоумение по поводу позиции Бернсторфа. В своих письмах к Хаузу посол казался одним человеком, в своих интервью с журналистами — совершенно другим. Вильсон не знал, чему верить. Он чувствовал, что посол пытался избавить берлинское правительство от принесения каких-либо формальных извинений за потопление «Арабика», но Вильсон не считал возможным сколько-нибудь уступить в этом вопросе: страна сочла бы его слишком покладистым, а всякие обещания общего характера со стороны Германии о ее добрых намерениях не встретили бы никакого доверия. Президент был окончательно убежден, что немцы действуют с намеренной и раздражающей медлительностью, но считал своим долгом перед американским народом выказывать терпеливость до конца.

В течение всего сентября Хауз помогал Бернсторфу добиться формальных извинений за потопление «Арабика», без чего, как считал Вильсон, все германские обещания ос-

ГЛАВА IX

тались бы пустым звуком. Полковник не был настроен оптимистически. 12 сентября, после беседы с новым советником министерства иностранных дел Полком, он писал:

«Полк впервые понял, как сложились наши отношения с Германией, и чувствует, что будет трудно, а то и вовсе невозможно избежать разрыва».

«16 сентября 1915 г. Звонил германский посол, прося о свидании, которое я назначил ему на половину шестого. Он провел у меня около часа, настроение его было не из радостных. Я ободрил его, насколько мог, и посоветовал продолжать свою работу за дело мира. Я дал ему понять, что в отношении некоторых вопросов президент вынес окончательное решение, а потому германскому правительству следовало бы обратить внимание на его, Бернсторфа, предостережения о серьезности положения...

Я располагал исчерпывающими доказательствами того, что президент встретит поддержку в любых своих действиях. Тот факт, что он проявляет такую терпеливость и так упорно пытается избежать войны, дает народу уверенность в правильности суждений президента о том, что следует предпринять в создавшихся условиях...

Мы условились, что когда дело коснется выработки текста извинений за потопление «Арабика», то сначала текст будет неофициально передан мне для того, чтобы избежать преждевременного опубликования чего-нибудь явно неудовлетворительного...»

«28 сентября 1915 г. Сегодня утром у меня был германский посол... Я воспользовался случаем сообщить ему, насколько ошибочным было вести германскую пропаганду в нашей стране. Ответственность за это я возлагал на доктора Дербурга, против чего Бернсторф не возразил. Я заявил, что если Германия победит, мы не будем ей нужны; но если она проиграет, тогда наша страна могла бы оказать ей большую пользу. Поэтому мне казалось, что здравый смысл подсказывает необходимость не враждовать с нами, а сохранить дружественные отношения. Он вскользь коснулся вопроса о

ПОТОПЛЕНИЕ ПАРОХОДА «АРАБИК»

голосах избирателей немецкого происхождения. Я ответил, что президент абсолютно не заинтересован в своих личных политических победах, но независимо от этого демократическая партия не интересуется немецкими избирателями по той причине, что они всегда отдают свои голоса республиканской партии. Кажется, мои слова его немного удивили. Но я хочу подчеркнуть, что Бернсторф говорил о немецких голосах вовсе не во враждебном тоне, а только как об обстоятельстве общественного значения.

Уходя, он извинился, что отнял у меня столько времени, и поблагодарил за любезное к нему отношение».

Бернсторфу было бы гораздо легче вести переговоры, если бы в Германии кто-нибудь обладал всей полнотой власти. Письма посла Джерарда ярко обрисовали картину политической неразберихи, царившей в Германии, неразберихи, представлявшей яркий контраст с прекрасной военной организацией в Германии. Немцы, казалось, были уверены в победе, но не задумывались над тем, как ее использовать. Мнения о принесении извинений за гибель «Арабика» расходились. И вся история была опутана паутиной мелкого шпионажа и пропаганды, достойных скорее кинофильма, чем наследников Бисмарка.

4

Среди этого хаоса Бернсторфу, которому, невзирая на его заинтересованность в германской пропаганде, искренно хотелось остаться в Вашингтоне, наконец удалось добиться извинений за потопление «Арабика». Очень немногие понимали, насколько близки к полному разрыву были обе страны. 13 сентября Хауз писал Джерарду: «Положение вещей, по-видимому, все ухудшается; невозможно передать вам, насколько критическим оно стало в настоящий момент». На следующий день он писал Грэю: «Каждый день положение меняется — так часто, что трудно что-нибудь

ГЛАВА IX

предвидеть. Несколько недель тому назад казалось, что наши неприятности с Германией могут кончиться. Но сейчас положение более напряженное, чем когда-либо, и разрыв может произойти еще до получения вами этого письма». Полковник отдавал должное стремлению Бернсторфа сохранить мир. 6 октября он писал Джерарду: «Во время кризиса отношений, в связи с потоплением «Арабика», я часто виделся с Бернсторфом, и мне хочется снова заявить, что, по-моему, нет такого немца, который заслуживал бы сейчас большей благодарности от своей страны, чем Бернсторф. Надеюсь, вы передадите это его правительству. Не будь его терпения, здравого смысла и неустанных усилий, между нами и Германией уже была бы война». Несколько недель спустя Хауз писал: «Все мы чувствуем, что Бернсторф заслуживает большой похвалы; о важности его услуг мы, возможно, узнаем лишь по окончании этой ужасной войны».

2 октября Бернсторф сообщил Хаузу по телефону, что получил из Берлина полномочия для того, чтобы удовлетворить требования Вильсона. Три дня спустя он послал Лансингу соответствующее формальное письмо.

В последний момент германский посол был вынужден действовать по-своему, отложив в сторону требование Берлина о назначении третейского суда для рассмотрения противоречивых показаний о намерениях «Арабика» протаранить подводную лодку. Он сообщил полковнику Хаузу, что сам решился на это отступление от инструкции после настояний президента и министра иностранных дел.

«Приказы его величества императора (информировал он правительство США) командирам подводных лодок, о которых я доводил до вашего сведения раньше, стали настолько строгими, что о повторении инцидентов, аналогичных случаю с «Арабиком», не может быть и речи. Согласно донесению и показаниям Шнайдера, командира подводной лодки, потопившей «Арабик», а также показаниям команды, Шнайдер был убежден, что «Арабик» намеревался протаранить подводную лодку. С другой стороны, императорское

ПОТОПЛЕНИЕ ПАРОХОДА «АРАБИК»

правительство не сомневается в правдивости показаний английских офицеров «Арабика», из которых следует, что «Арабик» не намеревался таранить подводную лодку. Следовательно, нападение подводной лодки было предпринято вразрез с инструкциями, полученными командиром. Императорское правительство сожалеет о происшедшем и приносит свои извинения, а также распорядилось принять соответствующие меры по отношению к командиру Шнайдеру. При подобных обстоятельствах мое правительство выражает готовность выплатить компенсацию за жизни американцев, которые, к его глубокому сожалению, погибли на «Арабике».

«Для Соединенных Штатов это — дипломатическая победа», — заметил Бернсторф одному из своих друзей. И такой победой она останется для историка. Но она не разрешила американских проблем о нейтралитете, а только привела к новой отсрочке. Месяц спустя австрийской подводной лодкой была потоплена «Анкана». Вильсон писал Хаузу, что теперь, по-видимому, все сызнова начинается с Австрией. Президент удивлен, как это в Вене не заметили того, что происходит в остальном мире. Во всяком случае, казалось ясным, что центральные державы старались только выиграть время, и обещаниям их нельзя было доверяться. Кроме того, причастность германских военных и морских атташе к заговорам, направленным к срыву работ на военных заводах, а также выпады сторонников Германии и сторонников Антанты против президента создали смятение, которое лишало всякого значения германские уступки по вопросу о подводной войне. Полковник Хауз просил президента принять решительные меры.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 21 ноября 1915 г.

«Дорогой начальник!

Нельзя ли немедленно попросить о выезде некоторых неприятных людишек из враждебных нам посольств? Нет

ГЛАВА IX

ли также возможности разорвать дипломатические отношения с Австрией из-за «Анконы»?

Я полагаю, что было бы нецелесообразно идти тем же путем, как в случае с «Лузитанией» и с «Арабиком». Когда вы изложили закон и Германия согласилась ему подчиниться, это был закон для всех воюющих стран, и извинение Германии вместе с ее отказом от своих методов ведения подводной войны в одинаковой мере обязательны как для нее, так и для ее союзников.

Мне кажется, вы добьетесь того, что теперь центральные державы пойдут почти на все, только бы избежать открытого разрыва.

Я надеюсь, что вы запросите конгресс о предоставлении правительству большей власти для борьбы с преступлениями, совершенными натурализованными у нас немцами. Мне кажется, что правительству должно быть предоставлено право высылки нежелательных лиц точно так же, как это право предоставлено иммиграционным властям. Страна готова и ждет действий, и я считаю, что было бы ошибкой посылать новые ноты...

Преданный вам Э. М. Хауз».

Вильсон не одобрил предложения о немедленном разрыве дипломатических отношений с Австрией. Вместо этого он послал в Вену резкую ноту, написанную Лансингом и оставленную президентом без изменений. «Резкости в ней сколько угодно, она лансинговская», — писал Хауз, прочитав ноту перед ее отправлением. Нота была успешна в том отношении, что за ней последовало довольно ворчливое извинение и обещание возместить убытки. Два германских атташе, фон Паппен и Бой-Эд, были отправлены президентом домой. Между тем ни Берлин, ни Вена не выказали особой сдержанности, ибо Берлин был недоволен уступками Бернсторфа, а Вена вознаградила Думбу титулами.

АМЕРИКА И СОЮЗНИКИ

ГЛАВА X

АМЕРИКА И СОЮЗНИКИ

В дипломатии одна ошибка могла оказаться губительной для дела союзников... Конфликт с Соединенными Штатами.

Виконт Грэй оф Фаллодон, — «Двадцать пять лет»

«Труднее всего для меня определить: когда терпение перестает быть добродетелью», — сказал Вильсон Хаузу в последних числах сентября 1915 г. И в самом деле это было трудно, ибо президент чувствовал себя ответственным за общественное мнение в целом, а в тот период определившегося общественного мнения в США не существовало. Среди некоторых кругов на Атлантическом побережье терпеливость Вильсона давно уже перестала вызывать чувство уважения, угрожая превратиться в неиссякаемый источник насмешек. Но на Дальнем и Среднем Западе сила президента покоилась, главным образом, на его отказе начать войну, которая была нужна очень немногим и причины которой понимало еще меньшее число людей.

Некоторые критики объясняли политику президента причинами, которые в интересах исторической правды заслуживают опровержения. Главным образом они утверждали, что его настойчивое стремление сохранить нейтралитет, несмотря на повторные провокации, явилось результатом благожелательного чувства по отношению к Германии. Есть много доказательств, опровергающих подобное предположение. Из записей полковника Хауза видно, что Вильсон был возмущен нарушением Германией бельгийского договора, и, несмотря на раздражение, вызванное союзническим контролем над торговлей нейтральных стран, он рассматривал союзников как защитников цивилизации. Генеральный прокурор Т. У. Грегори рассказывает, какое давление оказывалось на Вильсона, чтобы вынудить его принять репрессивные меры против Антанты за ее вмешательство в американскую торговлю. Некоторые члены кабинета выражали готовность

ГЛАВА X

рассмотреть вопрос об объявлении эмбарго на военное снаряжение. На их аргументы президент Вильсон ответил: «Господа, союзники прижаты к стене и дерутся с дикими зверями. Я не допущу ничего такого, что помешало бы им продолжать войну при условии, если общепризнанные права не будут ими грубо нарушены».

Несколько месяцев спустя Брэнд Уитлок виделся с президентом в Вашингтоне. Дело происходило в декабре 1915 г. Наш посол в Бельгии сообщает о своей беседе следующее:

«Я сказал: «Господин президент, я официально представляю интересы Германии, равно как и США, и я могу честно заявить, что соблюдаю официальную нейтральность во всех вопросах; но я должен вам сказать, что в глубине моего сердца нет никакого чувства нейтральности. Мысленно я на стороне союзников». Вильсон тотчас же ответил: «Я тоже. Ни один сознательный человек, знающий положение и знающий Германию, не может думать иначе. Но это всего-навсего мое личное мнение, а в этой стране есть много людей, которые этого мнения не разделяют. На Западе и на Среднем Западе часто не существует никакого мнения вообще. Я не имею права навязывать свою точку зрения народу Соединенных Штатов и вовлечь его в войну, которой он не понимает»¹.

Это чувство ответственности перед общественным мнением в Америке, которое у Вильсона было очень велико, усиливалось чувством ответственности перед человечеством. Президент заявил Хаузу: «Было бы катастрофой для всего мира, если бы мы были активно вовлечены в конфликт». Впоследствии, в своем послании к конгрессу 7 декабря 1915 г., он заявил: «Для того чтобы избежать всеобщей катастрофы, необходимо было установить предел размаху разрушительной войны, а также, чтобы некоторая часть великой семьи народов поддерживала принципы мира... Явный долг суверенных стран нашей части света за-

¹ Из беседы с автором, происходившей 10 декабря 1924 г.

АМЕРИКА И СОЮЗНИКИ

ключался в том, чтобы по меньшей мере уравновесить экономические потери и смятение в другой части света. Мы вполне уверены и надеемся, что в день восстановления порядка и выздоровления страны нашего континента смогут оказать неоценимые услуги».

Любопытно отметить, что впоследствии то же чувство ответственности перед всем миром заставило президента настоять на тесном сотрудничестве США с Европой в создании новой международной системы. Также необходимо добавить, что самого Вильсона политика нейтралитета привлекала по той причине, что она соответствовала его природной склонности откладывать решения по спорным вопросам. Как и большинство из нас, он не любил смотреть в лицо неприятностям и всегда надеялся, что «подвернется» что-нибудь, что смягчит положение без необходимости прибегать к решительным действиям. Порок ученых людей в том и состоит, что они так тщательно взвешивают все доводы за и против, что не могут найти ясного решения.

Терпеливость, которую Вильсон проявлял перед лицом германских дипломатических уверток, и его явная решимость не допустить США быть вовлеченными в войну неминуемо создали неблагоприятное впечатление среди народов союзнических стран. Англичане и французы не были склонны объективно анализировать его политику или принимать во внимание создавшиеся условия в США, которых они не понимали. Они считали себя защитниками цивилизации и верили в то, что дерутся за Америку, которая из трусости или жадности оставалась в стороне и собирала золотую жатву от продажи военного снаряжения. После германских побед 1915 г., после завоевания Русской Польши, продвижения австро-германских войск на востоке, непрекращающихся неудач союзников в Галлиполи и тщетных атак союзнических войск во Франции их необоснованное, но легко объяснимое раздражение увеличивалось. Если бы они восторжествовали летом 1915 г., то выражение симпатии со стороны Америки и ее благожелательный нейтралитет возможно

ГЛАВА X

удовлетворили бы союзников; но, болезненно воспринимая потери и неудачи кампании, они считали великую нейтральную страну лежебокой.

Государственные деятели союзнических стран, хотя и разделяли общее чувство сожаления о том, что США остаются в стороне, понимали, что с создавшимся положением надо считаться. Они гораздо лучше простых смертных понимали отрицательное значение американского нейтралитета и ни на минуту не забывали, что одним росчерком пера Вильсон мог создать серьезные затруднения для союзников.

«В дипломатии одна ошибка могла оказаться губительной для дела союзников. Эта ошибка была тщательно избегнута, — пишет Грэй в своих мемуарах. — Этой кардинальной ошибкой был бы конфликт с Соединенными Штатами, не обязательно разрыв, но хотя бы такое положение вещей, которое вызвало бы американское вмешательство в блокаду или привело бы к наложению эмбарго на экспорт военного снаряжения из США. С другой стороны, эту кардинальную ошибку совершила Германия»¹.

Более дальновидные государственные деятели, особенно в Англии, понимали также, что для того, чтобы победа, которую они надеялись одержать, не пропала даром, американская поддержка была необходима для обеспечения мира. Они хотели не только положить конец существовавшей угрозе германского владычества путем полной военной победы, но также заложить фундамент для будущей международной организации, которая сможет предотвратить повторение катастрофы; а чтобы справиться с этой задачей, моральное и материальное влияние США было неопределимо. И если уже Вильсон отказался воевать против Германии, тем более важно было бы, чтобы он, по крайней мере, симпатизировал конечным военным целям союзников и чтобы отношения между ними и США остались бы дружественными.

¹ Грэй, Двадцать пять лет, т. II, с. 160.

АМЕРИКА И СОЮЗНИКИ

Из всех союзнических государственных деятелей никто так не стремился сохранить американскую дружбу, как английский министр иностранных дел, и никто другой так высоко не оценивал значения этой дружбы для союзников как во время, так и после войны. Но перед сэром Эдуардом Грэм стояли многочисленные и серьезные затруднения. Ему приходилось бороться с нарастающей волной антиамериканских настроений в Великобритании, а также с требованиями публики и всех поджигателей войны усилить блокаду, несмотря на американские протесты. Он также должен был бороться против сильного антианглийского настроения американских судовладельцев, чьим интересам английские ограничения наносили ущерб. Счастливым обстоятельством явилось то, что Грэм активно поддерживал ближайший друг президента Вильсона.

Полковник Хауз отлично понимал, насколько деликатно положение Грэма, и всеми силами старался оказать ему поддержку. Как и Грэм, Хауз стремился установить с англичанами тесное взаимопонимание, которое, по его мнению, диктовалось интересами Америки и всего мира. Он объяснял своим английским друзьям основы вильсоновской политики нейтралитета и указывал им, как опасна блокада, затрагивавшая американскую торговлю. С другой стороны, он настаивал перед Вильсоном, чтобы последний избегал слишком резких протестов, и вместе с английским послом старался изыскать *modus vivendi*. Как бы ни были резки официальные ноты, он надеялся путем поддержания личного контакта сохранить в неприкосновенности основы англо-американской дружбы.

Тот факт, что английский министр иностранных дел ценил как сущность, так и результаты стараний Хауза, явствуется из того, что он пишет о полковнике в своих мемуарах.

«У него всегда был практический ум, — пишет Грэм. — Он так же внимательно изучал способы, при помощи которых могла быть достигнута определенная цель, как и самую цель. Хауз внимательно следил за всеми происходящими

ГЛАВА X

событиями и вникал в них с усердием и добросовестностью человека, посвятившего свою жизнь общественной деятельности. Между тем, желанием Хауза было избавиться именно от такой деятельности; его ум, следовательно, работал со всей энергией человека, подстегиваемого чувством честолюбия, но в то же время — с бескорыстием человека, чье честолюбие не преследует никаких личных целей. Он стремился совершать добро и в то же время довольствовался тем, что эти достижения приписывали другим»¹.

2

Письмо Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 22 июля 1915 г.

«Дорогой начальник!

Что касается наших недоразумений с Англией по части морской торговли, то я полагаю, что если мы нажмем достаточно энергично, они предпочтут согласиться почти на любые условия, чем доводить дело до разрыва. Но, поступая подобным образом, мы на вечные времена заслужим их недовольство тем, что воспользовались слабостью их положения; в то же время раскаяние будет преследовать нас всегда — не только на мирной конференции, но на протяжении ближайшего столетия...

Если бы дело дошло до решительных действий и мы наложили эмбарго на военное снаряжение и продовольствие, чтобы удовлетворить торговцев хлопком, весь наш промышленный и сельскохозяйственный мир возмутился бы подобной мерой...

Я рад, что Лансинг приезжает сюда отдохнуть в конце недели. Я всегда понимаю ваши побуждения². Какое удоволь-

¹ Грэй. Двадцать пять лет, т. II, с. 125.

² Речь идет об ответе на письмо Вильсона, в котором он заявил, что не хотел нанести специальный визит Хаузу, дабы люди не подумали, что он, президент, недоволен Лансингом, только что назначенным на новый пост.

АМЕРИКА И СОЮЗНИКИ

ствие знать, что мы так прекрасно понимаем друг друга, и чувствовать, что нашей дружбе ничто не угрожает со стороны злонамеренных людей.

Преданный вам Э. М. Хауз».

«Сегодня утром я приехал в Манчестер, — пишет Хауз в своем дневнике, — прекрасно и спокойно провожу время. Английский посол, который лето проводит в Прайде, уже звонил мне, и вечером я нанесу ему визит. Мы обсуждали с ним вопрос об эмбарго и о долгой задержке их ответа на нашу ноту по этому вопросу».

«2 августа 1915 г. Сегодня у меня был английский посол. Мы обсуждали вопрос о положении с хлопком и позицию, занятую его правительством в отношении нейтральной торговли. Он подтвердил мнение, высказанное мною президенту и министру Лансингу, что английское правительство предпочтет пойти на большие уступки, чем рисковать серьезным осложнением с нами. Он также подтвердил мое мнение, что англичане никогда не простят нам, если мы заставим их пойти на уступки, которые они будут считать несправедливыми, поскольку мы воспользуемся их затруднительным положением.

Я посоветовал ему телеграфировать сэру Эдуарду Грэю, чтобы тот привлек к участию в обсуждении вопроса французское, итальянское, бельгийское и русское правительства, с тем, чтобы в нашей стране убедились, что нашей торговле препятствовала не одна только Англия, но что на создании этих препятствий упорно настаивали все союзники. Следует объяснить, что Англия при всем желании не могла бы действовать иначе по той причине, что остальные державы требовали от нее проведения именно этой политики.

Я сказал ему, что все это поможет нам решить вопрос в обоюдных интересах. Он самым благожелательным образом отзывался о фермерах и хлопководов, полагая, что они поддались влиянию демагогов и спекулянтов, действующих по немецкой указке. Он сказал, что можно было бы изменить

ГЛАВА X

точку зрения некоего очень враждебно к ним настроенного сенатора, но его правительство отказывается прибегать к подобным методам. Он считает, что вопрос мог бы быть решен ко всеобщему удовлетворению, если союзники согласятся покупать определенное количество хлопка по цене, которая очистила бы для фермера 10 центов франко-корабль. Другими словами, союзники должны обязательно сохранить цену на этом уровне.

Я объяснил ему, насколько важно, чтобы Англия не одна несла все бремя, и сказал, что буду внимательно следить за дальнейшим развитием этого вопроса. Это соответствует тому совету, который я недавно давал сэру Эдуарду Грэю...»

«6 августа 1915 г. Условился встретиться с английским послом в доме нашего общего друга Хетти Хигинсона. У Хетти мы встретились потому, что там мы не привлечем ничьего внимания. Мы обсуждали вопрос о хлопке и отношениях между Англией и США. Я показал сэру Сесилию мое письмо Пэйджу... Хотел, чтобы он понял, насколько чувствительно для меня несправедливое отношение союзников к президенту и к нашему народу. Мы условились о том, что он составит меморандум, в котором изложит свои соображения в связи с осложнениями, возникшими для нейтральной торговли; этот меморандум будет передан непосредственно президенту».

Письмо Хауза президенту

Манчестер, Массачусетс, 4 августа 1915 г.

«Дорогой начальник!

Пэйдж напуган до смерти, равно как и сэр Эдуард. Судя по письмам Пэйджа, можно было бы подумать, что немцы уже находятся в предместьях Лондона и быстро продвигаются к западу, на Нью-Йорк.

Как только наши дела с Англией немного уладятся, я думаю, что хорошо было бы послать за Пэйджем, чтобы дней

АМЕРИКА И СОЮЗНИКИ

30—40 он провел в нашей стране. Война расстроила его нервную систему, и он потерял всякое представление о настроении народа нашей страны по отношению к войне.

Теперь, когда военная удача на время повернулась против союзников, среди них начинает преобладать чувство, что мы не вносим в дело нашу долю; а то, чего я боялся — быстро лишиться друзей, может случиться в самом скором времени.

Они не понимают нашего расового многообразия, нашей изолированности и, следовательно, нашей неспособности пугаться придуманных ими мрачных призраков. Точно так же они не совсем понимают или недооценивают ту потенциальную по мощь, которую мы им оказывали со стороны экономики.

Положение затруднительное и заботит меня не мало.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Лорд Брайс в сочувственном тоне ответил полковнику Хаузу письмом от 26 августа. Он даже заявил, что слова Хауза о доверии американского народа к президенту Вильсону соответствуют его, Брайса, собственным мыслям и высказываниям, а именно: ни один президент со времен Авраама Линкольна не пользовался таким влиянием в стране, как Вильсон. Казалось, что США вручили свою политику и свои судьбы Вильсону, говоря: «Вы лучше нас знаете, что делать. Продолжайте, мы вас поддержим». В американской истории едва ли случалось нечто подобное.

В своей оценке английского общественного мнения Брайс считал, что высказывания некоторых ежедневных газет и, по крайней мере, одного из еженедельников далеко не отображали настроений мыслящих кругов Англии. Было естественным, что обыватели, узнав, что подавляющее большинство американцев симпатизирует союзникам, и, чувствуя, что англичане сражаются с державой, чье беспринципное честолюбие угрожало всему миру и которая оказалась

ГЛАВА X

бы для Америки неприятным соседом в случае, если бы английский флот был выведен из строя, — эти обыватели пришли к убеждению, что Америка должна принять участие в конфликте. Брайс утверждал, что люди, понимающие американскую историю и истинно пацифистский дух американского народа, знали, насколько сильна была традиция невмешательства в европейские осложнения и с каким разнообразием событий и настроений следует считаться тем, кто руководит американской политикой. Он добавил, что старался не раз, как публично, так и в частных беседах, отстаивать эту точку зрения, и знает, что это мнение разделяют все, кто хоть сколько-нибудь смыслит в американских условиях.

В ответ на вопрос Хауза о его личном мнении он писал, что в первые дни войны ему казалось, будто американские интересы затронуты лишь в небольшой мере. Теперь же стало очевидным, что победоносная Германия будет угрожать Америке, как и всякой другой морской державе. Если она будет владычествовать над морями, то станет опасной в Вест-Индии и, вероятно, в Южной Америке. Далее он подчеркивал, что германские методы войны против мирных жителей на суше и на море — это шаг назад к варварству и вызов цивилизованному человечеству. Победа Германии после широкого применения подобных методов явилась бы величайшим несчастьем для человеческого прогресса, к чему Америка, «самая гуманная из стран», как он ее называл, не могла остаться равнодушной.

Эти две особенности войны, полагал Брайс, заставили нейтральные страны изменить свое отношение к ней. Эти особенности выходили далеко за пределы первоначальных причин и целей борьбы. Сейчас дело идет не о судьбах одной Великобритании.

В заключение он выразил надежду, что Хауз будет ему писать, и обещал при всяком удобном случае сообщать суждения Хауза кругам, где они смогут принести пользу.

АМЕРИКА И СОЮЗНИКИ

Письмо Грэя Хаузу

Лондон, 26 августа 1915 г.

«Дорогой полковник Хауз!

...В конце недели я выбираюсь из Лондона и один день провожу в своем коттедже. Ни во сне ни наяву мысль о войне никогда не оставляет человека. Но равнодушие природы и ее красота, на которую наши беды не оказывают никакого влияния, смена времен года в той же последовательности, что и перед войной, дают некоторую уверенность, что существуют элементарные и вечные вещи, ход которых такие земные катастрофы, как эта война, изменить не могут.

О потоплении «Арабика» я ничего не говорил потому, что это только один из нескольких случаев за каждую неделю потопления торговых и пассажирских судов, когда не считаются с судьбой мирных граждан. Но наш народ, конечно, с напряженным интересом следит за тем, что вы собираетесь предпринять. Думается мне, наши люди разочарованы тем, что настроение в Америке менее воинственное, чем они ожидали. Вторжение немцев в Бельгию, совершенные там преступления, потопление «Лузитании», а теперь — «Арабика», все это вызывает в Америке волнение и возмущение, которые, по-видимому, быстро рассеиваются, и наш народ все меньше надеется на помощь США и становится все более критически настроенным по отношению к президенту.

Что касается последнего пункта, то я всем рассказываю то, что на днях сказал мне один американец: «Если президент скажет, что он должен действовать против Германии, то за ним будет стоять вся страна, но только потому, что он всю страну убедил в том, что все сделал, чтобы избежать войны, и тогда стране придется согласиться на войну, хотя она и стремилась ее избежать».

Если бы я мог быть уверен, что рано или поздно ваш народ скажет: «хотя нам нет дела до территориальных изменений среди воюющих стран, которые должны разрешить этот

ГЛАВА X

вопрос сами, мира быть не может до тех пор, пока вопрос о Бельгии не будет справедливо разрешен в интересах общественной морали и будущего мира», то я был бы удовлетворен.

Искренне ваш Э. Грэй».

3

К счастью, влиятельные государственные деятели в Англии и в США твердо решили сохранить англо-американскую дружбу, в противном случае сила обстоятельств привела бы к конфликту, которого опасался Грэй. Усиление английской блокады в начале лета — единственное оружие, которое в то время могло быть эффективно использовано против Германии, — вызвало бурю жалоб со стороны американских судовладельцев, твердивших, что Вильсон и министерство иностранных дел раболепствуют перед англичанами, пренебрегая американскими интересами. Они требовали контрмер.

«В течение трех недель, — гласило сообщение из Вашингтона от 23 июня 1915 г., — министерство иностранных дел наводняется настойчивыми протестами против действий англичан. Хлопководы Юга, импортеры красок на Востоке, экспортные фирмы, связанные с Чикаго, Канзасом и Сент-Луисом, — все объединились в своем требовании таких мер, которые позволили бы им выполнить полученные ими из Скандинавии и Голландии заказы.

Сенатор Хоук Смит из Георгии, глашатай хлопковых плантаторов Юга, лично заявил протест в Белом Доме и в министерстве иностранных дел против английских помех в экспорте хлопка. Он предупредил президента, что если Англию и Францию не заставят прекратить их вмешательство, то на следующей сессии конгресса трудно будет предотвратить проведение резолюции о наложении эмбарго на оружие».

Министр Лансинг был согласен с Вильсоном и Хаузом в том, что конфликт с союзниками должен быть предотвра-

АМЕРИКА И СОЮЗНИКИ

щен. «Ни в коем случае, — писал он полковнику, — не должны мы вступать на путь, который мог бы привести к серьезной угрозе сохранению наших дружественных отношений с Англией и Францией, ибо, как вы говорите, наша дружба с Германией — дело прошлого». Но, тем не менее, нельзя было пройти мимо факта нарушения международного права в результате союзнической блокады. После того как Вильсон занял такую непримиримую позицию в споре с Германией, он должен был противопоставить американские принципы методам союзников, иначе позволительно было бы усомниться в беспристрастии Америки, и тем самым были бы значительно ослаблены американские позиции в случае нового кризиса отношений с Германией.

В течение всего лета Вашингтон ждал от союзников удовлетворительного ответа на прежние ноты протеста. Ответа не было, а в связи с временным урегулированием отношений с Германией министерство иностранных дел приготовило новую и более резкую ноту, которая была отправлена 21 октября. Полковник Хауз обсудил весь вопрос с Спринг-Райсом, и по предложению Хауза посол предостерег свое правительство относительно возможных последствий.

«27 сентября 1915 г. После завтрака, — писал Хауз, — меня посетил английский посол. Он понимает или делает вид, что понимает, в каких трудных условиях приходится действовать президенту, и одобряет его позицию. Мы беседовали о предстоящем международном займе, и он выразил большое беспокойство за его успех. По-видимому, он в лучшем настроении, не так нервен и проявляет здравомыслие».

«От Уолтера Пэйджа, — писал Хауз несколько недель спустя, — я получил написанное от руки письмо на 25 страницах. Он в самом пессимистическом настроении... Беда с Пэйджем в том, что он видит лишь одну сторону вопроса. Он прав, когда считает, что ноты министерства иностранных дел могли бы быть составлены лучшим дипломатическим языком.

ГЛАВА X

Но Пэйдж упускает из виду, что английская медлительность вызывает у нас такое же раздражение, какое испытывают они по поводу нашего поведения. В первом случае это сводится к прямолинейным словам, сказанным с дружеским намерением, в другом — к дружескому тону при недружественных намерениях. Мы проявили чрезвычайную терпеливость по отношению к Англии и, не вступая в войну, сделали больше, чем сделала бы любая нейтральная страна для оказания ей помощи. С другой стороны, англичане зашли крайне далеко в нарушении прав нейтральных держав, хотя это и было проделано ими самым вежливым путем.

Кроме того, вставала угроза нового разногласия с Англией, которая могла привести к еще более серьезным последствиям. Это относилось к германской жалобе на то, что если подводная лодка была вынуждена сделать предупреждение при задержании торгового судна, то последнее, будучи вооружено для «защиты», могло потопить подводную лодку. Об этой сложной проблеме Хауз вел переписку с Бальфуrom и поднял этот вопрос перед лордом Редингом, приехавшим в США для ведения финансовых переговоров.

«2 октября 1915 г. В десять часов я был у министра Лансинга; мы совещались в течение часа... Лансинг придерживается того взгляда, что если мы будем возлагать на немцев ответственность за потопление судов без предупреждения, мы также должны настоять на том, чтобы торговые суда не были вооружены. Если же торговое судно вооружено, а мы требуем, чтобы подводные лодки не топили без предупреждения, то все преимущества оказываются на стороне торгового судна.

Я лучше Лансинга понимаю английскую точку зрения, но не считаю ее вполне справедливой...

Я просил С. Р. Вертрона пригласить лорда Рединга к себе домой на завтрак с тем, чтобы, кроме нас троих, там никого не было. Вертрон угостил нас прекрасным завтраком, кушанья были отличные. После завтрака он оставил Рединга и

АМЕРИКА И СОЮЗНИКИ

меня наедине, и мы беседовали более часа. Я рассказал ему о разногласиях между Англией и США в вопросе об изменении морских законов. Я не упомянул имен Бальфура или сэра Хорэса Планкетта, но сообщил, что получил из Англии письма, в которых была изложена английская точка зрения, и что час или два тому назад я обсуждал этот вопрос с Лансингом и обнаружил много связанных с этим вопросом затруднений.

С одной стороны, английское правительство желает, чтобы мы потребовали от Германии не топить торговые суда без предупреждения, а с другой, — чтобы торговые суда имели право быть вооруженными, как в былые времена. Я упомянул о разговоре с Лангсингом по этому вопросу, о котором больше говорил Лансинг, считавший, что нельзя англичанам с одного вола две шкуры драть; явно несправедливо заставлять подводную лодку предупреждать торговые суда, а затем разрешать им открывать огонь по подводной лодке и топить ее в то время, как она давала предупреждение.

Рединг очень заинтересовался и слышал об этом вопросе, очевидно, впервые. Я сказал ему, что вопрос еще только возник и поставлен в предварительном порядке, но как только наши наиболее острые разногласия с Германией будут разрешены, немцы несомненно выдвинут этот вопрос на первый план и будут всячески подчеркивать допускаяемую по отношению к ним несправедливость.

Я обратил внимание Рединга на растущее недовольство и критику английской печати по отношению к политике президента. Я привел множество цитат из статей и назвал ряд карикатур. Он выразил крайнее сожаление, но полагал, что по таким вопросам контролировать прессу почти невозможно. Правительство понимало и ценило позицию президента, чего нельзя было сказать о широкой публике, — отсюда и критика. Он намекнул, что собирается поставить вопрос перед своим правительством и выяснить, нельзя ли как-нибудь уладить дело. Я обратил его внимание на тот

ГЛАВА X

факт, что поддержание дружеских отношений между двумя странами оказало больше пользы Англии, чем нам. Я сказал, что президент недосыгаем для такой критики, но его друзья, сторонники и поклонники по всей Америке отнесутся к ней с негодованием, а это негодование выльется в антианглийское настроение».

Но недовольство в Америке англичанами бледнело по сравнению с антиамериканским настроением, вызванным в Англии нотой протеста против задержаний и конфискации грузов. Посол Пэйдж прислал Хаузу письмо на 23 страницах, в котором не пожалел красок для изображения всей полноты английских чувств и в котором содержалось несколько специфических анекдотов. «Я не хочу вас обидеть, — сказал некий лондонский житель американскому торговцу, — но свое чувство возмущения по отношению к США я могу выразить лишь одним путем: не вести больше никаких дел с американцами».

Более серьезным был тот факт, что реакцию английского общественного мнения, казалось, полностью отображал английский посол в Вашингтоне, от которого в значительной мере зависело официальное дружественное взаимопонимание двух стран, которое, как настаивал Хауз, следовало сохранить, несмотря на английские методы и на американские ноты протеста. Спринг-Райс знал, что уже в пути находится резкая нота, но, по-видимому, он все же не был подготовлен к силе ее фразеологии.

«14 октября 1915 г. Я условился с английским послом о встрече в доме Билли Филиппса, — писал Хауз. — Машину, присланную из Белого Дома, я отпустил, не доезжая квартала до условленного места; чтобы не обратить на себя внимания, я продолжал путь дальше пешком. По приходе тотчас же приступил к обсуждению ноты, но обнаружил, что посол в крайне нервном состоянии. Он начал говорить о США очень неприятные вещи. Помимо всего прочего он заявил, что в историю навсегда войдет тот факт, что в тех случаях, когда нарушались законы божеские и человеческие, от нас

АМЕРИКА И СОЮЗНИКИ

не следовало протестов¹, но когда дело шло о нашей нефти и меди, то следовал самый энергичный протест...

При обсуждении самой ноты, которую мы собирались послать Великобритании, он заявил: «Как бы плохи ни были наши дела, мы готовы скорее воевать, чем согласиться с принципом блокады в том виде, как его истолковывает ваше правительство. Если бы мы на это согласились, все преимущества оказались бы на стороне Германии, к которой вы, по-видимому, относитесь благожелательно; у Германии есть такие нейтральные порты, как Мальмё и Копенгаген, которые являются столько же немецкими, как Бремен или Гамбург, а у Англии таких портов нет; и тот закон, который вы хотите установить, изолирует нас в случае, когда наши враги блокируют наши берега. С другой стороны, никакая английская блокада не в состоянии полностью изолировать Германию».

Я предложил передать дело на арбитраж и просил сообщить это его правительству. Мне не понравился его тон, и, по привычке, я становился все более молчаливым. В разговоре он сказал: «Одно время эта страна была построена из чистого камня, но теперь она построена из грязи, песка и небольшого количества камня; и никто не может предсказать, как и куда она поползет».

Случайно я упомянул имя Бернсторфа и заговорил о немцах. Это привело его в бешенство, он заявил: «Вы доставили бы мне удовольствие, если бы больше не упоминали имени Бернсторфа в моем присутствии; я не желаю разговаривать ни с кем, кто только перед тем разговаривал с ним или с другими немцами. В настоящий момент я еще не знаю, сколько моих родных убито в Англии после вчерашнего ночного нападения германских цеппелинов». Тут я потерял самообладание и заявил ему, что считаю его слова оскорбительными и впредь не допущу, чтобы ко мне обраща-

¹ Это — преувеличение, если принять во внимание, сколько нот протеста Вильсон послал Германии.

ГЛАВА X

лись с подобными речами. Я заявил, что он не представляет ни своего начальника, ни своего правительства и что его взгляды — не их взгляды; никогда еще не слышал я об официальном лице, которое бы так плохо служило своей стране, как он. Он ответил, что если мое мнение таково, то ему лучше оставить свой пост и ехать домой. Я посоветовал ему действовать по собственному усмотрению, но что касается меня, то я не намерен продолжать дискуссию с ним.

Когда посол убедился, насколько далеко я готов идти, он стал извиняться и просил меня простить его тон. Его чувства, сказал он, были очень затронуты скверными известиями из дому и беспокойством по поводу вчерашнего налета. Я ответил, что не следует смешивать общественные дела с личными интересами. Что же касается моих бесед с Бернсторфом, то он должен понимать, насколько для меня важно видеться с ним в моей работе, и я намерен продолжать эти беседы независимо от его, Спринг-Райса, настроений.

Он снова просил у меня извинения с тем, чтобы наши дружеские отношения не оборвались. Он уверял, что считает меня другом и очень ценит мои советы и помощь. Он отозвался о президенте с высшей похвалой и заявил, что желал бы, чтобы судьбами Англии управлял такой человек, ибо во всем мире не было человека, подобного ему. Он сказал, что всегда относился к президенту и ко мне с величайшим уважением, его резкие слова относились к тем элементам в нашей стране, поведения которых мы не одобряли в той же степени, что и он. Он заявил, что говорил так резко из любви ко мне, и если бы не питал величайшей дружбы и уважения ко мне, он проявил бы дипломатичность, а не рассказывал бы о том, что у него действительно было на уме.

В общем оказалось, что в то время как он высказывался оскорбительно по отношению к США и восхвалял президента и меня, я восхвалял Англию и оскорблял его. Я принял его извинения, и мы дружески расстались. Он немед-

АМЕРИКА И СОЮЗНИКИ

ленно отправился в министерство иностранных дел и рассказал об инциденте Филиппсу. Филиппс пришел ко мне и заявил, что посол очень встревожен и просил его переговорить со мной о происшедшем. Я просил Филиппса заверить сэра Сесилия, что я сожалею о происшедшем, но уже забыл об инциденте; а что касается меня, то наши отношения могут оставаться прежними.

Чтобы объяснить многое из действий сэра Сесилия и его настроения, считаю долгом заметить, что он был прислан послом в 1913 г. и был так болен в момент своего приезда, что первое время не мог исполнять свои обязанности. Он долго отдыхал в Дублине, Нью-Хэмпшире, и в помощь ему министерство иностранных дел послало сэра Уильямса Тиррела. В 1914 г., когда разразилась война, Спринг-Райс находился в Лондоне, там его и следовало оставить. Вашингтон — не место для нервного и чувствительного посла. Его назначение было несправедливостью по отношению к нему и по отношению к нам. Он — благовоспитанный, культурный и умный джентльмен, и в нормальном состоянии это лучший тип английского дипломата».

Стычка с полковником успокоила нервы сэра Сесилия, и в последующие несколько недель он всячески старался преодолеть трудности, стоявшие между обоими правительствами. Но трудно было предвидеть, как долго могло продлиться его спокойное настроение.

США оказались зажатыми между воюющими сторонами. Их правам, как нейтральной державы, угрожали военные методы обеих сторон. В момент, когда казалась, что в отношениях с Германией достигнуто сравнительное успокоение, появился призрак торговых разногласий с союзниками.

Полковник Хауз считал возможным тянуть дело, но был убежден, что со временем моральный авторитет США перед остальным миром сведется к нулю, и в конце войны мы очутимся без друзей. Подобная перспектива была достаточно

ГЛАВА X

скверна на случай победы союзников. В случае же их поражения положение для Америки стало бы роковым.

Хауз уже размышлял о том, смогут ли союзники нанести поражение тевтонской коалиции без американской помощи. Он был ошеломлен германскими осенними победами, за которыми неизбежно последовали дипломатические успехи. Поражения русских прямо привели к выступлению Болгарии на стороне немцев и к полному завоеванию Сербии. Турецкие оборонительные линии у Галлиполи не поддавались. Румыния отвернулась от союзников и вела переговоры с Центральными державами. Путь немцев на Восток был открыт. Продвижение итальянцев к Триесту происходило мучительно медленно и с большой затратой сил. Французские и английские успехи на западном фронте измерялись ярдами, а потери — тысячами убитых.

1 октября посол Джерард писал: «Возможно, что на меня влияет обстановка, но мне кажется, что Германия выигрывает войну». 2 ноября: «Нам здесь кажется, что Германия выигрывает войну. Попытки взять ее измором не будут иметь успеха. Военные не обращают внимания на общественное мнение в нейтральных странах. Они говорят, что побеждают и не нуждаются в благожелательном общественном мнении. Если Германия победит, то я серьезно опасаясь войны против нас после этой войны». 16 ноября: «Германский народ совершенно спокоен, и, вероятно, имеет основание быть уверенным в результатах войны».

Хауз настаивал на том, что США не могут согласиться на риск победы Германии, точно так же наше правительство не могло пребывать в состоянии бесконечной ссоры с обоими противниками: с немцами — из-за «несчастных случаев» с подводными лодками, заговоров и пропаганды; с союзниками — из-за помех торговле. «Выберемся ли мы когда-нибудь из этого лабиринта?» — спрашивал Вильсон Хауза. — «Только став на путь позитивной политики», — был ответ полковника.

ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА

ГЛАВА XI

ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА

США не могут допустить поражения союзников, оставив Германию господствующим над миром военным фактором.

*(Слова Хауза к советнику Полку,
11 октября 1916 г.)*

1

Осенью 1915 г. полковник понял, что перед президентом Вильсоном стоят три альтернативы. Он мог пуститься плыть по течению событий в расчете, что постоянные затруднения, возникающие с каждой из воюющих сторон, могли быть по отдельности обсуждены и благополучно разрешены. Он мог довести все еще не разрешенный спор с Германией о принесении извинений за потопление «Лузитании» до той точки, когда разрыв стал бы неизбежен, и вовлечь таким образом США в войну на стороне Антанты. Или же он мог открыто потребовать созыва мирной конференции с указанием, что США поддержат ту из групп, которая согласится на условия, избавляющие Европу от угрозы милитаристской агрессии, и что США объявят войну против страны, отказавшейся участвовать в этой конференции. Если бы война началась при таких условиях, она приняла бы форму крестового похода за мир.

Первые два плана Хауз отклонил. Продолжение политики дрейфа, прерываемого спорадическими спорами с Германией и с союзниками, означало бы потерю дружбы союзников и, возможно, победу германского милитаризма. Второй путь — разрыв с Германией из-за текста извинений за потопление «Лузитании» — казался абсурдным после столь долгих переговоров; если разрыва следовало ожидать с этой стороны, то он должен был последовать немедленно за потоплением «Лузитании», а не шесть месяцев спустя. Приняв

ГЛАВА XI

извинения Германии за потопление «Арабика», мог ли Вильсон увлечь страну в войну на том основании, что Германия не поместила ту или иную фразу в своем извинении за потопление «Лузитании»?

Третий план тоже имел свои очевидные слабые стороны. Союзники полагали, что они могут покончить с Германией, и несомненно расценили бы всякое предложение о посредничестве как ход, который спасает Германию от последствий поражения. Они не желали никакого компромисса, который дал бы Германии возможность возобновить борьбу впоследствии, считая, что безопасность для них принесет только полная военная победа. Но Хауз и не помышлял о каком бы то ни было компромиссе с германским милитаризмом. Условия, которые он бы предложил, означали полнейшее поражение пангерманской мечты — полное возмещение убытков Германией и исчерпывающих гарантий против войны в будущем. Германия могла принять или отказаться от этих условий. Если бы она согласилась на них (что противоречило всеобщему мнению), союзники достигли бы намеченной цели. Как заметил Фош три года спустя: «Единственная цель войны заключается в том, чтобы добиться результатов»¹. Если Германия согласится на требования союзников, то не было смысла продолжать войну. Но было вполне вероятно, что, оставаясь победоносной и во всяком случае непобежденной, Германия отказалась бы от подобных условий. Хауз предложил, чтобы в этом случае США присоединились к союзникам и тем подкрепили их силы; при этом он подозревал, что без американской помощи у них сил не хватит. Таким образом, его предложение заключалось в том, чтобы фактически гарантировать союзникам победу с помощью США.

¹ Эти слова приводил капитан Манту, бывший переводчиком на межсоюзнических совещаниях, где вырабатывались условия перемирия в октябре 1918 г.

ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА

Необходимо было принять во внимание и другой фактор. США были настолько неподготовлены в военном отношении, что немцы по всей вероятности отнеслись бы так же безучастно к угрозе американского вмешательства, как союзники к обещаниям о нашей помощи. Несколько лет спустя полковник Хауз писал: «Если бы мы вооружились до зубов в начале войны и вмешались бы в необходимый момент, США могли бы изменить ход исторических событий. В этом, думаю, мне, заключалась основная ошибка, ибо и союзники и немцы считались бы со всякой угрозой вмешательства, и мы смогли бы вмешаться, выдвинув наши собственные условия»¹. К счастью, осенью 1915 г. президент Вильсон переменил свою первоначальную точку зрения и был готов выступить с требованием энергичной подготовки к войне. На собрании в Манхаттен-клубе он признался, что переменил точку зрения, и вскоре приступил к активной кампании за военные приготовления в пацифистских центрах Среднего Запада. Если бы он продолжал свою кампанию энергично, то Америка, несмотря на пропущенное драгоценное время, все же могла обеспечить себя материальными силами, необходимыми для проведения плана Хауза.

Существовал и третий фактор, самый важный из всех. До тех пор основная цель политики Вильсона заключалась в том, чтобы не вовлечь США в войну. Согласится ли президент на предложение Хауза, непосредственно направленное к военному вмешательству? Выразит ли он готовность заявить немцам, что в случае, если они не согласятся на возмещение убытков и гарантии против военных агрессий, то он добьется выступления США на стороне союзников? Однажды вечером, в сентябре, он и Хауз обсуждали проблемы нейтралитета в президентском кабинете в Белом Доме. «К великому моему удивлению, — писал полковник, — он заявил, что никогда не был уверен в том,

¹ Из письма автору, 6 апреля 1925 г.

ГЛАВА X

что нам не следует принять участия в конфликте, и если станет очевидным, что Германии и милитаристским идеям суждено восторжествовать, на нас падет огромная ответственность».

Это случайное замечание дало Хаузу повод развить свою идею позитивной политики. Несколько недель спустя Вильсон приехал в Нью-Йорк, и полковник изложил ему свои соображения.

«Я очень коротко обрисовал свой план, который, как мне кажется, имеет большое значение, — писал он. — Я считал, что упустили возможность порвать с Германией и, казалось, теперь у нее больше шансов на победу, чем когда-либо; если же она победит, наступит очередь для нас; а мы не только не были подготовлены, но и не могли ожидать ни от кого помощи, чтобы выдержать первый удар. Следовательно, мы должны были теперь же сделать какой-то решительный шаг, который либо покончит с войной так, чтобы уничтожить милитаризм, либо приведет нас к выступлению на стороне союзников, чтобы им помочь в этом. Мое предложение сводится к тому, чтобы союзники неофициально сообщили мне, согласны ли они на то, чтобы мы выступили с требованием прекращения военных действий. Свое предложение мы обосновали бы тем, что нейтральные державы страдают вместе с воюющими странами, что мы пользуемся одинаковыми с ними правами и что мирные переговоры должны начаться на широкой основе разоружения, на суше и на море...

Если союзники поймут наши намерения, то внешне мы могли бы говорить с ними таким же суровым языком, как и с Центральными державами. После некоторых колебаний союзники могли бы принять наше предложение или требование, и в случае согласия Центральных держав мы добились бы блестящей дипломатической победы. Если же Центральные державы отклонят наши предложения, мы могли бы путем настойчивости привести к разрыву дипломатических отношений, а затем направить против них все силы на-

ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА

шего государства, а, возможно, и силы всех нейтральных стран»¹.

«11 октября 1915 г. За завтраком у меня был Фрэнк Полк. Я кое-что рассказал ему об изложенном мною перед президентом плане заключения мира до того, как союзники будут доведены до такого состояния, что не смогут оказать нам помощи в случае нашей войны с Центральными державами. Я рассматриваю этот вопрос как с американской точки зрения, так и с более широкой точки зрения человечества в целом. США не могут допустить поражения союзников, оставив Германию господствующим над миром военным фактором. Следующим объектом нападения несомненно были бы мы, и доктрина Монроэ в самом деле превратилась бы в «клочок бумаги»... Полк считает мой план правильным во всех отношениях; он выразил надежду, что в конце концов президент проведет это в жизнь...»

Некоторое время спустя в Вашингтоне Хауз обсуждал тот же вопрос с Лансингом, который, несмотря на резкость его нот англичанам, глубоко сочувствовал союзникам. Полковник снова подчеркнул тот факт, что интересы США и цивилизации ни в коем случае не допускают германской победы.

«Лансинг с этим согласен, — писал Хауз, — и готов вступить на путь решительной политики. По-видимому, страха у него нет, и я начинаю думать, что своей политикой «мир любой ценой» Брайан больше всех повинен в угрозе, нависшей над мирной жизнью нашей страны».

¹ Полковник Хауз имел в виду историческую параллель, с которой он ознакомился во время изучения истории. Летом 1813 г., после битвы при Бауцене, Австрия предложила взять на себя роль посредника между Наполеоном и союзными правительствами, подчеркивая, что если Наполеон не откажется от большей части своих завоеваний за пределами естественных границ Франции, то Австрия присоединится к его врагам. Наполеон отказался от предложенных условий, Австрия выступила на стороне союзников и участвовала в Великой коалиции, которая привела к падению Наполеона.

Предложение Хауза не встретило бы одобрения тех союзнических государственных деятелей, которые рассчитывали использовать свою еще неопределившуюся победу для обширных аннексий и сокрушительных контрибуций. Они, несомненно, были вполне искренни, когда выражали свои стремления к справедливости и к прочному миру. Но они истолковывали слово «справедливость» в том смысле, что оно соответствовало бы интересам их собственной страны, а под «прочностью мира» подразумевали политическое уничтожение врага. Русские, англичане и французы подписали договоры, предусматривавшие раздел территорий на Ближнем Востоке, мало считаясь, с интересами его населения. Они привлекли на свою сторону Италию обещанием территорий, которые отнюдь не были итальянскими; французские претензии простирались далеко за пределы Эльзас-Лотарингии, а царская Россия имела свои планы в отношении поляков, которых предстояло освободить от Австрии и Пруссии, — планы, не предусматривавшие независимости Польши.

В расчеты Хауза отнюдь не входило, чтобы США вступили в войну для того, чтобы обеспечить выполнение подобных, тщательно скрываемых союзниками, желаний; было вполне вероятно, что многие из союзнических государственных деятелей предпочли бы обойтись без американской помощи, но не отказаться от своих завоевательских мечтаний даже в том случае, если бы это означало гибель многих жизней. Но в Европе были и другие государственные деятели, вроде сэра Эдуарда Грэя, которые стремились к победе не ради узких националистских целей, а для того, чтобы построить новую систему, которая сможет уничтожить гонку вооружений и позволит создать международную организацию для поддержания мира. Хауз надеялся, что ради достижения подобных возвышенных целей союзники откажутся от своего желания добиться мира путем завоеваний, особенно в том случае, если получают помощь от Америки. В частности, Хауз рассчитывал на Грэя, ко-

ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА

торый ясно дал понять, что он видит основную цель войны в том, чтобы предотвратить будущие войны, и эта цель может быть достигнута только в сотрудничестве с США.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 10 ноября 1915 г.

«Дорогой начальник!

... Мне кажется, что мы должны употребить все влияние нашей страны для выполнения плана, с помощью которого должны быть соблюдены международные обязательства, и для осуществления какого-то плана, который помог бы сохранить мир. Сделать это мы должны не только для блага цивилизации, но и ради своего собственного благополучия, ибо кто может сказать, что мы не будем вовлечены в такой же ураган, какой опустошает теперь Европу?

Не должны ли мы принять участие в составлении более человеческих правил ведения войны и не должны ли мы употребить наше влияние для обеспечения свободы на суше и на море? Мне думается, что судьба избрала вас сыграть именно эту роль в настоящей мировой трагедии, и эта роль — самая почетная из всех, какие когда-либо выпадали на долю сына человеческого. Наша страна последует за вами по этому пути, не считаясь ни с какими жертвами.

Преданный вам Э. Хауз».

3

Полковник Хауз не закрывал глаза на трудности, которые встретит его предложение в США и в Европе. Оно влекло за собой полную перемену в американской политике, перемену, которая подвергла бы испытанию власть Вильсона в момент, когда общественное доверие к президенту казалось не особенно устойчивым. Политика, которую он старался проводить до сих пор, превращала его в мишень истеричес-

ГЛАВА XI

ких нападков со стороны шовинистов и со стороны пацифистов, сторонников союзников и сторонников Германии.

«Мне не нравится, как сложилось общее положение на сегодня, — писал Хауз 17 ноября. — Нас осаждают со всех сторон, дома и за границей. Под словом — «нас» я подразумеваю правительство. Лишь одно дает нам уверенность в правильности избранного пути: тот факт, что все критиканы озлобленно спорят между собой о лучшей панацее. Я не сомневаюсь, что мы избрали правильный путь, и это будет доказано, если только нам не помешают экстремисты у нас дома и за границей. Теперь для меня совершенно ясно, что должна делать наша страна. Все дело в том, сможет ли президент безболезненно для себя сделать все необходимое. Положение осложняется в связи с предстоящим конгрессом, а также постоянной сменой кабинетов во Франции и в Англии. Неразумный посол может в любую минуту испортить все дело. Я счастлив, что благодаря своей философии сохраняю спокойствие. Из дня в день я делаю все, что в моих силах, и даю президенту какие только могу советы. Пусть будет так».

В течение всей осени Хауз призывал к терпеливости всех крайних пацифистских деятелей, желавших, чтобы Вильсон немедленно созвал мирную конференцию, и игнорировавших тот непреложный факт, что, пока почва не подготовлена, ни США, ни прочие нейтральные державы не могли рассчитывать оказать какое-либо влияние на воюющие страны. Полковника пригласили участвовать в наивном предприятии, поддержанном Генри Фордом, вознамерившимся установить мир путем посылки партии восторженных пацифистов, которые обладали усердием не по разуму. Способность Хауза распознавать практические и абсурдные идеи спасла его от принятия приглашения, но он продолжал поддерживать тесную связь с пацифистскими лидерами, чье сентиментальное влияние нельзя было недооценивать, но его надо было направить в более практическое русло.

Хауз также поддерживал отношения со сторонниками союзников, чье влияние в зоне войны, вместе с влиянием

ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА

руководимых им английских журналистов, могло помочь расчистить путь для планов президента и Хауза. Таким образом, Хауз держал в руках много нитей.

«1 сентября 1915г. После обеда меня посетили д-р Якобс и мисс Эмили Болч, — писал Хауз. — Д-р Якобс — голландская дама, которая созвала в Гааге женскую мирную конференцию, заседавшую в мае. На этой конференции председательствовала Джэйн Адамс. Они только что вернулись из Вашингтона, и в письме, которое они мне показали, президент рекомендовал их Лансингу и мне. Беседа с Лансингом их совершенно не удовлетворила. Они заявили, что Лансинг сторонник союзников и очень несочувственно отнесся к их предложению, чтобы США созвали все нейтральные страны для совместного выступления в пользу мира. Выразив глубокое сочувствие к идее мира вообще, я пытался объяснить им, насколько явно невыполним их план. С доктором Якобс мы условились еще раз встретиться в Нью-Йорке...»

«25 октября 1915 г. Дэйвид Старр-Джордан, президент Стэнфордского университета, телеграфно просит назначить ему свидание... Он председатель Американского общества мира. На последней конференции их общества в Сан-Франциско принята резолюция о мире, которую он уполномочен представить президенту...

Джордан заявил, что я лучше других знаком с этим вопросом и что он желал бы повидать меня до своей встречи с президентом для того, чтобы узнать, как вести с ним беседу и в какой мере касаться данного вопроса. Я вкратце рассказал ему, что я делал до войны и с того момента, как она началась. Я дал ему понять, что президент, пожалуй, лучше кого бы то ни было в мире знал, что можно и чего нельзя сделать, ибо никто другой так не стремился действовать в направлении мира, как он. Все же я полагал, что попытки форсировать вопрос скорее вредили, чем помогали положению. Джордан, по-видимому, был вполне удовлетворен моими объяснениями и сказал, что ограничится вручением резолюции президенту и не будет надоедать ему объяснения-

ГЛАВА XI

ми. Он выразил желание повидать меня снова в Нью-Йорке после своей встречи с президентом».

«9 ноября 1915 г. Сегодня рано утром зашел Гувер, чтобы попрощаться. Его пароход отплывает в двенадцать. Он поблагодарил меня за помощь. Я настоятельно просил его внушить немцам в Бельгии и в других местах, насколько бесполезны налеты цеппелинов на Лондон. Я поднимал этот вопрос перед Бернсторфом и правительственными чиновниками в Берлине, но, по-видимому, особого действия это не оказало. Гувер сказал, что имеет основание полагать, что германский генеральный штаб не одобряет этих налетов, но все зависит от морских властей, которые, не будучи в состоянии предпринять что-нибудь по своей линии, занялись цеппелинами. Я сомневаюсь, чтобы в истории существовал кто-нибудь, кто вместе со своим окружением нанес бы столько вреда стране, сколько фон Тирпиц нанес Германии. Он выпятил грубые инстинкты своего народа, и мир никогда не забудет, что означало бы для цивилизации торжество германского оружия...»

«14 ноября 1915 г. В 11 ч. 30 м. за мной заехал Сидни Брукс; мы вместе отправились через Парк, обсуждая по пути международные вопросы. Я старался разъяснить ему политику президента, рассказывая ему не слишком много, но достаточно для того, чтобы он писал благожелательные телеграммы и статьи. Нортклиф прислал его сюда, чтобы писать для «Таймс» и «Дэйли мэйл».

Он рассказывал о своем вчерашнем интервью с Рузвельтом. Рузвельт зол на президента. Он называет его внешнюю политику малодушной и сознается в том, что сейчас его единственная цель нанести Вильсону поражение на пере-выборах. Я ответил Бруксу, что впервые в своей карьере Рузвельт восстает против правильного пути, который требует политической дальновидности, мужества и хороших мыслительных способностей...»

«15 ноября 1915 г. Сегодня утром был Сидни Брукс; он очень обеспокоен появившейся в «Нью-Йорк Трибюн» пе-

ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА

редовой, осуждающей внешнюю политику президента. Я посоветовал ему успокоиться и не расстраиваться тем, что пишут в нью-йоркских газетах. Он сказал, что мои слова напомнили ему поговорку: «Англия видит не дальше Нью-Йорка, а Нью-Йорк видит не дальше своего забора».

Ему кажется, что президент совершает ошибку, не отсылая немедленно Бернсторфа. Он считает, что если президент совершил бы этот шаг, его поддержали бы все колеблющиеся до сих пор республиканцы. Я снова просил его воздержаться от окончательного суждения и положиться на конечные результаты. Я решительно заявил, что президент не позволит республиканцам или их газетам диктовать политику ему. Брукс набросал текст телеграммы своим лондонским газетам и просил, чтобы я его утвердил, что я и сделал. Я даже разрешил ему намекнуть в телеграмме, что, вопреки всеобщему мнению, США считают, что для них война не кончена и что в соответствующий момент и соответствующим путем они дадут почувствовать свое влияние...»

«21 ноября 1915 г. После обеда у меня были мисс Джэйн Адамс, мисс Лилиан Уолд и м-ль фон Швиммер из Вены. Повторилась старая история попыток добиться от президента того, чтобы он совместно с другими нейтральными странами созвал мирную конференцию, которая будет заседать в Гааге и, не переставая, выдвигать мирные предложения, пока они будут приняты. Я объяснил, что президент не мог проделать все это официально. Тогда они пожелали узнать, будет ли президент возражать против неофициальной комиссии; я сказал, что, по-моему, он не станет возражать. Как всегда, я вызвал споры между ними, которые доставляют мне удовольствие тем, что отвлекают их внимание от меня...»

«22 ноября 1915 г. Сегодня после обеда у меня была фрау Селенка из Мюнхена, одна из полчища пацифистов, которое меня осаждает. Она выказала некоторые проблески разума, заявив, что президент, пожалуй, лучше их знает, когда

ГЛАВА XI

наступит благоприятный момент для шага в направлении мира. Я поздравил его с такой проникательностью. Она называет себя «интернационалисткой», но я думаю, что ее скорее можно назвать немкой с антимилитаристскими взглядами.

Посетил меня автомобильный фабрикант Генри Форд. Он тоже явился в роли пацифиста. Он привел с собой секретаря Дэйвида Старр-Джордана, молодого человека, который, несмотря на то, что я очень ясно дал понять, что желаю говорить с Фордом, почти все время сам только и говорил. Взгляды Форда на мир оказались настолько незрелыми и малозначительными, что я постарался перевести разговор на более плодотворную тему, но всякий раз, как только мне удавалось заставить его говорить о своем большом заводе в Детройте и о его планах улучшения положения своих рабочих, молодой человек вмешивался и переводил разговор на другую тему. Форд, надо полагать, гений механики... который может стать жертвой всевозможных чудачков, охотящихся за его деньгами...»

4

К концу ноября полковник Хауз получил от Грэя ответ, которого он ожидал с нетерпением. Хотя Хауз предпринял шаг, равнозначный предложению американской помощи, с целью положить конец войне на базе организованных гарантий против милитаризма, но он не ждал категорического согласия, так как знал о существовавших среди лидеров союзников влияниях, которые могли заставить их колебаться. Откажутся ли они от своих планов обширных аннексий, поймут ли они, что путем поддержки предложения Хауза они, по всей вероятности, смогут вовлечь в войну США? Но испытывая даже эти сомнения, полковник был искренно разочарован тем малым интересом, какой проявил сэр Эдуард Грэй. Английский министр иностранных дел был, очевидно, настолько уверен в том, что союзники отвергнут

ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА

план, что даже не обсуждал его с ними. Прежде чем настаивать на принятии плана, он должен иметь более определенные предложения; он ясно давал понять, что союзники отнесутся с подозрением ко всякой мирной конференции.

«Я не знаю, как могут они заранее согласиться на какое-либо предложение, — писал он, — не зная в точности, в чем оно заключается, и не будучи уверены, что, в случае их согласия, США готовы вмешаться».

В остальной, гораздо большей, части письма подчеркивалось распространенное в союзнических странах убеждение, что Вильсон не относится к ним дружески и своим несогласием с принципом союзнической блокады угрожает выбить из рук Англии оружие морского могущества.

«25 ноября 1915г. Сэр Эдуард Грэй, очевидно, расценивает положение с пессимистической точки зрения, — отмечает полковник. — Когда он писал мне, моя телеграмма до него еще не дошла, но даже в этом случае изложенное в моем письме предложение, которое фактически гарантировало победу союзникам, должно было встретить более теплый прием. Во многих отношениях англичане тупы... По мере того как мы богатеем, соглашаясь на их настойчивые просьбы продавать им военное снаряжение, мы становимся все менее популярны. Они не могут справедливо оценить положение, так же как, возможно, не смогли бы при аналогичных обстоятельствах и мы... Мне противна мысль, что мы наживаем деньги на их несчастье, но это, тем не менее, неизбежно; и если мы откажемся оказывать экономическую помощь такого рода, то нас все равно предадут анафеме...»

В предложении полковника Хауза столько же соблюдались интересы союзников, сколько и Америки; для того чтобы провести его в жизнь, от США потребовались бы огромные, неисчислимы жертвы. Английские предположения о том, что, готовясь помочь союзникам, Вильсон словно просит об услуге и простить его можно лишь в том случае, если он сразу же откажется от своего плана, — были по меньшей мере смешны.

ГЛАВА XI

Но Вильсон и Хауз слишком горячо стремились достичь того, что могло нанести решительный удар войне, и не желали допустить, чтобы их труды пропадали даром из-за неправильного понимания американских побуждений. Очевидно, союзники рассматривали наши протесты против ограничения торговли, как доказательство враждебного отношения к делу союзников; они также с подозрением относились к Вильсону и не верили, что он вовлечет США в войну независимо от того, как сложатся обстоятельства. Эти пункты требовали объяснения. «Больше всего сейчас необходимо, — писал Хауз Грэю 7 декабря, — лучшее действенное взаимопонимание; все наши помыслы направлены к этому. Методы наших действий не вполне удовлетворительны».

Президент Вильсон был убежден, что этого взаимопонимания нельзя достигнуть через послов. В письмах Пэйджа он усматривал недостаточное сочувствие его планам, что заставило его усомниться в способности Пэйджа излагать взгляды правительства. В равной мере казалось маловероятным, что английский посол в Вашингтоне сумеет рассеять тучи, нависшие над англо-американской дружбой. Постоянные недоразумения, вызванные проблемой блокады, настолько взвинтили нервы английского посла, что даже те чиновники министерства иностранных дел, которые относились лично к нему особенно благожелательно, соглашались, что не всегда легко иметь дело с сэром Сесилем. «Х — ярый сторонник союзников, — отмечает полковник; — он сказал, что, уходя от Спринг-Райса, он почувствовал симпатию к немцам».

«6 декабря 1915г. Заходил сэр Пол Харви, чтобы передать мне заявление от английского посла. Я выслушал его нелюбезно, так как заявление представляло повторение рассуждений посла об американской политике, главным образом в вопросе о мире. Я дал понять сэру Полу, каково мое нетерпение, заявив, что, вероятно, посол еще возбужден и нервно настроен. Я сказал, что из-за возбудимости посла все мы проявили осторожность в обсуждении с ним разных вопро-

ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА

сов. Я выразил убеждение, что США прекрасно знают, пожалуй, лучше, чем это знает английский посол, как им следует поступать, и ему незачем беспокоиться о нашей безопасности...»

С каждым днем становилось все яснее, что положение требует каких-то действий. Для нормального ведения дел необходимо было достичь лучшего взаимопонимания между союзниками. Это было тем более необходимо, если предполагалось проводить в жизнь план Хауза об американском вмешательстве. Лансинг был вполне согласен с Вильсоном и Хаузом, что нельзя позволить событиям развиваться по воле случая. Он высказал предположение, что наступил момент, когда личные чувства надо подавить и смена посла необходима.

«28 ноября 1915 г. Я старался убедить Лансинга, — писал Хауз, — в необходимости твердо внушить союзникам, что мы считаем их дело нашим делом и что, насколько позволят нам наши силы, мы не намерены допустить, чтоб миром правила военная автократия. Мы убеждены, что борьба идет между демократией и автократией, и мы будем стоять на стороне демократии. Я говорил о невозможности сохранения дружеских отношений с Германией не только потому, что ее концепция власти разнилась с нашей, но и потому, что против нас возбуждено столько ненависти. Для того чтобы она рассеялась, потребовались бы десятки лет. Германии внушали, что причины ее неудач следует приписать непосредственно нам. Было очевидно, что тамошнее правительство пыталось найти какое-нибудь оправдание своей неудаче, а самым легким и лучшим оправданием оно считало «пристрастную позицию США в отношении доставки военного снаряжения и предоставления денег врагам». Я также считал, что если у нас не будет полного и удовлетворительного взаимопонимания с союзниками, мы, когда война кончится, очутимся совершенно без друзей, и наше положение будет не только опасным, но и станет уязвимым с экономической стороны. Лансинг был с этим согласен, и мы рассуждали о

ГЛАВА XI

том, как лучше всего достигнуть необходимого взаимопонимания. Он полагал, что они должны отозвать английского посла и прислать такого человека, как лорд Брайс, с которым мы могли бы разговаривать, понимая друг друга».

Президент Вильсон, чье уважение к дипломатам было ограничено и который не придавал большого значения смене послов, утверждал, что самый скорый и верный путь к цели — это снова послать Хауза во Францию и в Англию. Там он сможет объяснить причины американских протестов против блокады союзников и рассеять неосновательные подозрения о нашем враждебном отношении к союзникам. Если обстоятельства сложатся благоприятно, Хауз докажет, что правительство США хочет помочь выиграть войну при условии, что победа будет использована не на корыстные территориальные стремления, а для обеспечения подлинного торжества идеалов.

«Президент вернулся в 5 часов — продолжает записывать Хауз, — и, никем не прерываемые, мы беседовали с ним полтора часа. Я очень подробно и в том же духе, как с Лансингом, коснулся всех вопросов. Президент считает, что мы должны разъяснить союзникам направление наших мыслей, но сменой послов мы этого не достигнем. Он считает, что моя поездка — единственный путь к цели. Он предложил мне заявить английскому правительству, что мы не можем иметь дело с «крайне возбуждимым инвалидом», который представляет здесь английские интересы».

«15 декабря 1915г. Я обратил внимание президента на невозможность быстро вести дела в Лондоне; вопросы, которые он или я решили бы в один день, там потребовали бы недели или двух. Я напомнил ему о медлительности английского ума; даже в таком кризисе, как эта война, англичанам понадобилось полтора года, чтобы окончательно понять создавшееся положение вещей. Президент высказал предположение, что для ускорения хода дел мне следовало бы поехать во Францию еще ранее намеченного срока и уговорить французов помочь продвинуть дело.

ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА

Что касается посещения Германии, то он полагал, что это будет зависеть от того, как сложатся обстоятельства. Мы решили, что туда я отправлюсь лишь в том случае, если меня пригласят. Мы довольно долго говорили о том, какой вообще повод избрать для поездки. Со времени нашей прошлой беседы на эту тему мне пришла на ум новая и более удачная идея. Президент согласился ею воспользоваться. Заключалась она в следующем: вызывать наших послов в воюющих странах в данное время нецелесообразно, и вот, по требованию президента, я предпринимаю поездку для того, чтобы ближе ознакомить послов с нашей позицией в нерешенных еще международных вопросах...

Я попросил президента еще раз зачитать письмо Джерарда о его беседе с кайзером. Президент отправился к сейфу, достал письмо и прочитал его Лансину и мне. Оба они очень критиковали Джерарда за то, что он не прислал полного текста беседы. Я считал, что лучше было суммировать беседу в тех немногих строках, которые он написал, чем писать целый том, который был бы не более полезен. Основной пункт письма Джерарда заключался в следующих словах кайзера: «Америкой я займусь, когда кончится эта война; позиция президента Вильсона по отношению к Германии исключает для него всякую возможность выступить в роли посредника».

5

Полковника Хауза не особенно беспокоили настроения кайзера, ибо он прекрасно понимал, что власть уже давно выскользнула из его рук. Тем не менее он внимательно изучал письма посла Джерарда, так как его миссия в Европе, к тому времени окончательно решенная Вильсоном, могла быть чувствительно затронута новым кризисом в наших отношениях с Германией. Все еще неразрешенный спор об извинении за «Лузитанию», пропаганда, приведшая к отозванию фон Паппена и Бой-Эда, или потопление «Анконы» австрийской подводной лодкой могли во всякий момент

ГЛАВА XI

привести к разрыву. Хауз надеялся избежать этого, по крайней мере, на время. Хауз был убежден, что для того, чтобы не допустить германской победы и обеспечить продолжительный мир, США в конечном счете должны будут принять участие в войне, но он хотел разъяснить всему миру, что Германия отказалась от мира, основанного на возмещении убытков и разоружении.

Задача заключалась, следовательно, в том, каким образом лучше разъяснить проблему. Этой задачи не облегчало то, что в то время как военные хозяева Германии не были настроены в пользу мира того рода, о котором думал Хауз, вокруг шли безответственные разговоры о готовности Германии прекратить военные действия.

Посол фон Бернсторф был испуган высылкой германских атташе и считал положение критическим. Он, естественно, превозносил поездку полковника в Европу, так как, по его мнению, она давала надежду на какое-то соглашение, если не на мир.

«2 декабря 1915г. Звонил германский посол, — записывает Хауз, — и просил назначить ему свидание. Ввиду предстоявших важных дел я просил его приехать немедленно. Я убедился, что он потрясен. Впервые я видел, что хладнокровие ему изменило. Вчера Лансинг сказал ему, что намерен отослать германских военного и морского атташе, и Бернсторф, очевидно, стал беспокоиться за себя...

Бернсторф полагает, что мы постепенно становимся на сторону союзников, а газеты тотчас же поднимут крик и вой, рассчитывая добиться также его отъезда...»

Письма Хауза президенту

Нью-Йорк, 16 декабря 1915 г.

«Дорогой начальник!

...Сегодня утром был Бернсторф. Он очень убедительно просил не посылать резкой ноты в Берлин. Он считает, что

ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА

если ему дадут срок, он сумеет добиться извинений за «Лузитанию» и возмещения убытков. Он считает, что сразу этого трудно будет добиться.

Рейхстаг будет распущен в субботу. После этого, по его мнению, можно будет кое-чего добиться, не подвергая опасности его правительство. Он полагает, что общественное мнение воспротивится извинениям в той форме, которая удовлетворила бы нас, но несколько позднее извинения могут быть принесены таким образом, что публика не узнала бы их полного текста.

Он склонен полагать, что Австрия удовлетворит наши требования в отношении «Анконы».

Я говорил с ним о поездке и сказал, что она может ограничиться Лондоном, но зависеть это будет от его правительства...

Он заявил, что в Германии я буду более желанным гостем, чем любой иной человек, на которого была бы возложена такая миссия.

Он утверждает, что здесь немцы не составляют никаких заговоров, и рано или поздно мы в этом убедимся. Он считает, что вера в эти заговоры является основной причиной трений и объясняет ваше намерение порвать отношения.

Я сказал, что среди американцев создалось убеждение, что если Германия победит, она в конечном счете поссорится с нами независимо от того, будут ли для этого основания; и если это чувство можно рассеять, а сделать это можно только уничтожением милитаризма, то враждебное отношение немедленно заглохнет.

С этим он согласился.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Нью-Йорк, 22 декабря 1915г.

«Дорогой начальник!

Только что был Бернсторф. Он получил известия от своего правительства. Они хотят, чтобы я отправился прямо в

ГЛАВА XI

Берлин для обсуждения мира на общих условиях военного и морского разоружения.

Бернсторф понимает, что поехать я должен сперва в Лондон и сообщить об этом своему правительству. Они считают, что лучше было бы, чтобы я отправился сперва в Берлин. Помоему, — нет.

В беседе, содержание которой Бернсторф сообщил затем своему правительству, я сказал, что если они согласятся на план, который включал бы всеобщее разоружение, вы готовы бросить на чашу весов влияние нашего правительства и потребуете прекращения войны. Мы заинтересованы не в территориальных вопросах и контрибуции, а в более широких проблемах, касающихся не только воюющих стран, но и нейтральных государств.

О территориальных вопросах и возмещении убытков позаботятся союзники, и для нас нет необходимости на этот раз обсуждать эти вопросы. Если мы начнем с подобных обсуждений, то это может привести к бесконечным и непреодолимым разногласиям.

Мне думается, что мы должны действовать с осмотрительностью и не дать возможности германскому правительству создать такое положение, при котором мы очутились бы в неприятной позиции по отношению к союзникам. Возможно, что немцы попытаются это сделать. Я всегда отношусь с подозрением к их дипломатии. Все же, зная об этом заранее, я чувствую, что мы можем избежать все их западни. Осторожность здесь не помешает.

Для меня было бы крайне ценно, если бы время от времени, в свободную минуту, вы мне писали с тем, чтобы я мог показывать ваши письма тем или иным членам правительства тех стран, где мне придется бывать. Ваши прошлогодние обращения к Пуанкаре и Делькассе принесли огромную пользу. Эти письма не были адресованы им непосредственно, благодаря чему их ценность даже увеличилась. Нельзя недооценивать влияния лести и вежливости на европейцев, это столько же касается англичан и немцев, как и латинских

ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА

рас. Таким вещам они придают гораздо больше значения, чем мы думаем...

Остаюсь глубоко преданный вам Э. М. Хауз».

«17 декабря 1915 г. День прошел в хлопотах, в последних приготовлениях к отъезду. В четыре часа заехал английский посол и оставался в течение полутора часов. Никогда не видел я его более разговорчивым, любезным и рассудительным. Он был таким, каким при случае, мы знали, он мог быть. Хвалил он меня так неумеренно, что я едва не рассмеялся. Он сказал, что собирается написать книгу, посвященную своему пребыванию в качестве посла в Вашингтоне для того, чтобы отдать должное мне за все, что я сделал, так как иначе это навсегда осталось бы неизвестным. Он напомнил, как более года назад я заблаговременно уловил оскорбительную фразу в ноте к Англии. Он утверждал, что если бы был послан первоначальный текст этой ноты, то между Англией и США не могли бы существовать добрые отношения; оскорбление никогда не было бы забыто... Как смогу я ехать в Лондон и требовать его головы? Я попытаюсь придумать что-нибудь для его спасения, а желания президента, Лансинга и мои о его отозвании придется несколько изменить.

Из беседы с послом я узнал, что Х. слишком много болтает... Я узнал, что капитан Гонт¹ рассказал ему, что я непосредственно общался шифрованными телеграммами с сэром Эдуардом Грэм. Все это доказывает абсолютную невозможность держать такие вещи в тайне. Некоторым людям приходится кое-что сообщать, но после этого можно быть уверенным, что эти сообщения будут разглашены. Эту проблему я никогда не мог разрешить. Все больше убеждаюсь я в том, что человеку присуще разговаривать и передавать сведения, которые следовало сохранить в тайне. Я уверен, что большинство неприятностей возникает в результате передачи правиль-

¹ Английский морской атташе, с которым Хауз, по своему обыкновению, установил тесную связь.

ГЛАВА XI

ной или неправильной информации одним лицом другому и одним правительством другому. То, что вначале было правильной информацией, превращается в ложное сообщение прежде, чем оно достигнет своего назначения, и в результате возникают бесконечные неприятности и недоразумения».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 21 декабря 1915 г.

«Дорогой начальник!

...Вчера здесь был сэр Сесиль. Он провел у меня полтора часа. Никогда еще не видел я его более любезным и рассудительным. Записку, в которой он просил назначить ему свидание, он заключил словами «очень любящий вас». Станный этот сэр Сесиль. Он спрашивал, сердит ли он чем-нибудь министерство иностранных дел или же, наоборот, всем своим поведением он доставляет министерству удовольствие. Это был довольно затруднительный вопрос, и я должен был ответить ему, что некоторые его методы могли быть лучше. Он обещал исправиться...

Ваш преданный друг Э. М. Хауз».

24 декабря в письме к Хаузу президент выразил свое раздражение дипломатами в Вашингтоне. Сэр Сесиль казался ему странным и непонятным. Едва ли Бернсторф удовлетворял его в большей степени, и Вильсон был согласен с Хаузом, что все его сообщения из Берлина нуждались в подтверждении. На запрос Хауза об инструкциях президент ответил, что для него они излишни: письма полковника точно отображали его, президента, взгляды и намерения; США заинтересованы только в одном: в установлении всеобщего мира и в обеспечении этого мира. Основной гарантией, заявил президент, должно быть разоружение (на суше и на море) и Лига наций, которая обезопасила бы любую нацию против агрессии и сохранила бы абсолютную свободу морей. Президент указал, что миссия Хауза тем более не-

ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА

обходима, что сенат требовал немедленного продолжения давления на Англию и ее союзников, чтобы они отменили свои ограничения по отношению к торговле нейтральных стран.

6

Основное затруднение, которое полковнику надо было преодолеть, заключалось в том, чтобы убедить союзников, что его миссия не преследовала цели завязать переговоры, в результате которых Германия могла бы использовать свои сегодняшние военные успехи для того, чтобы обеспечить себе компромиссный мир. Союзники твердо решили не обсуждать условия, которые только восстановили бы *status quo ante*, т. е. новый вооруженный мир, новую эру вооружений, которая привела бы к еще более разрушительной войне. Хауз был отлично осведомлен об этой решимости.

26 ноября в письме к полковнику Хаузу лорд Брайс напоминал ему об условии держать его в курсе всего, что могло характеризовать английские взгляды, о которых Хаузу следовало бы знать. Брайс утверждал, что в Англии нисколько не поколеблены чувство долга и решимость вести войну со всей энергией, не прислушиваясь ни к каким предложениям о переговорах с германским правительством. Англичане были уверены, что Германия отвергнет всякие условия, какие ей могут быть предложены, так как эти условия включали бы эвакуацию Бельгии с соответствующей компенсацией за все понесенные ею потери, а также, естественно, эвакуацию Северной Франции и Люксембурга. Германия, с другой стороны, утверждал Брайс, будет настаивать на контрибуции, ибо без нее она очутилась бы лицом к лицу с банкротством.

Поэтому, заявлял Брайс, не оставалось ничего другого, как продолжать войну. Он слышал, что Джэйн Адамс, «которой все должно было стать ясным после ее поездки по Европе», и другие женщины, а также некоторые представители

ГЛАВА XII

крайнего пацифистского течения пытались создать движение в пользу посредничества; лучше бы они и не старались. Англичане нисколько не испуганы балканскими затруднениями, и армянская резня, которую германское правительство могло предотвратить, еще более озлобила англичан не только против немцев, но и против турок. Владычеству турок над христианами, заявлял Брайс, должен быть раз навсегда положен конец.

Но полковник Хауз и в мыслях не имел покончить с войной на германских условиях. Скорее он готов был настаивать, чтобы война продолжалась до тех пор, пока немцы не примут условий, которые гарантировали бы весь мир против угрозы милитаризма и дали бы возможность создать организацию для сохранения всеобщего мира. Если непобежденная Германия откажется подчиниться подобным условиям, то США помогут союзникам обеспечить необходимую победу. Для Хауза становилось все более очевидным, что собственными силами союзники не могут добиться победы. Взамен союзники должны отказаться от всяких планов уничтожения Германии в политическом смысле слова и от вступления на путь массовых аннексий.

Таким образом, союзникам будет дана возможность, которую, если у них хватит ума, они могут использовать для того, чтобы привлечь США на свою сторону.

ГЛАВА XII ВТОРАЯ ПОПЫТКА...

Полковник Хауз... да будет мне позволено заявить на основании долгого и непосредственного опыта... соединяет в себе в исключительной степени некоторые наиболее полезные и привлекательные качества государственного деятеля: хладнокровие, независимость суждения и абсолютное бескорыстие.

Асквит, «Происхождение войны»

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

1

К великому неудовольствию Хауза, всякий его отъезд или приезд превращался в событие международного значения. «Полковник Хауз, — писала спрингфилдская газета «Рипабликен», — пожалуй, единственный частный гражданин в Америке, который не мог бы теперь отправиться в Европу без того, чтобы не привлечь внимания всего мира». Американская печать пестрела сообщениями о его миссии, разглашенной одним вашингтонским журналистом, чьи способности, по выражению Хауза, превосходили его скромность. Обсуждая цели поездки Хауза, газеты выдвигали всевозможные предположения, начиная с того, что он послан для немедленного созыва мирной конференции, и кончая тем, что «ему поручено отчитать американских послов в европейских столицах». «Всемирное внимание», «Любопытная миссия», «Перспективы мира», «Здравая дипломатия», «Осторожный посол» — подобными заголовками пестрели американские газеты, и эти заголовки фигурировали на страницах газет по несколько дней.

Газеты, наиболее враждебно настроенные к правительству, подняли вопрос о конституционном праве президента назначать «агента высшей дипломатии» без одобрения сената. Но, за некоторыми редкими исключениями, американские журналисты, не зная в чем заключается настоящая цель миссии Хауза, одобряли ее на том основании, что она потребует дипломатического такта, а в этом отношении полковник Хауз не имел себе равных. «Полковник Хауз зарекомендовал себя осторожным и сдержанным послом, — писала газета «Джёрнал» в городе Провиденс, которая не отличалась особой доброжелательностью к Вильсону, — и, несомненно, подтвердит свою репутацию в этой новой миссии». «Он будет желанным гостем в Англии, — комментировал «Кришчен сайенс монитор», — для тех журналистов, которые... заинтересованы в познании по крайней мере одного американца, не только умеющего держать про себя то, что нужно, но обла-

ГЛАВА XII

дающего даже более редкой способностью разубеждать своего собеседника в том, будто тот вообще знает, что заслуживает быть напечатанным».

Полковник Джордж Гарви писал в сатирическом, но доброжелательном духе: «Вместо того, чтобы посылать полковника Хауза за границу, президент Вильсон должен был бы поехать в Европу сам, чтобы узнать, что о нем думают люди там... Вильсон мог бы оставить здесь полковника Хауза, чтобы он на это время исполнял обязанности президента».

Никто из журналистов и не подозревал действительного значения миссии. Очень немногие из них претендовали на то, что понимают Хауза, но все журналисты признавали его влияние.

«Несмотря на то, что он не занимает и не занимал никакой должности, — писал один корреспондент, — его роль неизмеримо выше чиновников кабинета и начальников департаментов в Вашингтоне. Он, может быть, и не представляет из себя силу, стоящую за президентским креслом, но он — сила рядом с ним.

Это — фигура, какой не знала наша политическая история...

Полковник Хауз ничего не требует для себя. Он до такой степени ненавидит популярность, что это исключает для него всякую возможность занять официальный пост. Он не филантроп и не реформатор, но он знаток в политике...

Полковник Хауз один из тех незаметных, но сильных людей, которые совершают большие дела без всякого шума. Это исключительно слаженный человеческий механизм; он движется быстро, без единого скрипа или дребезжания. Его нельзя классифицировать, ибо подобных ему людей еще не бывало. Поэтому его называли «помощником президента» — новое название для новой загадочной личности».

«28 декабря 1915 г. Когда мы прибыли на пристань, — писал Хауз, — нас ожидала огромная толпа журналистов с фото- и киноаппаратами. Такой большой толпы газетчиков я еще не видал. Их наверное было не меньше пятидесяти, выстро-

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

ившихся для свершения казни. Я с крайней любезностью соглашался на их просьбы и позировал перед ними в течение пяти минут. После этого репортеры и фотографы не давали мне покоя до отплытия парохода. Нас провожало несколько друзей.

Перед тем как покинуть пристань, главный директор Голландско-Американской линии приказал перенести наши вещи из занятой нами каюты в каюту «Люкс», состоявшую из гостиной, двух спален и двух ванных комнат».

Полковника Хауза, как и во всех его других поездках, сопровождала жена, не считавшаяся с опасностями и неудобствами путешествия в военное время. Так же как ее супруг, она умела находить и сохранять друзей в Европе; она любила приключения и обладала большой способностью переносить физические неудобства. Начиная с 80-х годов, она принимала участие во всех фазах политической карьеры Хауза. После войны европейские государственные деятели писали ей в таком же почтительном тоне, как они обычно писали полковнику. Хауза так же неизменно сопровождал его секретарь, мисс Дентон, без помощи которой он едва ли сумел бы довести до конца все переговоры; ежедневно под его диктовку она записывала результаты секретных совещаний, осторожно выполняла самые деликатные поручения, шифровала и расшифровывала телеграммы, поддерживала не прекращавшуюся переписку, при помощи которой полковник, как бы быстро он ни переезжал с места на место, всегда находился в связи со всеми его источниками информации в Америке и Европе.

Любопытно отметить, что капитан Бой-Эд, этот слишком усердный германский морской атташе, находился на том же пароходе. Обычному дружелюбию Хауза по отношению к газетным репортерам, вероятно, пришлось подвергнуться тяжелому испытанию, когда один предприимчивый журналист смонтировал вместе отдельно сделанные снимки Хауза, Бой-Эда и Брэнда Уйтлока, который также находился на борту парохода, так что трое составили дружескую группу.

ГЛАВА XII

Дружба с Уйтлоком, начавшаяся в это время, с годами окрепла. «Он обладает добрыми человеческими чувствами, — писал Хауз. — Он не подвержен чувству ненависти или мщения. Он знаком с литературой и изящными искусствами. Он знает наши политические организации, наш народ и его стремления. Я думаю, что после заключения мира президенту следовало бы дать ему повышение». Прибыв 5 января в Фалмут, полковник убедился, что английское правительство придавало его посещению такое же значение, как «американская публика»¹.

«5 января 1915г. (Фалмут). Мы прибыли сегодня в три часа дня, английское правительство позаботилось о пропуске нас на берег. Остальным пассажирам не разрешено покидать пароход в течение 24 часов, пока они не исполнят все формальности, связанные с войной. Явившиеся на пароход морские офицеры распорядились донести наш багаж до вокзала, заказали таксомоторы, спальные места в поезде и сделали все возможное для того, чтобы обставить нашу поездку в Лондон всяческими удобствами».

Полковник Хауз немедленно приступил к беседам с английскими государственными деятелями. Он все же не намеревался предложить свой особый план до того, как разберется, есть ли необходимые факторы для обеспечения успеха. Прежде всего он хотел объяснить отношение американского общественного мнения к спору о торговле и обсудить более общие

¹ Сравните следующую выдержку из письма Планкетта Бальфуру. Впоследствии это письмо было размножено для секретного осведомления членов английского кабинета:

«...На протяжении целого поколения я тесно соприкасался с людьми и вещами в США. Благодаря моему интересу к американским сельскохозяйственным проблемам, меня знали три последних президента и их правительства. Таким же образом около трех лет тому назад мне посчастливилось познакомиться с полковником Хаузом, с которым я с тех пор поддерживал тесную связь. Если когда-нибудь будут описаны действия президента Вильсона во время этого кризиса, то немалую роль во всем этом сыграл отказ президента от всех дипломатических правил путем использования услуг этого мудрого и проницательного политического наблюдателя и советника...

105 Манут-Стрит, Лондон, 24 февраля 1916 г.».

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

контуры американского сотрудничества в деле создания всемирной организации, которую мыслили себе Грэй и он сам.

В беседе с Грэем полковник Хауз подчеркнул, какое значение для Англии имел бы всеобщий международный пакт, опирающийся на разоружение и на «свободу морей», и настаивал, что только такие основные условия могли положить конец войне.

«6 января 1916 г. Приятно было сознавать, что сэр Эдуард шел мне навстречу, — писал Хауз. — Я считал, что «свобода морей» обеспечит Англии то, что сейчас достигается ее доминирующей военной мощью, но она стала бы менее дорогостоящей, более действенной и не раздражала бы нейтральных держав. Если «свобода морей» претворится в международную политику, то стране, нарушившей соглашение, придется посчитаться с каждой другой страной. Если бы был осуществлен тот пакт, о котором я думаю, и Германия нарушила бы его, то все страны, подписавшие пакт, помогли бы Англии наказать нарушителя. С другой стороны, если пакт будет нарушен Англией, все страны объединятся против нее.

Грэй выразил удовлетворение по поводу моей уверенности в том, что общественное мнение в США достигло такой стадии, когда мы могли бы примкнуть к всемирному соглашению о сохранении мира, если бы можно было выработать практический план.

Я считал, что демократическим странам мира гораздо лучше объединиться вокруг какого-нибудь плана, который позволит США вмешаться, чем нам — вступить в войну по поводу разрыва дипломатических отношений с Центральными державами. Он с этим согласился.

Я признался, что советовал президенту сейчас не идти на разрыв с Германией, потому что надеялся, что мы сможем прийти к какому-нибудь соглашению в соответствии с наметченным планом. Я сообщил ему, что президент сочувствовал этому взгляду. С другой стороны, министр иностранных дел настаивал на окончательном разрыве с Германией».

ГЛАВА XII

I

Письма Хауза президенту

Лондон, 7 января 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Вчера я провел полтора часа с сэром Эдуардом и обедал с Бальфуром, в понедельник встретимся мы втроем. Когда сэр Эдуард спросил меня, с какими членами кабинета я желал бы встретиться на завтраке, я назвал одного только Бальфура, так как только мы трое говорим понятным вам языком.

Я сказал ему, что если мы не придем к лучшему взаимопониманию с Англией и не сможем удовлетворительно разрешить проблемы, вызванные этой войной, то причиной будет то, что его правительство и народ не смогли следовать за вами до самой вершины.

Памятуя слова Пэйджа о настроении англичан, я объяснил ему, каково, по-моему, основное настроение в Америке. Я просил не давать вводить себя в заблуждение мотивами, которые двигали Нью-Йорком, Чикаго и другими торговыми центрами, а поверить моему слову, что мы не являемся народом, обезумевшим от денег. Наоборот, я считаю, что ни одна страна в мире не обладает такими высокими идеалами и не проявляет столько готовности к жертвам ради этих идеалов, как наша.

Я напомнил ему тот факт, что наше население составилось из идеалистов, покинувших Европу в поисках большей свободы, и этот дух сейчас так силен, как никогда за всю историю нашего существования.

Я говорил с ним о наших недоразумениях в связи с судоходством и убедительно просил его облегчить наше положение. Он объяснил, на какие трудности он наталкивался, трудности, серьезность которых вы, по его убеждению, сознавали не полностью...

Я вскользь коснулся вопроса о Спринг-Райсе, подготовив почву для дальнейшего обсуждения.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Он признает, что для союзников создалось скверное положение, но заявляет, что никогда еще Англия не выказывала большей решимости, чем теперь, и что исход войны будет успешным. Все, с кем я в этот день беседовал, высказывали то же мнение. В настоящий момент они проявляют еще большую уверенность, чем в прошлый мой приезд.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Лондон, января 1916 г.

«Дорогой начальник!

Я встречаюсь со столькими людьми, сколь это физически возможно; буду продолжать в том же духе вплоть до нашего отъезда 20-го. В списке моих посетителей можно найти военных, моряков, политических деятелей и редакторов газет.

Вчера провел у меня полтора часа наш друг А. Дж. Гарднер¹. Я пожертвовал ему больше времени, чем другим, потому, что по возможности хотел укрепить его высокое мнение о вас.

Все эти старания преследовали одно — создать лучшее и благожелательное понимание ваших целей. Но мое главное усилие было направлено в сторону Грэя и Бальфура. Я не считал благоразумным обсуждать деликатные дела со всем кабинетом и остановился на последних двух потому, что питал к ним доверие, которое разделяете и вы. Мне казалось, что лучше возложить всю ответственность на них непосредственно.

В основном я аргументировал тем, что вы позаботились о более тесном союзе американских континентов с тем, чтобы если мы не найдем нужным вмешаться в сферу мировой политики, мы сможем спокойно вести изолированное существование². Я заявил им, что если мы остановимся на подобном решении, то увеличим нашу армию и флот и останемся в пределах нашего полушария.

¹ Публицист и автор особенно любимых Вильсоном биографий английских государственных деятелей.

² Имеется в виду панамериканский пакт.

ГЛАВА XII

С другой стороны, объяснял я, вы уверены в том, что для того, чтобы полностью оправдать ваше существование в качестве великой нации, может быть, окажется необходимым пустить в ход всю нашу мощь для дела мира и его сохранения.

Они спрашивали, как далеко простирается ваша готовность участвовать в соглашении, касающемся европейских дел. Я высказался в том смысле, что вы вообще не хотели бы вмешиваться в эти дела, но охотно примкнете к соглашению цивилизованного мира по широким проблемам, затрагивающим интересы и будущее всякой нации. Сюда, например, относится всеобщее уничтожение, в пределах возможности, милитаризма на суше и на море...

Бальфур сказал, что узнает, на какие уступки американскому общественному мнению согласятся его коллеги. Я просил его не ставить вопрос подобным образом, так как мы считаем, что они не делают нам никаких уступок, и дело обстоит как раз наоборот. Мы готовы рассмотреть некоторые меры помощи делу цивилизации, но мы чувствуем, что в этом случае приносим в жертву нашу традиционную политику и создаем себе опасность, которая до сих пор нам не угрожала.

Я заявил им также, что если они не проявят готовности подойти к вопросу в духе бескорыстия, то не стоит касаться его вообще.

Они так уверены в конечном военном успехе, что я попытался несколько пошатнуть эту уверенность. Полагаю, что это мне удалось. Я спросил, уверены ли они, что исключена возможность того, что Германия весной и летом еще больше оттеснит Россию, создав для нее тем самым предлог заключить сепаратный мир на условиях, которые смогут оказаться более выгодными, чем в случае победы союзников. В таком случае Германия сможет обрушиться всеми своими силами на западный фронт и, не пытаясь нанести Франции смертельного удара, предложит ей равным образом выгодные условия. Они допускали эту возможность.

Я сказал им, что Германия считает, что у нее только один противник, и, прежде чем погибнуть, она пообещает России

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

предоставить ей свободу действий по отношению к теплым морским портам юга и запада. Германия сможет возвратить Франции Эльзас-Лотарингию и эвакуировать Бельгию, за исключением Антверпена и территории к югу от Шельды. Таким образом, Германская империя с входящей в нее фактически основной частью Австрийской империи обеспечит себе свободу действий в Малой Азии, Египте, Индии и Африке.

При таких условиях английское владычество на морях, думается мне, не продлилось бы и трех месяцев. И не потому, что английские военные силы потерпят поражение на море, а потому, что все страны заявят протест против ограничений торговли.

Преданный вам Э. М. Хауз».

3

За свое двухнедельное пребывание в Англии Хауз возобновил личные знакомства, завязанные им во время предыдущих поездок. Разнообразие его знакомств было удивительно. Он обладал даром терпеливо выслушивать своего собеседника, что давало повод людям сообщать ему всевозможные тайны, а также способностью спокойно убеждать, что помогало ему объяснять взгляды вашингтонского правительства. Многие из его встреч могли бы быть названы тривиальными, но они укрепляли личное взаимопонимание, которое составляет основу успешной дипломатии.

«6 января 1916 г. Сидни Брукс пригласил м-ра Бальфура, Сент-Лоу Стрэйчи и А. Х. Поллена встретиться со мной за обедом в Брукс-клубе. У меня было совещание с сэром Эдуардом Грэм, из-за чего я запоздал почти на полчаса.

Все были в хорошем настроении, и мы прекрасно провели вечер. Беседа не представляла особого интереса. Бальфур рассказал о действиях английских подводных лодок в Балтике. Он говорит, что германские подводные лодки уступают английским как в конструкции, так и в отношении людского

ГЛАВА XII

состава, иначе они превратились бы в серьезную угрозу для .
Англии...»

«7 января 1916 г. Со мной завтракал Пэйдж. Он только и говорил о растущей непопулярности президента и США в Англии. Он спросил, предпримет ли когда-нибудь президент решительные шаги в связи с «Лузитанией» и аналогичными вопросами. Он думает, что здешнее враждебное отношение к нам вызвано бездействием в связи с вопросом о «Лузитании». Он спросил, считаю ли я, что президент будет не доволен тем, что он писал и телеграфировал ему. Я ответил, что это вполне вероятно.

Здесь (в Англии) я нахожусь пока немногим более 24 часов, а между тем все две недели, которые я рассчитываю провести здесь, заполнены приглашениями на завтраки и обеды».

«28 января 1916 г. Со мной завтракал секретарь сэра Эдуарда Грэя, Эрик Друммонд. Он пользуется полным доверием Грэя, и я говорил с ним очень откровенно... Я заявил ему, что с момента превращения США в республику не было еще более удобного случая, чем сейчас, для того, чтобы достигнуть полного взаимопонимания между обеими нашими странами... Трудности, стоящие на пути к такому взаимопониманию, заключались в насильственной политике Англии на море, политике, раздражавшей не только нас, но и все нейтральные страны...

После обеда приезжал Г. К. Гувер, чтобы рассказать о своих злоключениях в Бельгии. По его словам, немцы не соблюдают соглашений о продовольственных товарах. Они облагают бельгийцев данью и на полученные деньги закупают бельгийский скот для снабжения своей армии. Это противоречит соглашению с английским и французским правительствами. Гувер попросил меня отобедать с ним, чтобы встретиться с некоторыми английскими пацифистами, в том числе с Хэрстом из «Экономиста». Он полагает, что воюющие стороны устали и будут приветствовать возможность покончить с войной. Никаких доказательств этому я не вижу».

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

«9 января 1916 г. Я обедал с Пэйджем, чтобы встретиться с Бонар-Лоу и Леверсоном Гаррисом... Нельзя сказать, чтобы взгляды Бонар-Лоу совпадали с моими, но мне удалось избежать излишних препирательств...»

«10 января 1916 г. Я завтракал с сэром Эдуардом Грэем и Бальфуrom, чтобы обсудить конечные цели моего приезда в Европу...

Был у меня американский консул Скиннер; мы обсуждали с ним вопросы торговли между Англией и США. Он с таким же упорством защищает американскую точку зрения, как Пэйдж — английскую. Это разумный, с ясной головой парень и, думается мне, отлично работает...»

«11 января 1916 г. Клиффорд Карвер пригласил на завтрак министра финансов Мак-Кенна с супругой, а также директора департамента торговли Рэнсимэна...

Мы с Мак-Кенна обсуждали вечно больной вопрос о взаимоотношениях Англии и США и о той роли, какую нам следовало бы играть в этом вопросе. Он великодушно заявил, что мы сыграли благородную роль по отношению к союзникам и эта роль никогда не будет забыта; весьма вероятно, что без нашей помощи война окончилась бы победой Германии еще прошлой осенью. Я выразил надежду, что он передаст эти слова английскому народу. Мак-Кенна и Рэнсимэн несколько раз заявляли, что вся критика по адресу США исходит от безответственных и невежественных людей...

Сразу же после того как я расстался с этими гостями, ко мне заехал лорд Брайс. Мы условились продолжить нашу беседу в четверг, в десять часов. Я хочу воспользоваться его советом для дальнейших переговоров с Грэем и Бальфуrom.

Пэйдж устроил мне встречу с Ллойд-Джорджем, Реджинальдом Мак-Кенна, Остином Чемберленом и лордом Редингом.

... Любопытно было видеть Мак-Кенна и Ллойд-Джорджа за одним столом, ибо в течение последних нескольких недель они друг с другом не разговаривали. Еще любопытнее было присутствие Чемберлена среди остальных трех, так как до

ГЛАВА XII

войны невозможно было бы заставить его снизить до того, чтобы сидеть с ними за одним столом.

Пэйдж начал беседу, заявив, что Чемберлен и другие спрашивали его, каких действий ждут США от Англии; он просил меня ответить на этот вопрос. Я ответил: «США хотят, чтобы Англия сделала то, что дало бы США возможность помочь Англии выиграть войну». Пэйдж великодушно сознался: «Вы ответили гораздо остроумнее, чем мог бы я».

Мой ответ, естественно, встретил всеобщее одобрение, а затем началось обсуждение того, что Англия должна сделать, чтобы США могли ей помочь. Я довольно пространно коснулся наших затруднений с судоходством и рассказал им, в какое тяжелое положение ставят президента их ограничения.

Был поднят вопрос о жестокости, по поводу чего я сделал следующее замечание: «Англия должна быть благодарна за все жестокости, совершенные Германией, ибо всякий мужчина, всякая женщина и всякий ребенок, погибшие на море или на суше, умерли за Англию так же, как солдаты на фронте»¹.

Я завтракал в Брукс-клубе с Гарвином из «Обсервера», Спендером из «Вестминстер газетт» и капитаном Холлом — офицером разведки. Завтрак давал А. Х. Поллен.

В посольстве был обед. Среди гостей были лорд и леди Нортклифф и чета Эрвин Лафлин. Нортклифф довольно глупо рассуждал о продолжительности войны, о блокаде, о Дарданеллах, о здоровье кайзера и сообщил нам кучу неверных сведений».

«14 января 1916 г. В 11 часов я был в Букингемском дворце и приятно провел час с королем. Он отнюдь не был пессимистичен по отношению к позиции США. Более того, после того как я рассеял некоторые его сомнения, он любезно признал правоту нашей позиции. В вопросах подводной войны, настроений американских немцев и наших затруднений с Мексикой, которые вновь доставляют нам неприятности, я

¹ Аргумент полковника Хауза заключался в том, что германские нападения на мирных жителей как нельзя лучше внушали англичанам чувство близости войны.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

привел свои обычные аргументы. Он сказал, что отлично понимает, почему президент не намерен позволить Германии втянуть нас в войну с Мексикой.

Вчера вечером Нортклифф заявил, что кайзер умирает от туберкулеза горла. Король сказал, что это чепуха — у него всего-навсего карбункул на шее...

Я обедал в гостинице «Савой» с лордом Редингом и Ллойд-Джорджем. Собрались мы в отдельном кабинете. Ллойд-Джордж смотрел фильм «Рождение нации» и очень заинтересовался моими рассказами о реконструктивном периоде на Юге. За обедом, пока присутствовали официанты, мы обсуждали такие вопросы общего характера, как политическое положение в Америке и приближение избирательной кампании. Я убедился, что Джордж ничего не понимает в наших делах и политических деятелях...

Он думает, что война принесет Англии только пользу. Благодаря новым навыкам и военному воспитанию жизнь молодежи станет более продолжительной. Производственная мощь усилится, потому что всех бездельников заставили работать, и, вероятно, они будут работать и впредь. Он считал, что все это прибавит более миллиарда долларов к национальному богатству Англии, а благодаря той умеренной жизни, какой начнут жить люди теперь, будут сбережены несчетные миллионы...»

«18 января 1916 г. Сегодня мы завтракали с супругами Асквит. Я долго беседовал с миссис Асквит. Когда она хочет, то умеет быть приятной, а старалась она, кажется, изо всех сил. В беседе мы коснулись всевозможных людей и вопросов, и мне она показалась знающей, умной и живой особой...

Я обедал с Сент-Лоу Стрэйчи. Среди других гостей был архиепископ Кентерберийский, лорд Стэмфордхэм, капитан Холл и полковник Хэнки из министерства национальной обороны. Стрэйчи сидел на одном конце стола, а я — на другом; справа от меня был архиепископ, слева — Стэмфордхэм. Обед прошел тихо и приятно. В спокойно протекавшей бесе-

ГЛАВА XII

де было затронуто много вопросов, войны мы не касались. Говорили о Линкольне, о гражданской войне, о характерных чертах блокады того времени. Беседовали также о Марке Твене, об Артемин Уорде и Джо Биллингсе, и я обнаружил, что большинству собеседников были знакомы их произведения. Я удивился, когда Стэмфордхэм сказал, что покойный король Эдуард часто читал Уорда.

Одно из любопытных проявлений войны это — ребяческая вера интеллигентных людей в рассказы о шпионах, жестокостях врага и т. п. С этим настроением сталкиваешься и здесь, и во Франции, и в Германии. Одна из подобных историй передавалась в Лондоне. Я вновь услышал ее за этим обедом. История заключалась в том, что известный американский писатель, враждебно относившийся к немцам, поехал в Голландию. Германский посол в Гааге пригласил его в Берлин побеседовать с кайзером. За ним должен был прилететь цеппелин, а по окончании беседы — доставить писателя обратно в Гаагу. Американец был восхищен приглашением и принял его. Цеппелин за ним прилетел и поднял его на такую высоту, что у писателя случился разрыв сердца...»

«19 января 1916 г. В семь часов я отправился в дом № 33 на Экклзтон-сквере. Сэр Эдуард меня ждал. Он сказал, что сегодня вечером премьер-министр дает обед в честь французского премьера Аристиды Бриана, и ему, Грэю, поручено пригласить меня. На обеде будут лишь видные члены правительства и послы союзнических стран. Именно поэтому я решил, что принимать приглашение неудобно.»

Хауз мог чувствовать себя польщенным не только подобным приглашением, но и неизменно выдаваемым по отношению к нему доверием. Тот факт, что члены правительств обсуждали проблемы войны с ним, иностранным подданным, почти так, как если бы он был человеком их круга, и притом накануне его отъезда во враждебную страну, все это было редким выражением похвалы, осмотрительности и честности. Когда много лет спустя после войны у этих

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

людей потребовали объяснить такое необычайное положение, они просто ответили: «Ну, видите ли, это был полковник Хауз»¹.

4

Самыми важными были те совещания, на которых Хауз обсуждал с Ллойд-Джорджем, Грэм и Бальфуром проблемы окончания войны и значение сотрудничества США в случае согласия англичан на его план американского вмешательства.

«14 января 1916г. (Запись совещания с Ллойд-Джорджем.) Его взгляды на возможное развитие событий будущей весной и летом близко совпадают с моими. Он сказал мне, что у англичан под ружьем будет четыре миллиона людей и артиллерия большего калибра, чем нынешняя. Хотя он и не ожидает решающих результатов, но думает, что немцы будут оттеснены во многих пунктах, что значительно облегчит положение союзников... Он считает, что к 1 сентября большие летние бои кончатся и тогда можно будет предсказать, каков будет исход.

Джордж считает, что война может продолжаться до бесконечности; так оно и произойдет, если не вмешается президент, но он считает, что для того, чтобы быть действенным, вмешательство не должно быть предложено ранее 1 сентября...

Он считал, что идея «свободы морей» исходит от немцев. Узнав, что она исходила от меня и была согласована с президентом, он, казалось, изменил к лучшему свое мнение об этом.

Он настаивал на том, что с Турецкой империей надо покончить, что Польша снова должна стать самостоятельным государством. Мы пространно обсуждали эти вопросы. У

¹ Беседы с лордом Грэм и лордом Бальфуром в июне 1924 г. Насколько известно, полковник Хауз был единственным иностранцем, которому когда-либо разрешали пользоваться шифром английского министерства иностранных дел.

ГЛАВА XII

него быстрый ум, подверженный порывам, в нем нет той медлительности рассуждений, какая свойственна типичным английским государственным деятелям. Его заинтересовали мои предсказания, касавшиеся Азии, и моя уверенность в том, что Англии когда-нибудь придется подумать о том, чтобы покинуть эту часть света. Я считал, что в будущем Китай может сыграть ту же роль, какую Турция сыграла в прошлом, и стать причиной бесчисленных кровавых конфликтов.

Я попытался напугать его, как пугал других, мыслью о возможном заключении сепаратного мира с Россией...¹ Он считал, что, если бы США помогли Англии, ничто в мире не могло бы поколебать наше объединенное владычество на морях. В этом он, вероятно, прав...

Больше всего меня заинтересовало настойчивое заявление Джорджа о том, что президент мог бы положить конец войне и диктовать условия, на которые никогда не согласились бы воюющие страны, если они будут предоставлены самим себе. Каким бы фантастическим это ни показалось, но в этом есть доля правды, и если бы президент послушался моего совета и увеличил армию США в первые месяцы войны, о чем я упорно твердил, он уже сегодня мог бы сделать то, чего Ллойд-Джордж ждет от него осенью».

«15 января 1916 г. В половине четвертого я отправился пешком к дому № 4 в Карлтон-Гардене, чтобы встретиться с Бальфуrom и Грэем. Грэй пришел вслед за мной, и мы немедленно приступили к беседе. На стене висела большая карта Юго-восточной Европы и Анатолии. Я стоял перед картой и рассказывал о моей вчерашней беседе с Ллойд-Джорджем и Реддингом. Я подробно объяснил, как Джордж поделил мир и какую необычайную роль он предназначил президенту. Я спросил, обсуждали ли они с ним этот вопрос. Он ответил:

¹ Необходимо отметить настойчивость, с которой Хауз возвращается в своих беседах к этой опасности, принявшей реальные формы, когда был заключен Брест-Литовский мир, но которой, возможно, удалось бы избежать, если бы союзнические страны Запада иначе подошли к разрешению русской проблемы.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

«Вовсе нет. Вероятно, он сам до этого додумался и воспользовался вашим пребыванием в Лондоне, чтобы обсудить дело с вами».

Почти весь разговор вели мы с Бальфуrom: я выдвигал предложения, а он неизменно возражал. Он прирожденный спорщик... Сэр Эдуард почти все время молчал, а когда заговаривал, то только для того, чтобы согласиться со мной и для того, чтобы выдвинуть дополнительный аргумент в пользу моей позиции. Мы говорили обо всех элементах международной жизни, из которых сложилась бы «свобода морей» и уничтожение милитаризма, и о том, что выиграла или потеряла бы Англия, приняв то или иное предложение. Бальфур формулировал ряд предположительных случаев, ни один из которых не относился непосредственно к выдвинутым мною предложениям. Он продолжает оставаться неизменно недоверчивым по отношению к Германии и постоянно возвращается к вопросу о том, можно ли рассчитывать, что Германия будет придерживаться какого-нибудь соглашения и играть в открытую. Я заявил ему, что суть дела не в этом, а в том, чтобы собрать все страны в лигу и тогда, по крайней мере, большинство из них во главе с Англией и США вело бы честную игру; если же Германия не будет выполнять взятые на себя обязательства, она только проиграет. В этом вопросе Грэй меня крепко поддержал. Мы расстались, условившись, что этот вопрос они еще обдумают и обсудят его с премьером и Ллойд-Джорджем с тем, чтобы продолжить нашу дискуссию, когда я вернусь с континента.

Мы с Грэем вышли вместе и прошли по Пэлл-Мэлю до Сент-Джэймс-стрит, где я его оставил у входа в Брукс-клуб. По пути мы рассуждали о том, как трудно делать то, что кажется лучшим, потому что люди не понимают и боятся откровенных действий. Мне хочется снова воздать должное бескорыстному служению Грэя государственным интересам. Мне хотелось бы, чтобы судьбы Великобритании в большей степени были вверены ему».

ГЛАВА XII

«19 января 1916 г. Хотелось бы, чтобы премьером был Ллойд-Джордж, а министром иностранных дел сэр Эдуард Грэй. Тогда, думается мне, мы кое-что могли бы сделать. Нынешний кабинет слишком консервативен, а в этот момент требуется смелость. Этим качеством Джордж, кажется, обладает...»

Боюсь, что английский консерватизм едва ли позволит достигнуть подлинного успеха. Насколько возможно, они будут откладывать решение так же, как в июне 1914 г. они отложили мое предложение, преследовавшее цель — достигнуть лучшего взаимопонимания с Германией. Я всегда считал, что войны, может быть, удалось бы избежать, если бы они действовали быстро».

5

Были особые причины, из-за которых отсрочка могла бы помешать успеху плана Хауза. Спор между прусским и американским министерствами иностранных дел о согласовании текста извинений за потопление «Лузитании» мог в любой момент привести к новому дипломатическому кризису. Но поскольку немцы, по-видимому, заняли более примирительную позицию, вставала опасность, что сенат США потребует принятия мер против союзников, может быть, даже эмбарго, как ответа на помехи американской торговле. Если бы сенат заставил Вильсона принять решительные меры, исчезли бы все надежды на необходимое соглашение с союзниками. Предупрежденный о создавшейся опасности, Хауз настойчиво просил президента возможно дольше сохранить существующее положение дел.

12 января Вильсон телеграфировал ему, что, по-видимому, все затруднения с Германией будут скоро устранены, а в таком случае, особенно если будет настаивать сенат, США будут вынуждены заставить Англию пойти, по крайней мере, на аналогичные уступки. Вильсон сам считал, что это будет только справедливо.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Письма Хауза президенту

Лондон, 13 января 1916 г.

«Дорогой начальник!

Вашу телеграмму о наших неприятностях с морской торговлей я получил.

Мне хотелось бы сегодня быть с вами, чтобы рассказать вам о здешних условиях. У Пэйджа на завтраке были сэр Эдуард Грэй и лорд Роберт Сесиль¹. Мы подробно обсуждали все наши дела. Лорд Роберт заявил мне, а сэр Эдуард подтвердил, что если он согласится на ваше требование, то здесь немедленно потребуют его отставки. Лично он готов на все. Он идет даже так далеко, что выражает предположение, что дело может окончиться полным отказом от блокады, в результате чего Германия возможно победит.

Он не верит в полумеры. Либо полная блокада, либо никакой...

Я изложил наши взгляды почти всем членам кабинета. Я объяснил им, как настроено общественное мнение в Америке, и сообщил им, какой опасности подвергаются союзники, действуя подобным образом и вооружая против себя общественное мнение. Ныне они также осведомлены о вашей позиции, как и я, и высоко ценят ее.

Среди многих редакторов, с которыми я встречался, был Роберт Дональд из «Кроникл». «Кроникл» имеет теперь, пожалуй, самый большой тираж из всех английских газет. Дональд вчера обещал написать передовую о вас.

Я полагаю, что во влиятельных кругах мне удалось создать достаточно благоприятное отношение к вашей позиции для того, чтобы общественное мнение в Англии повернуло в обратную сторону, но воспользоваться им в настоящий момент нецелесообразно. Это можно будет проделать позднее.

С Брайсом я совещался дважды. Ни с кем, кроме Грэя и Бальфура, я не разговаривал так откровенно, как с ним. Мне

¹ Министр блокады.

ГЛАВА XII

хотелось бы, чтобы он побывал в Америке: он лучше всех разобрался бы в нашей ситуации. Под строгим секретом я рассказал кое-что о наших затруднениях с сэром Сесилем Спринг-Райсом и просил его совета. Он считает, что для меня было бы крайне неразумным поднимать здесь вопрос о нем...

Я думаю, что лучше всего отложить этот вопрос до моего возвращения, ибо, если приступить к нему сейчас, он сможет помешать некоторым нашим планам.

Преданный вам Э. Хауз».

Лондон, 16 января 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Было бы катастрофой, если бы что-нибудь помешало сэру Эдуарду оставаться в правительстве вплоть до заключения мира. А, между тем, если в вопросе о нейтральной торговле мы нажмем на них слишком сильно, он, вероятно, вынужден будет уйти из правительства.

Настроение становится все более и более решительным, и страна требует, чтобы правительство не шло на уступки...

Грэй, Бальфур и Джордж говорят, что если бы они могли объявить стране, что существует возможность достичь предварительного соглашения с нами, то народ уступил бы почти любым нашим требованиям. Но общественное мнение твердо уверено в том, что Америка ничего не сделает и Англии одной придется вести борьбу, пользуясь единственным оружием, которое до сих пор оказывало действие.

Почти любой проживающий здесь американец, и в том числе все наши из посольства, по-моему, с радостью приветствовали бы наше вступление в войну на стороне союзников. Это чувство, конечно, разделяют многие англичане и почти все французы, хотя постоянно и говорят, что это нежелательно...

Я уверен, что наша политика должна заключаться в том, чтобы избегать серьезных разногласий с союзниками в вопросе о блокаде и держаться по отношению к Германии та-

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

ким образом, чтобы сохранить дипломатические отношения... Как бы вас ни поносили в настоящее время, это не имеет значения, если конечный результат оправдает взятый вами курс. Критические голоса как в Европе, так и в Америке — результат невежества и пристрастия; с ними будет покончено, когда вы сделаете заключительный шаг.

Преданный вам Э. М. Хауз.

Р. С. Разумеется, я не собираюсь советовать не разрывать дипломатических отношений немедленно после того, как Центральные державы потопят без предупреждения хотя бы еще одно пассажирское судно. Если бы мы поступили иначе, то были бы повсюду дискредитированы и намного утратили бы свое влияние».

ГЛАВА XIII

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

Мы единственная оставшаяся в мире страна, обладающая достаточной силой, чтобы вывести их на дорогу..

*(Из письма Хауза Вильсону,
1 февраля 1916г.)*

1

20 января полковник Хауз выехал из Англии в Германию через Париж и Женеvu. Он еще не выработал точных условий американского предложения о помощи. Он хотел сперва сам убедиться, готовы ли немцы пойти навстречу настолько, чтобы появилась надежда на скорое заключение мира на тех общих условиях, какие были выработаны им совместно с Грэм, или же они решили продолжать борьбу в случае выступления США и добиваться «разумного мира».

Хауз изложил Грэю то, что он считал основой разумного мира: уступку Эльзас-Лотарингии Франции, эвакуацию

ГЛАВА XIII

Бельгии и Сербии, передачу Константинополя русским и создание лиги наций для предотвращения агрессивных войн в будущем. Он считал, что согласие Германии на такие условия означало бы поражение германского милитаризма и крушение милитаристского плана господства над Европой.

Он готов был дать Германии возможность принять эти условия, так как боялся, что если война будет продолжаться до разгрома Германии, то весь мир, победители и побежденные, погибнут от экономической разрухи. Кроме того, он не был уверен, что обеспечить справедливый и устойчивый мир путем нанесения «локаута» будет делом легким, ибо понимал в полной мере, какую опасность для идеалов союзников представляли корыстные стремления.

Пэйдж не одобрял поездки полковника Хауза в Германию.

Он стоял за полный ее разгром, без всяких переговоров, и с радостью готов был позволить союзникам диктовать любые условия¹.

Но старания Хауза встретили одобрение более умеренных английских кругов, которые, хотя и находились в гуще воинственных страстей и твердо решили не идти ни на какие компромиссы с милитаризмом, никогда не забывали, чего стоили война и ее последствия.

Они стремились к тому, чтобы была изучена малейшая лазейка к миру.

«19 января 1916 г. Сэр Эдуард Грэй и лорд Брайс, — писал полковник Хауз, — полностью одобряют идею моей поездки в Берлин. Я поставил перед ними вопрос прямо, потому что Пэйдж возражал против поездки, заявляя, что это ошибка...»

«20 января 1916 г. Сегодня утром мы выехали в Париж через Фолькстон и Булонь. Заботу о нас на время переезда взял

¹ Если читатель склонен критиковать суждения Пэйджа, имея в виду, что союзникам не удалось обеспечить безопасности даже после полного разгрома Германии, то пусть он вспомнит, что подавляющее большинство населения страны, в которой он был аккредитован, разделяло мнение американского посла; это мнение он ежедневно слышал со всех сторон.

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

на себя прикомандированный офицер, представитель Скотланд-ярда, и капитан парохода. На борту находились сотни солдат; других штатских, кроме нас, не было. Перед отплытием парохода все солдаты надели спасательные пояса и готовились ко всем случайностям. На всем пути нас сопровождал миноносец. За последние 48 часов было потоплено два судна, и поэтому были приняты чрезвычайные меры предосторожности...

В Булони нас встретили начальник французской полиции и начальник английской военной полиции. Военные автомобили нас ожидали, чтобы везти в Париж или в местную гостиницу, по нашему желанию. Погода была такая отвратительная, что мы предпочли провести ночь в гостинице. Она была полна английских офицеров. Штатских, кроме нас, не было никого. Город выглядит скорее английским, чем французским. Мне сказали, что в течение одного дня сюда доставили 22 тысячи раненых англичан. Весь город похож на огромный военный лагерь и военный склад».

Хауз остановился на несколько дней в Париже, избегая всяких решительных переговоров, которые он приберегал к своему возвращению, после того, как составит себе впечатление о Германии. Он поспешно проехал Швейцарию — огромный коридор, наполненный шепотом, где официальные агенты воюющих стран плели друг против друга сети интриг, — и пересек германскую границу у Базеля.

«26 января 1916 г. В Берлин мы приехали рано утром без запоздания. На вокзале меня встретило несколько чинов посольства, в том числе секретарь Грю. Мы проехали прямо в посольство. Вскоре по прибытии туда мы с Джерардом поделились нашими секретами.

Я целый день провозился с репортерами, с сотрудниками посольства, с немцами и американцами.

Джерард дал обед на 24 персоны. На этом обеде должен был быть канцлер фон Бетман-Гольвег, но кайзер вызвал его на фронт, поэтому сюда он вернется не раньше пятницы. Среди гостей, с которыми я беседовал, был голланд-

ГЛАВА XIII

ский посланник Геверс. В Берлине он девять лет, и я решил, что он сторонник Германии. Сначала он повел беседу так, что можно было подумать, будто он сторонник союзников, но это меня не обезоружило, и я постепенно заставил его высказать свою действительную точку зрения и получил необходимые мне сведения об отношениях между Голландией и Германией и настроениях голландцев по отношению к войне...

Я забыл упомянуть, что днем у меня был граф фон Мольтке. По-моему, он стал еще менее благоразумным и уже, во всяком случае, не тем человеком без предрассудков, каким он слыл до войны.

Фон Мольтке считает, что я вовсе лишен предвзятости. Он не знает, что, по-моему, вся вина за эту неслыханную трагедию ложится на прусскую военную автократию».

«27 января 1916 г. Сегодня наиболее значительные мои встречи были с фон Гвиннером из Дейче-банк и с министром колоний Зольфом. Оба они завтракали у меня.

Из всех германских официальных лиц Зольф в своих высказываниях больше всех проявляет широту взглядов. Это объясняется, я полагаю, тем, что большую часть своей жизни он провел вне Германии. Он конфиденциально сообщил мне, попросив «не повторять его слов ни послу, ни кому бы то ни были другому», что между канцлером — с одной стороны, и фон Тирпицем и фон Фалькенхайном — с другой, происходят разногласия по вопросу о подводной войне. В настоящий момент преобладает точка зрения канцлера; но Фалькенхайн все больше и больше склоняется на сторону фон Тирпица, и Зольф не уверен в конечных результатах борьбы. Он настоятельно просил меня поговорить с канцлером так же откровенно, как я говорил с ним, и указать ему на опасность разрыва между США и Германией в случае, если восторжествует идея фон Тирпица...

Следующий, с кем я разговаривал, был фон Гвиннер. Я убедился, что он довольно благоразумный человек, гораздо более благоразумный, чем можно было ожидать после рас-

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

сказов Джерарда. Он тоже хочет мира, но не питает относительно этого никаких иллюзий...

Фон Ягов (министр иностранных дел) пригласил нас на обед в субботу вечером, но мы отклонили приглашение. Я думаю, что лучше не принимать никаких приглашений вне посольства. Я не желаю случайной встречи с фон Тирпицем, что неизбежно случится, если я буду принимать приглашения со стороны. Я чувствую, что на фон Тирпица ложится почти вся ответственность за ужасы подводной войны...

Сегодня Джерард рассказал мне о своей беседе с кайзером. Кайзер не одобрил потопления «Лузитании» и убийства женщин и детей. Он осуждал действия командира подводной лодки. Такова его позиция теперь, но он должен был заранее прекрасно знать об этом потоплении.

В начале беседы с Джерардом он был настроен очень воинственно, но по мере развития беседы стал, наконец, более благоразумным.

Кайзер говорил о мире и о том, как и с кем он должен быть заключен, заявляя: «я и мои кузены, Георг и Николай, заключим мир, когда наступит время». Джерард говорит, что, слушая его, можно было подумать, что немецкий, английский и русский народы — это только пешки. Он подчеркнул, что такие демократические страны, как Франция и США, не могли бы принять участия в такой конференции. В общем он считает войну королевским спортом, предаваться которому могут только наследственные монархи и конец которого зависит от их воли. Он заявил Джерарду, что Германия права потому, что на ее стороне бог, а бог не был бы с ними, если бы они не были правы, и одержали они свои победы потому, что бог был с ними.

Я спросил Джерарда, спятил ли кайзер с ума или только позировал...

До каких пор такие правители будут существовать где бы то ни было на земном шаре! По неопытности я всегда считал, что правительства возглавляются одними великими людьми, которые действуют, исходя только из патриотических мотивов...

ГЛАВА XIII

вов. Теперь, когда я веду игру с ними, я обнаружил, что главный их мотив — корысть. Я прихожу в ужас, когда вижу бессердечие тех людей, которые тем или иным путем извлекают из войны пользу. Во всем этом я теперь убедился и хочу, чтобы то же понял весь мир».

Вечером следующего дня Хауз вел долгие беседы с канцлером и министром иностранных дел. Беседа с Бетманом представляет самый острый интерес для историков, так как объясняет происхождение фразы о «клочке бумаги», произнесенной канцлером в беседе с английским послом сэром Эдуардом Гошеном в дни кризиса 1914 г.; в последовавшие годы фраза эта принесла Германии неисчислимый вред. Объяснение Бетмана звучит правдоподобно тем более, что беседа с английским послом велась, по-видимому, на немецком языке, и могло случиться, что Гошен вырвал фразу из контекста.

«28 января 1916г. Среди гостей, приглашенных на обед сегодня вечером, — писал Хауз, — были канцлер, фон Ягов, турецкий посол и многие другие. Всего было 22 человека. После обеда мы с канцлером уединились в голубой комнате и беседовали полтора часа. Прежде всего он разъяснил происхождение ставшего теперь историческим замечания о бельгийском договоре, как о «клочке бумаги». По его словам, дело происходило так: перед тем как начались военные действия между Германией и Англией, его посетил сэр Эдуард Гошен для того, чтобы обсудить создавшееся весьма критическое положение. Канцлер, по его словам, с большим чувством говорил о тяжести преступления, которое будет совершено против цивилизации и «белых рас», если Германия и Англия начнут друг с другом войну. Под «белыми расами» он подразумевал англичан, немцев, американцев, так как был убежден, что мир, цивилизация и безопасность всего мира в их руках. Когда сэр Эдуард Гошен заявил протест против вторжения в Бельгию, указав, что в этом случае Англия не может не объявить войны Германии, канцлер ответил, что по сравнению с тем огромным вредом, какой причинит война

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

между этими двумя странами, договор с Бельгией был лишь «простым клочком бумаги»¹.

Канцлер настойчиво повторял, что не намеревался при-
дать фразе то значение, какое впоследствии ей приписывали,
и по-прежнему считает, что был прав.

Он также заявил мне, что после русской мобилизации Гер-
мании не оставалось ничего другого, как объявить войну; он
повторно требовал прекращения мобилизации, но русские
отклонили это требование, и для Германии не оказалось дру-
гого выхода, кроме войны. Я напомнил ему, что Англия пред-
лагала созвать конференцию, что Россия приняла это пред-
ложение, а Германия отвергла. Это он подтвердил, но про-
должал настаивать, что Россия нечестно вела игру и
продолжала мобилизацию, несмотря на предложение созвать
конференцию...

Мы говорили о сэре Эдуарде Грэе: я — в самых похваль-
ных выражениях, а он — в выражениях, в которых отсутство-
вала враждебность. Я старался дать понять германскому пра-
вительству, что Грэй самый благоразумный из английских го-
сударственных деятелей и если бы он был смещен, это было
бы катастрофой».

Хауз вскоре убедился, что правители Германии не
склонны рассматривать условия мира, которые удовлетво-
рили бы союзников. Сам Бетман, вероятно, самый миро-
любиво настроенный из немцев, чувствовал, что он пере-
ступает границы дозволенного, когда предлагает очистить
территорию, завоеванную германским оружием, взамен
контрибуции. Пока немцы были твердо уверены в военной
победе, все переговоры о заключении мира оказались бы
бесплодными.

«Самая интересная часть нашей беседы, — продолжал
Хауз, — касалась мира. Он сказал, что был единственным

¹ Это объяснение смягчает резкость фразы, но не изменяет того основного факта, что берлинское правительство, преследуя корыстолюбивые цели, грубо и цинично нарушило договор, подписанный самой Пруссией. Так или иначе, канцлер превратил бельгийский договор в «клочок бумаги».

ГЛАВА XIII

авторитетным человеком среди воюющих сторон, который высказывался в пользу мира, и не понимает, почему на его предложение никто не отзывается. Он сожалел о войне и ее ужасных последствиях и заявил, что вина за нее не лежит на его совести. Я пытался заставить его понять, что его разговоры о мире расценивались лишь как желание Германии «инкассировать» ее победы; союзники не верят в то, что отныне Германия будет держать свое слово и не станет в последнюю минуту выдумывать что-нибудь новое. Мы несколько раз возвращались к этому вопросу, причем он продолжал твердить, что не понимает упорства союзников, я же снова и снова разъяснял существующее положение вещей.

Я сказал ему, что англичане — упрямый народ и не сомневаются в благоприятном исходе войны. Я напомнил ему ход англо-бурской войны; вначале все думали, что англичане будут изгнаны. В то время я знал, что англичане будут вести войну, пока они либо победят, либо израсходуют свою последнюю гиней и потеряют последнего человека. Позднее, вечером, я коснулся этого вопроса в беседе с фон Яговым, но с ним договориться было не легче.

Они соглашались с тем, что англичане — народ упрямый, но к этому добавляли эпитет «неблагоразумный». Канцлер дал понять, что Германия согласится эвакуировать Францию и Бельгию взамен уплаты контрибуции. Я заявил, что союзники и слышать не захотят о таком предложении. Он сказал, что мечта его жизни — тесный союз Англии, Германии и США, и выразил надежду, что эта мечта может быть осуществлена даже теперь. О Франции и России он говорил пренебрежительно, настаивая на том, что тремя величайшими народами в мире были именно те, которые он назвал.

Мы заговорили о подводной войне, о блокаде; он сказал, что бесполезны попытки Англии уморить Германию голодом. Я сказал ему, что западная цивилизация развалилась, на всех базарах и во всех мечетях Востока насмеются над Западом.

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

С этим он согласился, но заявил, что виновата в этом не Германия. Беседа начинала меня тяготить. Я становился молчаливым; через несколько минут мы встали и присоединились к остальным гостям.

Канцлер пил много пива. Я довольствовался минеральной водой. По-видимому, пиво не оказало на него никакого действия: к концу беседы голова его осталась такой же одурманенной, как в начале. И такому человеку были вручены судьбы народа.

Затем мы с фон Яговом отправились в голубую комнату и снова обсудили большинство вопросов, затронутых в моем разговоре с канцлером. Фон Ягов оказался несколько более рассудительным, чем канцлер, и с большей осторожностью подходил к вопросу о положении Германии. Мы разговаривали о подводной войне, поскольку это касалось США. Я говорил о безумии потопления «Лузитании» и «Арабика», особенно последнего парохода, который шел на запад без груза и никак не мог везти военное снаряжение. Он с этим согласился, но сказал, что из личной беседы с командиром лодки, потопившей пароход, он убедился, что командир лодки был твердо уверен в намерении «Арабика» протаранить подводную лодку. На месте капитана он, вероятно, поступил бы так же.

Фон Ягов с большим чувством говорил о критике Германии за ее подводную войну и пытался объяснить, насколько трудно для командира подводной лодки проводить требуемое различие между судами. Я продолжал утверждать, что подводная война была так же бесчеловечна и бесполезна, как налеты цеппелинов. Общая цифра убитых в результате нападений цеппелинов не превышала в настоящий момент 200 человек, главным образом детей и женщин. В конечном счете эти нападения приносили огромную пользу союзникам. Эту мою мысль подтверждало заявление одного члена английского кабинета, который как-то выразил сожаление, что цеппелины не показывались над западной частью Англии, где набор рекрутов шел медленно. Я сказал, что посо-

ГЛАВА XIII

ветовал Ллойд-Джорджу установить через Англию цепь электрических сигналов, которые показывали бы дорогу цепелинам.

Беседа с фон Яговом затянулась до 12 часов ночи, и когда мы вернулись к остальным гостям, они быстро откланялись. Уже ложась спать, я понял, что беседами с канцлером и фон Яговом удалось достигнуть очень немногого. Надеюсь добиться лучших результатов в завтрашней беседе с Циммерманом, который в известном смысле самый способный человек в правительстве, хотя и не всегда заслуживает доверия.

2

Руководители гражданских властей проявляли благожелательное отношение, но было очевидно, что они бессильны сделать какой-нибудь шаг к миру. Хаузу не оставалось ничего другого, как просить их умерить свои методы ведения подводной войны, дабы сохранить возможность искреннего примирения, когда борьба придет к концу.

«Сегодня Циммерман и вчера фон Ягов, — писал Хауз 29 января, — выразили глубокую признательность за мои старания на пользу мира. С Циммерманом я говорил, пожалуй, в более серьезном тоне, чем с прочими представителями власти, потому что он, кажется, способен понять положение. Я убеждал его не допускать, чтобы его правительство совершало те мелкие выпады, которые раздражают противника и не имеют никакого значения с военной точки зрения. Я сказал, что Германия слишком великая страна, чтобы прибегать к подобному образу действий; он один из тех государственных деятелей, которые смогут вывести страну на лучшую дорогу; в Америке, в Англии и во Франции есть государственные деятели, движимые высокими идеалами, а не корыстными мотивами; на них и на подобных им людей в Германии мир будет взирать в ожидании лучшего и более возвышенного управления государством.

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

Если этого не достигнут такие люди, то наша цивилизация скорее пойдет вспять, чем вперед.

Циммерман с чувством говорил о «белых расах», подразумевая Англию, Германию и Америку; он, как и канцлер, надеется, что настанет время, когда между этими странами воцарится лучшее взаимопонимание...»

Полковник Хауз решился послать президенту подробный отчет о положении в Германии лишь после того как пересек границу Швейцарии.

«В течение моего пребывания в Германии, так же как это было во Франции и в Англии, я находился под постоянным наблюдением. Германская тайная полиция установила слежку за мной в Базеле и не выпускала меня из виду, пока я снова не пересек германскую границу. Я не могу быть уверенным в том, что они не будут провожать меня через всю Швейцарию. Перед зданием моего посольства здесь всегда дежурит несколько человек в штатском, которые, как мне сказали, останутся здесь, пока я не уеду. Та же картина наблюдалась во время моей предыдущей поездки. Наблюдение не носит навязчивого и неприятного характера и, возможно, установлено не только с целью удостовериться, кто у меня бывает и что я делаю, но и для моей личной охраны».

Первый телеграфный отчет Хауза, отправленный из Женевы, говорил о неопределенности положения дел в Германии. В любой момент к власти могли придти экстремисты, которые отказались бы от всех ранее данных обязательств, касавшихся методов ведения подводной войны. Более чем когда-либо полковник Хауз был убежден, что для успеха его плана форсированного посредничества спор о выработке текста извинений за потопление «Лузитании» не должен быть доведен до разрыва отношений. Если США суждено вмешаться, то было бы гораздо лучше начать войну по тем мотивам, что наша поддержка приведет к решительному и постоянному миру, или тем, что Германия нанесла нам прямое оскорбление, чем мотивировать войну случаем почти годовой давности.

ГЛАВА XIII

Телеграмма Хауза президенту

Женева, Швейцария, 30 января 1916 г.

«Положение рисуется следующим образом. В Германии идет большой спор о подводной войне. Флот, в той или иной степени поддерживаемый армией, полагает, что Англию можно успешно блокировать при условии, если Германия в полной мере использует свои новые и мощные подводные лодки и не будет ограничена никакими законами. Они также полагают, что их неуспех — результат нашего вмешательства и стремления Германии пойти навстречу нашим требованиям. Они убеждены, что война с нами не будет так губительна, как английская блокада. Гражданские власти считают, что если блокада будет продолжаться, они будут вынуждены уступить требованиям флота, — вот почему они не желают признавать незаконности своей подводной войны. Они уступят в чем угодно, только не в этом. Если вы будете настаивать на этом пункте, я думаю, что последует война. Джерард верно оценивает ситуацию, и я советую разрешить ему самому попробовать достичь какого-либо удовлетворительного решения. Я надеюсь, что решительный шаг не будет предпринят, пока мне не представится случай поговорить с вами. Это, думается мне, имеет большое значение, так как есть такие страны, положение которых нельзя объяснить в письме или телеграмме... Буду в Париже во вторник утром.

Эдуард Хауз».

Письмо Хауза президенту

Париж, 3 февраля 1916 г.

«Дорогой начальник!

Со времени моего последнего письма произошло столько событий, что я не знаю, с чего и начать. В ожидании личной беседы я сейчас не буду касаться подробностей.

В Германии меня приняли хорошо — гораздо лучше, чем раньше.

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

В настоящее время власть в руках канцлера и императора. Во время моей предыдущей поездки туда перевес склонялся в сторону фон Тирпица и фон Фалькенхайна. Успех канцлера сблизил фон Тирпица и фон Фалькенхайна, и теперь армия относится более благоприятно к требованиям флота о переходе к агрессивным методам ведения подводной войны.

Не думаю, чтобы канцлер долго удержался на первом месте, в особенности, если мы не примем против союзников мер, которые, кстати сказать, не удовлетворили бы Германию.

Когда они обнаружат, что эти меры не могут быть приняты, и когда результаты блокады дадут себя почувствовать сильнее, чем даже сейчас, то, вероятно, произойдет внезапное изменение настроения в сторону использования любых средств, какие могут сулить облегчение.

Флотская публика заявляет народу, что беспощадная подводная война изолирует Англию. Следовательно, в течение ближайших нескольких месяцев я предвижу неприятности с Германией и боюсь, что мое предложение держаться в стороне до тех пор, пока не наступит более благоприятный момент для вашего вмешательства в помощь союзникам, мало утешительно.

Причина моего беспокойства о том, чтобы вы не порвали с Германией из-за вопроса о «Лузитании», заключается в том, что всякая отсрочка может дать возможность выполнить наш первоначальный план вмешательства. И если это станет невозможным ввиду германской подводной войны, то мы будем силой втянуты в войну, имея преимущества на своей стороне.

Вопрос о мире я обсуждал с канцлером, Циммерманом и Зольфом. Наиболее безрассудным был канцлер, который не переставал твердить, что среди воюющих он был единственным стоящим у власти человеком, который высказывался за мир. Он сказал, что вина за продолжение войны лежит на союзниках, а не на нем. Опять и опять я указывал ему, что его желание мира означало победоносный мир, который предусматривал получение контрибуции с противников...

ГЛАВА XIII

Он любезный, добронамеренный человек с ограниченными способностями. Циммерман гораздо способнее, и беседа с ним была более утешительной.

Существуют определенные причины того, что офицеры, руководящие армией, не настаивают на мире. Они управляют всеми делами, и в их интересах сохранить это положение вещей. Гинденбург, например, получал до начала войны что-то около двух тысяч долларов; теперь, как мне сообщили, он имеет дворец и получает около 25 тысяч долларов.

Прусские юнкеры раньше платили рабочим в своих имениях 75 или 80 центов в день. Теперь у них работают русские пленные, которым платят 6 центов в день, а за свою продукцию они получают вчетверо больше, чем до войны. Они тоже не хотят мира.

Сомневаюсь, чтобы во время войны тут могли произойти внутренние беспорядки. Все недовольные элементы находятся на фронте, впряженные в военную машину и бессильные оказать вред. Если для Германии война будет неудачна, то когда армия будет распущена, для хозяев несомненно наступят неприятности. Если победа будет на их стороне, то военщина будет владычествовать безраздельно, и существование демократических правительств во всем мире будет поставлено под угрозу.

Преданный вам Э. М. Хауз».

3

На обратном пути из Берлина в Париж Хауз совещался с американским послом в Австро-Венгрии, который для встречи выехал в Женеву. Томас Нелсон Пэйдж настаивал, чтобы Хауз приехал в Рим, покинуть который Пэйдж считал невозможным ввиду критического положения. Но Хауз спешил вернуться в Англию, чтобы продвинуть свой план американского вмешательства или помощи. Сообщения из Вены и Рима подтверждали мнение Хауза, что война приближалась к «патовому» положению и момент для его пла-

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

на назрел. Французы и англичане прочно укрепились в окопах на западном фронте и были твердо уверены в том, что им удастся довести немцев до изнурения. Но на других театрах войны преимущество было на стороне врагов. Неудача галлиполийской операции союзников и эвакуация их экспедиционного корпуса ободрили Турцию в моральном отношении и укрепили в материальном. Путь из Берлина на Восток был открыт, и, благодаря германскому владычеству над Австрией, мечта о тевтонской Центральной Европе, казалось, была близка к осуществлению. Немцы систематически использовали поразительное отсутствие согласованности между союзниками и Италией. В результате поражения сербской армии, не получившей реальной помощи от союзников, Черногория сдалась немцам. Взаимные обвинения Италии и союзников приняли самый оживленный характер.

Письмо Хауза президенту

Париж, 3 февраля 1916 г.

«Дорогой начальник!

Пенфилд¹ приехал в Женеву, чтобы увидеться со мной. Я считал, что мне лучше не ехать в Вену, он же считал, что ему не следует приезжать в Берлин, при этом оба мы действовали из одинаковых соображений.

Он подтвердил наши предположения, что Австро-Венгрия и Турция представляют собой в настоящий момент почти не что иное, как германские провинции. Центральная империя простирается от Балтики до Дарданелл и дальше. В тревожные дни прошлой весны, когда Россия медленно вторгалась в Австрию, немцы приняли на себя все заботы и благодаря своему умению и организованности отбросили русских. Следовательно, австрийцы исполнены признательности к немцам.

¹ Посол США в Австро-Венгрии.

ГЛАВА XIII

Империя, как вы знаете, состоит из многочисленных разнородных элементов, действующих несогласованно, гораздо меньше доверяющих друг другу, чем Германии.

Продовольствия там гораздо больше, чем в Германии, но распределение продуктов и регулирование цен поставлено неизмеримо хуже. Стремление к миру там более ярко выражено, чем в Германии, но, опять-таки, народы Австро-Венгрии представляют собою лишь винтики в обширном германском военном механизме и так же бессильны выразить волю, как немецкий народ в окопах.

Пенфилд сообщил мне, что враждебное чувство против Америки там сильнее выражено, чем против России, Франции и Англии и даже против Италии. Он приписывает это влияние трем причинам: снабжению союзников военным снаряжением, высылке Думбы и, наконец, нотам в связи с потоплением «Анконы».

Австрийская — самая горделивая империя в Европе, и она не может спокойно отнестись к такому отпору со стороны «неотесанной республики».

Пенфилд щедро жертвует на благотворительные дела и ввиду этого, а также его родственных отношений с римским папой, находится на хорошем счету...

Преданный вам Э. М. Хауз».

В Париж полковник Хауз приехал еще более убежденный в том, что германское правительство не согласится на мирные условия, предложенные даже самыми умеренными государственными деятелями союзнических стран. Даже если бы гражданские власти Германии склонны были согласиться на эти условия, они никогда не посмели бы признать этого публично, а военные ни за что не разрешили бы им предпринять какие-нибудь шаги. Четырехдневное пребывание Хауза в Берлине все же принесло некоторую пользу, ибо своими беседами с канцлером, фон Яговом и Циммерманом он на время устранил опасность разрыва в связи с вопросом об извинениях за «Лузитанию».

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

«Удовлетворенный вид полковника Хауза и его веселая улыбка, — так гласила телеграмма из Берлина, — доказывали, что его миссия завершилась успехом, по крайней мере, в Берлине... Официальная Германия довольна его визитом, не в меньшей мере, чем он сам. Он оставил о себе самое лучшее впечатление... Моральный эффект кратковременного визита полковника расценивается здесь очень высоко. В хорошо осведомленных кругах считают, что он сумел рассеять некоторые мысли, которые, к сожалению, здесь упорно высказывались, в частности — мысль о том, что Америка действует не из искренних побуждений»¹.

«Ваше посещение принесло много пользы, — писал Джерард 15 февраля, — вас должно удовлетворить сознание, что вы, вероятно, избавили нас от войны». Неделью спустя он писал: «Все немцы считают, что если вопрос будет разрешен, то это будет вашей заслугой, и они кажутся очень признательными».

Хауз понимал, что если канцлер проявит колебание, то сторонники беспощадной подводной войны навяжут свою политику кайзеру, и снова начнется безрассудное потопление судов. Хауз более чем когда-либо был убежден, что будущее США тесно связано с победой союзников, поэтому он стремился изыскать способ помочь союзникам. Трудность заключалась в том, что они желали нашей помощи только для того, чтобы разгромить Германию, в то время как Хауз чувствовал, что единственным оправданием американского вмешательства была бы надежда положить конец войне. По правде говоря, американского вмешательства опасались обе воюющие стороны, а, между тем, без этого вмешательства ни та, ни другая сторона не могли добиться победы. Полковник понимал, что в течение ближайших месяцев обе стороны предпримут отчаянные усилия, и предвидел бессилие противников кончить войну в 1916 г. путем военной победы. Появились признаки того, что Европа становится беспомощной.

¹ «Нью-Йорк тайме» от 30 января 1916 г.

ГЛАВА XIII

В Париже, как и в Лондоне и в Берлине, строили всевозможные догадки о значении миссии Хауза, но все эти догадки ровно ни к чему не приводили. Полковник встретился лицом к лицу с кучей опытных репортеров, которые в беспорядке отступили перед его учтивыми, но односложными ответами на настойчивые вопросы. Пресса была мистифицирована. «Сфинкс в мягкой шляпе». «В продолжение семи минут, — писала «Тан», — полковник Хауз ответил более или менее абсолютным молчанием на сто с лишним вопросов». Но очарование его личности, очевидно, магнетизировало газеты. Признаваясь, что не понимают его намерений, газеты ободряли эти намерения: «Трудно преувеличить значение этой миссии, которая выполняется среди нас: скромная, сдержанная и полная значения для будущего», — писала газета «Либр пароль». Тот факт, что Берлин явно гордился посещением Хаузом Германии, отнюдь не облегчал для него бесед с репортерами.

1 февраля 1916г. Номер «Берлинер тагеблат», где было напечатано то, что должно было представлять интервью со мной, — писал Хауз, — был получен в Париже до нашего приезда. В этом интервью я будто бы заявил, помимо других вещей, что всякий раз, как я посещаю Германию, я начинаю любить ее все больше. Французские репортеры спросили меня, правильно ли цитировала газета мои слова. Согласно своему правилу я не подтвердил и не отрицал этих слов. Я понимал, какое скверное впечатление могло бы это произвести, но решил не изменять своему правилу. Когда беседа кончилась, я заявил репортерам двух крупнейших парижских газет, что не давал никакого интервью и, следовательно, не мог сказать того, что было процитировано. Мои слова получили огласку, и вновь все прояснилось».

Но как бы молчалив он ни был в окружении репортеров, в беседах с политическими лидерами Франции Хауз разговаривал с крайней откровенностью. Премьер Бриан, которого полковнику справедливо описали как «очень способного, но очень ленивого», принял на себя функции министра иност-

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

ранных дел. Хауз нашел, что он «благоразумен», менее охвачен воинственным чувством, чем многие его соотечественники, но настаивает на необходимости военной победы. С Жюлем Камбоном, бывшим послом в Берлине, в то время энергично руководившим министерством иностранных дел, высокопарным, но выдающимся дипломатом, Хауз познакомился в прошлом году. Камбон и Бриан поспешили принять Хауза немедленно по его прибытии в Париж.

Письмо Хауза президенту

Париж, 3 февраля 1916г.

«Дорогой начальник!

Я виделся с премьер-министром и Жюлем Камбоном и вел с обоими исключительно интересные и ценные беседы.

Французская пресса снова встретила меня радушно. Со всех сторон мне говорят, что мой визит значительно укрепил добрые чувства между обеими странами.

Я совершенно откровенно говорил с Камбоном, обрисовав перед ним все положение таким, как оно представляется мне, и исполнен надежды, что результаты всего мною сказанного проявятся в самом ближайшем будущем. Я завел с ним разговор о наших недоразумениях в вопросах морской торговли; казалось, он проявляет большую готовность понять наши затруднения, чем это было в Англии. Я сказал ему, что мы стремимся только к тому, чтобы французы помогли нам оказать им максимальную помощь.

В субботу я и Шарп должны увидаться с Пуанкаре. С остальными двумя я встречался наедине, так как беседа носила слишком конфиденциальный характер, чтобы рисковать вести ее в присутствии третьего лица. Трудно объяснить в письме, насколько критическое положение создалось повсюду не только для них, но и для нас. По-моему, этой весной и летом в Европе будет такой ад, какого еще не было; в настоящий момент я не вижу никакой возможности это предотвратить. Мои подозрения относительно России получили известное

ГЛАВА XIII

подтверждение, о котором лучше не писать. Томас Нелсон Пэйдж прислал своего второго секретаря Ричардсона с конфиденциальными письмами. Ричардсон сообщил мне, что Италия устала воевать, и в любой момент может произойти смена кабинета. Там царит сильное возбуждение против Англии из-за того, что она поступает не так, как того желает Италия. По мнению Ричардсона, настроение против Англии сильнее, чем против Германии.

Я пытаюсь внушить Англии и Франции, как ненадежно положение и как рискованно продолжать войну. Я знаю, что в некоторых кругах, где еще сохранилась доля здравого смысла, мои слова производят впечатление.

Я бесконечно рад наблюдать ваши усилия, направленные к тому, чтобы пробудить наш народ к сознанию необходимости обороняться. Нельзя жалеть усилий в этом направлении, так как опасность более велика, чем даже вы себе представляете.

Мне хочется передать вам и через вас Лансингу, насколько важно не допускать разглашения нот от нас и к нашему правительству. Жалобы на это раздаются повсюду, и это является ненужной причиной трений...

Преданный вам Э. М. Хауз».

«Я не колебался заявить Камбону, — отметил Хауз в своих записках от 2 февраля, — что делаю все, что могу, для предотвращения разрыва с Германией из-за вопроса о «Лузитании».

Я уверен, что разрыв можно только отсрочить, но не предотвратить, но США очутились бы в неблагоприятном положении, если бы начали войну из-за инцидента десятилетней давности. По-моему, Германия, если мы пожелаем, даст нам другой повод, так как результаты блокады побудят ее возвратиться к ее первоначальным методам ведения подводной войны.

Я сообщил Камбону о моих беседах с германским канцлером, фон Яговом и Циммерманом об условиях мира. Он до-

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

волен моими ответами и, по-видимому, согласен с тем, что они определяют позицию союзников. Я сообщил ему, что, по моему, если не случится чего-нибудь непредвиденного, то мало вероятно, чтобы текущей весной и летом союзники одержали решающую победу на каком-либо из фронтов, а осенью они очутятся в том же положении, что и сейчас, с той только разницей, что их позиции несколько улучшатся».

Два дня спустя Хауз продолжил откровенный обмен мнениями с Брианом, не касаясь, однако, истинной цели своей миссии. Он писал президенту, что заинтересован прежде всего в создании «благоприятной атмосферы».

«Главным событием дня был обед, данный нам послом и его супругой. Самым почетным гостем был премьер-министр. После обеда я уединился с Брианом и с моим старым другом бароном Д'Эстурнель де Констаном, служившим нам переводчиком; мы проговорили весь вечер. Английский посол, тоже находившийся среди приглашенных, отбыл до того, как ушел премьер-министр; это — характерная английская черта. Я полагаю, он был раздражен нашей долгой беседой, принять участие в которой ни он, ни американский посол не были приглашены.

Я начал беседу с рассказа о моей поездке в Берлин, Париж и Лондон в мае и июне 1914 г. до начала войны. Бриан проявил больший интерес, чем обычно, потому что кайзер пригласил его в тот период приехать в Киль, и впоследствии Бриан часто спрашивал себя, дало ли бы принятие приглашения благоприятные результаты. Он думает, что нет, но все же чувство сомнения останется навсегда. Я анализировал правительственные системы Германии, Франции, Англии и США и подробно остановился на преимуществе автократии над демократией во время войны. В течение многих лет я надеялся, что США станут такими же демократичными, как Англия и Франция, но теперь я задаю себе вопрос, не в лучшем ли мы положении в настоящий момент, чем они. Они были поражены моим заявлением, что ни один европейский монарх не обладает таким могуществом, как наш пре-

ГЛАВА XIII

зидент, даже в короткий период его президентских полномочий.

Я говорил о том, с какими трудностями столкнулся я в Англии и во Франции при попытках добиться действий и достичь определенных результатов. Я мог узнать мнение каждого члена кабинета, но почти невозможно было узнать коллективное мнение правительства по любому вопросу. Мы не могли быть уверены во Франции, так как правительство менялось там настолько часто, что нельзя было положиться на соблюдение единой политической линии. В Германии и США можно было достичь более определенных результатов за день, чем в Англии и во Франции за месяц...

Мы говорили о разных аспектах современного положения и о том, как оно сложится по окончании войны, какое влияние война окажет на будущее цивилизации. Бриан считал, что если бы теперь Германия не начала войны, она мирным способом завоевала бы весь мир. Это соответствует моим собственным заключениям. Он говорит, что Франция стала бы ленивой и безучастной и предоставила бы необходимые богатства, Германия предоставила бы инициативу и, в конечном счете, установила бы власть над обеими странами. Де Констан с этим не согласился. Он полагал, что в результате общения с Германией Франция переняла бы некоторую долю германской организованности, а Германия в результате общения с Францией стала бы более культурной по своим идеалам и устремлениям. Таким образом обе страны извлекли бы для себя пользу, и ни одна из них не властвовала бы над другой».

4

Тем временем, следуя своему правилу, Хауз устанавливал и укреплял личный контакт, где только возможно. Это имело важное значение, потому что общественное мнение во Франции относилось к Вильсону с подозрением и даже враждебно. Люди не понимали, почему США сочувствуют делу союзни-

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

ков и в то же время остаются в стороне от войны. Долгие часы Хауз тратил на разъяснения.

5

Прежде чем покинуть Париж, Хауз решил откровенно высказаться перед руководителями французского правительства для того, чтобы оно окончательно осознало готовность Вильсона помочь союзникам кончить войну на разумных условиях. Если они считают, что могут добиться победы собственными силами, без посторонней помощи, то президент останется в стороне, и пусть они диктуют свои условия. Если же они чувствуют, что теряют почву под ногами, то он готов вмешаться, чтобы спасти их и гарантировать мир, основанный на справедливости. 7 февраля Хауз изложил все это Бриану и Камбону. «Это было важное, быть может, самое важное совещание за время данного посещения Европы, — писал он. — Мы полностью сошлись во взглядах относительно ближайшего будущего, и я снова заявил им, что чем хуже будут обстоять дела союзников, тем большую помощь окажет им Америка».

Письмо Хауза президенту

Булонь, Франция, 9 февраля 1916 г.

«Дорогой начальник!

Не стану особенно подробно описывать мою (последнюю) беседу с премьер-министром и Камбоном, ограничусь кратким описанием.

В первых беседах я старался создать благоприятную атмосферу и не знал, останавливаться на этом или идти дальше. До сих пор я был откровенен только с английским правительством, предоставив ему привлечь союзников на свою сторону.

Все же их медлительность и отсутствие инициативы никогда еще не производили на меня такого впечатления, как в

ГЛАВА XIII

эту поездку, и я решил, что нам лучше рискнуть и откровенно поговорить с французами. Результат был неожиданно удовлетворительным.

Я изложил свои взгляды на существующее положение, перечислив все сомнительные факторы, которые могут обернуться против них: отсутствие побед, их ошибки, прекрасная германская организация, при системе автократии, резко отличающаяся от скверной организации, присущей демократической системе, и, наконец, опасность сепаратного мира с Россией и с Италией. Я говорил об этом, тщательно взвешивая свои слова. Я обрисовал перед ними, чем рискуют не только они, но и весь мир, и заявил им, что в то время как мы можем собственными силами защитить свои интересы, мы, тем не менее, глубоко заинтересованы в будущем демократического строя.

В конце концов мы пришли к соглашению, что в случае если весной и летом союзники одержат какие-нибудь значительные победы, то вы не будете вмешиваться; если же колесо войны повернется против них или перемен не наступит, тогда вы вмешаетесь. Содержание этой беседы должно остаться между Брианом, Камбоном и мной; я обещал, что в Америке о ней не узнает никто, кроме вас и Лансинга.

Я сообщил им, что аналогичные беседы вел в Англии и что знают об этом только премьер-министр, сэр Эдуард Грэй, Бальфур и Ллойд-Джордж.

По-видимому, это им понравилось.

Связь со мной они будут поддерживать посредством писем и депеш, то же буду делать я. Это даст возможность действовать более свободно, так как не носит официального характера.

Бриан и Камбон знают и, по-видимому, соглашаются с советом, который я вам давал в связи с урегулированием вопроса о «Лузитании». Ни один беспристрастный человек не поверит, что США разумно поступили бы, приняв участие в этой войне, если она не будет обоснована высшими челове-

ЕВРОПА В ТУПИКЕ

ческими побуждениями. Мы единственная оставшаяся на земле страна, достаточно сильная, чтобы спасти союзников, и раз мы вступим в войну¹, она со всеми ее ужасными последствиями, должна будет придти к концу. Для Центральных держав, как и для союзников, как и для нас, лучше действовать подобным образом; я не поколебался заявить об этом английскому и французскому правительствам и то же самое дать понять Германии.

Вам, мой друг, представляется великая возможность, может быть, величайшая, какая когда-либо представлялась человеку. Выход кажется мне ясным, и я уверен, что, когда я изложу перед вами все факты, он будет ясен и вам.

Во время своей поездки я убедился, что каждое правительство проникнуто упрямством, решимостью, корыстолюбием и лицемерием. Со всех сторон я слышал самовосхваления, причем все приписывали свое участие в войне соображениям высшего порядка.

Но в корне всего, как показали мои наблюдения, лежит неспособность управлять государством и корыстолюбие. Беда происходит не столько из-за упадка цивилизации, сколько из-за отсутствия мудрости у тех, которые управляют; и история, думается мне, вынесет жестокий приговор тем, кто был настолько близорук и корыстолюбив, что допустил такую трагедию.

Преданный вам Э. М. Лоуз».

Хауз мог бы добавить, что по его убеждению история одинаково строго осудит тех государственных деятелей, которые не сумели при первой возможности положить конец трагедии. Единственным в то время выходом Хауз считал намеченное им соглашение между США и союзниками об американском вооруженном вмешательстве. Поэтому он поспешил обратно в Англию, чтобы убедить сэра Эдуарда Грэя в необходимости принять немедленное решение.

¹ В результате особых разногласий с Германией.

ГЛАВА XIV

ГЛАВА XIV

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

Если союзники будут откладывать обращение к нашей помощи до того момента, когда вмешательство не сможет принести им пользы, то мы этой попытки не сделаем.

*(Из дневника полковника Хауза,
7 февраля 1916 г.)*

1

На своем пути из Парижа в Лондон Хауз задержался для короткой беседы с бельгийским королем, к которому был приглашен еще перед отъездом из Нью-Йорка. Светловолосый, голубоглазый великан, внешне похожий на викинга, с твердым характером, сдержанный в своих суждениях, был одним из двух выдающихся людей первоначального периода войны; другим был его соотечественник Мерсье. Странный поворот колеса истории, которая в XX веке снова ненадолго выдвинула на первый план короля и кардинала!

«8 февраля 1916 г. Сегодня в 8 ч. 45 м., — пишет Хауз, — мы выехали из Парижа; нам предоставили прекрасный салон-вагон. Главный инженер дороги, несколько директоров Северной дороги и начальник полиции находились на вокзале, чтобы засвидетельствовать свое почтение и принять все меры к тому, чтобы сделать нашу поездку максимально комфортабельной.

Во время моего пребывания в Париже я часто слышал замечания, что, пока я там, налетов цеппелинов не будет. Хотя налета цеппелинов не было, тем не менее мое пребывание несомненно имело к этому такое же отношение, как приливы и отливы. Другая любопытная деталь — желание большого числа людей совершить переезд через океан на одном пароходе со мной в надежде, что мое присутствие на пароходе послужит гарантией от всех случайностей...

В Булонь мы приехали около двух часов. Нас встретил по-

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

лицейский комиссар, начальник английской военной полиции и адъютант короля Альберта. Я оставил своих спутников с начальником полиции и комиссаром и направился прямо к королевскому автомобилю, ожидавшему, чтобы отвезти меня и моего помощника Клиффорда Карвера в Ля Панн.

Первые 25 миль мы ехали со страшной скоростью: по расчетам Карвера мы делали 75—80 миль в час. В Калэ мы прибыли через 25 минут, потеряв из них пять минут ввиду большого движения по дороге. После этого мы двинулись менее скорым ходом. Мы с Карвером оба решили, что они испытывают нас, ожидая, что мы попросим ехать медленнее. Адъютант несколько раз спрашивал меня, не слишком ли скоро мы едем, на что я отвечал отрицательно. Шестьдесят миль до Ля Панна мы проехали в полтора часа, включая остановки. Хуже всего было то, что дороги стали скользкими от недавно выпавшего дождя и местами были забиты военными обозами.

В Ля Панн мы приехали под дождем. Нас приветствовали много офицеров, а при выходе из машины меня встретили несколько генералов. Без зонтика я шел с ними под проливным дождем так спокойно и медленно, словно это доставляло мне удовольствие. Не успел я войти в дом и отдать свое пальто и шляпу, как вошел король. Мы разговаривали в течение полутора часов...

У короля слишком мало власти, чтобы проводить политику по своему усмотрению. Он признался мне в этом и избегал говорить о том, что сделает Бельгия и чего не сделает...

О президенте и об Америке он отозвался в похвальных выражениях, прося меня выразить его признательность президенту Вильсону за все то, что США сделали для его народа. Я со своей стороны заявил ему, что доблесть Бельгии подняла его страну на большую высоту и что история не знает примера более героической защиты.

Мы обсуждали условия мира... Он с готовностью согласился на мое предложение, чтобы все воюющие страны компенсировали Бельгию за разорение. Он считал, что для его народа будет сущим несчастьем, если в условиях мира не бу-

ГЛАВА XIV

дуг предусмотрены способы восстановления его разрушенного благосостояния. Я сказал, что весь мир, мне кажется, желает выгодных для Бельгии условий и он, король, встретит сильную поддержку в своем требовании справедливого к ней отношения.

Он спросил меня, наблюдал ли я какие-нибудь признаки близкого мира. Нет, я их не наблюдал. Я сказал ему, что положение точно такое же, каким оно было в прошлый мой приезд сюда, с той только разницей, что в Германии чувство ненависти было не так сильно выражено, как теперь, но и в Англии и во Франции это чувство ненависти стало сильнее... Он считал, что ошибочно думать, будто участники войны (он не назвал Германию, но было ясно, что подразумевает он ее) истощены как в отношении солдат, так и экономических ресурсов...

Он несколько раз повторил, что должен быть примерным гражданином и делать то, чего народ ждет от примерного гражданина... Он не должен давать волю своим чувствам или мыслям, но должен думать так, как думает бельгийский народ, и чувствовать то, что чувствует он...

Он пригласил меня к чаю, но я отказался, заявив, что спешу обратно в Булонь. Он сердечно простился со мной и просил еще раз выразить президенту его признательность.

Возвращались мы с такой же бешеной скоростью. Было очень темно и сыро; на шестьдесят миль у нас ушло два часа, включая многочисленные задержки. Это была странная и возбуждающая поездка. Из тумана на несколько секунд, словно привидения, вставали очертания пехоты, кавалерии и артиллерии. В Булонь мы приехали вовремя, чтобы поспеть к позднему обеду, на который я пригласил сопровождавшего нас на обратном пути адъютанта».

«9 февраля 1915 г. (Лондон). Ламанш мы пересекли на военном транспортном судне, отплывшем из Булони в 12 ч. 15 м. На борту находилось более тысячи возвращавшихся на родину солдат. Среди них были раненые и отпускники. На судне, за исключением лорда Керзона, штатских не было. Погода

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

была ясная и море спокойное; сопровождала нас сильная охрана. В пяти-шести милях от Дувра пароход внезапно остановился. Агент тайной полиции, о присутствии которого я не знал, попросил Карвера передать нам, чтобы мы поднялись на палубу и стали возле одной из спасательных лодок. Кажется, только что недалеко от нас было пущено ко дну торговое судно, кроме того два германских гидросамолета сбрасывали бомбы на Кентское побережье. Чтобы избежать подводной лодки, мы, вместо Фолькстона, взяли курс на Дувр и согласно приказу адмиралтейства полчаса не двигались с места. Был момент, когда думали, что нам придется вернуться в Булонь.

Два английских воздушных корабля кружили над нами, высматривая подводные лодки, а также с целью защитить нас от германских гидросамолетов. На судне никто кроме нас не знал, что случилось или угрожало, хотя на каждом был спасательный пояс. Когда мы развели пары, было решено идти к Фолькстону вдоль берега, что и было проделано на полном ходу.

На вокзале Виктория наш поезд ждала огромная толпа, собравшаяся, чтобы приветствовать возвращавшихся солдат...

Меня ожидали телеграммы, записки, письма и газетные вырезки. Начали появляться репортеры, но я отказался видеть кого бы то ни было, заявив, что приму их завтра в четыре часа».

«10 февраля 1916 г. Среди многих посетителей был лорд-главный судья¹, явившийся вскоре после ленча. У меня было назначено другое свидание, и я смог говорить с ним всего несколько минут. Он пришел сообщить, что Ллойд-Джордж желает увидеться со мной наедине в течение ближайших двух дней для того, чтобы продолжить беседу, начатую до моего отъезда отсюда. Я просил Рединга устроить встречу. Мы условились, что по возможности он устроит обед в понедельник

¹ Лорд Рединг.

ГЛАВА XIV

вечером и пригласит премьер-министра, сэра Эдуарда Грэя, Артура Бальфура, Ллойд-Джорджа и посла Пэйджа.

Я сказал ему, что действовать надо быстро и что необходимо сообщить указанным выше лицам, что если мы хотим осуществить наши планы, то обычного английского промедления быть не должно...»

Визит Рединга обрадовал полковника Хауза, так как указывал, что, по крайней мере, Ллойд-Джордж серьезно относился к его предложению. В положительном отношении Грэя полковник был уверен, это подтвердилось 10 февраля во время первой беседы с министром иностранных дел. Хауз изложил ему итоги своих наблюдений на континенте. Общественное мнение и морские круги толкают германское правительство на путь возобновления беспощадной подводной войны. Они слышать ничего не хотят, кроме как о «мире победителей». Хауз усматривал две возможные альтернативы: США могут ждать, пока немцы не откажутся от своих обещаний в отношении подводной войны, и вступят в войну из-за вопроса о подводных лодках; или же президент потребует созыва мирной конференции, и, если Германия откажется от «благоразумных» условий, которые будут предложены, США вступят в войну, чтобы силой поддержать эти условия¹.

Из двух альтернатив Хауз предпочитал вторую: она, по крайней мере, дала бы Германии возможность уступить. Если же она не согласится, что Хауз и предполагал, то вступление США в войну основывалось бы на самых ясных и высших мотивах. И Америка могла бы решительно заявить союзникам: «Мы пришли помочь вам в войне, которая навсегда закончит с войной. Но когда победа будет одержана, мы потре-

¹ По-видимому, выработанные тогда «благоразумные условия» заключались в следующем: полное восстановление Бельгии и Сербии, возвращение Эльзас-Лотарингии, передача Константинополя России, независимая Польша, передача Австрией Италии территории с итальянским населением, компенсация для Германии вне Европы, прекращение гонки вооружений и гарантия против военной агрессии. Основная слабость подобной программы заключалась в том, что австрийский вопрос оставался неразрешенным.

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

буем, чтобы вы объединились с нами в заключении мира справедливого и прочного, а не мира мстительного и корыстного».

Письмо Хауза президенту

Лондон, 10 февраля 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Я писал из Парижа сэру Эдуарду Грэю, и он отложил все дела, чтобы посвятить нашей беседе целое утро. Как всегда, я был с ним очень откровенен и рассказал все, что произошло в Берлине и Париже. Я сообщил ему также о данном мною вам совете в связи с разрешением вопроса о «Лузитании» и почему я полагал существенным для нас не вступать в войну, по крайней мере, в настоящий момент. Как и предполагал Пэйдж, сперва сэр Эдуард со мной не соглашался, но через десять минут мне удалось его убедить¹.

Тщательно обсудив создавшееся положение и все подробности международной обстановки, мы, наконец, согласились, что нам лучше всего потребовать, чтобы воюющие страны позволили вам созвать конференцию для обсуждения условий мира. Мы пришли к заключению, что подобный образ действий будет лучше вмешательства (по поводу подводной войны) и условились, хотя и не окончательно, что вы сможете приступить к этому в очень недалеком будущем, может быть, вскоре после моего возвращения.

Союзники согласятся принять участие в конференции; от вашего имени я обещал, что если Германия откажется, мы употребим все наши силы для того, чтобы заставить ее согласиться на выработанные условия.

¹ Действительно ли Хаузу удалось убедить Грэя? На время, может быть. Но один из недостатков полковника заключался в том, что благодаря силе своей хладнокровной аргументации он убеждал многих людей в том, чему они в действительности не верили. Налицо много доказательств того, что к концу беседы с Хаузом очень трудно было с ним не согласиться; но после того, как действие его личного влияния проходило, люди склонны были вернуться к первоначальным убеждениям.

ГЛАВА XIV

Вы могли убедиться, что с тех пор, как я покинул Париж, дело продвинулось довольно далеко, — дальше, чем я предполагал. Завтра я должен встретиться на завтраке с премьер-министром Бальфуром и Грэм, чтобы ознакомить их с содержанием нашей беседы и попытаться заручиться их одобрением. Если это удастся, то в понедельник будет устроен обед, на котором, по моему предложению, будет присутствовать Пэйдж. На этом обеде будут премьер-министр, Грэй, Бальфур, Ллойд-Джордж и лорд-главный судья. К дальнейшим совещаниям никакие новые лица привлечены не будут, ибо решено сделать окончательные выводы; к вам я приеду с определенными данными.

Я не могу с уверенностью сказать, какую позицию займут завтра Асквит и Бальфур, но сомневаюсь, чтобы Грэй высказался так положительно, если бы не имел основания рассчитывать на их сотрудничество.

Я очень счастлив, что могу сообщить вам все это, и надеюсь, что завтра смогу телеграммой подтвердить все сказанное выше. Если вам в Вашингтоне удастся избежать всяких осложнений, отправки нот, протестов и т. д. и т. п. воюющим странам, то, возможно, что в скором времени произойдет нечто важное.

Обсуждение решения вопроса о «Лузитании» в печати оказалось крайне неудачным. Почти обо всех подробностях спора было передано по телеграфу, и газеты комментируют это сообщение, что создает крайне опасное положение. Я просил Грэя принять меры к тому, чтобы сейчас же прекратить враждебную критику на страницах газет, что он мне и обещал. О том же я буду просить премьер-министра.

На вашем месте я поручил бы Фрэнку Полку обратить внимание разведывательной службы на вопрос о разглашениях официальных документов с тем, чтобы попытаться найти виновных. Мне это кажется чрезвычайно важным, иначе может возникнуть угроза великому делу, которое вы стараетесь провести в жизнь. Если передать фальшивые сообщения тем лицам, на которых падает подозрение, то будет нетрудно

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

установить виновных. Нет слов, чтобы выразить вам, насколько это важно, и я надеюсь, что вы об этом немедленно позаботитесь.

Преданный вам Э. М. Хауз».

2

На следующий день Хауз был на завтраке и на обеде с разными членами кабинета. В первом случае — у сэра Эдуарда Грэй — он встретился с Асквитом и Бальфуром; на обеде — с Ллойд-Джорджем и Редингом. Все собеседники были очень осторожны. Очевидно, они хотели, чтобы США вступили в войну из-за вопроса о подводной войне, так как союзникам это дало бы возможность диктовать свои условия мира. В то же время, ввиду стремления Вильсона избежать войны с Германией, а также ввиду твердого заявления американского посла о неизменном пацифизме президента, они, быть может, не доверяли готовности президента объявить Германии войну, если она откажется от предлагаемых ей условий.

«11 февраля 1916 г. Когда я приехал в дом № 33 на Экклз-тон-сквере, — писал Хауз, — сэр Эдуард был уже там. Это дало мне возможность провести с ним несколько минут в частной беседе. Очевидно, о предмете нашей беседы он упомянул премьер-министру и Бальфуру, но за этим никаких обсуждений не последовало. Он говорил также с французским послом Полем Камбоном, который сообщил ему о моей первой беседе в Париже с Брианом и Жюлем Камбоном. У П. Камбона есть конспект этой беседы, о чем он сказал Грэй, не показывая самого конспекта.

Конспекта моей второй — и более важной — беседы у него нет. Грэй просил его достать. Он хочет узнать, каково мнение французов об этой беседе с тем, чтобы и мы с ним могли лучше понять положение.

К столу мы сели тотчас по приезде премьер-министра и Бальфура. Вначале разговор носил общий характер. Потом Грэй сообщил о нашем вчерашнем разговоре. Сперва я почти

ГЛАВА XIV

не принимал участия в беседе, выжидая, чтобы высказались другие. Бальфур упорствовал меньше обычного, и к обсуждению главного вопроса мы приступили скорее, чем я ожидал. Премьер-министр считал, что я слишком пессимистично сужу о России. Я ответил, что дело не в пессимизме, а в том, чтобы играть наверняка; может быть, сказал я, Россия и останется в рядах борющихся, но стоит ли рисковать?

Сэр Эдуард считал, что Англия ничего не сможет предпринять до тех пор, пока какой-нибудь из ее союзников не выразит готовности обсуждать условия мира. Он говорил, что до сих пор война еще не нанесла Англии серьезного удара, поскольку английских солдат убито немного и территория ее не занята врагом. Эту точку зрения, по-видимому, разделяли Асквит и Бальфур. Я выдвинул предположение, что если Россия объявит, что ее ресурсы пришли к концу и она готова заключить мир, то это будет означать, что она уже заключила тайное соглашение с Германией. Сэр Эдуард выдвинул такой план: если одна из союзнических стран предложит вести переговоры о мире, тогда Англия объявит о нашей готовности вмешаться. Я считал, что на это Россия не пойдет; она ответит, что предпочитает заключить соглашение сама без вмешательства США. Все согласились, что так и произойдет, если Россия уже не заключила сепаратный мир с Германией. Я указал, что было бы опасным ждать, пока Россия созреет настолько, чтобы заявить, что наступило время для нашего вмешательства. Выжидая это, они рискуют сделать наше вмешательство невозможным по причинам, изложенным мною выше¹.

Следующим был вопрос о том, каким образом английское правительство сможет сообщить нам, что оно считает момент благоприятным для нашего вмешательства, не обратившись сперва к союзникам, и как в таком случае избежать обвинения в двойной игре.

¹ Хауз уже раньше настаивал на том, что если они хотят американской помощи, то не должны ждать того, чтобы выросла серьезная угроза быть разбитыми Германией.

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

Для решения этой задачи я предложил следующий способ: в регулярные промежутки времени я буду посылать сэру Эдуарду Грэю зашифрованные телеграммы, предлагая наше вмешательство. Он мог не обращать на них внимания до тех пор, пока не наступит благоприятный момент, а затем обратить внимание союзников на наше предложение, как на предложение, исходящее от нас, а не от Англии.

Бальфур спросил, каких заявлений я жду от премьер-министра, Грэя и его самого и какие заверения я желал бы передать президенту. Я ответил, что хочу точного понимания того, что при указанных обстоятельствах английское правительство охотно восприняло бы предложение США о прекращении войны и о созыве конференции для обсуждения условий мира. Если бы я мог повезти к президенту благоприятный ответ, мы знали бы, как действовать дальше.

Я вновь предостерег их от того, чтобы слишком запускать дело. Я заявил, что если они совершат ошибку и будут выжидать, пока Германия одержит решительную или почти решительную победу, то им нечего ждать нашего вмешательства, ибо для США было бы безрассудным вступать в войну так поздно в надежде изменить результаты войны в их пользу. При подобных обстоятельствах мы, вероятно, создадим большую армию и флот, совершенно отойдем от европейских дел и положимся на самих себя.

Если же мой план будет принят, то я уверен, что он приведет к союзу между США, Великобританией, Францией и Италией — демократическими странами мира.

Мы условились порознь покинуть дом Грэя. Первым ушел премьер-министр, затем Бальфур, а с сэром Эдуардом Грэем мы вышли вместе. Мы условились встретиться в понедельник вечером на обеде у лорда-главного судьи. В беседе будут участвовать Грэй и Ллойд-Джордж. Отдельно с Грэем мы встретимся в понедельник, в половине одиннадцатого утра».

Тем временем Хауз обсуждал вопрос с Ллойд-Джорджем и Редингом. Все были согласны, что для принятия плана пол-

ГЛАВА XIV

ковника нужна полная поддержка Ллойд-Джорджа, так как этот бывший пацифист времен англо-бурской войны теперь превратился в энергичного поборника идеи полной победы. Предложение Хауза ему понравилось, он понимал, что оно обеспечит союзникам победу, но с сомнением относился к той его части, которая предусматривала предварительное требование Вильсона о созыве мирной конференции; согласие на такое предложение поколебало бы даже его популярность. Грэй был настроен более бодро и, по-видимому, был готов к немедленным действиям.

«Сэр Эдуард, — писал Хауз, — полагает, что для президента настало время потребовать созыва мирной конференции; но этого мнения не разделяют другие члены кабинета, если же и разделяют, то не хотят высказываться открыто. Общественное мнение здесь осудило бы всякого министра, который осмелился бы поддержать такое предложение... Все же у Грэя нет недостатка в решительности, он меньше беспокоится о личных интересах, чем любой другой государственный деятель из числа тех, кого я видел в Европе. Если Грэй останется в правительстве до конца войны, он, вероятно, станет выдающейся личностью, благодаря бескорыстию своих взглядов, дальновидности и прекрасной репутации. Ни разу не пришлось мне слышать от него какой-нибудь низкой или недостойной мысли...»

Посол Пэйдж оставался в стороне от этих совещаний, потому что в принципе они неизбежно должны были быть совершенно неофициальными до тех пор, пока предложение Хауза не будет формально утверждено президентом Вильсоном. Пэйдж, несомненно, не сожалел, что представился такой удобный предлог для его неучастия, так как он явно не желал участвовать в чем бы то ни было, что могло быть названо мирными переговорами. Хауз убедился, что Пэйдж остается глух к тому доводу, что в случае если немцы согласятся на предложенные условия, то милитаризм будет обречен, а если они откажутся, то США помогут союзникам, что и соответствовало желаниям Пэйджа. Пэйдж не верил в то, что пре-

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

зидент и министерство иностранных дел способны провести такую энергичную политику, и потому не желал помогать им в этой затее.

Предположение Пэйджа о том, что руководящие члены английского правительства не будут обсуждать предложения Хауза, оказалось лишенным всякого основания, и 14 февраля, как было намечено, совещание состоялось. Положение Хауза было затруднено отказом Пэйджа сотрудничать, так как его позиция неизбежно ослабляла доверие англичан к Вильсону. Тем не менее в принципе они одобрили американское предложение, хотя и отказались назначить срок для вмешательства Вильсона. Они все еще хотели попытаться в войне против Германии, ничем не связывая себя при выработке условий в случае победы. С другой стороны, они согласились, что если в будущем станет очевидной невозможность добиться серьезного успеха на фронте, то президент Вильсон должен потребовать созыва мирной конференции, и Хауз обещал, что если немцы откажутся принять выдвинутые им условия, США вступят в войну. Естественно, что это предварительное соглашение зависело от одобрения прочих союзников.

«14 февраля 1916 г. Обед у лорда-главного судьи, — писал Хауз, — был назначен на 8 ч. 30 м. Первым приехал я, затем Ллойд-Джордж, Грэй, Бальфур и Асквит. Справа от Рединг сидел премьер-министр, слева — я, сэр Эдуард — рядом со мной, Бальфур — с премьер-министром, а на другом конце стола — Ллойд-Джордж. За обедом беседа носила общий характер и касалась главным образом английских внутренних дел. Когда дворецкий удалился, началось обсуждение проблем войны, совершенных ошибок и способов их исправления. Они говорили совершенно откровенно о наличном запасе патронов и снарядов, о расточительном обращении русских с тем, что посылала им Англия, об общем моральном состоянии войск и т. д. и т. п. Я высказал предположение, что немцы, вероятно, поведут наступление на союзников на западе, возможно, у Вердена, не дожидаясь наступления весны.

ГЛАВА XIV

В своем предположении я основывался на том, что они не могли открыть обширных военных действий на русском фронте до конца апреля, а тот факт, что они не двигают дела на Балканах, убеждал меня, что они в самом непродолжительном времени перейдут в энергичное наступление на западном фронте. Моя мысль заключалась в том, что боеспособность немцев все еще на высоком уровне, и если они смогут нанести решительный удар, прорваться и захватить Париж или Калэ, то, пожалуй, это сможет положить конец войне».

Предсказание полковника о неизбежности большого германского наступления и указание точного объекта этого наступления — Вердена — неизбежно должны были укрепить его репутацию пророка; ровно неделю спустя, 21 февраля, ураганный огонь германской артиллерии к северо-востоку от Вердена возвестил начало величайшего сражения в мировой истории.

«Дальше говорили о разных новых изобретениях и о том, что немцы «припрятали у себя в рукаве». Поддерживая разговор в этом направлении, я руководствовался желанием заставить своих собеседников чувствовать себя менее уверенно и показать им, что я часто пытался сделать, какой страшный риск они берут на себя, не призывая нас к вмешательству...

Обсуждение основной цели совещания началось лишь в 10 ч. 30 м. Ллойд-Джордж начал с того, что сказал речь, аналогичную той, какую он произнес предо мной и Редингом накануне моего отъезда в Германию. Я прервал его и сказал: «Давайте будем исходить из предположительных фактов. Сегодня утром на совещании с сэром Эдуардом мы пришли к выводу, что созвать мирную конференцию в Вашингтоне будет невозможно, и я обещал, что, в случае приглашения, президент придет в Гаагу и останется там на требуемый срок. Предположим, что конференция собралась в Гааге и председательствует президент. Прошу вас, выскажите свои соображения о развитии событий, исходя из этого предположения».

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

Не успел Джордж возобновить свою речь, как премьер-министр и Бальфур выразили удовлетворение тем, что президент соглашается приехать в Европу; они выдвинули те же доводы, что и мы с Грэем: руководящим государственным деятелям воюющих стран нельзя было покинуть Европу на такой долгий срок и отправиться на такое далекое расстояние, как Вашингтон. Кроме того, потребовалась бы масса материалов, которые могли бы быть быстро собраны только в Европе.

После этого Джордж перешел к изложению того, чего, по его мнению, могла бы добиться мирная конференция... Премьер-министр и я высказывались по разным вопросам по мере их возникновения.

Долго, например, обсуждался вопрос о предоставлении независимости Польше и о возражениях, которые могли бы поступить со стороны России. Бальфур считал, что если Польша будет объявлена независимым государством и превратится в буферное государство между Россией и Германией, то в будущей войне Франция оказалась бы отданной на милость Германии, потому что Россия не могла бы достигнуть границ Германии, не нарушив нейтралитета Польши. Он считал, что с французской точки зрения, равно как и с русской, эта идея натолкнется на серьезные возражения, в противном случае, вероятно, настанет конец союзу России и Франции.

Все мы с радостной готовностью поделили территорию Турции в Азии и в Европе. Долгое время обсуждали судьбу Константинополя. Джордж и Бальфур не выражали особого энтузиазма к идее передачи его России, а Грэй и Асквит считали, что если этого не сделать, то навсегда сохранится предлог для новой войны. Я предложил объявить Константинополь нейтральным.

Становилось поздно, и я вновь напомнил моим собеседникам об основном вопросе совещания: когда должны США

¹ К этому времени Англия уже подписала договоры о разделе Турецкой империи, согласившись на переход Константинополя к России.

ГЛАВА XIV

потребовать прекращения войны и созыва мирной конференции. Я заставил Джорджа высказаться по этому вопросу и твердо внушал ему мысль, что президент должен действовать в этом направлении. Но он остерегался назначить определенный срок. Грэй, очевидно, был склонен немедленно решить этот вопрос. Затем разговор коснулся того, каким образом привлечь прочих союзников.

Асквит спросил меня, какой момент считал удобным я. Я сказал, что если бы союзники смогли произвести на фронте операцию достаточно внушительную, чтобы обескуражить Германию, тогда и наступил бы необходимый психологический момент. Асквит горячо выразил свое согласие; в общем условно решено было держаться этого курса. Все же я просил их принять во внимание следующее: если союзники пробьют глубокую брешь в германской линии, то общественное мнение в союзнических странах ободрится настолько, что оно будет требовать дальнейшего продвижения, следовательно, будет резко возражать против мирных предложений. Асквит считал, что это может произойти лишь в том случае, если успех союзников превзойдет его ожидания.

Ллойд-Джордж и Бальфур склонны были пойти на тот риск, о котором я говорил, и отложить решение вопроса.

Было уже 12 часов. Премьер-министр поднялся, чтобы уходить. Хотя совещание не носило решающего характера, тем не менее было достигнуто общее соглашение по главному вопросу: в известный момент, срок которого будет согласован позже, президент потребует прекращения войны и созыва мирной конференции. Я не рассчитывал достигнуть большего и был вполне удовлетворен этим решением.

Асквит спросил, что стали бы мы делать, если бы Россия и Франция заключили сепаратный мир с Германией до того, как Англии удастся достигнуть с ними соглашения о выступлении президента. Я ответил, что, по всей вероятности, мы немедленно приступим к созданию большой армии и флота и окончательно откажемся от какого-либо участия в европейских делах».

«15 февраля 1916 г. Сэр Эдуард явно доволен результатами нашего вчерашнего совещания. Он поздравил меня с тем, что я так основательно сумел внушить Ллойд-Джорджу необходимость вмешательства президента. Он сказал, что не хотел делать это сам, но задавался вопросом, как этого добиться. Он считал, что никогда еще за время с июля 1914 г., когда перед английским правительством стоял вопрос о мире и войне, оно не стояло перед необходимостью принять такое быстрое решение, какого требовал я. Он был очень взволнован, и, шагая взад и вперед по комнате, говорил, что, по его мнению, необходимо действовать немедленно, тогда можно будет спасти жизни миллионов людей и избежать опустошения в результате новой весенне-летней кампании.

Он знал, что в Англии эта идея будет настолько непопулярна, что возмущенные толпы могут выбить все стекла в его доме; тем не менее он к этому готов, так как чувствует себя правым. Он считал необходимым внести план на обсуждение всего кабинета, на что я с готовностью согласился. Мы условились, что он составит меморандум о нашем соглашении, который не будет подписан, но который я увезу с собой. Он не считал нужным созывать еще одно совещание для генерального обсуждения вопроса: мы с ним вдвоем сможем лучше определить все детали. Эту мысль я тоже одобрил».

«17 февраля 1916 г. Сегодня утром у меня был лорд-главный судья. Он пришел сказать мне, что, по его мнению, недавнее совещание в его доме имело большой успех. Как и сэр Эдуард Грэй, он считал удивительным тот факт, что Ллойд-Джордж, Бальфур и Асквит так откровенно высказывались друг перед другом. То, что всем им вместе удалось внушить необходимость принять общее решение, он считал самым серьезным успехом. Ни один из них не извлек из совещания преимущества, которое позволило бы ему атаковать другого. Это происходит оттого, что Рединг, так же как я и как все остальные, знает, что обсуждение вопроса о мире в настоящий

ГЛАВА XIV

момент было бы в Англии так же популярно, как, например, идея коронования кайзера в Вестминстерском аббатстве.

Я сказал Редингу, что Грэй и Бальфур поздравляли Ллойд-Джорджа с его дальновидностью и мужеством... Рединг считал, что премьер-министр связал себя сверх всяких ожиданий».

«22 февраля 1916г. Был у меня лорд-главный судья. Он зашел рассказать мне о своей частной беседе с премьер-министром по поводу нашего совещания на обеде у Рединга. В разговоре с ним Асквит высказался в пользу соглашения гораздо тверже, чем на совещании. Предполагается в самое ближайшее время произвести наступление на западном фронте для того, чтобы как можно быстрее осуществить предложение президента. Я чувствую, какую ответственность взял на себя в этом деле, ибо они готовят быстрый и мощный удар, исходя из моего заверения, что соглашение будет выполнено¹.

У меня был Хауард Уайтхауз, либерал, депутат парламента, который просил меня побудить президента снова предложить свое посредничество. Путем тщательных расспросов, ничего ему не сообщив, я получил от него ценную информацию. Он сказал, что вся «Ирландская партия», насчитывавшая около 80 депутатов, готова принять предложение о посредничестве, а к ней присоединится более ста депутатов-либералов. Я спросил: какое действие оказал бы факт согласия членов правительства из числа либералов и таких консерваторов, как Лэндсдаун, Бальфур и Бонар Лоу, на предложение президента о созыве мирной конференции? Он считает, что в этом случае в палате общин оказалось бы большинство, по меньшей мере в сто голосов, которое высказалось бы в пользу предложения; их поддержит огромное большинство населения страны. Я спросил Уайтхауза, каковы, по его мнению, будут взгляды различных членов кабинета по отношению к

¹ Предполагаемое наступление предпринято не было, так как немцы предугадали его своей атакой на Верден, которая заняла основное ядро французских сил, не дав им возможности действовать совместно с англичанами вплоть до наступления на Сомме.

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

посредничеству. Меня удивила правильность его суждений. Единственно, в чем он более или менее ошибался, была точка зрения Ллойд-Джорджа. Он думал, что тот воспротивится предложению так же энергично, как лорд Керзон...»

4

Эти важные переговоры перемежались менее важными приглашениями и беседами, отказаться от которых Хауз, тем не менее, считал невозможным, так как они служили ему источником информации и помогали оказывать влияние на общественное мнение.

«10 февраля 1916 г. Я отправился на завтрак к леди Пэйджет, чтобы встретиться с доктором Э. Дж. Диллоном, авторитетом по делам юго-восточной Европы. Среди приглашенных находились леди Минто, полковник Репингтон и другие.

Диллон — самодовольный, знающий и интересный человек, беседа с ним доставила мне удовольствие.

После обеда я принял более 15 английских и американских корреспондентов. Я не дал им никакой информации, но было забавно, как они на меня наседали, и я с удовольствием парировал их вопросы».

Отзывы корреспондентов об этом интервью были аналогичны парижским отзывам. Несмотря на то, что они были огорчены невозможностью выудить у меня сведения, они не могли не оценить юмористической стороны интервью со мной.

«Полковник Хауз, посланник президента в Европу, создал тонкое искусство из умения разговаривать и в то же время ничего не говорить», — гласил отчет об интервью в лондонской газете «Глоуб» от 11 февраля 1916 г.

«Полковник Хауз — маленький, подвижной, седоусый и седовласый человек, — воплощение любезности, но самый молчаливый из дипломатов.

По прибытии в Лондон он забавным образом парировал все усилия английских и американских журналистов, пытав-

ГЛАВА XIV

шихся вчера добиться от него сведений о его поездке в Париж, Женеvu и Берлин. Он усвоил манеру президента принимать журналистов скопом, предоставляя им сыпать вопросами сколько им заблагорассудится.

Мало кто знает о войне и об общем положении столько, сколько он. Казалось, что, наконец, представился случай вы-знать тысячу интересных тайн. Но все, чего добилаcь от него аудитория, заключалось в серии печальных и спокойных отрицательных ответов, прерываемых продолжительным и выразительным молчанием.

Войдя в свою комнату в отеле «Риц», где его ожидали представители прессы, он засунул руки в карманы брюк и весело заметил: «Если у вас, джентльмены, есть ко мне какие-либо вопросы, на которые я не сумел бы ответить, то выкладывайте их».

— Полагаю, — начал один американский журналист, — что вы очень оживленно провели время в Берлине.

— В каком отношении? — спросил полковник Хауз.

— Я полагаю, во всех отношениях.

— Об этом с удовольствием вам расскажут там, — ответил он спокойно.

— Где вы остановились в Берлине?

— У посла, все приемы происходили в посольстве.

— Виделись вы с князем фон Бюловым?

— Нет, не виделся. Я вернулся в Базель, оттуда — в Париж, затем — в Лондон. Здесь я останусь до 19-го, затем поеду домой на «Роттердаме».

— Слышали ли вы что-нибудь о возможности мира?

— Я нигде не слышал разговоров о мире, потому что умышленно избегал их.

— Заметили ли вы какие-нибудь признаки нехватки хлеба?

— Я вообще не видел никаких особых признаков.

— Нанесете ли вы какие-либо официальные визиты в Лондоне?

— Естественно, я увижу членов правительства. Большин-

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

ство из них — мои друзья и я часто встречаюсь здесь со своими друзьями как в мирное, так и в военное время.

— Будете ли вы делать доклад сенату по возвращении к себе?

— Я еще не знаю, что буду делать. Возможно, мне нечего будет докладывать.

Наступила томительная пауза. Наконец раздался вопрос:

— Хорошая ли погода стоит в Берлине?

— Да, всюду, где я был, погода была хороша.

— Нашли ли вы берлинскую публику очень бодро настроенной?

— Я не навел никаких справок. Я не производил никаких наблюдений.

— Видели ли вы кайзера или кронпринца?

— Да (пауза), но не в этот раз... В Берлине я был всего четыре дня.

— Создали ли вы себе какое-нибудь впечатление о том, сколько продлится война?

— Ни малейшего.

— Но вас многое интересовало?

— Европа всегда интересна.

— Не смогли бы вы сказать, что интересовало вас больше всего во время вашей поездки?

— Боюсь, что об этом мне придется подумать...

Невероятное волнение всех охватило, когда в конце интервью он по собственной инициативе заявил:

«Я хотел бы сказать...», но конец фразы не представлял из себя ничего более сенсационного, чем выражение признательности за неизменно любезное отношение со стороны журналистов».

«11 февраля 1916 г. На завтраке, — писал Хауз, — Асквит и Бальфур говорили о моем интервью с корреспондентами. Я рассказал им, что когда я впервые присутствовал при подобном интервью у президента, меня едва не пробирала дрожь, но, последовав его примеру, я убедился, что это такое простое дело, что потом не понимал, как мог я опасаться подобного

ГЛАВА XIV

испытания. Ллойд-Джордж сказал, что интервью породило много забавных толков, весь Лондон поражался тем, как я сумел встретиться со всеми лондонскими корреспондентами и, ничего им не сообщив, отделаться от них. Он уверяет, что не смог бы этого проделать. В действительности же никто не сумел бы сделать это лучше Ллойд-Джорджа.

Мы говорили о войне, о ее ведении и об ошибках войны. Мне казалось, что союзникам не хватает одаренности и инициативы. Я спросил, придумали ли они что-нибудь новое для весенней и летней кампании или же они пытаются добиться лишь такой боеспособности, какую немцы проявили в прошлом году. Он сознался, что на большее они, пожалуй, и не рассчитывают.

Я рассказал им об одной политической кампании, которой я руководил в Техасе. Почти все шансы были на стороне кандидата оппозиции. В разгар кампании я обнаружил, что оппозиция подражала нашим методам, но постоянно с некоторым опозданием. Я сказал нашим, что выиграем мы; когда же меня просили объяснить мой оптимизм, я ответил, что у соперников нет собственной инициативы и они лишь идут по нашему следу. Мы всегда оказывались на один-два круга впереди. И в этой войне на суше немцы всегда оказывались на несколько кругов впереди¹.

Я спросил Джорджа, почему французы не поручили англичанам защиту побережья и почему они заняли часть английской оборонительной линии. Он смог объяснить это лишь подозрительным отношением французов, которые считали, что, раз заняв побережье, англичане могут пожелать там остаться. По его мнению, это страх напрасный. Он сказал, что англичане, подобно альбатросу, любят хотя бы одним крылом касаться воды. Они не знали, как поступать на хинтерланде, но если время от времени они могли смочить одно крыло в милом старом океане, то никакая сила не могла бы лишить их владений...»

¹ Английская инициативность в изобретениях вскоре была оправдана применением танков в битве на Сомме.

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

«14 февраля 1916 г. Этот день мог свести с ума кого угодно. Посетители, телефонные звонки, журналисты, фотографы — в общем все то, что может вывести человека из терпения.

От Хью Уоллеса я получил телеграмму с советом заказать Лазло написать мой портрет. Я был у Лазло, он доволен предложением. Он очень занят, но, по-видимому, представляет эмбрионального государственного деятеля, ибо в течение получаса с лишним объяснял мне, как нужно разрешить европейскую проблему. Так как ему предстоит писать мой портрет, я счел за благо терпеливо выслушать его мнение».

«15 февраля 1916 г. Вчера вечером я сказал премьер-министру и другим лицам, присутствовавшим на обеде у Рединга, что одним из самых благотворных дел, какое они могли бы сделать, это добиться изменения тона столичных газет по отношению к Германии. В Германии эти газеты имеют большое распространение, и когда я принялся объяснять германскому правительству и народу, что Англия не стремится уничтожить Германию как нацию, они тут же показали мне вырезки из передовых статей лондонских газет, в которых говорилось прямо противоположное. Подобные высказывания были отлично известны германскому народу, который считал, что Англия стремится не только уничтожить его как нацию, но желает захватить всю его торговлю. Такие статьи непосредственно играли на руку военщине и помогали ей объединять весь германский народ в борьбе с союзниками.

Грэй отвез меня во дворец и оставил у королевского входа. После краткой беседы с лордом Стэмфордхэмом меня провели в кабинет короля, с которым мы разговаривали почти час... Мы обсуждали вопросы подводной войны, разоружения торговых судов, моей поездки в Германию; говорили о кайзере, о германском настроении против США и т. д. и т. п. Его позабавило, когда я показал ему монету в 50 марок, на которой было оттиснуто «Gott, strafe England und Amerika»¹.

¹ «Боже, накажи Англию и Америку», (ред.).

ГЛАВА XIV

Я спросил, видел ли он специальный номер журнала «Лайф» под названием «Джон Буль». Меня немало удивил его ответ, что он читает «Лайф» уже в продолжение двадцати пяти лет и притом с большим удовольствием. Он рад был узнать кое-что о его издателе Эдуарде С. Мартине. Король просил меня сообщить президенту о его сердечных чувствах и крайнем сожалении по поводу критических высказываний о президенте в английских газетах... Он выказал чрезвычайное дружелюбие и настаивал, чтобы в следующий свой визит я немедленно известил его».

«17 февраля 1916г. Я был на обеде, данном мне генералом Эллисоном. Слева от меня он усадил адмирала лорда Фишера, справа — генерала Айана Гамильтона. На обеде были также генерал сэр Дэйвид Гендерсон из воздушных сил и два чиновника из индийского законосовещательного собрания. Это был один из самых интересных обедов. Лорд Фишер был в ударе; он критиковал правительство, Уинстона Черчилля, союзников — все и всех с таким юмором, что стены дрожали от хохота.

Он рассказал о роковых днях, предшествовавших началу войны, когда решение Англии висело на волоске. По его словам, он был тем, кто предложил немедленную мобилизацию флота, и первым привел 80 процентов флота в английские воды.

Из рассказанных им забавных историй я вынес очень много ценного. Он ярый сторонник быстроходных крейсеров и крупных орудий; другими словами, он не считает нужным, чтобы на каждом судне были орудия различного калибра. По его убеждению, побеждают быстроходные крейсера и крупные орудия. Он сказал, что пытаться выиграть сражение с помощью большого числа тихоходных судов и мелких орудий — то же самое, что пытаться поймать зайца с помощью армии черепах.

«Бог создал зайца так, чтобы поймать его могла гончая, а не черепаха. Весь вопрос, — сказал он, — заключается в ре-

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

цепте поваренной книги, как зажарить зайца. Этот рецепт начинается со слов: “Сперва поймайте зайца”».

Именно Фишер взял из эскадры Джеллико два самых быстроходных броненосца и послал их в погоню за крейсерами фон Шпее в южноамериканские воды. Броненосцы пришли к означенному месту в кратчайший срок и выполнили свою работу, не подвергаясь опасности, потому что были недосыгаемы для орудий фон Шпее,

Фишер заявляет, что это он объяснил японцам, как уничтожить первую русскую эскадру во время русско-японской войны. Он предвидел, что русский адмирал наделает глупостей. Начать с того, что скорость хода русских судов отставала на три узла по сравнению с японскими судами; русские суда были нагружены углем, что уменьшало скорость хода еще на пару узлов. Фишер посоветовал японцам запастись минимальным количеством угля, достаточным лишь для того, чтобы подойти к русскому флоту и маневрировать. В результате японцы сумели забраться в лоб плывущей русской эскадры и топить одно судно за другим.

С восторгом отзываясь о США, он сказал: «Не плоха была та птица, которая высидела американского орла».

Генерал Гамильтон рассказал о галлиполийской кампании, о ее трудностях и неудачах. Он считает, что было ошибкой отказаться от нее: еще немного усилий и она кончилась бы успешно. Он жалуется, что в критические моменты не получал поддержки...

Фишер рассказал мне о том, какой совет он дал английским сухопутным силам... Он хотел, чтобы французы предоставили англичанам защищать все побережье. После этого он хотел подвести флот и обстреливать германские окопы с моря. Он считал, что таким путем им удастся оттеснить немцев вдоль всего побережья на расстояние, равное дальности английских морских орудий. По его словам, генерал Френч одобрил его предложение, но Жоффр не хотел допустить занятия англичанами всего побережья, угрожая, что, в случае если они будут настаивать, он заключит сепаратный

ГЛАВА XIV

мир. Фишер заявил, что сказал бы Жоффру, — пусть тот заключает сепаратный мир и убирается к черту; Великобритания владычествует на морях; у нее все германские колонии; она достает все деньги; кроме того, она сражается на суше. Если они хотят заключить сепаратный мир, Великобритания к этому готова, ибо она единственная страна, которая выйдет из войны победительницей...»

«19 февраля 1916 г. В 12 ч. ко мне приехал лорд Брайс и пробыл в течение полутора часов. Мы говорили о разоружении торговых судов, о подводной войне, о Германии, об условиях мира, об англо-американских спорах и т. д. Я просил его написать мне письмо, в котором он изложил бы свои доводы против разоружения торговых судов с тем, чтобы я мог представить письмо президенту вместе с другими слышанными мною соображениями. Он сказал, что если когда-нибудь я не смогу установить непосредственный контакт с английским правительством, то смогу сделать это через него».

«21 февраля 1916 г. Лорд Лорберн был один и ждал меня. Он спросил, какого я мнения о том, чтобы он произнес в палате лордов речь в осуждение блокады. Я предостерег его от подобного шага, посоветовав вместо этого заявить, что союзным правительствам не следует делать ничего такого, что могло бы вызвать ненужное раздражение в нейтральных странах или со стороны немцев, но предпринимать лишь такие действия, которые представляют действительную ценность с военной точки зрения. Англия, сказал я, некоторым образом достигает блокадой того же, чего Германия достигает своими цеппелинами. Хотя эти способы не одинаково жестоки, они, тем не менее, оказывали раздражающее действие и порождали враждебность общественного мнения.

Лорберн записал мои слова и обещал выдвинуть эти мысли в своих речах. Я настойчиво просил его сказать, что Англии следует положить конец заявлениям в печати и высказываниям общественных деятелей о том, что эта война представляет войну с целью истребить германскую нацию и

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

разрушить германскую торговлю. В самом деле, для Англии эта война имела тот смысл, чтобы в будущем кучка корыстных личностей не могла вовлечь весь мир в войну ради своих выгод. Я считал, что если он будет придерживаться этого тона, то милитаризму в Германии будет нанесен ущерб, а намерения союзников станут ясны для всех. Ни разу еще до сего времени никто в таком тоне не высказывался, и если премьер-министр и сэр Эдуард Грэй об этом не заявят, хотя они и намеревались, то это следует сделать ему.

Лорберн критиковал сэра Эдуарда Грэя за то, что тот дал себя втянуть в войну. Он считал, что не следовало заключать с Россией и с Францией даже условный договор; Грэй подвел его... тем, что не сообщил в решающие дни перед войной о существовании союза между Францией и Англией. Он сказал, что только впоследствии Грэй публично объявил в одной речи, что Англия не могла пренебречь своими обязательствами по отношению к Франции. Он невысокого мнения о способностях Грэя, хотя и преклоняется перед его характером. Я просил его поддержать Грэя, заявив, что он единственный человек, на которого я надеюсь. К этому я добавил, что ему, Лорберну, не следует допускать, чтобы какие-нибудь былые дела повредили той пользе, какую можно было бы достигнуть в настоящий момент путем совместной работы. Лорберн обещал все это сделать, хотя и сознался, что для него это — горькая пилюля.

Я отправился на чай к миссис Асквит. Опоздал я почти на час. Она была одна и ждала меня. Наша беседа носила довольно интимный характер. Она рассказывала мне об официальном мире вообще и об Асквите в частности. Она терзалась тем, что ее считали сторонницей Германии, и была расстроена судебным делом, которое она начала против газеты «Глоуб», в котором ей, вероятно, придется выступать в роли свидетельницы. Так как она несдержана на язык и говорит все, что придет на ум, то стала критиковать президента, но я заставил ее замолчать, заявив, что она не понимает ни создавшихся условий, ни помыслов президента и усвоила

ГЛАВА XIV

обычное предубежденное мнение о нем, неверное и несправедливое.

По возвращении в «Риц» я застал леди Пэйджет, которая оставалась у нас до восьми часов. Она хорошо служит нашему делу и является одной из немногих проживающих в Лондоне американок, которые лояльны к своей стране и подтверждают эту лояльность во всех необходимых случаях. В этом отношении она заслужила уважение английского народа».

5

Перед тем как вернуться в Вашингтон с целью получить от президента Вильсона окончательную санкцию, Хауз приступил к «застегиванию», по его выражению, предварительного соглашения с Грэм. Это было закончено во время продолжительного совещания 17 февраля.

«Грэй показал мне полученный им от французского посла меморандум, в котором было подробно приведено содержание моей второй беседы с Брианом и Жюлем Камбоном. За некоторыми исключениями беседа была изложена правильно. Согласно меморандуму я заявил, что, как бы плохи ни были дела Франции, мы вмешаемся только в том случае, если они сами попросят нас о помощи. Я просил Грэя обязательно разъяснить французам, насколько неправильно их толкование; это важно по многим причинам; главная — та, что если союзники будут откладывать обращение к нашей помощи до того момента, когда наше вмешательство не сможет принести им пользы, то мы не станем даже пытаться им помочь.

Я стараюсь добиться скорых действий, внушая Англии и Франции, что они рискуют окончательно лишиться нашей поддержки, если не будут действовать быстро.

Грэй и я составили меморандум обо всем мною сказанном не только в Париже, но и на последнем совещании у лорда Рединга. Грэй покажет меморандум французскому послу и копию вручит мне до моего отъезда для того, чтобы не было

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

никаких недоразумений насчет того, как далеко я зашел в обязательствах, данных мною от имени президента.

Я обратил его внимание на тот факт, что, если союзники одержат полную победу, Россия, Италия и Франция несомненно выдвинут требования и совершат поступки, которые Англия не одобрит и которые не послужат интересам прочного мира¹.

Все свои силы я употребил на то, чтобы доказать, какому риску они себя подвергают, откладывая момент действия. Помимо прочего, они рисковали еще тем, о чем сэр Эдуард не подумал: это возможная смерть президента, естественная или насильственная... Я напомнил ему, что через год состоятся президентские выборы и нельзя быть уверенным в его переизбрании. Если победа будет одержана республиканцами, то создастся положение, сходное с тем, какое создалось бы, если бы лорд Керзон стал здесь премьер-министром, возглавляющим реакционный кабинет.

Грэй ответил с большим чувством: «История предъявит суровые обвинения тем из нас, кто в такое время отказывался от предложенных вами услуг».

Между нами не было разногласий относительно того, что действовать надо быстро. Оба мы считаем, что Англия выиграет от вмешательства президента в настоящий момент больше, чем если бы союзники одержали полную победу через год. Он так же, как и я, полагает, что практическое соглашение между Англией и США в разрешении международных дел и то число жизней, которые будут спасены благодаря немедленному действию, по результатам превзойдут полную победу...»

«21 февраля 1916 г. Грэй показал Асквиту, Бальфуру и Джорджу французское коммюнике, а также меморандум, составленный нами на прошлой неделе. Он виделся с французским послом, который спросил Грэя, насколько серьезным считает он мое предложение: намереваемся ли мы, я и прези-

¹ Напомним историю Парижской мирной конференции.

ГЛАВА XIV

дент, действовать решительно или хотели лишь создать среди англичан и французов благожелательные отношения к президенту для того, чтобы оно могло оказать влияние во время президентской кампании. Я просил сэра Эдуарда сказать Камбону, что он обдумал его слова и находит нужным напомнить, что президент и я не могли в данном случае преследовать какую-либо внутреннюю политическую выгоду, так как хорошо известно, что враждебные высказывания за границей служат только на пользу всякому, кто выдвигает свою кандидатуру на пост президента США. На это Грэй улыбнулся, но признал мою правоту и сказал, что непременно передаст это Камбону.

От дома № 33 на Экклзтон-сквере мы вместе отправились пешком по направлению к дому Лорберна. Грэй подарил мне свою фотографию и, улыбаясь, сказал, что лучше не показывать ее Лорберну, иначе у него испортится настроение».

«23 февраля 1916 г. Сегодня утром я более часа совещался с сэром Грэм. Он вручил мне копию соглашения, в котором участвовали Асквит, Бальфур, Ллойд-Джордж и я. По одной копии он собирался вручить каждому члену кабинета, но после моего энергичного протеста согласился ограничиться прочтением им текста соглашения. Я просил Грэя по получении от меня соответствующей телеграммы послать в США лорда Рединга для того, чтобы он мог вместе со мной отправиться к президенту и лично услышать от него о возможных изменениях или дополнениях к тексту нашего соглашения¹. Я предложил бы для этой цели лорда Брайса, но этого не позволяет его преклонный возраст.

Все это я рассматриваю как предохранительную меру, в том числе — для собственной защиты. Может случиться так, что сперва президент одобрит наше соглашение и я телеграфно извещу об этом Грэя, затем что-нибудь заставит президента изменить свое мнение, и тогда меня осудят здесь в самых

¹ В 1917 г., после того как США вступили в войну, лорд Рединг приехал в Вашингтон со специальным поручением и сменил сэра Сесилия Спринг-Райса в качестве посла.

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

неумеренных выражениях. Тем временем могло оказаться, что союзные правительства действуют в соответствии с нашим соглашением.

Мимо меня несется непрерывный поток посетителей низших и высших рангов. Правительство делает все возможное, чтобы помочь нам выбраться отсюда с максимальным комфортом. Я отказался от предложенного мне экстренного поезда, но согласился на отдельный вагон. Так как возвращаемся мы на голландском пароходе, то ко мне прикомандирован агент Скотланд-Ярда, чтобы охранять мои бумаги... В списке пассажиров он будет значиться моим слугой».

25 февраля полковник Хауз отплыл из Фалмута. Даже не догадываясь об истинном значении его миссии, пресса по обеим сторонам Атлантики восхищалась тем, с каким искусством он сумел, как она и предполагала, объяснить позицию США и политику президента, и тем, насколько политически ценные наблюдения он вынес из своей поездки.

«Посещение полковником Хаузом нашей страны, — писал лондонский журнал «Нэйшен» в номере от 26 февраля 1916 г., — по нашему мнению, представляет веху в истории войны. Ни у кого не было столько возможностей, сколько у него, для того чтобы оценить общие факторы, которые решают судьбу Европы, стоящую на страшном распутье. Эта задача — не малая. Не считая совещаний между союзниками, дипломатия на обширных полях Европы кончилась. Одна сторона не знает, о чем думает другая; а чем больше люди напрягают слух, тем громче слышен грохот орудий. Поэтому хорошо, что мир имеет хотя бы одного носителя идей и разума. Полковник Хауз на всех произвел впечатление своим благоразумием, здравым смыслом, сдержанностью, искренностью, способностью оценить силы и определить подобающее им место».

«Ни один англичанин не знает Германии лучше полковника Хауза, — писала выходящая в Олбани (США) газета «Уикли тайме» в номере от 2 марта 1916 г. — Ни один немец не имел таких возможностей, как полковник Хауз, чтобы по-

ГЛАВА XIV

знать общественное мнение и грядущие судьбы Англии и Франции. Он всюду был, всюду слушал все, что говорят, и остался при своем мнении. Он все впитал, но ничего не выдал и вернется домой, не нажив ни одного врага, не проронив ни одного неосторожного слова, не возбудив ни малейшего подозрения».

Даже наиболее резко настроенная антивильсоновская пресса в Нью-Йорке была вынуждена печатать хвалебные статьи своих лондонских корреспондентов.

«Хаузу удалось оставаться уклончивым и в то же время многозначительным, не отступая от своей обычной манеры, — гласила статья в номере газеты «Трибюн» от 27 февраля 1916 г. — Он все видел и все слышал, а между тем показал себя выдающимся мастером тонкого искусства говорить как можно меньше. По его взгляду можно было судить, что его молчание скрывает не мало юмора. Он настолько преуспел в трудной задаче быть одновременно угрюмым и приятным, что даже приобрел популярность среди репортеров, которым ничего не сказал. Ясно, он один из самых тонких людей».

На англичан миссия Хауза произвела такое впечатление, что газета «Обсервер» в номере от 20 февраля 1916 г. предложила Грэю последовать примеру Вильсона и «послать со специальной миссией к американскому народу какого-нибудь достаточно выдающегося и пользующегося авторитетом государственного деятеля. Такая миссия не должна была бы базироваться на людях и делах прошлого. Мы убедились, что разрешить текущие проблемы нельзя методами профессиональной дипломатии, с каким бы усердием и совершенством ее ни применять... Полковнику Хаузу представляется возможность сделать замечательный доклад президенту Вильсону, и мы твердо считаем, что нашей стране следует добиться такого же успеха». Немного времени спустя Джерард писал из Берлина, что германское правительство рассматривает вопрос об отправке в Америку какого-нибудь своего «полковника Хауза». Имя полковника уже начинало обозначать определенную функцию.

Глава истории, которую создал Хауз, далеко превосходила самые пылкие предположения любого корреспондента. Даже если она не имела последствий, то и тогда должна вызывать удивление. Собственными усилиями и без всяких полномочий, не считая нескольких случайных писем от президента, он создал величайшую и единственную возможность, которая, если бы за нее ухватились президент и союзники, представляла путь к миру либо через американское посредничество, либо в результате вступления США в войну на стороне союзников. Способность союзников оценить все значение этого предложения оставалась под сомнением. В согласии президента Хауз не сомневался.

Вера в него была оправдана 6 марта, когда он приехал в Вашингтон и сделал доклад президенту.

Гарвин телеграфировал нью-йоркской «Трибюн»:

«Когда полковник Хауз будет иметь свою первую продолжительную беседу наедине с президентом Вильсоном, то стены в Вашингтоне, если бы они имели уши, удостоятся исключительной привилегии. Текст вступительной части беседы заперт в сейфе — в собственной груди полковника Хауза. Я не буду пытаться строить догадки»¹.

В действительности первая продолжительная беседа между ними произошла на открытом воздухе, и стен, чтобы слышать, не было.

«6 марта 1916 г. После завтрака, — писал Хауз, — президент, миссис Вильсон и я совершили автомобильную прогулку, продолжавшуюся более двух часов. За это время я рассказал о всех значительных подробностях моей поездки. На обратном пути президент довез меня до министерства иностранных дел, где в часовой беседе с Лансингом я в сжатой форме сообщил ему все то, что сказал президенту.

Затем я вернулся в Белый Дом. Мы с президентом снова

¹ Нью-йоркская «Трибюн», 27 февраля 1916 г.

ГЛАВА XIV

углубились в беседу, продолжавшуюся почти до семи часов. Я показал ему меморандум, который мы с сэром Эдуардом Грэем считали основой моего соглашения с Францией и Великобританией. Президент согласился с ним *in toto* (целиком) и только предложил вставить слово «вероятно» на девятой строке после слова «США» и перед словом «покинут». Он также предложил, чтобы на следующий день мы с ним составили полный текст моего сообщения Грэю...

Противники президента утверждали, что он холодный человек, которому не свойственно выражать благодарность. В данном случае, по крайней мере, подобная критика была бы неуместной. Когда Хауз встал, чтобы удалиться, президент положил руку на плечо полковника и сказал: «Невозможно представить себе более трудную задачу, чем та, которая была поручена вам, но выполнили вы ее — сверх всяких моих ожиданий». На слова Хауза, какую он почувствовал бы гордость, если бы Вильсону только дана была возможность провести план в жизнь, президент ответил: «Вы должны гордиться собой, а не мною, так как все это сделали вы».

Обещание Хауза союзникам было формально санкционировано президентом 7 марта, и притом в самой выразительной форме, так как телеграмма к Грэю с подтверждением его меморандума собственноручно написана Вильсоном, хотя подписал ее Хауз.

«Самым важным событием дня, — отмечал полковник, — было составление телеграммы сэру Эдуарду Грэю. После недолгого обсуждения президент стенографической записью зафиксировал наше мнение, а затем сел за свою пишущую машинку и напечатал весь текст телеграммы... Тот факт, что он письменно одобрил всю мою деятельность, дает мне глубокое удовлетворение».

Меморандум Грэя и подтверждавшую его телеграмму, составленную Вильсоном и Хаузом, можно рассматривать как документальное доказательство готовности президента бросить все наши силы надело заключения справедливого мира. Эти документы гласят:

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

«Меморандум сэра Эдуарда Грэя.

Конфиденциально.

Полковник Хауз сообщил мне, что если президент Вильсон будет уведомлен Францией и Великобританией, что наступил благоприятный момент, он готов предложить созыв конференции с целью покончить с войной. Если союзники примут это предложение, а Германия откажется от него, то США, вероятно, вступят в войну против Германии.

Полковник Хауз выразил мнение, что, в случае созыва такой конференции, она обеспечит мир на условиях не неблагоприятных для союзников; если же конференции не удастся обеспечить мир, США (вероятно¹) покинут конференцию в качестве воюющей на стороне союзников державы, если Германия проявит неблагоразумие.

Полковник Хауз определенно высказался в пользу восставления Бельгии, передачи Эльзас-Лотарингии Франции и приобретения Россией выхода к морю, хотя и считал, что потеря Германией территории в одном месте должна быть компенсирована ей в других местах, вне Европы. Если союзники будут откладывать принятие предложения президента Вильсона, и если с течением времени война выльется в настолько неблагоприятные для них формы, что вмешательство США не оказало бы эффективного действия, то США перестанут проявлять интерес к Европе и позаботятся о своей безопасности, опираясь на собственные силы.

Я сказал, что считаю подобное заявление, исходящее от президента США, настолько важным, что я должен информировать о нем премьер-министра и моих коллег, но что я не мо-

¹ Президент Вильсон вставил слово «вероятно» для того, чтобы оно соответствовало тому же слову, стоящему тремя строками выше и восемью строками ниже. Ценность предложения несколько не была уменьшена добавлением слова «вероятно», которое было обычным выражением дипломатических документов: так как объявление войны зависит от конгресса и поскольку президент разделяет с сенатом контроль над иностранной политикой, то Вильсон не мог в категорической форме гарантировать образ действий США в будущем. Все же на практике президент может решить вопрос о мире и войне, и его намерения выражены здесь в наиболее энергичной и допустимой форме.

ГЛАВА XIV

гу ничего сказать, пока не узнаю их мнения. Английское правительство ни при каких обстоятельствах не могло принять или выдвинуть какое-нибудь предложение, не посоветовавшись и не достигнув соглашения с союзниками. Я полагал, что кабинет, вероятно, сочтет, что ныне создавшееся положение не благоприятствует попытке начать переговоры с союзниками по этому вопросу в настоящий момент; но ввиду того, что полковник Хауз имел конфиденциальную беседу с г-ном Брианом и г-ном Жюлем Камбоном в Париже, я полагаю правильным сообщить г-ну Бриану частным порядком, через французского посла в Лондоне, то, что передал нам полковник Хауз, и, разумеется, я готов во всякий момент, когда представится возможность, приступить к переговорам по этому вопросу с г-ном Брианом, если он того пожелает».

Подписано инициалами Э. Г.

Таким образом, случай громко постучался в двери союзнических кабинетов. Это было приглашением и предостережением. Если они примут приглашение и Германия согласится на выработанные Хаузом условия, то союзники всего добились бы в пределах разумных требований; если Германия откажется, что казалось вероятным, то Вильсон предлагал помощь США, чтобы заставить ее принять эти условия. Хауз показал воюющим странам, что достаточно подать знак рукой для того, чтобы они могли заручиться помощью США либо для заключения справедливого мира, либо для одержания победы. Но если союзники сигнала не подадут, то, как и предупреждалось, США самостоятельно защитят себя.

Это предложение было сделано в момент, когда правительство США предавали анафеме за его абсолютное безразличие к делу справедливости и гуманности. Рузвельт призывал проклятия на голову президента, который предоставил союзникам самим спасать цивилизацию от угрозы варваров-гуннов в то время, как США из трусости и корыстолюбия оставались в стороне. Общественное мнение во Франции и в Англии открыто выражало свое презрение. Несколько меся-

АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ

цев спустя посол Пэйдж в одном из особенно тщательно написанных донесений министру иностранных дел объяснял суть английского общественного мнения, приведя для этого злобные выпады по адресу президента, раздававшиеся с подмостков мюзик-холлов, и насмешливые замечания солдат в окопах, окрестивших неразорвавшийся снаряд кличкой «Вильсон». Писал он о мнении среднего благонамеренного англичанина, но делал это с таким красноречием, которое свидетельствовало о его, посла, сочувствии этому мнению.

«Англичане пришли к заключению, — писал Пэйдж, — что наше правительство не понимает морального значения их борьбы с разрушительной военной автократией... Они сомневаются в том, сознаем ли мы необходимость во взаимной симпатии народов, говорящих на английском языке, уважаем ли мы наше национальное единство, наши национальные стремления, наше национальное мужество. Они сомневаются, по-прежнему ли мы считаем превосходство демократии единственной мерой защиты от хищного абсолютизма. Они не ждали, что мы откажемся от нейтралитета. Но, сражаясь за сохранение свободного строя, они разочарованы тем, что наше правительство не делает морального различия между ними и врагами свободного строя. Они чувствуют, что пользуются моральной поддержкой почти всего цивилизованного мира, за исключением правительства США. Они спрашивают себя, смогут ли они в будущем довериться искренности нашего правительства в международных делах».

На все это президент Вильсон не ответил ни единым публичным выступлением, ни разу не пытался оправдываться. Но предложение, тайным образом переданное им через Хауза, служило исчерпывающим ответом. Если бы Франция и Англия не сумели воспользоваться предоставленной им возможностью, то вызвали бы подозрение, что они воевали не ради заключения справедливого мира, а ради корыстных целей. Во всяком случае, они более уже не могли бы утверждать, что несут бремя человечества, между тем как Америка остается в стороне.

ГЛАВА XV

ГЛАВА XV

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

Человеку безответственному легко, сидя за стаканом вина, с сигарой во рту, решать, как поступить лучше.

(Из дневника полковника Хауза, 9 апреля 1916 г.)

1

Президент Вильсон на известных условиях согласился на участие США в войне. Об этом свидетельствовало предложение, сделанное им союзникам через полковника Хауза. Но он не желал вступать в войну лишь для того, чтобы удовлетворить националистские стремления союзных держав, и без всякой гарантии, что американская помощь послужит делу постоянного мира.

«Мы держимся в стороне, — заявил он публично, несколько месяцев спустя, — не потому, что мы считаем, будто война нас не касается, а потому, что когда мы прибегаем к силе нашей страны, мы хотим знать, ради чего мы к ней прибегаем... Определим составные части, убедимся, что мы сражаемся не во имя превосходства одной нации над другой, не во имя удовлетворения честолюбивых замыслов одной группы наций за счет честолюбия другой группы наций; дайте нам веру в то, что мы призваны на великое дело борьбы за права человечества, и тогда Америка объединит свои силы и прольет свою кровь ради великих задач, в которые она всегда верила и которым всегда следовала».

Этими словами президент предупреждал союзников, что если они хотят помощи Америки, то должны искренно держаться своих деклараций о том, что они сражаются за всеобщий мир и за безопасность малых народов, а не для того, чтобы уничтожить Германию. Высшее оправдание американского вмешательства заключалось в надежде положить конец этой войне и предотвратить будущие войны. Германии следует дать возможность согласиться на умеренные условия; если

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

же она откажется, то долг Америки будет ясен. «Доблесть, — заявил Вильсон 26 февраля, — остается в стороне от мелких стычек и препятствий, ожидая великого момента, когда меч блеснет, словно на его клинке отразился свет с неба». Подобным образом он открыто обратился к союзникам с тем, чтобы дать им возможность воспользоваться американской помощью.

В ожидании ответа союзников президенту приходилось действовать в очень трудных условиях. Отношения с Германией были напряженными; в то же время, имея в виду переговоры Хауза, президент прежде всего стремился избежать разрыва до получения ответа от союзников. Германия уступила в вопросе об «Арабике» и обещала больше не топить пассажирских судов без предупреждения. Неограниченная подводная война, которой требовали германские морские круги, распоряжением канцлера была приостановлена. Но Берлин упорно отказывался принести извинения за «Лузитанию», на которых Вильсон настаивал. Немцы согласились уплатить компенсацию за жизни американских граждан и выразить сожаление, принимая во внимание «дружбу между обеими странами». Но Циммерман все же настаивал, что в качестве контрмеры потопление «Лузитании» было оправдано английской продовольственной блокадой, и отказывался признать, что потопление было незаконным. Лансинг, с другой стороны, заявил, что когда репрессивные меры затрагивают граждан нейтральных стран, они противоречат законам ведения войны, а изданием новых приказов командирам подводных лодок после потопления «Арабика» Германия молчаливо признала незаконный характер нападения на «Лузитанию», поэтому Лансинг требовал от германского правительства откровенного признания этого беззакония.

Спор шел вовсе не только о словах. До того времени Германия, хотя и соглашалась на требование Вильсона, чтобы подводные лодки давали предупреждение перед нападением и считались с условиями безопасности для пассажиров и команды, не признавала незаконности неограниченной под-

ГЛАВА XV

водной войны и не собиралась этого признавать. В противном случае она была бы лишена возможности изменить приказы командирам подводных лодок и начать интенсивную борьбу с английской торговлей. На время она соглашалась воздержаться от неограниченной подводной войны, но она не соглашалась связать себя по рукам на будущее путем признания незаконности нападения на «Лузитанию».

2

Английские подозрения о том, что предложение Лансинга было выдвинуто в надежде доставить удовольствие Германии и добиться благоприятного разрешения вопроса о «Лузитании», в известной мере оправдались, когда 10 февраля германское правительство объявило, что после 29 февраля вооруженные торговые суда будут рассматриваться как военные суда и что с ними будут поступать соответствующим образом. Сомнительно, чтобы подобным образом немцы хотели заставить Вильсона сообщить союзникам, что вооруженные торговые суда в американских портах будут интернированы как военные суда. Если же они на это рассчитывали, то ошиблись. Вильсон не собирался уступать никому и меньше всего — Германии. Он немедленно дал понять, что предложение Лансинга носило условный характер, что, согласно обычаю, торговые суда имели право вооружаться в целях самозащиты и в случае, если германская подводная лодка совершит нападение на несопротивляющееся торговое судно без предупреждения, Берлину придется считаться с дипломатическими последствиями. Он потребовал от Германии заверений в том, что подводная война против торговых судов будет вестись таким образом, чтобы не подвергались опасности путешествующие по морям американцы.

Другие американцы не так решительно реагировали на германскую угрозу. Многие граждане, главным образом те, которые проживали в глубине страны и редко путешествовали, требовали, чтобы сами американцы остерегались ездить

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

на судах воюющих стран, где их присутствие может привести к международным осложнениям. Если бы американцы избегали опасной зоны, то не подвергались бы опасности быть потопленными, и тем самым кончился бы спор с Германией о подводных лодках. Конгресс подхватил это требование.

Из-за этого вопроса президент решил рискнуть своим руководящим положением, ибо он столкнулся с тем, что в тот момент казалось открытым бунтом конгресса, возглавляемого его собственной партией. Члены палаты представителей почти открыто предупредили его, что если он не обратится с предупреждением к американским гражданам о том, чтобы они не совершали переездов на вооруженных судах, то палата сама сделает это предупреждение в форме постановления. Соответственный проект резолюции был внесен Джефф. Мак-Лемором из Техаса; спикер палаты Чэмп Кларк возглавил делегацию к президенту и предупредил, что постановление будет принято двумя третями голосов. Председатель иностранной комиссии сенатор Стоун утверждал, что если Вильсон не уступит, то будет осужден своей собственной партией; сенатор Гор из Оклахомы представил сенату проект резолюции, аналогичный резолюции Мак-Лемора.

Но президент не намеревался отступать перед угрозой бунта в своей партии, равно как и перед угрозой со стороны немцев. Он немедленно написал письмо Стоуну, заявляя, что он будет защищать право американцев путешествовать на морях в безопасности.

«Ни одна группа наций, — писал он, — не имеет права, в то время как идет война, изменять или игнорировать принципы, принятые всеми нациями для смягчения ужасов и страданий войны, и если законные права американских граждан будут ограничены или в них будет отказано, то мне кажется, что честь указывает нам только один путь. Что касается меня, я не могу согласиться ни на какое ограничение прав американских граждан. Речь идет о чести и самоуважении нации. Мы стремимся к миру и сохраним его любой ценой, кроме потери чести... Достаточно раз согласиться на ка-

ГЛАВА XV

кое-либо ограничение прав, чтобы за ним последовали другие унижения, и вся сложная паутина международного права по кусочкам расплзется в наших руках. Наши стремления в этом вопросе представляют самую сущность того, что сделало из Америки независимую нацию. Она не может уступить в этом вопросе, не признавшись в своем бессилии как нации и фактически сдав свою позицию независимой страны среди государств всего мира...»

Решимость Вильсона была поддержана общественным мнением и решением палаты представителей, отвергнувшей 7 марта резолюцию Мак-Лемора 275 голосами против 135. Президент одержал в своей партии даже более яркую победу, чем два года тому назад во время споров о панамских пошлинах. Демократические лидеры голосовали против него, но рядовые депутаты его поддержали; большинство голосов за резолюцию об уступке американских прав было подано республиканцами¹. Результат голосования укрепил положение Вильсона в стране, так как публика поняла, что, стремясь избежать разрыва с Германией, он в то же время полон решимости отстоять права американских граждан; одновременно результат голосования ослабил позиции республиканцев, утверждавших, что они защитники американских свобод, но на проверку возглавивших группу сторонников капитуляции.

Хауза очень беспокоили разногласия по вопросу о вооруженных торговых судах, так как он усматривал в этом опасность, которая могла разрушить его планы американского посредничества путем угрозы применения силы. Во время пребывания Хауза в Европе эти разногласия усилились, и он опасался, что союзники сочтут предложение Лансинга признаком враждебности и откажутся отнестись с доверием к предложению Вильсона о помощи, для установления справедливого мира. 5 февраля он телеграфировал Лансингу, что

	за	против
Республиканцы	93	102
Демократы	182	33
	275	135

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

его предложение само по себе «кажется справедливым, но что параллельно необходимо рассмотреть много вопросов».

Неделю спустя он телеграфировал: «В связи с разногласиями о вооружении торговых судов затронуто столько других вопросов, что, я горячо надеюсь, вы отложите вопрос до моего возвращения».

Пересекая Атлантический океан, Хауз не терял связи с Вашингтоном; создававшаяся ситуация его не радовала.

«4 марта 1916 г. Капитан ежедневно передавал мне полученные им радиограммы. Из них я узнал, что в результате несвоевременного предложения о разоружении торговых судов президент и Лансинг попали в затруднительное положение. От президента я получил две радиограммы, в одной из которых он требовал моего немедленного возвращения в Вашингтон, а в другой предупреждал, что Бернсторф поджидает меня в Нью-Йорке, и советовал мне избежать встречи с ним.

Углубив это разногласие с конгрессом и создав несколько обостренные отношения с Германией, президент и Лансинг в значительной мере помешали моим стараниям за границей. Если бы они сохранили положение в прежнем виде, на чем я настаивал, то я уверен, что план вмешательства США с целью покончить с войной прошел бы без заминки. Я глубоко разочарован, но надеюсь, что положение может быть исправлено таким образом, чтобы план мог быть осуществлен.

Безрассудная поспешность Германии, выразившаяся в заявлении о том, что с 1 марта подводные лодки будут рассматривать вооруженные торговые суда как военные корабли, дало правительству США возможность отказаться от предложения Лансинга.

«Ввиду нового решения германского Тайного совета в отношении вооруженных торговых судов, — телеграфировал Лансинг Хаузу, — и ввиду интервью, данных разными германскими офицерами, неправильно осветивших позицию нашего правительства в этом вопросе, мы намерены двигать-

ГЛАВА XV

ся медленна». Когда Хауз разъяснил положение Вильсону, президент обеспокоился. Он «воспользовался случаем, чтобы винить себя и Лансинга, — отмечал Хауз 7 марта, — за то, что они позволили этому разногласию всплыть на поверхность...»

Президент показал прекрасный пример, отказавшись уклониться от ответственности. Предложение Лансинга было отклонено союзниками и забыто; правительство США удовлетворялось получением от капитанов торговых судов официального заверения, что их вооружения предназначены только для самозащиты.

3

Разногласия о вооружении торговых судов в самом деле угрожали подорвать планы Хауза, так как союзники были уверены, что предложение Лансинга было направлено к тому, чтобы оказать помощь Германии и добиться разрешения спора о «Лузитании». Все же Хауз чувствовал, что занятая в конечном счете Вильсоном твердая позиция по отношению к Германии, а также к более умеренным лидерам в конгрессе доказывала готовность президента действовать решительно, если союзники доверятся ему и примут его предложение о посредничестве.

Но союзники не были готовы принять это предложение. Успешная защита французами Вердена укрепила их в уверенности, что контрнаступление союзников может привести к победе над Германией на западном фронте и тогда они смогут навязать Германии более жесткие условия, чем те, которые предложены в меморандуме Хауза-Грэя и одобрены Вильсоном. Для США, следовательно, не оставалось ничего другого, как ждать, пока обе воюющие стороны не поймут, что они в тупике. Все же полковник не преминул напомнить союзникам, что если они не слишком будут откладывать принятие американского предложения, то прежняя возможность оставалась перед ними еще открытой.

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

Пока союзники колебались, обратиться ли им за американской помощью на условиях, выработанных Хаузом, американские отношения с Германией, казалось, улучшились. Спор о праве Германии нападать на вооруженные торговые суда без предупреждения прекратился после победы президента в конгрессе. Роковое 1 марта не было ознаменовано началом обещанной кампании неограниченной подводной войны. Как всегда, политика момента в Берлине зависела от чьих-то взлетов и падений в том непрерывном соперничестве, которое совершалось между германскими властями, удерживаемыми боязнью разрыва с США, и сторонниками фон Тирпица, которые твердили, что Англию можно изолировать и войну выиграть, если им будет предоставлена свобода действий. Отказ Вильсона согласиться на германское толкование понятия агрессивного оружия «болезненно удивил» представителей гражданских властей Германии. Но они продолжали сопротивляться фон Тирпицу, который в конце концов подал в отставку, очевидно, надеясь путем обращения к общественному мнению вернуться к власти полным хозяином положения.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 12 марта 1916 г.

«Дорогой начальник!

Бернсторф сегодня утром провел у меня час. Как всегда, он рассуждал трезво и готов вполне беспристрастно обсуждать текущие вопросы.

Он считает, что сейчас лучше ничего не делать и ничего не говорить по вопросу о разоружении торговых судов. Он конфиденциально сообщил, что они согласны прекратить спор, если его прекратим мы. Он заявляет, что впутался в этот вопрос случайно и в результате нашего подстрекательства.

Он полагает, что со стороны подводных лодок не будет враждебных действий, которые могли бы поссорить наши две страны, по крайней мере, в настоящее время, пока

ГЛАВА XV

власть в руках канцлера. Я выразил мнение, что новое преступление такого рода ускорило бы объявление войны, и объяснил ему, почему я полагаю, что война будет иметь самые худшие последствия не только для Германии, но и для союзников; если мы будем вовлечены в войну, то некому будет указать выход из положения. Эта концепция очень его заинтересовала; он спросил, при каких условиях может наступить момент вашего вмешательства. Я сказал ему, что по этому вопросу вы не выражали никакого мнения, но что я советовал вам вмешаться в соответствующий момент. Он спросил, когда, по-моему, настанет соответствующий момент. Я ответил, что не раньше, чем кончится их наступление на Западе, и возможно не раньше, чем союзники производят контрнаступление. Он спросил, сколько это, по-моему, займет времени. Я ответил, что, по-моему, это займет несколько месяцев. Он считает, что Германия будет приветствовать наше вмешательство, и спросил, ожидаю ли я согласия на него со стороны союзников. Я сказал, что, по-моему, англичане отвергнут наше вмешательство. Это верно, но ему я сказал это с определенной целью...

Преданный вам Э. М. Хауз».

Надежды полковника Хауза на то, что дипломатические отношения останутся без перемен, были скоро разрушены самым грубым образом. 24 марта в курсирующий по Ламаншу пароход «Суссекс», невооруженное пассажирское судно, была пущена торпеда, снесшая всю его носовую часть. Корма продолжала держаться на воде, но было убито и ранено около 80 мужчин и женщин всевозможных возрастов, подданных нейтральных держав. Нападение было совершено без предупреждения, подводную лодку даже не видели, и первым указанием на опасность был след на воде от приближавшейся торпеды. Более того, нападение, по-видимому, свидетельствовало о продуманном намерении возобновить неограниченную подводную войну, так как в период между 9 и 29 марта было потоплено 8 пароходов. На борту каждого из этих

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

пароходов находились американские граждане, хотя ни один американец не погиб.

Внезапность возобновившихся нападений несомненно удивила посла Джерарда и, видимо, озадачила Бернсторфа. Насколько историк может судить из позиции германского канцлера и министра иностранных дел до и после кризиса, нападение произошло без их приказа и просто показывает, как развилась политическая анархия в Германии, где морское командование действовало по-своему, помимо воли политических вождей.

Как и в период после потопления «Лузитании», Хауз полагал, что, как бы ни была мала ответственность тех, кто считались руководителями германской политики, разрыва с Германией нельзя было и не следовало избегать. Он надеялся, что США смогут вмешаться с целью покончить с войной; раз война будет объявлена, она будет продолжаться до полного разгрома Германии; поэтому он боялся экономических и моральных последствий всякой проволочки. Но он знал, что если в наступившем кризисе Вильсон не будет действовать решительно, то американскому влиянию во всем мире придет конец.

«Похоже, что на сей раз мы должны действовать без дальнейших разговоров, — отмечал Хауз 27 марта. — Пожалуй, физически я чувствую себя недостаточно хорошо, чтобы предпринять поездку в Вашингтон, но считаю, что мне следует быть там, чтобы в эти критические часы помочь президенту советом. Я боюсь, что он затянет дело и будет писать новые ноты, между тем как нам нужны действия».

На следующий день Хауз отправился в столицу и сразу же по приезде отправился в Белый Дом для беседы с президентом.

«До обеда оставалось всего несколько минут, — писал Хауз, — и мы отложили более подробное обсуждение дел на завтра. Но поговорили мы достаточно для того, чтобы я мог проникнуть, в его мысли; и по тому, как он глядел на меня, я сужу, что он намерен извиниться за медленность своих дейст-

ГЛАВА XV

вий в этом новом кризисе, навязанном потоплением «Суссекса»... Очевидно, он не сознает, что одной из основных причин враждебной ему критики является то, что хотя говорит он смело, но действует нерешительно...»

«29 марта 1916 г. Ни президент, ни Лансинг, ни Полк, ни я не можем понять, что вызвало оживление германской подводной войны. Бернсторф в министерстве иностранных дел не был и, насколько мы знаем, не проявляет ни малейшего беспокойства».

Лансинг был настроен воинственно и считал, что США не остается ничего другого, как немедленно порвать с Германией.

«... Он зачитал письмо к президенту, — писал Хауз, — написанное им по поводу наших разногласий с Германией, в котором настойчиво советовал отправить Бернсторфа домой и порвать отношения с Германией. Письмо было написано в спокойном тоне, и я его одобрил, но под тем условием, что последующая информация оправдывает его настояния¹.

Оба мы полагаем, что президент крайне неохотно пойдет на то, чтобы подкрепить свои собственные угрозы...

Другое, в чем я не могу убедить президента, это необходимость приготовиться к кризису, который может наступить в любой день. В свое время по отношению к Мексике ему пришлось действовать экспромтом. То же самое случится в связи с европейским положением... Только впервые начинается пополнение рядов армии и то лишь в силу необходимости организовать погоню за Виллой, после чего у нас осознали, что мы не имели никакой сколько-нибудь значительной армии. Я пытался убедить его приступить к этому прошлым летом и пытался заставить обратить внимание на армию почти за год до начала войны».

Вильсон колебался. Величайшим его желанием было покончить с войной, поэтому он считал, что для США легче привести ее к концу путем посредничества в качестве нейт-

¹ Т. е. в том случае, если будет доказано, что «Суссекс» был потоплен торпедой с германской подводной лодки.

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

ральной страны, чем путем вмешательства в качестве воюющей страны. Если же вмешательство оказалось бы необходимым, то он предпочитал оправдывать его не нарушением Германией наших прав, но надеждой на то, что это покончит с войной. 30 марта президент и полковник Хауз совещались долго.

«После завтрака мы с президентом снова углубились в беседу. Я весьма резко поставил перед ним вопрос о нашем разногласии с Германией. Он опасался того, что разрыв отношений затянет войну на неопределенное время и некому будет указать выход из положения. Он повторял аргумент, который я выдвигал перед ним в течение последних шести месяцев, что в известной мере привело меня в смущение. Но я ему сказал, что придумал другой способ, при помощи которого мы могли бы найти выход для воюющих стран даже тогда, когда вмешаемся в войну.

Я посоветовал ему, чтобы после того, как он отошлет Бернсторфа, сделать беспристрастное заявление о причинах войны и о побуждениях союзников в войне. Я предлагал не говорить о германском народе ничего недружелюбного, но обратить удар против системы, которая вызвала эту мировую трагедию, и заявить, что если с этой системой будет покончено, то, что касается нас, спор с Германией будет кончен. Затем я считал, что в соответствующий момент, который наступит, может быть, в середине лета, мне следует отправиться в Голландию и после совещания с союзниками, с их согласия, приступить к непосредственным переговорам с Берлином, обьявив ему, на каких условиях мы готовы покончить с войной¹.

¹ Перечитывая свой дневник девять лет спустя, полковник Хауз заметил: «Теперь мое предложение кажется бессмыслицей и даже недоброкачественной бессмыслицей». Это замечание не совсем справедливо. Его предложение преследовало очевидную цель убедить Вильсона, что вступление США в войну могло и должно было стать фактором, который превратил бы войну в войну за дело мира. Он обратился к пацифистскому инстинкту президента для того, чтобы пробудить в нем воинственный дух. Как показали последующие события, президент Вильсон согласился на эту мысль в 1917 г., назвав войну крестовым походом за дело мира.

ГЛАВА XV

Я считал, что в этом случае можно будет осуществить мой прежний план, т. е. президенту надлежит председательствовать на конференции, и мы примем участие в войне. Таким образом, наше участие в конференции окажется более действенным, чем если бы мы оставались нейтральными, и, может, таким путем мы достигнем большего и лучшего, чем ранее намеченным нами путем.

Он был доволен моим предположением, и я думаю, теперь он будет более склонен к действию. Я пытался убедить его в том, что если он откажется действовать, то скоро лишится доверия американского народа и союзников... и не сможет оказать никакого влияния на мирную конференцию. Я пытался доказать ему, что если он не добьется выполнения Германией его требований относительно подводной войны, то лишится уважения всего мира...

Президент хочет, чтобы я повидал Бернсторфа и заявил ему, что мы накануне разрыва отношений, и, если не произойдет какое-нибудь решительное изменение в немецкой политике подводной войны, мы наверняка вступим в войну».

«2 апреля 1916г. Склонность президента к бездействию заставляет его колебаться перед тем, как нырнуть; но стоит сделать этот шаг, как все остальное он выполнит, я уверен, достойным образом. Во всяком случае, непосредственно окружающие его люди, начиная с министра иностранных дел, сейчас переживают скверные минуты. Ни с кем из них он не советуется, и намерения его им так же неизвестны, как любому прохожему. Я думаю, что он последует моему совету... Но даже мне он не сообщает о своих намерениях. В этом все же нет ничего необычного, так как он редко, вернее никогда, не говорит, что собирается делать. Это я знаю из опыта прошлого...»

По возвращении в Нью-Йорк полковник Хауз снова советовал президенту усвоить твердый тон. Все же он предложил, чтобы союзникам была дана возможность заявить, предпочтут ли они выступление США в качестве воюющей страны, или требование США — о прекращении войны.

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 3 апреля 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Если немцы не откажутся от своей теперешней политики, разрыв, кажется, будет неизбежным. Не считаете ли вы, что прежде, чем он произойдет, следовало бы телеграфно сообщить Грэю о положении вещей и спросить его, что будет более разумным: вмешаться сейчас или же ждать разрыва?

Наше превращение в воюющую сторону будет иметь свои преимущества, так как оно укрепит вашу позицию внутри страны и среди союзников. Оно устранил необходимость привлечения на конференцию какой-нибудь нейтральной страны, ибо единственной целью их вовлечения могло бы быть включение нас самих.

Вместо того, чтобы уменьшиться, ваше влияние на мирной конференции возрастет до огромных размеров, ибо на конференции мы окажемся единственной страной, не желающей ничего иного, кроме конечного блага человечества.

Мы все еще сможем быть той силой, которая остановит войну, когда наступит благоприятный момент, путем, изложенным мною вам в Вашингтоне.

Преданный вам Хауз».

Вслед за этим письмом полковник Хауз сам поехал в Вашингтон и много раз совещался с президентом и министром иностранных дел. Нота о разрыве дипломатических отношений уже была составлена.

«5 февраля 1916 г. В шесть часов пришел Лансинг, мы разговаривали почти час. После получения президентом моего письма от 3 апреля он, очевидно, решил последовать моему совету и сделать более энергичные шаги. Так, он велел Лансингу приготовить Джерарду меморандум для представления германскому правительству. Лансинг показал мне свой набросок меморандума. Документ написан в крайне энергичных тонах, и мне думается, что президент сильно его из-

ГЛАВА XV

менит. Составлен он весьма удачно. Меморандум содержал отозвание Джерарда и уведомлял германское императорское правительство о том, что графу фон Бернstorфу будут вручены паспорта...»

«6 апреля 1916 г. Перед тем как президент начал диктовать, мы совещались в зале, прилегающем к моей комнате; совещание затянулось настолько, что он отказался от намерения просмотреть почту и отпустил стенографистку.

Я сказал ему, что разрыв с Германией кажется мне неизбежным: они топили суда без предупреждения, что противоречило взятым ими на себя торжественным обязательствам; потопление «Суссекса» ничем не отличалось от потопления «Лузитании». Я считал, что ему следует окончательно выработать план действия; а если он согласится со мной, что разрыв неизбежен, то должен готовиться к нему уже сегодня с тем, чтобы выгадать две-три недели на подготовку, прежде чем немцы узнают о наших намерениях.

Мы обсуждали, целесообразно ли дать союзникам в последний раз возможность принять наши предложения о вмешательстве. Было высказано много доводов за и против такого шага. Первоначально предложение исходило от меня, оно было в моем письме от 3 апреля, но я уже не был уверен в его целесообразности. Президент тоже допускал, что оно может породить у них подозрение в том, что мы желаем, чтобы они действовали ради нашего спасения. Президент не хотел, чтобы с этой стороны в его позиции оставались уязвимые места. Тем не менее он считал, что им следует знать, что, по нашему мнению, война дольше протянется, если мы превратимся в воюющую сторону, чем если останемся нейтральны.

Президент просил меня составить телеграмму сэру Эдуарду Грэю, но я настаивал, чтобы он сделал это сам...

Телеграмма, составленная президентом «его собственной рукой», как мы называем его маленькую пишущую машинку, гласила следующее:

«Так как кажется вероятным, что наша страна должна будет порвать с Германией из-за вопроса о подводной войне,

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

если только не случится что-нибудь непредвиденное, и так как война несомненно затянется, если наша страна станет воюющей стороной, я позволю себе высказать предположение, что, если в какой-нибудь мере мы имели в виду принять в ближайшем будущем какие-либо шаги в связи с одобренным нами планом, вы, может быть, пожелаете переговорить с вашими союзниками с целью приступить к немедленным действиям»¹.

Миссис Вильсон сказала, что теперь, когда президент фактически принял решение, он меньше тревожится по поводу внешнего положения. Так я и думал: его тревожила собственная нерешительность...

После ухода президента мыс Лансингом несколько минут беседовали наедине. Затем я совершил часовую поездку с военным министром... Мне хотелось... объяснить ему, насколько критическими стали наши отношения с Германией, и посоветовать ему немедленно выяснить, каким количеством войск можно располагать для защиты Нью-Йорка, Чикаго и других крупных центров и достаточно ли у нас солдат, чтобы не отзывать войска из Мексики. Если бы оказалось, что войск не хватает, то я полагал, что нужно отказаться от преследования Виллы и правильно распределить наши силы.

Я просил его считать мои слова конфиденциальными и использовать их лишь в указанном направлении. Он решил завтра отправиться в Нью-Йорк и обсудить вопрос с генералом Вудом, а затем для выяснения положения на Западе встретиться в Кливлэнде с командующим чикагским военным округом. Я внушал Бэйкеру, чтобы он действовал решительно.

¹ Возвращаясь к этим переговорам, полковник Хауз 14 марта 1925 г. писал: «Я думаю, что телеграмма, составленная Вильсоном и мною для Грэя, была ошибкой. Нам следовало бы знать, что на нее не последует желанного ответа. Я не уверен в том, не совершили ли мы еще большей ошибки, не созвав мирную конференцию вместо того, чтобы предоставить союзникам быть судьями. Вот почему я хотел большой армии и флота. Если бы мы их имели или приступили к их созданию в 1916 г., то было бы несомненно разумно продолжать действовать, не обращая внимания на желание немцев и союзников потребовать прекращения войны на тех основаниях, какие задумали мы».

ГЛАВА XV

тельно в случае, если возникнут какие-либо беспорядки. Я считал, что было бы ошибкой проявлять милосердие и нерешительность при прекращении беспорядков подобного рода: подобный образ действий приведет лишь к расширению беспорядков и в конечном счете потребует еще больших жертв...

Я считал, что в этом кризисе Вуда нужно использовать для видной роли, так как всем известно его недружелюбное отношение к правительству и близость к Рузвельту и к республиканским лидерам; если же президент обойдет его, а далее последуют волнения, это послужит сигналом для критических высказываний о правительстве. Бэйкер сказал, что он именно и намерен выдвинуть на первое место завязтых сторонников Рузвельта¹.

Мы подробно обсудили положение с военной точки зрения, включая силы милиции², полицейские силы в разных городах и т. д. и т. п.».

5

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 8 апреля 1916 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня утром целый час провел у меня Бернсторф. Я обрисовал ему положение так, как мы сговорились. Он признался, что не больше нас понимает, что происходит.

Он сказал, что разрыва допускать нельзя и что он немедленно начнет действовать. Он просил у меня совета; я высказал предположение, что ему следует телеграфировать своему правительству, что вы испытываете полное разочарование; что при потоплении судов без предупреждения только милостью неба не погибли американские жизни, но это может

¹ Похвальное намерение, но впоследствии выполнить его оказалось невозможным ввиду возражений со стороны генерального штаба. В этом вопросе Вильсон и Бэйкер следовали советам своих военных экспертов.

² Территориальные войска (*ред.*).

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

случиться сегодня, завтра или на будущей неделе и несомненно случится, если они не откажутся от своей политики подводной войны...

Бернсторф признал, что, если пассажирские суда будут пускать на дно без предупреждения и при этом погибнут американские граждане, у вас не будет другого выхода, как порвать дипломатические отношения с Германией. Он сказал, что сообщил об этом своему правительству, но так как он столько раз кричал «волк, волк», то его сообщение, может быть, и не окажет желаемого действия.

Я указал ему, что самое прискорбное в этом разрыве то, что мы не сможем найти выхода для воюющих стран. Он ответил, что надеется на вашу готовность указать этот выход сейчас, и хотел бы знать, когда, по-моему, наступит благоприятный для этого момент. Я сказал, что, вероятно, обе стороны попытаются осуществить свои наступательные планы в период весны и начала лета. Германия начала с Вердена и потерпела явную неудачу; когда с этим будет покончено, наступление начнут союзники, и если эта попытка тоже окончится неудачно, то для всех станет ясно, что обе стороны зашли в тупик, а тогда с успехом могли бы вмешаться вы.

Преданный вам Э. М. Хауз».

«Бернсторф сохраняет спокойствие и мужество, — добавлял Хауз в своем дневнике, — и нельзя не восхищаться этими его качествами». Но, как многие немцы, он никак не мог понять отношения Вильсона к войне.

«Бернсторф спросил меня, — писал полковник, — желает ли президент порвать отношения с Германией. Я высказал предположение, что требования политического характера делали для президента желательным такой разрыв; Бернсторф спросил, могут ли такие требования оказать какое-либо влияние. Я ответил, что был советником многих общественных деятелей и всегда утверждал, как утверждаю сейчас, что политика не должна играть никакой роли в решении общественных дел. Если чьи-нибудь личные интересы будут спута-

ГЛАВА XV

ны с долгом, то несчастье неминуемо... Лучшая политика заключается в том, чтобы лучше служить обществу...»

«9 апреля 1916 г. Меня посетил Сидни Брукс; он оставался в продолжение полутора часов. Я ему дал кое-какой материал для телеграммы, и мы довольно основательно обсудили международное положение... Он настаивал, чтобы я направлял президента в его выступлениях; при этом он заметил, что президент способен совершить правильный поступок, но неправильным путем. Брукс, очевидно, хочет услужить президенту и быть ему другом, хотя и выражает нетерпение по поводу его медлительности в решениях. Он, как и другие, забывает, что вся ответственность лежит на президенте, и благополучие и счастье ста миллионов людей в значительной мере зависят от него. Человеку безответственному легко, сидя за стаканом вина, с сигарой во рту, решать, как лучше поступить...»

В конце недели Хауз снова был вызван в Вашингтон, чтобы обсудить с Вильсоном составленную президентом ноту.

«11 апреля 1916 г. Он окончательно отверг ноту Лансинга, — писал полковник, — и написал другую, гораздо более сильную, в которой изложены все факты с самого начала и осуждено использование подводных лодок против торговых судов. Я мог убедиться, что все привезенные мною из Англии сведения, в том числе очень толковое объяснение создавшегося положения, данное А. Г. Полленом, а также сэром Хорэсом Планкеттом, оказали свое действие.

Я возражал против последней части ноты, которая не носила исчерпывающего характера и открывала возможность для новых препирательств... Он терпеливо спорил со мной, но отказался признать, что в ноте были слабые места.

Он утверждал, что если поступит по нашему совету, то это будет означать объявление войны, а объявить войну без согласия конгресса он не мог. Я полагал, что если он не внесет в ноту изменений, то очутится в скверном положении потому, что даст Германии возможность снова ответить нотой с заверениями о готовности согласиться на требуемые уступки при условии, если Англия также подчинится букве

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

закона. Президент со мной не согласился, но все же вычеркнул последний параграф, что придало ноте несколько более решительный характер; кроме того, он вписал слово «немедленно», что придало ей еще более решительный характер.

Я настаивал, чтобы он упомянул, что на случай, если Германия не согласится на немедленное прекращение подводной войны, послу Джерарду даны инструкции потребовать паспорта. Это скорее сохранит мир, сказал я президенту, чем его план, потому что таким образом Германии будет предложено выбирать между миром и войной, между тем как первоначальный текст открывает возможность для препирательства, а в конце концов все, вероятно, кончится той же войной...

Я хотел, чтобы после разрыва он выступил перед конгрессом с филиппикой против Германии, — не против германского народа, а против культа, который сделал возможным ныне происходящую катастрофу. До сих пор еще никто не предъявлял им в достаточно резкой форме обвинения от имени цивилизации, и мне хотелось, чтобы это было сделано президентом самым искусным образом.

Наше совещание длилось два часа, вплоть до того момента, когда президенту нужно было отправляться на заседание кабинета, назначенное на 11 часов. Он колебался, прочитать ли ему ноту перед кабинетом... В конце концов он решил зачитать им ноту почти полностью, но не как ноту, которую он намеревался вручить Германии, а как изложение своих доводов против подводной войны».

Вскоре после своего возвращения в Нью-Йорк полковник Хауз получил от германского посла письмо, в котором говорилось о необходимости не допустить дело до разрыва, так как он уверен, что Германия совершенно искренна в своем решении выполнить взятые на себя обязательства. Полковник, который знал о разногласиях, царивших в то время среди германских официальных кругов, придавал сообщению Бернсторфа меньше веры, чем его добрым намерениям.

18 апреля Вильсон отправил свою ноту Германии. Тон ноты был спокойным, но выводы ее — окончательными, так как президент в конце концов принял совет Хауза и вычеркнул параграф, который мог дать повод к рассуждениям. «Если императорское правительство, — заявлял Вильсон, — немедленно не заявит и не проведет в жизнь отказ от своих теперешних методов подводной войны против пассажирских и торговых судов, то у правительства США не останется другого выбора, как порвать дипломатические отношения с Германской империей».

Таким образом, Германии был предоставлен выбор между двумя альтернативами: либо — разрыв с Америкой, либо — строгое ограничение действий подводных лодок. Представители армии и флота в Берлине не были склонны уступить. Фон Бернсторф делал все возможное для того, чтобы внушить немцам, что намерения Вильсона вполне серьезные.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 25 апреля 1916 г.

«Дорогой начальник!

Только что был у меня Бернсторф. Он получил от своего правительства телеграмму, смысл которой заключается в следующем:

«Мы хотим избежать войны. Пожалуйста, сообщите, каким образом этого достигнуть. Что подразумевается в ноте под «незаконной подводной войной»? Если мы согласимся на их требования, то окажут ли они давление на Англию в отношении блокады?...»

Я посоветовал ему отправить другую телеграмму с предостережением, чтобы они не предлагали никаких компромиссов; если они действительно желают избежать разрыва, то должны немедленно и полностью прекратить подводную войну...

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

Он спросил, может ли он передать своему правительству, что, по моему мнению, принятие ваших требований приблизит момент заключения мира. Я сказал, что может...

Преданный вам Э. М. Хауз».

Борьба внутри германских официальных кругов продолжалась в течение двух недель, причем представители армии и флота отказывались идти на уступки, а правительственные чиновники заявляли, что разрыва с Америкой надо избежать.

Приняв свое решение, президент Вильсон отказался вести дальнейшие переговоры, и Хауз неустанно указывал на этот факт Бернсторфу.

«Я вижу, — писал полковник Хауз 3 мая, — что президент твердо решил заставить Германию отказаться от ее взглядов на подводную войну. С большим чувством говорил он об ответственности Германии за эту мировую катастрофу и считал, что виновники должны лично понести наказание...

Во время моего последнего посещения (Вашингтона) он проявлял такое нежелание быть твердым по отношению к Германии, что я опасался, что он утратит свое влияние. Поэтому я сделал все возможное, чтобы заставить его держаться твердо. Очевидно, я перестарался, так как сейчас он в непреклонном и воинственном настроении и недостаточно заботится о предотвращении войны...

Я снова хочу отдать должное Бернсторфу... Он прекрасно представлял свое правительство, лучше, чем они сами сумели представить себя в Берлине; и если бы к его советам прислушивались с самого начала, то наши отношения с Германией никогда бы не зашли в подобный тупик».

Противоречивые мнения в Германии отразились в ноте от 4 мая, содержавшей ответ на вильсоновскую ноту. Тон и содержание ноты были настолько непоследовательны, что можно было почти с уверенностью предположить, что нота, которая в своем первоначальном виде отвергала требования Вильсона, была наспех исправлена с таким расчетом, чтобы сделать ее приемлемой. В ноте был подхвачен вопрос о заве-

ГЛАВА XV

рениях на будущее и содержались иронические жалобы на неуспехи наших попыток заставить Англию смягчить продовольственную блокаду.

«Германское правительство может лишь повторно выразить свое сожаление о том, что чувства гуманности, проявляемые правительством США с такой готовностью по отношению к несчастным жертвам подводной войны, не распространяются с такой же теплотой на многие миллионы взрослых и детей, которые согласно заявлениям английского правительства будут доведены до голодной смерти... Германское правительство, в согласии с германским народом, отказывается понимать это различие...»

Ни один аргумент не был так дорог германскому правительству, как тот, с помощью которого оно пыталось изобразить подводную кампанию как справедливую ответную меру на продовольственную блокаду союзников: Берлин выдвигал этот аргумент в течение всей войны и после нее. Между тем, никогда еще ни один аргумент не был так слабо подкреплён фактами. Ведь еще весной 1915 г. Германия отказалась рассмотреть предложение об ослаблении продовольственной блокады при условии, если она откажется от подводной войны.

Но хотя таким образом немцы в своем ответе на требования, выработанные президентом Вильсоном, продемонстрировали свое злобное настроение и дурную логику, они в основном согласились на эти требования, заявив, что правительство дало новые инструкции командирам своих подводных лодок и «готово сделать все возможное, чтобы на все время войны вести военные операции лишь против вооруженных сил воюющих стран». Торговые суда не будут больше потоплены «без предупреждения, и человеческие жизни будут спасены при условии, что эти суда не будут пытаться скрыться или оказать сопротивление».

Этого только США и требовали.

Но Германия все же пыталась поставить свои обещания в зависимость от прекращения Англией нарушений торговли,

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

которые немцы считали незаконными, и сделала оговорку, что ее обязательство может быть взято обратно, если США не удастся добиться от англичан выполнения требований Германии.

«Если шаги, которые предпримет правительство США, не достигнут поставленной им перед собой цели — соблюдения законов гуманности всеми воюющими странами, то германское правительство очутится перед лицом нового положения, при котором оно должно оставить за собой полную свободу решения».

Первое краткое изложение германского ответа, присланное Джерардом, подчеркивало его враждебный тон и, казалось, предупреждало, что для президента ответ будет неприемлемым.

«Фрэнк Полк звонил из Вашингтона, — писал полковник Хауз 4 мая, — что будет здесь в девять часов и снесется со мной. В тот момент он не мог сообщить мне ничего важного из Берлина. По прибытии в Нью-Йорк он позвонил мне и сказал, что от Джерарда в министерство иностранных дел поступила телеграмма с изложением содержания германской ноты, которая будет послана завтра. Если изложение Джерарда правильно, то нота удовлетворительной не будет и разрыв, по-видимому, неизбежен...»

«15 мая 1916 г. Германская нота начинает поступать, и «Юнайтед пресс» передает ее мне по частям. Джерард сообщил нам, что сначала она будет послана этим путем, а в шифрованном виде он передаст ее обычным путем. Она передается по радиотелеграфу...

Сегодня утром меня столько раз вызывали к телефону и столько людей просили у меня свидания, что все спуталось. Все интересуются германской нотой и спрашивают моего мнения о том, что следует предпринять нашему правительству.

Первым звонил германский посол. Я просил его приехать к половине пятого...»

В конце дня пришла телеграмма от президента, в которой он спрашивал мнения Хауза о германском ответе: ка-

ГЛАВА XV

кую позицию ему следует занять и что сделать. Полковник Хауз считал, что так как Германия согласилась на выдвинутые президентом условия, то повода для разрыва не было; если Германия сдержит свое обещание, американская точка зрения восторжествует, а в данном случае германские обещания шли дальше, чем в вопросе об «Арабике», когда они согласились лишь не нападать на пассажирские пароходы. Хауз утверждал, что не следует обращать никакого внимания на те параграфы ноты, в которых поднимался вопрос об английской блокаде; важно было покончить со всякими дискуссиями.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 6 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

...В одном я совершенно уверен: официально отвечать на германскую ноту не следует. Я также полагаю, что для нас лучше будет, если Лансинг сделает какое-либо соответствующее заявление публике.

Ни одна из газет не отметила главных уступок, на которые пошли немцы. Между тем, мне думается, что это было бы полезно, после чего необходимо выступить с кратким заявлением о том, что с другими воюющими странами, которые нарушают международные законы, мы поступим по своему усмотрению.

Я не вижу, каким образом мы можем порвать с Германией из-за этой ноты. Все же я дал бы германскому правительству ясно понять через Джерарда и Бернсторфа, что малейшее нарушение обещания повлечет за собой немедленный разрыв дипломатических отношений, и неофициальным способом я дал бы знать об этом публике. После этого нам останется ждать и надеяться на лучшее.

Во вчерашней беседе с Бернсторфом я советовал ему предостеречь свое правительство от каких-либо нарушений своих обещаний. Он сказал, что сделает это, но не думает, чтобы

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

такие нарушения имели место. Неприятные части ноты, заявил он мне, были необходимы из-за германского общественного мнения, но он признал, что мы не можем заставить Англию соблюдать международные законы в отношении блокады. По его словам, вам легче добиться заключения мира, чем смягчения блокады...

Преданный вам Э. М. Хауз».

Посол Бернсторф рассматривал ноту как свою победу, и, по правде говоря, он много сделал, чтобы убедить берлинское правительство сдаться. Характерно то, что немцы отказались следовать его совету в отношении соблюдения приличий; он настаивал перед канцлером, что в случае, если Германия уступит, сделать это надо изящно и красиво. Пятого мая Хауз подробно обсуждал этот вопрос с ним, а также с английским военным атташе капитаном Гаем Гонтом, с которым он был связан тесной дружбой.

«Бернсторф, — писал Хауз, — явно доволен нотой, хотя и сожалел о ее злонравном тоне и о том, что они не согласились на его предложение, которое поставило бы их в гораздо лучшее положение».

«16 мая 1916 г. У меня был капитан Гонт; я откровенно рассказал ему, что я посоветовал президенту. Гонт заявил, что, к сожалению, вынужден согласиться со мной... Я сказал, что в отношении мужества, спокойствия и деловитости он напоминает мне Бернсторфа. Хотелось бы, чтобы Гонт был английским послом, а Бернсторф — министром иностранных дел в Берлине. Я намерен поставить перед английским правительством вопрос о достойном признании заслуг Гонта во время войны...»

Министр Лансинг, который своими предложениями о разоружении торговых судов навлек на себя много несправедливых нареканий за свою будто бы антибританскую позицию, не считал германский ответ удовлетворительным.

«Полк звонил, — писал Хауз 6 мая, — и сообщил, что Лан-

ГЛАВА XV

синг не согласен с моим мнением. После первого ознакомления с нотой он заявил, что этого мало; после второго чтения он заявил, что этого достаточно, а после третьего вернулся к своему первоначальному мнению и полагает, что Бернсторфа нам следует отослать. Таким образом, Лансинг будет советовать президенту одно, а я другое».

В этом вопросе Вильсон согласился с точкой зрения полковника, но решил официально ответить на германскую ноту, о чем Хауз сожалел.

18 мая 1916 г. Президент написал одну ноту, — отмечал Хауз, — а Лансинг другую, но в конце концов президент целиком принял текст Лансинга, за исключением последнего параграфа, составленного им самим и содержавшего главный удар. Нота прекрасна во всех отношениях, возражаю я только против того, что она посылается в форме ноты. По моему, было бы лучше, если бы Лансинг сделал неофициальное заявление и таким образом осведомил публику о содержании ноты. Была бы достигнута та же цель, но Германия не могла бы ответить. Сейчас дело обстоит так, что мы все еще стоим перед опасностью разрыва, а также перед опасностью дальнейших препирательств, которые мне кажутся ненужными. Если нам удастся ограничиться этой нотой, то это будет успех. Если же из-за нее все дело подыметсся с самого начала и повлечет за собой разрыв, это будет провал».

Заключительный параграф с «ударом», который особенно понравился Хаузу, содержал окончательное уведомление, что США «ни на минуту не могут принять и еще меньше — обсуждать предположение, что уважение со стороны германских морских властей к правам граждан на море каким-либо образом могло зависеть от поведения какого-либо другого правительства по отношению к правам граждан нейтральных стран и мирных людей. Ответственность в таких вопросах ложится на одну сторону, а не является совместной; она абсолютна, а не относительна».

Мирный исход кризиса все наиболее заинтересованные

ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»

люди считали чудом. Всего лишь за несколько дней до получения германской ноты Хауз писал Грэю, что для Бернсторфа приготавливаются паспорта, а Джерарду, — что надеется скоро его увидеть. Он столько же времени провел с военным министром, с начальниками полиции и с агентами секретной службы, обсуждая меры, необходимые на случай войны, сколько он провел с Бернсторфом, обсуждая возможность сохранения мира.

Невозможное было достигнуто, ибо Вильсон избежал войны и в то же время поддержал американский престиж. Даже союзнические газеты похвально отзывались о его позиции. Никто не решался предсказывать, как долго немцы будут выполнять свое обязательство. Германское общественное мнение было настроено против Америки, но опасалось ее вступления в войну. «Каждый вечер, — писал Джерард 5 апреля, — 50 миллионов немцев не могут заснуть от досады, что вся Мексика не восстала против нас». Неделью спустя он писал: «Я думаю, что Германия теперь решила сохранить мир с Америкой, так как простой народ убежден, что в противном случае война затянется». Посол не жалел усилий, чтобы предотвратить войну, но утверждал, что рано или поздно воевать с Германией придется.

Решимость, которую Вильсон проявил, наконец, в кризисе по поводу «Суссекса», оказалась достаточной, чтобы влиять на Германию почти целых восемь месяцев. Уступка его ультиматуму показывала, что по крайней мере гражданские чины в Берлине стремились избежать войны с Америкой. Хауз утверждал, что именно в этот момент союзники должны были принять предложение, сделанное им в феврале. Для них лучше было бы принять выдвинутые Хаузом мирные условия, за которые США стали бы воевать в случае отказа от них Германии, чем ждать, пока выяснится, во что обойдутся им и всему миру последствия полной победы, к которой они стремились, победы, которую в конечном счете едва ли можно было одержать без американской помощи.

ГЛАВА XVI

По мере того как прошли весна и лето 1916 г., полковник Хауз отгадал то, что теперь понял историк: война остановилась на мертвой точке, сдвинуть с которой ее могло бы только вмешательство силы извне.

ГЛАВА XVI

СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ

Победу предстояло купить такой дорогой ценой, что она почти не отличалась бы от поражения. Она не обеспечила бы безопасности даже победителям.

Уинстон Черчилль, «Мировой кризис».

1

При анализе хода военных событий 1915—1916 гг. историка охватывает острое чувство кошмара. Маневренная война на западном фронте сменилась позиционным тупиком, не прекращающимся и страшным напряжением без скольких-нибудь значительных результатов. Обе стороны предпринимали гигантские, но бесплодные наступления. Величайшие усилия произвели немцы под Верденом, но напрасно. Аналогичные результаты дало контрнаступление союзников на Сомме.

И если союзники угрожали истощить Германию хотя бы только тем, что им удавалось удержать свои позиции во Франции, то на других фронтах противник продолжал одерживать успехи в течение всего 1916 г. В начале лета русские части под командованием Брусилова одержали временный успех; в результате этого, а также обещаний обширных аннексий, Румыния вступила в войну. Но русские были отброшены, румынская армия разгромлена, и румынская территория оккупирована. Итальянцам с большим трудом удалось остановить наступление австрийцев от Трентино, с другой стороны, продвижение итальянцев по направлению к Триесту было настолько

СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ

медленным, что его можно было заметить лишь на картах самого крупного масштаба. Войска союзников, находившиеся в Салониках, нарушили греческий нейтралитет, но не одержали военных успехов. Германский флот находился в безопасности в своих укрепленных портах. Он вышел лишь один раз в открытое море, и результат его столкновения с английским флотом носил настолько неопределенный характер, что еще десять лет спустя военно-морские эксперты могли спорить о том, кто выиграл сражение: англичане или немцы.

Всю свою надежду союзники возлагали на блокаду, которая с течением времени должна была ограничить приток сырья для военных нужд; кроме того, союзники рассчитывали на постепенное уменьшение германских людских резервов на Западном фронте, где непрерывно совершался процесс взаимного убивания людей без значительных изменений позиционных линий. Союзники были убеждены, что их превосходство в области военных материалов и людской силы будет возрастать. Следовательно, единственный метод достижения победы, какой могла породить изобретательность, была война на истощение.

«Нет более кровавой войны, чем война на истощение, — пишет Уинстон Черчилль. — Не только ужасным, но и невероятным покажется будущим поколениям, что подобные доктрины были применены военной кастой по отношению к ревностному и героическому населению, которое подчинялось ее приказам. Это — повесть о пытках, об искалечении и истреблении миллионов людей и о принесении в жертву всего, что было лучшего и благороднейшего в целом поколении. Искалеченный и расшатанный мир, в котором мы живем сегодня, — наследник этих ужасных событий»¹.

Полковник Хауз чувствовал, что только американская помощь сможет вывести Европу из этого тупика и спасти ее от ужасного будущего. Страны Европы разделились почти по ровну, ополчились друг против друга и в своей бессилии кон-

¹ Черчилль У. Мировой кризис, изд. Чарлз Скрибнерз и С-вья, т. II, с. 4—5.

ГЛАВА XVI

чить борьбу совершали самоубийство. Брошенная на чашу весов мощь Америки оказала бы решающее влияние. Хауз предлагал американское вмешательство не для того, чтобы спасти германскую милитаристскую систему от последствий поражения. Он с отвращением относился к политическим воззрениям германского императорского правительства и был возмущен германскими методами ведения войны. Если бы Германия отвергла условия, которые доказали бы народу ненужность милитаризма и обеспечили бы мир от германского нападения в будущем, он, Хауз, хотел бы использовать всю мощь Америки для того, чтобы силой заставить Германию принять эти условия.

С другой стороны, он соглашался с Вильсоном, что не имело смысла предлагать союзникам американскую помощь лишь для того, чтобы дать им возможность удовлетворить свои национальные притязания: уничтожить Германию политически и экономически так, чтобы Франция и Россия смогли разделить владычество над континентом, а Англия избавилась от соперничества германского военного и торгового флотов. Он хотел, чтобы США оказали услугу делу цивилизации, но вовсе не желал, чтобы они таскали каштаны из огня...

Казалось, президент Вильсон готов был положить план Хауза в основу своей политики и соглашался с его образом мыслей, за исключением следующего пункта: Вильсон в большей степени подозревал наличие корыстолюбивых элементов среди союзников и менее Хауза был убежден в необходимости присоединиться к союзникам в случае, если Германия отвергнет умеренные требования. Тем не менее он дал свое согласие, и, по крайней мере, полковник Хауз был уверен, что отказ Германии приведет к оказанию Америкой помощи союзникам при условии, если они примут эту помощь, основываясь на установленных принципах.

Ни одна из воюющих сторон не желала американского вмешательства, если оно могло помешать их национальным притязаниям. Немцы уступили ультиматуму Вильсона по вопросу о «Суссексе» и ненавидели его еще больше, чем преж-

СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ

де. В США американские немцы считали президента привеском к английскому министерству иностранных дел, потому что он разрешал вывоз военного снаряжения в союзнические страны и ограничивался протестами, не предпринимая никаких действий против блокады Германии.

«Среди других посетителей у меня был Пол Ф. Мюллер из чикагской газеты «Абендпост», — писал Хауз 2 мая. — Он приехал из Чикаго для того, чтобы объяснить мне в течение каких-нибудь 30 минут, которыми я располагал, как приверженные Германии американские немцы относились к президенту. Рассказ Мюллера меня заинтересовал. Его отец покинул Германию в 48-м году, спасаясь от ареста и смерти; он отправился в Англию, достиг там известности. Между тем от Англии или от английского правительства Мюллер не ждет ничего хорошего и является настолько убежденным сторонником Германии, что его нельзя назвать американцем, хотя он и прожил здесь всю жизнь. Я не стал возражать по выдвинутым им вопросам, чтобы не тратить зря времени».

Посол Пенфилд писал из Австрии про появившиеся там карикатуры, изображавшие Вильсона в момент, когда он выслушивает приказание сэра Эдуарда Грэя, лично наблюдает за изготовлением американских разрывных пуль и равнодушно взирает на умирающих от голода германских женщин и детей.

Официальные германские представители, как например фон Ягов, 7 июня жаловались на то, что Вильсон «взял на себя роль некоего лорда-протектора, который поднимает на щит все, что, по его мнению, означает право и справедливость»¹. Немцы отнюдь не возражали против туманных высказываний Вильсона о мире, что давало им возможность ободрить германский народ и сохранить власть в руках канцлера. Могло наступить время, когда его помощь пригодится им для начала переговоров с тем, чтобы они могли материа-

¹ Из письма фон Ягова Бернсторфу («Официальные германские документы, относящиеся к мировой войне», с. 978).

ГЛАВА XVI

лизовать свои военные победы, но они не желали, чтобы он устанавливал условия. Кроме того, австрийцы и немцы отнюдь не были убеждены, что они не выиграют войны и не будут диктовать свои условия.

Война превратилась в пожар, потушить который не могли ни государственные деятели, ни генералы. Государственные деятели были настолько безрассудны, что дали огню разгореться. Генералы, как писал Уинстон Черчилль четыре года спустя, были не способны «сдержать его в пределах хотя и огромных, но не ускользающих от контроля. Поэтому огонь бушевал до тех пор, пока не заглох сам по себе. Поэтому события в значительной мере разворачивались помимо людской воли. Правительства и отдельные лица подчинились ритму трагедии и, спотыкаясь и шатаясь, шли вперед по пути насилий и убийств до тех пор, пока структуре человеческого общества не были нанесены удары, следы которых не смоют столетия и которые могут оказаться губительными для дела теперешней цивилизации. Победу предстояло купить такой дорогой ценой, что она почти не отличалась бы от поражения. Она не обеспечила бы безопасности даже победителям... Наиболее полная победа, когда-либо выигранная силой оружия, не разрешила европейской проблемы и не устранила опасностей, вызвавших войну»¹.

Подобной катастрофы Хауз, очевидно, опасался в 1916 г., когда он заявлял, что в своей попытке разгромить Германию союзники рисковали лишить цивилизацию ее людской силы и промышленной жизни. Они подвергали риску и самих себя: как бы велики ни были их собственные усилия, могло случиться, что союзники не смогли бы нанести поражение Центральным державам без помощи со стороны. Хауз боялся разгрома России, что позволило бы Германии сосредоточить превосходные силы для решающих боев во Франции. Эти опасения оправдались два года спустя, когда премьер-мини-

¹ Черчилль У. «Мировой кризис», т. II, с. 1—2.

СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ

стры Англии, Франции и Италии телеграфировали президенту Вильсону следующее:

«Существует большая опасность, что война будет проиграна, если численность войска союзников не будет возможно скорее увеличена прибытием американских войск».

Но в 1916 г. среди англичан преобладало желание решительно отвергать все предложения о мире, какими бы привлекательными они ни были, и не считаясь с тем, во что может обойтись борьба. Существовали и другие течения, но они были совершенно бессильны повлиять на политику. Даже такой искренний сторонник мира и такой опытный государственный деятель, как лорд Брайс, полагал, что ради всеобщей безопасности необходимо сосредоточить все усилия в военном направлении.

31 мая Брайс писал Хаузу, что англичане убеждены, что германское правительство не согласится заключить мир на условиях, приемлемых для союзников, это было совершенно ясно видно по тону Берлина. Поэтому англичане решили продолжать войну до тех пор, пока не станет ясным, что Германия, осознав свое поражение, готова принять условия, которые союзники считают необходимыми для обеспечения своей безопасности. Брайс опасался, что этот момент «еще несколько отдален». Как ни велики были страдания, причиненные войной, общее чувство было таково, что мир на условиях, выдвинутых Германией, не обеспечил бы безопасности Англии и над ней осталась бы висеть угроза новой войны вместе с необходимостью держать наготове огромный военный аппарат. Брайс утверждал, что англичане не стремились уничтожить Германию, но убеждены, что ни одно обещание немцев не стоило бы бумаги, на которой они его написали бы, и, следовательно, прочность дела мира в будущем была бы весьма сомнительной.

Полковник Хауз полагал, что четкая и по-видимому вразумительная точка зрения, выраженная в письмах Пэйджа и Брайса, основывалась на трех ошибочных представлениях, вызванных военными настроениями. Во-первых, союзники

ГЛАВА XVI

были уверены, что они нанесут поражение Германии без помощи извне. Как показали дальнейшие события, эта уверенность была преувеличенной. Во-вторых, бесполезно было спорить по поводу нежелания принять американское посредничество ввиду того, что «германское правительство не заключит мира на условиях, приемлемых для союзников». Согласно условиям американского предложения, могло произойти следующее: либо Германия согласится на условия, и союзники получают то, за что они боролись, либо Германия отвергнет эти условия, как того ожидали англичане, и США вступят в войну с целью заставить принять эти условия. Попытка посредничества выявила бы неискренность Германии и привела бы к вмешательству США. В-третьих, позиция англичан была проникнута несправедливым чувством подозрения к президенту Вильсону, уверенностью в том, что он никогда не предпримет решительных действий и что на американскую помощь рассчитывать не приходится.

Эти чувства подозрения по отношению к Вильсону постепенно переходили во враждебность. В 1914 г. никто серьезно не высказался бы за вступление США в войну для защиты бельгийского нейтралитета. В 1915 г. сэр Эдуард Грэй выразил полное удовлетворение по поводу первой ноты Вильсона о «Лузитании». Но в 1916 г. Вильсона за то же самое обвиняли в «бесхребетной политике». Такой горячий почитатель Вильсона, как сэр Хорэс Планкетт, писал в марте 1916 г. о необходимости рассеять «недоразумения по поводу его политики в отношении Бельгии и «Лузитании», недоразумения, которые несомненно уронили престиж США в глазах Европы».

Общественное мнение союзнических стран забыло о поддержке, оказанной США делу Антанты: огромные займы, отправку военного снаряжения, — эту поддержку президент Вильсон мог и не оказать, если бы он несколько строже интерпретировал роль нейтральной страны. Правда, президент проявил большое долготерпение перед лицом нападений германских подводных лодок. Но, тем не менее, он заставил берлинское правительство подчиниться его точке зрения и

СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ

тем самым оказал услугу судоходству союзников. После потопления «Арабика» он добился от Германии обещания, что она больше не будет производить нападения на пассажирские суда без предупреждения; он отверг германские претензии на то, что вооруженные торговые суда на самом деле являются военными судами; наконец, после нападения на «Суссекс» он принудил Германию дать обязательство, что ни на одно торговое судно не будет произведено нападения без предупреждения. Это произошло в момент, когда фон Тирпиц обещал, что если подводным лодкам предоставят полную свободу действий, Англия будет изолирована и война окончена. Настойчивость Вильсона спасла английский торговый флот от усиленной подводной войны, опасность которой стала очевидной год спустя и полного применения которой руководители германского флота требовали уже сейчас¹.

Решимость президента защищать американские права перед лицом Германии почти не встретила одобрения со стороны союзников, несмотря на всю ту пользу, которую приносила им эта решимость. Они также, по-видимому, не оценили проявленную им умеренность при обсуждении спора, вызванного вмешательством союзников в американскую морскую торговлю. Правда, наше министерство иностранных дел послало много резких, может быть, излишне резких протестов. Но президент никогда не уступал постоянному давлению на него, которым хотели побудить его к действиям в направлении реализации его протестов. Для него легче всего было бы потребовать принятия контрмер, которые без промедления одобрил бы конгресс, сочувствовавший отнюдь не союзникам. Снова и снова выдвигалось требование о наложении эмбарго на вывоз военного снаряжения. Но вплоть до

¹ Историку все же следует принять во внимание тот довод, что Берлин был вынужден отложить начало неограниченной подводной войны не в результате протестов Вильсона, а из-за неподготовленности Германии. Однако этот довод в значительной мере теряет свое значение ввиду заявления руководителей германского флота о том, что к весне 1916 г. они были вполне подготовлены; согласно утверждению посла Джерарда, это обосновывалось реальными данными.

ГЛАВА XVI

лета 1916 г. Вильсон не испрашивал права на введение контрмер и не допускал объявления эмбарго, давая союзникам возможность широко использовать наши военные заводы.

Все это прошло незамеченным или было забыто даже в ответственных кругах союзников. Союзники относились к Вильсону с подозрением, потому что, даже дружественно настроенный к ним, он отказывался усвоить их взгляды и защищал американский взгляд. Английская печать восхваляла благородство своей страны, вступившей в войну ради спасения Бельгии и защиты прав малых государств, об этом говорилось в то время, когда союзники попирали греческий нейтралитет и злобно нападали на Вильсона за то, что он держался в стороне. Бывший генерал-губернатор Канады лорд Грэй (родственник сэра Эдуарда Грэя) заявил на страницах одной американской газеты: «В момент этого напряженного кризиса, с которым связаны высшие помыслы человечества, мне кажется, что вы не исполнили своего долга... Бельгия потеряла все, кроме своего духа. Что можно сказать об Америке?»¹.

Принимая во внимание подобное настроение, едва ли можно было рассчитывать, что общественное мнение в союзнических странах встретит с одобрением какое-либо предложение президента Вильсона о посредничестве. Англичане и французы обрадовались бы помощи, чтобы победить Германию, но гораздо меньше интересовали их идеалистические фразы о будущем мировом устройстве. На эту тему полковник Хауз получил много писем.

«Только что вернулся из Парижа Элмер Робертс, — писал Хауз 30 апреля. — Он прожил там достаточно долго, чтобы основательно проникнуться французскими взглядами. Говоря об отношении французов к США, он заявил: наблюдается чувство сожаления, что США не оказались на высоте великих идеалов, которые, по мнению французов, руководили американским народом, и т. д. и т. п.

¹ «Нью-Йорк Сан» от 4 июня 1916 г.

СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ

Повторяется старая история. В действительности французский народ думает, что ваши идеалы простираются не дальше доллара. Чего союзники хотели — это забраться в наш денежный ящик. В то время, как война превратилась в войну демократии против автократии, ни одна из демократических стран не вступала в борьбу ради того, чтобы бороться за демократию, а исключительно ради самосохранения. Если мы вступим в войну, то только из-за нашей веры в демократию и из-за того, что мы не желаем изменений в нашей системе и в характере нашей цивилизации».

«22 мая 1916 г. У меня на обеде были капитан Гонт, писательница мисс Элизабет Робинс и миссис Деверо. Других мужчин, кроме Гонта, я не приглашал, так как хотел поговорить с ним наедине. Он сказал, что Австралия всегда считала США своим идеалом, но теперь она осуждает нас за то, что мы не вступаем в войну. Он получил от своего друга письмо, в котором говорилось, что в будущем Австралия предпочитает приобретать товары в Германии, а не в США. Он рассказал также о глубоком недовольстве французов нами, возникшем по тем же причинам. Он полагает, что союзники решили не допускать нас к участию на мирной конференции...»

«24 мая 1916 г. Становится очевидным, что если США не выкажут готовности пожертвовать сотнями тысяч жизней и миллиардами долларов, мы никогда не будем в хороших отношениях с союзниками...»

Такой выдающийся государственный деятель, как лорд Кромер, чье влияние было настолько значительным, что следовало ожидать, что он особенно тщательно взвешивает свои мысли, не поколебался открыто выразить критическое отношение англичан к президенту Вильсону.

«Мы все можем признать добрые намерения и высшие побуждения президента Вильсона, мы можем допустить, что он беспристрастен, но, несмотря на наши весьма дружеские чувства к Америке и к американцам вообще, более чем сомнительно, чтобы народ нашей страны при любых обстоятельствах приветствовал мысль о роли президента в качестве

ГЛАВА XVI

посредника. Вера в государственные способности президента Вильсона резко поколебалась...»¹

Даже полковник Хауз, несмотря на все его сочувствие союзникам, не мог скрыть своей досады по доводу того, что война так ослепила Антанту, которой Америка оказала помощь в качестве нейтральной страны.

«Когда здесь был Ноэл Бакстон, — писал полковник 29 июня, — я указал ему, насколько трудно удовлетворить союзников. Она постоянно требуют большего. Я считал, что если бы мы вступили в войну, то сперва союзники воздали бы нам всяческую хвалу, а затем, когда они убедились бы, что мы не поставляем достаточного количества солдат (или вообще не поставляем, ибо у нас их нет), то стали бы упрекать нас точно так же, как французы англичан, и говорить, что мы не проливаем нашей крови, что мы трусы и т. д. и т. п. Что бы мы ни проделали в течение первого года после вступления в войну, это не удовлетворило бы их.

Я сказал Бакстону, что уже надоело слушать заявления англичан о том, будто они сражаются за Бельгию и войну начали из-за нее. Я спросил, считает ли он, что Англия начала бы войну против Франции, если бы последняя нарушила нейтралитет Бельгии, или же Англия не выступила бы на стороне союзников даже если бы Франция нарушила бельгийский нейтралитет. По-моему, Англия вступила в войну по совершенно иным причинам. Выступить на стороне Франции и России против Центральных держав заставила ее напряженность обстановки. Это вызывалось прежде всего тем, что Германия стремилась иметь мощную армию и флот, т. е. то, чего Англия не могла допустить во имя собственной безопасности».

2

Антивильсоновские настроения за границей в значительной мере, если не исключительно, были результатами взаим-

¹ Июльский номер журнала «Каррент хистори» за 1916 г.

СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ

ного непонимания, а при сложившихся обстоятельствах обычные дипломатические представители Англии и США, по-видимому, не могли рассеять это непонимание. Английская публика и многие английские общественные деятели считали Вильсона неисправимым пацифистом, способным всячески вилять, только бы избежать решительных действий. Долг английского посла в Вашингтоне заключался в том, чтобы дать своему правительству более точное представление о президенте, но сэр Сесиль, к сожалению, совершенно не сочувствовал Вильсону и находился несомненно под влиянием республиканских лидеров, с которыми он поддерживал тесную связь и которые к президенту относились, пожалуй, не без пристрастия.

Письма Хауза президенту

Нью-Лондон, Нью-Хэмпшир, 12 июня 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Только что вернулся из Европы Артур Буллард. Он сообщил мне, что, находясь в Лондоне, слышал от сэра Хорэса Планкетта, будто тот читал телеграмму от Спринг-Райса, адресованную английскому министру иностранных дел, в которой указывалось, что наша страна ни в коем случае не будет воевать с Германией. Это происходило в самый острый период нашего недавнего кризиса отношений с Германией.

Со сколькими злосчастными обстоятельствами и людьми нам приходится бороться! Спринг-Райс имеет дело только с вашими врагами, как, например, У., прислушивается к их мнению и передает это своему правительству...

Преданный вам *М. Хауз*».

Кроме того, Хауза беспокоило неправильное изложение речей Вильсона в заграничной прессе и неспособность наших послов подчеркнуть перед Антантой, какое значение имело ограничение германской подводной войны, равно как разъяснить истинное направление вильсоновской политики.

ГЛАВА XVI

Нью-Лондону Нью-Хэмишр, 14 июня 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Нашим представителям за границей следовало бы доводить эти выступления не только до сведения правительств, при которых они аккредитованы, но и до сведения публики через печать... От Артура Булларда я получил еще одно письмо, в котором он жалуется, что английская и французская печать публикует искаженные отчеты о ваших выступлениях и не объясняет их истинного значения.

Если вы согласитесь, я устрою, чтобы Фрэнк Полк написал нашим представителям в Европе, чтобы те позаботились о правильном изложении ваших взглядов перед правительством и перед публикой. Все ваши выступления, касающиеся международных дел, будут передаваться им по телеграфу, а они в свою очередь должны будут это публиковать.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Нью-Лондон, Нью-Хэмишр, 23 июня 1916 г.

«Дорогой начальник!

Прилагаю копию письма, только что полученного от лорда Брайса. Оно касается того, что я говорил вам об искажениях ваших выступлений французской и английской печатью путем публикации произвольных выдержек из ваших речей.

Если бы Пэйдж больше заботился о том, чтобы в более благоприятном свете изложить перед английской публикой вашу точку зрения, а меньше думал бы о том, как объяснить эту точку зрения в неправильном свете, тем самым он в значительной мере помог бы осуществить наши намерения.

Жюссеран не перестает настаивать перед своим правительством, чтобы оно не допускало неучтивости во французской печати.

От Пенфилда я получил письмо, в котором он пишет:

СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ

«15 мая одна второстепенная газета поместила прилагаемую карикатуру на президента. Я потребовал немедленного свидания с бароном Бурианом и энергично протестовал против подобных выпадов по адресу суверенного главы государства, с которым Австрия не находилась в состоянии войны. Спустя 24 часа я получил письменное извинение и заверение правительства, что недружественные выступления газет немедленно прекратятся»¹

Если Пенфилд может добиться этого в Австрии, то Пэйдж и Шарп могут сделать то же в Англии и во Франции. Мы не можем надеяться на сближение с союзниками, если их прессе и мюзик-холлам будет позволено выражать неуважение к вам и вашему правительству. В мирное время нельзя сделать того, что легко сделать в военное время, когда существует цензура.

Преданный вам Э. М. Хауз».

В Лондоне Пэйдж поддерживал самые тесные отношения с сэром Эдуардом Грэм и через него мог получить доступ к другим членам кабинета. Но, к сожалению, он сам не сочувствовал политике Вильсона, о чем свидетельствовали письма посла. Не заявляя себя сторонником выступления Америки в качестве воюющей стороны, он в то же время настаивал на разрыве дипломатических отношений с Германией с тем, чтобы ясно показать, что мы сочувствуем союзникам¹.

Рассуждая таким образом и считая, что Вильсон ведет неправильную политику в том, что сохраняет дружественные отношения с Германией и надоедает в то же время союзникам вопросами о торговле, Пэйдж затруднялся объяснить англичанам политику президента. Вильсон долгое вре-

¹ Это предложение, часто обсуждавшееся в Англии теми, кто не хотел просить США вступить в войну, Вильсон и Хауз никогда не считали политически практичным. Дипломатический разрыв почти неизбежно привел бы к войне, как это произошло в 1917 г., и мог иметь место только в том случае, если бы мы определенно рассчитывали на войну и подготовились бы к ней.

ГЛАВА XVI

мя защищал Пэйджа против тех, кто утверждал, что посол придерживался скорее английских, чем американских взглядов на войну, но и его терпению приходил конец. 17 мая он писал Хаузу, что министр иностранных дел настолько недоволен всем поведением Пэйджа в его сношениях с английским министерством иностранных дел, что желает вызвать его сюда для проведения отпуска с целью «вдохнуть в него немного американского духа»¹.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 18 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

По-моему, о Пэйдже мы можем не особенно беспокоиться. Если он приедет домой немедленно, то, полагаю, мы сможем его исправить. Вы припомните, что более года я настаивал на его приезде.

Не думаю, чтобы в настоящий момент его присутствие там было необходимо: штат посольства сможет сам справиться со всей работой. К посольству только что прикомандирован Хью Гибсон из Брюсселя, человек дельный.

Надо прожить три года в окружавшей Пэйджа атмосфере, чтобы понять, какое влияние она оказывает; следовательно, он уже не так виноват, как можно думать.

Он прекрасно отвечал бы своему назначению в мирное время, но война совратила его с правильного пути.

По личным причинам он, возможно, пожелает остаться здесь, а если он проявит такое желание, я бы не стал его отговаривать. С другой стороны, если он проведет здесь обычный шестидесятидневный отпуск, то, вероятно, обретет равновесие и дальнейших неприятностей с ним не будет...

Преданный вам Э. М. Хауз».

¹ Эта фраза цитируется из дневника полковника Хауза, но, очевидно, представляет мысль президента.

Пожалуй, было естественно, что предложение президента Вильсона о помощи союзникам, в случае если Германия отклонит умеренные условия, не встречало немедленного отклика. Союзники были уверены, что им удастся разгромить Германию и диктовать ей условия; они страшились слов «мирная конференция» и к Вильсону относились подозрительно. Тем не менее Хауз полагал, что они не будут настолько недальновидны, чтобы отказаться оттого, что фактически было равноценно залогам победы, хотя и ограниченной американскими условиями. В этом мнении его укрепляли горячее сочувствие Грзя в Лондоне, намек Бальфура на то, что американское предложение, возможно, будет принято, и победа Вильсона в деле Гора—Мак-Лемора.

Французы, естественно, были менее склонны воспользоваться американским предложением, чем англичане, ибо они рассматривали вражду Германии как постоянный фактор. Ничто не могло их удовлетворить, кроме политического развала Германии в результате полной военной победы. Для Франции, казалось, никогда не представлялся такой удобный случай уничтожить своего векового врага, ибо казалось маловероятным, чтобы когда-либо в будущем удалось снова создать такую мощную антигерманскую коалицию. Теперь настало время покончить с Германией. Лучше было продолжать войну без американской помощи, чем принять эту помощь на условиях, которые помешали бы Франции поступить с Германией по своему усмотрению.

Англичане ни в коей мере не сочувствовали всем притязаниям французов. Впоследствии они оказали энергичное сопротивление некоторым их притязаниям. Но в то время они не собирались рисковать солидарностью Антанты, давая понять, что если Франция уступит в своих притязаниях, то война может быть окончена раньше; но французы в конце концов приняли на себя всю тяжесть германского нападения и приобрели тем самым известное право решать, сколько

ГЛАВА XVI

должна продолжиться борьба. Кроме того, англичане подписали в сентябре 1914 г. Лондонский пакт, который ставил условием, чтобы мир был заключен всеми союзниками сообща. Отсюда явствовало, что они не могли идти навстречу американскому предложению о вмешательстве, не получив на то полного одобрения со стороны французов.

Сэр Эдуард Грэй был самым совестливым государственным деятелем в Европе. Можно было с уверенностью сказать, что он не предпримет ничего такого, что каким-либо образом могло быть истолковано как попытка Англии уклониться от своих обязательств по отношению к союзникам. Отсюда понятно, почему он не желал отстаивать перед союзниками план Хауза: в нем заключалось предложение о созыве мирной конференции, и кроме того, как заявил он впоследствии, «я боялся, что если упомяну о мире, французы подумают, что мы собираемся их бросить». Труднее понять, почему он не считал нужным упомянуть о второй части предложения, т. е. о том, что Америка вступит в войну, если Германия откажется принять благоразумные условия.

Сам Грэй писал в своих мемуарах, что «если Германия отказалась бы от участия в мирной конференции или отказалась бы согласиться на намеченные условия, то США присоединились бы к союзникам на несколько месяцев раньше, а для союзников это был бы выигрыш»¹.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 8 апреля 1916 г.

«Дорогой начальник!

Вот два письма, только что полученные от сэра Эдуарда Грэя. Мне кажется, что я отлично понимаю его желание, чтобы с французами мы снеслись непосредственно. Сделать это сам он не решается. Когда я был в Лондоне, он выразил осо-

¹ Грэй Э. Двадцать пять лет, т. II, с. 136. В 1925 г. князь Бисмарк говорил Хаузу, что германское правительство ни на минуту не согласилось бы рассматривать эти условия.

СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ

бенное удовлетворение по поводу того, что во время моего пребывания в Париже я снесся с французами непосредственно. Он сказал, что это избавило его от некоторых затруднений.

Его правительство понимает, что страдания Англии были настолько незначительны по сравнению со страданиями Франции, что оно не желает первым предложить приостановить войну. Эта мысль сквозит во всем его письме, и она постоянно чувствовалась во всех наших беседах.

Как бы вы отнеслись к тому, чтобы во вторник, когда я буду в Вашингтоне, я побеседовал с Жюссераном и рекомендовал ему в практическом духе переговорить со своим правительством о том, что было предметом нашей телеграммы сэру Эдуарду?

Преданный вам *М. Хауз*».

К сожалению, Хауз не установил с французским правительством каких-либо способов непосредственного общения, как с Грэм, а посол Жюссеран выразил определенное нежелание поставить перед Парижем вопрос об американском вмешательстве. Несомненно, телеграмма президента непосредственно к Бриану оказала бы некоторое влияние на французов, но опасались того, что ее примут как форменное и официальное предложение о посредничестве, которое, при существующих обстоятельствах, могло бы привести к кризису отношений с союзниками.

Сэр Эдуард послал Бриану напоминание об американском предложении, но он упорно отказывался открыто упомянуть о нем французам, пока они сами не поднимут вопроса, но, очевидно, французы тщательно этого избегали. По иронии судьбы на конференции союзников эта возможность вовлечения США в войну была обойдена полным молчанием, между тем там лились потоки красноречия, не приведшие все же к согласованным действиям союзников. Может быть, они надеялись, что германские подводные лодки заставят США вступить в войну без всяких условий.

ГЛАВА XVI

4

Принятие Германией требований Вильсона по вопросу о «Суссексе» убедило полковника Хауза в необходимости сделать новое и более определенное усилие с целью заставить союзников согласиться на его план. Среди союзников обозначилось некоторое настроение в пользу Вильсона. «С этим правительством у нас все идет как следует, — писал Пэйдж, — нота президента, ударившая по немцам, помогла основательно. Если он больше не намерен терпеть глупостей, то мне наверное удастся дожить до конца войны». Тем не менее Хауз понимал, что, уступив в вопросе о подводной войне, Берлин потребует, чтобы США приняли некоторые меры для ограничения вмешательства англичан в нейтральную торговлю, если же это не сделать, представители флота в Германии потребуют возобновления беспощадной подводной войны. Ввиду германских неудач под Верденом наступил благоприятный момент для выражения союзниками готовности принять благоразумные мирные условия; если Германия откажется, то станет ясно, что все ее мирные декларации были пустым звуком.

Исходя из этого, полковник обратился к Грэю с новым призывом, подчеркнув эти факты и выдвинув предложение, что президент при созыве конференции публично заявит о готовности США принять активное участие в международных делах. В то же время он предупредил сэра Эдуарда, что в случае, если Германия действительно откажется от подводной войны, то в США в результате английского вмешательства в почтовую службу и ограничения торговли антибританские настроения быстро усилятся.

Странная инертность, казалось, охватила дипломатов союзных стран, и, словно связанные в своих действиях, они не надеялись влиять на ход событий. В своих мемуарах, написанных после войны, Грэй замечает, что «дипломатия в Европе почти ничем не могла помочь выиграть войну». А, между тем, появилась возможность для союзников вовлечь США в войну на их стороне, что означало верный шаг к победе. 06-

СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ

рисовывая основные цели союзнической дипломатии, Грэй объясняет это бездействие так: «Основной целью, несомненно, было сохранить солидарность главных союзников». Если в этом, чисто пассивном, стремлении заключалась основная цель, то он не мог настаивать на плане Хауза, иначе он возбудил бы недоверие французов. Единственно, чего хотели французы и большинство английского кабинета, — это воевать, вести войну на истощение.

Полковнику Хаузу Грэй объяснил нежелание союзников рассмотреть американское предложение в выражениях, свидетельствовавших о его смущении. Союзники чувствовали, что это посредничество было «преждевременным», и они «негодовали» по поводу утверждения Германии, что она вела войну оборонительную, но в то же время союзники игнорировали американское предложение о вступлении в войну, если Германия будет неблагоприятной в своих требованиях. Они опасались действия, которое произведет посредничество Вильсона на общественное мнение, и, по-видимому, забыли, что президент предложил через Хауза условия, являвшиеся отнюдь не неблагоприятными для союзников.

5

Полковник Хауз был, естественно, горько разочарован. В ответ на призывы англичан и французов к Америке, чтобы та взяла на себя долю бремени человечества, он составил смелый план, суливший революцию в международных отношениях Америки. Но, казалось, союзники не придавали никакой цены американскому предложению. Очевидно, они желали американской помощи без всяких условий не столько для того, чтобы обеспечить постоянный и справедливый мир, сколько для того, чтобы раздавить Германию. Хауз чувствовал, что эти две цели друг другу не соответствовали, и знал, что Грэй с ним согласен.

«Я разочарован, — писал Хауз 13 мая, после получения телеграммы от сэра Эдуарда, — тем, что он не оказался на вы-

ГЛАВА XVI

соте положения. На протяжении двух лет он заявлял мне, что решение вопроса о международном спокойствии зависит от готовности США принять участие в мировых делах... Я определенно разочарован. Мы наталкиваемся на отсутствие согласованности в английском правительстве. Каждый член правительства говорит сам от себя и, по-видимому, не знает, что думают его коллеги. Я также отчетливо вижу, что после Вердена союзники петушатся. Это состояние еще больше усилится, если они сами одержат какие-либо успехи, и я чувствую, что с ними будут неприятности. Международное положение может измениться так же быстро, как меняются отношения между частными лицами, т. е. в 24 часа. Если союзники нанесут поражение Германии, то может создаться положение, при котором они попытаются занять в Европе и других частях света роль диктаторов. Я совершенно отчетливо вижу, в чем они могут изменить свои взгляды на милитаризм на суше и на море. Это зависит исключительно от того, какая страна применяет его и считает ли она это добром или злом».

Полковник Хауз считал необходимым внушить Грэю, что союзники не только упускали благоприятный случай, но что холодный прием, оказанный ими предложению президента, вызовет некоторые сомнения относительно побуждений союзников. Хауз предупредил их еще в январе, что в случае их несогласия принять американскую помощь, США будут энергично настаивать на соблюдении их прав нейтральной страны, и союзникам придется иметь дело с растущими трениями в связи с теми препятствиями, которые они чинили американской торговле. Президент Вильсон согласился, что Грэю следует внушить, какие последствия влечет позиция союзников. Если они откажутся от американского посредничества, сопровождаемого предложением об оказании помощи, то они должны будут нести все последствия затянувшейся войны; одним из этих последствий будет спор с США, и им следует ожидать, что мы будем энергично настаивать на соблюдении наших прав.

16 мая президент написал Хаузу, что настало время при-

СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ

ступить к «тяжелой работе». Америка, заявил он, должна либо сделать решительный шаг в сторону мира на какой-то постоянной основе, либо настоять на своих правах перед Англией с той же энергией, как по отношению к Германии. Бездействовать нельзя, заявлял он. Поэтому он просил Хауза приготовить соответствующую телеграмму Грэю, обрисовав ситуацию дружественным, но твердым тоном.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 17 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

Ваше письмо я получил вчера поздно вечером и не успел на него ответить.

Посылаю Вам текст телеграммы сэру Эдуарду Грэю. Прошу Вас сделать необходимые изменения, после чего я ее зашифрую и немедленно отправлю.

Всегда было очевидно, что когда кончатся наши затруднения с Германией, тогда начнутся наши затруднения с союзниками; эта проблема меня сильно беспокоит.

Чем больше я присматриваюсь к образу действий правительств по отношению друг к другу, тем сильнее я убеждаюсь в сугубо корыстном характере их намерений. Благодарность — понятие для них незнакомое, и все, что мы сделали для союзников, будет немедленно позабыто в момент возникновения спора с ними. Тем не менее я убежден, что наш долг — настаивать на созыве мирной конференции всеми силами, какими вы располагаете, ибо понравится им конференция или нет, я полагаю, что вы можете этого добиться...

Преданный вам Э. Хауз».

Снова Хауз телеграфировал Грэю, предупреждая его, что, если союзники откажутся от американской помощи, США будут вынуждены охранять свой нейтралитет и появится угроза разногласий с Англией. Полковник не настаивал на немедленном созыве мирной конференции, если союзники полагали,

ГЛАВА XVI

что застойное положение войны изменится в результате военных успехов, намеченных на лето. Но он настаивал на том, что отказ от американского сотрудничества, которое должно было обеспечить разрешение вопроса на условиях, которые союзники официально декларировали, заставит США обратиться к защите собственных интересов. Союзники могут делать, что им нравится, но сами должны нести всю ответственность и впредь не винить США за индифферентность. Вслед телеграмме Хауз отправил письма, напоминая Грэю, что в результате его плана Германия должна будет либо уступить, либо воевать с США.

Вильсон отправил телеграмму. Он чувствовал, что в достаточной мере выразил свою готовность оказать помощь в случае, если Германия будет упорствовать, и начал проявлять признаки недовольства теми, кто отвергал его предложение.

Телеграмма Хауза Грэю

Нью-Йорк, 19 мая 1916 г.

«Посланные мною в течение последних нескольких дней телеграммы и письма ни в коем случае не преследовали цели связать союзников по рукам или заставить их принять что-нибудь, к чему они не готовы. Скорее я стремился обрисовать ситуацию, создавшуюся тотчас же после того, как Германия согласилась прекратить незаконную подводную войну.

Америка подошла к распутию, и если в ближайшем будущем мы не сможем приступить к каким-либо мирным переговорам, то наш народ потребует, и к этому требованию, вероятно, присоединятся все нейтральные страны, чтобы на соблюдении союзниками наших неоспоримых прав мы настояли с той же твердостью, какую мы проявили по отношению к Центральным державам...

Здесь создалось настроение, которое, как говорят, наблюдается в других нейтральных странах, — что с войной надо покончить, и всякое государство, которое отвергнет предложение мира, примет тем самым тяжелую ответственность.

СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ

Если мы будем нажимать на союзников с необходимым для нас упорством, то, несомненно, это вызовет трения...

Я говорю со всей откровенностью, которую всегда проявлял по отношению к вам, ни о чем не умалчивая, и побуждаемый лишь желанием установить между обеими странами отношения, которых мы так искренно желаем. Момент критический и промедление опасно.

Если Англия действительно сражается за освобождение Европы, мы готовы объединиться с ней с целью дать возможность всем странам, малым и большим, жить так, как они хотят, и освободиться от тени автократии и призрака войны.

Если нам суждено объединиться в этом великом деле, тогда Англия должна согласиться на единственно реальные в данной обстановке условия, игнорировать которые мы не можем.

Германия не сделала нам никаких предложений о созыве мирной конференции, наоборот, германский посол вручил мне вчера телеграмму от своего правительства, заявляющего, что в настоящий момент германское общественное мнение не потерпит президента в качестве посредника.

В планы президента не входит немедленный созыв мирной конференции, и в распоряжении союзников имеется достаточно времени, чтобы доказать, действительно ли Германия идет ко дну и могут ли военные действия быть сдвинуты с мертвой точки.

Я предложил бы вам переговорить с тремя вашими коллегами, с которыми мы обсуждали эти вопросы, ибо это дело не терпит отлагательства.

Э. М. Хауз.

Ответ сэра Эдуарда был повторением его прежних ответов: без согласия Франции он действовать не мог. Пока не поднимает вопроса Франция, англичане вынуждены бездействовать. Несколько недель спустя он писал Хаузу: «В настоящий момент, после речей Пуанкаре и Бриана в связи с боями за Верден, ни один англичанин не спросит Францию: «Разве не настало время заключить мир?»».

ГЛАВА XVI

Но полковник никак не мог понять нежелания Англии заявить Франции: «Согласившись на предложение Вильсона, вы получаете возможность вовлечь в войну США и разоблачить Германию». Казалось, англичане думали, что, предлагая им помощь, Вильсон едва ли не просил об одолжении.

Полковник Хауз еще раз снесся с Жюссераном. Французский посол дал ясно понять, что французы не пожелают обсуждать никакого плана, в котором значилось бы слово «мир». Объяснялось ли это их недоверием к Вильсону? Надо помнить, что Камбон выдвинул перед Грэем предположение о несерьезности предложения президента и о том, что оно преследовало исключительную цель: помириться с союзниками перед началом президентской кампании. В телеграмме сэра Эдуарда тоже намекалось, что Вильсону необходимо завязать переговоры непосредственно с Францией с той целью, чтобы французское правительство «таким путем в достаточной мере убедилось в его истинных намерениях и доброй воле».

Было вполне допустимо, что французы не придавали большого значения американской помощи. Они прекрасно помнили, сколько времени понадобилось Англии для того, чтобы снарядить большую армию. Они знали, что мы в гораздо меньшей мере были готовы, чем англичане, и несомненно считали, что США смогут оказать материальную помощь к тому времени, когда уже определится исход войны¹.

¹ Девять лет спустя Хауз писал: «Я не сомневаюсь, что когда мы в упор поставили перед Грэем вопрос о нашем вмешательстве, то мнение союзников почти совпадало с мнением немцев: они считали нас абсолютно неподготовленными ни к тому, чтобы оказать большую помощь, ни к тому, чтобы причинить больший вред, чем прежде. Союзники получали от нас деньги, продовольствие, оружие и в то же время мешали нашим судам заходить в нейтральные порты. По примеру Германии они, вероятно, пришли к заключению, что если мы вступим в войну, то сможем дать не больше того, что давали до тех пор. Кроме того, они, очевидно, полагали, что лучше сохранить существующий порядок вещей, чем допустить наше вмешательство в войну и в определение условий мира.

Не думаю, чтобы союзники рассчитывали на то напряжение сил, которое мы произвели впоследствии, и я думаю, что они были удивлены не меньше немцев. Я считаю, что величайшая наша ошибка была в том, что мы не обеспечили себе возможности вмешаться вопреки протестам немцев или союзников» (письмо автору, 6 апреля 1925 г.).

СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ

Кроме того, участие Америки в войне могло создать осложнения для союзников в случае, если оно помешало бы соблюдению тайных договоров, о которых в то время Вильсон ничего не знал. Россия согласилась с Францией, что последней будет предоставлена свобода действий для аннексии Рейнской области с ее многомиллионным немецким населением, а Англия согласилась на создание новой французской империи в Сирии. План Хауза мог заставить Францию отказаться от этих притязаний.

Но простейшее объяснение французской позиции заключалось в том, что продолжение войны давало наилучшую и последнюю возможность уничтожить Германию как опасного политического соперника. Хауз, очевидно, склонился к этой гипотезе.

«Я объяснил, — писал он после совещания с президентом Вильсоном 24 мая, — истинные побуждения Франции, а именно, что ей лучше драться до полного разгрома Германии, ибо она не может рассчитывать, что когда-нибудь Англия, Россия, Италия и Бельгия будут снова сражаться на ее стороне».

Жюссеран во всяком случае не усматривал ничего привлекательного в предложении Хауза, и полковник встретил отказ союзников с сожалением, но философски.

В свете опубликованных после войны германских документов историк может с известным догматизмом утверждать, что те, кто властвовали в Берлине в 1916 г., ни на минуту не стали бы рассматривать условия, предложенные полковником Хаузом. Меньше всего помышляли немцы об уступке Эльзас-Лотарингии; наоборот, даже самые великодушные их условия предусматривали обширные уступки со стороны Франции и Бельгии. Если бы союзники воспользовались возможностью, создавшейся в результате американского предложения, то согласно условиям этого предложения они могли заручиться активной помощью США.

ГЛАВА XVII

ГЛАВА XVII

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

По мере того как напряжение растет, они все больше и больше теряют рассудок. Скоро во всем мире не останется здравомыслящих людей.

*(Из письма Пэйджа Хаузу от 2 июня 1916 г.
из Лондона.)*

Вы не представляете себе, какой нервный упадок переживает этот народ.

*(Из письма Джерарда Хаузу от 30 августа 1916 г.
из Берлина.)*

1

Отказываясь от плана, предложенного Вильсоном через Хауза, союзники почти на год отсрочили американское выступление на помощь Европе. Но план все же имел свое историческое значение, так как заставил президента Вильсона окончательно сформировать свой взгляд на роль Америки в международных делах и публично объявить 27 мая 1916 г., что впредь США должны принять активное участие в мировой политике. В то же время он проповедовал создание Лиги наций, как главной опоры общепринятой международной системы.

К этой идее Вильсон постепенно склонялся в течение предшествовавших двух лет. Он сдержанно одобрил миссию Хауза в 1914 г., цель которой заключалась в установлении соглашения между Англией, Германией и США для того, чтобы рассеять создавшуюся угрозу войны. Он горячо принял план заключения панамериканского пакта, который предусматривал взаимную гарантию политической независимости и территориальной неприкосновенности всех американских стран. В начале 1916 г. он телеграфи-

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

ровал Хаузу для сведения Грэя и Бальфура, что он готов присоединиться к всемирному пакту аналогичного характера. Теперь, он заявлял об этом открыто, распространяя на весь мир принципы намеченного панамериканского пакта.

Так как подобная декларация создала бы подлинную революцию в американской внешней политике, положив конец традиционной политике изоляции, Хауз стал искать удобного случая для такого важнейшего шага. «Мне пришло на ум, — писал он 9 мая, — что 27 мая, день, когда в Вашингтоне собирается Лига укрепления мира, будет соответствующим моментом для этой декларации, что я и посоветовал президенту. Я сговорился с секретарем Лиги, чтобы бывший президент Тафт, являющийся председателем Лиги, послал приглашение президенту». На следующий день полковник Хауз получил от Тафта письмо, приглашавшее президента Вильсона выступить с речью.

Этот случай мог бы иметь еще большее значение, так как согласно первоначальным планам он должен был преследовать двоякую цель. В своей речи президент потребовал бы созыва конференции, которая смогла бы положить конец войне, и в то же время изложил бы принципы, на которых должен основываться прочный мир. Вся речь должна была быть проникнута мыслью, что в будущем США будут готовы делить со странами всего мира ответственность за поддержание мира и справедливости.

Но позиция союзников убедила Вильсона и Хауза, что требование о немедленном созыве мирной конференции принесло бы скорее вред, чем пользу. Поэтому накануне намеченного выступления они решили использовать его только для того, чтобы обрисовать контуры американской внешней политики и американскую готовность сотрудничать в содружестве народов.

«Мы согласились, — писал полковник Хауз 24 мая, после совещания с Вильсоном, — что при создавшихся обстоятель-

ГЛАВА XVII

ствах разумнее будет значительно изменить речь, которую он должен произнести в будущую субботу перед Лигой укрепления мира. Как мы и задумали, он коснется вопроса о мире только намеком. Он попросил блокнот и набросал план речи. Мы разбили речь на четыре части и составили точные формулировки».

Хауз полностью сознавал, какую революцию в американской политике будет означать эта декларация, ибо Вильсон совершенно отложил в сторону доктрину изоляции. «Хотим мы того или нет, — заявил президент, — но мы живем жизнью всего мира. Интересы всех стран — наши собственные интересы. Мы — партнеры всем остальным. То, что затрагивает интересы человечества, — неизбежно наше дело, точно так же, как дело всех стран Европы и Азии».

Вместе с Вильсоном полковник выработал все детали речи с полным сознанием серьезности предстоящего шага. Он был уверен, что этот решительный шаг позволит президенту захватить в свои руки моральное руководство человечеством. «Это решение, — писал Хауз, — означало поворотный пункт в наших международных отношениях и в нашей прежней политике невмешательства.

Если он будет следовать до конца нашим теперешним планам, то я уверен, что история предоставит ему одно из первых мест среди государственных деятелей всего мира. Неважно, будет он посредником или нет; важно то, чтобы он задал высокий, правильный тон и не сбавлял его, невзирая ни на какие для себя последствия. При создавшемся положении он может занять и займет доминирующее место, потому что из всех современных государственных деятелей он единственный, кто обладает необходимой властью для выполнения этой задачи».

В письме от 18 мая президент благодарил Хауза за предложение и просил его дальнейших советов. Каково мнение Хауза о том, чтобы в основу речи он положил соглашение

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

с Грэм о будущих гарантиях мира? Вильсон попросил также копию одного своего письма, касавшегося этих гарантий, что обнаружило тот довольно удивительный факт, что президент не хранил копий некоторых своих самых важных писем.

Очевидно, Вильсон намеревался использовать соглашение Грэя — Хауза о гарантии как основу своей речи и был в значительной степени обязан Грэю за основную идею своей речи: мировая война не вспыхнула бы, если бы существовала какая-нибудь организованная система, при помощи которой страны могли быть собраны для совместного обсуждения дела в момент возникновения кризиса. Интересно отметить, что полковник Хауз настаивал, чтобы Вильсон не выдвигал предложения о создании такого сложного механизма, какой предлагала Лига укрепления мира, а ограничился общими высказываниями впредь до того, как страны согласятся с самой идеей объединения государств. Дело в том, что в тот момент, как и впоследствии в споре с сенатом, Хауз не хотел, чтобы спор о деталях угрожал затмить принципиальную сущность плана.

Письма Хауза президенту

Нью-Йорк, 19 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

Посылаю вам для просмотра кое-какой материал, который может пригодиться вам при составлении вашей речи.

Норман Эйнджел передал мне выдержки из речей Асквита, Грэя, Бальфура и других и статью Брайса в «Нью-рипаблик», которые непосредственно касаются этой темы.

Я считаю, что в настоящий момент программа Лиги укрепления мира неосуществима, потому что убежден, что прежде всего надо заставить правительства согласиться сооб-

ГЛАВА XVII

ща отстаивать самые задачи, которые вы так прекрасно обрисовали в вашем письме ко мне и о сущности которых я телеграфировал Грэю¹.

Если один из этих пунктов будет нарушен, то возникнет вопрос об их практическом применении, и тогда можно будет создать нечто вроде предлагаемого ими трибунала... Как только вы начнете обсуждать детали, вы натолкнетесь на расхождения, которые могут затемнить сущность вопроса.

Напишу вам еще в воскресенье.

Преданный вам Хауз».

Нью-Йорк, 21 мая 1916г.

«Дорогой начальник!

Сообщаю вам свои соображения относительно подготовленной вами речи. Я излагаю их наспех и в общих чертах, и потому они весьма условны...

Надеюсь, перед тем как выступить, вы покажете речь Лансину. Он может быть полезен и, наверное, будет оскорблен, если не будет осведомлен об этом важном шаге.

Пишу наспех, но с чувством глубокой любви.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Набросок речи, приложенной полковником Хаузом к письму от 21 мая, представляет исторический интерес, поскольку президент использовал его в своем обращении от 27 мая, которое подытоживает сущность его внешнеполитичес-

¹ В письме Вильсона от 16 мая была фраза, подводившая итог его предложению. Эта фраза с небольшими изменениями легла в основу его речи: «Всеобщий союз для поддержания «свободы морей» и для предотвращения всякой войны, начатой либо: а) вразрез с договорными условиями или б) без предупреждения и полного расследования, единственно гарантирующего территориальную неприкосновенность и политическую независимость» (из дневника полковника Хауза, 17 мая 1916 г.). В своей речи Вильсон заменил слово *союз* словами *ассоциация наций*; *свобода морей* — словами *нерушимая безопасность на морских путях для всеобщего и беспрепятственного пользования всеми нациями мира* (эти изменения были сделаны для того, чтобы успокоить англичан и показать, что речь направлена против их торговых ограничений в той же степени, как против подводных лодок); *полное расследование* — словами *исчерпывающим изложением причин войны перед мировым общественным мнением*.

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

ких стремлений на протяжении последующих лет. В своих позднейших речах Вильсон только отшлифовывает детали и развивает мысли, содержащиеся в этом обращении.

В основу его легла мысль о провале дипломатии и бессилии Европы, что было доказано началом войны и ее затяжным характером. Для того чтобы охранить принципы, которые, как настаивал Вильсон, должны служить основой международных отношений, необходима новая система. Вильсон тщательно формулировал эти принципы:

«Во-первых, всякий народ имеет право выбирать ту верховную власть, под которой он будет жить...

Во-вторых, малые государства имеют право пользоваться тем же уважением к своему суверенитету и территориальной неприкосновенности, которых ожидают и требуют крупные и могущественные державы.

И, в-третьих, все страны мира имеют право быть избавленными от всякого нарушения мира, в основе которого лежит агрессия и пренебрежение к правам народов и наций».

Эти принципы Вильсон уже подчеркивал раньше в своей речи в Мобиле, но теперь, точно определив, какой механизм должен внедрить эти принципы, он перешел от негативной и абстрактной политики к позитивной и конкретной. Для того чтобы поддержать эти принципы, анархия и конфликты должны быть заменены международным сотрудничеством путем создания «всемирной ассоциации наций, которая будет поддерживать нерушимую безопасность на морских путях для всеобщего и беспрепятственного пользования всеми нациями мира и предотвратит всякую войну, начатую вопреки договорным условиям или без предупреждения и исчерпывающего изложения причин войны перед мировым общественным мнением, единственно гарантирующим территориальную неприкосновенность» и политическую независимость». Таким образом текст панамериканского пакта был распространен на предполагаемый всемирный пакт; этому тексту суждено было приобрести еще большее значение в

ГЛАВА XVII

качестве статьи 10 устава Лиги наций. Вильсон считал его основой всего устройства.

2

Уже в то время некоторые люди поняли все значение этого обращения, которое заключало в себе обещание всему остальному миру помощи США в деле поддержания безопасности, мира и справедливости. Брэнд Уитлок писал полковнику Хаузу из Брюсселя: «Со времен провозглашения доктрины Монроэ, это — самая важная декларация, касающаяся нашей внешней политики, хотя потребуются много лет, прежде чем это станет вполне осязаемым и будет понято полностью».

Полковник Хауз сам чувствовал, что своим публичным изложением идеи, над которой он работал вместе с президентом, Вильсон открывал великие возможности; Хауз полагал, что эти идеи полностью совпадают с идеями английских либералов. Характерно, что Хауз, после того как он положил столько сил, чтобы помочь президенту, не присутствовал при выступлении президента и не видел окончательного текста речи Вильсона. Об этом следует пожалеть, так как президент включил в свою речь одну короткую фразу, не имевшую никакой связи с общим смыслом его обращения, и совершенно ненужную фразу, которая могла быть истолкована как проявление безучастия к целям войны. Такова была пагубная привычка президента, которой он, по крайней мере в четырех случаях, испортил эффект самых важных своих заявлений, употребляя фразы, которые поддавались ложному толкованию.

«Я восхищен речью президента, — писал полковник Хауз 28 мая. — Моим советам он следовал сверх ожидания... Я надеюсь, что страна и весь мир откликнутся на его призыв. Была у него одна досадная фраза о войне — там, где он говорит: «Нас не касаются ее причины и цели». Союзники пройдут мимо всего, что есть хорошего в его речи, а выпятят эту фразу. Это — замечательная речь, и, как я писал президенту, она

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

будет поворотным пунктом в истории. Она знаменует начало нового порядка государственной деятельности и закат старого порядка. Она соответствует его вступительному президентскому посланию к конгрессу и его речи в Мобиле».

Как и предвидел Хауз, союзники не поняли истинного значения декларации Вильсона и, обойдя ее молчанием, ограничились¹ критикой одной единственной фразы. Возможно, что при тогдашнем состоянии умов в Европе союзников ничто не могло бы удовлетворить, так как война начинала оказывать всю силу своего действия и вызывала раздражение, которое затемняло перспективу. Несколько английских либералов сердечно отозвалось на речь Вильсона. «Прекрасная вещь, — писал лорд Лорберн Хаузу, — когда люди поддерживают идеалы, находясь у кормила власти. Я глубоко убежден, что когда эта страшная война кончится, ужасный материализм и те звериные взгляды на жизнь, которые он порождает, будут уничтожены не силой оружия, а неизбежным торжеством нравственных сил. Тем временем Европа совершает самоубийство, и это принесет несчастье всем остальным частям света».

Лорд Брайс тоже не раз писал Хаузу, что речь Вильсона ободрила в Англии тех людей, которые стремились выработать план предотвращения агрессий и беспричинных нарушений всеобщего мира. Без Америки, утверждал Брайс, было бы мало надежды на успех. Но с помощью Америки многое может быть сделано. Он обещал употребить все усилия, чтобы декларация президента была лучше понята и чтобы, как только появятся признаки приближения конца войны, больше внимания было обращено на Лигу наций, при этом особенно важно будет подчеркнуть, что Америка одобряет эту идею.

Но общее впечатление от речи президента среди союзников сводилось к тому, что он ставил Францию и Англию на

¹ «Слишком горды, чтобы драться». «Нас не касаются ее причины и цели». «Цели обеих сторон... фактически одинаковые, поскольку дело касается общих формулировок, преподанных народам и всему миру». «Мир без победы».

ГЛАВА XVII

одну доску с Германией и что если Вильсон не знал, что войну начал кайзер и что союзники сражались, чтобы защитить права малых народов, то ему не следовало произносить речи, и что во всяком случае Бернсторф его одурачил; эта речь была лишь предлогом для германской кампании за мир, а союзникам лучше всего не обращать на речь никакого внимания.

3

Безучастное отношение союзников бесспорно задело Вильсона в его чувствах, тем более, что Германия, уступив его настойчивым требованиям по вопросу о подводной войне, не давала больше поводов к беспокойству. Франция и Англия прошли мимо его предложения о немедленном оказании помощи с целью заставить немцев согласиться на умеренные мирные условия и не обратили внимания на его предложение об оказании помощи в будущем, при заключении мира. Между тем союзническая печать жаловалась, что президент нисколько не интересуется результатами войны и что американский народ думает лишь о своих долларах. Все это могло вызвать раздражение даже у человека менее восприимчивого, чем Вильсон, и так же, как участники войны, президент начал проявлять признаки нервозности. С этого периода он стал подозрительно относиться к военным целям союзников. Эту подозрительность не сумели полностью рассеять совместные действия против Германии после 1917 г., а во время мирной конференции она даже усилилась.

Введение англичанами новых ограничений против нейтральной торговли в течение лета 1916 г. вряд ли могло разрядить атмосферу. Через несколько недель после начала наступления на Сомме стало очевидным, что это наступление, равно как и германская атака на Верден, не сможет закончить войну. Английский генеральный штаб был удовлетворен тем, что немцы понесли большие потери; потери союзников были, возможно, не меньше немецких потерь. Но английские политические деятели чувствовали, что продвижение шло

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

медленно, и общественное мнение потребовало усиления блокады.

После долгого молчания англичане и французы ответили на американскую ноту протеста, врученную предыдущей осенью. Ответ не способствовал дружественному взаимопониманию. Один американский корреспондент сэра Хорэса Планкетта, упорный сторонник англо-американской дружбы, в письме к сэру Хорэсу критиковал ноту в выражениях, почти сходных с теми, которые Пэйдж употреблял по отношению к протестам министерства иностранных дел США:

«Перечитав только что последний ответ сэра Эдуарда Грэя на американскую ноту, посланную в ноябре прошлого года, я потерял все надежды. Для того чтобы рассмотреть вопрос, ему понадобилось шесть месяцев, а посему я полагаю, что ответ окончательный.

Тон ноты говорит об искусном спорщике, избегающем главного и пытающемся на деталях победить своего противника «по очкам». В ответе нет и намек на желание примириться, рассмотреть и сгладить затруднения, нет ни малейшей попытки заложить основы искреннего соглашения.

Вы знаете, как я стремлюсь к тому, чтобы была установлена настоящая Антанта. Я убежден, что серьезного расхождения в интересах и идеалах нет. Но этот ответ совершенно обескураживает...

Мы, люди, дружески настроенные к Англии и желающие, чтобы чувство дружбы восторжествовало над теперешним взаимным недоверием, ничего не сможем сделать без вашей помощи. Я, например, не вижу, что выиграет Англия, сняв с американского парохода «Чайна» полсотни подозрительных людей, а ведь этот инцидент вызвал большое недовольство. И после этого к оскорблению прибавляется издевка: сэр Эдуард заявляет, что это сделано им для того, чтобы избавить нас от неприятностей. Нелегальные действия, которые могли совершить эти пассажиры, обеспокоили бы, мол, нашу полицию... При всем своем

ГЛАВА XVII

желании сэр Эдуард не мог бы придумать ничего другого, что так охладило бы англофильский пыл таких американцев, как я...

Не можем мы поверить, что вся вина лежит на нас. Ради дружбы мы готовы идти на большие уступки, но не можем отказать от нашего права иметь собственное мнение в вопросах, настолько жизненных для нас, как этот вопрос о международном праве на море... До тех пор, пока в Англии не поймут, что все нейтральные страны испытывают по отношению к ней настоящее чувство обиды, я не вижу никакой надежды на установление более сердечных отношений. Я не хочу вдаваться в рассуждения о правильности или ошибочности позиций нейтральных стран — важно понять их действительное настроение.

«Кровь гуще воды», «Мы сражаемся за ваше дело», «Мы подняли меч в защиту международного закона», «Мы защищаем права малых народов» — такие утверждения почти не производят действия в Америке, когда всякое письмо из нейтральной европейской страны, письмо, которое проскальзывает к нам мимо вашего цензора, рассказывает и о вымышленных и о действительных несправедливостях, являющихся делом ваших рук, когда всякая наша попытка добиться соглашения наталкивается на насмешливый отказ».

Англо-французский ответ на американские протесты оказал тем более неблагоприятное действие, что он был получен в разгар кризиса по вопросу о «Суссексе», в момент, когда все внимание министерства иностранных дел было сосредоточено на отношениях с Германией. Всякий, кто знал чиновников английского министерства иностранных дел, не поверил бы, что они воспользовались этим кризисом для того, чтобы неудовлетворительный ответ проскользнул незамеченным¹. Но английский посол сам признал, что момент был не вполне благоприятным, и полковник Хауз, который всегда был сни-

¹ Кое-кто подобное предложение выдвигал.

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

сходителен и объективен, назвал отправку ноты в такой момент глупостью.

«19 апреля 1916 г. После ухода Моргентау, — писал полковник, — пришел Гонт. Он показал полученное им от английского посла зашифрованное сообщение, в котором тот спрашивал моего совета, следует ли вручить министерству иностранных дел только что полученную англо-французскую ноту или же задержать ее для того, чтобы не создавать путаницы в нашем вопросе с Германией».

«21 апреля 1916 г. Отсутствие сообразительности со стороны дипломатов союзнических стран выходит за пределы моего понимания. Глупости, совершаемые время от времени их правительствами, делают человека скептическим в отношении конечного результата соглашения о мире... Отправка их ответа на наши ноты в такой момент — неслыханное дело.

Небольшой иллюстрацией к их методам может служить такой случай: лорд Х. должен был передать важное письмо от сэра Эдуарда Грэя. Вместо того чтобы вручить письмо лично, Х. с оказией посылает мне письмо в Нью-Йорк. Когда я упомянул об этом случае капитану Гонту, он был ошеломлен».

«22 апреля 1916 г. В обеденное время меня посетил капитан Гонт. Он получил письмо от английского посла, который просил его узнать мое мнение о том, следует ли вручить англо-французскую ноту в понедельник и следует ли подчеркнуть и передать прессе некоторые места ноты, на которые он укажет. На оба вопроса я ответил утвердительно... Раз нота прибыла и об этом знают, то пусть она появится».

Месяц спустя из-за незначительного инцидента вновь создалась угроза припадка истерии. Американский контрпротест в ответ на объяснения союзников о захвате почты был отправлен англичанам без копии французам. Контроль над ограничением в торговле, естественно, находился в руках англичан, и участие французов сводилось в значительной степени к формальности. Хауз указывал Грэю на опасность, ко-

ГЛАВА XVII

торой англичане подвергались за то, что они не делили с французами ответственности за блокаду, поэтому нота союзников была отправлена обеими державами совместно. Этого, по-видимому, не заметили в нашем министерстве иностранных дел, которое в вопросах торговли думало лишь об англичанах. К счастью, было достаточно времени, чтобы исправить ошибку, которая, естественно, расстроила бы Грэя, по-видимому, опасавшегося, что в Вашингтоне действовало какое-то зловещее влияние.

«23 мая 1916г. Гонт только что вернулся из Вашингтона, — писал полковник Хауз, — и передал мне копию телеграммы, полученную английским послом от сэра Эдуарда Грэя...

Гонт, как и Грэй, по-видимому, был сильно расстроен. Они хотят, чтобы копию ноты о захватах почты мы послали Франции. Очевидно, только сейчас они начинают понимать, что Англии невыгодно принимать на себя все бремя ответственности...»

«24 мая 1916 г. (Запись совещания с президентом Вильсоном в Нью-Йорке.) Я показал ему ноту сэра Эдуарда Грэя английскому послу и с удивлением услышал от него, что от нас уже пошла нота к английскому правительству. Я просил его немедленно послать копию во Францию, на что он согласился. Он рекомендовал мне телеграфировать Грэю о том, что копия послана. Я протянул ему блокнот и попросил написать текст телеграммы...

Мисс Дентон тотчас зашифровала телеграмму. Президент, очевидно, вполне доверяет моему поручительству за ее скромность и знает, что, кроме него, меня и мисс Дентон, никто не будет знать об этих конфиденциальных переговорах...

Гонт сказал, что английский посол был очень взволнован резкостью нашей ноты о захвате почты, адресованной английскому и французскому правительствам. Он считает, что тех же результатов можно было достигнуть более умеренным тоном. Я не уверен в его правоте. Похоже, что только дубиной можно привлечь их внимание».

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Письмо Хауза президенту

Нью-Лондон, Нью-Хэмпшир, 25 июля 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Сожалею, что отношения между Англией и США в полосе кризиса... Прежде чем потребовать от конгресса полномочий для запрещения займов и ограничения экспорта, я посоветовал бы предложить Жюссерану и Спринг-Райсу довести до сведения их правительств, что если они немедленно не изменят метода действий, то вы исполните ваши намерения. Я объяснил бы им, что ввиду вероятного скорого роспуска конгресса у вас нет времени лавировать и, следовательно, вы просите их действовать быстро.

Преданный вам Э. М. Хауз».

В августе Полк снова написал Хаузу, что захват союзниками американской почты все еще служит причиной раздражения и что получить от них какой-либо ответ на американскую ноту протеста, по-видимому, невозможно. По его мнению, не оставалось ничего другого, как предоставить президенту полномочия на ограничение американского экспорта и займов в виде контрмеры.

«Я знаю, что затрагивать этот вопрос опасно, — заявлял он, — но мне кажется, что получение президентом от конгресса некоторых полномочий было бы хорошим делом. Эти полномочия можно использовать как дубинку против Англии в случае, если англичане не пойдут на реальные уступки в вопросе о вмешательстве в торговлю. До сих пор их позиция была в высшей степени неудовлетворительной».

Совету Полка последовали, и в сентябре, перед самым своим роспуском, конгресс предоставил президенту право принять решительные контрмеры. Кроме того, 8 сентября конгресс приступил к голосованию ассигнования на флот в размере, небывалом для законодательного собрания страны, не находящейся в состоянии войны. Билль предусматривал

ГЛАВА XVII

постройку 137 новых судов всех классов, что поставило бы США на второе место среди мировых держав¹.

Эти две меры, следовавшие одна за другой, выдвигают вопрос, действительно ли правительство США готовилось силой оспаривать английское владычество на морях. Хауз, вернувшийся из своего уединения, предупредил президента об опасности создания такого впечатления и о том, в каком затруднительном положении очутились бы США, если бы в конце войны дружба с победоносной группой союзников оказалась совершенно расстроеной. Вильсон, который в тот период меньше, чем когда-либо, чувствовал симпатию к союзникам, по-видимому, оставался непоколебимым и готовым к любым последствиям.

«Утром ко мне в гостиную вошел президент, — отмечал Хауз 24 сентября, — мы провели несколько часов в обсуждении международных дел, главным образом — наших расхождений с Англией. Пэйдж привез кучу записей, которые президент читал вслух. В свою очередь я передал ему все полученные мною в последнее время письма сэра Эдуарда Грэя, лорда Брайса, Ноэла Бакстона и др. По-моему, основное расхождение с Англией в настоящий момент заключается в том, что США приступили к строительству большого флота; торговля наша расширяется в необычайных размерах, мы быстро становимся на место, которое Германия занимала перед войной. В Англии никто не сознался бы, что названные мною причины и определяли растущее против нас раздражение, но тем не менее таковы факты. Президент ответил: «Давайте построим флот сильнее, чем у нее, и будем делать, что захотим». Я напомнил ему, что именно так решила действовать Германия, но Англия осадила ее, прежде чем та успела выполнить свои намерения; кстати, весной 1914 г. я это предсказывал. Я считал маловероятным, чтобы англичане позво-

¹ 14 марта 1925 г. полковник Хауз писал: «Я всячески разъяснял эту меру во время мирных переговоров и затем на мирной конференции в Париже, и многие английские и американские знатоки считали, что этот закон не только уравнил наш флот с флотами других стран, но и выведет его на первое место».

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

лили нам построить флот, равный их флоту, если только они смогут этому помешать».

Грэй тревожился о более вероятных возможностях. Он впоследствии признавался, что главное его опасение заключалось в том, что США решат сопровождать американские торговые суда военными судами. В таком случае странам, проводящим блокаду, пришлось бы либо разрешить проход этим судам, что означало бы конец блокады, или же попытаться силой задержать сопровождающие суда, что означало бы войну.

Положение еще более осложнилось возникшим в Англии подозрением, что американская полиция основывалась не столько на принципе, сколько на антибританском настроении, которое бесспорно окрепло после тех методов, какими была разрешена ирландская проблема вслед за пасхальным восстанием¹. Сэр Хорэс Планкетт писал Хаузу: «Ирландскую проблему разрешили настолько неправильным путем, что побили все рекорды английских грубых промахов в моей несчастной стране». Американская общественность сосредоточила свое внимание на обращении с ирландскими заключенными, что нашло выражение в сенатской резолюции. Все это не разрядило напряженности официальных отношений с Англией.

4

Проблему дружественных отношений с Англией Хауз обсуждал с Пэйджем, который был вызван в США, чтобы провести отпуск; но собеседники не могли придумать разрешения вопроса. Пэйдж считал, что США должны ограничиться сделанными протестами, а по окончании войны предоставить разрешение вопроса арбитражу. Хауз не считал такой

¹ Речь идет о восстании в Ирландии в апреле 1916 г. против английского владычества, жестоко подавленном англичанами. Кровавая расправа с ирландскими националистами вызвала волну антибританского настроения в США особенно среди многочисленной группы ирландско-католического населения.

ГЛАВА XVII

путь практичным, поскольку ничто не предвещало конца войны; тем временем американская торговля могла потерпеть ущерб, который не смогли бы возместить никакие арбитражные решения и никакие компенсации.

«25 сентября 1916 г. Сегодня после обеда у меня был Уолтер Пэйдж, — писал Хауз. — Мы беседовали два часа. Не видно, чтобы его образ мыслей изменился. Более чем когда-либо он настроен англофильски и не может усвоить американские взгляды. Он нападал на Лансинга, как только мог, но высказывал глубокое уважение к президенту, в чем, мне кажется, он преувеличивает. Он жаловался, что Лансинг обсуждает дела с английским послом, не уведомляя об этом его. В то же время он с некоторым удовлетворением передал мне слова Лансинга о том, что английский посол совершенно не подходит для своих обязанностей и его следует заменить кем-нибудь с более ровным темпераментом и лучшим пониманием положения. Пэйдж не знает, что об английском после Лансинг, пожалуй, чуть более высокого мнения, чем о самом Пэйдже.

Он сказал, что англичане негодуют по поводу наших попыток добиться заключения мира... Я не считал это стремление таким неблагородным, каким оно казалось Пэйджу. Он заявляет, что никто из нас не разбирается ни в ситуации, ни высших побуждениях англичан в этой войне. Я ответил, что мы недовольны некоторым лицемерием и ханжеством англичан, например, относительно Бельгии. Пэйдж допускал, что англичане стали бы сражаться на стороне Франции, даже если бы Франция нарушила бельгийский нейтралитет, с целью быстрее достигнуть германской территории.

Я спросил Пэйджа, считает ли он, что очевидное раздражение Англии усилилось из-за нашей морской программы и не становимся ли мы с английской точки зрения в то же положение, что и Германия. Я говорил о традиционной дружбе между Германией и Англией, существовавшей до тех пор, пока Германия не стала мешать английской торговле и помышлять о создании достаточно большого флота, чтобы это стало

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

им угрожать; я спрашивал, не усматривали ли англичане с нашей стороны аналогичную угрозу их торговле и владычеству на морях.

На это Пэйдж ответил отрицательно, но все же заявил, что Англия не позволит нам обладать флотом, равным ее флоту или более сильным. Если начнем строить флот мы, они будут строить еще больший, хотя делать это они будут с соблюдением дружеского духа.

Пэйдж считает, что если бы мы действовали иначе, мы могли бы установить добрые отношения с Англией. Это рассердило меня, и я рассказал о многочисленных случаях, в которых США проявляли дружелюбие и даже симпатию к союзникам, но только с тем результатом, что наши отношения с ними стали сейчас хуже, чем в начале войны. Я рискнул высказать предположение, что если бы мы отправили Бернсторфа домой и вступили в войну, то в течение нескольких недель нас бы перевозносили, а затем потребовали бы денег. Если бы деньги были предоставлены, то на известное время они были бы удовлетворены, а потом потребовали бы неограниченного количества людей. И даже если бы мы это все исполнили, то в конечном счете они все же обвинили бы нас в попытке предоставить Германии условия, которые выходят за рамки дозволенного».

В течение двух последующих лет прогнозам Хауза суждено было подтвердиться с курьезной точностью; его предвидение относительно характера требований союзников, так же как его понимание европейского отношения к Америке, объясняют в значительной мере значение услуг, которые он впоследствии оказал делу межсоюзнического сотрудничества. По мере того как в течение осени 1916 г. со всех сторон к нему поступали сообщения о возрастающих трениях между англичанами и американцами, будущее представляло пред Хаузом все менее утешительным.

«Сегодня был интересный день, — писал Хауз 20 сентября. — Фредерик Диксон из «Кришчен сайенс монитор» навещал меня по настоянию английского посла, чтобы ознако-

ГЛАВА XVII

мать меня с настроениями Англии и Франции в отношении контрмер, проголосованных конгрессом последнего состава. Диксон считает, что напряжение более велико, чем мы думаем. В Англии он вел долгие беседы с Грэм и Сесилем, и в то время как Грэй проявлял обычную умеренность, Сесиль заявил, что если мы попытаемся провести подобные меры в жизнь, то это, вероятно, будет означать разрыв дипломатических отношений и прекращение всякой торговли. Эти слова я расцениваю как своего рода блеф...

Х. (из нашего министерства иностранных дел) выразил сильное беспокойство по поводу наших напряженных отношений с Англией, которые скорее ухудшаются, чем улучшаются. Он приписывает это обоим послам — Пэйджу и Спринг-Райсу. Из обоих больше винить следует Райса, потому что в Лондоне Пэйдж *persona grata* и не вызывает раздражения, так как полностью согласен с английской точкой зрения. Спринг-Райс, с другой стороны, вызывает раздражение и сам раздражителен. Филиппе полагает, что Спринг-Райс регулярно посылает в Лондон сообщения, которые заставляют их думать, что мы стремимся повздорить с ними».

Согласно своим правилам и привычкам полковник Хауз приступил к сглаживанию раздражения путем открытого и дружеского обсуждения. Чем больше было затруднений с какой-нибудь страной, тем важнее было поддерживать тесную связь с ее представителями. На следующий день после своей беседы с Филиппсом полковник отмечал:

«Со мной завтракали посол Спринг-Райс и капитан Гонт. Сэр Сесиль находился в самом лучшем настроении, а никто не умеет быть обаятельнее его. Мы прекрасно провели вместе два часа и устранили несколько вопросов раздражающего характера. Я звонил Полку в Вашингтон, чтобы навести у него справку об одном спорном вопросе, и получил объяснение, вполне удовлетворившее посла. Когда Полк начал давать объяснения, то они оказались настолько ясными, что я повернул телефонную трубку так, чтобы сэр Сесиль мог слышать слова Полка...

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Мы с послом условились держать более тесную связь. Он спросил меня, может ли он обращаться ко мне в тех случаях, когда он увидит перед собой подводные камни, так чтобы я мог помочь в предотвращении неприятностей. Мы расстались в прекрасном настроении, как это всегда бывает, когда он в любезном расположении духа».

Хауз поддерживал такие же тесные отношения с Жюссера-ном. Он очень откровенно изложил ему свое критическое отношение к методу ведения войны союзниками, ибо Хауз не верил в войну на истощение. Она могла принести конечную победу союзникам, но ценой, значительно превышающей стоимость результатов этой победы. Купленный такой ценой мир сделал бы Европу бессильной — такой фактически она уже была — разрешать свои проблемы без помощи извне.

«10 октября 1916 г. В десять часов прибыл французский посол, — писал Хауз, — и провел у меня час. Я убедился, что он менее агрессивен и не так уверенно, как прежде, говорит, что Франция будет сражаться до тех пор, пока ее усилия не увенчаются полной победой. Я обратил его внимание на то, что я считаю ошибками союзников. Я повторялся, но я хочу повторяться до тех пор, пока не внушу им своего мнения. Он признал, что многие мои предсказания оправдались. Я снова предсказал, что на западном фронте союзники не смогут одержать существенных успехов, а если союзникам суждено победить, то победа явится результатом выхода Австрии из игры в Юго-Восточной Европе...

Я утверждал, что союзники совершили ошибку, не проведя в жизнь предварительного соглашения, выдвинутого нами в Париже и в Лондоне в феврале прошлого года; а это соглашение по всей вероятности привело бы к окончанию войны и дало бы Франции возможность заключить мир на благоприятных условиях. Но если бы и не так, то все же теперь мы уже были бы вовлечены в борьбу.

В первых числах октября возникла угроза нового кризиса. Германская лодка U-53 вошла в Ньюпорт Харбор и, про-

ГЛАВА XVII

быв там несколько часов, вышла в море и невдалеке от Нантукета (но вне зоны территориальных вод) потопила несколько судов. Все произошло согласно правилам крейсерской войны, т. е. в каждом случае было дано предупреждение, а при посещении Ньюпорта подводная лодка соблюдала все правила, ограничивающие время стоянки. Но англичан ужаснуло расширение радиуса действия подводных лодок, и в досаде они не преминули критиковать США. Полк считал, что подозрения англичан относительно американской небрежности в обращении с подводной лодкой объяснялись ложным истолкованием обстоятельств, а главным образом — той раздражительностью, которая с каждым днем становилась более подчеркнутой. К счастью, сэр Сесиль Спринг-Райс спокойно отнесся к происшедшему, а Полк проявил в этом деле большое дипломатическое искусство».

«9 октября 1916 г. В четыре часа был капитан Гонт, — писал Хауз. — Я никогда не видел его таким расстроенным. Потопление лодкой U-53 шести судов у наших берегов расстроило даже его крепкие нервы, и я посоветовал соблюдать спокойствие, пока не выяснятся все обстоятельства дела. Я постоянно опасаюсь того, что кто-нибудь ускорит беду, тогда как минутное спокойствие может предотвратить кризис».

«26 октября 1916 г. (Запись беседы Хауза с английским морским атташе, капитаном Гонтом.) Я откровенно говорил с Гонтом, и он признал, что для Англии и союзников лучше всего, если США будут пока придерживаться благожелательного нейтралитета. Он также допускал, что если немцы обрушатся всей своей силой на английскую торговлю, то создастся очень серьезное положение, а помощь, которую Америка могла бы оказать своим вступлением в войну, не смогла бы вознаградить Англию за необузданную подводную войну.

Я сказал ему, что Соединенным Штатам очень трудно изо-

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

бражать благожелательный нейтралитет, когда в союзнических странах такое враждебное к нам отношение и когда они принимают за правду всякий глупый слух. Он просил меня не забывать, что, когда народ воюет, он не может рассуждать спокойно...»

«11 ноября 1916 г. Капитан Гонт говорит, что в Англии настроения против США растут изо дня в день. Они чувствуются среди рабочего люда, а в окопах неразорвавшийся снаряд прозван «Вильсон». Гонт сожалеет об этих настроениях и говорит, что все свои силы употребляет на то, чтобы их рассеять. Он говорит, что его народ потерял всякое чувство меры и это создает опасное положение. На будущей неделе он в секретном порядке отплывает в Англию. Об его отъезде не должен знать никто, кроме английского посла, которому он еще ничего не сообщил. Я собираюсь отправить с ним несколько писем и конфиденциальных сообщений. При их настроении, с одной стороны, и при отвращении президента к их методам — с другой, я считаю положение серьезным.

У нас с Полком было продолжительное совещание. Он согласен со мной, что мы в серьезном и неприятном положении. Я настойчиво просил, чтобы, пока горизонт не прояснится, Лансинг держал со мной тесную связь. Мы должны работать артельно и сохранять присутствие духа. Нам не только приходится иметь дело с иностранными государствами, но надо указывать путь президенту... Он всегда интересовался больше внутренними проблемами, чем внешними... Это меня очень беспокоит. Его склонность к тому, чтобы оскорбить союзников... вероятно, приведет нас к неприятностям с ними. Если нам суждено воевать, то пусть это будет во что бы то ни стало с Германией. Она нарушила все права, и положение требует ради нашей собственной защиты, чтобы мы оставались с союзниками, пока только возможно, не роняя достоинства.

Сознаюсь, что союзники раздражают меня сверх всякой меры».

Напряженность положения наглядно иллюстрировала убеждение, которое Хауз внушал своим английским друзьям, убеждение в том, что англо-американским отношениям могла грозить лишь одна опасность, но эта единственная опасность была очень реальной. Для того чтобы ее рассеять, следовало отложить в сторону все остальные вопросы и выработать какое-либо соглашение, при котором американская торговля могла бы свободно продолжаться в период, когда Англия воюет с континентальной страной. Война 1812 г. была вызвана английским вмешательством в американскую торговлю. То же положение наблюдалось сейчас. Если не пересмотреть морские законы, то в будущем может сложиться аналогичная ситуация. Чтобы разрешить этот вопрос, Хауз предложил принцип «свободы морей» — неприкосновенность торговых судов во время войны. Он всегда утверждал, что, пока не будет введена подобная реформа, на горизонте англо-американских отношений всегда будут нависать тучи.

Но на Германию всегда можно было рассчитывать, что в критический момент она совершит ошибку в политической психологии, и, действительно, она уже готовилась сделать шаг, в результате которого все англо-американские споры были позабыты.

В течение лета и начала осени отношения с Берлином оставались ровными. Германское правительство последовало совету Бернсторфа, который в свою очередь получил этот совет от Хауза, и больше не выдвигало требований о том, чтобы США прорвали английскую блокаду.

«Я лично делаю все, чтобы обо мне по возможности забыли», — писал Бернсторф Хаузу 16 июня. Германская подводная война, насколько было осведомлено министерство иностранных дел США, велась согласно крейсерским правилам и обязательствам Берлина.

Но было несомненно, что если окажется невозможным сдвинуть войну в Европе с мертвой точки, то давление гер-

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

манских морских кругов на правительство приведет к началу неограниченной подводной войны. Бернсторф еще в июне предупреждал Хауза об этой опасности, и каждое письмо посла Джерарда это подтверждало. По адресу гражданских властей, канцлера и министра иностранных дел раздавались открытые угрозы. «Хотя фон Ягов юнкер из юнкеров, — писал Джерард, — но юнкера против него и заявляют, что он слишком слаб. Его могут вытурить». В письмах от 7 июня и 12 июля Джерард писал: «Подводная война в любой день может вырваться из оглобеля. Ведется интенсивная закулисная агитация за возобновление безудержной подводной войны, и все это только часть кампании за свержение канцлера».

Вначале Хауз был обрадован сообщениями об официальном приходе Гинденбурга к власти, так как рассчитывал, что он окажет сдерживающее влияние и укрепит позицию канцлера. Хауз знал, что Гинденбург был противником беспощадной подводной войны, и предполагал, что тот понимает невозможность сдвинуть с мертвой точки европейскую ситуацию и потому согласится принять благоразумные мирные условия, от которых союзники вряд ли смогли бы отказаться. В первых числах сентября полковник обсудил этот вопрос с Бернсторфом.

«3 сентября 1916 г. Вчера вечером звонил мне граф фон Бернсторф, спрашивал, может ли он сегодня повидаться со мной. Я пригласил на завтрак его вместе с графиней, только что вернувшейся из Германии.

Мы интересно провели два часа.

Говоря с Бернсторфом о недавнем назначении фельдмаршала фон Гинденбурга начальником штаба вместо фон Фалькенхайна, я считал, что это был шаг непосредственно в пользу канцлера. Когда я был в Германии, то канцлер при обсуждении возможностей мира заявил, что фон Гинденбург готов употребить свое влияние в пользу мирных условий, которые хотя и не будут популярны в Германии, но будут приемлемы для союзников. Об этом Бернсторф ничего не слышал, но в ответ поделился со мною кое-какой конфиденциальной ин-

ГЛАВА XVII

формацией. Канцлер просил графиню фон Бернсторф в момент, когда она уезжала из Германии, передать послу, что он не знает, как долго ему удастся удерживать Германию от неограниченной подводной войны, и чтобы посол был готов покинуть США в любой момент. Пока графиня находилась в пути, уже после назначения фон Гинденбурга начальником штаба, канцлер телеграфировал Бернсторфу, чтобы тот не обращал внимания на те слова, которые он просил графиню ему передать. Бернсторф не понимал причины отправки телеграммы до того момента, как я сообщил ему об отношениях между канцлером и фон Гинденбургом.

Бернсторф сказал, что с самого начала он старался разъяснить своему правительству, насколько серьезна и опасна их политика ведения подводной войны. После потопления «Лузитании» и «Арабика» они это поняли, но не совсем, и осуждали Бернсторфа за то, что он превысил свои полномочия при разрешении вопроса об «Арабике». Только после потопления «Суссекса» они в полной мере поняли, насколько они близки к войне с нами. Это вызвало наш ультиматум, и в своем ответе они вынуждены были пойти гораздо дальше, чем Бернсторф в вопросе об «Арабике».

Я спросил его, почему Германия начала воевать одновременно с Англией и с Россией. Достаточно скверно было воевать с любой из них, но восстановить против себя обе страны — это казалось мне поразительным доказательством отсутствия здравого смысла. Бернсторф сказал, что, по его мнению, войны не было бы, если судьбами хотя бы одной из великих держав Европы управляла выдающаяся личность, — такой, например, человек, как Бисмарк. Когда я высказал предположение, что Германии следовало привлечь Англию на свою сторону, как только стало очевидным, что Франция и Россия заключили союз, он горячо выразил свое согласие со мной. В этом случае Англия, по-моему, была бы рада, чтобы германский милитаризм развился даже больше, чем сейчас.

Бернсторф считает, что князь Лихновский настолько был пацифистом, что заставил сэра Эдуарда Грея и английское

НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

правительство ошибочно предполагать, что войны не будет. Если бы там был энергичный человек, то, по мнению Бернсторфа, положение вещей сложилось бы иначе.

В оправдание германской внешней политики и того трудного положения, в котором она под конец очутилась, он сказал, что считалось разумным сталкивать Англию с Россией. Со времен Бисмарка германское министерство иностранных дел не верило в возможность активного союза Англии и России, и в интересах Германии было держать их разобщенными, но в то же время не объединяться ни с одной из них.

Что касается войны, то он считает, что фон Гинденбург сможет противостоять течению в Юго-Восточной Европе¹ и к зиме положение может достигнуть мертвой точки. Он считал, что такое положение отвечало прямым интересам США...

Я сказал ему, что имею щупальца во всех воюющих странах и знаю, что в Германии общественное мнение становилось более враждебным США, когда Германия одерживала победы; такая же картина наблюдалась в странах Антанты, когда успех оказывался на их стороне. Я сказал, что хотя я спокойно отдыхаю в Сунапи, но вполне в курсе дел. Он улыбнулся и ответил: «Вам нет нужды говорить мне об этом, ведь тот факт, что в течение лета я не обращался к вам чаще и не встречался с вами, доказывает, что отношения между нашими странами сейчас удовлетворительные».

Бернсторф — единственный из послов воюющих стран, который сохранил равновесие, умел улыбаться настоящему и философствовать о будущем».

«11 октября 1916 г. Первым посетителем был германский посол. Он пришел рассказать мне о своем вчерашнем свидании с президентом. Президент был обычно любезен с ним; по этому поводу Бернсторф высказал кое-какие соображения. Президент просил его послать своему правительству телеграмму с предупреждением об опасности действий подвод-

¹ Румыния только что вступила в войну на стороне союзников, но ее армии быстро потерпели поражение и ее южные провинции были оккупированы.

ГЛАВА XVII

ных лодок вблизи нашего побережья. Он дал понять Бернсторфу, что если это будет продолжаться, то возникнут неприятности, и он надеется, что во имя добрых отношений они обратят внимание на его предупреждение... Я выразил надежду, что U-53 вернется домой и прекратит свои опустошения вдоль нашего побережья. Он выразил горячее сочувствие моим словам, так как хорошо понимает весь риск подобных действий».

6

Внезапно явилось небесное знамение. Было очевидно, что приход к власти Гинденбурга вызовет решительные действия в Берлине и положит конец долгому спору между канцлером и морскими кругами. Если союзники изнервничались и порою отступали от здравого смысла, то немцы проявили также крайнюю нервозность и, отбросив всякое благоразумие, обратились к отчаянным средствам. Больше им было не под силу терпеть ничейное положение, так или иначе они хотели покончить с ним. Если Джерард, который отправился в отпуск в США, убедится, что Вильсон в силах взять на себя инициативу мирных переговоров, то все будет хорошо. В противном случае Германия сдвинет войну с мертвой точки, объявив неограниченную подводную войну. Бернсторфу предоставили самому решить, следует ли ставить президента в известность о тенденции германской политики, а Бернсторф предоставил решать это Хаузу.

Письмо Бернсторфа Хаузу

Вашингтон, 18 октября 1916 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Я получил из Берлина меморандум. Мое правительство желает, чтобы он был вручен Джерарду до того, как он увидится с президентом. Но мне предоставлено право не вручать меморандума, если я считаю это целесообразным. Меморан-

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

дум, конечно, строго конфиденциальный и не представляет собою угрозы усиления с нашей стороны подводной войны.

Все же ввиду того, что применяемые нашими врагами методы с каждым днем становятся все более беспощадными (Греция, блокада, незаконное давление на нейтральные страны), мое правительство хочет напомнить Джерарду о конфиденциальных переговорах, которые велись прошлой весной.

Я не знаю, где сейчас находится Джерард, и не хочу рисковать посылкой этого письма в отель Риц-Карлтон. Вы, во всяком случае, увидите с ним до его поездки в Шэдоу Лон, и, принимая во внимание наши постоянные конфиденциальные отношения, я с радостью предоставляю вам вручить меморандум Джерарду или поговорить о нем. Я уверен, что таким путем вопрос будет обсужден совершенно конфиденциально и согласно желаниям моего правительства.

Если бы вы пожелали поговорить со мной по этому или по какому-нибудь другому вопросу, я, как вы знаете, всегда в вашем распоряжении и готов в любое время приехать в Нью-Йорк. Заранее благодарный вам.

Искренне ваш *И. Бернсторф*».

ГЛАВА XVIII

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

Если кампания будет организована правильно — а так оно быть должно, — то мы победим.

*(Из письма Хауза Вильсону,
15 июня 1916 г.)*

1

«Жизнь, которую я веду, по своему интересу и остроте превосходит всякий роман. Я не могу начать здесь излагать все, что происходит изо дня в день, как со всех сторон стекаются сведения в этот небольшой, скромный кабинет».

ГЛАВА XVIII

Так писал Хауз 10 марта 1916 г., в разгар составления им и Вильсоном дипломатических проектов, преследовавших цель покончить с войной или включить Америку в борьбу на стороне союзников, в разгар тысячи менее важных дел, ложившихся на плечи человека, ближе всех стоявшего к Вильсону. Даже важные дипломатические заботы не избавляли его от писем и сообщений людей, просивших совета и помощи. Члены кабинетов в поисках кандидатов, кандидаты в поисках постов превратили его кабинет на 53-й улице в биржу. За его высказываниями гонялись редакторы и журналисты, и фактически он диктовал почти все сообщения для иностранной прессы. Чиновники американского казначейства, английские дипломаты, хлопковые плантаторы с юга и столичные финансисты приходили к нему в кабинет, чтобы обсудить план скупки излишков хлопка, сбыту которого угрожала английская блокада. Хаузу приносили документы, доказывавшие подозрительный характер германской пропаганды, документы, по небрежности забытые доктором Альбертом в поезде надземной дороги и попавшие в руки агента разведки. К Хаузу также приходил Падеревский со своими планами воссоздания Польши, которые с помощью полковника развернулись в таком объеме, что великий виртуоз и государственный деятель писал ему: «Найти благодетеля для моей страны было мечтой моей жизни. Теперь я знаю, что мои мечты не пропали даром».

Эту массу дел — личных, государственных и международных — он вел, прибегая только к помощи своего секретаря мисс Дентон, которая, так же, как полковник, вынесла эту работу — в физическом смысле — только благодаря своей уравновешенности, чувству юмора и здравому смыслу. Возвращение в нью-йоркскую квартиру, вероятно, потребовало большого мужества со стороны обоих. 16 сентября 1916 г. полковник Хауз писал: «Я нашел свой письменный стол заваленным накопившейся почтой, заграничной и местной. Прежде чем пытаться связаться с кем-нибудь, я должен покончить со всем этим. Я переменял свой номер телефона, так чтобы никто до меня не добрался, пока я не буду готов».

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

Когда приходилось иметь дело с вопросами, касавшимися внутренней политики, Хауз открыто выражал нетерпеливость. Он, который так горячо помогал президенту в его назначениях в течение первого года президентства, теперь относился к административным проблемам как к надоедливой мелочи.

«Президент, — писал Хауз 29 марта 1916 г., — по-видимому, больше заинтересован и поглощен этими местными вопросами, чем международным кризисом. Я лично настолько мало в них заинтересован, что говорю о них с неохотой, и мне все равно, кого он назначит. Прежде я стал бы настаивать, что не следует назначать одного из приспешников Х., но теперь, по сравнению с поставленными на карту жизненными вопросами, все это кажется настолько незначительным, что я испытываю равнодушие к тому, что он делает, так что в наших беседах он этого даже не касается».

Но в 1916 г. нельзя было не касаться внутренних проблем, — осенью предстояли президентские выборы. Из-за международного положения интерес к схватке развивался неестественно медленно. Еще 14 апреля Хауз писал Джерарду: «Наши отношения с Германией и мексиканская экспедиция отодвинули политику на задний план, и интерес к ней проявляют лишь профессионалы». Тем не менее Хауз не мог не заняться предстоящими выборами, так как поражение Вильсона означало бы конец планам американского сотрудничества с Европой. Кроме того, Хауз как политический мастер не мог устоять перед соблазном технических проблем организации избирательной кампании.

Переизбрание Вильсона считалось заранее предрешенным. Он господствовал над своей партией, и в стране, и в конгрессе, и вопрос о другом кандидате серьезно не возникал. Но Хауз понимал, что переизбрание президента было делом крайне сомнительным. Он был избран незначительным большинством голосов в 1912 г., а полное объединение между прогрессистами и республиканцами означало бы неминуемое поражение в 1916 г. Единственным шансом было удер-

ГЛАВА XVIII

жать большинство 1912 г. и обеспечить достаточное число голосов среди независимых и прогрессистов для того, чтобы восторжествовать над обычным республиканским большинством.

На востоке общественное мнение, по-видимому, определенно склонялось против президента. Его обращение с мексиканской проблемой называли анемичным, а руководившие общественным мнением сторонники союзников проклинали проявленное им терпение в обращении с Германией. Его расположение к рабочим вызвало недоверие со стороны капиталистов, образовавших костяк политического консерватизма. Деловые люди на северо-востоке были недовольны его политикой, жаловались, что на их интересы не обращалось внимания, что его окружали неспособные или не заслуживающие доверия люди. Хаузу эта критика была отлично известна, он знал о ее большом политическом эффекте, хотя и считал ее незаслуженной.

«Приходил Фрэнк Тромболл, — писал Хауз 23 марта 1916 г., — рассказавший о недовольстве Уолл-стрита президентом. Он заявляет себя сторонником президента, и я ему верю. Он говорит, что спор касается не президента лично, а его кабинета, главным образом Мак-Аду, Уилльямса, Дэниэлса и Бёрлсона...»

«26 марта 1916 г. С. Р. Бертрон только и говорил об ошибках правительства, не столько со стороны президента, сколько со стороны близко стоящих к нему людей. Я пришел к убеждению, что для всякой администрации почти невозможно обращаться справедливо с группой Уолл-стрита, не вызвав ее недовольства. Закон о банках и денежной эмиссии — самая выгодная мера для облегчения дел, какая когда-либо проводилась в этой стране, а, между тем, за ним не последовало никакого выражения благодарности президенту. Его старания предоставить железным дорогам такие же широкие возможности, как банковским интересам, также позабыты. Ни один президент, насколько мне помнится, не сделал так много, как он, для оживления дел закон-

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

ным и здоровым путем, между тем раздается вечный крик «еще...»

С другой стороны, президент имел за собой много достижений, на основании которых мог рассчитывать на переизбрание, особенно в районах к западу от Миссисипи, где настроение деловых кругов против правительства оказывало меньшее политическое влияние. Ему легко было бы отстоять свою внешнеполитическую линию, если бы он мог обнародовать свое предложение союзникам. Те, кто жаловался на отсутствие с его стороны интереса к делу цивилизации, вынуждены были бы замолчать. Но даже если в этом отношении его уста были скованы, то он все же мог напомнить о своем твердом решении поддержать американские права, — решении, заставившем Германию уступить его настоянию о прекращении неограниченной подводной войны; он мог бы подчеркнуть успехи своего морального воздействия на международные дела, которое впоследствии доставило Америке в течение некоторого времени руководство мировой политикой.

Обвинять президента в ошибках после того, как они были совершены, не представляло труда, но новому кандидату, для того чтобы критиковать политику президента и обещать лучшую, понадобились бы исключительные способности и мужество. Могли ли республиканцы выставить такого кандидата? Пэйдж, не одобрявший подхода Вильсона к внешнеполитической проблеме, тем не менее, признавал твердость его позиции».

Гораздо более важным фактором, объясняющим силу президента, были его законодательные успехи. Американцы могут быть возбуждены по поводу международных дел, но голоса свои они подают в соответствии с внутренними интересами. Президент быстро и успешно провел ряд законодательных реформ, доказавших как искренность его либерализма, так и его способность управлять. Демократическая партия не была либеральной партией, но Вильсон, по словам одного видного прогрессиста, «выковал из демократического кон-

ГЛАВА XVIII

гресса созидательную организацию. Для этого ему пришлось отвлечь свою партию от демократических традиций полувековой давности»¹. Билли о сельскохозяйственных кредитах, о детском труде, закон о компенсации рабочих, налог на наследство, закон о федеральном резервном банке — все это, по словам того же прогрессиста, вместе «с рядом мелких клиньев, вбитых демократами в дерево беззакония, в конце концов помогут его расколоть. И прогрессисты, наблюдающие за углублением этих клиньев, конечно, удовлетворены».

Моральная сила Вильсона, полагал полковник Хауз, должна заключаться в его готовности превратить демократическую партию в истинно либеральную партию. Хауз стремился заручиться поддержкой прогрессистов, даже рискуя оскорбить консервативных демократов, и еще задолго до выборов пытался изыскать для прогрессистов возможность перехода в лагерь демократов.

«Дэйвис² приехал из Вашингтона, чтобы повидать меня, — писал Хауз 28 января 1915 г. — Мы разработали довольно вразумительный план завоевания прогрессистов в 1916 г. Я повторил Дэйвису то, что я говорил Вулли, — что победе президента в результате отказа от прогрессивных принципов, за которые мы боролись, я предпочту поражение. Демократическая партия должна изменить свой исторический характер и стать в будущем прогрессивной партией...»

И в самом деле, северо-восток стал настолько подчеркнуто антивильсоновским, что на победу демократов не было надежды, если Вильсону не удалось бы привлечь прогрессистов запада. Если бы республиканцы сумели избрать кандидата, способного объединить республиканские и прогрессистские элементы, Вильсон был бы обречен.

Прогрессисты были настолько влиятельны, что Хауз все силы прилагал для привлечения их на свою сторону. Он решил, что республиканцы выдвинут Рузвельта, единственного

¹ Статья Уильяма Аллена Уайта в журнале «Колльерз» от 16 декабря 1916 г.

² Джозеф Дэйвис, из министерства торговли.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

человека, способного удержать за собой голоса прогрессистов. Такой выбор подсказывал ему здравый смысл, но республиканских лидеров смущала мысль согласиться на лидерство, а, возможно, и на владычество человека, погубившего партию в 1912 г. Руг несомненно оттолкнул бы прогрессистов. Других более молодых, выдающихся кандидатов не предвиделось. Но в Верховном суде находился Хюз, который боролся с боссами и мог привлечь прогрессистов, а среди консервативных элементов он заслужил репутацию «здоровыслящего и уравновешенного человека». Благодаря своей уединенной позиции в Верховном суде он не был причастен к спору 1912 г.

Выставить кандидатуру члена Верховного суда казалось многим опасным приближением судебных кругов к миру политических партий. Летом 1912 г. Хюз заявил одному из своих друзей, что после занятия поста в Верховном суде он ни в коем случае не согласится стать кандидатом в президенты; далее рассказывали, будто он заявил: «Член Верховного суда, выставивший свою кандидатуру на политический пост, не соответствует ни занимаемому им посту, ни тому посту, к которому он стремится». Это заявление было довольно эффективно использовано демократами во время кампании 1916 г.

С весны 1915 г. начали множиться признаки того, что если республиканской старой гвардии не удастся подавить свою гордость и страхи и согласиться на кандидатуру Рузвельта, то на Хюза будет оказано сильное давление с тем, чтобы он отказался от своего поста в Верховном суде и выставил свою кандидатуру.

«Ко мне приходил Джон Р. Ратом¹, — писал Хауз 28 сентября, — чтобы сообщить... о том, как складывается политическая ситуация в Новой Англии² для республиканского кандидата. Он полагает, что Новая Англия в конечном счете выскажется за судью Хюза и тот согласится выставить свою канди-

¹ Редактор «Джёрнал» — газеты, выходившей в городе Провиденс.

² Новой Англией называется группа северо-восточных штатов США (ред.).

ГЛАВА XVIII

датуру. Недавно только был с Хюзом на рыбной ловле в Мэне. Я надеюсь, что это неправда, ибо считаю, что Верховный суд следует держать вне политики. Когда человек принимает назначение в Верховный суд, то должен клятвенно отказаться от политического честолюбия в дальнейшем; в противном случае престиж суда упадет в глазах народа, и к его решениям будут относиться с подозрением».

Ранней весной 1916 г. Хауз почувствовал, что, каковы бы ни были их предрассудки, республиканцы ухватятся за единственную крупную фигуру, способную привлечь голоса на Западе. «Похоже на то, что кандидатом республиканцев будет Рузвельт, — писал он Джерарду 24 марта, — впрочем, может быть, Хюз». Но уже 11 мая он писал Пенфилду: «Рузвельтовская волна спадает, Хюзовская поднимается. Рузвельт переоценил свои возможности, наступила реакция. Может быть, его и выдвинут в кандидаты, но сейчас это мало вероятно». На съезде республиканцев стало очевидно, что Хюз нужен как компромиссный кандидат между Рутом и Рузвельтом. Рут был избранником регулярной армии республиканцев, но не мог повести за собой Запад. Рузвельт все еще оставался анафемой для партийных лидеров. 10 июня кандидатом был назначен Хюз. За три дня до этого Рузвельту предложили самостоятельно выставить свою кандидатуру от прогрессистов; но, стремясь к поражению Вильсона и понимая, что для этого необходим союз республиканцев и прогрессистов, он отказался от этого предложения и рекомендовал своим сторонникам действовать и голосовать за Хюза. Так разрушил он им самим созданную организацию.

Письмо Хауза президенту

Сунапи, Нью-Хэмишир, 10 июня 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Только что до меня дошли известия о назначении кандидатов в Чикаго... Теперь, когда кандидатом является Хюз, нам тем более необходимо собрать голоса прогрессистов. Я ду-

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

маю, что мы можем разоблачить Хьюза как завязатого консерватора, получившего звание прогрессивного только потому, что он отказался подчиниться приказаниям боссов. Его veto на подходящий налог и поддержка, которую ему немцы оказывали и будут оказывать, обеспечат, я думаю, его поражение.

Преданный вам Э. М. Хауз».

2

От начала до конца кампании Хауз твердил, что для завоевания независимых избирателей и прогрессистов Запада демократы должны действовать. Вся стратегия кампании должна была основываться на том, чтобы республиканцам было позволено тратить все свои силы и деньги в антивильсоновских штатах к востоку от Миссисипи и к северу от Охайо, в то время как демократы будут рассчитывать на выигрыш на Западе, что вместе с верным Югом сможет дать нужное большинство в коллегии выборщиков. Подобное пренебрежение к большим штатам северо-востока казалось рискованным, но оно давало единственный шанс на успех. На этом предположении основывался выбор руководителя демократической кампании, а также решение о том, какие штаты должны стать центрами кампании демократов.

Для того чтобы завоевать прогрессистов, демократы должны были избрать руководителя кампании с подчеркнuto либеральными тенденциями, способного, кроме того, осуществить этот смелый план. Он должен был быть мужественным и сообразительным, и желательно было, чтобы он был тесно связан с партийными руководителями старого стиля, которым прогрессисты не доверяли. Демократический председатель кампании 1912 г. В. Ф. Мак-Комз по многим причинам был явно непригоден для этой роли. Хауз всегда относился дружелюбно к Мак-Комзу, но не желал, чтобы личные чувства помешали успеху демократов. К счастью, сам Мак-Комз и его советники понимали, что не могут взять на себя руководство вильсоновской кампанией.

ГЛАВА XVIII

«После обеда, — писал Хауз 18 апреля 1916 г., — ко мне приходил Б. М. Баруч, чтобы обсудить вопрос о Мак-Комзе. Он полагает, что убедил Мак-Комза обратиться к президенту с отказом от повторного руководства кампанией демократов. Я обещал Баручу, что если он принесет это письмо, я добьюсь от президента такого же вежливого и лестного ответа, иначе я верну Мак-Комзу его письмо...

Баруч выразил искреннее сочувствие Мак-Комзу, так как понимает, что он не может ни помочь президенту, ни удержаться в руководящей роли. Поэтому он, так же как и я, желает, чтобы самолюбие Мак-Комза было пощажено».

Гораздо труднее было подыскать преемника Мак-Комзу. Одно время президент и полковник Хауз, по-видимому, остановились на советнике министерства иностранных дел Фрэнке Полке. Впоследствии Хауз сообразил, что Полка нельзя использовать, так как Лансинг, чье здоровье в то время было плохо, рассчитывал на его помощь в министерстве, но оказалось трудным делом изменить мнение президента.

«Я так глубоко внушил президенту, что Фрэнк Полк именно тот человек, который нам нужен в председатели, — писал Хауз 3 мая, — что не могу его разубедить.

Полк назвал нескольких людей, которых он считал пригодными. Я сказал, что президент их знает и потому не согласится ни на одного из них. Полк спросил, почему президент готов взять его, и добавил: «С президентом я разговаривал всего два или три раза». Я с улыбкой ответил: «Если бы вы виделись с ним чаще, он, вероятно, не захотел бы вас, точно так же, как не хотел других...» Полк оценил добродушный юмор этих слов...

Мы с президентом завтракали одни, и я назвал нескольких человек, которые Полку и мне кажутся пригодными для поста председателя. Ни один из них его не устраивал. Я сказал ему, что потеря Полка создаст большие неудобства Лансингу. Он это оспаривал. Не так важно было оградить удобства Лансинга, как назначить нужного человека на пост председателя. Он заявил, что больше не хочет быть президентом,

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

и спокойный уход доставил бы ему огромное облегчение, но считает своим долгом перед страной и своей партией продолжать служить. Он уверен, что второй период президентства может стать не высшей, а низшей точкой его жизни.

Я потому хочу, чтобы Полк был председателем и соответственно убеждал президента, что у Полка трезвая голова, а мысли и цели его совершенно искренние. Он никогда «не заснет за рулем», и президенту ни на минуту не придется беспокоиться о том, как ведется кампания. С Полком у руля скандалы и т. п. были бы исключены».

Все же десять дней спустя Хауз написал Вильсону: «Мне хотелось бы найти кого-нибудь другого вместо Полка, ибо, мне кажется, досадно было бы дезорганизовать министерство иностранных дел, чего я опасюсь даже в том случае, если Полк покинет его на время».

Затем, 15 мая, в постскрипуме к письму, посвященному обсуждению лейтмотива речи на съезде партии, Хауз писал: «Какого вы мнения о Вэнсе Мак-Кормике как о замене Полка на посту председателя? Я его не знаю, но в среду увижусь с ним».

Президент согласился, что Мак-Кормик может прекрасно подойти, и предложил Хаузу продолжать выяснение дела.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 19 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня Вэнс Мак-Кормик будет у меня. Я пригласил его к завтраку и обеду с тем, чтобы основательно познакомиться с ним. Позднее сообщу вам обо всем.

Фрэнк Полк, Дадли, Вулли, Ньютон Бэйкер, Даниеле, Моргентхау и другие считают, что это — тот человек, который вам нужен для председателя. То, что он происходит из Пенсильвании¹, не совсем говорит против него, хотя бы потому,

¹ Неизменно республиканский штат.

ГЛАВА XVIII

что он не будет вовлечен ни в какие фракционные склоки, которые, по-видимому, царят в сомнительных штатах. Всякая фракция почувствует, что подобный человек может выслушать их беспристрастно...

После того как я продиктовал написанное выше, я провел некоторое время с Вэнсом Мак-Кормиком. Если только ничего не произойдет неожиданного, я думаю, что это — тот человек, который вам нужен. Он очень напоминает мне Фрэнка Полка. Это человек такого же возвышенного характера. Он, по-видимому, обладает такой же выдержкой и здравым смыслом. Недолгое знакомство не позволяет мне судить о его политической проницательности, но на меня он произвел благоприятное впечатление.

Если вы заберете Полка, у вас на руках останется большой Лансинг. В этом я разделяю мнение Полка.

Надеюсь, по возможности, вы примете решение в ближайшие дни, так чтобы я мог подробно переговорить с тем, кого вы выберете, и обрисовать перед ним мой план организации кампании. Сейчас я мог бы сделать это гораздо лучше, чем потом, когда наступят подлинно горячие дни...

Преданный вам Э. М. Хауз».

В ответ на это письмо президент написал Хаузу, что его глубоко заинтересовала оценка Мак-Кормика, данная Хаузом в результате этого личного свидания. Он писал, что ему особенно хочется быть уверенным в достаточной агрессивности Мак-Кормика и в том, что тот не представляет тип слишком «высоколобого»¹ деятеля, нетерпимого к «более грубым элементам», с которыми, как говорил Вильсон, ему придется иметь дело.

Полковник Хауз мог дать президенту требуемые заверения и заявил, что, по его мнению, Мак-Кормик самый подходящий человек. Но сам Мак-Кормик, в молодости бывший

¹ Highbrow — кличка философствующих интеллигентов, рафинированных людей; обозначает также высокомерие (ред.).

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

мэром Гаррисбурга, а впоследствии ставший лидером либеральной группы пенсильванских демократов, по различным причинам откладывал свое согласие. Со скромностью, довольно необычной при таких обстоятельствах, он просил вычеркнуть его имя из списка кандидатов. Хауз продолжал свои поиски. «Я ищу нужного человека по всей стране», — писал он 25 мая.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 30 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

...В течение двух дней я был занят почти исключительно поисками подходящего председателя, но почти невозможно найти человека, который удовлетворял бы требованиям.

В своих поисках я пытался исключить три R—Rum, Romanism and Rebellion¹— и потому убедился, что даже лучший материал не годится. Если взять католика, то может возникнуть религиозный вопрос. Если взять южанина, то, возможно, придерутся именно к этому; а алкогольного вопроса следует, конечно, избежать в какой бы то ни было форме.

Я не только перебрал всю страну по штатам и районам, но прибег к помощи почти всех людей, мнение которых имеет какое-либо значение, включая даже таких людей, как Кобб из «Уорлда» и Мак-Анени из «Таймса».

Наиболее пригодным человеком показался мне генеральный стряпчий Джон В. Дэйвис, при условии, что вы не считаете Западную Виргинию расположенной слишком далеко к Югу. Кстати говоря, они больше связаны с Западом, чем с Югом.

Буду признателен, если вы сообщите мне завтра свое мнение о Дэйвисе.

На Полка, кажется мне, рассчитывать нельзя. Даже самые

¹ Rum — ром, т. е. алкоголизм; romanism — принадлежность к католической церкви; rebellion — бунт, мятеж, восстание (ред.).

ГЛАВА XVIII

близкие друзья Лансинга не подозревают, насколько серьезно он болен, и отнять у него Полка значило бы нанести ему последний удар. Я говорил о Полке с Коббом, он тоже считает, что не следует забирать человека из министерства иностранных дел, чтобы использовать в личных или партийных целях. Это мнение разделяют многие.

Старомодный партийный деятель не годится. Это должен быть человек новой школы, способный смотреть в будущее и принять в игру всякого, кто захочет помочь. Насколько я знаю, ни одна национальная кампания не была организована правильно, а организованность является почти главным залогом успеха. Если мы сможем достать подходящего человека, то у нас, я думаю, будет и организованность, так как для умного человека это дело не сложное, если ему объяснить, как надо действовать.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Любопытно отметить, что президент Вильсон, очевидно, опасался всякого человека, неопытного в выборных маневрах, и в противоположность Хаузу готов был согласиться на «профессионала». Он сам был таким новичком в политике, что питал большое уважение к умению партийных деятелей старой школы собирать голоса. Он написал Хаузу, что если необходимо воодушевить на подвиги людей в партийных окопах, то надо избрать лидера, который хорошо бы их знал и которого они не считали бы чужаком или «высоколобым».

В своем ответе Хауз утверждал, что довериться одному из «кадровых» партийных руководителей будет означать идти на поражение. «Я не столько боюсь, — писал он, — потерять голоса рядовых членов, сколько боюсь не собрать необходимое для победы число голосов со стороны. Кадровикам податься некуда, но даже если мы их всех соберем, то все же будем в меньшинстве, и, мне кажется, нам следует больше позаботиться о том, чтобы привлечь тех, кто стоит в стороне».

Вильсон продолжал быть нерешительным почти до момента открытия демократического съезда в Сент-Луисе.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

10 июня он телеграфно запрашивал полковника, не согласится ли тот взять руководство на себя, и послал Дадли Малона, чтобы уговорить Хауза. Но полковник Хауз утверждал, что его здоровье не выдержит такого напряжения. «Даже в Тексасе, — писал он, — у меня всегда был кто-нибудь, кто мог меня избавить не только от мелочей, но и от вечного напряжения, связанного со встречами с малозначащими людьми, требующими интервью с председателем. Из всех оставшихся кандидатов лучше всего остановить выбор на Вэнсе Мак-Кормике».

Вильсон согласился, и Мак-Кормик на сей раз согласился, считая, что долг повелевает. Отдельные старики из национального комитета с некоторым удивлением выслушали приказание избрать пенсильванца, и были моменты, когда требовалась вся его мягкость, чтобы предотвратить резкое расхождение между «профессионалами» и «любителями», угрожавшее расколом. Хауз писал Вильсону, что восхищен выбором. Мак-Кормик, который в качестве полузащитника и капитана первоклассной футбольной команды познал, что лучшая стратегия основана на неожиданных действиях, прекрасно подходил для проведения кампании, т. е. для обеспечения голосов прогрессистов и для сосредоточения основного усилия демократов на нескольких сомнительных штатах. Он был признанным либералом и ничем не был обязан лидерам местных организаций.

3

Уже были выработаны планы проведения двух основных пунктов программы: во-первых, линия аргументации, которой президенту и его сторонникам следует придерживаться в своих речах; во-вторых, метод определения тех районов, где можно было бы добиться максимума голосов с минимальной затратой усилий.

Что касается аргументации, то не следовало приносить никаких извинений по вопросу о внешних или внутрен-

ГЛАВА XVIII

них делах. Вильсон должен настаивать на положительном значении своей политики нейтралитета, предназначенной защитить интересы Америки и всего мира, и выражать готовность Америки примкнуть к соглашению с остальным миром о сотрудничестве в деле сохранения мира.

Республиканцы назначали свой съезд за неделю до демократического съезда, и Хауз подозревал, что они собираются выдвинуть какое-нибудь предложение, касающееся войны и ее окончания с таким расчетом, чтобы опередить демократов. Он поделился своими подозрениями с Вильсоном. «Я настолько был в этом уверен, — писал он 3 мая, — что посоветовал ему выступить с речью до открытия республиканского съезда и изложить нашу политику так, чтобы они не могли приписать ее себе». На это, как мы видели, президент согласился, выступив 27 мая перед Лигой укрепления мира. Хауз был восхищен результатом речи. «Трудно выразить, как я доволен вашей вчерашней речью, — писал он Вильсону 28 мая; — это будет поворотным пунктом в истории». Чтобы подчеркнуть значение речи Вильсона, Хауз считал, что основные пункты выступления должны быть официально одобрены демократической партией.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 29 мая 1916 г.

«Дорогой начальник!

Не кажется ли вам, что съезду в Сент-Луисе следовало бы официально одобрить вашу речь перед Лигой укрепления мира?

Многие люди, с которыми я сегодня разговаривал, считают вашу речь настоящей демократической платформой. Некоторые заявляют, что она лишает республиканцев возможности выступить как по внешним, так и по внутренним вопросам; Тафт, Рут, Чоут и большинство республиканских

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

лидеров вынуждены ее одобрить, благодаря их прежним высказываниям.

Я восхищен тем, как она была принята. Некоторой критики я ожидал, и вам пришлось ее выслушать, но хор одобрений придает критике тщетный и крайне пристрастный характер.

Преданный вам Э. М. Хауз».

В отношении внутренней политики было решено, что Вильсон обоснует свою программу на либеральных законах, проведения которых он добился от демократического конгресса, и подчеркнет в какой широкой степени программа прогрессистов 1912 г. была проведена в жизнь правительством демократов. Вопрос о том, чтобы занять правильную линию на съезде и показать президента как поборника прогрессистских принципов, был тщательно обсужден.

«3 мая 1916 г. (Запись совещания с Вильсоном.) Мы окончательно решили, что временным председателем на съезде в Сент-Луисе будет губернатор Глинн, и мы с президентом поможем ему приготовить главную речь. Я согласился заняться составлением речи, а затем послать ее президенту для исправления».

«

Все же самой важной Хауз считал организационную проблему, особенно по линии выявления тех районов, которые были определено за или против Вильсона, и тех, которые путем умело направленных усилий можно было превратить из враждебных в дружественные. «Если кампания будет организована правильно, — а так оно быть должно, — писал Хауз Вильсону 15 июня, — то мы победим. Необходимо лишь действовать правильно, ибо наша позиция более благоприятна. Эта кампания не должна вестись небрежно, и к октябрю мы должны точно знать, как обстоят ваши дела с избирателями».

«Мы с Х. совершили автомобильную прогулку за город, — писал Хауз 12 мая, — и завтракали в коттедже у его дочери...

ГЛАВА XVIII

Этим случаем мы воспользовались, чтобы обсудить предстоящую кампанию. Тут я впервые поделился своими соображениями. Он был очень удивлен и сказал, что, по-видимому, я все основательно обдумал. Мне показалось, что он недоумевал, почему я раньше не поделился с ним моими соображениями. Планом он доволен и надеется, что президент полностью его одобрит.

Х. поминутно себе противоречит: то он говорит, что не желает ничего другого, как послужить делу, то говорит о своих мечтах стать членом кабинета, чтобы показать стране, «как умело он сможет руководить министерством...»

Основа плана Хауза заключалась в том, чтобы, насколько это позволит избирательный фонд, разделить страну на возможно большее число отдельных участков. Чем меньше участок, тем более эффективной будет работа. В каждом участке местные работники должны отделить явных республиканцев от явных демократических избирателей. «Грубо говоря, — писал Хауз, — мы должны исходить из того, что на участке со 100 тысячами избирателей 80 процентов не переменяют своих голосов, так что остается 20 процентов, на которых можно влиять». С этими 20 процентами нужно основательно поработать. «Мы должны проводить президента, — заявил Хауз Даниэлю К. Роперу, возглавлявшему организационный аппарат, — не в президенты, а в Судьи Мира. Мы должны заботиться не о диспозиции 16 или 17 миллионов избирателей, а о диспозиции избирателей в каждой данной местности».

Эта интенсивная работа в районах велась Ропером под руководством Мак-Кормика, и впоследствии Хауз заявлял, что она была проведена «эффективным образом», несмотря на то, что весь организационный аппарат был создан наспех. «Чего нам не хватает, — писал Хауз, — это партийного механизма, который использовал бы нашу организацию самым успешным образом в день выборов. Если бы не Мак-Комз, этот механизм действовал бы отлично».

С целью определить, куда следует направить главные

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

усилия демократов, Хауз разделил на три категории те штаты, которые он считал важными. В первую категорию вошли такие штаты, как Нью-Йорк, Мэрилэнд, Миссури, Аризона, Уайоминг, где ввиду большого количества избирателей или относительно одинаковых возможностей кандидатов были бы оправданы добавочные усилия. Во вторую и третью категорию входили жизненно менее важные штаты, где шансы на успех были меньше и где такие же усилия, как в штатах первой категории, вероятно, дали бы меньший результат. По мере того как кампания развернется и с мест начнут поступать донесения, классификацию можно будет изменить, и активность в одних штатах может быть усилена, а в других уменьшена. Это даст возможность избежать растраты сил в тех штатах, которые определенно выскажутся либо в пользу Вильсона, либо Хюза. Но центральный организационный аппарат должен постоянно быть подробно осведомлен донесениями с мест о том, как складывается настроение в той или иной местности, и в соответствии с этим определять, где усилить или ослабить кампанию.

В течение лета Хауз поддерживал связь с руководителями кампании и, избегая деталей, потратил много времени на обдумывание главных направлений кампании. В июле Вильсон запрашивал в письме его мнение об общем положении дел и о его переизбрании. Хауз ответил уклончиво.

Письма Хауза президенту

Нью-Лондон, Нью-Хэмпшир, 5 июля 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Что касается общего политического положения, то, мне думается, еще рано что-либо предсказывать. Если выборы происходили бы сегодня, то я не сомневался бы в вашей победе. Но современные условия и проблемы настолько необычны, что трудно гадать об окончательных результатах.

ГЛАВА XVIII

Потому-то я и настаиваю на создании обширной организации в некоторых важных для нас штатах. Если мы эту организацию создадим, то будем знать, каково наше положение, а между тем оппозиция знать этого, вероятно, не будет. Если же мы ее не создадим, то до последнего момента все будет гадательно.

Одно время казалось, что наиболее важным будет «дефисный»¹ вопрос, по которому вы легко могли бы выиграть. Все же, если Германия будет продолжать свою теперешнюю политику, то настроение здесь может измениться радикальным образом. Уже сейчас я замечая отсутствие интереса к этому вопросу. Если союзники будут энергично продолжать свою блокаду и если они оттеснят немцев обратно к их границам, то в нашей стране может появиться чувство, близкое к симпатии (к Германии). Полное изменение Германией своей позиции, как здесь, так и за границей, значительно охладило воинственный пыл в Америке.

Я полагаю, что следует установить некоторые линии наступления во время кампании и сосредоточить борьбу в этих направлениях. Если мы откроем сосредоточенный огонь, это неизбежно заставит противника перейти к обороне, а это — то, к чему мы стремимся. К счастью, все доводы на нашей стороне, но зато у них — деньги.

Результат определит простой народ, и мы должны правильно изложить перед ним все положение. Нашим боевым кличем должно быть то, что вы удержали страну от войны² и провели великие законодательные акты. Оппо-

¹ Под «дефисными» в Америке подразумеваются натурализованные немцы, ирландцы, и т. д., так как их обозначают: «германо-американец», «американо-ирландец», т. е. через дефис (*ред.*).

² Хауз сам выдвигал план, который при известных обстоятельствах вовлек бы страну в войну, и делал он это не считаясь с политическими последствиями. Но поскольку позиция союзников не дала возможности осуществить этот план, постольку чистейшим дон-кихотством было бы не воспользоваться политическими преимуществами, вытекающими из отказа союзников.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

зиция будет собирать против вас все недовольные элементы. В этом заключается ее единственный шанс на успех...

Я здесь прекрасно поправляюсь и к 1 сентября буду готов для драки.

Сердце мое полно восхищения, благодарности и преданности к вам.

Преданный вам Э. Хауз».

Нью-Лондон, Нью-Хэмишир, 25 июля 1916

«Дорогой начальник!

...Надеюсь, что они не будут вас слишком беспокоить кампаний. Совершенно незачем надоедать вам деталями.

Вчера здесь был Ропер, и я испытывал чувство удовлетворения по поводу того, что мы впервые создали дееспособную организацию для проведения демократической кампании. Ропер, по-видимому, знает свое дело и понимает, насколько оно важно. Мы условились поддерживать друг с другом тесную связь.

Я предложил координировать работу организационного аппарата, рекламного отдела¹ и бюро докладчиков. Центром должен оставаться организационный аппарат, и Ропер сможет сообщить Каммингсу², какого рода докладчики требуются для каждой местности, и скажет Вулли³, какую литературу отправить. Я просил его объяснить все это Мак-Кормику и предоставить ему самому осуществить эту координацию...

Преданный вам Э. Хауз».

Перед лицом обычного для страны в целом республиканского большинства — демократам, несмотря на их непопу-

¹ Publicity — реклама в широком смысле слова (ред.).

² Хомер Каммингс — руководитель бюро докладчиков.

³ Роберт Вулли — руководитель рекламного отдела.

ГЛАВА XIX

лярность в северо-восточных штатах и меньший избирательный фонд, суждено было, благодаря высшей стратегии и созданию трудолюбивой организации, простым большинством одержать победу.

ГЛАВА XIX

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ВИЛЬСОНА

На заре начали поступать цифры с Дальнего Запада...

*(Из дневника полковника Хауза,
9 ноября 1916 г.)*

1

В течение лета, пока разрабатывался план кампании, полковник Хауз оставался в своем уединении в лесу, ни на минуту, впрочем, не теряя связи с Мак-Кормиком и его помощниками, которые создавали организацию, определяли, какие районы требуют особого внимания, и рассылали литературу для кампании и докладчиков. Время от времени они совершали далекую поездку в Сунапи для обсуждения наиболее важных политических проблем.

Хауз часто писал Вильсону, предлагая разные темы для речей президента, который мастерски использовал эти темы в своих выступлениях. Вильсон предоставил стратегическое ведение кампании Мак-Кормику и в детали не вмешивался. Таким образом, он был идеальным кандидатом с точки зрения недостатков, обычно кандидатам свойственных, а что касается достоинств, — он выступал с рядом речей, которые многое сделали для завоевания прогрессистов. Он согласился с Хаузом, что демократы должны делать упор на либеральные принципы и использовать явное нежелание кандидата республиканцев касаться каких-либо крупных вопросов.

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ВИЛЬСОНА

Письма Хауза президенту

Нью-Лондон, Нью-Хэмпшир, 3 августа 1916 г.

«Дорогой начальник!

Я размышлял о том, не лучше ли было бы вам в вашей ответной речи¹ говорить почти исключительно о вопросах внешней политики.

В этой избирательной кампании затронуты далеко не только внутренние вопросы, но и вопросы международного положения, что в недостаточной мере осознает наш народ. На карту поставлена сама демократия, и результат выборов может определить ее судьбу не только у нас, но во всем мире.

Мы видим, что в Германии господствуют реакционные силы, и эти же силы пытаются господствовать в других воюющих странах. Мы видим, что те же принципы затронуты сдвигами в Мексике.

На этом вы могли бы построить свою речь, которая объединила бы либералов всего мира и заставила их смотреть на вас как на своего вождя.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Нью-Лондон, Нью-Хэмпшир, 3 августа 1916 г.

«Дорогой начальник!

Как бы вы отнеслись к такой мысли: отвечать на речи Хюза, до мере того как он их произносит, чтобы ни у кого в уме не оседали распространяемые им искажения действительности?

Вы могли бы по примеру прошлого собрать журналистов и заявить им, что ваши обязанности запрещают вам говорить, но что в этот критический для США и всего мира момент вы полагаете, что не имеете права оставлять без ответа искажения и несправедливые обвинения по отношению к Америке...

¹ Speech of acceptance — речь, с которой кандидат в президенты обращается к съезду своей партии тотчас после того, как его кандидатура утверждена голосованием. (ред.).

ГЛАВА XIX

Не могли бы вы сказать, что изолированное положение Хюза в Верховном суде отдалило его от текущих событий, иначе, вы уверены, он не мог сознательно допустить некоторых заявлений в своей ответной речи?¹

Он критикует вас за то, что вы расстроили наш дипломатический аппарат вообще и в Южной Америке — в частности. Между тем вы сохранили всех послов в Южной Америке, за исключением Аргентины, в каковом случае посол не пожелал возобновить срок своей службы.

Почему не сказать стране всю правду о Херрике?² Его более года задерживали на посту по истечении установленного срока, хотя он и просил отпустить его. Хюз, очевидно, не знает, что Шарп был назначен, утвержден и находился в Париже еще до начала войны. Мне кажется, у вас есть письма от Херрика, в которых он благодарит вас за проявленную к нему чрезвычайную любезность.

Хюз, по-видимому, не знает, что законопроект о сельских кредитах превратился в закон. Кому-нибудь следовало бы сообщить ему об этом. Почему бы не вам?

Он защищает Хуэрту. Не могли бы вы сказать, что он имеет полное право так действовать? (Прав ли он в своем заявлении, что Англия, Франция, Германия, Россия, Испания и Япония признали Хуэрту?)

Он критикует дислокацию войск, посланных в Мексику. Не могли бы вы сказать, что в этом вами руководило наше армейское командование, и спросить его, стал бы он при аналогичных обстоятельствах игнорировать советы генерального штаба и действовать по собственному военному разумению?

Он также критикует приказ войскам милиции выступить к мексиканской границе. В этом случае вы опять-таки действовали по совету генерального штаба. Стал бы он в этом вопросе действовать по собственной инициативе?

¹ На съезде республиканской партии (*ред.*).

² Посол во Франции.

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ВИЛЬСОНА

Говоря о Мексике, он заявляет: «Устойчивому правительству, соответствующим образом исполняющему свои международные обязательства, мы должны оказывать неустанную поддержку». Разве есть в США такой гражданин, который с этим был бы не согласен? Озабоченной американской публике хотелось бы знать, что мог бы он предложить для того, чтобы у власти стало такое правительство, какое описывает он.

В отношении охраны американского достояния на море он заявляет, что вы «слишком довольствовались досужими рассуждениями... Совершенно ясно, что мы не сумели использовать находящиеся в нашем распоряжении средства для того, чтобы предотвратить оскорбительные действия, и в результате мы пострадали». Что предпринял бы он, если бы был президентом? Объявил бы он войну или приступил бы к переговорам, как это делали Вашингтон, Джефферсон и Линкольн при аналогичных обстоятельствах?

Четыре года назад платформа прогрессивной партии содержала много ценных предложений, которые демократическая партия не поколебалась использовать в интересах страны. При внимательном изучении республиканской платформы, принятой в Чикаго в июне, нельзя обнаружить ничего ценного, за исключением того, что демократы уже претворяют в закон.

Мне думается, что следует поздравить его с принятием вашего предложения о постоянном мире, сформулированного 27 мая в Вашингтоне. Следует поздравить его с принятием вашей идеи мобилизации наших промышленных ресурсов, вашей идеей укрепления нашей транспортной системы. И наконец, что важнее всего, вашей идее, что Америку надо вывести на первое место...

Собирается ли Хюз отменить или исправить наши законы, проведенные при вашем правлении? Уж не закон ли о Федеральном, резервном банке или закон о сельских кредитах? Выскажется ли он против создания торговой комиссии, или закона о панамских пошлинах, или поправки к биллю

ГЛАВА XIX

Клэйтона, по которой труд перестал считаться предметом торговли?

Не укажет ли он, какое конструктивное законодательство он будет выдвигать, если станет президентом? Наступил роковой час, и тот, кто стремится стать президентом этой великой республики, должен показать, что он не только задним умом крепок.

Если бы это было сказано кем-нибудь другим, то в газетах оно не появилось бы. Весь американский народ вы можете превратить в свою аудиторию, чего не может сделать никто другой. Демократические газеты будут нападать на Хьюза умело и энергично, но об этих нападках будут читать почти исключительно демократы, в то время как то, что скажете вы, будут читать республиканцы, равно как и прогрессисты.

Так или иначе, я хотел сообщить вам свое мнение о слабых местах в его речи; вы можете по своему усмотрению использовать или отвергнуть мои соображения.

Преданный вам Э. М. Хауз».

2

Совершенно очевидно, что полковник Хауз чувствовал, что шансы демократов на успех значительно возросли благодаря методам кампании республиканского комитета и его кандидата. 19 августа 1916 г. Хауз писал Планкетту, что кампания развивается в пользу президента.

«Хьюз очень разочаровал своих сторонников, и кажется невероятным, чтобы американский народ избрал его, если он не даст ему ничего лучшего, чем тривиальные заявления, которые Хьюз видимо принимает за проблемы». С самого начала республиканцы совершили ошибку, положившись на непопулярность Вильсона на Востоке и стараясь избежать заявлений о какой-либо решительной политике. Еще до съезда республиканцев Хауз писал президенту: «У меня была копия основной речи, которую должен был произнести сенатор Гардинг, и я хотел послать ее вам, но она была настолько без-

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ВИЛЬСОНА

зубой, что я решил, что она того не стоит».

По мере развертывания кампании, действия Хьюза указывали либо на отсутствие мужества, либо на совершенно определенные инструкции со стороны руководителей кампании: никого не задевать. «Он внешне производит величественное впечатление, — несколько резко писал один из критиков, — но демократическим газетам немедленно следовало бы призвать его снять свою маску в физическом и интеллектуальном отношении, сбрить бороду, показать лицо и изложить свои мысли». Демократические газеты откликнулись на эти слова, по крайней мере в отношении требования снять интеллектуальную маску; но республиканский кандидат в своих речах ограничился критикой Вильсона и отказался заявить определенно, что бы он сделал или сделает.

Путем искусной и смелой кампании Хюз мог бы завоевать прогрессистов. «Когда Хюз покинул верховный суд, — пишет Уильям Аллен Уайт, в то время восторженный прогрессист, — Запад искренно верил, что появился новый национальный лидер... Запад ожидал смелости и искренности... Они ждали, что большой человек заявит о важных делах... Но вместо того, чтобы поддержать огонь, который объединил бы партии, Хюз начал поливать водой своей критики пыл прогрессистов, который президент Вильсон смог разжечь в демократический конгресс. Прогрессисты... не обнаружили в речах Хьюза ничего такого, за что можно было уцепиться зубами. О тарифах он говорил, как Марк Ханна; о промышленных делах — языком Мак-Кинли; чтобы завоевать преданность прогрессистов, Хюзу надо было убедить их. Он считал их преданность делом решенным и потерпел неудачу... Они, естественно, повернулись к Вильсону. Он, по крайней мере, добился того, чего желали прогрессисты; не совсем того, на что они надеялись, но чего-то такого, на чем они могли строить»¹.

¹ Уайт Уильям Аллен, Вудро Вильсон, Изд. Хоутон Миффлин и К, с. 316.

ГЛАВА XIX

«Республиканцы, — писал Хауз 16 октября, — совершили ряд ошибок, главной из которых был совет Хюзу не касаться неразрешенных проблем, а стать тем, что можно назвать все-народным брюзгой. В эти критические дни народ не интересуется совершенными в прошлом ошибками. Хочет же он того, чтобы ему указали дорогу, по которой идти в будущем. Хюз от этого уклоняется, полагая, что если он нигде и никого не заденет, то обычное количество республиканских голосов в стране достаточно велико для его избрания».

Прекрасный пример действия, произведенного кампанией на прогрессистов, представляет Нью-Хэмпшир, где Джон Басе и Уинстон Черчилль организовали сильное прогрессистское движение. Среди лидеров был Джордж Рабли, известный поборник либерального законодательства в конгрессе, который, хотя не был демократом, был назначен Вильсоном в федеральную торговую комиссию. Это назначение доставило удовольствие прогрессистам всей страны и в результате привело к тому, что Нью-Хэмпшир отдал свои голоса Вильсону, тем более, что заядлые республиканцы в сенате были резко настроены против назначения Рабли.

«Послевыборная сенсация, — писал Уильям Аллен Уайт в журнале «Колиерз», — пришла из Нью-Хэмпшира, между тем это было логическим результатом того, как подошла к местным делам республиканская партия и как подошел Вильсон».

«Джордж Рабли из федеральной торговой комиссии, — писал Хауз 27 октября, — был у меня, спрашивая совета, следует ли ему голосовать за президента или Хюза. Он хочет голосовать за президента, потому что, по его словам, Хюз превратил его в вильсоновского человека, но он считает, что впоследствии, если президент снова захочет утвердить его в прежней должности в качестве республиканца, то создастся неловкое положение. Рабли голосует в Нью-Хэмпшире, и я посоветовал ему заглушить голос совести и голосовать за Хюза».

Республиканские лидеры были ответственны за то, что впоследствии оказалось дорог стоящей и абсолютно бес-

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ВИЛЬСОНА

цельной ошибкой, заключавшейся в том, что они устроили для Хюза ряд широко задуманных агитационных поездок, главным образом — отправку на запад «Золотого экспресса», принесшего много голосов... Вильсону. Они совершили ошибку, сперва отправив Хюза в Калифорнию, а затем отказавшись сотрудничать со сторонниками Хайрама Джонсона, в результате чего прогрессисты решили подать свои голоса против Хюза и в конечном счете включили штат в вильсоновский список. Это было переломной точкой в избирательной кампании. После выборов Хауз рассуждал с членом комитета республиканской кампании Х. о стратегии республиканских лидеров.

«Я выразил сожаление, — писал Хауз, — что финансы демократического комитета находились в таком положении, что мы не могли позволить себе оплатить некоторые мероприятия, проведенные республиканцами в ходе кампании. Я полагал, что долг чести заставляет нас оплатить, например, расходы по отправке на запад «Золотого экспресса», кроме того, было бы по меньшей мере справедливо, чтобы мы возместили расходы по поездке м-ра Хюза в Калифорнию.

«Х. признал, что с нас причитается получить за обе эти заеи, и заявил, что к этому счету можно прибавить кое-какие другие статьи. Он считал, что вся их кампания была проведена отвратительно... Он сказал, что Хюз был упрям и не желал принимать советов от таких людей, как Маррэй Крэйн, которые только и могли давать советы. Я настойчиво отказывался выслушивать критику действий Уилкокса или Хюза, ибо чувство благодарности мне этого не позволяло».

Впоследствии, в связи с просьбой одного видного республиканца о свидании с Вильсоном, Хауз писал президенту: «Я надеюсь, что вы сможете уделить ему несколько минут, ибо никто не оказал нам столько ценной помощи во время кампании, как он... входя в республиканский комитет».

Ошибки республиканцев еще более усугубились отчетливым расхождением между позицией их кандидата и позицией прогрессистских лидеров не только по внутренним, но и

ГЛАВА XIX

по внешним вопросам. Никто не сомневался в позиции Рузвельта по отношению к Германии и союзникам; он утверждал, что если бы он был президентом, то принял бы решительные меры против Берлина. Хьюзу приказали избегать этого вопроса; когда же его спросили, что бы он предпринял после потопления «Лузитании», то, как заметил один остряк, «он откашлялся». Демократы всячески привлекали внимание к нерешительности и уклончивости Хьюза.

Полковника Хауза, видимо, не беспокоили нападки американских немцев на президента. 3 октября, после совещания с Бернсторфом о внешних проблемах, он записал:

«Мы коснулись одного из самых щекотливых вопросов выборов. Он спросил, как обстоят наши дела. Я ответил, что хорошо и меня не удивит, если президент будет переизбран подавляющим большинством. Он засмеялся и сказал, что абсолютно невозможно оказать какое-либо влияние на неистовых американо-немецких избирателей; они в большей степени германофилы, чем сами немцы; спорить с ними бесполезно: они проникнуты мыслью о том, что президент заклеил их как нелояльных, и отомстят, голосуя за Хьюза. Бернсторф сказал, что ему подстраивали много ловушек, выспрашивая его мнение о выборах, но ни с кем, кроме меня, он этого вопроса не касался. Я ответил, что так или иначе все немцы — республиканцы и их голосование против президента нас не беспокоит.

3

Уверенный в завоевании Вильсоном многих избирателей-прогрессистов и в том, что дружная организация демократов вместе с ошибками республиканцев приведет к переизбранию президента, Хауз, тем не менее, знал, что борьба будет упорной. Стратегия кампании основывалась на бесполезности попыток завоевать северо-восток. За исключением Охайо и Мэрилэнда, в которых Хауз был уверен, и Нью-Йорка, Нью-Хэмпшира и Индианы, которые оставались под сомне-

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ВИЛЬСОНА

нием, казалось вероятным, что Вильсон проиграет повсюду на восток от Миссисипи и к северу от Охайо. Еще ни разу не бывало, чтобы демократический кандидат за исключением Мэдисона и Бьюкенена победил на президентских выборах без Нью-Йорка. В демократической штаб-квартире встревожились. Принимая во внимание упорную борьбу, 45 избирательных голосов Нью-Йорка, по-видимому, играли решающую роль. Многое зависело от Таммани¹.

«К завтраку приехал Вэнс Мак-Кормик, — писал Хауз 30 сентября, — а позднее к нам присоединились Моргентау и Том Чэдборн, и мы обсуждали различные стороны кампании. Мы не доверяем Таммани, поэтому возникает вопрос, объявлять ли их бунтовщиками сейчас или подождать еще немного, чтобы проверить, намереваются ли они «бросить нас».

Письма Хауза президенту

Нью-Йорк, 30 сентября 1916 г.

«Дорогой начальник»

Ропер заявил мне, что сегодня мы должны выиграть в Индиане 5 процентами голосов. Он разослал новые анкеты для того, чтобы узнать результаты восьмичасового закона. Эти анкеты поступят и будут подсчитаны не ранее конца будущей недели. Он не знает, увеличит это или уменьшит наш процент².

Главная наша забота сейчас, как и всегда, заключена здесь, в Нью-Йорке. Мы с Мак-Кормиком только что вели долгую беседу по этому вопросу.

Если Таммани будет вести честную игру, то этот штат будет за нами; иначе, при том положении, какое сложилось сейчас, мы его потеряем. Мнения всех наших друзей

¹Таммани-Холл — знаменитый своими грязными махинациями центр демократической партии в Нью-Йорке (*ред.*).

² При окончательном подсчете республиканцы в Индиане проиграли из-за разницы в один процент голосов.

ГЛАВА XIX

разделяются относительно того, будут ли они действовать за или против нас, но все эти мнения, мне кажется, не представляют никакой цены. Сейчас мы осторожно нащупываем путь, надеясь, что скоро они очистят себя от всяких подозрений.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Р. S. Ваша телеграмма О'Лири — лучшее, что вами сделано до сих пор в кампании, и принесет больше пользы, чем вы думаете¹.

Нью-Йорк, 23 октября 1916 г.

«Дорогой начальник!

Посылаю вам еще один отчет, который мы с Ропером только что просмотрели.

Вы заметите, какой малый просвет между нами и республиканцами во всех штатах, которые мы собираемся завоевать. Вы также заметите, насколько усилился приток за последние 30 дней...

Рад сообщить вам, что Таммани, по-видимому, развертывает свою работу всюду. Теперь я почти не сомневаюсь, что они приложат все силы, чтобы дать нам здесь возможно большее количество голосов.

Мак-Кэйб из Олбани, с которым я поддерживаю тесную связь, заявляет мне, что течение в вашу пользу в его графстве с каждым днем становится все более явным.

Преданный вам Э. М. Хауз».

Нью-Йорк, 27 октября 1916 г.

¹ Некий антибританский агитатор Иеремиа О'Лири прислал Вильсону письмо, которое обе стороны признали оскорбительным. Президент ответил на это письмо: «Я почувствовал бы себя глубоко уязвленным, если бы вы и вам подобные голосовали за меня. Так как вы имеете доступ ко многим нелояльным американцам, а я нет, то прошу вас передать им это обращение».

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ВИЛЬСОНА

«Дорогой начальник!

Я считаю чрезвычайно важным, чтобы вторник и среду вы посвятили главному штату.

Дело обстоит так: результаты выборов могут оказаться против нас, если мы потеряем Нью-Йорк, а завоевать Нью-Йорк мы сможем только в том случае, если будем продолжать разжигать интерес избирателей. Ваше пребывание в штате в течение этих двух дней и прибытие в город в четверг, по всей вероятности, создаст настроение в нашу пользу...

Преданный вам Э. М. Хауз».

Посещение Вильсоном Нью-Йорка, о котором упоминает Хауз, вылилось в наиболее яркий эпизод кампании, хотя и не оказало влияния на исход выборов. Это посещение было задумано для того, чтобы поднять волну энтузиазма в пользу президента, что было крайне необходимо ввиду умеренной позиции магнатов Таммани. Вильсон, раздраженный враждебным отношением метрополии, прибыл с неохотой, но в своих публичных выступлениях сохранил любезный тон.

«Приходили ко мне Хэррис из комитета штата и сенатор Уэгонер, — писал Хауз 11 октября, — и просили устроить так, чтобы собрание в Мэдисон-сквер гарден, назначенное Таммани-Холлом на 2 ноября, превратилось в митинг, на котором выступит президент. Я посоветовал пересмотреть и изменить всю программу с тем, чтобы превратить его из политического митинга в непартийную встречу президента с Нью-Йорком с целью дать возможность народу проявить свои чувства благодарности...»

«2 ноября 1916г. Сегодня все прошло согласно программе. Президент приехал ровно в 9 часов. Его встретили Мак-Кормик и я и отправились с ним на «Мэйфлауер»¹, стоящий на якоре на Ист-ривер. Мы говорили с ним полтора часа, и я давно не препирался с ним с такой резкостью. Ему не нрави-

¹ «Мэйфлауер» — знаменитое судно, на котором в Америку прибыли первые европейские поселенцы, «отцы пилигримы» — (ред.).

ГЛАВА XIX

лась нью-йоркская программа, ему не нравилось то, что республиканцы тратили деньги, чтобы нанести ему поражение, что видно было по объявлению о сборе средств, занявшему целую страницу в утренних газетах. В то время как нам было уделено полторы колонки, республиканцам уделили 16. Он считал, что Нью-Йорк «прогнил до основания», и его следует стереть с лица земли.

Я выступил в защиту демократических газет, печатавших республиканские объявления; Мак-Кормик меня поддержал. Я полагал, что для нас гораздо выгоднее проникнуть в республиканскую печать подобным же образом, чем вообще в нее не проникать. Я также выступил в защиту Нью-Йорка, сказав президенту, что здесь у него столько же друзей, сколько в любой части страны, хотя бы они и не принадлежали к состоятельным людям. Он сказал, что мы с Мак-Кормиком оба страдаем «нью-йоркитисом», и что всю кампанию следовало начинать из другого места. Он был абсолютно уверен в исходе выборов и без Нью-Йорка.

Президент считал, что организация дела ничего не значит и что решение подобных вопросов зависит от самого народа. Если бы он занимался политикой столько же, сколько я, и знал бы ее с точки зрения рядового работника, а не с точки зрения кандидата в президенты, то понял бы, как легко повернуть голоса штата в любом направлении. Послушать его, так можно было подумать, что человек с улицы так же, как он, понимает теорию и философию государственной власти и действует из тех же побуждений.

Сегодня вечером я отправился в Мэдисон-сквер-гарден, чтобы взглянуть на размеры толпы и удостовериться, правильно ли мы рассчитывали на большую аудиторию. Затем я прошел вверх по Пятой авеню до угла 34-й улицы, чтобы посмотреть, происходит ли все согласно намеченному плану. Приятно было убедиться, что все идет с максимальной точностью, какую можно было ожидать при данных обстоятельствах. После того как президент проехал вниз по Пятой авеню, я вернулся к Мэдисон-сквер-гарден и нашел его битком

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ВИЛЬСОНА

набитым, равно как и все прилегающие улицы. Я зашел лишь для того, чтобы услышать приветственный гул, и убедился, что все разворачивается согласно плану, а затем отправился домой. Все газеты пишут, что это была крупнейшая демонстрация, когда-либо устроенная в городе Нью-Йорке в честь президента или кандидата в президенты».

4

Но искусственная «стихийность» собрания не обязательно означала голоса, и Хауз, очевидно, опасался, что на Нью-Йорк рассчитывать нельзя. Как оказалось впоследствии, в штате победил Хюз¹. Шансов на победу без Нью-Йорка, казалось, было немного, и полковник вполне сознавал серьезность положения. 2 ноября он передал президенту список штатов, на которые, по его мнению, можно было твердо рассчитывать. Сюда входил крепкий Юг, ряд пограничных штатов и некоторые разбросанные штаты. Соображения Хауза оказались абсолютно точными, обеспечив Вильсону 230 избирательных голосов. Для того чтобы быть избранным, требовалось 266 голосов, следовательно, надо было найти 36 голосов в сомнительных штатах.

«Странно составлять такой список, — писал Хауз, — демократу, хоть сколько-нибудь рассчитывающему на успех. Насколько я знаю, никогда еще в истории США ни один президент не был избран той или другой партией без Коннектикута, Нью-Йорка, Нью-Джерси, Индианы или Иллинойса. Всегда необходимы были некоторые из этих штатов, между тем в моем списке нет ни единого. Кроме того, штаты моего списка были очень разбросаны, поэтому самый список казался бесцельным. Конечно, он был основан на определенных цифрах».

Хауз был убежден, что не достававшие президенту 36 голосов будут получены, но если будут потеряны Нью-

¹ Большинство около 7 процентов.

ГЛАВА XIX

Йорк и Индиана, то угроза поражения становилась реальной. По своей привычке заглядывать вперед в ожидании возможных неприятностей он раздумывал о том, какое положение может создаться. Кризис во внешних делах был острым. Если будет избран Хюз, то в течение 16 недель, от ноября до марта, президент, хотя и отвергнутый страной, оставался бы у власти. Здравый смысл и благоразумие требовали, чтобы в подобном случае республиканцы немедленно приняли власть и ответственность. Хауз вспомнил параграф конституции, гласящий, что в случае, если посты президента и вице-президента окажутся вакантными, преемником президента должен стать министр иностранных дел.

Если бы вслед за его избранием назначить Хюза министром иностранных дел, можно было бы немедленно открыть для него путь к президентству посредством отречения президента и вице-президента.

«Вчера мне пришло на ум, — писал Хауз 19 октября, — посоветовать президенту, в случае его поражения, попросить Маршалла и Лансинга подать в отставку, а затем назначить министром иностранных дел Хюза. Затем ему следовало бы подать в отставку самому, оставив Хюза президентом США. Времена слишком критические, чтобы допустить четырехмесячный перерыв между выборами и вступлением в должность нового президента. Если подводная война возобновится, то президент не пожелает предпринять никаких действий, которые затруднят положение нового правительства. Немедленно предоставить управление государством Хюзу было бы мужественным, патриотичным и правильным поступком.

В этом проявляется дефект нашей государственной системы, а в такие времена ее отрицательные качества (как я указывал в книге «Филипп Дрю») составляют источник слабости».

«20 октября 1916 г. У меня обедал Грегори, затем мы отправились в театр. Я сказал ему о моем совете президенту...

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ВИЛЬСОНА

Грегори был ошеломлен и молчал целых пять минут. Потом он безоговорочно одобрил мой план...»

«27 октября 1916 г. Я сказал Полку о своем совете президенту... По-видимому, это произвело на него такое же глубокое впечатление, как на Грегори. Он считает, что если бы еще до выборов стало известно, что президент подаст в отставку в случае поражения, то на страну это произвело бы хорошее впечатление. Я сказал ему, что не мог советовать включить такой неожиданный пункт в программу кампании, когда все обстояло для нас благополучно...»

«3 ноября 1916 г. Я говорил Лансингу о моем совете президенту сложить с себя власть в случае избрания Хьюза с тем, чтобы дать возможность Хьюзу немедленно стать президентом. Вначале Лансинг был в некотором замешательстве, но опомнился и в конце концов выразил согласие. Он сказал, что его очень тревожила мысль о перерыве между 7 ноября и 4 марта в случае поражения президента, но если президент последует моему совету, то путь сразу же будет расчищен.

Я высказал предположение, что согласно моему плану Хьюз должен будет снова назначить Лансинга министром иностранных дел, а затем, не торопясь, приступить к смещениям и к образованию нового кабинета...»

В то время Вильсон не ответил на предложение Хауза, но после выборов полковник Хауз вернулся к этому вопросу.

«19 ноября 1916 г. Я прямо задал ему вопрос, решился ли он до выборов последовать моему предложению относительно ухода в отставку. Он ответил, что твердо решил так поступить, что это полностью соответствовало его взглядам, о чем он предусмотрительно написал до выборов Лансингу, чтобы обезопасить себя на случай, если его будут обвинять в поспешном поступке, совершенном в припадке раздражения. Я спросил, как скоро подал бы он в отставку, он ответил: «Немедленно». Под словом «немедленно» он подразумевал момент, когда окончательно выяснятся результаты выборов.

ГЛАВА XIX

В тревожные часы, во вторник вечером 7 ноября, президента и м-сс Вильсон, равно как и меня, по-видимому, ободряла мысль о драматической развязке, которую мы задумали на случай поражения».

На самом же деле Хауз ни минуты не терял надежды на успех, и его не беспокоил тот факт, что заключаемые в Нью-Йорке пари говорили в пользу Хюза.

«Бой был упорным, — писал он впоследствии Планкетту, — но я ни на минуту не терял уверенности. Мы были хорошо организованы и знали, на что можем надеяться». В последние, решающие моменты борьбы Вильсон оставался философски настроенным.

«Президент, — писал Хауз, — доверил все в наши руки и не написал и не вымолвил ни слова совета, хотя вся его судьба поставлена на карту. По-видимому, он был уверен, что сделано все для защиты его интересов, и на этом успокоился. По его поручению канцелярия Белого Дома несколько раз спрашивала меня по телефону, как обстоят дела и каково мое мнение о результатах».

5

Ни одно спортивное состязание не изобиловало таким множеством острых и возбуждающих моментов, как те часы, когда со всех сторон стали поступать сведения о результатах выборов 7 ноября. К вечеру стало очевидным, что в восточных штатах Хюз победил большинством настолько значительным, что «Таймс» предсказывал победу республиканцам. Утром 8 ноября даже газеты, поддерживавшие Вильсона, были почти уверены в избрании Хюза, чем они привели в немалое смущение передовиков своих вечерних изданий. Ибо, по мере поступления сводок с Запада, начали появляться сомнения. В 12 ч. дня стало ясно, что Вильсон одерживает успех в штатах, обычно республиканских. Записка от редактора «Лайф» отражает атмосферу напряженного ожидания.

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ВИЛЬСОНА

Записка Мартина Хаузу

8 ноября 1916 г., 12 ч. дня.

Западные штаты, в которых демократы сосредоточили свои усилия, один за другим становились на сторону Вильсона, и к утру 9 ноября стало ясно, что нужные добавочные 36 избирательных голосов, на которые Хауз рассчитывал, по всей вероятности будут обеспечены. Миннезота и Калифорния оставались под сомнением. В обоих штатах голоса складывались поровну; если Вильсон победит в одном из них, — победа за ним. 11-го сводки из Калифорнии окончательно показали небольшое большинство в пользу Вильсона. Он получил 277 избирательных голосов, а Хюз 254.

«День выборов, — писал Хауз 9 ноября, — проходил относительно спокойно до 4 часов пополудни, когда начали поступать первые сообщения... Послеобеденные результаты были довольно благоприятны для президента, так как в большинстве они шли из Канзаса, где каким-то странным образом голоса подсчитывались с той же быстротой, с какой они регистрировались. Затем наступил потоп. К 7 часам стало ясно, что Нью-Йорк определенно против нас. Еще позднее Массачусетс, Коннектикут, Нью-Джерси, Иллинойс, Висконсин и Индиана казались для нас потерянными. Был момент, когда говорили, что под угрозой находится Охайо.

Руководители кампании приготовили в отеле Балтимор пышный банкет, на который я был приглашен, но пойти отказался. Хотя я и не ожидал поражения, но не желал присутствовать на таком сборище, не зная, победил ли президент. На банкете были Мак-Аду, Лансинг, Лэйн, Мак-Кормик и т. д. и т. п. Потом все они говорили, что история еще не знала более зловещего развлечения.

«Юнайтед пресс», «Ассошиэйтед пресс» и разные конторы газет все время поддерживали со мной тесную связь, равно как и отдаленные города во всей стране. Когда, казалось, все было потеряно, Грегори, оставшийся со мной на вечер, сказал, что не мешало бы ознакомиться с вопро-

ГЛАВА XIX

сом об отречении президента. Грегори не был уверен в некоторых пунктах закона, и ему казалось, как начало казаться и мне, что поражение президента неминуемо; мы отправились в ассоциацию адвокатов прочесть интересующие нас параграфы федерального закона. Мы установили, что для того, чтобы Хюз мог быть утвержден министром иностранных дел, затем занять пост президента, президент должен созвать сессию сената. Потом мы решили, за сколько времени до установления даты собрания следует предупредить сенат.

Грегори распростился и ушел к себе в гостиницу в твердой уверенности, что мы потерпели поражение.

Я не покинул корабля по той причине, что штат за штатом подтверждал правильность списка, данного мною президенту. В четверг, когда он был здесь, я сказал ему, что, по-моему, он победит в штатах, список которых я здесь привожу. Для абсолютного большинства не хватает 86 голосов.

Я и в самом деле надеялся, что мы победим во многих потерянных для нас штатах, но я никогда не был в них уверен, а между тем мы не потеряли ни одного штата, включенного в список верных. Все это наполняет меня известным чувством гордости. Президент относился скептически к значению организации. Хотел бы я знать, продолжает ли он разделять это чувство теперь, так как, не будь организации, мы не могли бы предвидеть результаты и не смогли бы завоевать нужные штаты, ибо, вероятно, раздробили бы наши силы и потеряли все.

Казалось ясным, что если нам суждено победить, то победу принесут голоса дальнего запада, но о тамошних результатах здесь станет известно только рано утром. Поэтому я отправился спать в 11 час., оставив Гордона и Джанет в кабинете принимать сводки, что они и делали до 3 часов утра. В 5 часов, все еще находясь в постели, но с телефоном у изголовья, я снова включился в игру. На заре с дальнего запада начали поступать благоприятные для нас цифры, и стало очевидным, что оба кандидата идут голова в голову. Я не-

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ВИЛЬСОНА

медленно соединился с главной квартирой, где всю ночь дежурила группа людей, и посоветовал им разослать телеграммы председателям комитетов графств всех сомнительных штатов, предложив им быть настороже и не обращать внимания на сообщения печати об избрании Хьюза. Я позвонил в «Уорлд» и в другие газеты, а также в «Юнайтед пресс» и просил, насколько это возможно, исправить вред, нанесенный утренними газетами, предсказавшими победу Хьюзу. Я опасался, что если этого не сделать, то все перепутается: штаты запада, в которых мы победили с незначительным большинством, будут оставлены без внимания, и у нас смогут вырвать победу.

«12 ноября 1916 г. Почти вся пятница, суббота и сегодня были заняты тем, что ко мне приходили партийные лидеры и рассказывали, как они все сделали... Они хорошие ребята, лучше всех, кого я знал в периоды политических кампаний: честные, способные и умные, они заслуживают большой похвалы. Но желание говорить все же представляет, по-видимому, страсть, которая у некоторых людей превращается в порок...»

Итак, Вильсону было предоставлено еще четыре года власти. Со времен Эндрю Джэксона он был первым демократическим президентом, который наследовал сам себе. Таким образом, ему была обеспечена позиция мирового значения, которую можно было использовать для того, чтобы подвинуть вперед принципы новой организации народов. С начала 1916 г. создание этой организации стало целью Вильсона. Он обещал стране не вовлекать ее в войну, если это допустят американская честь и безопасность. Он также предупредил страну, что может создаться такое положение, при котором сохранить мир будет невозможно. Он заявил самым определенным образом, что для Америки наступило время играть активную роль в установлении и поддержании всеобщего мира. События ближайших недель скоро показали, что именно предвещали эти заявления.

ГЛАВА XX

ГЛАВА XX

ГАЗЕТНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО

Мы совершенно не доверяем добронамеренности германского правительства.

(Из письма Брайса Хаузу, декабря 1916 г.)

1

Еще не прекратилось поступление сведений об окончательном исходе выборов в Калифорнии, которые несли достигнутую с таким трудом победу, как мысли президента вновь повернулись к Европе. Учащались признаки того, что затишье в отношениях с Германией, наступившее вслед за урегулированием инцидента с «Суссексом», не могло долго продолжаться. Донесения американского посольства в Берлине настойчиво говорили о том, что на германское правительство оказывается давление, чтобы оно нарушило свое обязательство и возобновило беспощадную подводную войну. 17 октября американский поверенный в делах в отсутствие Джерарда, Джозеф Грю, писал Хаузу: «Наше правительство, следовательно, должно быть полностью подготовлено к возможному возобновлению неограниченной подводной войны против торговли в нарушение прав нейтральных стран на морях». Как мы знаем, Хауз к тому времени уже получил от Бернсторфа прямое указание, что если Вильсон не сделает какого-нибудь шага в пользу мира, то Германия примет те меры, которые по ее расчетам легче всего смогут сломить сопротивление союзников.

14 октября полковник писал Грэю:

«В Германии, среди военных и морских кругов, как и среди народа вообще, существует сильное убеждение, что если они будут продолжать неограниченную подводную войну, то Англия сможет быть изолирована. Германское правительство в своем теперешнем составе настроено против этой полити-

ки, но можно сомневаться, долго ли ему еще удастся плыть против течения».

Переписка графа фон Бернсторфа с Берлином, опубликованная после войны, доказывает правильность сведений Хауза. Военные руководители заявляли, что Германия начинает чувствовать последствия блокады и не сможет бесконечно долго держаться в условиях наступившего на фронте ничейного положения. Войне надо положить конец. Если Вильсон сможет этого добиться путем переговоров, как надеялись канцлер и Бернсторф, — тем лучше. Но если Антанта не согласится на переговоры, основанные на германских условиях, то Англия должна быть изолирована путем неограниченного использования подводных лодок, и тогда страны Антанты вынуждены будут уступить. Предупреждение Бернсторфа о том, что такой шаг приведет к американскому выступлению на стороне Франции и Англии, не произвело особого впечатления на руководителей германского флота и армии. Они обещали, что подводные лодки задушат англичан задолго до того, как Америка сможет оказать эффективную помощь.

Таким образом, в течение всей избирательной кампании Вильсон находился под угрозой нового кризиса отношений с Германией, который в любой момент мог привести к войне. Принимая во внимание щекотливое положение, немалая доля иронии заключалась в плакатах демократов: «Он не дал вовлечь нас в войну». Некоторые намеки на опасность можно было обнаружить в публичных выступлениях Вильсона, но он не переставал настаивать как открыто, так и частным образом, что не допустит войны до тех пор, пока не исчерпает все мирные способы, совместимые с национальной честью.

У президента и полковника Хауза не было общего мнения о том, каким образом США должны встретить опасность. Вильсон считал, что наиболее простым и эффективным шагом было бы открытое требование американского правительства прекратить войну ради нужд и блага человечества. Он был уверен, что подобное требование, поддержанное моральным влиянием США, привело бы к переговорам. Он не видел

другого способа, который мог бы предотвратить вступление США в войну, и, по-видимому, в тот момент готов был одобрить ничейный исход. Полученный им прошлой весной отказ на предложение об оказании помощи, по-видимому, убедил его, что военные цели союзников были так же корыстны, как цели Германии.

Хауз противился всякой попытке посредничества, сделанной без одобрения союзников¹. Он опасался того, что это даст Германии возможность заявить, что она готова к миру, но союзники стремятся к завоеваниям; тем самым Германия до некоторой степени оправдала бы возобновление подводной войны под предлогом самозащиты. Так как союзники отказались от американского предложения о помощи, то делать было нечего, ибо всякое предложение о посредничестве было бы для них оскорбительно и лишь помогло бы Германии занять выгодную дипломатическую позицию. Хауз всегда относился с недоверием к германским предложениям о мире, так как был убежден, что германские лидеры не отказались от своей надежды властвовать над континентом².

«20 октября 1916 г. Приходил ко мне посол Джерард, — писал полковник Хауз; — я показал ему меморандум, присланный мне графом фон Бернсторфом... Я того мнения, что Бернсторф и германское правительство «разыграли» нас с це-

¹ «Как мы отметили, — писал Хауз 6 апреля 1925 г. автору, — я старался удержать Вильсона от его угрозы вмешательства без согласия союзников». Хауз полагал, что ввиду нашей военной неготовности посредничество без согласия той или иной стороны не могло завершиться успехом, осенью 1916 г. представлялась возможность получить согласие немцев, но только на условиях, которые означали бы германскую победу. Отсюда он заключил, что для того, чтобы быть посредником в установлении мира, абсолютно необходимо согласие союзников. Если бы мы были соответствующим образом подготовлены, то вмешательство могло быть возможным «Президент Вильсон, — продолжал Хауз, — по-видимому, не понимал разницы между наличием большого военного аппарата и отсутствием какой бы ни было готовности вообще Следовательно... я считаю, что величайшая наша ошибка заключалась в том, что мы были не в состоянии вмешаться вопреки союзническим или германским протестам».

² Это подозрение было подтверждено мирными условиями, сформулированными Германией в конце года.

ГАЗЕТНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО

лью избавиться от Джерарда. Вспомним слова, сказанные мне Бернсторфом в Сунапи; что его правительство желало неофициально передать нам свое убеждение в том, что отозвание Джерарда на некоторое время для проведения отпуска будет в интересах обеих стран. В действительности это нужно было им для того, чтобы усилить свои маневры относительно мира».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 6 ноября 1916 г.

«Дорогой начальник!

...В свободное время я внимательно следил за европейским положением, и я располагаю неоспоримыми доказательствами того, что Германия еще не готова согласиться на такие условия мира, которые наша страна могла бы рекомендовать союзникам. Они встречают с насмешкой такие предложения, как создание лиги укрепления мира, и считают, как считали до сих пор, что для укрепления мира нужны обширные вооружения...

Преданный вам Э. Хауз».

Но Вильсон не делал такого различия, как Хауз, между Германией и союзниками, и потопление 28 октября парохода «Марина» только усилило его тревогу по поводу надвигающейся войны с Германией. Гибель «Марины» произошла при подозрительных обстоятельствах, свидетельствовавших о том, что обязательство, данное после случая с «Суссексом», нарушено. Как только выяснилось, что он переизбран, Вильсон вызвал Хауза в Вашингтон, чтобы обсудить его план посредничества.

«14 ноября 1916г. Сегодня утром я выехал из Нью-Йорка, — писал полковник Хауз, — и в шесть часов прибыл в Белый Дом. Президент тотчас же пришел в мою комнату, и мы долго совещались. Мы сразу же приступили к обсуждению вопроса, по поводу которого он вызвал меня в Вашингтон.

ГЛАВА XX

Президент хочет отправить воюющим странам ноту с требованием прекращения войны и спрашивает моего мнения. Он считает, что если мы не сделаем этого сейчас, то неизбежно будем вовлечены в войну с Германией из-за вопроса о подводных лодках; Германия уже нарушила свое обязательство от 4 мая, и для того, чтобы поддержать свой престиж, мы должны порвать с ней дипломатические отношения. Но прежде чем так поступить, он хочет сделать шаг в пользу мира в надежде, что в союзнических странах найдется достаточно сторонников мира, чтобы заставить их согласиться.

Я ответил, что в момент, когда после двух лет войны союзники начали одерживать успехи¹, они расценят этот акт как недружественный; кроме того, они решат, что цель его выступления в том, чтобы избежать кризиса отношений с Германией из-за подводных лодок; всем покажется, будто он хочет вознаградить Германию за нарушение данных ею нам обещаний и за ее полное пренебрежение международными обязательствам и.

Он очень недоволен моей позицией и просил хорошенько все продумать.

Президент спросил, не продвинет ли дела моя поездка в Европу и посещение каждой воюющей страны. После некоторого обсуждения мы отбросили этот план ввиду того долгого времени, какое потребуется на его выполнение, и из-за того враждебного настроения, какое проявится в каждой из союзнических стран прежде, чем я успел бы объехать все столицы, зная наверняка, что я приехал с миссией мира. Тогда он предложил мне поехать в Англию и во Францию, а по моем прибытии туда он выступит со своим посланием о мире, предоставив мне вступить в бой с английским и французским правительствами и с публикой. Я охотно на это готов, если не остается лучшего, хотя в тот момент, когда этим стра-

¹ Имеются в виду успешные французские контратаки у Вердена и продвижение союзников на Сомме.

ГАЗЕТНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО

нам будет сделано такое предложение, я лично предпочел бы быть в аду....

Мы все продолжали обсуждать, как быть; я настаивал, чтобы пока ничего не предпринимать и спокойно выжидать развития событий, а президент утверждал, что вопрос о подводных лодках не терпит отлагательства и что перед тем, как порвать с Германией, стоило попытаться предложить посредничество. Я снова и снова настаивал, что мы не должны таскать каштаны из огня для Германии, чего она только и ждет; это было бы неправильно и постепенно вовлекло бы нас в войну...»

«15 ноября 1916 г. Завтракал я один. Президент появился поздно, что говорило о плохо проведенной ночи. Жаль, но иначе не могло быть. Не люблю я приезжать в Белый Дом в качестве гостя и, как это часто бывает, причинять такое расстройство...

Президент сказал, что мы никогда ни до чего не договоримся, если он не изложит свою точку зрения письменно, в конкретной форме; он решил составить тексты своего послания к конгрессу и ноты воюющим странам; а после того как он все это напишет и уточнит все пункты, мы сможем снова обсудить вопрос более хладнокровно.

Я ни на шаг не отступал от своего убеждения, что посылкой ноты он совершит ошибку, он тоже не отступил от своего довода о том, что нота может оказаться действенной».

Хауз вернулся в Нью-Йорк убежденным, что всякая попытка посредничества в такое время только взбаламутит море. Его убеждение основывалось на недоверии к немцам, которые стали проявлять интерес к переговорам либо с целью закрепить за собой военные успехи и потребовать победного мира, либо просто для того, чтобы найти извинение за возобновление подводной войны на том якобы основании, что упорство союзников вполне оправдывает действия немцев. При таком настроении Берлин с нетерпением ожидал вильсоновского посредничества и, что было

совершенно очевидно, намеревался использовать угрозу беспощадной подводной войны для ускорения посредничества. Хауз понял, что Вильсон очень чувствителен к этой угрозе.

«20 ноября 1916 г. Немцы, — писал Хауз, — намерены довести до крайнего предела наши разногласия о подводной войне с тем, чтобы мы предпочли вмешаться, только бы не вступать с ними в войну.

По-моему, стремление президента к миру частично объясняется его шотландско-пресвитерианской совестливостью, а не личным страхом, ибо, по-моему, он обладает как духовным, так и физическим мужеством...»

2

Президент Вильсон, по-видимому, решился. 21 ноября он писал Хаузу, что окончательно убежден в том, что близится, если уже не настал, момент для выступления за дело мира. Он писал, что составил свое послание конгрессу и собирается сделать набросок ноты о мире. Он надеялся, что, несмотря на спешку, ему удастся составить документ, который будет сильнее и убедительнее всего, что выходило из-под его пера.

Четыре дня спустя Вильсон еще раз вызвал своего друга в Вашингтон. Он сообщал ему, что первый набросок готов. Вильсон писал, что надеется, что голова его при этом ясно работала. Он чувствует, что тучи сгущаются и надо немедленно избрать дальнейшую линию действий.

Хауз немедленно выехал в Вашингтон, чтобы обсудить ноту. «Я полон страха за ее результаты», — писал он в своем дневнике; его беспокойство не рассеялось, когда президент прочитал ему текст ноты.

«27 ноября 1916 г. После обеда мы отправились в кабинет и приступили к обсуждению вопроса, по которому я был вызван. Он прочитал несколько писем и донесений из-за границы, которые Полк показывал мне уже до того. Затем он зачи-

тал текст предполагаемой ноты воюющим странам, где он настаивал, чтобы они указали, какие условия они считают необходимыми для заключения мира.

Это был изумительно хорошо написанный документ, но, как ни странно, он снова впал в прежнюю ошибку, заявляя такие вещи, которые заставили бы союзников от ярости взбеситься. Много раз я обращал на это его внимание, но все же почти всякий раз, когда он говорит о войне, он наносит ту же обиду.

Фраза, против которой я возражал, была такой: «Причины и цели войны темны». Я сказал ему, что союзники считают, что нет ничего более ясного, чем причины этой войны; их ссора с ним заключалась в том, что он, по-видимому, не понимал их взглядов. Они утверждают, что Германия начала войну ради завоевательных целей; преследуя эту цель, она нарушила все международные обязательства и человеческие законы. Союзники заявляют, что сражаются для того, чтобы сделать новую войну невозможной и чтобы разгромить прусский милитаризм и тем самым установить постоянный мир.

Вместо фразы, против которой я возражал, я советовал включить другую, которая заставила бы союзников думать, что он сочувствует их взглядам. Я считал, что сделать это можно так, что Германии нечего будет возразить и она даже примет это как оправдание ее позиции.

Я предложил еще одну фразу, которую он и вставил; в ней подчеркивалось, что он не собирается посредничать или требовать мира».

В Нью-Йорк Хауз вернулся удовлетворенный тем, что убедил Вильсона изменить тон ноты таким образом, что она уже не представляла настойчивого предложения о посредничестве, а только совет обеим сторонам ясно определить, на каких условиях они готовы говорить о мире. Все же Хауз оставался убежденным, что, отправляя ноту в момент, когда союзники не желали слушать даже намеков о мире, Вильсон играл лишь на руку немцам.

ГЛАВА XX

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 39 ноября 1916 г.

«Дорогой начальник!

Я много размышлял о задуманной вами ноте воюющим странам и никак не могу себе внушить, что она должна быть послана немедленно или без дальнейшей подготовки.

Вам, как никогда и как ни одному человеку, предоставляется величайшая возможность принести пользу, и я надеюсь, что вы не будете рисковать неудачей. С тех пор как вы впервые предложили ваш план, я говорил со всеми окружающими, мнение которых я ценю, и многие из которых прекрасно осведомлены о положении в союзнических странах, и среди них не нашлось ни одного человека, который считал бы, что в настоящее время ваш план встретит успех...

Мне кажется, что дело целиком в ваших руках, и если не действовать слишком поспешно, то вы сможете достигнуть желанного результата. Если же вы предпримете это сейчас, то, мне кажется, у вас нет даже ни одного шанса из десяти на успех, а вероятнее всего вы лишитесь потенциальной возможности провести это позднее.

Одни только немцы считают, что сделать это можно сейчас, но в этом случае «желание — отец мысли». Им безразлично, как вы будете выпутываться, лишь бы дело было сделано, и во всяком случае определенную прибыль они извлекут.

Раньше чем решиться на окончательный шаг, следует, думается мне, сделать еще очень многое. Нужно подготовить почву во Франции и в Англии с тем, чтобы общественное мнение благожелательно прислушалось ко всякому вашему предложению...

Преданный вам Э. М. Хауз».

Полковник Хауз был уверен, что и Франция и Англия будут рассматривать попытку посредничества не иначе, как

ГАЗЕТНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО

желание сыграть на руку Германии. Его уверенность окрепла еще больше после беседы с послом Жюссераном 3 декабря; французский посол говорил очень откровенно и критично о том, что он считал прогерманизмом Вильсона. «Если бы я не решил заранее не выходить из себя, — писал Хауз, — то мог бы найти повод наговорить ему таких вещей, о которых он бы долго помнил».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 4 декабря 1916 г.

«Дорогой начальник!

...Вчера у меня была оживленная и продолжительная беседа с Жюссераном. Он обещал послать своему правительству телеграмму с перечислением всего того, что мы для Франции сделали с начала войны. Жюссеран настроен критически из-за того, что мы не отправили Бернсторфа домой и не призвали Германию к строгому ответу за подводную войну. Он упомянул о «Суссексе», «Марине» и о некоторых других недавних инцидентах.

После того как он кончил, я принялся за него и заставил его признать, что если бы Германия начала неограниченную подводную войну, то возникла бы возможность фактически изолировать Англию. Он признал, что путь, по которому вы следовали, крайне благоприятен для союзников. Сущность моего ответа заключалась в том, что союзники, по-видимому, сами не знают, что для них лучше; разумнее же всего им было бы следовать нашим указаниям. Он признал, что в течение по крайней мере года едва ли можно ожидать каких-нибудь существенных перемен на Западном фронте; тут я сказал о том, как мудро было бы согласиться на ваше предложение о посредничестве, выдвинутое прошлой весной. Он, по-видимому, с этим соглашался, но в последний момент, перед уходом, он ударился в высокопарный и^лупый тон, заявив, что Франция будет драться до последнего человека.

ГЛАВА XX

Бернсторф — единственный из послов воюющих стран, который обладает каким-то чувством меры и никогда не крикует наше правительство, что бы ни произошло.

Он принимает все философски и, насколько возможно, старается создать благоприятное впечатление. Остальные временами говорят все, что только может вызвать раздражение...

Преданный вам Э. М. Хауз».

Как и прошлой весной, было очевидно, что Франция отнесется враждебно к любому шагу Вильсона, который сможет помешать полному поражению Германии. Англия после министерского кризиса в декабре, завершившегося уходом Асквита и Грэя и приходом к власти Ллойд-Джорджа, была еще менее склонна думать о переговорах. Падение Асквита явилось результатом широкого возмущения его будто бы сентиментальным поведением; это движение было раздуто прессой Нортклифа. Хауз сожалел об уходе Грэя и не верил в то, что перекроенный кабинет окажется более дееспособным. Но было ясно, что страна потеряла веру в Асквита и что новый премьер-министр будет вынужден построить свою политику на теории «локаута», исключавшей всякую возможность переговоров с Германией.

«Я с большой тревогой слежу за кризисом английского кабинета, — писал Хауз Вильсону 3 декабря. — Если коалиции Ллойд-Джордж — Нортклиф — Карсон удастся свергнуть правительство и захватить власть, то до тех пор, пока они будут следовать по своему пути, никаких шансов на мир не будет».

«Не знаю, — писал Хауз 7 декабря, — удастся ли Англии поправить свои дела путем смены кабинета, хотя и понимаю, почему после стольких неудач там такое всеобщее недовольство. Я убежден, что если бы Асквит руководил кабинетом более твердой рукой, дела могли сложиться иначе.

Ошибка сэра Эдуарда Грэя была в том, что он позволил сэру Сесилию Спринг-Райсу оставаться у нас в самый критический в истории обеих стран момент. Грэй не понял, что усло-

ГАЗЕТНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО

вия требовали радикальных перемен и что обычный дипломатический корпус не стоял на высоте задач, поставленных войной».

Несмотря на смену кабинета, Хауз продолжал поддерживать тесную связь с английскими лидерами. Грэй телеграфировал ему, что его секретарь Эрик Друммонд остается на прежней должности секретаря у нового министра иностранных дел Бальфура, последний же рассчитывает, что в случае необходимости Хауз воспользуется частным шифром. «После ухода Грэя, — писал полковник Вильсону, — для нас самый лучший человек в королевстве это Бальфур. Это даст сэру Хорэсу возможность оказывать большое влияние на американские дела, так как Планкетт и Бальфур самые близкие друзья, и Бальфур во многом будет прислушиваться к его советам. Опять-таки это счастливое для нас обстоятельство».

3

Чем теснее Хауз соприкасался с англичанами, тем острее он чувствовал, что отправку президентской ноты следует отложить. Он знал, что в Англии были либеральные круги, которые стремились к мирным переговорам с Германией; но пока они не имели влияния. В целом же общественное мнение требовало, чтобы новый кабинет Ллойд-Джорджа отбросил всякие мысли, кроме одной — о военной победе. Требование Вильсона о созыве мирной конференции было бы истолковано как определенно враждебный поступок.

Президент колебался, а тем временем берлинское правительство устроило взрыв дипломатической бомбы. 12 декабря немцы, которым надоело ждать посредничества Вильсона, опубликовали ноту, выражавшую их готовность приступить к мирным переговорам. В предложении не было никаких специальных условий, но по тону его можно было заключить, что Германия готова рассматривать лишь победный мир; кстати, недавно опубликованные германские документы подтвердили это подозрение.

ГЛАВА XX

Несомненно, условия, которые имели в виду германские лидеры, были неприемлемы для союзников, и вполне вероятно, что немцы знали это заранее. Цель ноты, по крайней мере частично, была в том, чтобы казалось, что вся ответственность за продолжение войны ложится на союзников. Тем не менее, некоторые англичане считали ошибкой категорический отказ даже рассматривать предложение. Одним из таких англичан был молодой офицер, который после отравления газами на фронте был прикомандирован к английскому посольству в Вашингтоне; ему суждено было сыграть роль, значения которой никто не подозревал. Это был сэр Уильям Уайзман, дипломат по натуре, о котором впоследствии лорд Рединг сказал: «У Уайзмана удачная фамилия»¹.

Полковник Хауз нашел в нем родственную душу, и, несмотря на разницу в годах, между ними возникла дружба, которая имела значительные последствия. Уайзман был либерал, готовый выслушивать советы, но в то же время человек проницательный, вполне понимавший опасность сношений с Германией. Он был убежден, что будущее благосостояние мира зависит от полного взаимопонимания Англии и США. Уайзман предвидел также, что если войну довести до полного разгрома Германии, то, кроме благодетелей, это породит опасности для его страны и всего мира; поэтому он охотно примкнул к полковнику Хаузу во всех его стараниях добиться скорейшего устройства дел, которое оградило бы мир от германского империализма. Вскоре между Хаузом и Уайзманом почти перестали существовать политические тайны, и наше сотрудничество с англичанами было в значительной степени результатом их взаимного понимания.

Прибытие Уайзмана в декабре было особенно своевременным, так как необходимо было улучшить связь между Вашингтоном и Лондоном. Уход Грэя из министерства иностранных дел означал, что не осталось никого, с кем посол Пэйдж был бы в тесных и дружеских отношениях.

¹ Wise — мудрый, разумный; man — человек (*ред.*).

ГАЗЕТНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО

Англичане начали понимать, что Пэйдж не совсем точно представлял взгляды Вашингтона, они знали также, что в Вашингтоне отношения между Спринг-Райсом и министерством иностранных дел были не вполне удовлетворительны. Они поняли, как важно иметь путь для регулярного общения с Хаузом, которого английское министерство иностранных дел знало и в чьих симпатиях было уверено. Уайзман следующим образом описывает первые этапы миссии, которая впоследствии приобрела большое политическое значение:

«Английский посол сэра Сесиль Спринг-Райс пожелал сделать полковнику Хаузу конфиденциальное сообщение и просил меня передать это сообщение устно. Само по себе оно не представляло особенного значения, но беседа с полковником Хаузом убедила его в том, что я смогу служить доброжелательным и скромным посредником для связи. С этого дня вплоть до момента вступления США в войну я был конфиденциальным посредником между полковником Хаузом и английским послом. Кроме того, через моего начальника в Лондоне я передавал в министерство иностранных дел ряд предложений и сведений от полковника Хауза. Но прежде чем приступить к этому, я получил разрешение от сэра Сесилья, так как, сообщаясь непосредственно с министерством иностранных дел, я понимал, что посягаю на прерогативы посла. Сэр Сесиль, не колеблясь, ответил, что для пользы дела надо действовать всячески, и с его положением в данном случае нечего считаться. С тех пор, вплоть до своего отъезда из Вашингтона, он оказывал мне полное содействие и помощь»¹.

В отличие от большинства англичан, занимавших официальное положение, сэр Уильям полагал, что если бы можно было отсрочить ответы держав Антанты на германскую ноту о мире, то обстановка могла бы сложиться выгодно для переговоров. Во всяком случае союзникам не следовало совер-

¹ Из меморандума, переданного автору 16 ноября 1925 г.

ГЛАВА XX

шать явную ошибку, давая резкий ответ на ноту, который оправдал бы германское правительство в глазах его собственного народа.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 17 декабря 1916 г.

«Дорогой начальник!

Английский посол направил ко мне сэра Уилльяма Уайзмана, атташе посольства.

Он просил, чтобы я неофициально выяснил условия Германии. Я сообщил ему, что это удастся сделать не ранее пятницы или субботы, так как уверен, что этих условий и Бернсторф не знает. Он знает только то, что его правительство сообщает ему для широкого потребления и не доверяет ему своих сокровенных мыслей. Сегодня английское посольство телеграфно запросит свое правительство, считает ли премьер-министр возможным отложить ответ немцам до пятницы или субботы. Одновременно им сообщат о его (Уайзмана) беседе со мной и о нашем плане. Ответа посольство ждет завтра к 5 часам дня.

Если ответ будет благоприятным, мне предстоит снестись с Бернсторфом и выяснить, как идут дела там.

Похоже на то, что вскоре вы услышите, что заговорили между собою воюющие; надежда на это, по крайней мере, есть.

Я пишу наспех, так как время позднее. Не сообщите ли вы мне быстро шифрованной телеграммой или письмом какие-либо ваши дальнейшие соображения?

Преданный вам *М. Хауз*».

Процедура, предложенная Хаузом и Уайзманом, заслуживает всяческой похвалы. Возможно, что германское правительство пустило этот пробный шар только для того, чтобы успокоить общественное мнение у себя дома и оправдать Германию перед лицом общественного мнения

ГАЗЕТНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО

нейтральных стран; с другой стороны, они, возможно, готовы ради мира пойти на большие уступки. В том и в другом случае в интересах союзников было знать, что замышляют немцы.

Но английское министерство иностранных дел, казалось, так спешило объявить всему свету о своем нежелании рассматривать вопрос о мире, что не имело времени использовать представившуюся возможность получить сведения огромной ценности. Возможно, они опасались, что раз переговоры начнутся, то, как предполагал Хауз, мир мог быть заключен еще до полного разгрома Германии.

«18 декабря 1916 г. Английское посольство, — писал Хауз, — получило от своего правительства ответ, в котором сказано, что нельзя отсрочить заявления премьер-министра относительно условий мира. Они просили выразить мне благодарность за предложенные мною услуги».

Возможно, что обращение английского посольства к министерству иностранных дел с просьбой об отсрочке заявления в Лондоне было не понято; недаром лорд Роберт Сесиль говорил, что эта просьба означает, будто Вашингтон хочет узнать содержание ответа. На самом же деле речь шла только об отсрочке. К несчастью, Пэйдж, по-видимому, настолько не сочувствовал политике Вильсона, что внушил англичанам, будто Вашингтон не ожидает серьезного отношения к германской ноте и потому он не видит никакого повода для отсрочки.

Германское предложение о мире, заставшее врасплох даже Бернсторфа, неизбежно должно было лишить ноту Вильсона всего того эффекта, который она могла бы произвести. Если бы он немедленно опубликовал свою ноту, его обвинили бы в том, что он действует в тайном согласии с Германией, и тогда союзники были бы еще менее расположены отнестись к ней со вниманием.

Но все же, вместо того, чтобы отказаться от своего пла-

ГЛАВА XX

на и ждать более благоприятного момента, президент решил опубликовать свою ноту не медля. Он, по-видимому, опасался, что, резко отвергнув германское предложение, Англия и Франция могут окончательно захлопнуть дверь для всяких переговоров. Он решился пойти на этот шаг, не советуясь с Хаузом, который не видел окончательного текста ноты. События развивались так быстро, писал Вильсон Хаузу 19 декабря, что он не успел вызвать Хауза в Вашингтон и посоветоваться с ним. Нота была написана и отправлена в течение нескольких часов, по-видимому, из опасения, что правительства Антанты тем временем настолько резко настроятся против мира, что положение станет еще более безнадежным, чем было. Вильсон добавил, что нота составлена не в том духе, в каком Хауз видел ее в черновике.

Но президент последовал совету Хауза не выдвигать категорического требования о мире. Его нота представляла лишь призыв к воюющим, подчеркивая заинтересованность США в будущем всеобщем мире и готовность сотрудничать с Европой в сохранении мира. Он подчеркнул опасность нанесения цивилизации непоправимого вреда в случае, если война затянется надолго, и указал, что если воюющие истощающим образом объяснят свои военные цели, то надежда на немедленное заключение мира имеется.

«Возможно, что мир ближе, чем мы думаем, — заявлял Вильсон, — что условия, на которых обе воюющие стороны будут считать нужным настаивать, не настолько непримиримы, как некоторые того боялись; что обмен мнений очистил бы путь по крайней мере для обсуждения и превратил бы в надежду ближайшего будущего постоянное согласие между народами для немедленного практического осуществления содружества наций».

Полковник Хауз, как мы уже видели, возражал против самой идеи отправки мирной ноты в такой период, когда союзники явно не были настроены к тому, чтобы встретить ее благоприятно. Кроме того, его беспокоила фразеология

ГАЗЕТНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО

Вильсона, так как президент, преследуемый какой-то словесной Немезидой, снова употребил выражение, которое не могло не раздражить французов и англичан. «Цели, которые имеют в виду в этой войне государственные деятели обеих воюющих сторон, — заявлял Вильсон, — по существу одинаковы, поскольку они в общей форме заявлены их народам и всему миру». Фраза была правильной, если бы заключенные в ней слова были поняты в строгом смысле; в них была даже известная доля иронии, но союзникам не могло понравиться, что их цели войны сопоставляются с целями Германии.

«20 декабря 1916 г. Президент прислал мне сегодня, — писал Хауз, — первоначальный набросок ноты, посланной воюющим и нейтральным странам. Он просил меня вернуть его, поэтому я снял копию со всеми сделанными им выпусками и изменениями. Я решил, что когда-нибудь нота сможет представить интерес, так как президент, вероятно, уничтожит оригинал.

Я редко видел что-нибудь написанное им со столькими изменениями. Сожалею я об одной фразе, которая даст дополнительный повод считать, что он все еще не понимает, за что сражаются союзники. Эта фраза приведет их в бешенство. Когда я у него был, то в течение десяти минут убеждал его вычеркнуть из первоначального наброска гораздо более оскорбительную фразу того же характера, но он снова вставил ее в измененном виде. По-видимому, эта мысль не дает ему покоя и он не может ни писать, ни говорить о войне, не выражая эту мысль вслух. Это больше, чем что-либо иное, сделало его непопулярным в союзнических странах, а во время мирных переговоров, вероятно, лишит его той роли, какую он мог бы сыграть... Все это так ненужно. То же самое он мог бы сделать и сказать иначе».

Как предвидел Хауз, попытки президента Вильсона начать мирные переговоры не привлекли почти никакого внимания ни в союзнических странах, ни в Германии. Германия желала созыва конференции для переговоров на основе фак-

ГЛАВА XX

тической военной ситуаций, которая сложилась целиком в ее пользу. Публичное заявление о ее военных целях, которое показало бы, как далеко простирается ее честолюбие, только укрепило бы решимость союзников сражаться до тех пор, пока военное положение не станет более благоприятным для них. Таким образом, германский ответ президенту был вежливым, но совершенно неопределенным. Они заявили, что непосредственный обмен мнениями кажется им наиболее удобным методом достижения мира, и они лишь повторили свое предложение о созыве конференции, не выдвигая никаких определенных условий. Посол Джерард считал, что, пытаясь стать инициаторами конференции, германцы хотели расколоть союзников.

«Германия хочет мирной конференции для того, — писал он Хаузу 9 января, — чтобы заключить на выгодных для себя условиях сепаратный мир с Францией и Россией. После этого она надеется покончить с Англией подводными лодками, а потом по отдельности скальпировать Японию, Россию и Францию. Союзникам следовало бы вспомнить, что говорил Вениамин Франклин насчет того, висеть ли вместе или отдельно. О приведенном выше плане я узнал из *очень авторитетных источников*».

Союзники отказались от переговоров на том основании, что продолжительный мир предполагает удовлетворительное разрешение конфликта и что в настоящий момент безнадежно было бы ожидать от Центральных держав возмещения убытков и необходимых гарантий мира. Они бросили вызов вильсоновской аналогии между военными целями обеих воюющих сторон, утверждая, что позиция Центральных держав представляла угрозу человечеству и цивилизации. На требование Вильсона определить условия для мира они ответили непримиримой декларацией, которая встретила одобрение американского общественного мнения на атлантическом побережье, но которая, по видимому, покончила со всякой возможностью переговоров.

Таким образом, попытка Вильсона не устранила опасности возобновления Германией подводной войны и не улучшила наших отношений с воюющими сторонами.

«Во всех разговорах о предложении президента, — писал Пэйдж Хаузу, — преобладает чувство удивления и прискорбного недоумения; публичные высказывания пока еще сдержанные... Само по себе предложение президента вызвало бы очень мало или никакой критики, если бы было сделано в другое время. Но замечания, которыми он сопровождал свое предложение, истолковываются в том смысле, что они ставят на одну доску союзников и Центральные державы... Один из приглашенных вчера на завтрак во дворец сообщает мне, что король плакал, когда выражал свое удивление и досаду».

Даже такой искренний поклонник Вильсона, как Планкетт, не мог скрыть сожаления по поводу того, что свое предложение Вильсон сделал именно в такое время и именно подобным образом.

«22 декабря 1916 г. Первым посетителем сегодня утром был сэр Хорэс Планкетт, — писал Хауз. — Он страшно расстроен нотой президента, сожалеет, что она была послана и досаждает на ее текст. Он обратил внимание на тот факт, что нота содержала все тот же старый припев. Он записал фразы из речей президента в период кампании, в частности из речи в Цинциннати, и начал их читать. Я остановил его и сказал, что могу повторить их наизусть с любого места. Я попросил его письменно изложить свое мнение и прислать мне, чтобы я смог передать это президенту в случае, если сочту это целесообразным...»

В письме полковнику Хаузу от 27 декабря лорд Брайс подчеркивал злосчастное действие фразы Вильсона, которая, по мнению англичан, ставила их и французов на одну доску с немцами. Ни один здравомыслящий человек, добавлял Брайс, и не предполагал, что президент дал себя уговорить немцам или имел в виду какую-либо иную цель, помимо той,

которую он указал; но его слова несомненно были поняты так, что он считает, будто обе стороны либо одинаково невинны, либо одинаково виноваты.

Затем Брайс изложил пять причин, из-за которых общественное мнение противилось открытию переговоров с германским и австрийским правительствами; это настроение не джингоистов, заявлял он, а таких же сторонников мира, как он сам. Во-первых, были все основания предполагать, что Германия, Австрия и Турция не предложат никаких приемлемых условий; если же это предположение ошибочно, пусть они назовут свои условия для переговоров. Во-вторых, были все основания предполагать, что они не примут никаких условий, какие могли бы предложить союзники. В-третьих, Германии легко назвать условия, потому что она властвовала над Австрией и Турцией, но для союзников это было чрезвычайно трудно, так как затронуты интересы многих независимых стран, придерживавшихся различных мнений. Брайс допускал, что условия, которые поставила бы любая держава, в значительной степени зависели бы от того, как она расценивает перспективу победы. В-четвертых, англичане совершенно не доверяли добронамеренности германского правительства и считали, что оно пытается лишь выиграть время. Наконец, он был уверен, что американцы не понимали того возмущения и ужаса, какой вызвали германские методы ведения войны и их пренебрежение международным правом и общечеловеческой справедливостью, как это доказывали высылки бельгийцев и резня армян. «Люди спрашивают, — писал Брайс, — как можем мы заключить мир с таким правительством, прежде чем нанесем ему поражение? Оно будет постоянной угрозой для всех своих соседей до тех пор, пока его не разобьют и не научат, что беззаконие и варварство пользы не приносят».

Хауз был не вполне согласен с этой точкой зрения. Он знал, что союзнические военные цели заключали в себе корыстные мотивы и желание уничтожить Германию в политическом отношении; этими чувствами были проникнуты не-

ГАЗЕТНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО

которые союзнические политические деятели. Но в искренности народов союзнических стран в целом нельзя было сомневаться. Они были убеждены в полной ответственности Германии за войну, с одной стороны, и в умеренности собственных желаний — с другой. Сомнения относительно их искренности могли лишь вызвать раздражение, отнюдь не улучшая положения.

Таким образом, в момент, когда размах войны угрожал исчерпать материальную мощь обеих сторон, каждая из них, более чем когда-либо, была проникнута решимостью довести борьбу до конца. Германский генеральный штаб предупредил правительство, что его ресурсы приходят к концу, но обещал быструю победу при помощи беспощадной подводной войны. Французы были изнурены сражениями под Верденом и на Сомме и все в большей степени попадали в зависимость от английской помощи. Что касается англичан, то несколькими неделями раньше Грэй составил официальный меморандум, в котором говорил о необходимости теперь же сообщить союзникам, что наша поддержка по линии торгового флота и финансов через несколько месяцев так или иначе должна будет сократиться в объеме»¹.

Но как остро ни чувствовали французы и англичане последствия войны, они были полны решимости продолжать борьбу и были уверены в конечной победе. «Народ сам не знает истинного положения вещей, — писал Хауз, — и нельзя чересчур строго порицать правительства за то, что они об этом не говорят, ибо жизненно необходимо, чтобы мужество и энтузиазм народа оставались добела раскаленными».

Но если войне суждено было продолжаться, то участие в ней США можно было рассматривать лишь как вопрос времени. Было очевидно, что чем сильнее прижимали к стене тех людей, которые властвовали над Германией, тем больше они склонялись к возобновлению подводной войны, а это почти автоматически заставило бы нас вступить в войну. Это

¹ Грэй. Двадцать пять лет, изд. Фредрик А. Стоукс К^о, т. II, с. 131.

ГЛАВА XXI

настолько ясно было для большинства тех людей, кто признавал угрозу кризиса, что 21 декабря Лансинг публично заявил, что мы «на грани войны». Не могло быть никаких сомнений в том, что настал момент готовиться в военном отношении для того, чтобы наше участие было эффективным, в дипломатическом отношении, для того, чтобы разъяснить наши цели войны.

ГЛАВА XXI

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ НА МИР

В свете последующих событий ясно, что Германия упустила великую возможность заключить мир.

Виконт Грэй оф Фаллодон, — «Двадцать пять лет».

1

Следует отметить, что решимость президента Вильсона сохранить нейтралитет США, казалось, была наиболее твердо выражена за несколько недель до нашего разрыва с Германией. Именно эта решимость вызвала отправку декабрьской ноты. Вильсона не поколебала ни неудача его попытки начать переговоры, ни неизбежная опасность возобновления подводной войны Германией.

События истекшего года усилили пацифистское настроение Вильсона. До 1916 г. его симпатии, хотя он тщательно их скрывал, были на стороне союзников, и он соглашался с Хаузом, что благосостояние мира зависит от поражения Германии. Но отказ союзников принять его предложение о вмешательстве вызвал у него подозрение относительно их мотивов и опасение, что военную помощь они использовали бы только для того, чтобы разжечь националистский дух Европы. Он относился с крайним недоверием к действительным намерениям всех воюющих правительств, каковы бы ни были их декларативные военные цели. На него очень сильно подейст-

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ НА МИР

вовал также ход избирательной кампании, который убедил его в том, что он обязан своим переизбранием главным образом голосам тех людей, которые рассчитывали, что благодаря ему избегнут войны. Он считал, что наказ о мире его обязывает.

4 января 1917 г. Хауз записал содержание беседы, в которой он с Вильсоном обсуждал необходимые шаги на случай, если Германия объявит неограниченную подводную войну.

«Я воспользовался случаем, — писал Хауз, — выразить уверенность, что на случай войны мы не должны быть настолько неподготовлены...

Президент ответил: «Войны не будет. Наша страна не намерена быть вовлеченной в эту войну. Мы единственная из всех великих белых наций, которая не воюет, и было бы преступлением против цивилизации, если бы мы в войну вступили».

«Президент может еще переменить мнение, — добавил Хауз, — как я уже говорил, он часто меняет взгляды».

Советники президента Вильсона рассматривали положение более практически. Допуская, что большинство населения горячо желало сохранить мир, они полагали, что и без предупреждения может разразиться кризис, перед которым правительство было бы бессильно сохранить мир. Все зависело не от нашего желания, а от германского решения. Возобновление подводной войны неизбежно повлекло бы за собой разрыв. Близкие к президенту круги были обеспокоены тем, что не ведется более решительная и активная подготовка к кризису как в военном, так и в дипломатическом отношениях.

«Мы находимся на грани войны, — писал Хауз в ноябре, — а между тем ровным счетом ничего не сделано для немедленной подготовки...»

«14 декабря 1916 г. Я имел возможность поговорить с министром Даниельсом на обеде, где собрался кабинет. От него я узнал столько, что целиком подтвердились мои худшие опасения насчет нашей неподготовленности...

ГЛАВА XXI

Я убежден, что место президента в истории в значительной степени зависит от счастливого случая. Если мы окажемся вовлеченными в серьезную войну, которая окончится для нас поражением, он будет одним из наиболее дискредитированных президентов в нашей истории... У нас нет тяжелой артиллерии. А если бы она у нас и была, то не было бы опытных людей, умеющих с нею обращаться. У нас нет ни авиации, ни людей для ее обслуживания, и так во всем.

Я верю, что президенту удастся выпутаться и ничего не случится, но я бы спать не мог спокойно, если бы на моих плечах лежала такая ответственность...»

«23 декабря 1916 г. Я держу непрерывную связь (с Вашингтоном) по внешним делам. Министерству иностранных дел до боли надоела политика президента: laissez faire¹. Я обещал на будущей неделе поехать (в Вашингтон), но желания у меня нет никакого. Почти невозможно заставить президента созвать общее совещание. То я вижусь с ним, то с Лансингом, а в результате — ни с места. Нам нужно совещание втроем, чтобы выработать определенную программу, которой следует придерживаться, насколько это позволят обстоятельства...»

«2 января 1917 г. Н. очень обеспокоен положением в Вашингтоне, особенно настроением президента. Он полагает, что президент готов сохранить мир почти любой ценой. Он также обеспокоен отсутствием действенной программы...».

«4 января 1917 г. Приезжал Х., провел у меня три четверти часа. Он страшно подавлен. Он считает, что президент утратил всякий интерес и «напористость», что все как бы бесцельно плывет по течению...»

В надежде выработать определенную программу полковник Хауз предложил президенту план, который имел значительные последствия. 27 декабря в письме к Вильсону он посоветовал ему сформулировать основные пункты договора о

¹ Laissez faire, laissez passer — «Будь, что будет» (франц.) — *Прим. ред.*

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ НА МИР

прочном мире, который могли бы поддержать США. Это явилось бы развитием его декларации от 27 мая 1916 г.

Основы будущей международной организации могли быть изложены настолько в общих чертах, что не имели бы оскорбительного характера предложения о посредничестве. Между тем, если США остались бы нейтральными, то существовала бы основа, на которую в любое время могли рассчитывать воюющие стороны, если бы пожелали американского посредничества. С другой стороны, если США вступят в войну против Германии, то эти основы будут служить предупреждением для союзников о том, что Америка сражается не за их националистские военные цели, а ради безопасности и спокойствия всего мира.

Президент принял предложение молча, но обратил на него внимание и при первой возможности говорил об этом с Хаузом.

«3 января 1917г. Президент пожелал узнать, — писал Хауз, — какого я мнения о том, чтобы он в какой-нибудь форме определил свое мнение об общих условиях соглашения, причем краеугольным камнем соглашения должна быть будущая всеобщая безопасность; территориальные изменения должны быть подчинены общей цели. «Я был в восторге, так как точно то же я говорил Бернсторфу и писал президенту в своем письме от 27 декабря... Война и ее последствия превратились в слишком важную проблему, чтобы ее можно было решить обычным путем, и условия разрешения этой проблемы должны были быть самыми справедливыми и прекрасными, какие только мог придумать человеческий ум.

Мы долго говорили о том, какие условия он может предложить и в какой форме это сделать. Я полагал, что если он хочет произвести внушительное впечатление, то эти условия можно изложить в послании к конгрессу. Если же на первых порах он не желал привлекать большого внимания, то лучше всего изложить эти условия в речи перед собранием какого-нибудь общества. Он считал, что сможет сделать это в своем

выступлении перед сенатом, на этом мы условно остановились к концу беседы.

Мы считали, что основной принцип, который он должен установить, заключается в праве народов избирать для себя форму правления. Это, конечно, затрагивает большое число стран. Мы полагали, что поскольку Германия и Россия согласились предоставить независимость Польше, это должно быть включено в условия. Естественно, мы согласились на том, что должна быть восстановлена независимость Бельгии и Сербии. Мы были не совсем уверены насчет Эльзас-Лотарингии, но согласились, что Турция [в Европе] должна перестать существовать. Я предложил также прибавить что-нибудь о праве России на теплый морской порт. Если этого не сделать, то останется болезненное место, которое со временем приведет к новой войне.

Возник вопрос о том, что будет с нашим послом в Константинополе после произнесения этой речи: будет ли он поспешно казнен или ему дадут возможность спастись бегством из Турции. Мы подумали также об американских колледжах в Турции. Когда вернусь в Нью-Йорк, я изучу этот вопрос внимательней и набросаю для президента более подробный план, который привезу на будущей неделе¹.

Я благословил его на совершение этого великого и драматического дела и сказал: «Теперь вы играете на то, что игроки в покер называют голубыми фишками²; нельзя мирно посиживать и давать великим событиям себя захлестывать. Гораздо лучше забрать все в руки и играть самому».

Оба мы считали, что речь перед сенатом следовало бы произнести в ответ на просьбу сената изложить, чего требует Америка взамен своего согласия на присоединение к

¹ Для того чтобы не затемнять сущности своего послания, Вильсон решил не делать в нем никаких заявлений о решении территориального вопроса; он только упомянул о необходимости создания единой независимой Польши. Ровно год спустя вместе с Хаузом он претворил основные пункты этой беседы в известные четырнадцать пунктов.

² Фишки, обозначающие четырехзначное число (*прим. пер.*).

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ НА МИР

Лиге укрепления мира. Что бы президент ни сказал в этой связи, оно касалось бы главным образом нас самих и не могло бы быть истолковано как вмешательство в дела воюющих сторон. Хотя в действительности это и было бы предложением мирных условий, но с виду оно оставалось бы заявлением об условиях, на каких мы готовы присоединиться к Лиге укрепления мира».

«11 января 1917 г. Сегодня утром мы выехали в Вашингтон, и, как ни странно, поезд пришел вовремя. Почти тотчас по приезде мы с президентом открыли наше исполнительное заседание. Президент закрыл дверь кабинета, чтобы нас никто не прерывал; мы беседовали около двух часов, располагая большим временем, чем обычно, так как обед, который Лансинг давал президенту, был назначен на восемь часов, а в Белом Доме всегда обедали в семь...

Он зачитал послание, которое приготовил в соответствии с нашим соглашением на прошлой неделе. Это благородный документ, который, мне думается, останется жить в веках. Как обычно, в одном месте он впал в неправильный тон, чего, по-видимому, он не может избежать; он написал: «Эта война была вызвана взаимным недоверием»¹. Я попросил его вычеркнуть эту фразу, что он и сделал. В другом случае он писал: «Каждая сторона заявляет, что не имеет желания унижить или уничтожить другую». Я попросил его вычеркнуть слово «унижить», что он тоже сделал.

Я спросил его, показывал ли он послание Лансингу. Он ответил, что не показывал еще никому, но перед тем как отдавать на телеграф, прочтет его министру иностранных дел и сенатору Стоуну². Он считал, что Лансинг не сочувствует его намерению держаться в стороне от войны...

¹ Несомненно, полковник Хауз согласился бы признать, что основной причиной войны было взаимное недоверие; но он хотел, чтобы в послании были избегнуты всякие спорные вопросы относительно причин войны, так как речь предназначалась для сохранения в будущем устойчивого положения во всем мире, и она, насколько это возможно, должна была подчеркнуть общие принципы, которые были бы встречены всеобщим одобрением.

² Председатель сенатской комиссии внешних сношений.

ГЛАВА XXI

Мы решили, что послание должно быть зачитано перед сенатом, и обсудили, в какой форме лучше всего довести текст послания до сведения народов воюющих стран. Президент больше беспокоится о том, как довести послание до сведения народов, чем до сведения правительств... Я предложил передать по телеграфу текст в Лондон, Париж, Берлин и Петроград, поручив Джерарду передать его Центральным державам, а Шарпу — странам Антанты, за исключением России и Англии, куда послание должно быть передано прямым путем. На этом мы пока остановились, хотя его и смущали большие расходы. Мы также решили, чтобы послы позаботились о том, чтобы послание было полностью опубликовано во всех воюющих странах. Это важно, как можно убедиться из самого текста послания».

17 января полковник Хауз получил от президента письмо, извещавшее его, что речь готова. Вильсон переговорил о ней с министром иностранных дел и председателем сенатской комиссии внешних сношений, которые, как сообщал Вильсон, приняли речь тепло, хотя Стоун казался несколько ошеломленным. Речь была зашифрована для телеграфной передачи посольствам, и как только президенту сообщат, что она дошла до адресатов, он выступит перед сенатом. Вильсон сообщал, что сенатор Стоун, который в прошлом году выступил против позиции президента в вопросе о вооруженных торговых судах, заявил, что откладывает все прочие дела и предоставляет себя в распоряжение президента.

2

22 января президент зачитал свое послание перед сенатом. Идеи, обсужденные им с Хаузом, были изложены настолько выразительно, что видный английский критик либерального толка Дж. Лоуз Дикинсон впоследствии назвал речь «пожалуй самым важным в истории международным документом»¹.

¹ «На распутье» (The Choice Before Us), с. 270.

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ НА МИР

Вильсон ясно сказал, что такое разрешение вопроса, когда та или иная сторона останется раздавленной и исполненной духом мщения, не даст безопасности в будущем. «Это должен быть мир без победы». Основой мира, настаивал президент, должно быть право каждой отдельной нации самой решать свою судьбу без вмешательства более сильного внешнего врага.

«Я предлагаю, — заявлял президент, — всем нациям единодушно принять доктрину президента Монроэ как всемирную доктрину, а именно: ни одна страна не должна стремиться установить свой образ правления в другой стране или над другим народом; всякий народ должен быть свободен в определении своей собственной формы правления, собственных путей развития, беспрепятственно, безбоязненно, не подвергаясь угрозе, — малые народы наравне с великими и могущественными».

Старая система европейских союзов, приведшая к мировой войне, оказалась явно несостоятельной и не могла поддержать подобные принципы; президент Вильсон утверждал, что ее должен заменить всеобщий концерт держав.

«В концерте всеобщей мощи нет запутанных союзов. Когда все объединятся, чтобы действовать в едином духе и с единой целью, то все действуют в общих интересах и свободны жить так, как хотят, под всеобщей защитой».

Таковыми в действительности и были принципы, которые все страны мира согласились признать, когда окончилась война и когда, два года спустя после этой речи, они выработали устав Лиги наций.

Послание президента встретило среди либеральных государственных деятелей и публицистов Америки, равно как и Европы, немедленный и благодарный отклик. Холл Кэйн писал: «Пусть президент Вильсон почерпнет мужество в том приёме, который был оказан его замечательной речи. Лучшая часть нашего общественного мнения прониклась глубоким сочувствием и немим восхищением». Вскоре и другие убедились, что Вильсон сказал то, о чем многие жаждавшие думали, чтобы кто-нибудь сказал эти слова.

ГЛАВА XXI

24 января лорд Брайс писал Хаузу, называя речь президента «в высшей степени убедительной». Англичане горячо оценили дух речи, писал он, и желали бы видеть воплощенными в жизнь условия, которые президент считал необходимой предпосылкой для лиги мира. Не понимал он только одного: как могут быть достигнуты эти условия при существующем германском правительстве, — «правительстве, которое продолжает демонстрировать полное пренебрежение к справедливости и гуманности, охотясь за рабами и совершая другие жестокости в Бельгии, и выражает полное презрение к духу договоров и других международных обязательств и соглашений».

Брайс снова заявил, что в Англии нет движения за мир, но такое движение существовало бы, если бы не поведение германского правительства. Если бы был какой-нибудь шанс на то, что Германия уступит Эльзас-Лотарингию, Австрия — Трентино и турки — Армению, то он был бы рад это услышать. Эти уступки, по его мнению, были жизненно необходимы для установления равновесия и безопасности в Европе.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 23 января 1917 г.

«Дорогой начальник!

Отклики на речь звучат отлично. «Манчестер гардиен» пока что откликается лучше всех и предостерегает английское правительство в весьма определенных выражениях.

Сегодня у меня снова был Гувер; я почерпнул от него идею, которую стоит рассмотреть. Заключается она в том, чтобы следующим шагом был запрос, обращенный к каждому из воюющих правительств, согласны ли они с принципами, изложенными в вашей речи. Если нет, то против чего они возражают. Если же они согласны, то вы вполне будете вправе просить их собраться на конференцию.

Сэр Уильям Уайзман не вернулся из Вашингтона, так как считает более целесообразным остаться сегодня там для того,

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ НА МИР

чтобы узнать окончательное мнение союзников. Уайтхауз¹ страшно доволен.

Преданный вам Э. Хауз».

На следующий день президент писал Хаузу, что его заинтересовало сообщение Уайзмана, но заявлял, что главным образом он хочет знать, что сейчас на уме у германского правительства. В письме не было никаких признаков самодовольства по поводу той выдающейся роли, какую он принимал на себя, он не выражал также никаких желаний, кроме одного — служить делу мира. В конце письма он снова благодарил Хауза за оказанную ему помощь и поддержку и признавался, что временами он, помимо воли, чувствовал себя очень одиноким и подавленным.

Уныние Вильсона было в значительной мере оправдано. Хотя американские и английские либералы приветствовали выдвинутые им принципы и называли его речь новой хартией международных отношений, настроение официальных кругов, хотя и сдержанное, продолжало оставаться бесспорно враждебным. Они возражали не против его принципов, но против их применения. Союзническая печать извлекла из его речи неудачную фразу «мир без победы» — неудачную потому, что такая фраза, как «мир примиренных», лучше объяснила бы замысел президента, — и утверждала, что его речь доказала полную его неспособность понять факторы, лежащие в основе европейского положения.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 25 января 1917 г.

«Дорогой начальник!

...Уайзман привез невеселые вести из Вашингтона. Он сказал, что внешне и официально ваше послание было

¹ Член английского парламента, либерал.

ГЛАВА XXI

встречено дружелюбно, но за этим кроется глубокое недовольство. Это чувство строится на том, что вы выдвигаете предложение об укреплении мира в будущем, в то время как союзники отдают свою кровь и богатства ради этих же целей в настоящий момент. Если бы Германия согласилась на арбитраж, как того требовал Грэй, то не случилась бы эта война. Но Германия отказалась, а союзники делают теперь как раз то, что по вашей идее следует делать в будущем, и потому мы должны проявить больше сочувствия к тому, что они делают сейчас. Они считают, что мы непоследовательны, желая дать Германии возможность избежать наказания за нарушение тех самых правил, которые вы предлагаете на будущее.

Он говорит, что этот взгляд разделяют все союзнические круги в Вашингтоне.

Лично Уайзман считает, что, чрезмерно понуждая в настоящий момент союзников к миру, вы наносите вред делу демократии. Он утверждает, что власть во всех воюющих странах находится сейчас в руках реакционеров и неизбежно окажется в их руках, когда кончится война. Он полагает, что если мы не будем осторожны, то убедимся, что после заключения мира все эти силы в правительствах воюющих стран объединятся, причем не исключена возможность, что их общая ненависть к демократии сосредоточится против нашей страны.

Он говорит, что сперва должен быть заключен мир и только потом выработан план для усиления арбитража. Он считает, что после подписания мира и до соглашения об арбитраже реакционные силы, быть может, откажутся вступить в какую бы то ни было лигу обеспечения будущего мира и найдут какой-нибудь предлог, чтобы повернуться против нас ради спасения автократии.

Это кажется мне весьма отдаленной возможностью, тем не менее, на вашем месте, предосторожности ради, я поспешил бы с проведением военных и морских планов.

Мы плывем по широкому взбаламученному морю, но я

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ НА МИР

твердо верю в конечное благо, к которому приведут ваши благородные усилия.

Преданный вам Э. М. Хауз».

3

Речь Вильсона от 22 января была не только программой по организации постоянного мира; кроме того, она предоставляла Германии возможность заявить своему народу и всему миру, что, принимая во внимание ту безопасность, какую, по-видимому, обеспечивали принципы Вильсона, она могла позволить себе отказаться от своих требований территориальных гарантий, которые ее враги считали лишь предлогом для оправдания агрессивных аннексий. Своим согласием с предложенными президентом основами мира Германия яснее всего доказала бы искренность своего утверждения о том, что она вела только оборонительную войну.

Чтобы понять, какая возможность была предоставлена Германии, обратимся к положению, создавшемуся в декабре в результате вильсоновской ноты, приглашавшей воюющие страны назвать свои условия. Бернсторф лучше всех знал, как туго натянут был волосок, на котором держались с виду дружественные отношения США и Германии. Хотя германское правительство не держало своего посла в курсе всех дел, но он понимал, что берлинские власти обсуждают проблему возобновления подводной войны, а положительное решение неизбежно ускорит разрыв. Становилось очевидным, что события будут развиваться бурно и предупредить разрыв можно было только фактическим началом мирных переговоров. Он понимал также, что пока Германия не назовет своих условий мира, нет никакой надежды начать переговоры. Если бы ему удалось добыть такое заявление, причем условия оказались бы приемлемыми, то полковник Хауз смог бы поставить этот вопрос перед англичанами. Тем временем президент Вильсон сможет объявить свою программу мирного устройства, которое спасало бы Германию от того поли-

ГЛАВА XXI

тического и экономического уничтожения, которого она страшилась.

Полковник Хауз не был оптимистично настроен: он не раз писал Вильсону, что на германскую дипломатию нельзя полагаться, а сами немцы «ненадежные клиенты». Тем не менее он знал, что Бернсторф нажимал, где только возможно, чтобы предотвратить возобновление беспощадной подводной войны, и старался ухватиться за всякую, самую малую, возможность на умеренных условиях покончить с войной.

«27 декабря 1916г. Сегодня утром был германский посол, — писал Хауз. — Он недоволен ответом Германии на ноту президента. Он намерен дать своему правительству единственный правильный совет — назвать условия. Но он не верит в то, что правительство объявит о них открыто. Он полагает, что они (немцы) не пожелают послать свои условия через наше министерство иностранных дел, потому что оттуда просачивается очень много сведений.

Поэтому мы уговорились, что если президент одобрит план, то он, Бернсторф, телеграммой запросит у своего правительства условия, которые будут известны только президенту и мне. Я сказал Бернсторфу, что его правительству было бы выгодно исходить из идеи постоянного мира. В этом случае, я полагал, их позиция будет неприступна; они могли бы заявить всему миру, что, независимо от того, как началась война и каковы были интересы различных воюющих стран вначале, сейчас война приняла настолько ужасающие формы, что всем следует объединиться на такой платформе, которая предотвратила бы еще одну подобную войну. И далее, что по сравнению с этим основным фактом вопрос о территории не имеет значения.

Бернсторф согласен это сделать».

В течение последующих недель германский посол, по-видимому, вполне искренно боролся со своим правительством, чтобы добиться от него определения условий, которые могли бы положить конец войне, а также принятия Германией общих принципов международной организации, которые

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ НА МИР

Вильсон должен был изложить в своей речи перед сенатом. Бернсторф поддерживал тесную связь с Хаузом, который, независимо от своего недоверия, понимал, как важно было заставить Германию точно назвать свои условия.

Ситуация в Австрии и в Венгрии казалась более благоприятной для начала мирных переговоров. Смерть престарелого императора Франца-Иосифа привела на трон Карла, которого подозревали в недовольстве немецким хозяйничанием в Австро-Венгрии; его жена Зита, из дома Бурбонов, питала дружеские чувства к Франции. Посол Джерард сообщал, что среди венгерцев наблюдается усталость от войны, но в то же время среди немцев растут антиамериканские настроения.

Бернсторфский план получения от Германии условий, которые могли бы быть секретно переданы союзникам через Хауза, а также речь Вильсона от 22 января, в которой президент требовал организованного мира ради безопасности, указывали Берлину путь к спасению. Для Германии было еще не слишком поздно сохранить свои политические и экономические позиции в Европе, хотя ей пришлось бы отречься от своих милитаристских лидеров и агрессивных замыслов. «Как выглядит все это сейчас? — пишет Грэй в своих мемуарах. — В свете последующих событий ясно, что Германия упустила великолепную возможность заключить мир. Если бы она приняла политику Вильсона и согласилась на участие в конференции, союзники не могли бы отказаться. Они зависели от американского снабжения, они не могли рисковать недовольством правительства США и еще в меньшей степени сближением США с Германией. Немцам остается лишь размышлять о том мире, который они могли бы заключить в 1916 г., и сравнивать его с миром 1919 г.»¹.

Но Берлин оставался глух к этим голосам. Военные правители Германии знали, что для того, чтобы заключить мир, они должны пасть. Они знали, что на те условия, которые они задумали, Вильсон никогда не согласится. И они

¹ Грэй Э. Двадцать пять лет, т. II, с. 135.

ГЛАВА XXI

отказались пожертвовать собой, изменив эти условия, хотя бы это и означало не дать спасения их стране. Было ясно, что после неудачи декабрьских нот о мире и твердого ответа союзников на запрос Вильсона об условиях мира, никакой надежды на достижение целей путем переговоров у немцев не было. Отсюда — решение возобновить подводную блокаду. Адмиралтейство и генеральный штаб обещали посредством этой блокады изолировать Англию, раздавить Францию и победоносно закончить войну. Кайзер и канцлер уступили.

Посол Бернсторф догадывался о ходе событий в Берлине, но о настоящем решении ему не сообщали вплоть до середины января. В течение трех недель он продолжал настаивать, чтобы его правительство назвало условия, каждый день обещал сообщить о них Хаузу и заверял его в готовности Германии согласиться на принципы Вильсона. Полковник, хотя и ободрял Бернсторфа в его усилиях, чувствовал, что его подозрения относительно германских намерений увеличиваются, особенно по мере того как оказывалось, что посол не в состоянии добиться определенных обязательств со стороны своего правительства.

«Сегодня самым интересным посетителем был капитан Гай Гонт, — писал Хауз в конце января. — Я определил ему диагноз положения следующим образом; кайзер, канцлер и Германия вообще желают мира. Фон Гинденбург и Людендорф, которые управляют Германией, полагают, что мир скорее можно добыть мечом, чем переговорами. Поэтому кайзер и канцлер не смогут предложить такие условия, которые были бы приемлемы для союзников. Он, Гонт, говорит мне, что «Интеллидженс сервис»¹ работает прекрасно. У них имеются отчеты обо всем, что происходит в Берлине, и они часто получают копии очень важных писем и документов. Он говорит, что в одном письме фон Бернсторф излагает свое мнение обо мне и заявляет, что «Хауз у него в кармане». Гонт обещал

¹ Английская разведка — (ред.).

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ НА МИР

показать копию этого письма. Я сомневаюсь, говорил ли это Бернсторф»¹.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 20 января 1917г.

«Дорогой начальник!

...Прилагаю копию письма, полученного сегодня утром от Бернсторфа. Они ненадежные клиенты и трудно заставить их сделать что-либо определенное. У англичан знаешь, с кем имеешь дело. Они могут быть упрямы и они могут быть глупы, но на них можно положиться.

Немцы пытаются маневрировать, чтобы занять какую-то определенную позицию, но что у них на уме, остается загадкой...

Возможно, они маневрируют для того, чтобы подготовиться к возобновлению неограниченной подводной войны. Им хотелось бы возложить всю вину на союзников и оправдать Германию в глазах нейтральных стран за то, что она прибегла к крайним мерам... Если мы сможем связать Германию конференцией так, чтобы она не могла возобновить свою необузданную подводную войну, это будет большой выигрыш; а раз конференция приступит к работам, она не сможет закончиться ничем иным, как заключением мира.

Преданный вам *М. Хауз*».

19 января Бернсторф был извещен о решении Берлина. Он употребил все силы, чтобы его изменить. Снова и снова телеграфировал он своему правительству, умоляя его отложить объявление подводной блокады или сообщить условия, которые могли бы привести к переговорам, но напрасно. Капитуляция кайзера и Бетгмана перед Людендорфом и Гин-

¹ В одном случае, по крайней мере, Бернсторф писал: «Разумеется, поскольку дело касалось Хауза, я мог довольно легко заставить его держаться в стороне». См. «Официальные германские документы, относящиеся к мировой войне», с. 981.

ГЛАВА XXI

денбургом разрушила все его старания, которые всегда были направлены к тому, чтобы держать США в стороне от войны и добиться мира через Вильсона.

На следующий день после получения известия о германском решении Бернсторф писал Хаузу в явно удрученном состоянии, твердо намекая, что дальнейшие беседы принесут мало пользы. Хауз предостерег его от опасности возобновления подводной войны. Впрочем, это предостережение было излишним, так как сам Бернсторф в своих донесениях в Берлин часто пользовался почти такими же выражениями. По привычке Бернсторф возложил всю вину на «кампанию голода», организованную Англией, несмотря на тот факт, что Германия отказалась прекратить пользование подводными лодками даже в том случае, если Англия согласится прекратить продовольственную блокаду.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 26 января 1917 г.

«Дорогой начальник!

Бернсторф только что ушел. Он сказал, что вся власть в Германии находится в руках военных во главе с Гинденбургом и Людендорфом. Людендорф, как вы знаете, начальник штаба у Гинденбурга.

В ответ на прямой вопрос относительно влияния и власти кайзера он сказал, что ему кажется, будто кайзер умышленно оставил все в руках Гинденбурга. Вывод был таков, что какие бы ни были совершены ошибки и как бы вопрос ни был решен, это были бы ошибки и решения Гинденбурга, а не кайзера...

Я обратил его внимание на опасность, которая заключалась в отсрочке мира и вероятности конфликта с нами из-за подводной войны. Он признал, что это реальная опасность, так как подводная война начнется с новым рвением и упорством, как только откроется весенняя кампания, и тогда все

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ НА МИР

надежды на немедленное заключение мира исчезнут. Он полагал, что раз весенняя кампания начнется, то мира не может быть до осени. На это я ответил, что если война продлится так долго, то союзники не заключат мира с Германией осенью, так как пожелают затянуть ее еще на одну зиму в надежде, что их блокада окажется эффективной.

Это я заявил для того, чтобы рассеять представление, будто мир, которого нет сейчас, наступит осенью.

Я заявил ему, что Германия должна представить вам нечто конкретное и сделать это надо немедленно. Я посоветовал им заявить, что они готовы эвакуировать Бельгию и Францию и согласятся на *взаимное* возвращение территорий, репарации и возмещение убытков. Последнее его, по-видимому, смутило, хотя в одной из предыдущих бесед он предлагал это сам.

Я заявил ему, что вы ждете чего-нибудь такого, что можно было бы использовать среди народов союзнических стран, и тогда общественное мнение могло бы заставить правительства обсудить вопрос о мире...

Преданный вам Э. Хауз».

4

Пять дней спустя германский посол не очень элегантно жестом сбросил маску, которую он носил в течение двух недель.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 30 января 1917г.

«Дорогой начальник!

Бернсторф только что позвонил мне и сообщил, что завтра он придет с курьером очень важное письмо. Я спросил его, было ли оно ответом (на американское требование о германских условиях мира); он ответил: «Частично».

Любящий вас Э. М. Хауз».

ГЛАВА XXI

Письмо Бернсторфа заслуживает внимательного прочтения, ибо трудно было бы найти документ, проникнутый большей иронией. Оно написано в тот же день, когда посол объявил Лансингу, что Германия берет обратно свое обязательство в отношении подводной войны; это заявление, как Бернсторф знал, должно было привести к немедленному разрыву. В момент, когда берлинское правительство решилось на шаг, который означал войну с США, в письме следовали заверения о дружбе к Америке и содержалась просьба к президенту продолжать усилия на пользу мира, который, согласно указанным в письме условиям, мог означать только германский триумф. Какой контраст между этими условиями, изложенными с такой дерзостью, и условиями, установленными Версальским договором! Каким сумасшествием было для правителей Германии толкнуть Вильсона на войну, таким образом обеспечивая собственное поражение в момент, когда он более, чем когда-либо, стремился работать на дело мира, который определил бы ничейный исход!

Основное содержание письма Бернсторфа было, конечно, продиктовано по телеграфу из Берлина и попросту передано послом Хаузу.

Письмо Бернсторфа Хаузу

Вашингтон, 31 января 1917 г.

«Дорогой полковник Хауз!

Я получил из Берлина телеграмму, согласно которой мне поручено выразить президенту благодарность императорского правительства за переданное им через вас сообщение. Императорское правительство выражает свое полное доверие президенту и надеется, что он оплатит таким же доверием. В качестве доказательства я уполномочен конфиденциально информировать вас, что императорское правительство будет чрезвычайно радо принять услуги, с такой любезностью предложенные президентом с целью созыва мирной конференции воюющих сторон. Все же мое прави-

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ НА МИР

тельство в настоящий момент не может опубликовать какие-либо условия мира, так как наши враги опубликовали такие условия мира, которые направлены к обесщечению и уничтожению Германии и ее союзников. Мое правительство считает, что до тех пор, пока наши враги будут открыто заявлять о таких условиях, с нашей стороны означало бы проявить слабость, которой на самом деле нет, если бы мы опубликовали наши условия. Этим мы только затянули бы войну. Все же, для того чтобы выразить наше доверие президенту Вильсону, мое правительство желает через меня информировать его лично об условиях, при которых мы были бы готовы вступить в переговоры, если бы наши враги согласились на наше предложение от 12 декабря:

«Возвращение части Верхнего Эльзаса, оккупированной французами.

Установление границы, которая экономически и стратегически защищала бы Германию и Польшу от России.

Возвращение колоний в форме соглашения, которое отдавала бы Германии колонии, в соответствии с ее населением и экономическими интересами.

Возвращение тех частей Франции, которые оккупированы Германией, при условии стратегических и экономических изменений границы и финансовой компенсации.

Восстановление независимости Бельгии, предусматривающее особые гарантии для безопасности Германии, которые будут установлены путем переговоров с Бельгией.

Экономическая и финансовая взаимная компенсация на основе обмена завоеванными территориями, которые должны быть возвращены по заключении мира.

Компенсация для германских торговых фирм и частных лиц, пострадавших от войны. Отказ от всех экономических соглашений и мероприятий, которые смогли бы создать препятствие для нормальной торговли и сношений после заключения мира, и вместо таких соглашений — заключение разумных торговых договоров.

Свобода морей».

ГЛАВА XXI

Условия мира наших союзников совпадают с нашими условиями.

Далее, мое правительство согласно после окончания войны участвовать в предложенной второй международной конференции на основе послания президента к сенату.

Мое правительство с радостью отложило бы подводную блокаду, если бы оно могло это сделать. Но это было совершенно невозможно ввиду сделанных приготовлений, которые не могли быть отменены. Мое правительство полагает, что подводная блокада очень скоро покончит с войной. Тем временем мое правительство будет делать все возможное, чтобы охранить американские интересы, и просит президента продолжать его усилия к достижению мира, а мое правительство откажется от подводной блокады, как только станет очевидным, что усилия президента приведут к миру, приемлемому для Германии...

Искренне ваш *И. Бернсторф*.

P. S. Я не мог вовремя получить перевод официального ответа на ноту президента, чтобы прислать его вам. Я так спешил передать вам изложенные выше, крайне важные новости, т. е., что блокада будет прекращена в случае, если удастся начать переговоры на благоразумных условиях».

Владыки Германии не питали никаких иллюзий. Впоследствии Беттман заявил перед комиссией германского национального собрания: «Подводная война означала разрыв, а в конечном счете войну с Америкой». Бернсторф в своих мемуарах пишет: «Внезапное объявление неограниченной подводной войны нанесло смертельный удар всем надеждам на установление мира».

В разных германских кругах часто утверждалось, что объявление беспощадной подводной войны было не причиной, но лишь предлогом для разрыва между США и Германией; могущество американских финансовых интересов так или иначе заставило бы Америку вступить в войну; сам Вильсон был преисполнен симпатий к союзникам. Это утверждение доказыва-

ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ НА МИР

ет глубокое непонимание вещей. Никогда Вильсон не был более пацифистски настроен, чем в момент германской декларации; никогда не было для него более ясно, что стремления союзников так же корыстны, как стремления Германии. Единственное, чем можно было убедить его, что он не прав, и превратить его в германофоба, это — выступление Берлина.

Письмо германского посла произвело на полковника Хауза немедленное и определенное действие.

«Абсурдно называть письмо, — писал Хауз, — ответом на наше требование об условиях. Германия, очевидно, уже давно решила на подводную войну, и выдвинутые ею месяцы тому назад мирные предложения, вероятно, были рассчитаны для домашнего употребления и для того, чтобы оправдать позицию свою в глазах нейтральных стран. Германия хочет найти какое-нибудь оправдание для подводной войны и думает, что сможет этого достигнуть своей декларацией о готовности заключить мир».

Полковнику не надо было напрягать свой ум, чтобы понять, что германская декларация означала войну. Он был занят весь вечер, так как слухи распространились по всему Нью-Йорку. Люди говорили: «Вот она, наконец». Произойдут ли беспорядки, взрывы на военных заводах, крушения поездов как практическая демонстрация тех германских интриг, о которых все говорили в продолжение двух лет? Что предпримут интернированные германские суда?

«По мере приближения вечера, — писал Хауз, — возбуждение все росло, так как сведения начали поступать в разные агентства. Меня посетили Уайзман, Гонт, журналисты и т. д. и т. д., чтобы обсудить эти новости. Фрэнк Тромболл пригласил меня на обед в отеле Плаца. Возня с переодеванием, встречи с посетителями и ответы на телеграммы и телефонные звонки были почти невыносимы.

Среди приглашенных Тромболлом гостей должны были быть м-сс Генри Редмонт, Стювезант Фиш и один англичанин, Асквит. Меня все время вызывали к телефону. Уайзман сообщил мне, что в германских и австрийских кругах царило нео-

ГЛАВА XXI

бычайное оживление: всю ночь накануне консульства были открыты — они что-то замышляют насчет интернированных судов. Поэтому, прежде чем отправиться в Плаца, я позвонил Дадли Малону и успел его поймать в момент, когда он собирался уезжать на какой-то званый обед. Он отказался от приглашения на обед и тотчас же занялся необходимыми мерами предосторожности в отношении интернированных судов.

Я вынужден был, не дожидаясь конца, покинуть общество, собранное Тромболлом для развлечения, так как сговорился встретиться с Малоном перед отъездом в Вашингтон с 12-часовым поездом.

Дадли Малон приехал ко мне в 11 часов, и мы вместе отправились на вокзал. Я заметил, что среди служащих Пенсильванской железной дороги, которые знали о моем отъезде в Вашингтон, царило сильное, но скрываемое возбуждение. С того момента, как газеты выпустили экстренные издания, предвещавшие серьезное положение, атмосфера сразу стала напряженной».

Хауз приехал в столицу как раз вовремя, чтобы поспеть к завтраку в Белом Доме. Утро он провел с Вильсоном, и к половине двенадцатого Лансинг набросал текст официальных документов, которые порывали отношения между Германией и США.

ГЛАВА XXII

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

Но право — более драгоценно, чем мир.

*(Из послания Вильсона к конгрессу,
2 апреля 1917 г.)*

1

31 января 1917 г., в тот день, когда Бернсторф раскрыл перед Хаузом секретные германские условия, он послал Лан-

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

сингу по существу ясное, хотя и завуалированное красноречием уведомление о том, что Германия намерена возобновить беспощадную подводную войну.

«Начиная с 1 февраля 1917 г., без дальнейшего уведомления мы будем любыми доступными нам средствами останавливать всякое движение судов в запрещенной зоне, окружающей английские острова, и в Средиземном море; нейтральные суда, курсирующие в этих зонах блокады, совершают это на свой риск; рейсы американских пассажирских судов могут продолжаться на известных условиях, а именно: суда должны следовать по фарватеру, указанному немцами, иметь на себе известные отличительные знаки (красные и белые полосы на корпусе и красный флаг с белыми клетками) и не везти никакой контрабанды согласно германскому списку контрабанды.

При соблюдении этих условий можно отправлять раз в неделю в обоих направлениях по одному судну».

Бессознательный юмор этих требований, по крайней мере в глазах американцев, не лишил уведомления его мрачного значения, ибо это было кульминационным пунктом долгого спора между США и Германией, прелюдией к вступлению Америки в мировую войну. Начиная с весны 1915 г., президент Вильсон протестовал против использования Германией подводных лодок, что неизбежно приводило к отказу от обычая предупреждать и к пренебрежению жизнью мирных пассажиров. Неохотно, пытаясь всячески увильнуть, Германия согласилась сузить поле деятельности подводных лодок путем соблюдения правил о предупреждении и обыске. После потопления «Суссекса», весной 1916 г., Берлин обещал, что торговые суда не будут потопляться «без предупреждения и без спасения человеческих жизней». Антивильсоновское настроение среди многочисленных сторонников Антанты было настолько глубоко, что заслонило собой значение услуги, действительно оказанной Вильсоном союзникам путем ограничения действий подводных лодок. В то же время он оказал большую услугу, охраняя нейтральные права. К негодованию

ГЛАВА XXII

германских экстремистов Германия воздерживалась от подводной войны благодаря американским протестам.

В Германии придавали очень большое значение этой фактической, хотя формально нейтральной помощи, оказанной Антанте Америкой, равно как обширному вывозу американского военного снаряжения в Англию и во Францию. Во всяком случае германское верховное командование пришло к убеждению, что в качестве нейтральной страны США гораздо больше затрудняли германскую победу, сдерживая неограниченную подводную войну, чем действуя в качестве воюющей страны. Оно предпочитало, чтобы США непосредственно вступили в войну, чем лишали Германию единственного оружия, которое могло изолировать Англию и доставить немцам победу. Отсюда решение вернуть себе свободу действий в подводной войне и отказаться от обязательства, данного Берлином прошлой весной.

Это решение не было неожиданным. Еще ранней осенью люди в письмах из Берлина предупреждали, что если Вильсону не удастся завязать мирные переговоры, то на канцлера будет оказано непреодолимое давление с целью использовать любой доступный Германии вид оружия. Декабрьская нота Вильсона была результатом его убеждения в необходимости предпринять какой-то шаг для того, чтобы предотвратить опасность разрыва с Германией по вопросу о подводной войне. Даже в последующие дни и недели, в то время как Бернсторф расточал свои обещания добиться от Берлина умеренных условий мира, полковник Хауз оставался скептически настроенным. Он знал, что либеральные тенденции в германском правительстве потерпели поражение, и начинал подозревать, что целью декабрьских и январских переговоров было укрепить дух германского народа и создать впечатление, что война с немецкой стороны ведется исключительно ради самозащиты.

Вот почему письмо Бернсторфа, в котором он заявлял о возобновлении беспощадной подводной войны, не могло особенно удивить полковника Хауза, хотя и принесло горь-

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

кое разочарование. Когда в ответ на вызов президента он 31 января садился в ночной поезд, отправлявшийся в Вашингтон, то понял, что не только окончательно рухнули по вине германского правительства все надежды на американское посредничество, но, кроме того, приходил конец долгому периоду американского нейтралитета.

«Я отправился прямо в Белый Дом, — писал Хауз, — и завтракал один. Вскоре после завтрака появился президент; мы вместе провели время до двух часов дня. Я вручил ему письмо Бернсторфа, он прочитал его вслух. Он сразу увидел, насколько малоубедительным оно было. Если судить по телеграмме его правительства, то уверения Бернсторфа звучали насмешкой.

Президент сказал, что Лансинг готовит сообщение Бернсторфу, в котором приводит цитаты из наших и их нот по поводу «Суссекса» и их обещания от 4 мая. Это готовится на случай, если окажется целесообразным вручить Бернсторфу паспорта».

Казалось бы, что Вильсон гораздо больше, чем Хауз, полагался на посулы Бернсторфа о мирных предложениях Германии, которые смогли бы привести к переговорам. Инстинктивно он чувствовал, какую угрозу таит объявленная немцами мера, но ему казалось невероятным, чтобы все это могло случиться в момент, когда они только и говорили что о мире. Внезапный грубый трюк вызвал у него такой приступ гнева против германского правительства, какого у него не случилось по поводу прошлых поступков немцев. Он слишком понадеялся на то, что ему удастся созвать воюющих, и оттого досада его была еще сильнее.

«Президент был грустен и подавлен, — продолжал полковник запись, — и мне за целый день не удалось поднять его настроение. Он был глубоко раздосадован внезапным и ничем не вызванным поступком германского правительства... Президент говорил, что у него такое чувство, словно земной шар пошел вспять, и что сам он не может успокоиться.

ГЛАВА XXII

Дольше всего мы обсуждали вопрос о том, вручить ли Бернсторфу паспорта или же подождать, пока немцы не совершат какого-либо открыто враждебного акта. Обсуждение этого вопроса возобновилось после прихода Лансинга. Мы согласились на том, что лучше вручить паспорта немедленно — возможно, что в таком случае немцы одумаются. Если же мы стали бы ждать прямого действия, они решат, что мы покорно приняли их ультиматум. Кроме того, я думал о том, какое действие на союзников окажет вручение паспортов. Наша позиция будет несравненно более благоприятной, если мы будем действовать быстро, не выжидая».

В столице и по всей стране люди оживленно обсуждали, что предпримет Вильсон. В частном кабинете в Белом Доме вопрос, по-видимому, был ясен. После потопления «Суссекса» президент окончательно предупредил Германию, что дальнейшее неограниченное использование подводных лодок означало бы разрыв дипломатических отношений, и теперь он готов был осуществить свою угрозу. Впоследствии недоброжелатели Вильсона заявляли, что шаг, который он тогда обдумывал, следовало предпринять в связи с любым из того десятка случаев, которые имели место на протяжении предыдущих полутора лет. Но Вильсон решил, что разрыв не должен произойти из-за неясных причин. В каждом случае потопления судов, начиная с «Лузитании», показания были противоречивы. Но теперь Германия хладнокровно угрожала правам человечества, и терпению президента пришел конец.

Но даже теперь Вильсон отказывался поверить, что дипломатический разрыв означает войну. Может, быть, он исходил из доводов Уолтера Пэйджа, который утверждал, что одним лишь фактом отправки Бернсторфа домой США производят на Германию такое впечатление, что она убедится в безнадежности своего дела, и война прекратится,

Полковник Хауз с этим не соглашался. Он всегда был убежден, что дипломатический разрыв неизбежно приведет к

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

войне; его уверенность еще более усилилась оттого, что поражение либеральных элементов в Берлине означало непоколебимую решимость Германии довести подводную блокаду до предельного эффекта.

«Президент настойчиво заявлял, — писал Хауз, — что не позволит, чтобы этот шаг привел к войне, если будет хотя бы малейшая возможность ее избежать. Он все твердил, что со стороны нашего правительства было бы преступлением дать себя вовлечь в войну настолько, чтобы впоследствии сделать невозможным спасение Европы. Он говорил о Германии как о «сумасшедшем, которого надо связать». Я спросил его, считает ли он честным по отношению к союзникам просить их связать этого сумасшедшего, а нам самим остаться в стороне. Мой вопрос заметно смутил его, но он продолжал настаивать на своей решимости не быть вовлеченным в войну, если избежать ее окажется не в человеческих силах.

Утро мы провели в бездействии, пока в половине двенадцатого не пришел Лансинг. Президент нервным движением убрал на полку свои книги и начал ходить взад и вперед по комнате. М-сс Вильсон заговорила о гольфе и спросила меня, считаю ли я удобным, чтобы президент отправился поиграть в гольф. Я полагал, что американский народ считал бы, что в такое время президенту не следует заниматься подобными обыденными делами.

Публика не имеет никакого представления о том, что творится за кулисами в периоды государственных кризисов подобного рода. Если бы она смогла увидеть авторов и декорации и то, как готовится такая трагедия, для публики это было бы откровением. После того как дело решено, нельзя ничего предпринимать, пока не настанет время поднимать занавес. Это произойдет тогда, когда президент выступит перед конгрессом, чтобы объявить, почему он отсылает германского посла. В ожидании мы равнодушно убивали время. За полчаса мы покончили с вопросом и больше говорить было не о чем. Наконец президент предложил сыграть на

ГЛАВА XXII

биллиарде¹. К концу второй партии доложили о приходе Лансинга. Втроем мы перешли в кабинет.

Лансинг мыслил настолько одинаково с нами, что мы почти не дискутировали. Он прочитал написанный им текст, и мы его одобрили. Президент показал ему германское сообщение, переданное германским послом через меня. Лансинг взял его, чтобы снять копию, и ушел.

Президент спросил, не следует ли ему, по моему мнению, созвать на сегодня заседание кабинета. Я считал, что в этом нет необходимости; он мог созвать его завтра в обычное время, так как было решено, что паспорта Бернсторфу будут вручены не ранее утра субботы. Президент обещал председателю комиссии внешних сношений, сенатору Стоуну, не вручать паспорта Бернсторфу, предварительно не уведомив его, Стоуна. Стоун находился в Сент-Луисе, президент телеграфировал ему, чтобы он немедленно выехал в Вашингтон».

3 февраля в послании к конгрессу Вильсон объявил о разрыве дипломатических отношений с Германией. Раздосадованный и возмущенный в своих чувствах поступком германского правительства, он, тем не менее, подчеркнул мирный характер политики, которую он надеялся продолжать.

«Я отказываюсь верить в намерение германских властей совершить то, о чем они предупреждали нас, что будут считать себя вправе совершить... Даже сейчас только действительно враждебные действия с их стороны смогут заставить меня этому поверить... Мы желаем служить не корыстным целям в помыслах наших и действиях, мы хотим оставаться верными принципам нашего народа, установленным с незапамятных времен... Они образуют основы мира, но не войны. Дай бог, чтобы злостная несправедливость правительства Германии не заставила нас силой защищать эти принципы».

¹ Согласно позднему заявлению Хауза, ни он, ни президент в этой игре искусны не были.

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

Хотя полковник Хауз был убежден в неизбежности войны, он, тем не менее, использовал все свое влияние для того, чтобы предотвратить рост воинственной истерии, и предупреждал своих английских друзей, чтобы те не пытались понуждать Вильсона к действиям или торопить его. Хауз вернулся в Нью-Йорк.

«3 февраля 1917 г. Повсюду наблюдается сдержанное волнение. Поле действия — за англичанами. Все они либо звонили, либо заходили. Самым интересным посетителем был Уиллерт из лондонской «Таймс». Я посоветовал ему, так же как Дилноту из лондонской «Кроникл» и другим корреспондентам, не посылать своим газетам слишком восторженных сообщений; хотя президент и порвет дипломатические отношения с Германией, но это еще не означает войны. Я полагал, что союзники будут обрадованы новостями и в течение десяти-пятнадцати дней президент будет пользоваться популярностью. Затем последует обычная реакция, подвернется что-нибудь новое, что позволит им вернуться к своему критическому тону. Я считал, что к президенту относились несправедливо и эту несправедливость необходимо исправить.

Я утверждал, что США не испытывают никакой трусости, хотя союзники никак не могли этому поверить. С их стороны это объяснялось непониманием вещей, но тем не менее оно существовало, а мы не могли заставить себя испытывать чувства благодарности по отношению к Англии и Франции за те бои, которые они, по их мнению, вели и за себя и за нас.

В последующие дни заботы Хауза удвоились. Он проводил долгие часы с редакторами и журналистами всех направлений. Он составлял с агентами контрразведки планы на случай возможных беспорядков и заговоров. Он неустанно трудился над тем, чтобы внушить американским немцам, что их судьба неразрывно связана с судьбой Америки, и убедить их предоставить свое знание Германии на службу США.

ГЛАВА XXII

I

Даже после того, как граф фон Бернсторф окончательно убедился в разрыве дипломатических отношений, он продолжал стараться предотвратить войну США с Германией и возобновил попытки приостановить затеянную его правительством подводную блокаду.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 10 февраля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Сегодня утром ко мне пришел голландский посланник. Он сказал, что одной из причин того, что нейтральные страны не отозвались на ваш призыв, является то, что нейтральные страны в течение двух лет пытались добиться вашего сотрудничества, но вы отказывались до того момента, пока не разразился кризис.

Он полагает, что если вы созовете нейтральную конференцию в Вашингтоне и предложите, чтобы представителями на ней были посланники, то сможете добиться того, чтобы нейтральные страны присоединились к США для составления плана действий против нарушения морских прав.

Я подозреваю, что этот план внушен ему Бернсторфом, его самым близким другом в дипломатическом корпусе.

Зная что Ван-Раппард (голландский посланник) передаст Бернсторфу все мои слова, я с выгодой для себя использовал представившуюся возможность. Я дал ему кое-какое понятие о потенциальной силе нашей страны с военной, финансовой и промышленной стороны и заявил ему, что если нас толкнут на войну, то даже усилия Англии покажутся пустяком в сравнении с тем, что можем сделать и сделаем мы...

Преданный вам Э. Хауз».

15 февраля Бернсторф и чины его посольства отплыли из Нью-Йорка. Его отъезд был отмечен отсутствием враждеб-

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

ного настроения, что могло показаться удивительным ввиду циркулировавших слухов об участии германского посольства в заговорах и пропаганде. Хауз был убежден, что лично Бернсторф хорошо позаботился о том, чтобы ничего не знать об интригах фон Паппена и Бой-Эда; он был уверен в искренности и усердии посла в его стараниях предотвратить возобновление подводной войны. Впоследствии, когда были опубликованы письма Бернсторфа к своему правительству, уверенность Хауза нашла подтверждение. До того момента как Германия взяла обратно свое обязательство, данное в связи с «Суссексом», Хауз старался удержать Бернсторфа в Вашингтоне, так как видел в нем орудие, при помощи которого можно было сдерживать экстремистов в Берлине. Со своей стороны, германский посол покинул США, проникнутый самыми дружескими чувствами к полковнику.

«Сегодня утром звонил Дадли Малон, — писал Хауз 15 февраля, — и сообщил об отъезде Бернсторфа. Он сказал, что супруги Бернсторф были невыразимо грустны. Посол просил передать мне: «Кланяйтесь ему и скажите, что он мой лучший друг в Америке. Он много раз выручал меня, и если бы не он, то я не смог бы оставаться здесь так долго». Хотя эти слова несколько патетичны, но я действительно сделал многое для Бернсторфа; однако все это было сделано в соответствии с долгом, в моем понимании...»

Стремление Вильсона избежать войны не поколебало его решимости не идти ни на какой компромисс с Германией до тех пор, пока она будет продолжать подводную войну. 11 февраля Хауз узнал, что швейцарский посланник, который взял на себя защиту германских интересов в США, предложил начать переговоры о восстановлении дипломатических отношений. Чиновники министерства иностранных дел, по-видимому, опасались, что президент уступит. Но президент был непоколебим и заверил Хауза, что тот может не бояться никаких уступок.

«Из Вашингтона звонил Фрэнк Полк, — писал Хауз 12 февраля, — чтобы сообщить мне об ответе президента на гер-

ГЛАВА XXII

манские авансы, сделанные через швейцарское правительство. Вчера вечером звонил Полк и просил меня написать об этом президенту. Это я сделал, и письмо пришло к нему сегодня утром».

«13 февраля 1917 г. Полученное сегодня утром письмо от президента убедило меня, что не было оснований беспокоиться о швейцарско-германском ходе; ничего из этого не выйдет. Вильсон настаивает на том, что если они желают сейчас разговаривать с ним, то должны возобновить и выполнить обязательство от апреля прошлого года или же предложить мир на условиях, которые позволили бы нам действовать».

Отъезд фон Бернсторфа был встречен общественным мнением недвусмысленным чувством одобрения, и по крайней мере на атлантическом побережье считалось, что война с Германией почти неизбежна. Но до кабинета Хауза доходили противоречивые мнения разных кругов.

«Глава компании «Дженерал моторе» Дюрант посетил меня для того, чтобы выразить надежду, что президент избавит нас от войны. Он только что вернулся с дальнего запада и утверждает, что за весь путь — от Калифорнии до Нью-Йорка — он видел только одного человека, который хотел войны. Дюрант говорит, что мы сидим на вулкане, и война может вызвать его извержение. Я не совсем понимал его доводы и не согласен с ними. Его удивил рассказ о моей миротворческой деятельности, которую я начал перед войной и продолжал непрерывно вплоть до нашего разрыва с Германией».

Возможность начать мирные переговоры через Австрию оставляла еще одну лазейку, которую Вильсон и Хауз хотели изучить. Новый австрийский посол, граф Тарновский, приехал в Вашингтон почти одновременно с объявлением Германией своего решения возобновить подводную войну; вскоре же из Вены прибыл секретарь посла Пенфилда, привезший с собой вести, что в Австро-Венгрии все хотят мира.

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 8 февраля 1917г.

«Дорогой начальник!

...Только что приехал секретарь Пенфилда, Кардеза. Он дал мне вразумительное резюме о положении в Австрии.

Там требуют мира.

Австрийцы на ножах с венгерцами, и правительство не осмеливается созвать парламент. Многие депутаты в тюрьме. Между немцами и австрийцами большой антагонизм, но австрийские войска находятся главным образом под командованием германских офицеров.

Продовольственные условия скверные, но он считает, что австрийцы смогут протянуть еще одну зиму. Наблюдается недостаток в металлах, что является, пожалуй, самой серьезной их проблемой... Враждебного чувства к Америке почти нет.

Преданный вам Э. Хауз».

«К моему великому удивлению, — писал Хауз в момент, когда Вильсон решил отослать Бернсторфа домой, — Лансинг согласился с президентом и со мной в том, чтобы, если это окажется возможным, удержать австрийского посла. Я посоветовал президенту немедленно взяться за Тарновского и проверить, не сможем ли мы выдвинуть предложение о мире через австрийцев. Мне думается, что мы совершили ошибку, ограничившись англичанами и немцами, так как они-то и являются настоящими и самыми упорными из всех воюющих. Этот конфликт в такой большой мере вызван спором о превосходстве одной из этих двух стран, что ни та, ни другая и слышать не захотят о благоразумном мире, если их союзники не заставят их прислушаться».

Вернувшись в Нью-Йорк, полковник Хауз убедился, что либеральные элементы в английских кругах, представленные сэром Уилльямом Уайзманом, считают, что стоит попытаться действовать через Австрию¹.

ГЛАВА XXII

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 2 февраля 1917 г.

«Дорогой начальник!

...Сегодня утром я говорил с Уайзманом и убедился, что он мыслит одинаково с вами, Лансингом и мною. Он считал естественным, что вы отослали домой Бернсторфа, но выразил надежду на то, что как-нибудь удастся удержать Тарновского, через которого, по мнению Уайзмана, можно будет вести переговоры о мире, и притом в гораздо более удовлетворительной мере, чем через германское правительство, к которому союзники относятся с таким подчеркнутым недоверием...

В конце концов отправка Бернсторфа, по-видимому, окажет помощь общему делу...

Преданный вам Э. Хауз».

3

Прежде чем предпринять дальнейшие шаги против Германии, Вильсон ждал того, что он называл «прямым действием», но возможность избежать военных действий с каждым днем все уменьшалась.

«Слова президента, сказанные мне несколько недель назад, — писал Хауз 12 февраля, — о том, что наша страна в войну не вступит, по-видимому, не оправдаются, так как мы приближаемся к войне с быстротой, какой следовало ожидать».

Недоброжелатели президента жаловались, что он представил стране плыть по течению вместо того, чтобы руководить ею. Ответить на эту критику можно тем, что в течение

¹ В этот период шурином императора Карла, принц Сикст Бурбонский, офицер бельгийской армии, вел тайные переговоры, которые, как рассчитывали англичане и французы, должны были привести к сепаратному миру с Австрией. Сикста поддерживал Камбон из французского министерства иностранных дел и Ллойд-Джордж. См. *Мантейер*, Австрийское предложение о мире.

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

восемью недель, последовавших за отъездом Бернсторфа, общественное мнение убедилось, что война необходима. Преждевременное объявление войны, всякая попытка Вильсона ускорить вступление страны в войну ослабили бы впечатление, что он сделал все, что мог, чтобы сохранить мир, и решился на войну как на последнее средство защиты американской чести и безопасности. Именно это впечатление заставило даже наиболее пацифистски настроенные местности с энтузиазмом выполнять нормы рекрутского набора, и избавило страну от того, чтобы появилась категория отказывающихся от военной службы по тем или иным убеждениям.

Дурная германская дипломатия могла только укрепить в США чувство неизбежности войны с Германией. 26 февраля Фрэнк Полк вызвал по телефону полковника Хауза и сообщил, что английская морская разведка перехватила и расшифровала сенсационную телеграмму от германского министерства иностранных дел германскому посланнику в Мексике фон Экхардту. Подписанная Циммерманом и датированная 16 января, телеграмма гласила о неизбежности неограниченной подводной войны и предлагала германскому посланнику, в случае войны с США, попытаться заключить германско-мексиканский союз, предусматривающий оказание Мексике помощи в том, чтобы отвоевать для нее штаты Нью-Мексико, Техас и Аризону. Далее Циммерман рекомендовал, чтобы Карранса попытался связаться с Японией.

Полк прекрасно понимал, что опубликование этой телеграммы вызвало бы взрыв негодования по всей стране; она в огромной степени усилила бы народную поддержку президента в любом шаге, который он предпримет против Германии для защиты американских прав на море. Возможно, что это же соображение побудило англичан передать расшифрованную телеграмму в Вашингтон. Сам Вильсон был обеспокоен и опасался, не вызовет ли опубликование телеграммы кризиса, над которым он был бы

ГЛАВА XXII

не властен. Хауз настаивал на немедленном опубликовании телеграммы.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 27 февраля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я несколько не удивлен германским предложением, адресованным Мексике. Я уже давно знал, что они выработали планы создания всевозможных неприятностей для того, чтобы отвлечь наше внимание в случае открытия военных действий.

Надеюсь, что вы опубликуете сообщение завтра, оно произведет глубокое впечатление на конгресс и на страну...

Преданный вам Хауз».

Опубликование германского сообщения произвело ожидаемое впечатление. Многие, естественно, сомневались в подлинности телеграммы; но Лансинг официально заверил конгресс, а Циммерман сам сознался в ее подлинности. Строились всевозможные догадки о том, каким путем она была перехвачена: ходили слухи о том, что дипломатический курьер был схвачен американскими пограничниками на мексиканской границе, что копия с телеграммы была снята у Бернсторфа в Галифаксе, что телеграмма была найдена в тайном ящике, обнаруженном англичанами на пароходе, на котором ехал Бернсторф.

Очевидно, немцы сами не знали, как была перехвачена телеграмма. Очень немногие подозревали, что телеграмму достало не американское министерство иностранных дел, а английское адмиралтейство, передавшее ее американскому посольству в Лондоне. Тайна получения компрометирующей телеграммы строго соблюдалась даже среди союзников, и не появилось никаких нескромных намеков на то, каким именно образом она была перехвачена.

«Ко мне приходил сотрудник английского посольства Хо-

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

улер, — писал полковник Хауз 9 марта, — чтобы обсудить мексиканский вопрос... Он спросил меня самым наивным тоном, как мы получили циммермановскую телеграмму. Я ответил: «Полагаю, вы знаете». Он уверял меня, что не имеет ни малейшего об этом представления, а если посол об этом и знал, то ничего ему не сказал. Он заявил, что пожурит посла за его скрытность. У меня есть основание подозревать, что раскопать все помог Хоулер... «Блинкер»¹ Холл, глава английской морской разведки, был тем, кто достал, расшифровал и передал нам телеграмму».

Начальник морской разведки, адмирал Холл, с первых дней войны проявил гениальную способность перехватывать и раскрывать германские тайны. Он очень широко раскинул сеть и, что еще важнее, никогда не давал немцам даже повода это подозревать. В данном случае он перехватил телеграмму в городе Мексико, несмотря на утверждение фон Экхардта, что телеграммы не выходили за пределы стального сейфа и рук одного человека, который их расшифровывал и прочитывал посланнику ночью «шепотом». Это было одной из многих проделок Холла, знавшего вплоть до конца войны больше тайн германского министерства иностранных дел, чем сами немецкие шпионы. Несомненно, он сыграл свою роль в том, чтобы внушить Америке, что война с Германией неизбежна.

Менее эффективное, но гораздо большее практическое значение имела блокада американского судоходства в результате новой подводной кампании. Перед лицом германских угроз судовладельцы и пароходные компании решили не выпускать свои суда в море. Министерство иностранных дел сообщило пароходной компании «Америкен лайн», что права американских судов «пересекать все моря так же остаются в силе, как и до опубликования германской декларации, и что торговые суда нейтральной страны, если их владельцы считают, что на них может быть произведено незаконное нападение, могут принимать любые меры, чтобы предотвратить по-

¹ «Мигающий» (прим. пер.).

ГЛАВА XXII

добные нападения или сопротивляться им». Но 7 февраля было объявлено, что правительство не будет предоставлять конвойные суда. Американское судоходство постепенно сокращалось; и хотя, как указал Вильсон, это зло являлось скорее результатом страха, а не фактической угрозы, оно влекло за собой унижения и материальные жертвы, вскоре ставшие невыносимыми.

26 февраля президент выступил перед конгрессом, требуя предоставления ему права вооружать торговые суда и принимать другие необходимые меры для защиты американских граждан и имущества на морях. Его требование означало состояние «вооруженного нейтралитета», мало отличающееся от войны. Вильсон подчеркивал тот факт, что, несмотря на четыре недели ведения беспощадной войны, «прямое действие» еще не было совершено, но «глупо было бы отрицать, что положение чревато серьезнейшими возможностями и опасностями. Ни один мыслящий человек не может не видеть, что необходимость решительных действий может наступить в любой момент, если мы не на словах, а на деле собираемся защитить наши элементарные права нейтральной державы. Нет ничего неразумнее, чем неподготовленность». Президент закончил свою речь требованием соблюдения прав гуманности, «без которой нет цивилизации... Мы говорим не о корыстных материальных правах, а о правах, которые поддерживают наши сердца и основываются на законном стремлении к справедливости и на которых должны покоиться все основы семьи, государства и человечества, как на главном фундаменте нашего существования и нашей свободы».

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 26 февраля 1917 г.

«Дорогой начальник!

Я уверен, что ваша сегодняшняя речь перед конгрессом будет одобрена всеми американцами. Последние два пассажира представляют лучший образец английского языка.

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

Генри Уайт сообщил вчера вечером, что перед отъездом Бернсторф сказал ему, что, отправляя его домой, вы поступили так, как только и можно было поступить при сложившихся обстоятельствах. Он сказал, что Бернсторф глубоко сожалел о поступке своего правительства и говорил, что ваши старания привели бы к скорому заключению мира, если бы их не прервали.

Преданный вам Э. М. Хауз».

В ответ на обращение Вильсона палата представителей выдвинула законопроект о предоставлении президенту права вооружать торговые суда. Этот закон был проведен 1 марта 403 голосами против 13. 27 февраля сенатская комиссия по внешним сношениям горячо одобрила закон, вопреки резкой оппозиции со стороны председателя комиссии, сенатора Стоуна из Миссури, в течение двух лет противившегося всякому мероприятию, которое, по его мнению, ставило под угрозу мирные отношения с Германией. Под его и сенатора Лафолетта руководством была организована обструкция, угрожающая провалить законопроект, так как сессия сената автоматически заканчивалась 4 марта.

3 марта полковник Хауз приехал из Нью-Йорка для того, чтобы присутствовать при торжественном возобновлении полномочий президента¹ и при развертывании конфликта в сенате.

«Мы немедленно поехали в Белый Дом. После чая мы с президентом удалились в кабинет, где он прочитал мне свое вступительное послание к конгрессу. Оно заслуживало всяческой похвалы и не нуждалось в критике, так как представляло повторение его обращения к сенату от 22 января.

Мы были очень озабочены тем, как сенат отнесется к законопроекту о разрешении вооружать торговые суда, и ни о

¹ Вновь избранный или переизбранный в первых числах ноября президент вступает в должность 4 марта следующего года (*ред.*).

ГЛАВА XXII

чем другом мы почти не говорили. В доме были и другие гости, почти исключительно родственники...»

«4 марта 1917г. Сумрачный день, дует сильный ветер, и идет проливной дождь. Президент и м-с Вильсон уехали в Капитолий¹ в 10 ч. 30 м. Это нужно для того, чтобы президент мог подписывать законопроекты по мере их поступления из конгресса и быть готовым к принятию присяги на должность в 12 часов. Они просили меня поехать с ними, но я решил этого не делать...»

В продолжение всего томительного заседания 3 марта, вплоть до полудня 4 марта, в сенате бушевали прения по законопроекту о вооружении торговых судов; при всякой новой попытке поставить закон на голосование группа из 12 обструкционистов срывала голосование.

Единственно, чего удалось добиться подавляющему большинству, это составить манифест, подписанный 75 сенаторами, одобряющий требование президента. «Мы требуем, чтобы в протокол было внесено, что сенат сочувственно относится к законопроекту и провел бы его, если бы оказалось возможным осуществить голосование» — гласил манифест.

«По возвращении, — писал полковник Хауз, — президент оказался очень возбужденным и резко нападал на кучку сенаторов, которые воспользовались регламентом сената для того, чтобы отвергнуть желание большинства в вопросе о вооружении торговых судов. Я посоветовал ему немедленно заявить публично то, что он сказал мне. Он ответил, что не включил этого в свое вступительное послание, потому что испортил бы этим текст послания, но он заявит об этом через несколько дней. Я настаивал, что надо ковать железо пока горячо и заявление ему следует сделать сейчас с тем, чтобы оно появилось завтра утром в газетах. Он усомнился в том, сможет ли так быстро все проделать, но заявил, что попытается..

После обеда он почти до позднего вечера просидел запершись и составил заявление для опубликования в утрен-

¹ Здание законодательных собраний в Вашингтоне (прим. пер.).

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

них газетах. Затем он вызвал Мак-Аду, Бёрлсона и Томолти, чтобы обсудить заявление. Все они единодушно одобрили этот шаг».

Заявление Вильсона было опубликовано через несколько часов после роспуска конгресса и имело огромное значение. Оно способствовало формированию общественного мнения, оскорбленного поведением обструкционистов, и требовало определенных действий после стольких промедлений. Более того, это заявление обрисовало президента как вождя и помогло изгладить из памяти то, что многие расценивали как бездеятельность и трусость перед лицом германских оскорблений. Это заявление было, пожалуй, еще ценнее оттого, что показало сильные скрытые чувства этого человека, которого так часто считали лишенным всяких чувств. «Маленькая группка упрямых людей, — заявил президент, — не представляющих ничьего мнения, кроме собственного, сделала великое правительство США беспомощным и достойным презрения». Охватившая всю страну волна возмущения подтвердила обвинение, выдвинутое президентом и ободрила его настолько, что он мог приступить к необходимому вооружению судов, что позволяла ему его исполнительная власть. 12 марта Лансинг заявил, что правительство решило «прикомандировать ко всем американским торговым судам, пересекающим запрещенные зоны, вооруженную охрану для защиты судов и жизни находящихся на борту людей».

4

Вся страна ждала, чтобы президент ее повел. На следующий день после его послания к конгрессу, которому он заявил, что прямое действие еще не было совершено, подводная лодка потопила без предупреждения пароход компании Кюнард «Лакония». Погибли 12 пассажиров, из которых двое, обе женщины, были американскими гражданами. Две недели спустя, 12 марта, без предупреждения был потоплен американский пароход «Алгонкин», везший продовольствие

ГЛАВА XXII

из Нью-Йорка в Лондон. Команде удалось спастись и после 27-часового плавания на шлюпках добраться до Силийских островов. Неделью спустя, в понедельник 19 марта, были получены известия, что в течение 24 часов подводными лодками было Потоплено три американских парохода, причем при потоплении одного из них, «Виджилансия», погибло 15 человек из команды.

Медлительность Вильсона в принятии более решительных мер, чем те, которые были предусмотрены «вооруженным нейтралитетом», вызвала резкие комментарии за границей и беспокойство внутри страны. Как предсказывал Хауз, отправка Бернсторфа на время высоко подняла американский престиж в союзнических странах, но престиж начал быстро падать, когда оказалось, что дипломатический разрыв не привел к немедленной войне.

Вильсон продолжал скрывать свои намерения, но Хауз, несмотря на свое убеждение в том, что президент должен принять решительные меры, отказался его торопить, будучи уверенным, что его призовут в Вашингтон прежде, чем кризис развернется в полном объеме. 24 марта Лансинг в отчаянии обратился к советнику президента.

«Лансинг не имеет ни малейшего представления, — писал Хауз, — о том, что президент собирается объявить в своем послании к конгрессу. Вчера он видел президента и разными способами пытался разгадать его замыслы, но потерпел неудачу. Он хочет, чтобы я написал президенту и сообщил ему, что, по моему мнению, следует сделать, считая, что мой совет будет соответствовать его, Лансинга, мнению. Он так же, как и я, заинтересован в том, чтобы президент взял дело в свои руки и не позволил конгрессу действовать по-своему».

Вильсон очевидно решил, что наше вступление в войну должно было быть основано на здравом суждении, а не на поспешных эмоциях. «Мы не должны поддаваться нашим чувствам», — говорил он несколько дней спустя. В то время как Хауз выражал согласие на отсрочку для того, чтобы иметь

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

время на сухопутные и морские приготовления, Вильсону эта отсрочка нужна была для того, чтобы убедиться в том, что от войны спасения не было. Шаг, к которому он готовился, представлял нарушение всего того, что ему до сих пор казалось самым священным в его политическом веровании. Часто им овладевали чувства, толкавшие его на борьбу, но он решительно подавлял их и прислушивался лишь к голосу своей совести кальвиниста. Эта внутренняя борьба, вероятно, была упорной. Вашингтон и весь мир выжидали.

Хауз был уверен в окончательном решении президента. 21 марта он писал Пэйджу:

«Что касается нас, то мы уже сейчас вовлечены в войну, даже если формальное объявление не произойдет до 2 апреля, т. е. до дня заседания конгресса. Все министерства готовятся со всей возможной поспешностью, но даже и в таком случае потребуется время, чтобы быть в состоянии отразить попытки немцев уничтожить наше береговое судоходство, когда их подводные лодки будут шнырять вблизи наших берегов».

Влияние полковника на президента Вильсона было в значительной мере результатом его неизменного спокойствия и нежелания навязывать президенту свои аргументы. Когда же он окончательно решил, что настало время обсудить положение с Вильсоном, то приступил к этому без всяких ссылок на загадку, сводившую с ума всю столицу, и без показных заявлений.

Письмо Хауза президенту

Нью-Йорк, 25 марта 1917 г.

«Дорогой начальник!

Если вам удобно, то я приеду во вторник, так как желал бы переговорить с вами о некоторых вещах... Не сможете ли вы по получении этого письма телеграфировать мне, устраивает ли вас мой приезд, или же вы предпочитаете, чтобы я отложил его до другого раза.

Преданный вам Э. Хауз».

ГЛАВА XXII

Полковник не стал ждать ответа. На следующий день он имел продолжительную беседу с Говардом Коффином из совета национальной обороны; этот разговор очень встревожил Хауза. «Беседа, — писал он, — заставила меня окончательно решиться поехать завтра в Вашингтон и переговорить обо всем с президентом. Кроме того, я должен говорить с ним о его послании к конгрессу, которое некоторым образом будет самым значительным посланием».

Хауз убедился, что президент, наконец, понял, что спасения от войны не было. Изо дня в день он боролся с собой в надежде найти какой-нибудь другой выход. «Что остается мне делать? — сказал Вильсон. — Могу ли я поступить иначе?»

«27 марта 1917 г. Я сел в поезд, отправляющийся в Вашингтон в 11 ч. 08 м., — писал Хауз. — Поездка была спокойной, и я отдохнул. На вокзале меня встретил Фрэнк Полк и отвез меня в Белый Дом. Президент меня ждал. Только что он кончил с заседанием кабинета, который стал собирать теперь во второй половине дня. Он чувствовал недомогание и жаловался на головную боль. Мы отправились в его кабинет и обсуждали разные вопросы, главным образом его предстоявшее послание.

Президент спросил, следует ли ему, по моему мнению, потребовать объявления войны от конгресса или же самому заявить, что состояние войны существует, а у конгресса испросить необходимые средства для ведения войны. Я посоветовал ему последнее. Опасался я того, что если он предоставит конгрессу объявить войну, то завяжутся резкие прения».

По-видимому, полковник Хауз считал, что президент должен встретить кризис преисполненным одновременно покорности и решимости. Он приступил к выполнению деликатной задачи: заставить президента сперва почувствовать необходимость сделать над собой особое усилие, а затем внушить ему, что таким путем задача сможет быть успешно решена.

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

«Я заявил ему, что в его правлении наступил кризис, совершенно отличный от всего того, с чем он до сих пор сталкивался, и мне хочется, чтобы он встретил его достойным образом, так чтобы его влияние не уменьшилось в момент, когда он приступит к великой работе, которая неизбежно предстоит после окончания войны. Я сказал ему, что хотя бывали более сложные ситуации, из которых он выходил с честью, но именно для нынешней ситуации он не очень приспособлен. Это он признал и сказал, что при существующих условиях он не считает себя пригодным для президентства вообще. Я сказал ему, что, по-моему, он слишком утонченный, слишком цивилизованный, слишком умный и слишком воспитанный человек, чтобы не понимать чудовищности и абсурдности войны. Для того же, чтобы вести жестокую, энергичную и успешную войну, требуется человек более грубых нравов и не такой философ, как он».

Обрисовав перед Вильсоном его недостатки с тактом, не задевшим самолюбия президента, и с откровенностью, которая удивила бы тех, кто утверждал, что президент прислушивается только к голосу лести, полковник стал ободрять его, перечисляя преимущества его положения и прошлые успехи его правления во внутренних делах.

«Я заставил его почувствовать, — как впоследствии говорила мне м-с Вильсон, — что стоявшая перед ним задача была не так трудна, как ему казалось. Мои доводы сводились к одному: то, что нам предстояло проделать, было тщательно взвешено в других странах; нам же оставалось положиться на опыт и не тревожиться о том, как это будет выглядеть со стороны. По-моему, гораздо труднее было в свое время заставить более или менее несведущее и дезорганизованное собрание людей в конгрессе провести закон о федеральном резервном банке, тарифный закон, закон о панамских пошлинах и тому подобные мероприятия.

В моих глазах дело рисовалось так: он поставил ставку на то, что войны не будет, и проиграл; но страна зачтет это ему в

ГЛАВА XXII

пассив только в том случае, если он не проведет успешно самую войну... Он слушал меня с благожелательным и сочувственным видом, и хотя возражал на многие мои доводы, но делал это в спокойном тоне».

На следующий день Вильсон приступил к обсуждению с Хаузом сущности послания к конгрессу, в котором он должен был объявить о фактическом состоянии войны. Интересно отметить, что всего лишь за пять дней до произнесения этой величайшей в его карьере речи президент набросал вопросы, которых он собирался коснуться. Заботу о фразеологии он отложил на самый конец.

«После вечернего разговора он составил тезисы, которые я одобрил... Он проведет грань между германским народом и теми, кто вовлек его в эту катастрофу... То же самое я советовал сделать английскому правительству, но оно этого так и не сделало; надеюсь, это будет сделано теперь. Моей целью было и осталось сокрушить германское правительство, разжегши пламя за его спиной в Германии...¹ Таков лейтмотив речи, который я настойчиво просил его усвоить: это — война за демократию и война за германский народ в такой же мере, как и война за другие страны».

Хауза осаждали члены кабинета, стремившиеся заранее узнать, в какой мере вильсоновская политика удовлетворит их собственным устремлениям.

«Сегодня утром президент играл в гольф, — писал полковник Хауз 28 марта. — Моим первым посетителем был Мак-Аду. Он оставался у меня почти все утро, пока я не сказал ему, что мне нужно идти к президенту, который вернулся и ждет меня в своем кабинете. Мак-Аду хочет войны — войны до конца. Он заявил, что его аппетит к войне на-

¹ Хауз выдвигал эту идею еще во время первого кризиса в связи с потоплением «Лузитании». 3 июля 1915 г. Хауз писал Вильсону из Лондона: «В случае войны с Германией я посоветовал бы обратиться с посланием к конгрессу, возложив вину за этот ужасающий конфликт на кайзера и его военное окружение; я выступил бы с идеей оправдания великой массы германских граждан, заявив, что мы боремся как за освобождение Европы, так и за их освобождение. Это оказало бы прекрасное действие на американских немцев».

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

столько силен, что ему хотелось бы покинуть кабинет, собрать полк и отправиться на фронт. Все трое его сыновей поступили добровольцами в армию. Мы говорили о том, как финансировать войну и каким налоговым обложением покрыть расходы...»

5

Вечером 2 апреля Вильсон выступил перед конгрессом, потребовав, чтобы было объявлено состояние войны между США и Германией. Каковы бы ни были все его колебания в прошлом, теперь, когда он подал сигнал к действию, его руководство было встречено с восторгом. «Конгресс, — сообщали газеты в порыве патриотического энтузиазма, — разразился нескончаемой овацией».

«Нынешняя германская подводная война против торговли, — заявил Вильсон, — есть война против человечества. Это — война против всех народов... Каждая страна сама должна решить, как ей действовать. Наш выбор должен быть сделан на основании хладнокровной оценки и умеренного суждения присущих нашему характеру и нашим стремлениям, как нации. Мы должны отложить в сторону чувство возбуждения. Нами двигает не жажда мщения или победоносного утверждения физической мощи страны, но только борьба за право, за человеческое право, лишь одним из поборников которого мы являемся... Есть один только выбор, на котором мы не можем остановиться, который мы не можем сделать: мы не изберем пути смирения... С глубоким сознанием торжественного и даже трагического значения шага, который я предпринимаю, и серьезной опасности, которую он за собой влечет, но неизменно подчиняясь тому, что я считаю своим конституционным долгом, я советую конгрессу объявить путь, на который недавно встало императорское германское правительство, не чем иным, как фактической войной против правительства и народа США...»

ГЛАВА XXII

Заявив о своем решении, Вильсон начал освобождаться от охватившей его агонии неуверенности; но он полностью обрел уверенность, необходимую для обеспечения твердого руководства лишь после того, как окончил свою речь и понял всю силу общественного мнения, поддержавшего его образ действий. 1 апреля президент заявил Фрэнку Коббу из газеты «Уорлд», что ни разу в жизни не испытывал он такой неуверенности, как тогда, когда он принимал это решение.

«В течение дня президент оставался, по-видимому, спокойным, — писал Хауз 2 апреля, — но в действительности я мог видеть признаки нервности. Все мы только то и делали, что пытались убить время до тех пор, пока его не пригласят в Капитолий. Утром он сказал мне, что решил выступить не позднее трех часов, иначе создается скверное впечатление, будто он несвоевременно ускорял ход событий. Я был иного мнения и убедил его быть готовым выступить перед конгрессом в любое время — как только конгресс выразит желание выслушать его. Получилось так, что президент начал говорить без двадцати минут девять и кончил приблизительно через 32 минуты. Я внимательно следил за временем.

Пообедали мы рано, в половине седьмого, так как стало известно, что конгресс собрался и будет готов принять президента в восемь часов. Мы говорили о чем угодно, кроме основного вопроса. На обеде присутствовали только члены семьи, приехавшие в Вашингтон, чтобы выслушать послание президента к конгрессу; никто не упоминал о предстоящем выступлении.

Когда мы вернулись из Капитолия, то президент, м-сс Вильсон, Маргарет и я собрались в Овальной комнате и говорили о речи так, как между членами семейства принято обсуждать какую-нибудь новость. Я передал президенту вырезку из «Каррент опинион», содержащую заграничные высказывания о президенте. Он прочитал их вслух, затем мы поговорили об этой статье. Я считал, что президент в отношении политики занял позицию, которую еще не занимал ни один государственный деятель. Его, казалось, удивили мои

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

слова; он заявил, что, по его мнению, о тех же самых принципах заявляли Уэбстер, Линкольн и Гладстон. Я с ним не согласился. Я считал, что он еще не до конца видел путь, который он осветил. Из современных государственных деятелей единственный, кто придерживался аналогичных взглядов, был Мадзини; других, насколько я знаю, нет. Я видел, что президент обрадован тем, что напряженный момент прошел, жребий брошен. Я знал, что так произойдет».

Сравнивая Вильсона с Мадзини, Хауз имел в виду главным образом умение президента пророчески отображать бессознательные чаяния простых людей. Эта способность составляла основу права Вильсона на политическое величие. В меньшей степени оправдывается утверждение о его оригинальности. В его идее войны как крестового похода многое напоминало Уэбстера и Линкольна. Война ради национальной свободы, ради демократии, за благосостояние человечества — все это для истории ничего нового не представляло.

Но если Вильсон мало нового сказал в своем послании от 2 апреля, он зато со всей силой напомнил об идеалах, о которых за время мировой войны никто другой не сказал с такой определенностью. Поколение того времени не слышало, чтобы эти идеалы проповедовались с таким красноречием, а главное, с такой авторитетностью, как в послании Вильсона, ибо в качестве президента США он был самым влиятельным человеком в мире. Цели борьбы были неясны. Как Хауз уже указывал, народ не понимал, из-за чего все разгорелось. Вильсон разъяснил эти цели и сразу занял положение лидера.

Ясным языком он подчеркнул великое, но плохо выраженное до того стремление всех народов: это война, чтобы покончить с войной. Надо создать новый международный порядок вещей, основанный на свободе, на единодушии в целях и действиях, которые впредь обеспечат соблюдение мира и справедливости во всем свете в противовес корысти и автократии. Этой цели Вильсон посвятил всю свою политику. Ради нее он терпел уклончивые заявления Центральных держав и презрение Антанты. Он придерживался нейтраль-

ГЛАВА XXII

ности не из трусости, — ему лично и стране в целом бояться было нечего, — а только потому, что был твердо убежден, что миру нужна была по меньшей мере одна великая держава, которая исходила бы из принципов мира и справедливости. «Вступление Америки в войну, — заявил президент Коббу, — значило бы, что мы вместе с остальными теряем голову и перестаем отличать добро от зла. Война означала бы, что большинство народа в нашей части света сошло бы с ума от войны, перестало бы соображать и посвятило бы себя разрушению... Война означает попытку военными методами переделать цивилизацию мирного времени. Следовательно, к концу войны не оказалось бы никого, кто, оставаясь в стороне, обладал бы достаточной властью, чтобы оказать влияние на условия мира. Не останется даже мирных методов работы. Будут одни военные методы... Если наш народ вовлекут в войну, он забудет о терпимости... Если есть какой-нибудь другой путь, то, ради бога, давайте вступим на него».

Действия Германии не оставляли выбора. Но президент сошел с пути нейтралитета твердо убежденным, что постольку, поскольку ему позволяла его власть, он будет вести навязанную стране войну для того, чтобы обеспечить мир. За 18 месяцев перед этим, 10 ноября 1915 г., полковник Хауз писал ему: «Мы должны использовать все влияние нашей страны ради поддержания плана, посредством которого должны быть соблюдены международные обязательства, и ради плана, посредством которого можно будет сохранить всеобщий мир».

Вильсон согласился на роль и взялся выполнить задачу, гораздо более тяжелую и сложную, чем задача победить Германию на поле брани.

«Ужасно, — заявил он, — вести этот великий мирный народ на войну, на самую страшную и разрушительную из всех войн, когда на чашу весов брошено дело всей цивилизации. Но право более драгоценно, чем мир, и мы будем сражаться за то, что всегда было наиболее близко нашим сердцам, — за демократию, за право тех, кто подчиняется власти, чтобы

КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ

иметь голос в своем собственном правительстве, за право и свободу малых народов, за всемирное торжество права на путях такого содружества свободных народов, которое принесет с собой мир и безопасность всем странам и наконец освободит весь мир. Такой задаче мы можем посвятить наши жизни и наши богатства — все, что есть мы, и все, что мы имеем, с гордостью людей, знающих, что наступил день, когда Америке дано почетное право пролить свою кровь и употребить свою мощь ради принципов, давших ей рождение, и счастье, и мир, которыми она всегда дорожила. Иначе она поступить не может».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Полковник Хауз	5
<i>Глава I. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА</i>	28
<i>Глава II. ГРАНДИОЗНАЯ ЗАТЕЯ</i>	50
<i>Глава III. ВИЛЬСОН И ВОЙНА</i>	89
<i>Глава IV. ПЛАНЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА</i>	126
<i>Глава V. В ПОИСКАХ МИРА</i>	157
<i>Глава VI. СВОБОДА МОРЕЙ</i>	186
<i>Глава VII. ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ ПРОТИВ БЛОКАДЫ</i>	215
<i>Глава VIII. ТЕРПЕНИЕ ВУДРО ВИЛЬСОНА</i>	249
<i>Глава IX. ПОТОПЛЕНИЕ ПАРОХОДА «АРАБИК»</i>	268
<i>Глава X. АМЕРИКА И СОЮЗНИКИ</i>	283
<i>Глава XI. ПЛАН ФОРМИРОВАНИЯ МИРА</i>	303
<i>Глава XII. ВТОРАЯ ПОПЫТКА</i>	326
<i>Глава XIII. ЕВРОПА В ТУПИКЕ</i>	347
<i>Глава XIV. АМЕРИКА ПРЕДЛАГАЕТ ПОМОЩЬ</i>	372
<i>Глава XV. ПОСЛЕ ПОТОПЛЕНИЯ «СУССЕКСА»</i>	408
<i>Глава XVI. СОЮЗНИКИ ОТКАЗЫВАЮТСЯ ОТ ПОМОЩИ</i> . . .	436
<i>Глава XVII. НАСТРОЕНИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ</i>	462
<i>Глава XVIII. ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ</i>	489
<i>Глава XIX. ПЕРЕИЗБРАНИЕ ВИЛЬСОНА</i>	510
<i>Глава XX. ГАЗЕТНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО</i>	530
<i>Глава XXI. ПОСЛЕДНИЕ НАДЕЖДЫ НА МИР</i>	552
<i>Глава XXII. КОНЕЦ НЕЙТРАЛИТЕТУ</i>	574

Научно-популярное издание

Историческая библиотека

АРХИВ ПОЛКОВНИКА ХАУЗА

Избранное в двух томах Т. 1

Зав. редакцией ***Т. Минеджян***

Редактор ***И. Александров***

Художественный редактор ***Л. Сильянова***

Технический редактор ***О. Серкина***

Корректор ***А. Князева***

Компьютерная верстка ***Е. Бондаревой***

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, 28

ООО «Издательство Астрель»

143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, 81

Наши электронные адреса:

www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

Редакция приглашает к сотрудничеству авторов:

E-mail редакции: artshist@arstrel.ru;

tatyanam@astrel.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП

«Издательство «Самарский Дом печати».

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Добиться гегемонии США в мире, вывести звездно-полосатую республику на высшую ступень мирового могущества — такую цель ставили американские политики и стратеги еще в десятилетиях XX века. Идеальным вдохновителем этих замыслов был полковник Хауз — закулисный политик, связанный лично с 28-м американским президентом Вудро Вильсоном (1913—1921). Он формировал политику администрации президента, ориентируя ее на овладение мировыми очагами.

Возглавляемый Хаузом мозговой центр создал документ, вошедший в историю как «Четырнадцать пунктов» Вильсона. Основываясь на этом документе, президент США замахивался на мировое переустройство. В разгар Первой мировой войны он стремился воспользоваться историческим шансом для создания нового мирового порядка.

Для всех, кто интересуется вопросами истории, эта книга является культовой, ей нет равных. Прояви вкус, читатель, внемли огромному опыту тех, кто верой и правдой служил своей стране, отстаивая ее интересы за столом переговоров, на которых решались судьбы мира.

Историческая библиотека

ISBN 5-17-025224-2

9 785170 252244